

**Цикл
МНОГОЛИКИЙ СТРАННИК**

ТОРЛОН. ЗИМНЯЯ ЖАРА

Предыдущие книги цикла:

«Торлон»

«Торлон. Война разгорается»

**Из живой летописи Вайла'туна, собственноручно ведомой
Скелли, главным писарем замка**

3768-й день моей Службы

... Сегодня под вечер из Пограничья возвратился Локлан, сын Ракли. Вернулся он не один, а с пленной рыжей дикаркой и неведомым пришельцем, который называет себя Вилом, что-то постоянно лепечет на своем странном наречии, но почти не понимает ни языка вабонов, ни даже кенсая. Удалось лишь разобрать его имя да имя той земли, откуда он будто бы прибыл – не то Антлия, не то Англия, не то как-то ещё. Вида он совсем нашего, но грязен, слаб и напуган. И это при том, что, по словам поймавшего его Локлана, пришелец сей странствовал по Пограничью с доспехами самого Дули, первого истинного героя Вайла'туна, несчётное число зим назад сгинувшего в Мертвом Болоте. Доспехи тотчас же забрал себе Ракли, но я надеюсь поутру увидеть их и удостовериться в их подлинности...

3777-й день моей Службы

... Утром пришла из Пограничья новая весть. Шеважа, эти смердящие дикари, познали тайну Огня и спалили заставу, ту самую, которую недавно посещал с проверкой Локлан. Пришла весть эта в лице чудом спасшегося подмастерья по имени Хейзит и нескольких уцелевших виггеров, сопровождавших его. Воистину было сказано, что радость ползёт на брюхе, а беда мчит на крыльях! Как бы я хотел, чтобы если уж кто явился, так кто-нибудь иной, а Хейзит этот пусть бы сгинул в пламени следом за отцом своим, строителем Хоканом! Так ведь он ещё исхитрился придумать какой-то способ получать камни, что давно у нас истощились, из простой глины. Придумал и Ракли им соблазнил. Да так умело, что тот отряжает ему теперь силфуров немерено на постройку пекарни, а меня вынудил ещё и верительными грамотами его снабдить. Тэвил да покарает их всех за скудомыслие и непотребства!..

3781-й день моей Службы

... Воистину нет конца тому, начало чего покрыто туманом! Кто бы мог подумать, что мой предтеча, бывший главный писарь замка, этот полудохлый старик Харлин, подобно своему юному дружку Хейзиту не только переживёт пожар в собственной лачуге, но и унесёт ноги в неизвестном мне пока направлении. Подозреваю, что свитки «Сид'э» он прихватил с собой. Как бы мне хотелось задушить его собственными руками! Ну да ничего, ничего, мои ищейки уже идут по следам и скоро будет уничтожен последний список...

3793-й день моей Службы

... Давеча сведущие люди мне донесли, будто бы шеважа осмелели настолько, что объявились с самыми серьёзными намерениями на окраине Пограничья и даже дерзнули открыто напасть на тун, коим верховодит этот пронырливый карлик Тэрл. А примечательней всего то, что не успели они подпалить деревянные ворота, как на них с тыла обрушился никем доселе не виданный всадник и разметал дикарей что малых щенят. После чего так же таинственно скрылся в неизвестном направлении. Остаётся лишь гадать, откуда он и на чьей стороне...

3799-й день моей Службы

... Локлан сбежал! Говорят, последний раз его видели на торжестве у Томлина, доверенного ростовщика Ракли. Вместе с ним ушли несколько близких ему людей, включая рыжую дикарку, которую он явно облюбовал, чужеземца Вила и кое-кого из воинов. Обиднее всего, что пропала и Орелия, дочь его слуги Олака, в судьбе которой я принимал немалое участие и на которую имел свои виды. По слухам они дерзнули бросить вызов Бехеме и попытались переплыть её стремнину. Младенцы! Я буду рад, когда найдут их тела...

3809-й день моей Службы

... И первый день Зимы...

3813-й день моей Службы

... Сбылось то, на что я надеялся, но что даже не помышлял доверить этим страницам: Ракли поплатился за своё самомнение и свою гордыню. Сегодня после полудня доверенные люди Демвера Железного и Тивана схватили его и бросили в подземелье. Пусть пока там остынет. Теперь путь открыт, и никто не сможет помешать мне совершить задуманное. Осталось лишь покончить с Хейзитом и его глиняными камнями, которые не должны стать всеобщим достоянием и лишить нас многих выгод. Надо уничтожить его печь, а карьер засыпать...

3818-й день моей Службы

... Чудеса продолжают сбываться моими молитвами! Строительству печи будет не сегодня завтра положен конец под вполне простительным предлогом: не то из Пограничья, не то из верховьев Бехемы явились новые неведомые супостаты гигантского, говорят, роста и учинили на карьере резню. Нужно спасать беззащитных строителей. И Хейзита в том числе...

3820-й день моей Службы

... Хейзит сбежал из-под самого носа у Гийса, сына Демвера Железного. Ему помогли, иначе быть не может. Сдаётся мне, что сам Гийс, будь он неладен. Потому что они увели с собой и его. Прямо из таверны матери Хейзита. А её бывший воздыхатель, торговец оружием Ротрам, самолично встал на защиту и помешал свершиться правосудию. Надо будет при случае его призвать и прощупать. Если он окажется не торговцем, а торгашом, мне такой человек пригодится...

3824-й день моей Службы

... Вот уж воистину будет сказано: где убавится, там и прибавится! Я ждал, что с появления того самого Вила начнут происходить странные вещи, но кто бы мог подумать, что настолько! Следом за Вилом объявился неведомый всемогущий всадник, за ним – гиганты у карьера. Тем временем пропал Локлан, бежал Хейзит, исчез Гийс, а нынешним утром обнаружилось, что с совета в Обители Матерей так и не вернулся Сима, которого я в бодром здравии видел накануне. Только я получил эту тревожную весть, как выяснилась и другая

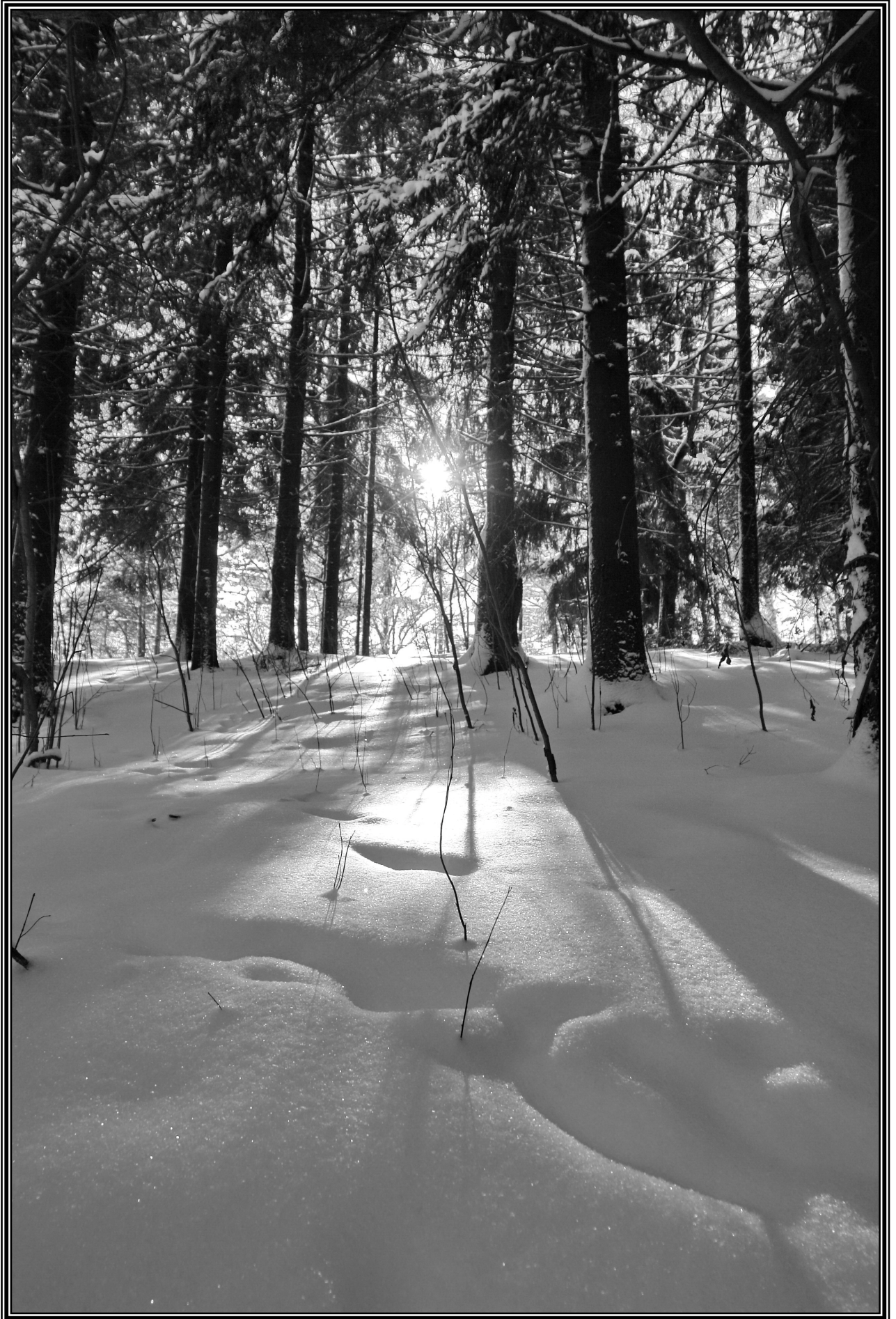
пропажа, куда как более важная, тем паче что двойная: из хранилища были похищены доспехи Дули и не пришёл на обычный с недавних пор ужин в тронной зале Демвер Железный. Связано ли одно с другим? Боюсь, что да, хотя пока не знаю, каким именно образом. Предателем Демвер точно не был. Разве что судьба сына тяготила его в последние дни...

3827-й день моей Службы

... Многое выяснилось, но ещё больше покрылось мраком. Сима нашёлся! И спас его от верной гибели не кто иной, как Гийс, сбежавший от Хейзита и его семейства. Оказалось, что они встретились где-то в коридорах подземелья и ушли вместе на окраину, к самому Пограничью. По словам Гийса, он видел труп отца. По словам Симы, таковым Демвера сделал сам Гийс. Я этого пока не могу до конца осознать, но очевидно, что мальчик вырастает в большую и опасную змею, которую проще пригреть, нежели поймать. Тэвил, дай мне силы довести задуманное до конца!..¹

---

¹ Подробности этих событий любознательный читатель может при желании почерпнуть из романов «Торлон» и «Торлон. Война разгорается» - <http://torlon.jimdo.com>

ЧАСТЬ 1

Боец

День у Валбура не заладился с самого утра.

Стоило тащиться в такую даль, чтобы увидеть на рыночной площади кислую морду Минтела, местного торговца, которому Валбур ещё до первых холодов сбаврил все свои корзины в надежде выручить за них хоть сколько-нибудь лишних силфуров² и в коем-то веке обзавестись приличным мечом. Сегодня он был вынужден убедиться в том, что корзины как лежали вдоль задней стены лавки, так и лежат, а сам Минтел по-прежнему поёт свою любимую песню:

- Плохо идут. Ручки крепкие. Все, кому нужно было, купили, а им и сносу нет. Предупреждал тебя, надо похуже было делать, чтобы отрывались или дно отваливалось. Теперь вот не берут совсем.

Валбур смотрел в вытаращенные глазки Минтела и еле сдерживался, чтобы не садануть ему кулаком по скошенному подбородку. Так бы и удавил на месте собственными руками. Разве ж можно делать для людей товар таким, чтобы его через день-другой выбрасывать? Что будет, если кузнецы станут так же к оружию своему относиться? Вышел на бой, махнул мечом – а в руке одна рукоятка осталась. Рваная корзина к смерти не приведет, да только в любом случае нерадивого плетельщика ждал бы сокрушительный удар по гордости и самолюбию. Минтел этого в толк взять никак не мог и, похоже, не пытался. У торгашей, как лишний раз мог убедиться Валбур, совесть всегда чиста. Хотя бы в силу того, что она у них напрочь отсутствует, проданная вместе с чужим товаром.

Стоило же ему пересчитать оставшиеся корзины и напомнить Минтелу, что забирал он три дюжины, а десятка уже не хватает, то есть, что неплохо было бы, однако, поделиться барышом, тот расхрабрился, наговорил ему в ответ кучу гадостей, сказал, что, мол, проданы они были за сущую мелочь, от которой до сего дня ничего не осталось, уйдя на текущие расходы, и на полном серьезе предложил возмущенному до последней крайности Валбуру, если он недоволен, забрать все оставшиеся плетёнки с глаз долой – пусть что хочет, то с ними и делает.

У Валбура давно был соблазн самому постоять на рынке да поторговать честь по чести плодами своих трудов, только вот ещё в давнюю пору он удосужился выяснить, что дело это непростое и весьма затратное. Сегодня он имел возможность в том лишний раз убедиться, покинув Минтела и найдя, не без труда, рыночного зрителя. Тот про-

---

² Серебряная монета.

хаживался между рядов в сопровождении двух вооруженных охранников. Приближение не менее внушительной фигуры Валбура его явно напугало, но когда он смекнул, о чём разговор, речь его снова приобрела безразличный и надменный характер.

- С некоторых пор здешний постой подорожал, мил человек. Те цены, что ты называешь, давно уж удвоились, в лучшем случае.

- Что? Как это – удвоились? Почему?

- Да кто же их знает! Удвоились и всё тут. Все так платят теперь. Не хочешь – не плати. Охотников предостаточно найдется.

- Это с каких же пор?

Смотритель что-то невнятно кинул ему насчет смены власти в замке и с независимым видом двинулся своей дорогой.

Валбур несолоно хлебавши вернулся к заветному прилавку и застал Минтела продающим одну из его корзин. Старушка осталась покупкой довольна и недоверчиво покосилась на широкоплечего богатыря, без стеснения взявшего продавца за грудки.

- Не продаются, говоришь!

- Случайно вот эту продал, - лепетал Минтел, тщетно пытаясь оторвать от ворота железные пальцы. – Один силфур, так и быть, уступлю за неё.

Валбур отпустил его, взял монетку, и потребовал ещё. Положение жалкого попрошайки приводило уважающего себя фолдита³ в ярость, однако он рассчитывал на причитавшиеся ему деньги, а выходило, что домой ему снова возвращаться порожняком. Не говоря уж о не купленном мече. Поэтому он вынужден был до конца выслушать отповедь вновь осмелевшего торгаша, который заговорил о том, с чего когда-то начинал свои хитрые переговоры.

- Сам видишь, Валбур, очень слабо твой товар расходуется. Цену, если помнишь, ты устанавливал. Я её само собой придерживаюсь, не падаю и не отступаю.

- Понижай.

- Я понижу, ты уедешь, народ прознает, придет, захочет вдруг купить, тут бы цену и поднять, а я не могу, не пошлю же за тобой за тридевять земель, вот и окажемся мы в убытке.

- Откуда ж убытку взяться?

- А оттуда, что продать можно было выгоднее. Но это я так, мечтаю, знаешь ли. Ничего такого не будет. Вот увидишь. Если ещё ждать вздумаешь. Хотя на твоём месте я бы поступил куда как умнее, продав мне остатки оптом.

- Это по дешёвке что ли?

- Отчего же по дешёвке? Ты сколько корзин насчитал? Двадцать две? Вычешь ещё одну. Итого двадцать одна. За тридцать силфуров готов забрать. Поди плохо! Договорились, разбежались и спим спокойно.

---

³ Крестьянина

- Ты спать-то погоди, приятель, - проворчал Валбур, прикидывая в уме выгоду от такой сделки. Выгода была невелика, полмеча за такие деньги не купишь, но это всё ж таки лучше, чем вовсе пустой кошель, не считая одной случайной монеты. – За сороковник давай.

- Э-э, куда хватил! Такие деньги я за них сам ещё вряд ли выручу.

Сторговались, одним словом, на тридцати четырех. Валбур оставил без внимания протянутую для рукопожатия влажную руку Минтела и отправился, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого рассадника головных болей, завистливых мыслей и прочих недугов Малого Вайла'туна.

Вскоре выяснилось, что глаза его глядели в сторону ближайшей таверны, куда он никогда прежде не заходил, предпочитая отойти подальше да зато понадежнее – в таверну «У Старого Замка». Но та, как он знал, вот уже некоторое время закрыта по причине скоропостижного бегства прежних хозяев. Во всяком случае, так ему рассказывал приятель Йорл, который частенько вынужден был мотаться сюда с поручениями от аола⁴ Артаима и с которым они не раз сживали там за хлебосольным столом радушной Гверны и её хорошенькой дочки, кажись, Веллы или вроде того. Толком о том, что же произошло «У Старого Замка», ни Йорл, ни кто из их знакомых не знал. Поговаривали, будто у Хейзита, сына Гверны, лучшей стряпухи в округе, были слишком тесные отношения с беглым сыном бывшего властелина замка, Локланом. Отец последнего, Ракли, ещё до зимы оказался схваченным заговорщиками из военных кланов и не то казнен втихари, не то брошен в темницу. Локлан же, не дожидаясь, когда и его настигнет кара за бездарное правление отца, скрылся в неизвестном направлении, и все поиски до сих пор ничего не дали. Теряясь в догадках, бездельники от нечего делать пустили слух, мол, он подался на тот берег грозной и многоводной Бехемы, хотя даже ребенок знает, что на такое может отважиться разве что полный сумасшедший или настоящий герой, подобный Адану. Но и Адан, переправляясь через Бехему, не избежал её безжалостных бурунов и погиб. Как бы то ни было, Валбуру оставалось лишь вспоминать обильные посиделки «У Старого Замка» и горевать из-за невозможности окунуться сейчас в знакомую, почти домашнюю, атмосферу.

Попавшаяся ему по пути таверна носила гордое название «Лихой воробей» и привлекала к себе внимание не только красивой резной вывеской при входе, изображавшей этого самого воробья с нагловато вздернутым клювом и коротеньким мечом под крылышком, но и задницами двух коней, привязанных здесь же, под ней. Кони уныло тыкались мордами в сугроб, ища недосыгаемую в эту пору траву, и раздраженно фыркали, нисколько не радуясь своим дорогим сбруям и красивым седлам. Сено из стоящей перед ними кадки они давно сжевали.

---

⁴ Старейшины деревни

Покачав головой, Валбур толкнул плечом дверь и вошел в тепло избы.

Посетителей было немного. Правда, и такого обилия столов и лавок, которое он помнил по прежней таверне, здесь не наблюдалось. Три довольно грубо сколоченных стола возле двух окон справа да столько же слева – вот и вся нехитрая обстановка. Зато вместо лавок за каждым стояло по четыре отдельных стула со спинками. Валбур сразу смекнул, что посидеть здесь выйдет, вероятно, подороже, чем «У Старого Замка», однако он уже вошёл и обратил на себя внимание двоих длинноволосых эделей⁵, которых, судя по всему, и ждали привязанные на улице кони. Кроме того, его появление не осталось незамеченным компанией уже успевших выпить и развеселиться молодых особ обоёго пола, занимавших сразу два стола, которые они, пользуясь свободой, сдвинули торцами, и за которыми теперь слышались не столько голоса, сколько выкрики и потуги запеть что-нибудь разухабистое. Кто-то стал даже делать ему знаки, приглашая присоединиться.

Он стащил шубу с шапкой и сел у двери лицом к остальным посетителям, ожидая появления хозяйки.

- У нас для этого гвозди имеются, - сказала подошедшая к нему вскорости девица в почти чистом переднике и с ехидной ухмылкой на довольно красивом, хотя и несколько потасканном лице. – Пьём? Закусываем?

Валбур встал и набросил одежду на указанный гвоздь, торчавший из стены за его спиной. Сверху вниз посмотрел на собеседницу и ухмыльнулся. Рубаха на её груди имела не по-зимнему соблазнительный вырез чуть ли не до пупа, и в нем круглились приятные глазу формы.

- Закусываем.

- Кроку⁶ принести?

- Ну, так и быть, неси, хозяйка.

- Я не хозяйка, - с достоинством заявила девица и удалилась, повиливая не менее привлекательными выпуклостями.

Валбур выпивать не любил. Разве что за компанию с Йорлом, потому что не мог отказать другу, для которого трапеза вдали от дома всегда была неполной, если не пропустить кружку-другую. В туне⁷ же старика Артаима всякое крепкое питиё не слишком приветствовалось. Настоящий фолдит должен работать, а не горло полоскать, настаивательно говаривал он. На памяти Валбура было два или три случая, когда Артаим прилюдно выпроваживал человека на все четыре стороны только за то, что тот позволял себе выпить и в таком состоянии устраивал кому-нибудь неприятности. Строгость нравов всем шла на пользу. Будучи в Вайла'туне, где некоторым удавалось неплохо жить,

⁵ Сокращенно он «эдельбурн» - представители местной знати, потомки благородных родов

⁶ Слабоалкогольный напиток, получаемый путем добавления вина в травяной настой и дальнейшей варки

⁷ В деревне

не трудясь, Валбур искренне удивлялся, как можно тратить время и деньги на доведения себя до непотребного состояния. В туне он занимался не только плетением корзин, но частенько одалживал свои крепкие руки кузнецу, помогал плотникам, ходил на промысел с охотниками, учил малышей грамоте, а иногда, под настроение, сочинял песни, которые потом сам же пел по какому-нибудь уместному случаю под собственное тренькание на дедовском карадоне⁸. Трудясь с утра и до ночи, он получал столько наслаждения от сознания своей нужности, что никакой крок даже в самой теплой компании не мог бы с этим сравниться.

Но после разговора с хитрым торговцем Валбур был слишком раздосадован, чтобы настаивать на своих принципах. Здесь его никто из знакомых не видел, а потому он охотно уступил предложению разносчицы и теперь ждал, когда ему принесут обещанное.

Тем временем в таверну вошли ещё четверо посетителей. Вероятно, завсегдатаи, мелькнуло в голове у Валбура, поскольку новопривывшие не задержались в зале, где могли бы занять любой из двух свободных столов на стороне эделей, а напрямик, не раздеваясь, прошли в направлении кухни. Прошли так быстро, что никто не успел обратить на них должного внимания. Молодежь продолжала горланить, подбадривая парочку, которая слиплась в долгом поцелуе. Эдели как раз отвернулись к окну, и один из них указывал в нём на что-то второму.

И всё же Валбур заподозрил неладное. Уж слишком стремительны были их движения и слишком напряжены ссутулившиеся спины. В руке шедшего впереди он краем глаза заметил топор. Вероятно, поэтому раздавшиеся с кухни сдавленные крики не застали его врасплох. Кричала женщина. Не та, которую он ждал с кроком, потому что эта возникла в проходе, и рот ей зажимала широченная ладонь одного из незнакомцев. Он толкал её перед собой в сторону выхода, свирепо вращая глазами и держа перед глубоким вырезом на рубаше короткий нож с широким лезвием. Его дружки по очереди появились следом. Третий перебросил через плечо увесистый мешок. Последний нёс мешок полегче, однако в него вцепилась обеими руками другая женщина, лицо которой было залито слезами и кровоточило из нескольких глубоких ссадин.

Валбуру приходилось слышать о налетах, которым последнее время иногда подвергались жители Большого, а иногда и Малого Вайла'туна, однако он и предположить не мог, что это происходит так просто и буднично. Вошли, заглянули к хозяевам, схватили, что было ценного, и восвояси.

Компания замерла, забыв про целующихся. Эдели привстали на местах, но явно не от желания вмешаться, и застыли, увидев направленные на себя острия двух коротких мечей.

---

⁸ Струнный музыкальный инструмент, напоминающий лютню

Девушка в переднике с ужасом смотрела на Валбура. Сейчас её вытолкнут на улицу, а уж что будет дальше, это никому не известно. И уж точно он не дожждётся своего крока.

Оружия Валбур с собой не носил. Если бы он сегодня на вырученные деньги купил долгожданный меч, то едва ли с ним когда-нибудь расстался, но пока меча не предвиделось, ему оставалось полагаться разве что на силу своих кулаков.

Правда, когда насильник с девушкой поравнялись с его столом, кулаками он не воспользовался. И даже не встал. Просто пнул мужика ногой куда-то в область колена, повыше кожаного сапога, благо у того была короткая шубейка. Не ожидая нападения, тот охнул и подломился, напоровшись на уже взлетающий снизу кулак. Успел ли он поранить прелести девушки, Валбур не разглядел, потому что второй грабитель проявил сообразительность и бросился вперед, намереваясь покончить с наглым заступником одним ударом меча. Ему помешал падающий мешком товарищ.

Проход между столами был довольно узким, так что противники даже при желании не могли накинуться на Валбура разом. Желания же хватило только у второго и третьего. Но второй был встречен тяжеленным стулом, который в руке Валбура описал дугу под потолком и раскололся о загривок нападавшего, а третий - опрокинут ещё через мгновение уцелевшей от стула ножкой, тычок которой пришелся ему точно под ребра.

Последний выронил мешок и машинально повернулся, чтобы обратиться в бегство, но споткнулся о продолжавшую вопить, теперь уже торжествующе, женщину и был схвачен пришедшими, наконец, в себя от неожиданности эделями.

На всё про всё ушло буквально несколько мгновений, так что Валбур даже не запыхался. Он пододвинул себе соседний уцелевший стул и сел почти в проходе, выжидательно глядя на то, как девушка дрожащими руками подбирает с пола некогда угрожавший ей короткий нож и протягивает ему.

- Мой заказ всё ещё не готов? — поинтересовался он, шпыняя мыском ботинка начавшего было подниматься первого из громил. — Теперь уж я точно не уйду, пока не испробую твоего крока, красавица.

В таверне тем временем началось невообразимое. Протрезвевшие посетители во главе с избитой женщиной, оказавшейся настоящей хозяйкой «Лихого воробья», учинили над негодями достойную расправу, предварительно разбив им в кровь физиономии и связав по рукам и ногам чем попало, то есть скрученными в жгуты скатертями.

Один из эделей, седобородый, с такой же копной всё ещё вьющихся волос, в бархатном камзоле густого синего цвета, пересеченном от левого плеча к правому бедру широкой золотой перевязью, на которой висели прекрасные изогнутые ножны из черной кожи с торчащей из них инкрустированной рукояткой, подошел к столу Валбура. Большие,

слегка навывкате голубые глаза смотрели насмешливо, а морщины, избороздившие все лицо незнакомца, придавали его облику вид выразительный и вместе с тем почтенный.

- Вы неплохо потрудились, друг мой, - сказал эдель, без приглашения усаживаясь напротив немало смущенного таким откровенным проявлением фолдита и протягивая ему руку. - Меня зовут Ротрам. А как прикажете величать вас?

- Валбур... *вита*⁹ Ротрам. Рад, что вам понравилось.

- Не то слово! - рассмеялся необычный собеседник, с интересом разглядывая не столько нового знакомого, сколько его руку, которую он не спешил выпускать из своей. - Вы именно этим кулаком его уложили?

- Может, и этим, - неуверенно согласился Валбур, забирая руку и кивая разносчице, наконец-то принесшей вполне заслуженный крок. Подняв кружку, он вопросительно поглядел на Ротрама, ожидая, чтобы тот либо выкладывал, зачем пожаловал, либо уходил к себе за стол, откуда за ними с интересом наблюдал его приятель.

- Позвольте полюбопытствовать, - сказал Ротрам и пододвинул к себе трофейный кинжал, оставшийся лежать на столе, поскольку Валбур не решался вот так запросто его себе присвоить даже на правах победителя. - Хорошая работа, - добавил он, проводя по тыльной стороне лезвия пальцем и прищуриваясь. - Помнится, я когда-то торговал подобными. Берите, Валбур. Теперь он ваш по праву.

- Я знаю, - кивнул тот, по-прежнему не прикасаясь к оружию. - Пожалуй, я оставлю его этим женщинам, чтобы в другой раз им было чем защититься.

Ответ фолдита ещё больше заинтересовал Ротрама. Он положил нож на стол и пододвинул к собеседнику.

- Такими вещами не стоит разбрасываться, друг мой. Вы ведь видите, что времена нынче наступают беспокойные.

- У вас тут - может, и не беспокойные. А там, откуда родом я, таких проходимцев исстари не водится. - Валбур кивнул на пленников, которых сейчас под руки выводили из таверны подоспевшие, наконец, виггеры¹⁰.

Разумеется, говоря так, он кривил душой. Иначе, зачем бы он мечтал о хорошем мече? Нет, дома тоже не все было так просто и радужно, как он хотел внушить навязчивому собеседнику. Шеважа¹¹ шалили, те же виггеры чем дальше от замка, тем сильнее распоясывались, да и обнищавшие в последнее время соседи представляли собой хоть и небольшую, но реальную опасность - зависть к ближнему ещё никто не отменял.

⁹ Вежливое обращение к собеседнику мужского пола, подчеркивающее уважительное отношение к его опытности и уму

¹⁰ Общее название воинов, обычно тех, которые носят доспехи

¹¹ Рыжеволосые дикари, населяющие лесное Пограничье

- В таком случае, - улыбнулся Ротрам, - позвольте поинтересоваться, где же вы тогда научились столь отменно драться?

Его вежливые манеры и обходительный тон не слишком нравились Валбуру. Он подозревал какой-то подвох, однако не мог вот так просто встать и уйти. Тем более что разносчица уже подавала на стол горячее, за которое, как сообщила ему благодарная хозяйка заведения, он ничего не должен. Развалистая картошка и филейная часть барашка под рябиновым соусом вприкуску с притомившимся в рассоле огурчиком наполняли Валбура трепетным предвкушением знакомства. А этот разодетый пристава всё не собирался возвращаться к себе за стол.

- Ешьте, ешьте, дорогой друг! Не обращайтесь на меня внимания. Вы заслуживаете сытного обеда. – Ротрам оглянулся через плечо на своего товарища, который в этот момент как раз отвернулся. – А пока вы едите, послушайте, что мне есть вам сказать. – Он снова завладел ножом и стал говорить, поворачивая его и так и сяк в длинных, холёных пальцах. – Видите ли, мне как раз нужны люди, вроде вас: честные и смелые, а главное – умеющие без раздумий дать отпор любому, невзирая на лица и их число. Мне нужны бойцы. Такие, как вы, Валбур. И я готов им хорошо платить. Обеды, подобные этому, и даже лучше, вы сможете получать у меня и впредь бесплатно. Кроме того, у вас будет постоянное денежное содержание. Всё, что от вас требуется взамен, это упражняться и участвовать в состязаниях. За победы вам будут платить отдельно.

Валбур почти поперхнулся, но успел запить барашка кроком. Он уже понял, кто перед ним.

- Вербуете для «крови героев»?

- А вы быстро соображаете, - хмыкнул Ротрам, машинально стряхивая со стола крошки. – Между прочим, перед вами сидит тот, кто придумал это название. Раньше они назывались...

- ... «бои за дружину». Я слышал.

- У меня нет слов! Вы настоящая находка. Так вы согласны?

- На что?

- Ну как же, - осёкся Ротрам. – Я же вам только что всё описал. Я приглашаю вас стать моим бойцом.

И он выжидательно замолчал, глядя на жующего собеседника.

- Заманчиво, - усмехнулся через некоторое время Валбур. – Меня будут бить, а вы мне за это будете платить?

- Нет, - голос Ротрама стал неожиданно жестким. – Если вас будут бить, такой боец мне не нужен. Тогда вы вернетесь к своим делам в вашем тихом местечке, а я буду думать, что ошибся. Хотя до сих пор я не ошибался. Вы ведь наверняка слышали о последней «крови героев»?

- Она же первая?

- Не совсем. – Нахмурившееся лицо Ротрама снова прояснилось. – Было ещё одно состязание, действительно, первое, но мы тогда решили не давать ему большой огласки. Так что в чем-то вы правы. Хорошо, пусть будет первая. До вашего туна дошли вести о том, что стало с победителем?

- А почему вы решили, что я живу в туне?

- На местного вы не похожи, - пожал плечами Ротрам. – Те, кто живут в торпах¹², обычно после рынка не задерживаются, а спешат воротиться домой. Остается то, что я и сказал. Не ошибся?

- И что же стало с победителем? – Валбур не заметил, как доел картошку.

- На полученный выигрыш он купил новый дом. Здесь недалеко, на канале. Поскольку он оказался виггером, его ждало повышение в чине. Теперь он командует полусотней.

- А такие разве есть?

- Теперь много чего есть, - хитро прищурился Ротрам. – Если в следующий раз победит фолдит, он, кроме денег, получит ещё и достойное место в замке. Не интересует?

Валбур почувствовал, что дольше уходить от ответа чревато. Вопрос задавался прямой. Нужно было говорить либо да, либо нет. Либо соглашаться на неожиданное предложение и надеяться, что тебя не обманут, либо распрощаться с давно позабытой мечтой, а заодно и с недостижимым пока мечом, который, если он захочет, мог бы быть похож на тот, что висит у собеседника на перевязи.

- Нет, - сказал он, - не интересует...

- Как знаете, друг мой, как знаете. – Ротрам оперся руками в стол и поднялся. Казалось, он был не слишком удивлен отказом. – Следующие состязания назначены на послезавтра. Будет время, загляните, полюбопытствуйте. Ожидается много занятного. Удачи.

Валбур хотел в последний момент что-то добавить, задержать собеседника, расспросить поподробнее, но тот уже раскланялся и с независимым видом вернулся к своему спутнику. Они посидели ещё некоторое время, расплатились и друг за другом вышли из таверны, по очереди кивнув ему, но ничего больше не сказав.

- Вам знакомы те эдели, что сидели вон там и только что ушли? - поинтересовался он у улыбающейся ему теперь по поводу и без повода разносчицы.

- Разве вы не говорили с одним из них?

Она остановилась возле стола, вытирая руки передником. При этом грудь её находилась в непосредственной близости от носа Валбура.

- Говорить-то говорил, да только не слишком понял.

- Меня, кстати, Нидой звать.

- А я Валбур.

---

¹² На хуторах

- Рада знакомству, Валбур. – Женщина отпустила передник и теперь разглаживала его. – О чем вы бишь спросили?

- Кто будет этот Ротрам? Ты его раньше встречала?

- Видно, что вы из дальних мест к нам пожаловали. Ротрама, почитай, все знают. Торговец он. Богатый. Оружием торгует. Говорят, в замок вхож. А он вам что, работу предлагал?

- А ты почём знаешь?

- Не знаю, догадываюсь. Вы тут такой тарарам устроили, вита Валбур! – Он почувствовал коленом прикосновение её упругого бедра. Теперь запах пережитого страха смешивался в ней с ароматом скрытого желания. – Я слышала, Ротрам сейчас бойцов для состязаний ищет, вот и подумала.

- Экая ты всезнающая! А мне до сих пор казалось, что в Вайла'туне слухи частенько и затеряться могут. Не то, что у нас, в глуши, где все про всех знают.

- Куда там! Да и потом зря мы что ли рядом с рынком стоим? Сюда кто только ни заходит. – Передник больше не разглаживался, зато под ним обозначился приятно округлый живот. – Так вы согласились?

- На что? А, на работу? Нет, я просто так никогда стараюсь не драться.

- Вы спасли меня.

- На моем месте так поступил бы всякий.

- Всякие языки поприкусывали и в одно место себе засунули, – поморщилась Нида. – А вы этих вон как отделали!

- И что, частенько такие нападения тут у вас случаются?

- Да что вы! Первый раз жуть такая! Обнаглели в конец. Среди бела дня уже заваливают. Кое-что мы, конечно, слышали, но, как видите, никакой даже охраной не обзавелись. Хотя подумывали. Не хотите, кстати, с моей хозяйкой об этом потолковать? Ах да, вы ведь не любите драться! – Она заговорчески улыбнулась. – А что вы ещё не любите делать?

- Зиму не люблю, – честно признался Валбур и попытался отогнать прочь возникшее где-то глубоко внутри чувство вожделения.

Разносчица Нида ему, конечно, нравилась, но он уж слишком быстро раскис от её близости, чего прежде с ним в присутствии женщины далеко не писаной красоты и не совсем первой молодости не бывало. Видать, подзасиделся он в своем туне, отвык от того, что люди всякие бывают, а особенно отвык от соблазнов, которые дарит отдаленность дома, пусть и пустого. Потому что жил он в своей на совесть построенной избе бобылем вот уже которую зиму и ничего лучшего для себя не искал. Была у него когда-то не жена, а так, добрая знакомая, юная и ласковая, но только давно уже схоронил он её и с тех пор не помышлял ни о чем серьезном – то некогда было, то не из кого выбрать, а теперь как будто и ни к чему – к старости дорожка покатила.

Когда он упомянул про свой возраст Нида, та недоверчиво на него глянула и хохотнула:

- Это сколько же зим вам намело, вита Валбур?

- Да вот сорок пятую доживаю. А тебе сколько? – поинтересовался он из вежливости, подозревая, что ответ будет уклончивый или изрядно заниженный.

- Скоро тридцать.

- Быть того не может! Я бы тебе не дал.

От силы двадцать девять, усмехнулся он про себя. Когда-то её ровесницы казались ему самому утерявшими привлекательность женщинами, а вот теперь он искренне готов назвать её девушкой и не прочь поддаться её откровенным заигрываниям.

- Нида! – окликнула разносчицу хозяйка. – Удели время и другим гостям.

Пока Валбур отвлекался за разговором, в таверну вошли новые посетители и сели за соседний стол. Нида вздохнула и перешла к ним, продолжая поглядывать на своего спасителя, как бы говоря: «Только не уходи, я сейчас с ними разберусь, и мы продолжим». Когда она скрылась на кухне, он встал, накиннул на плечи шубу, прихватил шапку и решительно вышел на улицу.

Если бы не утренняя разборка с обманщиком Минтелом, у Валбура сейчас было бы другое настроение. Такое, что он наверняка бы не стал отказываться от заманчивого во всех отношениях предложения насчет «крови героев», и уж тем более не спешил бы расстаться с пригланувшейся ему девицей, явно готовой свести с ним тесную дружбу. Но все пошло наперекосяк, а раз так, то до самого вечера можно было расслабиться и не переживать – ничего хорошего все равно не получится. Так уж у него на роду было написано. Если с утра не задалось, весь день насмарку.

Правда, кое-чему он сейчас мог порадоваться. К примеру, что вполне сыт, притом, что в кисете на шее силфуров от этого нисколько не поубавилось. Есть на дармовщинку с непривычки оказалось весьма вкусно. А тридцать четыре монеты обладали приятной тяжестью и были всё же лучше, чем ничего. Может быть, передоговориться с другим торговцем? Свет клином на Минтеле не сошелся. Как там мать учила? Не клади яйца в одну корзину? Надо будет эту мысль при случае как следует обдумать. Интересно, а сколько можно получить за бой в «крови героев»? Стоило спросить у этого... как его... Ротрама, полагается ли награда проигравшему. Вряд ли, конечно. Тогда бы все, кто победней, только драками бы и занимались. А туда, похоже, не каждого допускают...

Валбур обнаружил, что снова оказался при входе на рыночную площадь.

Утренняя суeta заметно спала, теперь всё и вся двигалось неспешно и важно, если не считать вечно неутомонных мальчишек, снующих

под ногами и предлагающих мелкие услуги. Они бегали стайками, редко по одному, приветливо улыбались знакомым и незнакомым и при первом же окрике бросались врассыпную. Мужчины, как правило, не обращали на них никакого внимания, женщины побаивались и поругивали.

- Могу показать вам хорошее место для ночлега, керл¹³, - услышал Валбур у себя прямо под рукой.

На него таращил большущие голубые глаза крохотный мальчуган в драной шубейке и грязном платке вместо шапки. При этом он ковылял в носу розовым от мороза пальцем, удобно торчавшим через прореху в варежке.

- Лучшего места все равно не найдете. Так что, идём?

Приятно, конечно, когда тебя называют «керлом», только с чего он взял, будто ему нужен ночлег? Иногда Валбур, действительно, оставался, конечно, не в Малом, но в Большом Вайла'туне на ночь, если обустройство брал на себя вездесущий Йорл, однако сегодня он намеревался отправиться домой с началом сумерек, когда будет готов другой его приятель, Фирчар, на чьей телеге он сюда, собственно, утром и добрался.

- Ступай, малец. Палец, смотри, не отморозь.

- Не пожалееете. Идемте. Потом будет, что вспомнить?

Вспомнить? Он издевается что ли? Ростом с собаку, а все туда же...

- Тебя как зовут приятель?

Видя, что собеседник не гонит его, а даже интересуется именем, мальчонка поправил съехавший на глаза платок и прищурился.

- Том.

- Вот и послушай, Том, что я тебе скажу...

- Пошли, потом скажете.

- Мне не нужна здесь ночевка, приятель. Я скоро уезжаю.

- А сестру мою зовут Фелла.

- Сестру? – Валбур огляделся. – При чем здесь сестра?

- Она очень красивая и вам наверняка понравится.

Ну, вот теперь наконец стало проясняться, о чем идет речь. Из огня да в полымя. Только что была разносчица Нида, а теперь какая-то Фелла. Что за день такой!

- Ступай, - повторил он твёрже.

Том вздохнул, пожал плечами и уже как будто собрался и в самом деле убраться восвояси, когда щеки его вспыхнули, большие глаза захлопали ресницами, и он крепко ухватил Валбура за рукав.

- Вон она! Смотрите, сама сюда идет!

Валбур машинально посмотрел в том направлении, куда указывал розовый пальчик и увидел торопливо приближающуюся к ним невысокую, но ладную девушку в короткой шубейке, в обтягивающих

¹³ Керл – вежливое обращение к зажиточному мужчине вообще, будь то торговец, ремесленник или крестьянин

стройные ноги меховых штанишках и изрядно обтрепанных, совсем не зимних сапогах, ходить в которых можно было разве что здесь, по притоптанному множеством ног снегу. Она была с непокрытой головой, и длинные пряди роскошных, почти рыжих волос удивительно красиво обрамляли сосредоточенное, если не сказать напряженное, лицо, каких Валбур нигде ещё не встречал, разве что во сне. Твердый подбородок с ямочкой, поджатые от волнения губы, широкие скулы, бледные, отчего только ярче проступал легкий румянец, не то от солнца, не то от быстрой ходьбы, прямой нос с нежными ноздрями, до которых так и хотелось дотронуться, такие же большие и синие, как у Тома глаза, и поразительно изящный разлет темных бровей, придававших всему её облику неуловимую пронзительность.

Не доходя нескольких шагов, девушка остановилась и молча погрозила Тому пальцем. Варезек на ней не было.

- Это так ты покупаешь редьку, лепешки и крок? – поинтересовалась она, по-прежнему обращая внимание только на брата, который продолжал тянуть Валбура за рукав.

- Фелла!

- Идем сейчас же домой! И если выяснится, что ты потерял те деньги, что я тебе дала...

Валбур хотел было вмешаться и хотя бы заговорить, чтобы девушка увидела его, но никак не мог найти подходящих слов. Он просто смотрел на неё, боясь предугадать, что будет дальше.

- Не терял я твоих денег, - решительно заявил Том. – И ещё нашел вот этого керла, которому нужно где-нибудь переночевать.

Фелла как будто только сейчас заметила Валбура и бросила исподлобья быстрый взгляд, словно туча приоткрылась на мгновение и обнажила синее небо.

- Не слушайте его. Он любит приставать к посторонним.

Голос был негромким, но он слышал только его. И свой, запинаящийся и почти чужой:

- Ничего страшного... я в самом деле... я искал... хотел где-нибудь переночевать...

Он заметил глаза Тома, смеющиеся, хитрые, будто спрашивающие: ну, что я говорил?

По небу побежали облака – девушка переводила взгляд с незнакомца на брата и снова на незнакомца, который сейчас почему-то больше смахивал на праздничного медведя на привязи.

Разница между тем, что Валбур поначалу подумал, и тем, что увидел воочию, был столь громадна, что самому себе он сейчас виделся эдаким несуразным жуком, которых заваливается на спину, машет лапками, трещит крылышками и никак не может перевернуться. Самое подходящее время, чтобы его придавить...

- Том, ты забыл, что сегодня вечером у нас гости? – сказала девушка, останавливая строгий взгляд на брате. – И перестань рыться в носу.

- Мои сопли: что хочу, то и делаю.

- Том!

- Фелла!

Она, вероятно, хотела бы схватить брата за руку и увести подальше, однако присутствие постороннего мешало ей это сделать, и потому до сих пор этот странный разговор не заканчивался ничем. Валбур тоже терялся, хотя поначалу точно знал, что просто оттолкнет Тома и пойдет своей дорогой. Сейчас же он безмолвно молился, чтобы мальчишка не отпускал его рукав подольше, а лучше – никогда. Теперь он понимал, зачем поругался утром с Минтелом, зачем забрел сюда, зачем дал отпор налетчикам, не согласился на предложение Ротрама и поспешил расстаться с Нидой – всё ради этой неловкой встречи. И если ему в итоге откажут...

Фелла рассмеялась. Зубы у неё были красивые, белые, правда, один боковой слева чуть кривоват и слегка торчал вперед, но Валбуру он показался долгожданным изъяном, который тем красноречивее подчеркивает совершенство всего остального.

- Вам нужен ночлег? – спросила она, дыша на озябшие пальцы.

- Да, но... - Он уже больше не знал, что именно ему нужно, кроме этих крыл, распахнутых над двумя синими колодцами.

- Мы иногда пускаем на постой, но только на одну ночь и только за деньги.

- Разумеется...

- Сегодня мы принимаем гостей, так что рано спать лечь не придется, - добавила девушка.

- Я понимаю...

- Ну, мое дело предупредить. Решайте сами.

- Я согласен...

Нет, кажется, он сдержался и не закричал от радости. Только заметил, как ручонка мальчугана разжалась, и он снова был свободен идти на все четыре стороны. Но уже не хотел. Лишь бы она не передумала.

- Как тебя зовут, керл? – наконец-то поинтересовался Том, косясь на сестру.

- Валбур.

- Пошли к нам, Валбур! Тебе у нас понравится. А гости – это здорово!

Гости как раз совсем ни к чему, подумал он, лаская взглядом пышные пряди, за цвет которых в другом месте, да хотя бы у него в тунне, могли бы и побить. Однако она явно ничего не боялась и спокойно ждала, что он скажет.

- Пойдем. Только мне нужно предупредить приятеля.

Нехорошо получится, если Фирчару придется его ждать весь вечер, а он так и не придет. Ещё будет переживать, как бы с ним чего ни случилось. Знал бы он...

- Где деньги, Том? – Девушка подошла к брату и осторожно взяла его за кончик носа. Даже на зимнем воздухе Валбур почувствовал исходящий от неё дурманивший аромат, какого ему не приходилось ощущать ни с одной женщиной. – Давай сюда, я сама все, что нужно, куплю.

- Отпусти! В носу у меня их точно нет. Пусти, гадкая!

- Если хотите, я сразу могу расплатиться, – спохватился Валбур, вспоминая по заветный кисет.

Фелла остановила его порыв легким взмахом руки. Том стащил с головы платок и высыпал ей в ладонь несколько монет, припрятанный в складках. Она пересчитала их, кивнула Валбуру и по-прежнему невозмутимо отправилась прочь.

Неужели никто не видит, кто мимо них идет, поражался он, провояжая взглядом её упругую фигурку и подмечая малейшие действия идущих ей навстречу мужчин. Либо они видели её тут каждый день, либо она только ему показалась неземным существом, однако же все просто спешили по своим делам, не обращая на неё никакого внимания.

- Пошли наш дом покажу, – напомнил о себе Том.

- Сколько ей зим? – стараясь скрыть смущение, поинтересовался Валбур, когда они оставили рыночную площадь позади и оказались на узкой дороге, петляющей между изб вдоль канала.

- Я же говорил! – торжествующе припрыгнул Тон и даже оставил на мгновение в покое нос.

- Что ты говорил?

- Что она тебе понравится. Она всем нравится.

Уточнение было излишним. Валбур помрачнел.

- Если не хочешь, можешь не отвечать.

- Вечером ей будет столько, сколько мне и ещё раз мне.

- Не понял... тебе-то сколько?

Том стряхнул с рук обе варежки и гордо показал пальцы, загнув при этом один мизинец.

- Вот сколько!

- Девять, значит? А сестренке твоей, выходит, восемнадцать... Думал, она постарше. погоди, а почему вечером?

Том зажмурился от удовольствия и показал на своих сверстников, которые в этот самый момент с криком и воплями скатывались с отвесного противоположного берега на санках.

- Я так тоже умею. Только мои санки сломались. Ну, то есть они сперва сломались, а потом их упёрли.

- Ты не ответил. У неё что, сегодня день рождения?

- Ну ясное дело. Иначе откуда бы у нас тогда были гости?

Валбур остановился.

- Погоди-ка погоди... Ей же нужно подарок тогда какой-нибудь купить. Пошли-ка обратно, поможешь выбрать.

- Помочь-то я завсегда, - ещё больше оживился Том, - только какой ей подарок?

- Разве у вас не принято делать подарки?

- Ещё как принято! Мне вон на прошлый день рождения Фелла вона какие варежки подарила.

- С дыркой?

- Чего? Да нет, дырку я сам нечаянно сделал.

- А что ты ей подаришь?

- Тебя.

Левая бровь у Валбура сама собой полезла на лоб.

- Меня?!

- Не бойтесь, она не откажется.

- Откажется?

Том закатил глаза, всем своим видом показывая, что устал объяснять совершенно очевидные вещи. Между тем его спутник остановился и явно не хотел двигаться дальше, пока не получит развернутого ответа. Пришлось Тому набираться терпения и рассказывать, что именно он имел в виду.

- Фелла любит говорить, что лучший подарок для женщины, это деньги. На них она сама сможет потом купить всё, что ей вздумается. Ну вот, а вы заплатите за ночлег, она пойдет на рынок и выберет себе какую-нибудь очередную ерунду.

- Может, ты догадываешься, что она выберет? Тогда мы с тобой могли бы купить это прямо сейчас.

- А у вас так много силфуров?

- А она у тебя что, хочет купить лошадь?

- Нет, - усмехнулся Том, - лошадь нам не купить, даже если ты до следующей зимы у нас жить будешь. Она одежду всякую покупать любит.

- А сама без шапки и с голыми руками ходит?

- Варежки у неё украли, красивые, теплые, - вздохнул Том, разглядывая свои. - А шапку она мне отдала. Я её потерял. Теперь вот платок её же носить вынужден.

- Похоже, не густо у вас с деньгами, - заметил Валбур, по-отечески кладя мальчугану руку на плечо и подталкивая веред, вернее, назад, в сторону рынка. - Чем она у тебя занимается?

- Мужчин развлекает. Ой, мне больно!

- Извини. - Валбур не заметил, как стиснул худенькое плечо. - Как ты сказал?

- Что я сказал?

- Что она делает...

- Ну, она ведь красавица, если ты, конечно, заметил, - как ни в чем не бывало, ответил карапуз, широко распахивая глаза. – Так что когда она поет или танцует, мужчины охотно её слушают и платят. А ты что подумал? – Он хитро прикусил губу.

- Ничего не подумал, - соврал Валбур. – Иди давай. Развлекает, понимаешь...

Вернувшись на площадь, они прошли по лоткам, где торговали одеждой, и Том бдительно следил за тем, чтобы не столкнуться с сестрой. Валбур на свой вкус купил вязаные варежки и такую же шапку со схожим узором, чтобы смотрелось как одно целое. Сперва он думал выторговать шапку на меху, но тогда бы ему точно не хватило денег. А так ещё больше десяти силфуров осталось.

- Ну, идем, – сказал он, пряча подарки за пазуху.

Тома нигде не было.

Тэвил! Куда мог запропасться этот мальчишка? Только что стоял ведь здесь и канючил, что было бы неплохо заглянуть на обратном пути в лавку кондитера и прикупить сладких палочек, которые Фелла так любит.

- Вы не заметили, куда пошел мальчик, который рядом со мной стоял? – спросил он первым делом лотошницу, которая сторговала ему гостинцы и должна была видеть, что творится у него за спиной.

Она странно посмотрела на него, пожала плечами и уже хотела было что-то ответить, как из многолюдья прямо под ноги Валбуру вынырнула маленькая девочка, ухватила его за ногу чуть выше колена и, задрав мышинное личико, пискнула:

- Тома бьют.

- Где?

Он устремился за ней через людской поток, судорожно прикидывая в голове, что же могло случиться. Стоит ли говорить, что когда недавно ему пришлось расправляться с вооруженными налетчиками, волновался он гораздо меньше.

Девочка-мышонок привела его в дальний угол площади, где начинались безлюдные закоулки. Молча показав в один из них, она боязливо попятилась. Валбур выругался, проверил, все ли на месте за пазухой, и торопливо шагнул в сумрак теснящихся изб.

За углом явственно слышались сердитые крики и яростные вопли.

- Эй, что это вы там затеяли? – как можно громче, но так, чтобы голос не сорвался, сказал Валбур, выходя в проулок и останавливаясь в нескольких шагах от группы из четырех весьма сердитого вида мужиков, судя по одежде, торговцев, которые занимались тем, что перебрасывали друг другу едва держащегося на ногах, но не прекращающего орать Тома. В сторонке стояло ещё несколько пареньков постарше его, только было непонятно, хотят ли они вызволить его, просто любопытствуют или заодно с палачами. – Оставьте его в покое.

Тот, что как раз держал жертву за шиворот, сплюнул сквозь дырку в зубе и разжал пальцы. Том обезсилено повалился на снег под ноги обидчикам. Второй ощутимо пнул его мыском сапога под ребра и тоже повернулся к Валбуру.

Радовало только то, что ни у кого из четверых, похоже, не было оружия. А если и было запрятано где-то под шубой, они не спешили им воспользоваться, прикидывая силы неожиданного заступника и оценивая свои шансы как предпочтительные.

Валбур двинулся на них, медленно, чтобы не опережать события, но решительно. Он был не из тех, кто делает первый шаг, чтобы не сделать второго. При этом, как настоящий фолдит, он успевал заранее подумать о третьем и четвертом.

- За что будете?

- Ворует, - ответил все тот же, с дыркой, вероятно, главарь.

- А бить зачем?

- Чтобы вернул.

- Что украл?

- А тебе-то что?

- Интереснось.

- Ничего я не крал! – вскинул голову Том. – Брешут гады!

За что получил новый пинок в поддых и заскулил.

Валбуру очень четко представилось бледное и испуганное лицо Феллы, когда она увидит разбитую физиономию брата, да ещё в свой день рождения. С таким подарочком лучше в гости не являться вовсе.

Он напрямик направился к тому, кто ударил Тома последним, и без размаха, с опущенных рук, нанес точный правый крюк в хрустнувшую скулу. Мужик повалился навзничь с удивленно открытыми глазами и застрявшим где-то в глотке возмущенным стоном.

Остальные трое среагировали быстрее, чем можно было ожидать. Видимо, драться им тоже было не впервой. Тот, что оказался ближе остальных, махнул кулаком, целясь Валбуру в голову. Пригнувшись и пропустив свистящую тяжесть над самой макушкой, Валбур выгнулся и от живота нанес все той же правой рукой удар раскрытой ладонью, чтобы не повредить кулак, точно в подбородок. К счастью, нападавший не успел ничего крикнуть, потому что иначе откусил бы себе язык. А так просто запрокинулся и ушел головой в соседний сугроб.

Краем глаза Валбур заметил, что у главаря в руке все-таки сверкнуло нечто, напоминающее нож. Присматриваться он не стал, да и времени не было. Третий противник уже наваливался на него сзади с явным намерением сковать руки и подмять под себя. Силы он и, правда, оказался недюжинной, однако осмотрительностью не отличался.

Что можно сделать с человеком, который хватает тебя со спины обеими руками и хочет повалить? Его можно лягнуть в колено каблуком и попробовать стряхнуть пока сам ни потерял равновесия. Равновесие Валбур потерял, но лягнуть успел. Падали они на бок, а потому

он исхитрился выставить локоть и в последний момент неплохо придал им горло противника. Недостаточно для того, чтобы вывести из строя, но вполне достаточно, чтобы тот разжал хват. Нападавший с ножом, обрадованный падением врага, допустил непростительную ошибку, подскочив для добивающего тычка лезвием слишком близко. Судя по всему, он рассчитывал полоснуть Валбура по шее. Не вставая с земли и громко пукнув от напряжения, тот вскинул ему навстречу обе ноги: левой отбил нож в сторону, а правой пнул каблуком прямехонько в морщинистый лоб.

Когда он поднялся, разгоряченный дракой и готовый, если нужно, продолжить, то увидел, как Том, расхрабрившись и забыв про свои недавние мученья, в ярости топчет того, кто был повержен первым. Наблюдавшая за происходившим ребятня отошла подальше.

- Брось его, слышь, пойдём, - сказал Валбур и ещё раз запустил себе руку за пазуху. – Лежачих не бьют.

- Он про это не знал, - огрызнулся Том и что было сил лягнул между ног того, кто попытался вылезти из сугроба. – На тебе!

- Пошли, говорю.

Том не успокоился, пока не наподдал каждому из своих обидчиков, причем метил он точно в самые уязвимые места. Валбур сгреб его в охапку и понёс прочь. Том ухитрился при этом погрозить присмирившим мальчишкам кулаком.

Оказавшись снова среди толпы, Валбур стряхнул Тома на землю, поставил перед собой и присел на корточки. Голубоглазая мордаха была в ссадинах, но не настолько сильных и заметных, как он опасался. Вероятно, основные удары пришлись по телу.

- Воровал? – спросил Валбур, поправляя съехавший на затылок платок.

- Конечно. Два раза. Они только про один знают. Иначе вообще убили бы.

- Тэвил, Том! На кой ляд тебе такая зараза! Что воровать нельзя, об это я тебе рассказывать не буду. Но ты ведь теперь видишь, что за это бывает. О сестре подумал?

- О ней и думал как раз. – Том стёр варежкой кровь из дрожащей ноздри. – Улмар сам её обворовал однажды. Все деньги отобрал. Думает, если он фра'ниман¹⁴, то ему все можно...

- Это который из них? – насутился Валбур, чувствуя, что вляпался в нехорошую историю.

- Последний. У которого ножик был.

- Понятно. И он, конечно, прекрасно знает, где вы с сестрой живёте?

- Не, не знает. А то бы давно нагрязнул. Не бойсь, дядя.

- Да я и не боюсь. Просто как же он мог у Феллы деньги, как ты говоришь, отобрать, если не знает, где она живет?

---

¹⁴ Сборщик податей

- Очень просто. – Они уже снова шли через площадь в сторону канала. – Её пригласили как-то песни попеть к одному эделю, а этот Улмар её там подстерег и, когда она выходила, обчистил до нитки. Заявил, мол, что нужно делиться. А он-то тут при чём? Она же у замка ничего не брала и ничего ему не должна. Ну вот. Так что я просто отомстил.

- Хорошо же ты отомстил. Если бы не я, тебя могли запросто прибить.

- Здорово ты их! Мой батька тоже умел драться. И я буду драться, когда подросту чуток. Ты меня научишь?

- А что с твоим отцом стало?

- Ничего не стало. На заставе погиб. Сгорел, говорят. Ещё зима не началась. Теперь вот мы с Феллой одни кукуем. И я должен её защищать.

- Смотри, как бы тебе её не дозащищаться, - усмехнулся Валбур и потрепал паренька по макушке. – А что за ребята там стояли? Дружки твои или наоборот?

- Наоборот.

- А вообще друзья у тебя есть?

- Конечно. – Том вспомнил про нос и самозабвенно углубился в него пальцем. – Ты.

Валбур не нашелся, что ответить. Скорость, с какой сегодня развивались события, сбивала его с толку. Причем приятности и неприятности сыпались вперемежку, так что было не понять, радоваться происходящему или огорчаться. В любом случае нужно быть начеку. Тут тебе не тун, в котором знаешь каждый закоулок благо их там раз два да и обчелся. Вайла'тун – дело совсем другое. Вот и сейчас они идут как будто прежней дорогой, а ни одной избы не узнать.

- Где канал-то? – напомнил он. – Мы не заблудились ненароком?

- Неа, правильно идем, не бойсь. Я нас обходным путем веду. Так подольше будет, зато ни сестра, ни кто другой нам не попадется. А ты тут что, ничегошеньки не знаешь что ли?

- Знаю, - соврал Валбур, на всякий случай оглядываясь. Погони не было. – Ничего не болит?

- Все болит, - признался Том, однако ухмылка на его мордашке не выглядела вымученной. – Тебя б так уделали. Ты вовремя подоспел. Откуда узнал, где я?

- Меня девочка какая-то привела. Её и благодари.

- А, это, наверное, Санка была.

- Санка?

- Ну да. Мелкая такая совсем?

- На мышку похожа.

- Санка. Влюбилась в меня, вот и бегаёт по пятам.

Валбур присвистнул.

- А за что в тебя влюбиться можно?

- Это уж девчонкам виднее, - гордо заявил Том и даже попытался взглянуть на улыбающегося спутника свысока. – Придется Санку в следующий раз поцеловать.

- Эко далеко у вас зашло, однако!

- Не, мала она ещё, - со знанием дела помотал головой Том. – Я на ней разве что зим через так десять женюсь.

- Ну, дело наживное. А у твоей сестры, у Феллы, ну... это... есть кто-нибудь?

- Бывает.

- Бывает? – вздрогнул Валбур, будто ожидал другого ответа. Наде-
ялся, конечно, но рассчитывать на то, что живущая одна девушка в во-
семнадцать зим обходит стороной мужчин, которые не могут не лип-
нуть к ней, было бы, по меньшей мере, несерьезно. – И часто?

- Да нет. – Том равнодушно махнул рукой. – Она никого не любит.

- Так уж и никого.

- Точно говорю. Ну, разве что меня, наверное. Но так ведь я ей
брат как-никак. А так нет, она у меня не из этих, как там бишь... не из
хорет.

- Хорен¹⁵, - поправил Валбур и поморщился от слова, которое со-
всем недавно казалось ему весьма привлекательным.

- Тебе виднее.

- Не дерзи.

- Не держу. Нет, нам не туда.

Валбур в задумчивости прошел мимо очередного поворота. При-
шлось возвращаться. Сворачивая за угол, он заметил вывеску, раска-
чивающуюся над входом – «У Старого замка». Вывеска была пробита
стрелой, так в ней и застрявшей. Не узнать её было невозможно.

- Сиживал я тут, - заметил он, заглядывая по пути в темные окна.
– Не знаешь, хозяева скоро вернутся?

- А кто ж их знает? Давненько уже нет. Говорят, в Пограничье по-
дались, к дикарям.

- Мало ли чего говорят. С какой стати им к дикарям идти, подумай
своей головой. Смерть ищут?

- Лучше вы сами потом Феллу расспросите, если интересно. Она
хозяйкину дочку знала. У них даже имена были похожи: Фелла и Вел-
ла. Но Фелла нравится мне больше.

- Мне тоже, - согласился Валбур.

Бывая здесь прежде, он никогда не предполагал, что канал нахо-
дится где-то рядом. Собственно, до канала и в самом деле отсюда было
довольно далеко. Но Том шел вперед с таким невозмутимым и уве-
ренным видом, что оспаривать его решения даже как-то не хотелось.
Он явно знал, что делает, петляя между избами и сбивая со следа воз-
можных преследователей. Разумеется, если тот, с дыркой в зубе, был
настоящим фра'ниманом, ему при желании не составит большого тру-

¹⁵ Женщин легкого поведения

да навести справки и выяснить, где живет Том и его сестра. Правда, почему-то он до сих пор этого не сделал, ну да, быть может, просто руки не доходили. Как бы то ни было, на месте Тома и его сестры Валбур хотя бы на время скрылся из дома и переждал хотя бы несколько дней, пока ни улягутся страсти. Он сказал об этом вслух, но Том только посмеялся.

- Вы его так уделали, что он ещё долго помнить будет. Не сунется. Вообще-то его надо было бы вообще убить, но и так сойдет, думаю.

- Бить людей не хорошо, а убивать – тем более.

- Так то людей. – Том подобрал что-то с земли и сунул за пазуху. – А разве этот Улмар и его дружки люди? Если бы у меня был лук, я бы их всех перестрелял.

- Что там у тебя?

- Где?

- За пазухой.

- Ничего.

Валбур не стал настаивать на досмотре. Мальчуган имел право на собственные секреты. Да и какое вообще он, Валбур, имеет право вмешиваться в их устоявшуюся жизнь? Придёт, познакомится поближе, подарит гостинцы, переночует, заплатит за постой и отправится своей дорогой.

Наконец, они вышли к каналу, причем, как будто в том же самом месте, что и прежде. Если только одинаковая детвора с санками ни облепила сплошь все берега.

- Далеко ещё?

- А вы чего, устали?

- Темнеет уже.

- На то и зима, чтобы рано темнело, - рассудительно заметил Том.

Завтрашний день обещал быть ещё более морозным: солнце скатывалось в розовые перья облаков.

- Как думаешь, сестра уже дома? – поинтересовался Валбур, с каждым шагом все слабее представляя себе, куда идет, а главное – зачем.

- Ясное дело – дома. Может, уже с гостями.

- А что за гости намечаются?

- Да всякие.

- Много?

- Это как сказать. От нас тут через три избы виггер один богатый поселился недавно. Тоже недавно день рождения справлял. Так к нему столько народу съехало, я думал, в дом не поместятся.

- Уж не тот ли, что в состязании победил? – вспомнил Валбур свой недавний разговор с Ротрамом.

- Не знаю, где он там победил, но шумели они до утра, - ухмыльнулся Том.

- Так у сестры твоей столько же гостей намечается?

- Да нет, человек пять-шесть, я думаю. Не больше. Больше мы не прокормим. А ты любишь в гости ходить?

- Смотри к кому. Слушай, а может, нам еды нужно было прикупить?

- Нет, Фелла обо всем позаботится. Ты уж не думай, что мы прям такие из себя бедные. – Том шмыгнул носом. – Совсем не бедные. При отце, оно, конечно, лучше жилось, но я этого почти не помню. Фелла рассказывала. Он давно на заставу ушел. Я его и видел-то всего пару раз.

- А мать куда делась?

Том пожал плечами, и впервые в его взгляде проскользнула грусть. Валбур, который сам рос почти без родителей, никогда не считал разговоры на эту тему чем-то запретным, однако прекратил расспросы, жалея память малыша.

- Покажешь дом, где поселился тот виггер?

- Мы его только что прошли. А вон впереди – наш.

Валбур все-таки оглянулся. Изба была большая, двухэтажная с красивым коньком на покато́й крыше и высокой печной трубой, из которой сейчас поднимался белый дым. Что ж, командующему полусотней положено...

- Куда вы запропастились? – услышал он знакомый женский голос, вздрогнул и заметил, как Том радостно припустил вперед.

Фелла стояла на крыльце маленькой уютной избушки, какие строили в Вайла'туне давным-давно, когда ещё не были приняты все эти заборы с калитками, отделявшими дома от общей улицы. Это теперь большинство вабонов предпочитали селиться подальше от дороги и разбивали перед домами целые сады. В случае с обиталищем Тома все было наоборот: изба, в которую мог постучать и зайти любой прохожий, сад – позади, куда можно было попасть через второй, внутренний вход, только пройдя через весь дом.

Валбур предполагал, что брат поспешит рассказать сестре о случившейся с ним передрыге, однако Том не проронил по этому поводу ни слова и всю вину за опоздание свалил на смущенного спутника, мол, его было за уши не оттащить от рынка.

Пришлось Валбуру в свое оправдание пошарить за пазухой и протянуть девушке обновки. Она сперва не поняла, пропустила гостя в узкие сени, а когда тот снова повернулся к ней, укоризненно посмотрела исподлобья, назвала брата «вымогателем» и хотела было отделаться обычной благодарностью, однако Валбур сам не заметил, как осмелел, и попросил её примерить подарки.

- Теплая, - сказала она, натянув шапочку и продев в варежку правую руку.

- Вам очень идет, - откашлялся фолдит.

- Тебе идет, - подтвердил Том и похлопал сестру по бедру. – Теперь не будешь свой платок назад клянчить.

- Что же вы стоите? Проходите в дом, - оживилась Фелла, пряча улыбку. – Гости уже в сборе и ждут только вас.

- Да я... - начал Валбур.

Его бы воля, он прямо с порога откланялся бы и убежал, тем более что ему так и не довелось встретиться с Фирчаром, чтобы предупредить его о вынужденной задержке с отъездом. Все откладывал напоследок, но с этой дракой и поспешным уходом от погони он совсем позабыл о договоренности. Получится неудобно. Хорошо бы Фирчар не стал его ждать. Он сам давеча предупреждал Валбура, что если тот вздумает остаться, он, Фирчар, по любому отправится в обратный путь с первыми признаками захода, то есть, сейчас он, наверное, уже далеко от Стреляных Стен.

Фелла прошла в комнату следом за братом, так и не сняв подаренной шапочки, чтобы увидели остальные гости. Те сидели за накрытым столом, оживленно переговаривались и совершенно не чувствовали себя покинутыми. Так бывает лишь тогда, когда приглашающий не просто собирает у себя под крышей всех тех, кого знает, а тщательно заведомо отбирает тех, кто хорошо знаком друг с другом и кому будет приятно в складывающейся кампании.

Валбур успел оставить верхнюю одежду в сенях и теперь неловко переминался с ноги на ногу, не зная, куда сесть и с чего начать.

- Сюда ещё пускают? – спросили сзади, и в открывшуюся на улицу дверь заглянуло чем-то знакомое Валбуру лицо мужчины с близко посаженными глазами и длинными, красиво расчесанными волосами.

- Биртон! – оглянулась Фелла и протиснулась мимо зазевавшегося Валбура обратно в сени. – Заходи скорее! Не выстужай тепло.

- А я не один, - радостно сообщил Биртон, отступая и подталкивая вперед того, кто до сих пор прятался за дверью: ещё одного мужчину, в котором Валбур к величайшему своему удивлению безошибочно узнал торговца с рынка, запавшего ему в память тем, что предлагал наиболее желанный для него товар – клинки самых разных размеров и мастей. Однажды этот торговец даже наведлся к Валбуру во сне и подарил, да-да, не продал, а именно подарил замечательный кинжал, такой внушительный и красивый, что его можно было принять за настоящий меч. – Мой друг – Кендр. – Представил Биртон. – Твой отчаянный поклонник да и просто отчаянный парень. Прошу любить и жаловать.

Торговец вежливо поклонился Фелле, дружески улыбнулся Валбуру, потрепал по белобрысым волосам вернувшегося от стола Тома и скромно остановился у двери, ожидая, когда все остальные пройдут в комнату.

- А я вас, похоже, знаю, - сказал Биртон, пожимая протянутую руку Валбура. – Фелла, я и не предполагал, что вы знакомы!

- Это я их познакомил, - уточнил Том, ухватил эделя за палец и потащил за собой с явным намерением посекретничать.

Валбур имел все основания предположить, что сейчас он в лицах пересказывает недавнюю драку. Во всяком случае, к столу они подсели последними: Том загадочно улыбался, а Биртон украдкой поглядывал на фолдита и задумчиво качал головой, будто продолжал сам с собой молча разговаривать.

Фелла суетилась, переставляя с низенькой глиняной печи на стол всякие горячие вкусности. Ей помогала глазастая полная девушка с тугой косой, красиво обвивавшей голову. Как скоро узнал Валбур, девушку звали Эша, и она была здесь вместе со своим мужем, Буллоном, богатырского телосложения свером¹⁶, бородатым и спокойным, какими бывают уверенные в себе люди.

Валбур предпочел бы встретить за столом больше подруг хозяйки, однако, кроме Эши и самой Феллы, среди приглашенных была только одна гостья, очень бледная и очень молчаливая особа по имени Дэлсин, пришедшая в сопровождении двух братьев, Смирла и Пента. Обоих девушек такое положение явно радовало, они чувствовали на себе постоянное внимание бодрящихся и подшучивающих по поводу и без повода мужчин, тем более что Дэлсин добровольно отказывалась использовать свои женские чары. Она сидела между братьями, улыбалась в тарелку и односложно отвечала лишь на заданные лично ей вопросы. У неё были длинные черные волосы и странноватый взгляд, придававший её лицу какое-то ускользающее, не совсем здоровое выражение. Если бы не оно, девушку можно было бы назвать красивой, подумал Валбур и переключился на изучение её братьев. Судя по одежде, они тоже были не из простого семейства, как и никто за этим столом, кроме, разумеется, его самого, обыкновенного фолдита, всю дорогу сюда наивно предполагавшего, будто встретит в гостях у такой красавицы, как Фелла, себе подобных.

Поначалу, как водится, все только и говорили, что о хозяйке, нахваливая её стряпню, действительно, весьма вкусную, поздравляя с рождением, вслух завидуя Тому, что у него такая сестра, вспоминая, при каких обстоятельствах с ней познакомились, и вынуждая девушку снова и снова благодарить за подарки.

У фолдитов последнее было не принято. Конечно, вязаная шапочка и варежки не шли в сравнение с дорогой железной посудой, преподнесенной братьями и Дэлсин, или с очень красивым и явно не дешевым браслетом, который прямо через стол протянул ей Кендр, или с яркими цветами в глиняных горшках, чудом возникших среди зимы

---

¹⁶ Свёры – тяжелая пехота, вооруженная, как правило, арбалетами. Тяжесть возникала за счет почти сплошных металлических доспехов, делавших воина одновременно и неуязвимым для стрел врага, и опасно неповоротливым при рукопашной. Поэтому в лесных сражениях при каждом *свере* находилось по несколько помощников (*фултумов*), вооруженных длинными мечами или копьями. Тактика боя заключалась в том, чтобы предоставить возможность *сверу*, пользуясь прикрытием лат, выпустить как можно больше стрел в противника, прежде чем тот окажется в непосредственной близости. Тогда в дело вступали более подвижные помощники, в зависимости от обстоятельств дававшие *сверу* необходимое время либо для перезарядки арбалета, либо для отстегивания сковывающих движение доспехов, либо для отступления.

по воле Буллона и Эши. Однако даже если бы Валбур подарил ей ту меховую шапку, к которой приценивался, он никогда бы не смог набраться наглости и заставить Феллу признать свою щедрость. Здесь же это было в порядке вещей. Разумеется, Фелла обращала благодарности в шутки, все смеялись, подначивая друг друга, Том то и дело толкал Валбура под столом ногой, но ощущение неловкости не проходило.

Постепенно разговор стал распадаться. Буллон заспорил с Кендром о преимуществах оплеток на рукоятках мечей по сравнению с железными «накипиями», Эша восторженно слушала оживившуюся Дэлсин, сообщавшую о скорой свадьбе какого-то Кадмона и никому здесь не симпатичной Аноры, а Пент и Смирл на все лады доказывали имениннице, что предстоящий эфен'мот¹⁷ у некоего Гийса – именно то место, куда ей во что бы то ни стало нужно попасть, если она хочет понастоящему подзаработать.

- Вы не передумали? – поинтересовался Биртон у Валбура и на правах хозяина подлил ему в кружку остывшего крока.

- Насчет чего? – изобразил тот непонимание. Сейчас его куда больше интересовало, что ответит на предложение братьев Фелла.

- Я про «кровь героев». Том мне тут кое-что рассказал. Если соединить его рассказ с тем, что я видел своими глазами, я соглашусь с моим другом Ротрамом: вы теряете время.

- Я в гостях...

- Я не об этом. Вы прекрасно меня понимаете. Видели, в каком доме живет победитель?

- Кажется, видел.

- А ведь вы с вашим умением могли бы в честном бою с ним справиться.

- Зачем?

- Чтобы стать лучшим!

- Зачем?

- Деньги, слава, почёт! Не знаю, что Ротрам успел вам рассказать, но мы вместе с ним занимаемся поиском и отбором бойцов, и могу вас заверить, что у этих состязаний большое будущее.

- Рад за вас. – Валбур подхватил вилок из общего блюда и отправил в рот кубик твердого сыра. Фелла уже что-то ответила, и теперь все смеялись. – Я не дерусь за деньги.

- И никто не дерется, - согласился Биртон. – Деньги – приятное приложение к славе. Мне почему-то кажется, что вы не до конца понимаете, что вам предлагают.

- Может, и не до конца, но достаточно, чтобы отказаться.

- Разумеется, вас никто не неволит. Просто очень жаль. – Биртон передал Тому сладкий крендель, блюдо с которыми Фелла специально отставила подальше от брата. – А позвольте вас спросить, вы надолго в наши края?

---

¹⁷ Вечеринка, которую по поводу и без устраивают эдели

- Том пригласил на день рождения, - слукавил Валбур. – Завтра уеду.

- И далеко?

- Домой.

Биртон откровенно допытывается, где я живу, подумал он. Что ж, пусть гадает. Ещё не хватало, чтобы они с этим Ротрамом завалились к нему в гости и опозорили на весь тун. Валбур-боец! Да у нас там что ни фолдит, то руками махать умеет совсем не хуже него. Здесь, видать, не знают, что иногда между тунами устраиваются свои состязания, и те, кто посильней да позадиристей выходят биться на кулаках до первой крови либо до сдачи. Летом, когда трудиться приходится от зари до зари, не до того, а вот зимой часто бывает нечего делать, ну и договариваются аолы, где на сей раз праздник мужицкой удали справить. Чаще всего к ним приходят, благо их тун самым большим считается, да и расположен удачно – на равном удалении от остальных. Раньше он единственным был, где фолдиты за чертой Большого Вайла'туна селились, а теперь тунов подобных ему на пальцах обеих рук не счесть, но что и говорить – первенство по-прежнему за ними. Правда, последний раз, ещё до появления в их краях обнаглевших шеважа, они встречались с туном Тэрла, ловкого карлика, который уже давно сам в драках не участвовал. Так Валбуру пришлось потягаться силами со Струном, его помощником, и этот Струн побил его почти как мальчишку, после чего выяснилось, что они-таки проиграли гостям по сумме всех боев. Конечно, в том не только его вина, многие тогда маху дали, но он то поражение запомнил и теперь мечтал встретиться со Струном повторно, чтобы поквитаться, но тут началась катавасия с дикарями, и стало не до выяснения, кто сильнее. Так что если кому сказать, что его прочат в бойцы да ещё предлагают на этом поднабрать денег и славы, свои засмеют. И будут правы. Помнится, ещё старики насчет давнишних «боев за дружину», на смену которым и пришла нынешняя «кровь героев», говаривали, что не гоже фолдитам там состязаться. Их и так за дураков держат, а если они ещё и своё мастерство в ратном деле перед посторонними обнаружат, ну, тогда пропадай пропадом надежда на вольную житуху. Сейчас, похоже, многое как раз и решается. Замок после недавней смены власти ишь как лихорадит. Того и гляди скоро вразнос пойдем всем миром. Нет, если фолдитам есть что притаить, лучше не высовываться. Поддерживая разговор с Биртоном, Валбур краем глаза поглядывал на Феллу. Она сидела во главе стола, как положено имениннице, но со стороны печи, как положено радушной хозяйки, и то и дело отвлекалась, пока не выставила на стол последнее из заготовленных блюд. Теперь она отдыхала, явно наслаждаясь веселой беседой с Эшей, сидевшей справа от неё, и обоими братьями Дэлсин. На ней была просторная домотканая рубаша с вышивкой, чем-то напоминавшей ту, что украшала подаренные им варежки и шапку. Рубашку на узкой талии перехватывал красивый

наборный пояс, вероятно, тоже чей-то подарок. Волосы при свете лучин утерали подозрительную рыжину и стали просто золотистыми. Она собрала их на макушке в пышный хвост, а над ушами – во множество мелких косичек, как последнее время стало любимым занятием маленьких девочек. Ей подобная прическа очень шла, и Валбур подумал, что уже само пребывание здесь, под этой крышей в этот вечер делает его счастливым человеком. Даже попытки Кендра обратить на себя её внимание не всегда уместными, но зато весьма громкими шутками, не могли испортить ему настроение.

- Песню! – хлопнул в ладоши Буллон. – Мы хотим песню!

Валбур невольно вздрогнул. Обычно в подобных случаях все собравшиеся обращались к нему, подбадривая и подначивая взять дедовский карадон. Откуда они узнали, мелькнула мысль, но он сразу же спохватился, вспомнив слова Тома. Петь предстояло хозяйке.

Фелла для порядка поотнекивалась, поломалась, заставляя отдельные восклицанья постепенно перерасти в общий гул предвкушения, наконец, сделала знак брату, и тот охотно полез за соседнюю занавеску выуживать инструмент. Им оказались небольшого размера линги¹⁸, об игре на которых Валбур тоже имел некоторое представление. Линги считались древнее карадона, и когда-то им даже приписывались сказочные возможности. Во всяком случае, считалось, что в старину песни о героях складывались именно под них. Со временем почему-то их уступили женщинам, а мужским к инструментам теперь относили исключительно карадон и зун'тру¹⁹.

Фелла привычным движением положила линги на плотно сжатые колени, посерьезнела и обвела присутствующих вопрошающим взглядом, от которого у Валбура по спине пробежали сладостные мурашки. Линги выглядели совсем не старыми, на крышке были изображены черные извивающиеся стебли терновника, а звук, сопровождавший плавные прикосновения к струнам тонких пальцев, ласкал приятной глубиной и тягучестью.

Валбур с интересом наблюдал за приготовлениями. Обычно в таких случаях женщины брали в обе руки по щипку, костяному или деревянному, чтобы не портить ногти и упрощать себе игру. Фелла щипками явно пренебрегала. Она трогала все шестнадцать струн твердыми подушечками пальцев, привычных к этому непростому упражнению, причем иногда сразу несколько, чего, разумеется, нельзя было проделывать щипками, и получала непривычные, но очень приятные переливы, будто в комнате двое, а то и трое лингов, послушных её тайным желаниям.

Кендр не преминул восхититься первыми аккордами, однако его никто не поддержал: друзья Феллы прекрасно знали, чего ожидать, и, затаив дыхание, предвкушали скорое удовольствие.

¹⁸ Гусли

¹⁹ Подобие волынки

*В краю лесов, в краю долин
Горит костер листвы осенней,
И крики сов, как зов былин,
Томят простор нестройным пеньем.*

*Душа в груди болит сомнением...
Прощай мой журавлиный клин!*

Голос у певунии оказался таким же прекрасным, как и она сама: негромкий, бархатистый, с едва уловимой хрипотцой, гармонизировавшей с глубиной струнных вибраций.

Валбур снова ощутил холодное прикосновение мурашек. Он не знал слов этой песни и был немало поражен их странным сочетанием, совсем не походившим на те простые строки и рифмы, к которым привык с детства. Ему подумалось, что Фелла сама приложила к ним руку. Захотелось спросить об этом кого-нибудь, кто знал наверняка, но он не смел нарушить сосредоточенное внимание слушателей.

*... Я помню день, я помню час,
Когда за клином журавлиным
Взлетел мой дух, и свет угас,
И мрак растекся по долинам.*

*Ночь заструилась шлейфом длинным.
Не стало птиц, не стало нас...*

- Как грустно! - вздохнула Дэлсин. – Но это одна из моих любимых песен. Она мне как будто что-то напоминает, чего никогда не было.

- Или то, что будет, - поддержал сестру Смирл.

- Вы сами её сочинили? – не выдержал Валбур и заглянул в широко открытые глаза под журавлиным разлетом темных бровей.

- Как вы догадались? – улыбнулась Фелла, накрывая все ещё дрожащие струны ладонью. – Вы много песен знаете?

- Случается, я тоже напеваю, - признался он, только сейчас замечая, что они за столом не одни. – Редко... плохо... совсем не так, как вы. Но этой песни я не слышал.

- Может быть, вы тоже нам споете? – обрадовалась Эша.

- Этим я бы выказал неуважение к хозяйке, - в легком ужасе возразил Валбур.

- Отчего же? – Фелла протянула ему линги. – Спойте. Вы выручите меня. Иначе они вынудят меня развлекать их весь вечер в одиночку.

Инструмент был слишком легким для него. Щипки торчали из специальной прорези в боку. Похоже, их никогда прежде не вынима-

ли. Валбур извлек один и осторожно провел по струнам. Линги ответили послушным перезвоном.

- Я играю одной рукой, - словно извиняясь, предупредил Валбур.

Он снова посмотрел на Феллу и увидел на её губах улыбку. Она ждала. Они все ждали.

*Лиадран ты моя Лиадран!
Как же так нас с тобой разлучили?
Кто погиб от полученных ран?
Кони ржали, копытами били...*

Валбур сам не понял, почему запел именно эту песнь. К веселому дню рождения она подходила ничуть не лучше, чем та, которую исполнила Фелла. Вероятно, настроение заразно. Правда, он попытался спеть её не как прощальную, а как героическую, на подъеме:

*... Лиадран ты моя Лиадран!
Мы оправимся скоро от ран.
Нам откроются дальние дали,
И утешатся наши печали...*

Кое-что ему, видимо, удалось, потому что слушатели встретили последний долгий аккорд хлопаньем в ладоши, улыбками и просьбами продолжать. Валбур подмигнул Тому и затаил, осторожно постукивая в такт по гладкому боку лингов:

*А я, бум-бум, иду, бум-бум
И песенку пою.
О том, бум-бум, как тут, бум-бум
Слагаю жизнь мою.*

*И день, бум-бум, и ночь, бум-бум,
Я не смыкаю глаз.
Удар, бум-бум, второй, бум-бум,
Слагаю я рассказ.*

Сидевшие за столом уже дружно подпевали:

*Топор, бум-бум, и нож, бум-бум
Пускаю смело в ход.
Избу, бум-бум, забор, бум-бум
Слагает мой народ.*

*Направо – бум, налево – бум.
Куда ни брошу взгляд,*

*Растет, бум-бум, цветет, бум-бум
Слагает стены град...*

- Я тоже её знаю! – воскликнул Том. – И даже знаю, кто её сочинил!

- И кто же? – Пользуясь случаем, Валбур передал линги обратно Фелле.

- Мали-строитель!

- Мали-силач, - поправил Буллон.

- Ну да, а также борец и прочее, и прочее, - подхватил Биртон. – Некоторые до сих пор исповедуют его культ.

- Не вижу в этом ничего странного, - заметила Дэлсин. – Он многое умел и многому научил наших предков. Особенно строителей.

- Думаешь, такой Мали существовал на самом деле? – спросила Фелла, засовывая щипок обратно и поглаживая притихшие струны.

- А почему бы и нет?

- Он был великаном, - ответил за сестру Том. – У него была почти черная кожа. Он никогда не мылся. А волосы у него были как шерсть у барашков - кучерявые.

Дэлсин пожала плечами.

- О героях принято судить по поступкам, а не по внешнему виду.

- Времена героев прошли, - сказала Эша, переглядываясь с Феллой.

- Говорят, какой-то герой объявился перед самой зимой в Пограничье, - напомнил Пент.

- Ты про того, который на глазах у всего туна будто бы один разогнал полчища дикарей? – переспросил брата Смирл.

- Если он такой герой, то почему никто про него ничего не знает? - покачала головой Эша. – Настоящие герои не бегают от славы и не боятся её.

Валбур посмотрел на Биртона. Тот понимающе улыбнулся.

В дверь громко постучали. Явно не рукой, а чем-то твердым.

- Именем замка, откройте! – крикнули с улицы.

Все озадаченно переглянулись.

- Это ещё что? – Буллон встал из-за стола и перешагнул через лавку. Эша ухватила мужа за рукав. – Погоди, тут какая-то ошибка. Надо выяснить. Я наших знаю.

Он вышел в сени.

Том, почувствовав неладное, сполз под стол и затаился.

Фелла машинально перебирала струны и тихо что-то напевала, давая понять, что стук в дверь – не более чем досадное недоразумение.

Дэлсин ещё больше побледнела, хотя до сих пор это казалось невозможным. Когда из сеней раздался стук не одной, а нескольких пар кованых сапог, мужчины невольно поднялись.

Первым вошел Буллон. Вид он имел смущенный. Следом за ним по очереди прошли трое виггеров в сверкающих доспехах и выжидательно замерли посреди комнаты. Четвертым был их начальник, затянутый в кожаные латы. На правой стороне груди красовалась вышивка в виде перевернутого лепестка, который означал определенный чин. Какой именно, Валбур понятия не имел. Тем более что сейчас его больше занимала сутулая фигура того самого фра'нимана, которого он недавно имел удовольствие поколотить. Улмар, или как его уж там звали, прятался за спиной начальника и смотрел на присутствующих затравленным зверем. Половину его недовольной физиономии заливал пунцовый синяк. Увидев Валбура, который и не думал скрываться, он указал на него пальцем.

- Вот этот! Он на меня напал.

- Именем замка, ты арестован, - отчеканил начальник и сделал жест своим людям, которые исполнительно шагнули вперед и цепко схватили Валбура за руки.

Он не стал их стряхивать, не стал чинить новых беспорядков²⁰, просто стоял и осознавал, что, очень может быть, видит Феллу в последний раз.

- Что все это значит? – первым нашелся Биртон. Остальные эдели совершенно не знали Валбура и потому справедливо сочли за благо промолчать – мало ли что. – По какому праву вы врываетесь в чужой дом и хватаете этого человека?

- Поступила жалоба, - ответил человек в коже. – Нападение на слугителя замка. Есть свидетели.

- Они все врут! – послышался отчаянный крик из-под стола, и, опережая волну скатерти, наружу выбрался Том. – Это он на меня напал. А керл Валбур меня защитил. Пустите его!

Улмар соорудил ехидную гримасу. И поморщился от боли.

Валбур заметил, как Дэлсин покосилась на братьев, и те подались вперед.

- Я вижу, здесь собрались приличные люди, - остановила их поднятая рука начальника. – Не думаю, что кто-нибудь из вас захочет помешать правосудию. Тем более что если в результате разбирательства выяснится, что ваш друг невиновен, никто насильно его удерживать не станет. – Он оглянулся на Буллона и понимающе кивнул. – Мы просто делаем свое дело.

- Лучше бы вы делали свое дело, когда этот фра'ниман обобрал меня на улице, - вырвалось у Феллы.

- Вот как? В самом деле? Вы обращались с ходатайством в замок по этому поводу?

---

²⁰ Здесь и далее используется исконная русская орфография, в которой отсутствовала приставка «бес-». «БЕС-овство» появилось относительно недавно, после революции 1917 года, с подачи тов. Луначарского.

- Она не обращалась, - прошамкал Улмар. Похоже, удар получился на славу, и теперь у него не хватало некоторых зубов. – Потому что ничего подобного не было. Она хотела избежать положенной оплаты.

Биртон успел схватить за плечи Тома, который чуть было ни набросился на лжеца.

- Он врёт! Врё... - Ладонь эделя закрыла кричащий рот.

- Мы разберёмся, - тихо сказал Биртон, но так, что Валбур тоже его услышал.

Его повели вон из комнаты, в сени. Улмар выскользнул на улицу первым и сразу где-то растворился. Крепкие руки стражей разжались, позволив накинуть верхнюю одежду.

- Я сам, - буркнул Валбур и пошел следом за деловито застегивающим на голове шлем начальником.

Как им не холодно ходить в такую стужу в этих железках, думал он, пока его вели неизвестно куда между погруженными во мрак и сон избами. Говорят, в прежние времена зимы не такими морозными были. Видать, с тех пор у них так и осталось заведено. Хотя, может, этим увальням и застужать-то нечего...

Последние слова Биртона и особенно поступок Феллы вселяли в него некоторую надежду. Хотя по большому счету удивляться не приходилось. День ведь не задался с самого утра. И про возможный приход виггеров он думал весь вечер после того, когда Том рассказал ему, с кем они связались. Фра'ниманы известны своей настойчивостью и обидчивостью. Далеко не все они подлецы, но этот Улмар отнюдь не исключенье. У них в туне ходили разные байки на этот счет. До сих пор ни один фра'ниман к ним воплоти не захаживал, однако после смены власти в замке, когда её захватили богатые торгошники, люди стали поговаривать, что того и гляди и в их края нагрянут за гафолом²¹. А за что им платить? Фолдиты у замка ничего не занимали, жили своим хозяйством, если что покупали, то на свои кровные, а брать в долг, как то теперь становится принято в Вайла'туне, считалось позорным. Да и было бы у кого брать: вокруг все такие же, как ты сам – в трудах да недоле.

- Куда идём, мужики? – спросил он темноту.

- Скоро увидишь.

- Нехорошо получилось: прям с гостей меня увели. Не по-людски.

- Не наше дело, - отрезал идущий впереди. – Нам велено – мы делаем.

- Хорошо, когда думать не надо, - усмехнулся Валбур.

- Язык-то попридержал бы! В такую ночь и оступиться можно. Потом чего-нибудь не досчитаешься.

- Доходчиво. Молчу.

Если бы такие виггеры наведались к ним в тун, живым бы им оттуда не выйти. Фолдиты только с виду казались покорными и на всё

---

²¹ Оброком

согласными. Просто они понимали, что всегда лучше выждать, чем переть на рожон. Но никаких покушений на свою свободу не прощали. Упреки и наказания принимали исключительно от себе подобных, не уважая мнения пришлых и поставленных выше их не по заслугам, а по произволу. Как эдели наверняка подсмеивались над внешней простоватостью фолдитов, так и те в свою очередь собирали разные шутки и прибаутки о них, купивших себе титул за деньги и кичащихся им больше, чем делами отцов и собственными заслугами. Но до туна сейчас было недостижимо далеко, так что оставалось ждать и надеяться.

Они прошли той же дорогой, какой Валбур попал сюда, миновали таверну «У Старого замка», легко узнаваемую даже ночью своей простреленной вывеской, свернули несколько раз вправо, влево, прошли через неожиданно возникшую между домами брешь вроде площади, и, наконец, остановились перед отдельно стоящей избой, отличной от остальных изб отсутствием изгороди и вытянутой в длину формой. Обычно такими строили подсобные сараи, но их строили из досок, а здесь были тщательно подогнанные толстые бревна, придававшие дому ощущение надежности и прочности.

Каркер²², понял Валбур, хотя никогда раньше таких изб не видел. О них ему рассказывал Йорл, правда, по его словам, «каркерами» назывались надвратные домики в Стреляной Стене, куда в прежние времена засаживали на некоторое время редких нарушителей порядков или злостных неплательщиков гафола. Теперь для этих целей никаких надвратных домиков не хватало. Приходилось строить специальные места, перед входом в одно из которых он сейчас остановился, спокойно ожидая, что будет дальше.

А дальше его решительно подтолкнули внутрь, и он оказался в длинном, дурно пахнущем коридоре, все пространство которого освещалось всего двумя факелами – в начале и в конце. По обе стороны в коридор выходили обитые железом низкие двери с вырезанными на уровне живота окошками, запертыми снаружи на ржавые задвижки. Несмотря на поздний час, за дверьми кто-то шебаршился, а из-за некоторых доносились довольно громкие разговоры, сопровождавшиеся обиженными возгласами и руганью.

Навстречу гостям из ближайшей к входу комнаты с распахнутой настежь дверью вышел, позевывая, угрюмого вида детина, выпрямился, смерил Валбура оценивающим взглядом и устоялся на начальни-
ка.

- Заселяй, - сказал тот. – А то ты тут, смотрю, совсем заскучал.
- За что взяли? – без интереса уточнил сторож.
- Драку учинил. Человека обидел.
- Буйный, значит? – Сторож широко зевнул и оскалился. - Таких у меня нынче большинство.
- Пусть поживет пока.

---

²² Некое подобие тюрьмы

- Как прикажете.

Они пошли по коридору.

Валбур почувствовал опасность. «Поживет пока» должно было, наверное, означать, за какую дверь его сейчас определяют: где никого нет, где сидит какой-нибудь замухрышка или в кампанию серьезных мужиков вроде утренних налетчиков. Последнее соседство было бы забавно, но не смешно.

- Стой.

Сторож сперва открыл задвижку, заглянул в окошко, убедился в том, что по ту сторону все спокойно, и только тогда отодвинул массивную щеколду на двери.

- Заходи.

Запахи коридора не шли ни в какое сравнение с теми, что встретили его в этой забытой всеми конуре. Нагнувшись, Валбур с трудом протиснулся в пространство, лишенное света и стен. Луч, следовавший было за ним снаружи, оборвался, когда дверь захлопнулась, и он оказался окончательно отрезанным от внешнего мира. Один ли?

Вытянув вперед руки, двинулся ощупью туда, где ему померещилось пустое место. По пути обо что-то споткнулся.

- Потихе тут, - сказал из тьмы недовольный голос. – Только засыпать начал...

- Прости, братец.

- Мой братец тебе в пасть не влезет, - огрызнулся невидимый собеседник.

За такие слова хотелось немедленно проучить наглеца, однако их, похоже, никто из посторонних не слышал, а значит, ответ за оскорбление остается на совести Валбура. У которого сейчас не было ни малейшего желания поднимать лишний шум.

Нащупав плохо струганные бревна, присел, повернулся к стене спиной и вытянул ноги. Только что радовался в веселой кампании новых друзей за праздничным столом, и вот, пожалуйста – сидит на полу среди крошечного мрака и жуткой вони. Нечего сказать, достойный конец насыщенного дня!

Рядом зашевелились.

- Разбудил, тогда рассказывай, - продолжал после паузы голос. Он был хриплый и принадлежал, вероятно, старику.

- Что рассказывать?

- Как там, на воле?

- Ночь.

- Говорят, зима.

- В смысле?... А, ну да, не без этого. А ты тут давно что ли сидишь?

Голос не ответил. Закашлялся. Валбур почувствовал на колене чужую цепкую руку. Перехватил худую кисть, оторвал от себя.

- Сильный. Ты высидишь, - с некоторой завистью сказал голос. – А мне помирать пора. Ща посплю и помру.

- Погоди помирать. Кто сам-то будешь?
- Уж и не помню толком.
- Не бреши.
- С мое посидишь, имя свое забудешь.
- И за что тебя?
- А тебя?
- Фра'ниману одному рожу помял.
- Всегда мечтал...
- А чего сделал-то?
- Я-то? – Старик снова замолчал. – Правду сказал.

Валбур уже успел задуматься о своем, когда до него дошел смысл последних слов.

- Вот как! Это что же такая за правда, за которую сюда без сроку сажают?

- Да уж какая есть. Вернее, была.
- Не поведаетшь?
- Как-нибудь в другой раз.
- Так ты же помирать, вроде, собирался.

- Я-то? Ну, да... Только знаешь что? Если я тебе скажу, а они узнают, что я тебе сказал, то и тебя уже отсюда никуда не выпустят. Согласен?

Вопрос повис в темноте. Валбур уже был не рад, что поддержал беседу с этим сумасшедшим. Потому что нет такой правды, за которую лишают свободы. Есть правда, за которую лишают жизни. Но не свободы. Может, у дикарей так и принято, да только не здесь. Тэвил! Мысли от такой вони сами путаться начинают.

- Тебя тут что, и до ветра не выводят?

Старик молчал. Вероятно заснул. Валбур отчетливо представил себе, на что должен походить пол, особенно в углах, если кто-нибудь удосужится заглянуть сюда с факелом. Обвел руками вокруг себя, боясь наткнуться на что-нибудь мокрое или скользкое. Обнюхал пальцы. Вроде бы пока не вляпался. Решил сидеть смирно и ничего больше не трогать. Поспать бы, но разве ж теперь заснешь?

Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, ему показалось, что в помещении стало светлее. То тут, то там в стенах и двери проглядывали узкие щели. Затеплилась надежда, что через какое-нибудь время привыкнет к мраку и сможет различить какие-нибудь предметы.

Прислушался к голосам. Только мужские. Ну, ещё бы! Женщины не достойны таких почестей. Их можно заставить расплачиваться разными другими, более приятными способами. Подумалось о Фелле. Наверное, уже проводила гостей и ложится спать. Все-таки очень хорошо, что он её встретил. Даже если ему скоро придется погибнуть – жизнь прожита не зря. Даже если на память о нем у неё останутся лишь варезки да шапка. Хоть какая-то польза. Конечно, было бы лучше, если бы он не сплеховал и прикончил этого ублюдка Улмара,

но ведь в тот момент он не знал, что к чему, а убивать людей – последнее дело. Хотя некоторых стоило бы. Если такие, как Улмар, захватят власть, простым вабонам мало не покажется. Целыми днями трудишься, не покладая рук, а потом приходит к тебе какой-то гадёныш и заявляет, что ты должен делиться. С кем? Почему? Разве тебе кто-то помогал? И разве тебе кто поможет, когда дикари будут жечь твой дом? Это раньше вот, когда Вайла'тун не был ещё таким большим, и гафол собирали со всех на нужды войска, чтобы оно защищало от дикарей, позволяя остальным спокойно трудиться, тогда понятно. Ну, так то времечко разве кто сегодня помнит? Деды, бывало, рассказывали, а отцы – уже с их слов...

Судя по тому, что его разбудили, он всё-таки умудрился заснуть. Лежа на боку, принюхался, приоткрыл один глаз и увидел, да-да, света хватило, что в двери открыто окошко, и за ней в пламени факела щурится угрюмая физиономия сторожа. Пользуясь случаем, резко привстал и огляделся. В бегающих по стенам и полу отсветам различил, что комната совершенно пуста, если не считать лежащего почти точно посередине тела.

- Эй, ткни-ка его, - велел сторож.

Валбур на корточках приблизился к соседу и потряс за плечо. Плечо под пальцами было твердым и костлявым.

- Очучурился что ль? – спросил сторож.

- А ты огоньку поддай, - попросил Валбур и рывком перевернул лежащего на спину.

Это был не старик, а средних лет мужчина, только очень худой, изможденный и обросший. Веки опущены, как у спящего, рот, едва заметный среди зарослей усов и седеющей бороды, приоткрыт. Наклонился к самым губам, прислушался. Не дышит. Оглянулся на дверь.

- Похоже, помер, как обещал.

- Чего обещал? – не понял сторож.

- Да это я так, неважно. Кормить человека надо было.

- Кормить! Больно много вас, жопоротых. Жрать да гадить умеете.

– С той стороны лязгнула щеколда. – Отойди-ка назад к стене, да смотри у меня, не озорничай.

Валбур послушно сделал, как велели. В приоткрывшуюся дверь протиснулся тот же мужик, что принимал его накануне. Только не зевал больше. Держа факел над головой, деловито присел возле трупа, потрогал лицо, шею и издал пронзительный свист. Почти сразу же за дверью выросла ещё одна фигура.

- Забираем. Отмучился.

Пока сторожа возились с его бывшим соседом, Валбур успел осмотреться. Как ни странно, пол оказался гораздо чище, чем он предполагал. Только в дальнем углу была навалена невысокая кучка дерьма. Вот и все, что остается после человека, подумал Валбур, удивлен-

ный тому, что дерьмо хоть и вонючее, но его уж больно мало для того, кто прожил тут не один день. Он осторожно поднялся на ноги, чтобы не привлекать внимания сторожей и заметил позади кучки отверстие в полу. Все встало на свои места: там было прорублено отхожее место, куда все отходы и сваливались. Поскольку во всех здешних комнатах, очевидно, проделывали одно и то же, под избой скопилось целое зловонное болото и запахи от него поднимались через те же дыры обратно...

- А ну-ка сядь, пока дверь ни закроем! - рявкнул главный из сторожей.

Он продолжал держать факел, а его помощник тем временем вылакивал тело за вытянутые, как в мольбе, руки. После этого он вытер рукавом щеку, будто смахивая несуществующую слезу, зачем-то погрозил Валбуру коротким пальцем и торопливо вышел.

Нахлынувшую тьму, словно молния, прорезала вспышка внезапной мысли: Тэвил, что я тут делаю?! Я же никого не убил, мой проступок нигде и никто не обсуждал, как то должно обычно делаться, вероятно, не только в тунах, где все на виду, но и здесь, где живут такие же люди, меня никто не наказывал – меня просто взяли и сунули сюда, где запросто умирают до срока состарившиеся мужчины, где вонь и голод в порядке вещей, где нет света, где нет ничего, к чему ты привык и что может позволить тебе оставаться человеком. И это не чья-то грубая шутка и не игра. Тут все по-настоящему. Дерьмо – настоящее. Трупы – настоящие. Безмозглые сторожа – настоящие. Как я сюда попал? И куда это – сюда? Разве кто-нибудь знает о существовании таких гостеприимных каркеро́в? Знают про мелочи, но не про это. Как такое можно было сокрыть? Если только... если только те, кому на роду выпало здесь оказаться, никому ничего не рассказывают. Потому что не могут. Потому что они... здесь остаются.

Валбур подскочил на месте и кинулся к двери. Не рассчитал. Больно ударился локтями и забарабанил кулаками по тихим бревнам.

- Откройте!! Слышите! Откройте сейчас же! Кто вам позволил? Тэвил! Открывайте сейчас же! Меня оболгали! Я не должен тут быть! Эй!! Вы слышите меня?

Его никто не слышал. А если и слышал, то невнятно, как он давеча, когда только очутился здесь и решил по простоте душевной, будто это не надолго. Да если бы он догадывался, как все обернется, он бы ещё по дороге сюда изловчился и свернул шеи тем воякам, которые вместо дела занимаются тем, что прислуживают разным ублюдкам недоношенным. Постеснялся! Думал, они невинны и просто выполняют свой долг. Ага, долг они выполняют! Перед кем может быть такой долг, чтобы невинных людей бросать в темницу и забывать про них? На день? На два? До следующей зимы. Мертвый старик спрашивал, что сейчас на дворе. Но ведь это могло и не означать, что он сидит тут так давно. Если его не кормили, он не видел света, кроме факела

сторожа, не спал, мучаясь от постороннего несмолкающего шума, у него мог ум зайти за разум, и тогда уже не важно, сколько времени ты здесь сидишь. Важно – как ты здесь сидишь. Как животное в капкане или растение в земле? Тогда все дни у тебя сольются в один и ты не будешь знать, сколько их прошло. Тебя будет заботить мысль о том, сколько их осталось. Но и этого ты никогда не узнаешь, пока ни придет твой час, как пришел он к его недавнему соседу.

- Откройте!!!

Стало очень страшно. От страха он позабыл всё, потерял память, предал даже Феллу: он не вспоминал о ней, стуча кулаком в дверь и требуя в слезах, чтобы его выпустили.

А потом ему стало всё равно.

И это было ещё страшнее отчаяния.

Потому что живому человеку все равно быть не должно. Ни при каких обстоятельствах. Нельзя позволять, чтобы внешние силы взяли над тобой верх. Особенно те, о которых не догадываешься. Даже смутно.

Он сполз по стене на пол. Закрыв уши ладонями и сильно сжал голову. В ушах зашумело. Сразу вспомнилось, как они с отцом в его детстве первый раз приехали в Вайла'тун, где жила их какая-то дальняя родственница по отцовской линии, и ради интереса добрались до самого берега Бехемы. Они стояли на песке, к ногам подкатывались холодные волны, впереди бурлили торопливые воды, по небу носились птицы с белым оперением, дул сильный ветер, и вокруг стоял точно такой же несмолкаемый гул, от которого нельзя было нигде укрыться. Только сбежать.

То, что с ним сейчас происходило, было несправедливо. Знали ли Биртон и остальные, куда его поведут, когда покорно отпустили вместе с охранниками, не только не оказав сопротивления, но даже намеком не выдав ему, что лучше спастись бегством, чем глупо покорствоваться? Что его ждет теперь? В туне с такими вещами не стали бы затягивать: собрали вече да решили всенародно, что он погорячился, или что он совершенно прав, и виновного наказали бы. А здесь как? Кому мог пожаловаться этот Улмар? В замок? Едва ли он бы успел сбежать туда и вернуться с подмогой. Значит, кому-то ближе, кто тоже имеет право отдавать распоряжения тамошним виггерам. Раньше, кажется, за порядком в Вайла'туне следили конные воины – мерги. Теперь, похоже, их уже не хватает. Сперва пешие ребята пришли за остановленными им налетчиками на таверну, потом – за ним... Коней на всех явно не хватает. Кони в Вайла'туне – удовольствие дорогое. Власть в замке недавно переменилась, однако запрет на их разведение и ограничений на покупку никто не отменял. Вот и на весь их тун всего три лошади в общем пользовании, правда, одна из них кобыла, так что есть надежда на возможный приплод. Пока же ездили по очереди, испрашивая дозволения у Артаима. Последний раз повезло Фирчару. Где-то он те-

перь? Думает, небось, что он, Валбур, повстречал какую-нибудь бабён-ку, вот и остался без предупреждения. Конечно, он был недалек от истины, всё могло бы быть именно так, но не сложилось. Тэвил!

Вероятно, от отчаяния он все-таки заснул, потому что когда снова очнулся в вонючей комнате, окруженный непроглядной тьмой, в памяти осталась одинокая телега посреди заснеженного поля, а в ней несколько мужчин сурового вида и красивая длинноволосая женщина. Женщина спала, её тщетно пытались разбудить, а потом выяснилось, что она мертва.

Он не знал, как звали женщину, не знал её спутников, но ему почему-то казалось, что их жизни очень важны для него, нет, не только для него, для всего Вайла'туна. Ему снилось, будто он, сознавая это, бросается им на помощь, продирается через высоченные сугробы, кричит, зовет, однако его никто не слышит и не видит. Телега проезжает мимо, а он смотрим ей в след и удивляется, отчего это они решили ехать по снегу в ней, а не в обычных санях...

- Он тут? – спросил голос за дверью. Получив, вероятно утвердительный ответ, распорядился: - Отворяйте живее!

Валбур приподнял голову и уперся взглядом в приоткрывшееся окошко. Ему даже показалось, что он узнал пламя факела.

Дверь распахнулась.

Валбуру решил, что его специально хотят ослепить – так светло сделалось в его убогой обители. Сперва вошли двое. Потом внутрь шагнул третий.

Если подойдут поближе, я накинусь на них, щурясь, подумал он, и уже напрягся для отчаянного броска, когда факелы потускнели, а лицо, склонившееся над ним, оказалось лицом Биртона.

- Ты в порядке?

- Вам виднее... - Он ухватился за протянутую руку и тяжело встал. – Куда меня теперь поведут?

- Никуда, если не будешь больше делать глупостей, - сказал, выходя из-за спины Биртона второй гость, которым оказался его старый знакомый, торговец оружием и уважаемый эдель Ротрам.

- Глупость я пока сделал только одну, - буркнул Валбур, не находя в себе сил радоваться или огорчаться. Он смотрел на Биртона, который улыбался ему и подмигивал, причем так, чтобы не видел стоявший здесь же и почему-то больше не зевающий сторож.

Они не стали уточнять, что он имеет в виду.

- Произошло недоразумение, - пояснил Биртон. – Тебя приняли не за того и потому схватили. – Он снова подмигнул. – Но вита Ротрам не бросает в беде своих лучших бойцов. Собирайтесь тебе, похоже, не надо, так что пошли.

- Вот его шмотье, - сказал сторож, протягивая Биртону шубу и шапку Валбура.

А он и не помнил, чтобы снимал их, когда попал сюда. Обратил внимание, что сторож не бросил их на пол, как мог бы, и не отдал ему в руки, а передал через Биртона. Видать, боялся рассердить двух эделей, но при этом не хватило совести обратиться с ним, как с человеком, а не как с бывшим заключенным. Да и с бывшим ли? Сейчас он уже ничему не верил на слово и готов был вздохнуть с облегчением лишь тогда, когда окажется у себя дома, на теплой печи. Потому что только теперь почувствовал, как замерз.

Пока его выводили из барака на улицу, все, не сговариваясь, хранили молчание.

На улице ничего как будто не изменилась. Всё та же зима, всё та же ночь.

- Сюда, - сказал Биртон, тронув Валбура за плечо. – Видишь сани?

Действительно, сани стояли на углу соседней избы и явно ждали их. Когда они по очереди забрались внутрь и расселись на мягких шкурах, возница, ни о чём не спрашивая, молча тронул. Он знал, куда их вести.

- Похоже, наш друг от радости потерял дар речи, - усмехнулся Ротрам. - Ладно, маго²³ Валбур, поблагодарите нас в другой раз.

- Отчего же, вита Ротрам? Я вам и Биртону очень даже признателен! Вы представить себе не можете, откуда вы только что меня вытащили. Я думал, мне конец.

- Биртон поведал мне о том, как все произошло, и я не мог не вмешаться. – На сей раз улыбка на лице Ротрама выглядела добродушной и как будто искренней. - Пришлось использовать кое-какие связи, но ради хорошего человека чего ни сделаешь. Тем более что все эти фра'ниманы у меня ещё с юности в печёнках сидят. Так что мы рады были помочь.

- Сколько я там пробыл?

- Когда тебя увели, я не мешкая отправился за подмогой, - сказал Биртон, поглаживая перчаткой пряди своих длинных волос, выбивающиеся из-под высокой меховой шапки, какие любили носить богатые ремесленники. – Вита Ротрам, сразу согласился посодействовать, мы кое-куда съездили, решили все необходимые вопросы и вот, пожалуйста, ты на свободе.

- Хотите сказать, ещё и дня не прошло? – недоверчиво усомнился Валбур.

- Ещё и утро не наступило.

- Время – штука подлая, - вздохнул Ротрам, заметив на лице собеседника целую гамму чувств – от изумления до гнева. – Но, как говорили умные герои, все хорошо, что хорошо кончается.

Валбур понятия не имел, где они едут. Его била холодная дрожь, и ему казалось, что он забыл надеть шубу. Нет, отцовский тулуп был на месте, шапка тоже. Не на месте была только душа, слишком много пе-

²³ Вежливое обращение к более молодому, но достойному уважения собеседнику

режившая с прошлого вечера и рвущаяся наперегонки с лошастью, причем в другую сторону.

- Куда вы меня везёте? – нашел он, наконец, в себе силы задать вопрос, ответ на который знал заранее.

Биртон посмотрел на Ротрама. Ротрам выдержал необходимую паузу. Когда же он заговорил, голос у него звучал твердо и деловито.

- Если бы вы могли понюхать себя со стороны, то поняли бы, что первым делом вам нужна хорошая баня. Если только вы не намерены использовать запах как оружие.

- Вы имеете в виду «кровь героев»?

- Я имею в виду, что человек, которые умеет драться не хуже, чем слагать песни, должен нравиться и мужчинам, и женщинам, а для этого от него не должно вонять, как от обдриставшейся свиньи.

Наверное, то была веселая шутка, потому что оба спутника расхохотались.

- Эта вонь напоминает мне о человеке, который умер сегодня ночью, - тихо сказал Валбур. – Я не знаю, сколько времени он провел в том каркере и за что его туда упекли, но он даже там не потерял человеческого облика.

- Извини, - хмыкнул Ротрам, а Биртон положил Валбуру руку на плечо, словно давая понять, что никакого запаха не замечает. – Биртон мне сказал, что вы вступились за Феллу.

Это имя вернуло Валбура к жизни. Как он мог забыть о ней! Теперь, когда он опять на свободе благодаря своим новым друзьям, она снова стала для него самой желанной женщиной на свете.

- Не за неё, а за её брата, Тома. Вы их тоже знаете?

- Она иногда бывает у меня. – Слова звучали буднично, однако нельзя было не заметить, что Ротрам произносит их с определенной гордостью, если не сказать тщеславием. – Я знал её отца. Настоящий был виггер. Теперь таких мало. А бедной девочке нужно на что-то жить. Так что при случае я её приглашаю развлечь моих гостей. Вы, кажется, уже слышали, как она поет? Прелесть! А как она танцует! Я с удовольствием плачу ей больше, чем заплатил бы любой другой.

- Она – не любая другая, - почти обиделся Валбур.

- Совершенно, верно. Фелла может далеко пойти, если её поддерживать...

Было понятно, что Ротрам завел весь этот разговор для того, чтобы настроить собеседника на нужный лад. Валбур поддался. Он был отчасти даже рад поддаться. Фелла! От ужаса за свою жизнь он позволил себе позабыть о ней. Но сейчас может так случиться, что он снова увидит её, причем, вероятно, скоро. Ротрам добился своего: душа перестала рваться прочь и вернулась в тяжело вздымающуюся под шубой грудь.

- ... если её поддерживать, как и вас, - закончил Ротрам.

Валбур хотел было ответить, что не нуждается в поддержке да к счастью вовремя сообразил, как глупо это сейчас прозвучит. Промолчал. Это он-то не нуждается в поддержке? Спал бы сейчас в дерьме без еды и воды, если бы не эти двое. Они, разумеется, преследуют свои цели, но разве их цели противоречат тому, что хочет он? А он больше всего на свете хочет спросить у Феллы, нравятся ли ей его рукавички. Нет, не спросить, а просто увидеть, что она их надевает и носит, и они её греют, её руки, её длинные пальцы...

Биртон похлопал его по плечу. Тем самым давал понять, что он правильно делает, что больше не сопротивляется. Они уломали его. Каркер уломал его. Варезки и Том уломали его. Какая теперь разница! Они не сделали ему ничего плохого, они позаботились о нём, когда он оказался в беде, и теперь он может им отплатить благодарностью.

Он не хотел спать, а, узнав, что, оказывается, протомился в страшных застенках всего часть ночи, расхотел и есть. Молча смотрел на скользящие мимо избы, на темные окна, закрытые ставнями, на редкие факелы, которые, говорят, зажигают здесь только зимой, поскольку в другое время местные жители боятся пожаров, провожал взглядом одиноких прохожих, уступавших дорогу их саням, и всё думал, думал...

- Утром я зайду к Фелле и предупрежу, что все обошлось, - негромко сказал Биртон, обращаясь к Ротраму. - Том переживает. Наш друг произвел на него неизгладимое впечатление.

- Могу себе представить, - откашлялся в кулак торговец. - Редко можно найти бойца, который не машет руками, а превращает каждый удар в последний. Быстрота и точность - вот что важно и что я всегда ищу в героях.

- Уж мне ли не знать.

- Послушайте, - повернулся Ротрам к Валбуру, - я всё хотел вас спросить. Где вы научились так драться?

- Вы уже спрашивали. В таверне.

- В самом деле? И что же вы тогда ответили? Или не ответили?

- Я не ответил, что таким меня родила мать и воспитал отец, вита Ротрам. Хотите верьте, хотите нет, но я никогда не учился этому ремеслу. У нас между тунами бывают иногда шуточные стычки, но это - возможность испытать себя и свой загрибок, а не научиться. И уж если быть с вами честным до конца, то меня там изрядно поколачивают.

- Вот как? Наверное, ты тоже не остаешься в долгу? - Ротрам незаметно ткнул Биртона локтем в бок.

- Когда как. Вообще-то я драться не слишком люблю.

- Но тогда мне тем более непонятно, как же у тебя это так лихо получается!

- Просто я вижу, что сейчас последует и довольно редко ошибаюсь. Остается только быть точным в ответных движениях.

- А мне показалось, что тем парням в таверне ты не дал ни малейшей возможности тебя ударить.

- Они просто не успели, - предположил Валбур. – Если бы мы бились один на один, я бы выждал. А тут нужно было спасти Ниду.

- Ты её знаешь?

- Кого? Ниду? Нет, она со мной после познакомилась.

- Скоро женщины вообще не будут давать тебе прохода, - пошутил Ротрам, не заметив, как потемнело лицо собеседника. – А оружием ты каким-нибудь владеешь?

- Думаю, что нет.

- Что значит «думаю, что нет»?

- Ну, из лука я время от времени стреляю, когда на охоту хожу, а вот так, чтобы мечом или там, не знаю, топором рубиться с кем-нибудь, этого мне не доводилось.

- Понятно. Подучим. – Ротрам снова повернулся к Биртону. – Это ж надо, голыми руками обезоружить троих вооруженных молодчиков да ещё им шкуру не попортить! Думаю, окажись на месте нашего друга свер или просто кто из местных удальцов, они бы им первым делом кишки выпустили, а уж потом стали думать, почему так произошло.

- Я до сих пор жалею, что не разделался с тем беззубым фра'ниманом, Улмаром, или как там его...

- И очень хорошо, что не разделался, - встрепнулся Биртон. – Если бы ты ему не синяк на пол-лица поставил, а свернул челюсть или ещё чего хуже натворил, мы бы сейчас с тобой не разговаривали. Фра'ниманов мало кто любит, но трогать их – себе дороже.

- Вот они и обнаглели вконец.

- Бывает. Но на них всегда можно найти управу.

- Всегда? А Том рассказывал, как он однажды ободрал Феллу?

- Том горазд сказки сочинять. – Биртон потянулся вперед и хлопал возницу по круглой спине. – Я эту историю слышал, но даже сама Фелла её не подтвердила.

Сани остановились.

- Я сойду здесь, - сказал Биртон и соскочил в снег. – Теперь, надеюсь, мы будем соседями. До завтра, Ротрам.

- Уже до сегодня.

- Как договорились, подойду к обеду.

Он махнул им на прощанье рукой и скрылся за ближайшей калиткой. Валбур заметил в глубине двора на фоне темно-серого неба несколько почти плоских крыш и одну острую. Судя по всему, за забором скрывалось немалое хозяйство. Вот бы посмотреть, как на самом деле живут эти эдели. Кто знает, может, когда-нибудь и получится. Собственно, рядом с ним по-прежнему сидел один из них и никуда выходить не торопился.

- Куда мы едем? – поинтересовался Валбур.

- А вы, я смотрю, тоже не блещите разнообразием в вопросах, - рассмеялся Ротрам. - Надеюсь, поздняя банька не мешает вам как следует выспаться. Мы едем ко мне. Ну, скажем так, почти ко мне.

Голова совсем не варит, подумал Валбур. Действительно, я ведь уже спрашивал его об этом. Что ж, помыться после каркера совсем не мешает. Интересно разве что узнать, «почти ко мне» - это все-таки к нему или ещё куда-то? В сознании вчерашнего фолдита пока не укладывалось, что человеку может принадлежать не только то место, где он живёт. Однако он уже чувствовал, что меняется. По крайней мере, он перестал упорствовать и сопротивляться происходящим в нём переменам. Теперь он был даже рад тому, что всё так в конце концов обернулось. Быть может, завтра он снова увидится с Феллой.

- Здесь что ли? - оглянувшись возница. Сани встали.

Ротрам бросил взгляд по сторонам, вложил в подставленную ладонь несколько обещанных монет и подтолкнул Валбура, мол, вылезай, братец.

Такого дома тот ещё не видел.

Трёхъярусный, огромный, с раскидистой крышей, словно шапкой, великой для головы, с не просто резными наличниками, а причудливо расцвеченными, что бросалось в глаза даже при свете факелов, полыхавших на макушках столбов высокого, выше человеческого роста забора, с витиеватыми колоннами, подпиравшими причудливые выступы на верхнем этаже, на которые, похоже, можно было выйти, чтобы оттуда обозревать в свое удовольствие окрестности, с высокой, обитой железом печной трубой, да не одной, а целыми тремя, если не больше, с двумя пристройками по бокам, двухэтажными, хотя и не столь вычурно расписанными, поскромнее, и с надвратным домиком, из которого сейчас за ними внимательно наблюдал зорко бдящий страж.

Вероятно, именно он привел в действие какой-то механизм, потому что створка ворот подалась наружу сама собой - за ней никого не было.

Валбур хотел было что-то сказать, но только смотрел на Ротрама, а тот сам все понял, привык, должно быть, и лишь кивнул сторожу. Он пропустил гостя вперед, пошел рядом по очищенной от снега дорожке к дому и сразу же прочитал короткое наставление.

- Я живу вон там, наверху. Внизу, почти во весь этаж, зала, где удобно упражняться и где ты с утра и приступишь к занятиям. Баня и все прочие радости жизни - в избе слева. А ночевать будешь вон в той, справа.

- Понятно.

Как ни был Валбур обезкуражен открывшимся перед ним хоромами и предвкушением новых ощущений, от его внимания не ускользнуло, что с этого момента Ротрам перешел с ним на ты. Что ж, давно следовало это ожидать. Так даже проще. Он ведь всего лишь фолдит. А теперь ещё и боец. Грязный, вонючий и усталый.

- Это наша Тиса, - заговорчески понизил голос Ротрам и указал на фигуру, спешащую к ним навстречу из темноты главной избы. Фигура была невысокая, двигалась плавно и стремительно. Когда она остановилась перед мужчинами, на Валбура из-под платка, обвязавшего голову и спадавшего на спину и грудь, посмотрели два любопытных глаза. – Она покажет тебе, где тут у нас что находится, и позаботится, чтобы у тебя было все необходимое. А гостя нашего зовут Валбур. Надеюсь, мы тебя не разбудили? – Он игриво обнял девушку за плечо и добавил: - Не ссорьтесь. А я вас покину до утра. Нужно ещё успеть кое-что сделать да и поспать бы не помешало.

- Это тебя в каркер засадили? – первым делом поинтересовалась Тиса, проводив хозяина долгим взглядом и теперь всецело обратив свое живое внимание на Валбура. – Ой, фу-у... можешь не отвечать! Идем скорее.

Он поспешил следом за ней, чувствуя себя как всегда рядом с женщиной – слишком большим, медленным неуклюжим. Нагнав, спросил о том, что напрашивалось:

- А откуда тебе про каркер известно, красавица?

- А откуда тебе известно, что я красавица?

Она снова зыркнула на него из-под платка, и Валбур ощутил приятный жар в животе и холод в голове. Озорная, однако! Вот уж точно кто-то мудро заметил: из огня да в полымя. Не успел влюбиться, как попал под замок, не успел выйти на волю, вот тебе опять соблазн сладкий! Может, пора уже привыкать? Как там говорил Йорл в подобных случаях? Чем от туна дальше, тем больше фальши? Только теперь Валбуру до конца сделались понятны эти слова: не увлекайся свободой, она не настоящая. Что ж, поживём увидим, подумал он, поглядывая на фигурку в платке. Пока всё выглядит очень даже правдоподобно.

Не успели они войти в баню, как ему пришлось пожалеть о своих скороспелых выводах.

Тиса сбросила в предбаннике платок, встряхнула длинными волосами, черными и блестящими в свете заранее зажженных здесь лучин, проворно распоясала и уронила прямо на пол шубку и осталась, к радостному изумлению Валбура, в одних валенках. От них она тоже избавилась, а когда выпрямилась, черные пряди не столько скрывали её упругое тело, сколько обещали новых наслаждений для жадного взгляда.

- Что уставился, гостюшка? Девчонок голых не видел? Тут у нас баня, сам знаешь, одежда ни к чему. – Она привстала на цыпочки и потянулась к его шапке. – Так что давай, не томи, раздевайся. Мыть тебя будем.

Личико у неё было совсем детское, но вот лучистые карие глаза смотрели по-взрослому, а тело – подвижное, верткое, почти мальчишеское, если бы не замечательные в своей откровенности отличитель-

ные признаки. Сплошные несоответствия и путаница. Одним словом, Валбур окончательно смутился и понял только то, что раздеваться ему сейчас не очень-то с руки: восторг так просто ладонями не скроешь...

Тиса сняла с него только шапку, подняла свою шубу, уложила всё это на соседнюю лавку, почесала задорные ягодички и босиком, впере-валочку направилась к внутренней двери. Открыв её, она оглянулась, поманила его пальчиком и скрылась в густых облаках душистого пара.

Валбур взял себя в руки и принялся стаскивать одежду. Попытался думать о Фелле. Чтобы отвлечься. В самом деле, эка невидаль! Судя по всему, Ротрам – радушный хозяин, а эта Тиса – опытная чаровница и знает своё дело. Неужели сорок пять прожитых зим не научили его обращению с ней подобными? Конечно, не каждый день выпадает смы-вать с себя грязь каркера в присутствии, а то и с помощью стройной девушки, не скованной условностями, но что в этом такого? Он вспом-нил свою первую возлюбленную, то, как долго они шли к тому, чтобы оказаться в таком положении, как они с Тисой сейчас, сколько было сомнений, сколько предчувствий, сколько, наконец, радости оттого, что все получилось. А теперь? А теперь да, он стал старше, однако нельзя сказать, чтобы у него за это время прибавилось житейского опыта по этой части.

- Ты там заснул что ли?

Она выглянула из-за двери, увидела, что он стоит голый, ссуту-лившийся, спиной к ней посреди предбанника, и замерла в ожидании. Он повернулся, предусмотрительно прикрывшись ладонями. Тиса за-катила глаза и скользнула внутрь.

Пар был таким густым, что о смущении можно было легко забыть.

- Ты где? – позвал он, плотно закрывая за собой дверь.

Холодная рука обожгла ему бедро. Он попытался было обнять де-вушку, но обнял лишь пустоту: Тиса успела нагнуться или присесть на корточки.

- Чтобы завтра ты мог как следует упражняться, тебе нужна сила, - услышал он её голос откуда-то снизу. – Поэтому сегодня мы с тобой ничего такого делать не будем, губу не раскатывай.

Ничего себе, подумал он. Может, это я её сюда затащил и раздел?

Чужая ладонь наткнулась на то, что, очевидно, искала, и превра-тилась в сладкую муку. Спустя мгновение, а быть может и вечность, она исчезла, и Валбур услышал через заложенные от прилива крови уши, как шипят где-то неподалеку угли. Вероятно, новые клубы пара разогнали старые, потому на миг он рассмотрел тело девушки, скольз-нувшее куда-то в сторону.

- Иди сюда, - позвала она. – Ложись.

Он пошел на голос, набрел на широкую лавку, осторожно лег, ду-мая, что Тиса окажется где-то рядом и снова приголубит его. Однако лавка была пуста, и он, если бы захотел, мог привольно раскинуться

на ней. Он и хотел, но был не в силах заставить себя расслабиться, а потому просто лег и вытянулся в струну, ожидая сам не зная чего.

- Глаза закрой.

Он повиновался, предчувствуя прикосновение или поцелуй, но вместо этого его с головы до ног окатили настоящим кипятком.

- Убьешь ведь!

- Не ты первый. Терпи.

Намек на то, что всё это совершается вовсе не ради него, а по какой-то давно заведенной традиции, подействовал на Валбура отрезвляюще.

- Предупреждать надо...

- Предупреждаю: будет приятно, - пропел над ухом звонкий голосок.

Ему стали массировать грудь, одновременно натирая холодной, пахучей жидкостью. Смелые маленькие руки проникали всюду и делали своё дело быстро, но тщательно. Несколько раз он едва сдержал стон.

- Ложись на живот.

Он покорно перевернулся, надеясь, что самые напряженные мгновения позади, однако ошибся, потому что позади у него оказалось именно то, куда проворные пальчики Тисы забрались особенно нагло.

- Эй, что ты себе позволяешь!

- Это я не себе, а тебе позволяю, - спокойно отрезала она, и ладони заскользили дальше, по ногам, к пяткам.

- И много тут таких, как я, живет? – спросил Валбур, истекая потом и сдувая с кончика носа капли.

- Да есть кое-кто.

- А таких, как ты?

Она шлепнула его по заду, не игриво, а очень даже больно и обидно.

- Сам обмоешься.

- погоди! Я тут ни шиша не вижу!

- А тебе и не надо ничего видеть. Сейчас придут такие, как я, и...

- Ладно тебе. Уж и пошутить нельзя. – Он машинально снова перевернулся на спину. – Послушай, а зачем ты все это делаешь?

- Я же тебе сказала: чтобы у тебя была сила. Или ты решил, будто мне что-нибудь от тебя нужно?

- Нет, но...

Он осекся, потому что снова ощутил её ладошку, причем на своем самом выдающемся сейчас месте. Ладонка была уверенная и нежная. У него перехватило дыхание. Он выгнулся вверх, к невидимому потолку, блаженно улыбаясь и ища её рукой. Голое бедро было где-то рядом.

- Расслабься.

- Издеваешься?..

- А ты постарайся. Не думай ни о чем.
- Я и не думаю... Я только чувствую...
- Расскажи мне, как ты сюда попал.

Она отвлекала его, продолжая при этом свою нестерпимую ласку и не давая возможности выбора. И он начал рассказывать ей всё, с самого начала, как приехал утром в Вайла'тун, как чуть не прибил от злости Минтела, как потом сговорился с ним, как нашел таверну и стал невольным защитником двух женщин, как встретил Тома, как вступился за него и в итоге закончил день в вонючей заперти. Он избежал описания своего знакомства с Феллой, отчего стало непонятно, каким образом Ротрам узнал, где его искать, но Тиса, похоже, и не слушала. Она каким-то неописуемым образом умудрялась одной рукой распалить его, другой – успокаивать, ничего не говорила, бедро не отнимала, но и не давала за него себя ухватить.

- Вот и хорошо, что хорошо кончается. А теперь подвинься ещё поглубже и снова закрой глаза.

Валбур напрягся, ожидая новой кипящей волны, однако на сей раз Тиса открыла какую-то хитрую задвижку, что-то скрипнуло, и на него свалился целый сугроб настоящего снега. Который сразу же стал таять, пожирая пар и остужая чувства.

- Ты с ума сошла!

- Спроси Ротрама, кто такую штуку придумал. Не я же в стене дырку прорубала. – Она смеялась, уже почти совсем видимая и доступная.

- Тэвил! Лучше бы я в каркере остался!

Она нагнулась, быстро поцеловала его в щеку, как подружка или сестра, и направилась к выходу из парилки, бросив через плечо:

- Вон там кадка с водой, обмойся.

Оставшись один, Валбур стряхнул с себя ледяные ошметки, протер глаза и увидел, что высоко под потолком в стене над лавкой имеется широкая прорезь, сейчас закрытая доской. Вероятно, если потянуть за рычаг, доска открывается внутрь, и весь собравшийся за эти дни снег высыпается на того, кто лежит на лавке. Хитро! Срабатывает один раз, но и одного раза более чем достаточно, чтобы прочистить и тело, и голову.

Он нашел кадку и окатил себя с головы до ног на удивление прохладной водой. А что, могло бы быть и хуже! Теперь в самую пору вздремнуть и тогда сказать, что жизнь прожита не зря.

Когда он снова вышел в предбанник, Тиса была по-прежнему там: в накинутах на голые плечи платке она сидела на лавке и протягивала ему какие-то серые тряпки из грубой мешковины.

- Что это? – удивился он, рассматривая её грудь.

- Твоя новая одежда. Все остальное ты получишь обратно, когда оно будет выстирано.

Валбур взял приятно пахнущую свежестью стопку, разложил тут же на лавке и обнаружил широкую рубаху и не менее просторные штаны на тесёмке.

- Не на меня сшито, - заметил он, не спеша прикрывать свою вызывающую наготу. Сейчас ему даже нравилось, что Тиса на него смотрит, и тем более – как смотрит. – Вы тут, похоже, великана ждали.

- Великанов мы не ждали. Бери, что дают. Может, тебя дома так обмывают и обшивают, а тут у нас всё просто: дают – бери, не берешь – не надо.

- Ты сама-то давно здесь? – поинтересовался Валбур, послушавшись совета и одевшись. При чем на поверку одежда оказалась не столь уж велика.

- Не очень, - ответила Тиса и теперь набросила шубку прямо поверх платка. Она уже была в валенках. – Идем. Я тебе покажу, где ты будешь спать.

- А ты? – усмехнулся он.

- А это не твоего ума дело, - беззлобно отмахнулась она и вышла на порог.

После горячей бани, кипятка, снега и ушата холодной воды на улице Валбура бросило в жар. О таком приёме мог бы мечтать любой мужчина. А он, дурак, отказывался! При чем первый раз, когда Ротрам подсел к нему в таверне, а второй, когда не поверил Тому, что тот не хочет затащить его в какую-то западню. Не будь Тома, не видать ему ни Феллы, ни Тисы, ни этой славной баньки. Правда, он бы никогда не узнал и про существование глухих каркеров, кроме тех, о которых известно всем. Но этот опыт ему едва ли пригодится...

Они перешли темный двор и вошли в противоположную избу. Дверь была открыта. Внутри их встретила тишина, нарушаемая чьим-то мерным похрапыванием. После банной горячки и уличного морозца здесь Валбура окутало приятное тепло. И темнота, почти такая же густая, как в каркере, правда, уютно нарушаемая отсветами живого пламени из скрытой где-то в глубине помещения печи. Если в заточении мрак казался черным, тут преобладал скорее темно-синий оттенок.

- Ступай за мной, - сказала Тиса.

Откуда ни возьмись в руках девушки оказалась горящая лучина, в мерцающем свете которой Валбур увидел справа от себя ступени лестницы, уводившие куда-то под невидимый отсюда потолок.

- Здесь полно народу? – уточнил он.

- Нет, но кое-кто есть. Так что лучше води себя тихо, чтобы не разбудить. Скандалы нам не нужны.

Наверное, она улыбается, подумал он, перехватывая левой рукой гладко отполированные перила и следуя за четким контуром девушки, закрывавшим от него лучину. Перила и прочные, ни разу не скрипнувшие ступени выглядели новыми. Неплохо этот Ротрам устроился.

Иметь три дома для одного человека в наше время – роскошь и расточительство. Если только, разумеется, ты не получаешь от этого какую-то прибыль. У Ротрама, похоже, с этим было всё в порядке.

- Кстати, утром ты можешь не просыпаться вместе со всеми. Я тебя сама разбужу. Все понимают, что ты устал и должен поднабраться сил.

- Разве ты мне не все их вернула в бане? Может, тебе остаться со мной до утра? – предложил он, не узнавая себя. Таким наглым и прямолинейным с женщинами он ещё не был никогда.

- Может быть. Но уж точно не в этот раз. – В её голосе не чувствовалось ни тени игривости. – Головой не ударься.

Они вошли под низкий косяк и оказались в коридоре, до боли напоминавшем коридор в каркере. С той лишь заметной разницей, что все выходящие в него дверные проемы были открыты. Дверей просто не было. Они тихо шли мимо небольших, можно даже сказать уютных комнат, из которых местами доносились живые звуки: то самое похрапывание, что он слышал снизу, вздохи, шуршание одеял, скрип старого дерева под тяжестью ворочающихся тел.

- Кто здесь? – спросил хриплый голос из темноты.

- Спи, Гаррон. Это я, Тиса.

- Не ко мне в гости?

- Спи, спи.

- Ты мне снишься.

Девушка промолчала и жестом дала понять Валбуру, чтобы он входил в одну из дальних комнат. Там при свете её лучины он обнаружил жесткую деревянную кровать, накрытую просторным одеялом и спящего у противоположной стены соседа.

- Ложись. Одеялом укройся, потому что иначе к утру можешь задубеть.

Она выждала на пороге, пока он разденется и заберется с головой под спасительное тепло. Голова уткнулась в твердый валик. Спасть на досках он был не приучен и вытянулся на спине. Лучина погасла. Он решил прислушиваться, чтобы понять, не юркнет ли Тиса к кому-нибудь из его соседей. Но ни холод, ни твердость кровати, ни любопытство не смогли пересилить накатившую на веки тяжесть. Открыл он их только тогда, когда весь коридор в дверном проеме был уже залит солнечным светом...

Тиса оказалась права. Стоило высунуть из-под одеяла руку, и он почувствовал такой холод, будто в избе распахнуты все двери.

Повернулся на бок и заспанными глазами уставился на соседнюю кровать, пустую и на удивление аккуратно заправленную. Сам Валбур никогда подобными женскими замашками не отличался. Зачем мучиться и убирать, если вечером снова мять придется? Но сейчас он заставил себя встать и проделать то же самое. Не так ровно, конечно, однако никто не скажет, что он не старался.

Укутавшись в шубу, вышел в коридор. Подойдя к лестнице, в изумлении остановился.

Десяток крепких мужиков примерно его возраста, в одних штанах, стояли по всему пространству довольно просторного первого этажа и потели. От их широкоплечих голых торсов и взмокших волос шел пар. Переругиваясь и перешучиваясь они сосредоточенно занимались тем, что тягали кто как здоровенные деревянные брусья, пни и целые бревна. Двое с прибаутками и резкими выдохами перекидывались увесистым молотом на короткой ручке. Несколько раз молот выскальзывал из рук и рушился всей тяжестью на землю. Ещё двое, стоя бок о бок и взвалив каждый себе на спину по обитому железом колесу от телеги, приседали, ведя громкий счет и фыркая от натуги.

Серьезные ребята, думал Валбур, не спеша спускаясь по лестнице. Уж не с ними ли мне предстоит драться, как того хочет Ротрам? Не слабый народец подобрался. Только уж больно мышцы себе раскачали – того и гляди лопнут. В драке таким тяжеловато приходится: вес и привычка к напряжению мешает. Бывали, знаем...

На него покосились, но поначалу сделали вид, будто не заметили.

- Пятьдесят восемь...

- Шестьдесят...

- Головой его лови!

- Чтобы как ты, без неё остаться? Нет уж!

- Поберегись!

Валбур машинально пригнулся, и бревно просвистело над самым его ухом. Это очередной силач показывал остальным, как нужно делать мельницу, и не удержал непослушный груз.

- А у нас, кажись, пополнение, - заметил кто-то, имея в виду выпрямляющегося незнакомца.

Все будто только этого и ждали. Побросав тяжести и разминая руки, повернулись навстречу Валбуру.

- Заспался ты, братец, - сказал самый невзрачный и, судя по всему, самый старый из присутствующих. Его лысый череп перехватывала предохраняющая от пота тесьма, как у кузнецов. Седая борода взмокла и свалилась. Кожа на влажном теле была морщинистой и местами уже отвисала.

- Меня только под утро привезли, - пояснил Валбур, протягивая было собеседнику руку, как то было принято среди фолдитов, однако этот жест остался без ответа.

- Ну, спать ты, видимо, умеешь. А что ещё? – сразу решил перейти к делу высоченный детина, один из тех двоих, что тягали молот.

- погоди, Гаррон, - прервал его старший и обратился к остальным: - Велено гостя нашего не трогать пока. – Это заявление было встречено недовольным гулом. - Делайте, что делали. – Он глянул на палку, воткнутую прямо в земляной пол. К палке приближался вытянутый

прямоугольник окна, прорисованный на земле солнцем. – Скоро уже пора заканчивать и жрать идти. Ну-ка напряглись по-взрослому!

Все снова дружно взялись за свои приспособления и лишь с любопытством косились на Валбура. Старик покрыл костистые плечи меховой накидкой и ткнул в грудь собеседника твердым, как деревяшка, пальцем.

- Меня зовут Рэй. Запомнишь?

- Постараюсь.

- Постарайся. Потому что от меня будет зависеть, доживешь ты до «крови героев» или тебя отправят без лишних почестей домой.

- Вот как?

- Именно так. Знаешь, сколько поначалу здесь было таких, как они?

- Ну, судя по количеству комнат наверху, не больше двадцати.

- Двадцать два. Осталось девять. Ты десятый.

- Я рад.

- А уж мы-то как все рады, - хмуро поставил точку в этом странном разговоре Рэй и одной рукой поднял с пола бревно, которое только что чуть не угодило Валбуру в голову. Поднял он его за железную скобу, но легко и уверенно. Даже мышцы как будто не напряглись. Только кожа чуть вздрогнула. – Умывайся и жди нас. Харчи подают в главной избе.

- Там же, где и зала?

- Там же, где и зала. – Рэй недоверчиво покосился на него и двумя руками взгромоздил бревно себе на плечо. С прямой спиной понёс к дальней стене и бросил под окном.

Похоже, старичок от Тисы всю силу, какую мог, получил, усмехнулся про себя Валбур и направился за высокую перегородку, где стояли кадки с ледяной водой. Нашел пустую, черпнул из большой бадьи под широкой крышкой. Умылся. Взгляд упал на скользкий брусок, каким пользовались и у них в туне. Смочил. Натер руки, бока и грудь. Смыл пахнущую козьим жиром пену. Недавний сон как рукой сняло.

Кто-то сзади стукнул ладонью по спине.

- Сосед что ли?

Он покосился через плечо и увидел пристроившегося рядом Гаррона, который просто лил на себя холодную воду и явно блаженствовал.

- Похоже на то.

- Имя есть?

- Давеча Валбуром звали.

- Ладно, сгодится.

Он увидел протянутую руку и машинально прихватил повыше запястья. Рукопожатие получилось скользким, но очень даже крепким.

- Не из наших?

- А ваши это кто?

- Мы – речные. – Гаррон опоясал талию длинным и не слишком чистым полотенцем, чтобы не замочить штаны, и так, правда, мокрые от его пота, и выпрямился.

- Рыбаки что ли?

- Почему что ли? Рыбаки и есть. Вон братец мой названный, Дэки. Эй, Дэки, подь-ка сюда!

К ним с равнодушным видом подошел кряжистый, но необыкновенно плечистый юноша зим двадцати с небольшим отроду, который недавно перебрасывался с Гарроном молотом.

- Вот тоже рыбак. Познакомься. По нему и не скажешь.

- Будь здоров, - пробубнил Дэки, в свою очередь пожимая Валбуру руку почти у самого локтя. – Держись подальше от Гаррона. Он к новичкам не равнодушен.

Гаррон расхохотался и съездил приятелю ладонью по уху. Тот добродушно стукнул его кулачищем в грудь и пошел выбирать кадку. Свободных уже не оказалось, он вернулся и стал умываться из кадки Гаррона.

- Так вы братья? – решил уточнить Валбур, видя, что остальные бойцы обращают на него гораздо меньше внимания и только лениво, или устало, переговариваются между собой.

- А кто, по-твоему, названные братья? – Гаррон сдернул со стенного крючка длинную рубаху и, прежде чем облачиться в неё, протер подолом мокрое лицо и бороду.

- У нас в туне так зовут тех, кто не разлей вода.

- А у нас – тех, кто женихался с одной и той же бабой.

И он снова зашелся заразительным смехом.

- Кончай, - насупился Дэки.

- Вот и она мне так же говорила, - всхлипнул Гаррон. – Любодорого вспомнить.

- Гар!..

- Тэвил! Дай человеку правду рассказать.

- Иди ты со своей правдой!

Однако Дэки отошел сам, унося с собой полупустую кадку.

- До сих пор переживает, - пояснил Гаррон и поправил то место, которое когда-то так сблизило его с «братом». – У тебя вот жена есть?

- Нет.

- Что, и не было?

- Была. Но не жена.

- А, понятно. Ну, таких у нас, у мужиков должна быть не одна. Ты как считаешь?

Валбуру вспомнилась вчерашняя Тиса с её крепкими бедрами и тугой грудью. Захотелось все начать снова, прямо с каркера...

- Ладно. Можешь мне не отвечать, сосед. Я все равно при своем останусь. Ты дрался?

- В смысле? – Валбур тоже уже оделся и не знал, будут ли они ждать Дэки или могут отправляться в трапезную.

- В смысле дрался. Чего тут непонятного? «Кровь героев» – это драка, братец. Очень жестокая драка. По твоей физиономии как-то не видно, чтобы ты получал, что тебе причитается.

- А что мне причитается?

- Ну, мне вот тут два зуба боковых выбили. – Гаррон потрогал челюсть. – Не особо заметно, но кровищи я наглотался. Пару хороших затрецин на лоб принял. У того, кто это сделал, думаю, кулаки до сих пор болят. А ты, я смотрю, стареешь, а не вянешь.

- Это он тебе завидует, - пояснил возвратившийся Дэки.

- Я ещё в жизни своей никогда и никому не завидовал, - наставительно заметил Гаррон, по-братски обхватывая собеседника за плечи и прижимая к себе. – И тебе это должно быть известно лучше всех. Идем. Надо как следует пожрать, как говорит старик Рэй.

- А что, этой Рэй и в самом деле хороший воин? – поинтересовался Валбур, когда они вышли на улицу, вдохнули ледяной воздух и поспешили в тепло центральной избы.

- Опыт показывает, - ответил за друга Дэки, - что Ротрам дерьма всякого не держит. Это ты можешь, наверное, по себе судить. Раз он тебя пригласил, видать, ты чего-нибудь на стоишь. Вот и Рэй не лыком шит. Участвовать в «крови героев» ему, конечно, поздновато, он просто может времени не выдержать, а так, если один на один да ещё с оружием, думаю, он любого из нас как минимум сильно ранит.

- Что значит «не выдержать времени»?

- А ты что, никогда там не был, не видел?

- Не до того как-то было.

- Иногда бой может надолго затянуться, - вмешался Гаррон. – Проигрывает либо тот, кто сдается, либо тот, кто упал на землю и не может продолжать поединок. Если Рэй тебя не уложит первыми же ударами, у тебя есть шанс выжить. Потому что он довольно быстро устает, хотя и упражняется не меньше нашего.

- Да, бревнышко у него знатное на плече сидело, - вспомнил Валбур.

- Для него – обычное дело. Не смотри, что он так худ – силушки в нем хоть отбавляй.

- Так он воином был?

- Говорят, свером.

- С чего ты взял? – почти обиделся на приятеля Дэки. – Любишь ты все путать. У тебя пока мысль до головы дойдет, она успеет пять раз поменяться. Зачем ты таким вырос?

- Хорошо, тогда кем он был, по-твоему?

- Фултумом, разумеется. Незаменимым помощником любого свера. Поэтому он так прекрасно орудует и мечом, и палкой, и копьем, и кулаками.

- А вы там и оружием деретесь? – спросил Валбур, чем вызвал снисходительные улыбки на физиономиях спутников. – Что вы на меня так уставились? Я же сказал, что понятия не имею о ваших правилах.

- Это не наши правила, - уточнил Дэки. – Эти правила, насколько я слышал, придумал сам Ротрам, после чего получил на них одобрение из замка. Так что да, если ты не владеешь мечом или копьём, тебе, братец, придется довольно кисло.

Валбуру и в самом деле было гораздо сподручнее доверяться проворству и силе кулаков. О мече он по-прежнему только мечтал, а копьё несколько раз в жизни видел в руках конных мергов.

- Как я понимаю, - добавил Гаррон, легко распахивая перед друзьями массивную дубовую дверь под красивым резным козырьком, - правила пока не окончательные и могут ещё меняться. Так что готовым нужно быть ко всему. Как в жизни.

Два стола были накрыты прямо в уютной горнице, ярко залитой солнечным светом через два распахнутых окна²⁴. Пахло струганным деревом, вареным мясом и хлебом. Столы стояли вдоль противоположных стен, однако лавки были поставлены только с одной стороны каждого таким образом, чтобы сидевшие за одним, смотрели на сидевших за другим. Валбуру это сказало о том, что хозяин заботится об удобстве здесь столующихся – чтобы они не оказывались спиной друг к другу и могли вести общую беседу. Так часто делали в тунах, однако Валбур не предполагал, что по соседству от замка кто-то ещё помнит и чтит эту традицию.

Оказалось, что они не первые. Некоторые вояки, которых он видел перед умыванием, уже сидели на своих местах и тихо переговаривались. На столах стояли глубокие тарелки, пустые кружки, горячие горшки с чем-то приятно пахнущим, на блюдах лежали ржаные калачи, однако, к еде никто не притрагивался. Тоже хороший знак, подумал Валбур. Ждали остальных.

Они сели.

Из-за внутренней двери появилась Тиса и толстопузый паренек с вихрастым чубом. Пока он держал обеими руками тяжелый чан, Тиса черпаком разливала по кружкам какой-то кроваво-красный напиток, который на поверку оказался вкусным, а главное – холодным морсом из клюквы.

- С яблоками, - уточнила Тиса, кивая Валбуру как старому знакомому и услужливо подливая в быстро опустевшую кружку.

Горница неспешно заполнялась подходившими с улицы мужчинами. Валбур с удовольствием отметил, что, в отличие от него самого,

²⁴ «Распахнутые» - здесь, означает «с распахнутыми ставнями». Конструкция окон в избах вабонов представляла собой ставни с наружной стороны, которые открывались днем и закрывались на ночь. В середине располагалась рама. Внутри к раме крепилась такая же по размеру заглушка из слюды или бычьего пузыря. Летом открывались ставни и заглушка, чтобы можно было видеть улицу и проветривать помещение. Зимой обычно заглушка была закрыта, пропуская только солнечный свет.

они обращают на Тису не больше внимания, чем на мальчика, явно довольного, что его ноша с каждым шагом легчает. Интересно, она всех их тут перемыла в бане, как его накануне?

Последним вошел угрюмый Рэй и сел на самый угол противоположного стола. Что-то спросил у Тисы. Что-то сказал мальчику и потрепал его за подбородок. Мальчик остался весьма доволен.

Есть хотелось, однако никто ни к чему по-прежнему не притрагивался.

- Кого теперь ждем? – тихо спросил Валбур.

- Уже никого, - ответил Гаррон и кивнул на появившегося из-за той же внутренней двери Ротрама.

Ротрам был в короткой малиновой рубаше, обшитой дорогой тесьмой, в широких штанах, выкрашенных в цвет травы, на ногах – кожаные сапоги с острыми носками, на голове – неуместная в доме круглая шапочка, какие обычно сверы поддевают под шлемы.

Его появление было встречено одобрителем гулом и постукиванием кружек.

- Надеюсь, вы уже хорошо размялись, - сказал Ротрам, выходя на середину комнаты между столами и осматриваясь. – И выспались, - добавил он, встретившись взглядом с улыбающимся Валбуром. – Прежде чем мы отдадим трапезой дань нашим героям, я бы хотел, если вы ещё не знакомы, представить вам всем нашего нового собрата, которого я имел удовольствие заманить к нам вчера поздно ночью, причем прямым из застенков одного очень неприятного дома, куда он умудрился попасть за то, что избил... скольких, Валбур, ты вчера помял фра'ниманов?

Ничего подобного Валбур не ожидал, замялся, неуклюже встал, снова сел, вытер рукавом рот и развел руками:

- Троих, кажись.

Ему вторил дружный смех присутствующих. Не насмешливый, но одобрителем.

- А незадолго перед этим я лицезрел, как наш новобранец расправился ещё с тремя серьезными громилами, решившими на глазах у честного народа обчистить целую таверну неподалеку от рыночной площади.

Валбур чувствовал, что краснеет, однако ему было приятно, что Тиса не ушла, а стоит поодаль с черпаком и слушает хозяина.

Ротрам указал на него. Валбур снова приподнялся и хотел было побыстрее сесть, однако Дэки ткнул его кулаком под зад, давая понять, что так просто ему теперь не отделаться.

- Благодарствую, вита Ротрам, - проговорил он первое, что пришло ему на ум. – Надеюсь, ваши слова достаточно всех тут напугали, чтобы мне в первый же день не навалили с три короба.

Напряженные и не совсем приветливые лица присутствующих озарились самодовольными улыбками, а кто-то даже выкрикнул «молодца» и «добро пожаловать».

- Ну а теперь, - продолжал Ротрам уже будничным тоном, - хочу вам напомнить, что с сегодняшнего дня до следующей «крови героев» осталась ровно одна неделя. То есть, девять дней. Завтра, в крайнем случае, послезавтра я буду почти наверняка знать, кто заявится туда и будет нашим противником. Предполагается нашествие фолдитов.

Это его замечание было встречено неодобрительным гулом.

- Кстати, забыл упомянуть, - поднял руку Ротрам, - что наш друг Валбур, который, если уж быть до конца честным, долго отнекивался, отказываясь по одному ему известным причинам принять мое предложение, тоже из фолдитов. Так что теперь мы тут собрались со всех высей, а потому попрошу общего уважения и понимания.

Он обвел собравшихся внимательным взглядом не моргающих глаз. Все глубокомысленно промолчали.

- От нас я намереваюсь выставить четверых бойцов. Кто ими будет на сей раз, решать Рэю. Так что зависит всё от вас самих: крепите силу, упражняйтесь, честно состязайтесь друг с другом, и пусть удача улыбнётся достойным.

- Ага, конечно, - прошептал Дэки. – Достойные – это не всегда честные и сильнейшие.

Гаррон цыкнул на него и потянулся к крышке ближайшего горшка, под которой оказались вареные овощи. Валбур увидел, что Ротрам занимает свое место во главе второго стола, рядом с Рэем. Все оживились, подхватили горшки и стали ими обмениваться, застучали вилки, с блюд почти сразу исчезли калачи, Тиса с мальчуганом снова двинулись по кругу, одним словом, завтрак начался.

Сообразив, что одними овощами сыт не будешь, Валбур заглянул в тарелку Дэки и обнаружил, что тот выгружает в неё содержимое такого же горшка, только в нем вместо овощей булькали в ещё не остывшем соусе куски мяса. Гаррон Валбура опередил и завладел горшком следом за Дэки. В итоге новичку, как водится, достались остатки. Но и их хватило для того, чтобы задуматься: а как теперь упражняться на сытый желудок?

Дэки ответил на этот вопрос уклончиво:

- Увидишь.

Гаррон был с набитым ртом и просто промолчал.

Валбур стал с интересом прислушиваться и приглядываться к остальным участникам трапезы. Несколько раз он обменялся многозначительными взглядами с Ротрамом, который приветливо ему кивал, однако не сделал ни малейшей попытки привлечь к разговору. Зато сам то и дело заводил беседы с Рэем и сидевшими по соседству бойцами, один из которых отличался светлыми кудрявыми волосами и почти детским выражением лица, лишь едва заметно тронутого рыжева-

той бородой. Второй, напротив, имел бороду широкую, как лопата, отчего был вынужден постоянно стряхивать с неё крошки, причем делал это машинально, даже если ничего на неё не ронял и не проливал. На вид он был ровесником Валбура и даже казался ему откуда-то знакомым. Рядом с ним, ещё дальше от Ротрама, сидел задумчивый и неспешно отправляющий в рот содержимое тарелки юноша с приятным лицом, почти изящный, если бы не большие руки и похожие на бу- тыли могучие предплечья, говорившие о недюжинной силе. Он иногда поднимал спокойный взгляд и смотрел на сидевших за противоположным столом, словно пересчитывал их. Потом снова вспоминал про еду, кивал, если к нему обращался бородатый, и принимался с серьезным видом пережевывать очередной кусок мяса. Когда Тиса предложила ему заново наполнить кружку, он с улыбкой отказался.

- Кто это? – кивнул в его сторону Валбур, когда Гаррон наконец-то проживал и готовился снова набить рот.

- Красавчик? – Гаррон сразу понял, о ком идет речь. – Эгимон. Не знаю, как он к нам сюда залетел, потому что место ему среди таких же, как он, расфуфыренных эделей. Лучше Ротрама спроси, где он такого петушка нашел.

- Не слушай его, - поддел Валбура локтем Дэки. – Именно он вышиб нашему Гаррону одним ударом оба зуба. С тех пор он стал «красавчиком» и «фуфой». На самом деле парень здорово дерется, и я тебе искренне не советую оказываться с ним в паре, пока не освоишься у нас.

- В следующий раз я ему не только зубов поубавлю, но и с Квалу²⁵ познакомлю, - едва различимо пробубнил Гаррон и захлопнул рот.

- Запомню. А остальные, что разговаривают сейчас с Ротрамом, кто?

- Белобрысый мальчишка – это Авит. Тоже из наших, из простых. Я с его отцом когда-то рыбачил. Ничего про него плохого сказать не могу. Дерётся неплохо, но Ротрам его пока жалеет, никуда не выставляет, дает обвыкнуться. Окажешься с ним, думаю, лучше не лютуй. Пусть поживет. Кстати, отлично работает палкой. Ну, так, на всякий случай, чтоб ты знал.

- Понятно. А бородатый?

- Приятель Рэя. Взял Авита под свою опеку. Думаю, по просьбе Ротрама, который, как ты уже чувствуешь, совсем не заинтересован в том, чтобы терять бойцов раньше очередной «крови героев». Зовут его...

- ... Логен, - проживал очередную порцию мяса Гаррон. – Мужик, что надо. Кстати, вот он точно раньше свером был. Я как-то видел, как он из арбалета стреляет – с ума сойти можно. Наше счастье, что в

²⁵ Повелительница насильственной смерти. В домах воинов её можно было встретить в виде глиняной куклы, которой хозяйка подносили требы – жертвы с просьбами о заступничестве. Олицетворением Квалу на земле считалась сова.

«крови героев» не предусмотрены перестрелки. Тогда я бы первым из этого чудо-воинства вышел. С ним бесполезно соревноваться в точности.

- А уйти отсюда легко? – ухватился за тему Валбур.

- Если деньги водятся, то легко, – опередил приятеля Дэки. – А поскольку здесь многие именно за ними пришли, то не очень.

- В каком смысле?

- Да в прямом. Пока ты тут, Ротрам на тебя каждый день тратится. Если дерешься за него, как его боец, долгов у тебя перед ним никаких больше нет. А вот если решишь уйти, тут тебе все хорошее припомнят и придется за съеденный хлеб заплатить.

Валбур чуть не подавился, сделал большой глоток из кружки и уточнил:

- Кому, Ротраму?

- Кому же ещё! Он тебе и еду посчитает, и ночлег, и труды Рэя, который из тебя человека делает. Сумма может немалая набежать. Но если тебе терять особо нечего, как нам вот с Гарроном, то ничего ужасного в этом нет: живи в свое удовольствие да дерись от души, когда твоя очередь подойдет.

- Ты забыл про второй способ уйти отсюда, – заметил Гаррон, подкладывая себе овощей.

- Ну да, – кивнул Дэки. – Для этого тебе нужно проиграть. Проигравших Ротрам не больно жалуется. Особенно если тебе так круто досталось, что ты в ближайшее время не сможешь продолжать упражняться и принимать участие в состязаниях. Гаррону с его зубами, можно считать, повезло.

Гаррон расплылся в улыбке. С виду все его зубы были на месте, ровные и хищно-белые.

- И что, были уже такие случаи? – Валбур подумал-подумал и последовал примеру Гаррона: грех отказывать себе в еде, если она вкусная и её в избытке. – Насколько я понял по давешнему разговору с самим Ротрамом, «кровь героев» пока была только одна.

- Это так. Но её всем вполне хватило, чтобы разобраться, что к чему. – Дэки понизил голос. – Во всяком случае, мне. Из тех, кого ты здесь видишь, не все в ней участвовали. Кстати, один из наших её тогда выиграл.

- Я слышал, он купил на полученные деньги дом на канале и поднялся по службе.

- Да, он был виггером. Ротрам обещал ему повышение в случае победы и сдержал слово. Его звали Торни. Очень хороший удар с обеих рук и прекрасное владение любым оружием. Настоящий боец. Его победе никто из нас не удивился. Люди с улицы ставили на его противника, думали, ему с Хитом не совладать. По одежке, знаешь ли, встречали. А внешне Торни был совсем не таким мощным, как Хит. Поэтому в итоге его победа принесла много денег. Насколько я знаю,

он первым делом расплатился с Ротрамом и, как тот его ни уговаривал, бросил это занятие.

- И правильно сделал, - сказал Гаррон. - На его месте я бы поступил именно так. Только идиоты дерутся ради драки. Ты лучше про второго вспомни.

- Ну да, - продолжал Дэки. - В тех же состязаниях ещё одному из наших хорошо досталось. Глаз выбили, руку сломали, бедро распорол. Так от него Ротрам тихо избавился. Денег, разумеется, с него не взял, но отослал домой без права на возвращение. Вот и получается, что одному все, а другому - ничего.

- Как в жизни, - заключил Гаррон.

- Мне кажется, имя Хит я уже где-то слышал... - задумался Валбур.

- Наверняка, он из ваших, из фолдитов. Силой не обиженный. Торни с ним непросто пришлось. Если бы не перехитрил, Хит бы его точно уделал. Но Хита никто бою не учил, судя по всему. Сам пришел, сам себя заявил, сам стал всех колотить. Таким трудно. Рэй с Торни успел хорошо поработать. Так что, мой тебе совет: на себя не очень надейся, лучше Рэя в оба уха слушай. Ему на тебя наплевать, так что если что присоветует, то от чистого сердца.

- Понятно. А что с Хитом после того боя стало? Торни убил его?

- До смертоубийства дело пока не доходило. - Дэки вздохнул. - Торни тогда его пожалел. Обезобразил до неузнаваемости, и то лишь потому, что Хит с ним не честно дрался. Нос, кажись, сломал. Под конец оба в кровище были. Только Торни двумя синяками отделался. Так что всё из Хита вытекло. Теперь никто не знает, где он. Видать, домой подался, раны зализывать.

- То есть, - продолжал задавать интересующие его вопросы Валбур, - в «крови героев» участвуете вы, в смысле, мы и разные пришедшие бойцы?

- На первой так и было, - взял слово Гаррон. - Через неделю своих бойцов выставит жирный Скирлох. Слышал о таком?

- Не приходилось.

- Самый богатый из торговцев. Больше половины лавок на рыночной площади принадлежат ему. Видать, тоже деньги девают некуда. Людей у него примерно столько же, сколько у нас, но он к себе берет только уже обученных, виггеров всех мастей.

- Ротрам наш по этому поводу переживает, - добавил Дэки. - Ему в свое время замком было поручено возродить «кровь героев», ну, в смысле, то, что прежде было «боями за дружину», а теперь выясняется, что на его детище посторонние покушаются.

- Ага, - хмыкнул Гаррон. - Попробуй назови Скирлоха посторонним - дня не проживешь. Говорят, он наравне с остальными в замке правит.

- С остальными? - недоверчиво переспросил Валбур, которому все эти речи казались дикими и непонятными. Он никогда особо местны-

ми делами не интересовался, считая их далекими от себя и по расстоянию, и по совести. – А кто теперь в замке правит?

- А вот ты пойдёшь их разбери. – Гаррон кивнул Тисе, и та подлила ему клюквенного морса. – Эх, так бы и не вставал из-за стола! Ну да, однако, про замок... Ты ведь наверняка знаешь, что бывшего воеводу, в смысле, Ракли, обвинили в предательстве и не то в каркер засадили, не то в подземелье, не то вообще головы лишили втихаря.

- Кое-что слышал, - согласился Валбур. – А что правда из этого?

- А правда то, что на его место уселись сразу двое военачальников, которые раньше с ним как будто заодно всегда были, так сказать, его правая и левая рука.

- Демвер Железный, командовавший сверами, - пояснил Дэки, - и Тиван, начальствующий над всеми конниками, то бишь мергами. Только на место Ракли они, видать, не сами уселись, а их посадили те, кому это вполне под силу было. Богатеи вроде Скирлоха. О них-то и речь.

- Второго Томлином зовут. Он ещё Ракли в его бытность деньгами суживал.

- Только он скорее не второй, а самый что ни на есть первый, - поправил друга Гаррон. – Скирлох, говорят, при нём вошью вьётся, а тот только и знает, что распоряжается. У Скирлоха силфуров больше, зато у Томлина – власти.

- Это ещё с какой стороны посмотреть, - возразил Дэки. – Я вот слышал, что Томлин в разы твоего Скирлоха богаче, просто не высывается сильно.

- Что вы тут расспорились, как на рынке? – неожиданно вмешался в их разговор сидевший по левую руку от Валбура и до сих пор помалкивавший длинноволосый парень с хитрым прищуром раскосых серых глаз. – Не знаете ничего, так не болтайте лишнего.

- Немой заговорил! – восхитился Гаррон и хлопнул в ладоши, чем привлек к себе внимание окружающих, Ротрама и Рэя. Первый из которых, смекнув в чем дело, кивнул, тогда как второй недовольно поморщился. – Познакомься, Валбур, это наш местный умник и всезнайка. Мы зовем его просто Бок, потому что у него уж больно длинное имя. Ну-ка скажи, как тебя на самом деле зовут.

- Бокинфал, - невозмутимо представился парень и с готовностью пожал руку Валбура.

- Бок не любит много говорить. Слушает и думает. Поэтому иногда сходит за умного. Правда, палец ему в рот не клади – откусит и даже не выплюнет. Держись от него подальше. Но только после упражнений. Потому что во время них он так же опасен, как моя младшая сестра.

Валбур с интересом посмотрел в лицо нового знакомого, однако не заметил на нем каких-либо ссадин или синяков. Вероятно, Гаррон снова несколько преувеличивал.

- Кажется, ты что-то там хотел сказать, - напомнил Дэки, чокаясь с Бокинфалом кружками.

- Просто вы настолько тупы, друзья мои, что не понимаете происходящего ни здесь, ни в замке.

- Ну, так растолкуй нам, бездарям, - широко улыбнулся Гаррон, явно не собиравшийся обижаться на подобные высказывания. – Ты не согласен с тем, что в замке наступило правление денег?

- И силы, - подсказал Дэки.

- Вот видишь, Валбур, победивший фра'ниманов, что делает с людьми вера в чужой кошель и собственные недолговечные мышцы. Первого у них не будет никогда, а вторых не будет очень скоро. Ибо неведомо им, пустозвонам, что сильнее денег и сильнее силы есть лишь одно качество, которому нельзя научиться даже с кружкой морса в руке. И качество это – хитрость.

Гаррон загоготал. Дэки скривил рот и брезгливо передернул плечами. Бокинфал подмигнул Валбуру и спокойно продолжал негромким голосом, чтобы никто посторонний не услышал:

- Из-за хитрости в Пограничье была сожжена дотла первая застава. Хитрость выманила туда же лучших воинов, отправленных вроде бы на месть, а оказалось – на верную смерть. Хитрость воспользовалась волнениями в народе и прибрала к рукам Ракли. Вывела его из игры за ненадобностью. Она же помогла сгинуть тому самому Демверу Железному, о котором упоминал Дэки. Теперь на его месте оказался его сын, который совсем недавно был заурядным и никому не известным, которому до нашего Рэя ещё расти и расти. А вот поди ж ты! Сказывают, хитрости понравилось его предательство. Так что он того и гляди самого Тивана переплюнет.

- Если ты про Гийса, то его, говорят, подняли за то, что он помог отыскать украденные доспехи Дули.

- Ну, конечно, которые умыкнул из замка его исчезнувший папаша. – Бокинфал выскреб содержимое горшка себе в тарелку и отвлекся на полуслове.

Валбуру все эти чужие имена мало что говорили. Про доспехи легендарного героя Дули он, разумеется, слышал, особенно после того, как их нашел в Мертвом Болоте какой-то не то чужеземец, не то сумасшедший дикарь и принес на заставу, которая, как только что напомнил Бокинфал, трагически погибла в огне пожара. Однако он понятия не имел обо всех этих железных воеводах и их предателях-сыновьях. Ещё меньше его занимало то, кому в итоге достанется вся полнота власти в замке. Лучше не будет точно, а худшие времена, вздыхали старики в туне, мы как-нибудь сообща переживем. Он привык думать о насущном, а не о том, что волнует Малый Вайла'тун, отгородившийся от остального мира Стреляными Стенами. Не собирался он забивать себе этим голову и теперь.

А вот Дэки, похоже, замечания Бокинфала задели за живое, и он не хотел с этим мириться.

- Погоди-ка, Бок, - начал он, протягивая руку под носом у Валбура и выдёргивая у собеседника опустевший горшок. – Ты хочешь сказать, что этот Гийс оказался хитрее всех?

- Не-а, неправильно ты понял, старина Дэки. – Бокинфал красноречиво посмотрел на Валбура с выражением «Ну, что я говорил?». – Хитрее всех оказался тот, о котором мы даже не знаем.

Гаррон поперхнулся и закашлялся. Бокинфал откинул со лба длинную челку. Лицо его не лишено приятности и должно нравиться женщинам, подумал Валбур, невольно представляя себе Тису за её любимым занятием – приданием мужчинам дополнительной силы. Интересно, каков он как боец.

- Ты тоже из рыбаков?

Бокинфал прищурился и помотал головой. Он жевал.

- Такие, как он, рыбу не ловят, - подсказал Дэки. – Наш Бок рыбу даже не ест. Боится костей. Я прав, старина?

- Ты всегда прав, - последовал ответ, сдобренный улыбкой. – Особенно когда молчишь. Нет, Валбур, я не из рыбаков. Я из замка.

- Только не говори ему, кем ты там был, - рявкнул Гаррон, прикрывая ладонью рот. – Когда я впервые это услышал, то чуть ни обмочился.

- И что с того, что я служил писарем? – стукнул по столу Бокинфал.

Гаррон запрокинулся, громко вдохнул и согнулся пополам. Дэки ударил его ладонью между лопатками и сам затрясся от хохота. Валбур улыбнулся, глядя на них, однако причины веселья не понял, а потому вопросительно уставился на бывшего писаря. Тот пожал плечами и продолжал как ни в чем не бывало жевать чудом уцелевший до сих пор калач, запивая его морсом и с удовольствием причмокивая.

Лавка под ними задвигалась – это начали по очереди подниматься из-за опустевшего стола соседи. Трапеза, судя по всему, была закончена.

Валбур тоже встал и, недолго думая, направился следом за новыми друзьями. Он не понимал только одного: как они собираются с набитыми животами драться друг с другом.

- Устроился? – Ротрам подошел к нему сзади и положил руку на плечо. – Тиса говорит, тебе вчера банька приглянулась.

- Да, особенно снежный сугроб. – Валбур перехватил на себе несколько любопытных взглядов. – Я буду участвовать в следующей «крови героев»?

- Как я сказал, это зависит от усмотрения Рэя. – Думаю, скоро ты сам сможешь оценить свои силы. Я уверен, что будущим победителем станет один из вас, так что ближайшие дни все покажут. У тебя явные способности к этому делу, но тут собрались те, кто умеет драться не

хуже. Просто так с улицы ко мне никто не попадает. Прояви себя, и мы посмотрим. Я, как ты понимаешь, заинтересован в том, чтобы сильнейшим на играх стал мой боец.

- Вы называете это «играми»?

- А что же это по-твоему? Игра с судьбой. Игра с удачей. Игра на деньги. Тебе ещё не рассказали про ставки?

- Про что?

Ротрам взял Валбура за локоть и придержал, пока мимо них проходили остальные бойцы. Потом понизил голос и сказал то, что наверняка в свое время говорил так же вкрадчиво каждому из них:

- Ставка – это деньги, которые зрители могут ставить на победу того или иного полюбившегося им бойца. Если боец проигрывает, ставивший на него теряет свои деньги, если выигрывает – получает столько же, сколько поставил.

- А как ваши зрители поймут, что нужно ставить на меня?

- Ты задаешь правильные вопросы, - улыбнулся Ротрам. – Правила придумывали мы с Биртоном. И учли те недочеты и ошибки, которые допускались при прежних «боях за дружину». Раньше бойцов никто не знал, они часто были новыми, зрители платили за вход и только смотрели, а теперь всё это значительно изменилось. «Кровь героев» мы превращаем в день настоящего праздника. Никто никуда не торопится. Зрителя собираются днем и расходятся уже под вечер. За это время они могут увидеть каждого из бойцов не меньше двух раз...

Пока Ротрам говорил, Валбур живо представлял себе происходящее и чувствовал, что попал в не слишком привлекательную для себя заварушку. Но разок попробовать, вероятно, стоило.

- Сама «кровь героев», как ты понимаешь, может пролиться только однажды, в основном бою. До этого каждому из вас предстоит встретиться друг с другом в поединке, который потребует больше ловкости и отваги, чем желания во что бы то ни стало убить врага.

- Убить?

- Ну, это я так выразился, - закатил глаза Ротрам. – До смертей пока не заходило и вряд ли дойдет. Хотя, разумеется, возможно всё.

- Любопытно, - признался Валбур. – Если укокошат меня, понятно. А если я? Меня снова посадят в тот замечательный каркер, только теперь уже точно до конца жизни?

- Думай о хорошем, друг мой.

- Вам же нравились мои вопросы, вита Ротрам.

Торговец поискал кого-то глазами.

- С кем ты уже сошелся? С Гарроном? Я видел, как вы о чем-то очень оживленно беседовали за столом.

- И с ним тоже. Вы этого не одобряете?

- Почему ты такой колючий, Валбур? Если тебя что-то не устраивает, скажи. Только мне представлялось, что сегодня ночью мы обо всем достаточно внятно договорились. И ты не был против.

- Я и сейчас не против, вита Ротрам. Просто вы упомянули возможность убийства, а я никогда этим не занимался. Вот меня и заинтересовало, вменяется ли это мне теперь в обязанность или я могу победить всех, кого нужно, не пуская никому кровь по-настоящему.

- Кровь придется пускать по-настоящему, однако это не значит, что тебе обязательно кого-то отправлять к Квалу. Я вообще-то даже не договорил, если ты заметил. Рэй!

Наставник выходил из трапезной одним из последних. Он охотно подошел к ним, прервав разговор с бородатым Логеном, который окинул Валбура не слишком приветливым взглядом и пошел дальше.

- Наш новобранец хочет проявить себя, Рэй, - сказал Ротрам, хотя Валбур ничего такого отродясь не говорил. - Прошу тебя присмотреться к нему. Поставь с кем-нибудь сильным и присмотришься.

- Думаете, он сможет чему-нибудь научиться за те дни, что остались?

- Если он не сможет научиться, то ты сможешь его научить. Ты ведь для этого здесь. И покажи ему, как нужно бить, чтобы не убивать. Нашему другу не улыбается вернуться в каркер.

- Хорошо, вита Ротрам, я посмотрю, что можно сделать.

- Вот и славно. А теперь, ступай, Валбур. Об остальном договорим позже.

Он стукнул собеседника кулаком в плечо, подмигнул и направился прочь, в другую сторону, нежели все.

- Что-то я не понял, - признался Валбур. - Мне оказали честь?

- Более того, - кивнул Рэй. - Тебе даровали жизнь. Славную, но короткую.

Судя по усмешке на морщинистом лице, он не шутил.

Они вместе вошли в просторное помещение, оказавшееся сразу за стеной трапезной. Валбура неприятно удивило обилие оружия, висевшего и лежавшего на специальных крюках: копья, толстые палки в локоть длиной, палицы с пупырчатыми шарами на концах, топоры на длинных ручках, тупоносые шесты, самых разных форм и размеров щиты, длинные и короткие мечи. Присмотревшись, он, напротив, обрадовался: все это было сделано из обычного дерева, как в рыночной лавке кузнеца, приторговывавшего заодно игрушечным оружием для детворы. Палки, это все-таки не железо: ударить можно прилично, но сильно не поранишь. Особенно ему были любы шесты, драться на которых его ещё в детстве учил дядя, брат покойной матери. Если тут разрешается выбирать оружие по нраву, он на первое время, считай, спасен от громкого позора.

Кроме оружия, он обнаружил в зале всевозможные причудливые приспособления, прибитые к стенам или врытые столбами в землю. Он предполагал увидеть нечто вроде огородных пугал с расставленными во всю ширь руками, какие, как он слышал, используются при обучении вигтеров в замке, однако ничего подобного здесь как раз не

было. Единственное, что отдаленно напоминало чучел для отработки ударов, так это парочка чем-то туго набитых кожаных колбасин в рост человека с короткими отростками, вероятно, обозначавшими руки.

Замешкавшись в раздумье, Валбур не заметил, как все остальные бойцы собрались в центре залы, построились в одну линию и опустились на колени. Вернее, не опустились на колени, а сели на них, ловко поджав под себя ступни. Снова это напомнило ему детство, потому что с некоторого возраста так позволяли себе садиться разве что женщины. Мужчины старались на колени не вставать. Ни при каких случаях. А здесь так делали все, ничего при этом мне стесняясь. Пришлось и ему последовать общему примеру, примостившись с ближнего края.

Рэй тоже сидел на коленях лицом к остальным. Лицо его было сосредоточенным и каким-то отрешенным. Валбур покосился на весь строй и понял, что таким сейчас должен был быть каждый. У него же получилось разве что сдержать предательский смешок.

Рэй вынул из-за пояса две деревянные чурочки, которыми в богатых избах растапливали печь.

- Во имя Рилоха! – звучно возвестил он и ударил одной деревяшкой о другую. Раздался если не мелодичный, то приятный звук звенящего сухого дерева, отразившийся от стен и растворившийся прямо в воздухе где-то у них над головами.

- Во имя Рилоха! – повторил стройный хор, сопровождая эти простые слова резким хлопком ладоней. Никто при этом не кланялся.

Насколько Валбур помнил по древним рассказам, составлявшим то, что у вабонов называлось Культom героев, Рилох был мужем Лиадран, сестры Дули. Дули поручил ему охрану своих детей на время того самого рокового похода в Пограничье, который закончился для него столь трагически. С тех пор Рилох считался покровителем всевозможных начинаний и почему-то мергов.

- Выдох! – последовала резкая команда Рэя.

Валбур не понял, посмотрел вдоль строя, и увидел, что все дружно открыли рты и с напряженным шипением выталкивают из себя воздух. Причем очень медленно, как будто внутри у них какая-то преграда, которая не позволяет воздуху выходить наружу сразу, а выпускает его тонкой струйкой. Валбур опередил всех, решил дождаться остальных, чуть не задохнулся и вынужден был пару раз хлебнуть воздуха прежде чем Рэй все так же резко скомандовал:

- Вдох!

Это оказалось ещё сложнее, поскольку все позакрывали рты и стали втягивать воздух носами, так же громко и, кажется, ещё более неторопливо. Кроме всего прочего, при повторном выдохе Валбур заметил, что нужно медленно наклоняться с прямой спиной вперед, а при вдохе – наоборот, выпрямляться. На третьем разе он попытался выдержать общий ритм и почувствовал, что воздух не задерживается в груди, как при обычном дыхании, а уходит куда-то глубоко в живот и

там почти без труда остается до начала выдоха. Некоторые при этом следовали примеру Рэя и блаженно закрывали глаза.

Так повторилось в общей сложности раз десять. К концу у Валбура от глубокого дыхания слегка кружилась голова, но в теле появилась странная легкость и ощущение притока силы.

- Во имя Рилоха! – закончил Рэй хлопком деревяшек.

- Во имя Рилоха! – всплеснули сильные ладони.

Они ещё некоторое время в задумчивости посидели на коленях, поклонились Рэю и дружно встали. Валбур с удивлением обнаружил, что от тяжести в животе не осталось и следа. Остальные тоже выглядели посвежевшими и не такими хмурыми.

- Получилось? – поинтересовался Дэки.

- Что? Дышать? – переспросил Валбур.

- Ну да. Это называется у нас брюшным дыханием. Хорошо восстанавливает и сохраняет силы.

Похоже, они тут все помешались на «силе». У них в туне сила была вещью обычной, поэтому чаще говорили о быстроте или о точности бойцов. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

Рэй и остальные теперь ходили по зале и разминали плечи и кисти, кто как мог. Валбур ничем подобным никогда не занимался и сейчас всё больше присматривался, повторяя незатейливые движения. Он поймал себя на мысли о том, что ещё накануне, когда ругался с Минтелом, даже не мог предположить, чем будет заниматься на следующий день. Думал, ну, поругается, походит по Вайла'туну, посмотрит на недоступные мечи да и уберется тихо к себе, подальше отсюда, где каждый день – одно и то же, где нет места прекрасным незнакомкам, вонючим каркерам, баням со снегом и новым друзьям, которых учат, как правильно пустить тебе кровь, чтобы не изувечить раньше времени.

Рэй велел всем разбиться на пары. Противником Валбура оказался бородатый Логен. Он присел, выпрямил перед собой руки и раскрыл ладони, словно готовясь к обороне. Оказалось, что задачей Валбура является бить его кулаками в одноименные ладони. Логен при этом вел себя хитро, иногда отводил руку назад из-под удара, иногда вытягивал вперед, сокращая расстояние, а ему, Валбуру, приходилось всё это подмечать и заранее подыгрывать себе ногами, чтобы каждый удар получался сильным и точным. Стоило замешкаться, и вот он уже тянется к ладони, теряя скорость, или, наоборот, натывается на неё чуть ли не перед самым лицом, отчего удар оказывается незаконченным и слабым.

Валбур то и дело проваливался, ругался на себя за неловкость и делал то, что привык делать дома: атаковал не одним, а несколькими ударами кряду, стараясь в какой-то момент всё же достать противника и хотя бы один раз, но ударить, как следует, звонко и сильно. Прохо-

дивший мимо Рэй неожиданно похвалил его за это, но, присмотревшись, велел не смазывать удар.

- Рука должна возвращаться обратно не по дуге, а ровно той же кратчайшей дорогой, по которой ты выбрасывал кулак. И отдёргивай её сразу, не то у тебя её перехватят и поломают.

Вероятно, он был не слишком убедителен, потому что Валбур продолжал повторять одну и ту же ошибку, так что, в конце концов, Рэй решил сам показать ему, чем это чревато. Он отправил Логена передохнуть и занял его место. Валбур ударил. Упругая ладонь мягко встретила его кулак. Ещё раз. Ещё. В какой-то момент Рэй слегка отпрянул назад, кулак Валбура продырявил пустоту, удивленно замешкался, и тут же две цепкие руки сковали его локоть и запястье и резко повели встречным движением наверх, отчего в локте хрустнуло, а запястье скрутило от боли.

- Теперь я могу делать с тобой, что хочу, - поучительно заметил Рэй, сгибая Валбура пополам и тыкая носом в пол. – Старайся бить только тогда, когда уверен, что не получишь сдачи. Пробуй снова.

Вторая попытка привела к тому, что уже сам Рэй был вынужден уворачиваться от града ударов, коротких и неудобных для перехвата.

- Быстро учишься, - похвалил он Валбура и велел всем переходить к уклонам.

Задача состояла в том, чтобы чувствовать направления удара в голову и успевать уходить от него нырком или корпусом, не блокируя руками.

Когда он атаковал Логена, все казалось ясным и простым. Когда же они поменялись ролями, и сразу выяснилось, что простота обманчива: ладони бывшего свера то и дело напоминали о себе звонкими затрепцинами и совсем не приятными тычками в лоб.

Логена по сигналу Рэя сменил Гаррон. С ним Валбуру было особенно неудобно, потому что удары сыпались откуда-то сверху, а длина рук позволяла великану настигать цель, многострадальную голову фолдита, без лишних подшагиваний. Если это только разминка, думал Валбур, что же будет со мной в настоящей схватке?

Скоро он испытал это на собственной шкуре.

После отработки сбивов и уходов в сторону Рэй велел всем надеть специальные варежки. Сшитые из кожи, они довольно туго обтягивали руку, а тыльная сторона ладони и первая фаланга пальцев были закрыты аж двумя слоями, между которыми чувствовалась относительно мягкая прослойка, как пояснил Дэки, поставленный с Валбуром в пару, из овечьей шерсти. Перчатки не столько смягчали удар для принимающего, сколько защищали руки от увечий для бьющего.

Пары разошлись по всему просторному залу и начались свободные поединки. В задачу, как понял Валбур, входило вовсе не снести противнику голову отчаянной атакой, а обмануть его ожидания, пере-

играть, и при этом нанести хоть и разящий, но не зубодробильный удар.

Дэки поначалу решил было заодно поучить Валбура некоторым тонкостям, однако очень скоро он уже кряхтел и пятился, а на скуле у него наливался кровью красивый синяк. Их поединок остановил Рэй. Сделав Дэки знак отойти и ничего не сказав весьма довольному собой Валбуру, он подозвал Эгимона. Приблизившись, юноша смерил Валбура равнодушным взглядом и встал в стойку, расставив руки, словно готовился обнять противника.

- Попробуй с ним, - сказал Рэй.

Валбур пожал плечами и по привычке стал прощупывать нового соперника резкими выпадами левой рукой от бедра. Правую он поднял повыше и держал наизготовку, чтобы в подходящий момент выбросить вперед и, если получится, срубить Эгимона точным ударом в подбородок, как он любил делать на молодецких забавах дома.

Эгимон лениво отбивался, почти не нападал, но зато когда Валбур увлекся атакой, сделал несколько едва заметных уклонов, показал телом, что отступает, а сам шагнул навстречу и пробил мощно и точно левым кулаком прямо через правую руку, угодив Валбуру в скулу. Удар пошатнул Валбура, однако он устоял, попытался отмахнуться, но Эгимон уже ускользнул назад и звал противника следовать за собой. Валбур поддался, думая, что успеет по ходу нанести несколько увесистых затрещин. Он попал в никуда, и из этого ниоткуда прилетела жёсткая варежка, за ней – вторая, третья, и Валбур уже не думал ни о чем, кроме как о трусливом и неловком отступлении.

Гаррон предупреждал его насчет Эгимона. Валбур хоть и поверил ему, ничего подобного не ожидал. Особенно обозлила его показная лень юного противника, который все делал словно нехотя, но при этом так расчетливо, что опережал, не прикладывая видимых усилий. Он очень хорошо передвигался на ногах, непредсказуемо менял направления и производил гнетущее впечатление неуязвимости. Вероятно, Эгимон и сам уверовал в это, несколько раз подряд провалив Валбура в атаке и ответив боковыми ударами с обеих рук, отчего звон в ушах перешел в нескончаемый гул, а плотная трапеzia угрожала вот-вот вернуться к своим истокам и навсегда опозорить несчастного новобранца.

Самомнение никому ещё не шло на пользу. Валбур ухватился за эту единственную соломинку и отважился сыграть с Эгимоном в опасную игру, притворившись, будто окончательно сбит с толку, и уйдя в глухую защиту. Заметив краем припухшего глаза снова появившуюся рядом фигуру Рэя, готового вот-вот прекратить его очевидное избивание, он сжал последние силы в кулак и сделал рискованный выпад. Застигнутый врасплох Эгимон замешкался и пропустил подряд несколько ударов, в которые Валбур от безысходности вложил от души. Первые два были встречены надежным блоком, но третий этот

блок сбил в сторону, а четвертый прошел прямо в надменный подбородок, и пораженный во всех отношениях Эгимон повалился навзничь, цепляясь руками за воздух.

- Неплохо, - только и сказал Рэй, протягивая поверженному руку и не глядя на задыхающегося победителя.

- Здорово! – похвалил Валбура оказавшийся рядом Бокинфал, чей противник, похоже, тоже был вынужден прекратить сопротивление, скрючившись на полу и держась за разбитый нос. – Потанцуем? Или ты боишься писарей?

Он дышал легко, добродушно улыбался и всем своим видом производил впечатление человека, довольного своим местом в жизни. Валбуру такие последнее время попадались все реже, а в Малом Вайла'туне и подавно.

- Мечи! – объявил Рэй и хлопнул в ладоши.

Валбур вздохнул и, стянув с потных рук кожаные варежки, пошел вместе со всеми подыскивать себе оружие. Разумеется, на мечех ему приходилось биться, причем на настоящих, тяжелых и железных, но нечасто, а в этом деле без опыта – пиши пропало.

- Почему так кисло выглядишь? – поинтересовался Бокинфал, уже помахивая широким мечом с длинной рукояткой. – Давай, я тебя жду.

Проигрывать писарю не входило в планы Валбура. Он прикинул размеры меча противника и хотел, если повезет, найти превосходящий, однако все стоящие были во мгновение ока разобраны, так что ему достался совсем маленький и неказистый. Он поднял его перед собой и показал Бокинфалу, словно оправдываясь.

- Неплохой выбор, - хмыкнул тот и встал в совершенно открытую стойку, выжидательно положив меч на правое плечо.

- Не порубите друг друга, - напомнил Рэй. – Начали!

Бокинфал не пошевелился и не изменил позы. Вероятно, он таким образом предлагал противнику нападать первым. Чувствуя подвох, Валбур выставил меч перед собой и стал медленно обходить Бокинфала по кругу, готовя выпад. Решившись наконец действовать, он сделал шаг вперед и не успел отдернуть оружие, как получил удар по деревянному лезвию такой силы, что чуть не выпустил меч из рук. Ладони заныли от боли. А Бокинфал уже стоял в той же позе, правда, теперь его меч перекочивал на левое плечо.

- Если бы у тебя был настоящий меч, такая сечка перерубила бы его пополам, - слышался сзади наставительный голос Рэя. – Оружие надо беречь. А уж если решил им блокировать удар, подставляй лезвие боком, то есть острой частью. Зазубриной больше, зазубриной меньше, но зато сам меч останется, скорее всего, цел. Пробуй ещё.

Со второй попыткой вышло только хуже. Валбур решил обмануть противника и в последний момент отдернул меч, чтобы атаковать в открывшуюся при махе брешь самому, однако на сей раз Бокинфал

изменил тактику и рубанул без проноса, упруго остановив меч ровно по центру, отчего Валбур чуть не напоролся на его затупленное острие. Велико было желание достать бывшего писаря, однако взгляд последнего говорил о том, что случившегося не исправить и любое продолжение из этого положения нечестно и бессмысленно.

Валбур и сам это знал. Он с достойным уважением упорством продолжал нападать, Бокинфал только защищался, но все попытки заканчивались либо ударом по мечу, либо – по самолюбию.

- Меч – это не меч, - сказал снова подошедший Рэй. Подумал, подмигнул Бокинфалу и пояснил эту загадку: - Меч – продолжение тебя, а ты – продолжение меча. Если ты думаешь, что он – оружие, которое может поразить твоего врага, а ты при этом будешь стоять, как вкопанный, и никто тебя не тронет, ты глубоко ошибаешься. Смотри.

Он встал перед Бокинфалом, тоже расслабленно и спокойно, без замаха сделал резкий выпад корпусом, целясь сопернику в грудь, Бокинфал среагировал моментально, чуть отступил в сторону, плавно отразил смертоносное острие и прямо из блока атаковал Рэя коротким махом снизу по косой, вероятно, намереваясь ранить его в держащую меч руку в районе плеча, однако Рэй словно того и ждал – он присел в коленях, вжался в меч и резко выбросил себя вместе с ним вперед. В итоге лезвие Бокинфала просвистело у него над головой, а он прижал свое к его открытой шее и сдернул вниз.

- Горло вспорото, бой окончен, - сказал Рэй.

По залу прошел гул одобрения. Оказалось, все наблюдали за происходящим и оценили хитрость наставника по заслугам. Бокинфал, держась одной рукой за поцарапанную шею, морщился.

- Что остановились? – прикрикнул Рэй. – Продолжаем! А ты пока погоди, - повернулся он к Валбуру. – Сейчас поставлю тебя с кем-нибудь посильнее. Эй, Авит, подойди-ка сюда.

Кудрявый юноша с детским лицом вызывал определенную надежду на благополучный исход. Валбур изготавился к новому поединку, однако Рэй покачал головой.

- Авит, будешь отрабатывать с ним защитные действия. Валбур, ты атакуешь его в голову, в живот и по ногам. Именно в таком порядке. Покажи нашему новичку, Авит, как правильно блокировать. Пока без встречной атаки. Потом добавьте и её. Что не будет получаться, объясни ему. А вы, - обратился он ко всем остальным, - не останавливайтесь. Атака на атаку. Нет, нет, ну-ка меньше замахи! Любой шева-жа поймет, что вы собираетесь делать. Слушайте, что я говорю, и не отвлекайтесь. «Кровь героев» не должна быть вашей кровью.

Присутствующие издали дружный одобрителный крик и с новой силой набросились друг на друга.

Авит понравился Валбуру. Он старательно выполнял сказанное наставником, не спешил, не пытался показать свою опытность, зато весьма наглядно показывал нехитрые, но при этом вполне действен-

ные блоки против меча. От удара по коленям он расчетливо отступал назад передней ногой, иногда даже не подставляя меч. От тычка в грудь едва заметно уходил в сторону, скручиваясь вперед плечом и успевая на всякий случай вставить между атакующим клинком и своей грудью руку. При этом другой рукой он опасно выдвигал лезвие на встречу атаке, и Валбур понимал, что в настоящем бою оказался бы, по меньшей мере, ранен то в шею, то в подмышку. Авит время от времени предлагал ему повторить приём, Валбур старался, как мог, но получалось у него не слишком ловко и как-то уж больно отрывисто. Авит же двигался плавно, особенно когда удар шел в голову. Он умудрялся не только останавливать меч Валбура почти в момент начала атаки, когда тот ещё не набрал скорости, но и буквально прилипал к нему своим, так что фолдиту на память пришел случай из собственной жизни, когда он после сильного дождя по колено увяз в глинистой жиже и не мог сделать ни шагу. Вот так же и его меч теперь словно в болото засасывало после каждого удара, как будто это не был и удар вовсе, а так, вялый взмах палкой.

- Ты здесь этому научился? – спросил он, когда Рэй сжалился над взмысленными бойцами и объявил короткую передышку.

Они сидели на полу прямо у стены.

- Я не очень люблю меч, - признался Авит, приглаживая обеими ладонями мокрые кудри. – Привык к палке.

- А я меч люблю, но тоже чаще имел дело с палкой. Так ты тут учился?

- Меня привел к Ротраму отец. Он дружен с Дэки... ну, с этим, крепышом, ты, кажется, с ним уже знаком... вот так я тут и оказался... недавно довольно-таки... Не жалею. Не мое это дело – рыбачить. Дэки, тот мастак. За это его мой отец и уважает, несмотря на возраст.

- Теперь понятно. А то всё не возьму в толк: вы, вроде бы с ним почти ровесники, а дружишь с ним не ты, а твой отец.

- На самом деле Дэки ему однажды на полном серьезе жизнь спас. – Авит вскочил на ноги, услышав команду Рэя. – После договорим. Защищайся.

Они ещё некоторое время отчаянно охаживали друг друга деревянными мечами, и Валбур с удовольствием чувствовал, что у него понемногу начинает получаться. Не всё, кое-что, но ощущение было приятным. Заведутся деньги, глядишь, будет повод со смыслом потратить на давнишнюю мечту – собственный клинок с удобной рукояткой. Не то, что этот: деревянный, простецкий, весь в выбоинах и трещинах, того и гляди треснет. Интересно, каким оружием бьются в «крови героев»?

- Уж точно не собственным, - заверил его Авит. – Да тут ни у кого почти и нет своего. Разве что у Логена с былых времен осталось. Там, как я слышал, выдают одинаковое, чтобы ни у кого не было преимущества.

- Так как Дэки спас твоему отцу жизнь?

- А, ты про это... Они забрасывали невод, налетел порыв ветра, веревка, за которую держат, порвалась, и сеть заплелась вокруг его ноги. Так бы река и утянула отца за собой, если бы не Дэки и его сильные руки. Удержал. С тех пор они и дружат. Когда Дэки к Ротраму подался вместе с Гарроном... его ты тоже знаешь... я отца уговорил и меня сюда отправить... в смысле отпустить... и ему дома ртов поменьше, и от меня толку побольше будет. А ты что, и правда фра'ниманов по-нашенски отлупил?

- Знал бы, кто они, может, и не полез бы, - честно ответил Валбур.

- А знал бы то, что знаю сейчас, глядишь, живыми бы не отпустил.

Авит протянул ему руку для пожатия.

- Я их тоже ненавижу.

- Подружку увели что ли?

- С чего ты взял? – опешил парень.

- А что ещё тебе с ними делить?

- Ну, не то, чтобы увели... но вообще-то ты в точку попал. Она сама к одному ушла. Прошлой зимой это было. Вот кого я бы хотел на «крови героев» повстречать.

- Её?

- Его...

- А он-то при чём? Сам ведь говоришь, что она ушла. Не силком же её увели.

- Неважно. Я должен с ним расквитаться. Убить вне *фэлда* фра'нимана – преступление. Вот бы я на фэлде с ним по-свойски поговорил...

- Что ты называешь «фэлдом»?

- То же, что и все – площадку, на которой проводятся бои. Похоже, ты совсем ничего про «кровь героев» не слышал.

- До сегодняшнего утра я, если честно, совершенно не собирался в них участвовать, даже зрителем.

- Здорово! – недоверчиво присвистнул Авит. – А что изменилось?

- Всё, - неопределенно ответил Валбур и понял, что недалек от истины.

После упражнений на мечях они вооружились щитами. Валбура поставили в пару с Гарроном, которому тоже была поручена роль наставника. Как и Авит, он больше показывал, нежели объяснял. Для Валбура щит был в диковинку. По неопытности он всегда полагал, что щит служит исключительно для защиты – от мечей, стрел и копий. Сейчас же выяснилось, что в умелых руках он является прекрасным орудием нападения и способен нанести острой кромкой урон ничуть не меньший, чем любой клинок.

В сильной руке Гаррона тяжелый деревянный щит летал, как перышко, а Валбур только и знал, что пригибался да уворачивался,

слишком отчетливо понимая, что надолго его в подобном испытании не хватит.

- Старайся направлять свои атаки за щит, - подсказывал Гаррон. – Тебя же интересует не он, а мое тело. Вот до него ты и должен добраться.

- Тебе легко говорить...

- А вот смотри!

Гаррон нанес по крышке его щита два или три сильных удара мечом, но последний только обозначил. Валбур по привычке прикрылся, однако меч замер на полпути, зато справа прилетел грозящий сбить с ног щит Гаррона, Валбур попытался отразить его своим, машинально открылся и сразу почувствовал боком болезненный укол – ещё немного, и Гаррон поддел бы его мечом как пороса вертелом...

Залу они покинули уже в сумерках. Болело всё, а не только ушибленные места. Из общего многообразия упражнений у Валбура неплохо получился разве что рукопашный бой да свободный поединок с Дэки на длинных палках. Во владении мечом он явно уступал многим, щит ему только мешал, а оставленная напоследок борьба, задачей которой было положить противника на лопатки и удержать в таком положении или вынудить сдаться болевым заломом, оставила у него смешанные чувства. Двоих он одолел почти без труда, но третьим снова оказался Эгимон, обозлённый на него за досадный проигрыш. Он оказался слишком вертким и неожиданно сильным, причем очень. Бить запрещалось. Валбур откровенно полез в борьбу, поддавшись на отступление Эгимона и крепко удерживая его за оба запястья. Внезапно Эгимон перестал сопротивляться и рывком потянул Валбура на себя, одновременно освобождаясь неуловимым движением от захвата. В итоге он уронил противника на четвереньки, сам запрыгнул ему на спину, сковал бока ногами и жестоко придушил, так что у Валбура хватило сил только ударить об пол рукой, признавая горькое поражение.

Одним словом, снова оказавшись за столом в трапезной и отламывая себе хлеба от огромной краюхи, он мучился вопросами, что я тут делаю и зачем мне на старость выпал такой позор. Пальцы слегка подрагивали от недавнего напряжения. Голова болела. Мысли путались. Хотелось лечь и побыстрее заснуть.

Ротрам на ужин не пришел. Ели почти молча, устало переглядываясь. Только Авит о чем-то возбужденно рассказывал Логену. Рэй куда-то запропал. Наконец, он появился в дверях, огляделся и сел рядом с Валбуром на свободный край лавки.

- Я тут переговорил о тебе, - начал он после короткого раздумья, изучая содержимое горячего горшка, который поставила перед ним расторопная Тиса. – Будешь участвовать в «крови героев». В следующих. Через восемь дней.

- Я?!

- Ну не я же. – И, предвидя возражения, добавил: - Ротрам оказался прав. У тебя неплохие задатки. За неделю я из тебя воина не сделаю, но бойцом ты со временем можешь стать неплохим. – Рэй стянул со лба тесьму, от которой вокруг всего лысого черепа осталась глубокая вмятина. – Ты многого не знаешь, однако многое можешь. Завтра я ещё погляжу, на что ты способен.

Он придвинул к себе горшок и принялся уплетать овощную похлебку прямо из него, хотя один горшок ставился, судя по всему, на троих. Пораженный услышанным Валбур молча жевал хлеб и смотрел на подергивающуюся бородавку. Рэй вытер губы кулаком и только сейчас удостоил собеседника внимательным взглядом. Внимательным и хитрым.

- Думаю, у тебя в туне ты лучшим не был и оттого теперь переживаешь, - прозорливо заметил он.

- Не переживаю я...

- Вижу, что переживаешь. Все переживают. Через мои руки не один такой как ты прошел, можешь поверить. И мало кто верил в свои силы. А из тех, кто верил, немногие уцелели.

- Так я что-то не понял: разве убийства там разрешены?

- А я вовсе не про «кровь героев» и даже не про «бои за дружину». – Рэй поправил кожаную накидку, под которой прогладывала голая грудь, местами поросшая седым мхом. – Я про настоящих бойцов говорю. Таких всегда мало бывает. На самом деле я к вашему брату фолдиту неплохо отношусь. Кое-кого знал. Поэтому и могу тебя по советам оценить. Я давно Ротраму говорю, что если он хочет хороших парней найти, ему надо по тунам проехаться. Ты-то как думаешь, народ согласится?

Валбур мотнул головой.

- Это я тоже понимаю. – Рэй несколько не смутился. – Вам своя доля важнее шальных денег. Пусть даже и больших. Тебя-то как к нам занесло?

Валбур вкратце пересказал свою вчерашнюю историю.

- Ну, я так и предполагал. Эй, Шилох! – К ним подскочил толсто-пузый паренек с вихрастым чубом, помощник Тисы. – Плесни-ка нам чего-нибудь эдакого.

Мальчуган кивнул и во мгновение ока вернулся с кожаным пузырем, в котором что-то булькало. Это оказался не крок, а перебродившая ягодная настойка, от глотка которой у Валбура посвежело в голове, но зато предательски отяжелели ноги.

- Мой рецепт, - похвастался Рэй, следя за тем, чтобы Шилох унес напиток, ни к кому больше не приближаясь. – Будем знакомы.

- Будем. Хорошо пьётся.

- То-то! Если бы сказал иначе, я бы тебя взашей выгнал. – Рэй подмигнул Валбуру и залпом осушил кружку. – В общем, слушай внимательно, братец. – Он облокотился на стол и показал собеседнику,

чтобы тот придвинулся поближе. – С завтрашнего дня делай упор на работу с мечом и щитом. Я напоминать не буду, это теперь и твое дело тоже. С мечом и щитом...

- А борьба?

- Ты слушай и не перебивай! Знаешь, из чего «кровь героев» состоит? Вижу, что нет. Так вот, там отдельно никакой борьбы нет и в помине. Есть кулачный бой. Есть поединок с оружием по выбору. Проигравшие выбывают сразу. Победители встречаются между собой. Борьбе я учу, потому что она в любом случае пригодится может да и мало кто из ваших противников в ней толк знает. В этот раз, думаю, участников будет много. Один только Ротрам пятерых выставляет. Будут люди из замка. Полагаю, даже кое-кто из фолдитов пожалует. Молва про «кровь» уже пошла по округе. Твоя задача – биться на кулаках и показать, что ты умеешь. Чем выше поднимешься, в смысле, чем больше противников пройдешь, тем лучше. Победитель среди кулачников в конце встречается с победителем по оружию. В их поединке лучший на тот день и определяется.

- Вроде Торни?

- Вроде Торни. Победителем тебе пока стать не грозит, но заявить о себе ты вполне можешь.

- А деньги?

Рэй сдержал усмешку.

- Деньги будут. За каждого поверженного противника.

- А лучшему?

- Ну, ему отдельно ещё причитается. Только ты губу не раскатывай. Сегодня ты с некоторыми из моих ребят поработал, так что мог сам сделать вывод, кто чего стоит. Народец сильный подобрался, не так ли? – Рэй самодовольно похлопал Валбура по руке. – Кто-нибудь из них обязательно станет лучшим. Но пока не ты.

- А на чем бьются между собой лучшие? – Валбур пропустил последнее замечание мимо ушей и сделал большой глоток рэевской настойки. – Один с оружием, другой – без?

- Опять-таки по выбору. Кто меч двуручный берет, кто – меч со щитом, кто – дубину любит, кто – копьё, короче, кто как. Нельзя только из луков да арбалетов стрелять.

- А Торни как дрался? Ведь его учили вы, если я верно слышал. Мне говорили, он по-всякому мог.

- Мог. Правильно тебе говорили. – Рэй лукаво посмотрел на собеседника и изобразил на лице нечто вроде добродушной улыбки. – А ещё из него кузнец неплохой. Вот он себе наручи железные и смастерил.

- Наручи?

- Ну да, вроде варежек только длинных, до локтя. Ими и удар меча отвести можно и самому в ответ по мордасу вдарить так, что мало никому не покажется. А можно и меч в них держать. Правда, ему меч за-

претили. Посчитали, что это уже будет двойное оружие. Но Торни надо видеть. Ему наплевать на Хита было. Разнёс в пух и прах. Жалко, его Ротрам отпустил. Я всё надеюсь, что он теперь на новом месте жиrom не зарастет, а как-нибудь даже выйдет сразиться с очередным победителем «крови героев». Герой против героя, так сказать. Я бы на Торни всё поставил. – Рэй помолчал, допил свою кружку. Потом встал и обратился ко всем присутствующим. – Слушай меня! Завтра утром – как обычно. Никому не просыпать, не опаздывать. Тебя, новичок, это теперь тоже касается. Буду из вас последнюю дурь вышибать перед смотрами, девочки.

Едва заметно покачиваясь, Рэй вышел из трапезной, сопровождаемый безобидными смешками и улюлюканьем.

К Валбуру придвинулся Дэки. Синяк у него на лице из красного стал темно-синим.

- Чего он тебе так долго наговаривал?
- Просил тебя не слишком сильно бить.
- Понятно. А по делу?
- А по делу сказал, что выставит меня на кулаках биться.
- Что?! На «крови героев»?
- Ну да. Это разве так странно?
- Не странно. Ты Эгимона замечательно уделал.
- У тебя-то самого не болит?

Дэки машинально потрогал скулу и криво усмехнулся.

- Зато на палках ты меня не смог победить.

- А ты видел, как дрался Торни? – Валбур накрыл ладонью кружку, показывая подошедшей Тисе, что с него выпивки достаточно. – Я имею в виду его бой с Хитом.

- Ну.
- Там и правда было на что посмотреть?

Дэки от услуг Тисы не отказался и некоторое время пил, запрокинувшись и поигрывая кадыком.

- Если честно, то я бы не сказал. Я тогда ещё только тут начинал, и Торни не понравился мне с самого начала. Слишком много гонора в нем было. Как будто заранее знал, что станет «героем». Ты, думаю, с ним бы справился на кулаках. Но Рэй его любил и постоянно натаскивал. Больше, чем кого другого.

- А сам бой?

- А что бой? Торни себе железные варежки смастерил заранее. Но, похоже, не рассчитал, и они у него слишком тяжелыми оказались. Попробуй взять железки и подольше ими помахать. Вот и он быстро смурлындился – дышал тяжело, руки опускал, чуть головы ни лишился. Хит его скоро доставать начал. А потом что-то произошло, и Торни подмял его под себя, ну и, разумеется, отделал на славу. Верхом прямо сидел и бил.

- А почему ты мне сегодня утром этого Торни совсем по-другому расписывал, мол, мастер на все руки, прекрасная победа и всякое такое?

- Про прекрасную победу я не говорил. – Дэки заметно смутился. – Знаешь ли, у нас тут, чтоб ты понимал, много всяких разных ушей, так что когда хочешь что-нибудь сказать, сперва подумай. Улавливаешь мою мысль? Победителей вообще не судят. Но уж раз ты меня спросил, как оно по правде было, я тебе ответил. Выводы сам делай.

С выводами Валбур не спешил. Он чувствовал, что ни в Вайла'туне вообще, ни тем более здесь особой искренности ждать не приходится. Поэтому последние слова Дэки и то, что он поменял за день свое мнение, его не слишком удивило. Как говаривал дядя, где силфурки, там и жмурки, имея в виду, что деньги и правда – вещи несовместимые. Иначе говоря, деньги заставляют закрывать глаза. Только что услышанная история была лучшим тому подтверждением. Вернее, худшим.

- Он будет участвовать в следующей «крови героев», - сообщил Дэки подошедшему к ним Гаррону. Все уже вставали из-за столов. – Ротрам делает на него ставку.

- Поздравляю, - без особого восторга похлопал великан Валбура по плечу. – Ты неплохо дерёшься, насколько об этом может судить рыбак. Для фолдита, я имею в виду, - добавил он с улыбкой. – Потому что у рыбака всегда в запасе есть новые сети.

- Это угроза? – уточнил Валбур, поднимаясь.

- Это жизнь, братец.

На мгновение Валбуру захотелось съездить обоим собеседникам по их насмешливым физиономиям, однако он сдержался, понимая, что сейчас в нем говорить скопившаяся за день усталость. Зла они ему явно не желали. Просто подначивали, как умели, и смотрели, что из этого выйдет. Рыбаки, одним словом...

- Ну, что теперь? – спросил он, когда они вышли на улицу и вдохнули чистый морозный воздух ночи. – Спать?

- А ты предлагаешь прогуляться? – поинтересовался сзади знакомый голос, и, оглянувшись, Валбур узнал зябко кутающегося в накидку Бокинфала.

- У тебя в горле дырка, - напомнил Гаррон, намекая на не слишком удачный исход его поединка на мечях с Рэем.

- У тебя тоже есть дырка, - не моргнув глазом, ответил юноша. – Через которую ты делишься с землей своей ежедневной трапезой.

Дэки оценил шутку и хохотнул, шлепнув раздосадованного приятеля пониже спины.

- Гулять тут, похоже, особо негде. – Валбур бросил взгляд на заборные факелы, обступавшие их со всех сторон. – А за ворота выходить дозволено?

- Кому как. – Сейчас стало заметно, что Бокинфал и в самом деле придерживает накидку у раненой шеи. – Если тебя выбрали на «кровь героев», то лучше не рисковать.

- А ты про это откуда знаешь? – удивился Дэки.

- Про что именно? Что Ротрам не любит, когда мы хотим по собственному желанию отлучиться? Или что наш новый друг был избран? В обоих случаях ответ один – догадался.

Длинные пряди скрывали лицо Бокинфала будто капюшоном. В раскосых глазах горели искорки от факелов. Рта видно не было, но Валбур представлял, что он улыбается с чувством превосходства над собеседниками, которые и читать-то наверняка толком не умели, не говоря уж о том, чтобы записывать череду тех или иных важных событий, чем изо дня в день занимались его прежние собратья в замке. Бывший писарь по-своему нравился ему. Ещё и потому, что отменно владел мечом, несмотря на недавно полученное ранение. Всё-таки от руки учителя...

- Какая разница, избран я или нет?

- Никакой. Для тебя. – Бокинфал легко соскочил с приступки крыльца на снег и оглянулся, словно приглашая желающих следовать за собой. – Но не для тех, кто собирается делать ставки. Или уже сделал. Кто знает, а вдруг ты с ними договоришься, и они возьмут тебя в долю? Ротрам будет очень рассержен. А уж про тех, кто стоят над Ротрамом, и говорить не приходится.

- Пустобрех, - махнул рукой Гаррон и направился налево, в сторону их избы.

Дэки замешкался, но ненадолго и последовал примеру товарища.

Они остались одни, если не считать тех, кто выходили на улицу следом, посвежевшие и довольные после сытного ужина, громко обсуждавшие события прошедшего дня и слишком веселые для людей, которым вскоре предстояло пролить свою и чужую кровь.

- Ты упомянул тех, кто стоит над Ротрамом, - напомнил Валбур, присоединяясь к Бокинфалу, который, не спеша, двинулся через двор в другую сторону. – Разве такие есть?

- Верхушки есть только у деревьев, - последовал неопределенный ответ, заставляющий призадуматься. – Но и над ними – небо.

- Где ты научился так владеть мечом?

- Так? – Бокинфал остановился и отнял накидку от шеи. Даже при свете факелов стал отчетливо виден шрам. – Так каждый может.

- Я привык судить о других по себе.

- Напрасно. Ты никогда не станешь бойцом. Если не будешь стремиться к совершенному совершенству.

- Совершенное совершенство? А оно есть?

- Ты видел Тису?

Вопрос застал Валбура врасплох, и он не нашел ничего лучшего, как кивнуть.

- Вот она – совершенство! – закончил юноша свою мысль.

- В каком смысле?

- В женском. Во всех. Сейчас мы идем к ней. – Бокинфал запахнул накидку и ускорил шаг.

- Но... она в трапезной.

- Там её сестра. Они близняшки. Ты не знал? – Он присмотрелся к пораженному этой новостью Валбуру и рассмеялся: - Вижу по твоим глазам: ты уже прикидываешь, как это будет, если оказаться в баньке с ними обеими. Спешу тебя огорчить: Тина в эти игры не играет.

- Её зовут Тина?

- Как ты догадался?

- Я серьезно.

- И я серьезно. Да. Тина и Тиса. Или лучше – Тиса и Тина. Замечательные сестренки! Одна прекрасно потекает мужским вкусом изнутри, другая – снаружи. Ты ведь не мог не заметить, как прекрасно Тина готовит?

- А почему ты так уверен в том, что Тина не ходит в баню?

Смех Бокинфала превратился в хохот. Валбур спокойно ждал.

- Ты умнее, чем я предполагал, фолдит! Разумеется, сестрёнка Тисы запросто может её подменить в бане, а та её – на кухне. И мы про это едва ли когда-нибудь догадаемся. Если не знать некоторых мелких деталей. С первого взгляда вообще никакой разницы нет. Правда, если Тиса начнет готовить вместо Тины, полагаю, кто-нибудь это заметит. По вкусу. Но я же сказал, что ты никогда не встретишь их там вместе. А вообще-то Тина, по-моему, ещё бóльшая чистюля, чем Тиса. Она раньше в таверне неподалеку от рыночной площади трудилась. Слышал, её не хотели отпускать.

- Случайно не в «Лихом воробье»?

- Ого! Откуда ты знаешь?

- Догадался.

Бокинфал перестал смеяться и глянул на собеседника из тени волос если не с уважением, то с любопытством.

- Да, ты прав. Ротрам любит туда заходить. Собственно, он Тину к себе, насколько мне известно, и переманил. А когда обнаружил, что у той есть сестра-близнец, быстро нашел занятие и для Тисы.

Валбур в это время размышлял о том, как же хорошо он поступил, что за ночь не успел влюбиться в Тису и променять на неё Феллу. Сестра Тома сейчас сделалась для него ещё более желанной. Конечно, у неё много друзей, думал он, однако нет ничего зазорного в том, что она развлекает их своими песнями под линги. Тогда как Тиса, похоже, не гнушается никем из той своры бойцов, с которыми он провел сегодняшний долгий день. И их она развлекает собой. Тиса мила, у неё этого не отнять, и соблазнительна, и доступна... но нет, она доступна даже слишком, а потому не может вызывать у него, у Валбура, таких же чувств, как далекая Фелла.

- Кроме того, - продолжал Бокинфал, минуя вход в баню и обходя избу с угла, - у Тины есть муж, и это многое меняет.

- Муж?

- Ты снова удивлен?

- Да нет... Случайно не ты?

- Снова догадался?

- Ты?!

- Нет, конечно. – Бокинфал подошел к маленькому крыльцу с той стороны избы, где чадил всего лишь один тусклый, почти догоревший факел, и постучал. Валбур отметил, что стук не обычный, условный. Машинально запомнил. – Ты с ним сегодня не стоял в паре. Но завтра, если пожелаешь, я тебе его покажу. Отаном кличут. Плохой боец. Ротрам его пригред исключительно ради Тины. Едва ли его когда-нибудь выставят на «кровь героев». Так что можешь сам судить о том, насколько Ротраму важна добрая кормёжка: ради одной Тины платит за троих. Правда, Тиса – тоже вещь нужная в хозяйстве. А вот и она.

За отворившейся дверью стояла та, о которой они говорили. В легкой рубахе до пола и с туго стянутыми на хорошенькой головке волосами. В руке – толстенная свечка с метаящимся огоньком. Воск свечи капал на подол платья, застывая причудливым островком. Неужели это не она только что разливала по их кружкам свой напиток?

Тиса вопросительно посмотрела на Бокинфала, кивнула Валбуру и отступила вглубь темной избы.

Они вошли, по очереди кланяясь под низеньким косяком.

Это была не баня, хотя воздух стоял влажный и теплый, гораздо теплее, чем сейчас у них в спальнях. К запаху строганных бревен пришивался аромат чего-то нежного и волнующего. Так пахло у них в туне в избах, где умирал отец семейства, оставляя после себя жену и дочерей. Запах отсутствия мужчины. Валбуру он нравился, но почему-то заставлял смущаться. Тем, наверное, и нравился.

- Мы тебя случаем не разбудили? – Бокинфал по-хозяйски сбросил накидку на маленький сундучок возле двери.

- Кто это тебя так? – сразу заметила девушка.

- Есть на свете один человек, которому я иногда готов поддаться. Хотя нет, два. Ты вторая.

- Вы меня не разбудили, но много времени я вам сегодня уделить не смогу.

- Гости?

- Не твое дело, дорогой.

- Прекрасно! Нам много и не надо. Особое внимание удели моему новому другу. Если твои умелые ручки не сделают свое дело, он нынче так наломался, что завтра вообще не встанет.

Тиса посмотрела на Валбура и пожалала плечиками:

- Располагайтесь.

- Интересно, куда она спешит? – задумался вслух Бокинфал, когда они прошмыгнули за тяжелую кожаную занавеску и оказались вовсе не в помещении бани, как можно было предположить, а в уютной комнатухе с тремя лежаками, накрытыми притягательным мехом.

Понравившийся Валбуру запах чувствовался здесь слабее, однако было в окружающей обстановке нечто, что заставило его ноги приятно ослабеть, а живот – напрячься.

- Не стесняйся, приятель. Мы тут все свои, - продолжал говорить Бокинфал, с равнодушным видом раздеваясь прямо посреди комнаты и укладываясь лицом на центральный лежак. – Выбирай любой. Будет хорошо.

В последнем Валбур совершенно не сомневался. По примеру юноши он снял с себя всё, взгромоздился на мех, расслабился и понял, что лежать на животе становится все более неудобно. Но это было естественное неудобство.

- Готовы? – послышался голос Тисы снаружи.

- Ты даже не представляешь как, - пробубнил Бокинфал, упираясь подбородком в твердую поверхность и хитро косясь на Валбура. – Заходи, прелесть наша!

Сзади прошуршали легкие шаги.

- Руки вытяни вдоль тела.

Вдоль какого тела, хотел было спросить Валбур, но живительное прикосновение сильных пальцев к усталым икрам быстро заставило его собраться с мыслями. Он закрыл глаза, предпочитая отдаться пока что сумбурным чувствам, нежели оставаться наблюдателем. Пальцы мяти его мышцы, иногда причиняя почти боль. Они неотвратно поднимались все выше и выше, пока ни дошли до тех мест, которыми не принято поворачиваться к противнику.

- Посильнее, - сказал Бокинфал.

Валбур изумленно открыл глаза и увидел прямо напротив своего, вероятно, раскрасневшегося лица тоже ягодицы, только женские, волнующе обтянутые белой, коротенькой юбчонкой, в которых в тунах обычно бегают по дому маленькие девочки. А кто же тогда массирует ноги мне, задумался он. Поворачиваться было лень. Спросить он не догадался. Так и лежал, то открывая, то закрывая глаза, приносясь и прислушиваясь, подчиняясь тихим приказам и дожидаясь того момента, когда можно будет перевернуться на спину.

Он почти заснул, когда кто-то легонько похлопал его по плечу. Начал осторожно поворачиваться, представляя, каким кретином выглядит со стороны.

Над ним склонилась Фелла...

Нет, ему это только так показалось в первый момент из-за того, что у девушки были такие же роскошные, почти рыжие волосы. Не те глаза с крылатыми бровями, не тот рот... Губы даже чуть более пухлые, чем нужно. Взгляд нагло-обрадованный.

- Вот это мужчина, - сообщила через плечо своей подруге незнакомка и сразу же ухватилась обеими руками за то, что было к ней ближе. – Вот это я понимаю.

Что именно она понимала, осталось для Валбура неразрешимой загадкой.

В себя он пришел не сразу, а постепенно, и поначалу подумал, что лежит в одиночестве. Так ему, наверное, хотелось думать. Однако Бокинфал был рядом, на лежаке, он сладко потягивался и зевал. Заметив пробуждение приятеля, сел, свесив ноги, и расплылся в широкой улыбке.

- Понравилось?

- Пока не знаю...

- Ладно, потом поблаговаришь. Даже из старичков не все тут бывают. У Ротрама в хозяйстве много мест неизведанных. Не для меня, конечно.

- Кто это была?

- Тиса. Не узнал что ли?

- А с ней кто?

- Ты про рыжую? – Бокинфал понимающе причмокнул. – Она тут из всех самая горячая. Слышал, её предками были шеважа, которые ещё в бытность Гера Однорукого²⁶ к нам в плен попали. Но девчонка хороша получилась. Никого не боится, стыда в ней ни на глоток, что с кем хочет, то и вытворяет. Ротрам её как-то даже в комнате запер, помнится, чтобы посидела и одумалась.

- В своей? – уточнил Валбур, со вздохом садясь.

- Если бы. Он у нас человек весьма порядочный и ничего лишнего себе не позволяет. Недавно почти женился.

- В который раз?

- На моем веку – в первый.

- А ты давно с ним знаком?

- С Ротрамом то? – Бокинфал встал с лежака и принялся лениво одеваться, снова хитро поглядывая на собеседника, который не без труда последовал его примеру. – Да уж порядочно. Ещё в мою бытность в замке познакомились. Собственно, из-за него я и решил сюда податься. Сперва как писарь. Ему человек понадобился, чтобы записи вести, по хозяйству и так, для потомства.

- Потому-то ты все тут и разнюхал?

- Можно и так сказать. – Он подошел к кожаной занавеске, показывая тем самым, что пора уходить. – Хотя я не любопытный. Просто внимательный. - Прислушался. Выглянул наружу. – Какая прелесть!

Мимо него в комнату вошла Тиса. Обнаженная, босиком, с подносом в руках. На подносе стояли два глиняных кубка. Улыбнувшись Валбуру, она поставила поднос на лежак и повернулась, чтобы удалиться.

---

²⁶ Правитель Вайла'туна, отец Ракли

- Это нам? – Бокинфал ласково удержал её за локоть.

- А разве тут ещё кто-то есть? Пейте, лучше спать будете.

Девушка нисколько не смущалась, отчего казалось, будто не она, а они раздеты.

- Молоко с медом, - сообщил Валбур, забирая один из кубков и приносясь. – Такое детям перед сном дают.

- Не хочешь – не пей. – Тиса высвободила руку и поправила волосы. – Даром мил никогда не будешь.

- Это она о том, - пояснил Бокинфал, - что тут за все платит Ротрам.

- А вы, похоже, этого не цените, - добавила Тиса.

- Очень даже ценим, красавица. Уверен, что наш новый друг не унюхал ещё каких-нибудь травок, которые ты туда подмешала для остроты. Побудь с нами. Твое общество придает нам твердости. – Он попытался обнять её за плечи, но она ловко уклонилась и отступила назад. – Мы как раз о тебе говорили. Почему сюда никогда не приходит твоя Тина?

- Ей Отана вполне хватает.

- А чего не хватает тебе?

- Ну уж точно не тебя. – Она уверенно отстранила его руку, тянущуюся к её крепкой груди.

- А твоя рыжая подруга?

- Что?

- Ей тут нравится?

- Спроси её сам при случае.

- Ты же знаешь, что когда такой случай возникает, мне меньше всего хочется говорить. Как её зовут, кстати?

- Кстати её зовут Шори.

- Очень мило! Наверное, на дикарском языке это означает «Пожар между ног» или «Каменная попка».

- Вообще-то она говорила, что это означает «Я дам тебе в зубы, если не перестанешь пороть чушь».

- Красивое имя.

- Ещё бы!

Разговаривая, они улыбались друг другу, и Валбур понимал, что для них все это просто забавная, ни к чему не обязывающая игра, которая приятно будоражит и развлекает, одновременно рождая и снижая напряжение. Он даже позавидовал Бокинфалу, потому что сам никогда бы не смог так запросто общаться с симпатичной да ещё и полностью раздетой девушкой, делая при этом вид, будто ничего не происходит. До сих пор отсутствие одежды на редкой собеседнице означало для него только одно, и это одно вовсе не предусматривало подобных разговоров.

Если в принесенный напиток и были примешены какие-то травы, то он их не ощущал. Выпил залпом и поставил кубок обратно на под-

нос. Молоко было почти горячим, мёд – приторно сладким. В сон не потянуло, но стало повеселее. Кабы не Бокинфал...

Если тот до сих пор не знал имени дикарки, видать, она здесь недавно. Да уж, чего только на свете ни происходит! Вот бы выведать, каким образом все эти столь разные люди собрались под одной крышей! Быть может, по сравнению с их историями его собственный путь сюда покажется занудной заурядностью.

- Вам пора идти, - заметила Тиса. – Да и нам спать пора.

- Ещё гостей ждете, - предположил Бокинфал, чем вызвал бурю негодования. – Ладно, ладно, я пошутил!

Девушка вытолкала его взащей, пинками и подзатыльниками. Все остались довольны.

До своей избы они шли молча. После расслабляющей жары на женской половине зимняя ночь показалась им ледяным безумием.

Когда приблизились к крыльцу, Валбур спохватился:

- А почему ты сказал, что Ротрам «почти» женился? Что помешало то?

- Понятия не имею. – Юноша толкнул плечом дверь и вошел в веселый хоровод ещё горящих лучин. – Веста²⁷ у него была симпатичная. Кади её звали. Внучка одной местной сумасшедшей, о которой ты едва ли слышал. Закра – ничего это имя тебе не говорит?

- Вроде нет.

- Старуха ещё жива. – Он свернул на лестницу. Сверху раздавались голоса отходивших ко сну бойцов. – Пророчица она. Рассказывают, падение рода Ракли она предсказала и ещё много всего страшного любит наговаривать. А Кади это мало того, что из себя ничего была – я её сам пару раз видел – так ещё врачевать прекрасно умела.

- И что Ротрам с ней не поделил?

- А вот это мне как раз и неизвестно. Если будет желание, сам его спроси. Кажись, ты с ним накоротке.

- Ну, я бы не сказал...

Они уже поднялись на второй этаж. Валбуру казалось, что он помнит комнату, в которой провёл прошлую ночь. Он прошел по коридору до дальнего конца, однако, похоже, обознался, потому что на его кровати уже кто-то спал. Бокинфал молча исчез, свернув к себе. Валбур попытал счастья в соседней комнате. Там он обнаружил Гаррона и Дэки, которые при виде него сели на подушках и заинтересовались, куда он запропал.

- Воздухом дышал, - неуклюже соврал он, не собираясь точить с ними ляды.

- Заблудился что ль?

- Не без этого...

---

²⁷ Веста – знающая женщина, созревшая для семейной жизни. Невеста, напротив, для создания семьи не готова. Из попыток создать семью с невестой получается брак. Соединение с вестой считается достойным венцом.

- Так тебя к Отану подселили, - сказал Дэки. – Он уж дрыхнет, небось.

- Это куда мне теперь?

- Отсюда направо и через комнату, - зевнул Гаррон. – Храп слышишь?

Храп и вправду доносился из того самого помещения, где наконец обнаружилась свободная кровать. Делать было нечего. Памятуя об утреннем холоде, Валбур лег, не раздеваясь. Нельзя сказать, чтобы он любил зиму, но лучше укутаться одеялом, чем ночная жара с кровожадным комарьём и наглыми мухами летом.

Прислушиваясь к храпу, он размышлял, почему это Отан спит здесь, со всеми, а не с родной женой. У них в туне мужа тоже частенько укладывались отдельно от своих супружниц, но так было принято в многодетных семьях, где уже не были рады наследникам или если женщина оказывалась нечиста. Видать, у Тины эти дни тоже неподходящие. А может, того требовала подготовка к будущему выступлению на «крови героев»? Не зря же считалось, что близость с женщиной накануне важного события не сулит ничего хорошего. Правда, сегодня им не пришлось днем пересечься, и Валбур не знал наверняка, годится ли Отан в соперники, однако едва ли Ротрам стал бы держать его, будь он так плох, как о нем недавно отозвался Бокинфал. Если отбросить незначительные детали, Ротрам производил на Валбура очень хорошее впечатление: хозяйственный, прямой в обращении, правильный, явно не трус и не наглец, как можно было бы предположить, зная о его немалом состоянии. Даже в туне у них водились такие, а ведь там силфурами не особенно разживешься: вся жизнь на глазах у соседей проходит. Ротрам даже чем-то напоминал ему Артаима, их аола, который вот уже много зим, столько, сколько помнил себя Валбур, сурово, но справедливо правил их туном и пока не собирался на покой. Артаим был раза в два старше Ротрама. Такое же выразительное, сплошь изборожденное морщинами лицо, седая окладистая борода, живые глаза, в которых как будто всегда отражалось безоблачное небо. Разве что волосы у Ротрама вились и украшали голову густой копной, а у Артаима они были редкие, прямые, собранные на темени в длинную косу, которую он имел обыкновение убирать под ворот рубахи. Артаим тоже всячески потворствовал молодецким игрищам фолдитов, особенно в последнее время, когда заметно подняли головы собиравшиеся где-то по окраинам пограничья дикари. С наступлением зимы их дерзкие вылазки сами собой прекратились, однако слухи ходили разные, и Артаим сознательно давал тем, кто мог и хотел носить оружие, возможность проверять свои силы. Если Валбур чему-нибудь здесь научится, но не проявит себя достойным бойцом на «крови героев», его новые навыки не пропадут, и Артаим в любом случае останется довольным. Нехорошо, конечно, что он остался здесь, никого из своих не предупредив, но всегда всё можно будет свалить на каркер – его поймут.

Мысль о каркере снова захлестнула его воспоминаниями о Фелле, её красоте, её игре на лингах и исполненных тайного смысла песнях. Имеет ли он право так быстро забывать о ней и не стремиться снова встретиться? Носит ли она его варезки? Вспоминает ли? Или какой-нибудь Кендр, этот рыночный торговец оружием, увлек её своими разговорами настолько, что она сегодня вечером сама пригласила его к себе или отправилась к нему в гости, оставив дом на глупого брата. Нет, Том был очень даже не глуп, но он явно не стал бы отговаривать сестру, если бы она призналась, куда идет. Для них обоих Валбур сейчас сидел под замком и спасти его не представлялось возможным. Или Ротрам им сказал? Нет, Ротрам, конечно, вряд ли, ему не до этого. О его счастливом избавлении мог им сообщить разве что Биртон, но станет ли он это делать? В Малом Вайла'туне Валбура ни на мгновение не покидало чувство, будто с любой стороны, от любого самого приветливого и улыбчивого собеседника здесь можно ждать подвоха. С какой стати Биртон, который сам мог не быть равнодушен к Фелле, станет рассказывать ей о его спасении? Только если захочет прихвастнуть о своих связях и возможностях. Какой ему смысл лишний раз напоминать ей о не слишком удачливом ухажере? Хотя, кто знает, Валбур вёл себя в гостях достаточно замкнуто, чтобы прослыть таковым: что Биртон, что Кендр, едва ли они сочли его достойным соперником. Интересно, что всё-таки Фелла подумала о нём? Помнит ли? Носит ли варезки? Если носит, то вспоминает. Если только ей кто лучше и краше ни подарил. Ведь не думает же он, будто повидал всех её друзей и поклонников. Мало ли где она пела. Может, и сейчас кого-нибудь развлекает...

Последняя мысль уколола его в самое сердце и заставила перевернуться на правый бок.

Между тем храп прекратился. Отан теперь лежал на спине и смотрел невидящими глазами в потолок. В этот неурочный час он тоже думал о женщинах. Вернее, о женщине.

Они уже третий день не разговаривали. Тина оскорбила его, уязвила в самое сердце. Она не имела на это право, пусть хоть и сто раз права, что он живет здесь исключительно благодаря ей. Можно подумать, что он с утра до ночи не корячится вместе со всеми, тягая бревна и рискуя в любой момент оказаться без носа или без зубов. Ну и что с того, что сегодня Рэй не подошел к нему, как к другим, и не сказал, чтобы он готовился к состязаниям? Не всем же выпадает такая честь. Вон этот новичок... как его, Валбур... тот явно ходит у Ротрама в любимчиках и скоро будет драться на фэлде. Ему же хуже. С оружием он определенно не в ладах. Пусть раньше времени не радуется. Ему, Отану, все это как до небес. Напрасно Тина потащила его с собой. Соскучилась, видите ли! Да и он хорош: размяк на заставе без жениного общества, а когда вернулся незадолго до зимы и узнал о том, что дома творится, позволил уговорить себя не возвращаться в Пограничье. Не

знала она разве, что он ничего толком не умеет, кроме как из лука по куропаткам стрелять да костер быстро разводить? Кому он такой тут нужен? Виггеров стало как свиней нерезанных. Застав по всему Пограничью понаставили, народ туда подался, а как сейчас шеважа подналегали да ещё огоньку добавили, так мир меняться начал, опасностей на свою шкуру никто ведь не ищет. Вот и стали заставы не то чтобы бросать, а стараться туда не возвращаться по доброй воле. Из их вон дружины ещё трое, кроме него, дома остались. У одного отец умер, надо хозяйство было поддержать. Другой к брату-пекарю в помощники подался, изголодался поди. Третий, сказывали, умудрился ногу поранить и теперь с палкой ходит. Может, и правда, а может, притворяется. В Пограничье-то нынче лихие времена настали. Незадолго перед возвращением им самим две атаки дикарей отражать пришлось. Дожди помогли: бревна, в которые запальные стрелы попали, не принялись, пожар потух, так и не начавшись, а стрелять с рант²⁸ из луков да арбалетов виггеры пока не разучились. Однако двоих за два штурма они все-таки потеряли. Одному стрела шеважа угодила прямо в глаз, и он умер не сразу, в диких мучениях и конвульсиях. Отан не мог справиться с дрожью, когда вспоминал, как пытался помочь товарищу, понимая, что безсилен перед длинными лапами Квалу. Искажённое болью и ужасом лицо, залитое слезами и кровью, навсегда отпечаталось у него в памяти, так что когда Тина сообщила, что получила местостряпухи на кухне богатого эделя и хочет, чтобы Отан последовал за ней, он возразил только ради приличия. Пограничье перестало его привлекать, как манило в юности, когда он по молодости считал, будто служба на заставе – вот дело, достойное мужчины, а тем более мужа такой красавицы, как Тина. В то время ещё можно было брать домочадцев с собой. Не успел он жениться, как Гер Однорукий, отец Ракли, последнего законного правителя Вайла'туна, наложил на эту вольницу строжайший запрет, и оказалось, что Отану придется отправляться в Пограничье одному. Надо отдать должное Тине: она исправно его ждала, не поддаваясь дурному влиянию своей безпутной сестры, Тисы. Во всяком случае, так ему казалось, пока он коротал долгие ночи на рантах или в дозоре на заставной башне, откуда открывался вид на зелёный лесной ковер и другие такие же башни – в недостижимом отдалении. Он дважды уходил и дважды возвращался, однако в последний раз в нём что-то сломалось, и он согласился на доводы жены, которой тоже, вероятно, надоело переживать из-за его врожденной подозрительности и отвечать на сцены ревности покорностью и лаской. Оставшись дома, он первое время сильно и искренне переживал, ощущая себя предателем перед товарищами, пока в замке ни случилось то, что случилось: Ракли обвинили в измене и свергли с трона (хотя доподлинно неизвестно, был ли у него трон, но уж что делать, если так говорится), а службу в Пограничье стали называть не иначе как глупостью

²⁸ Рант – оборонительная галерея на внутренней стороне стены

и никчемным геройством. Отан даже поразился, как быстро люди склонны менять своё мнение. Раньше заставы были их гордостью, честью и защитой. Теперь же про них старались почти не вспоминать. Почему-то все дружно решили, будто растущая наглость шеважа – вина самих вабонов, которым совершенно не стоило лезть в Пограничье и бередить старые раны, зарубцевавшиеся в лучшую пору правления всё того же Гера Однорукого. Отан этих взглядов не разделял, шумно спорил в «Лихом воробье», куда частенько захаживал приглядеть за женой, но повлиять на мнение запуганных собеседников не мог. А скоро и сам заразился их нежеланием смотреть «дальше собственного плетня», как выражалась его Тина. Быть сторожем при жене ему совершенно не улыбалось, и он с удовольствием принялся бы, например, за охоту, но занятие это не зимнее, так что мысль о добыче мяса на продажу пришлось отбросить. Как-то раз Тина попросила его выручить сестру, которая жила отдельно, в избе покойных родителей, и зарабатывала тем, что принимала у себя дома соседей, которым требовалась помощь с больной спиной, ногой или ещё каким мышечным недугом. Считалось, что у неё хорошие руки, и она умеет лечить массажем слабых мест. Как оказалась, не все соседи приходили к ней скрюченными и не всех интересовали её умелые пальцы. Точное подобие Тины, Тиса привлекала внимание многих мужчин и не чуралась их общества. Некоторым приходило в голову, что за деньги она готова оказать им не только лечебные услуги, и они осаждали её избу с весьма откровенными предложениями. Ошибка Тисы заключалась в том, что кое-кому она пошла навстречу, и об этом скоро стало известно остальным. Всех же принимать она не могла и не хотела. По зову жены Отану пришлось за неё заступиться. Тиса сочла в порядке вещей пококотничать и с ним, он чудом не поддался и зарубил на носу, что Тиса – непростая штучка. Оказалось, Тина всё про неё знает и даже не упрекает. Это обстоятельство покорило Отана. Он отчитал жену и решил, что на том дело и закончилось, однако Тиса ничего не поняла и при случае снова повела себя с ним совсем не как с мужем родной сестры. Отан не сдался и честно рассказал обо всем жене. Надеялся, что теперь-то она порвет с Тисой, и они заживут в мире и согласии. Каково же было его негодование и возмущение, когда обнаружилось, что Тина по-прежнему благоволит к сестре и нисколько не ревнует мужа. Она даже не оценила его честности. Тогда он решил ей изменить, но у него ничего из этого не вышло. Работавшая вместе с женой в «Лихом воробье» разносчица Нида так и не позарилась на него, хотя однажды ему удалось выманить её на свидание и признаться в обуревавших его плотских желаниях. В ответ ему было сказано, что он не на ту напал (хотя он не напал, а просто обнял её одной рукой за податливую талию), а невинные поцелуи, пусть и в губы, ничего ровным счётом не значат. Ему бы смекнуть, что Нида ждет от него более весомых предложений и никогда не откажется от лишних силфуров, однако он

проявил наивность и послушно снял осаду. Нида проговорилась, Тина все узнала, закатила ему нешуточный скандал, а ещё через день заявила, что они запирают дома и переезжают на постоя к богатому торговцу оружием и устроителю новых состязаний «кровь героев» по имени Ротрам, которому понадобилась хорошая стряпуха, поскольку, с одной стороны, тот любит поесть, а с другой, вынужден быть избирательным, так как его частенько мучают боли в желудке. Тиса ехала с ними. Будет делать там то, что лучше всего умеет: ублажать грубых воинов, поддерживая в них боевой дух. Тина выразилась, конечно, не так, но Отан вслух перевёл её слова, за что получил звонкую пощечину и восхитился непоследовательностью любимой жены. Если бы они с сестрой были разного возраста или хотя бы не походили друг на друга как две капли воды, он бы давно смирился и стал таким же спокойным, каким был до свадьбы. А так его постоянно преследовало чувство, будто все здешние обитатели потешаются над ним, потому что, общаясь с открытой для всех и каждого Тисой, они легко могут себе представить, что перед ними вовсе не она, а его Тина, такая же миловидная, стройная и нежная. То, что это именно так, он знал не понаслышке. Однажды сестры подшутили над ним, и он к стыду своему не смог их отличить. Подобное баловство Тина почему-то изменой не сочла.

- Ты ведь думал, что находишься со мной, - только и сказала она тогда, одарив его хитрой улыбкой.

И вот три дня назад после ужина он снова завел с ней неловкий разговор по поводу себя, её и их любимой во всех отношениях сестры, на что Тина надула губки и велела ему перестать пороть чушь и, если он хочет пользоваться благами её общества, заткнуть ревность себе в одно место. Как раз за тем ужином он заметил, что она слишком долго задерживается у стола напротив этого выскочки, Бокинфала, бывшего писаря, неизвестно за какие подвиги оказавшегося в доме Ротрама. Когда он поставил ей это на вид, она топнула ножкой и заявила, что имеет право разговаривать с кем угодно и когда угодно и что его дурь ей не указ. Насчет дури она переборщила, и Отан не сдержался и наговорил лишнего. Теперь он в этом раскаивался и не мог как следует заснуть, а поздний приход с улицы совсем не желанного соседа окончательно испортил ему настроение.

Что если он ходил к Тине? Она жила в главной избе, а не на женской половине, где баня, но какая разница? Ротрам же не будет следить за своими стряпухами и их друзьями и родственниками. В своем доме он разврата не потерпит, но разве не он придумал, чем занять Тису? Может статья, что и Тине дополнительное дело подыскать решил. Тэвил! Ну почему он не сдержался? Сейчас спал бы с женой и плевать хотел и на её сестру, и на новых соседей.

Он прислушался. Сосед ворочался. Видать, вспоминает, как ему недавно было хорошо. Тэвил! Тэвил! Сам Отан в баню старался не хо-

дить, умывался как следует по утрам. Правда, он недавно прослышал, что Тиса теперь хозяйничает там не одна, что у неё появилась новая товарка да к тому же рыжая, из дикарок. Вот это правильно! Пусть дикарские выродки этим промышляют. Они лучшей участи не достойны. Должны знать свое место. Мужики, правда, отзывались об этой Шори с восторгом. С Тисой в его присутствии не сравнивали, но он прекрасно знал, о чем они думают. Ну и пусть! Во всяком случае, кроме него, ни у кого тут жены нету. И он совсем не худший из бойцов. Завтра он всем им это докажет. Особенно Бокинфалу. Красавчик решил, будто он главный. Эх, жаль, что луками здесь нельзя пользоваться! Точности Отану не занимать. Надо бы Ротраму при случае подсказать. Состязания на точность могут быть ничуть не скучнее рукопашных поединков и боев на мечях. Уж он бы это доказал! Не зря же именно ему доверяли самые сложные караулы на башне, когда требовалось все вокруг видеть и в случае чего – стрелять наверняка.

Утомленный подобными мыслями, он заснул, и ему приснился ужасный сон. Будто с той стороны Бехемы на них надвигается громадное чудище. Такое огромное, что спокойно ступает в бурные воды длиннющими ножищами и нисколько не проваливается. А ножищ у него не то шесть, не то ещё больше. Тельце высоко под облаками. Одним словом, паук. Задел он ненароком замок лапой, стены так и осыпались. А он не замечает, что-то пищит громовым писком и дальше прётся. Отан же сидит на башне где-то посреди Пограничья и наблюдает. Потому что стрелять и кричать бесполезно. Паучищу все видят, а сделать ничего не могут...

- Вставай, приятель!

Это был улыбающийся сосед по коморке, Валбур.

- Ща, - буркнул Отан, укрываясь с носом одеялом.

Валбур не собирался дважды его упрашивать. С него хватило храпа этого увальня, который не давал ему всю ночь как следует выспаться. Он даже слышал, как храп прервался стоном и затих до утра, наступившего слишком быстро.

Рэй стоял при входе в залу и встречал каждого сильным рукопожатием. Он заглянул в глаза Валбуру и кивнул, вероятно, увидев в них то, что ожидал. Сам же Валбур ощущал, что услуга, оказанная ему давеча на женской половине, не прошла даром. Обычно, когда навозишься да натаскаешься за день, утром спину ломит и ноги заплетаются. А тут в ногах упругость, в голове ясность, в плечах и спине – приятная крепость. Он тепло поздоровался с Бокинфалом и поделился своими новыми ощущениями.

- Я вот тоже считаю, что иногда женщины могут нам пригодиться, - усмехнулся тот. – Хотя и здесь главное – не переборщить. Идём-ка разомнемся.

Поскольку Рэй не стал утруждаться лишними речами и призывами, они выбрали себе место подальше у стены, Бокинфал поднял тол-

стое и короткое бревно, обитое по концам железом, гладкое, без ухватов, пристроил на сгибах локтей, встал напротив Валбура, присел, крикнул и бросил. Валбуру пришлось отступить на шаг, однако бревно он поймал, тоже принял на предплечья, выдохнул и откинул обратно. Через какое-то время, после десятка таких бросков у обоих гудели ноги, ломило спину и не разгибались руки.

- Ну что, пошли к твоей Тисе? – Валбур поставил бревно на основание и прищурился, слизывая с верхней губы пот.

Бокинфал показал жестом, чтобы тот помалкивал. Едва ли их, конечно, кто услышал: все занимались примерно тем же, громко кряхтели, стонали и подбадривали друг друга.

Несколько раз за утро Валбур поглядывал на палку Рэя, воткнутую в пол и показывающую своей тенью, сколько ещё времени осталось до конца разминки. Казалось, тень никуда не движется, решив над всеми поиздеваться.

Сейчас, когда Валбур уже знал большинство присутствующих, он отметил, что все они отличаются отменной силой. Тот же Бокинфал, потный и блестящий, с налитыми мышцами, совсем не производил впечатления бывшего писаря, скорее кузнеца, причем далеко не средней руки. Трое или четверо собрались в центре залы и устроили состязания, кто больше раз поднимет себе на плечи здоровенное бревно и присядет с ним. В итоге победил не кто-нибудь, а его сосед Отан, причем среди спорщиков был сам Гаррон. Похоже, тут один другого стоил.

Умывание и обед ничем от вчерашних не отличались. Только Тиса, вернее, Тина почему-то явно избегала мужа, а тот настойчиво делал вид, будто занят разговором с Логеном. Бокинфал демонстративно отсел подальше и стал слушать, что ему говорит вечно словоохотливый Дэки, а Валбуру в собеседники достался Авит.

Юноша, похоже, почувствовав родственную душу, снова излил на Валбура теперь уже во всех подробностях горестную историю расставания со своей возлюбленной, которая поддалась мерзким чарам зачавшего к ним фра'нимана. Валбур слушал вполуха и вострепнулся лишь тогда, когда Авит назвал её по имени – Эша.

- Полненькая такая? Глазастая? – переспросил он, вспоминая жену Буллона, с которой познакомился в гостях у Феллы.

- Глазастая – да, пожалуй, так можно сказать, - удивился Авит. – Но не полная. Скорее, худая.

- У неё ещё коса тугая, вокруг головы уложенная.

- Случалось...

- А давно это было? Ну, размолвка ваша?

- Ничего себе размолвка! Она меня бросила, будто ничего между нами не было. На денежки позарилась. Так ты что, видел её?

- Её, не её, не знаю, а вот одна Эша мне точно знакома. Только она полноватая и замужем вовсе не за фра'ниманом, а за свером.

- Никогда не думал, что имя Эша пользуется успехом, - заметил Авит. – Неужели это все-таки она? Когда ты её видел?

- Да дня два назад. В тот самый день, когда меня в каркер заграбастали.

- Может, это она и была, только... - Авит невесело задумался. – Полная? Может, она ребенка ждет... Но почему свер?

Валбур видел, что разговор режет собеседника по живому, и пытался сменить тему, однако тот лишь вздыхал и продолжал беречь свои душевные раны. Валбуру вспомнилось, как Авит сам ему рассказывал, что произошло это прошлой зимой, и он невольно обратился мыслями к своей единственной по-настоящему возлюбленной, которую схоронил уж зим десять как, но так не мог позабыть до сих пор.

Её звали красивым именем Лана. Они были близки недолго, она была слишком молода, неопытна, но быстро изучила язык любви и всем своим естеством обещала ещё много зим полных радости и счастья, когда случилось то, что случилось: на празднике, куда они специально приехали из туна, чтобы развлечься, один охотник вывел к народу настоящего живого медведя, которого, как он рассказывал, ему удалось похитить из берлоги ещё крохотным медвежонком. Медвежонок вырос, научился выделять всякие потешные проказы, а заодно набрался сил и наглости. В тот день, вероятно, охотник то ли забыл его как следует покормить, то ли решил наверстать упущенное потом, в качестве награды за выступление перед толпой. Только медведь посреди представления угрожающе зарычал, дернулся в сторону, легко вырвал из рук хозяина веревку, за которую тот его придерживал, и бросился в самую гущу не успевших ничего понять людей. Кончилось это досадное происшествие большой бедой: Валбур оглушил медведя ударом попавшей под руку оглобли, почти раскроив ему череп надвое, но зверь успел ранить его в плечо, оставив на совсем не добрую память глубокие следы трех когтей, а Лана с перекушенной шеей упала замертво, чтобы больше никогда уже не встать и не приласкать своего спасителя. Медведя вскорости закололи, охотника тоже покалечили на славу, но Лану было уже не вернуть. Теперь она покоилась под раскидистой березой на опушке Пограничья неподалеку от их туна, а он, Валбур, как ни в чем не бывало сидел сейчас среди мало знакомых ему драчунов и думал о другой девушке, Фелле.

- Слышишь, чего я говорю? – ткнул его как раз в раненое плечо Авит.

- А?

- Заснул что ли? Я говорю, пошли, наши уже уходят, дела делать пора.

- Да, пошли...

Однако сегодня у него все выходило ещё хуже, чем накануне: несколько раз противники как следует съездили ему кожаными кулаками по физиономии, Логен очень ощутимо долбанул ребром щита по

левому бедру, Эгимон чуть не выколол глаз мечом, а Рэй, решивший встряхнуть обленившегося, как ему показалось, бойца, безжалостно намял бока увесистой дубиной. Правда, Валбур после этой взбучки пришел в себя и обрушил-таки всю свою накопившуюся злобу на учителя, которому в итоге пришлось останавливать бой и превращать свое очевидное отступление в шутку. Так что вечером, сидя на кровати, Валбур даже принимал поздравления зашедшего к нему по-соседски Бокинфала, хотя предпочел бы, не раздеваясь, вытянуться под одеялом и попытаться заснуть.

Появившийся на пороге Отан, завидев гостя, нахмурился, развернулся и ушел.

- Думает, я его женушку тискаю, - пожал плечами Бокинфал без тени сожаления. – Кстати, не отказался бы. Давно хочу сравнить её с сестричкой.

- Не говори ерунды...

- А что такого?

- У нас бы за такие словеса тебе мигом твое достоинство укоротили.

- Как хорошо, что я никогда не жил в туне!

Разговор не клеился. Бокинфал делал вид, что этого не замечает, и продолжал давать своему задумчивому собеседнику советы:

- Тебя почему сегодня Логен достал? Потому что ты ногу слишком сильно выставляешь. Нельзя этого делать. Рэй что говорит? Что когда ты с оружием и противник с оружием, бить надо не в тело ему и не в голову, а по тому, что он сам тебе подставляет, то есть по рукам и ногам. Это закон, если хочешь. Ты, судя по всему, на кулаках привык тягаться, а там да, самое простое – дотянуться до морды и вдарить как следует. Тут все тоньше. Похитрее надо быть. Не то на фэлде совсем тяжело придется. Руби сразу по рукам. Ушел от атаки – и сразу по рукам!

Бокинфал встал в стойку и показал с невидимым мечом, что имеет в виду. Валбур не сдержал улыбку.

- Но при этом и о себе нельзя забывать. Обрати внимание, особенно когда щит держишь. Все, что выступает дальше твоего щита, обрубается только так. Поэтому за ногами следи внимательно. И за его, и за своими. По его бей, а свои не подставляй. Когда ты с оружием, тем более с мечом, шаг должен быть короткий. Вот смотри!

Он прошелся по комнате, забавно, но определенно со знанием дела, быстро подволакивая заднюю ногу к передней.

- Ну-ка теперь ты попробуй.

- А чего тут пробовать...

- Давай, давай, походи!

Валбур неохотно поднялся и изобразил так, как понял. Получилось по-дурацки, однако Бокинфал остался доволен.

- Вот это запомни и больше не делать глупостей. Руки и ноги. Вперед, назад. Так, уже лучше! Хорошо. А если я на тебя мечом сверху? Что ты делаешь? Посмотри, что ты делаешь! Ты голову и плечи убираешь, а зад отклячил. И что получится? Его тебе одним махом обрубят. Бедра убирай в сторону, бедра! Если уберешь с пути меча бедра, плечи и голова сами уйдут.

Бокинфал говорил дело, причем на ошибки он указывал простейшие, а потому Валбур только и мог что удивляться, как он сам до этого не додумался. И почему Рэй обходил эти важные мелочи вниманием.

- Вперед чем нужно идти? Ну-ка атакуй меня! Опа! Сейчас я тебе только что руку отрубил. Ещё давай! А тут я тебя снизу ловлю. Считай, подбородка у тебя уже нет.

Они сражались на невидимых мечах, производя со стороны весьма странное впечатление. К счастью, за ними никто не наблюдал.

- Почему я всякий раз успеваю до тебя дотянуться, а ты до меня – нет?

- Это ещё доказать надо...

- Если я тебе завтра утром это докажу, до «крови героев» ты не доживешь. Так почему? Думай?

- Иди ты...

- Потому что ты атакуешь не мечом, а либо ногой, либо рукой, либо, того хуже, головой. Они у тебя вперед идут, а должно что идти? Меч! Остриё!

- Мне замах нужен...

- Пока ты будешь свой замах делать, я тебя в лицо уколую или кисть отсеку. Ну пусть не отсеку, так хоть порежу. И тогда тебе уже не до замаха будет. Поэтому меч – твой друг. И он должен идти впереди тебя. Всегда. Куда он, туда и ты. А не наоборот.

- Понятно.

- Надеюсь.

- Зачем ты мне всё это рассказываешь?

Бокинфал опустил воображаемое оружие и выпрямился.

- Не хочу, чтобы тебя волокли с фэлда за ноги.

Валбур сел обратно на кровать.

- Так ведь там, вроде, не убивают...

- Вроде – правильное слово. Это правило такое есть. Ротрам его придумал. Только кто про него будет помнить, когда на тебя меч со всей дури летит? Тут уж, братец, не до правил. На фэлд мы выходим, чтобы выживать. Так и знай. И не заблуждайся. Я уже кишками чувствую, что к этому все идет. Пока там народ разве что изувечить могут. Но ведь «кровь героев» – это только нам кажется, что для нас придумана. А на самом деле, если хочешь знать, для толпы. Отвлекает и развлекает. Поди плохо. Да ещё с очень хорошей выгодой для тех, кто за всем этим стоит. Так что помяни мое слово: она будет очень быстро

перерождаться в то, что угодно толпе. А толпе угодно зрелище. Настоящее зрелище. И смерть – вот самое интересное, что мы любим. Разве не так?

- Не думал как-то...

- Ты побледнел?

- Тэвил! Да пошел ты!

Бокинфал только рассмеялся.

- Лихие времена наступают в Вайла'туне. И мы должны быть к ним готовы во всеоружие. Так что, может, оно даже и хорошо, что мы тут все встретились. Авось вместе будет проще выкручиваться.

- Это ты о чем?

- Да так, мысли разные одолевают, - неопределенно пожал широкими плечами бывший писарь. Его раскосые серые глаза ещё больше сузились. Откинув длинные пряди со лба, он смотрел на Валбура спокойно и выжидательно, словно готовился отразить новый вопрос.

Однако Валбур молчал. Ему вспомнился сон, который приснился под утро. Будто отправились они все дружно в Пограничье, плутали зачем-то, плутали, а потом наткнулись на странного человека в странном жилище. Не то гнездо на высоких жердях, не то башня посреди леса, только добраться до него было непросто, хотя он и не сопротивлялся как будто. А когда они, наконец, проникли к нему, Валбур обнаружил, что это он сам и есть, то есть он и есть тот отшельник...

- Ладно, пошел я, - вывел его из задумчивости голос Бокинфала. – Тиса сегодня занята, так что отдохнуть как подобает не получится. Значит, будем тупо отсыпаться. Давай, брат. Готовься. Завтра я тебя под орех разделаю.

Они обменялись крепким рукопожатием, и Валбур остался ненадолго один. Лег, как хотел, не раздеваясь, и закрыл глаза.

Через некоторое время вернулся Отан. Пробурчал что-то невразумительное себе под нос и скоро уже привычно храпел.

А вот Валбуру спать расхотелось. Последние слова бывшего писаря не давали покоя. Про тяжелые времена кто только ни говорил. Сколько он себя помнил, всегда кто-нибудь понуро восклицал, что раньше, мол, было лучше, а будет ещё хуже. Это уже стало обычной присказкой. Причем каркающему всегда хотелось верить, хотя, если разобраться, ничего уж такого страшного не происходило. А то, что происходило, всегда и всеми воспринималось как обычный ход вещей. У них в туне вообще на все смотрели отдаленно, а запрягали, как говорил Фирчар, не спеша. Ну сгорела в Пограничье застава. Беда, конечно, но ведь такое всегда могло случиться. Глупо думать, будто можно сесть голым задом на муравейник и тебя никто не укусит. Ну поплатился не весть за что Ракли, потеряв и трон и, быть может, голову. Так кто его просил так высоко забираться? Сам полез дрова ломать. За что и получил причитающееся. Ну сбежал его сын-наследник сотоварищи. С кем не бывает. Как его бишь, Локлан, кажется? Говорят, у него деви-

ца-молодуха появилась из пленных шеважа. Грех не умыкнуть. Тем более что папаша явно против таких шашней был. Правда, говорят, что он не просто сбежал, а на ту сторону Бехемы подался, но так этого доподлинно никто не знает и не узнает, скорее всего. Да и невелика разница: что в Пограничье пытаться схорониться, что на дно пойти. И там, и там жизни нет. Нельзя из Вайла'туна просто так взять да бежать. Никогда ничего хорошего из этого не получается. Да и мало кто пробовал. О некоторых вон даже легенды слагали, вроде древнего героя Адана, жившего зим за сто до Дули и погибшего при переходе через Бехему. Хотя ничего героического в такой дурацкой смерти по собственной глупости, в общем-то, нет. Так что как бы то ни было и что бы ни происходило, у них в туне обычно лишь хмыкали да кривились, не отвлекаясь от дел куда как более насущных. Вероятно, только он, Валбур, иногда на полном серьезе подумывал о том, что творится за всеми этими пограничьями да бехемами. В туне было хорошо и уютно, но как-то все же тесновато. Хотелось больше простора, воздуха, новых лиц, новых ощущений. Сейчас, по прошествии нескольких дней вдали от дома, он имел возможность сравнить то, к чему невольно стремился, с тем, что выпало на его долю пережить. Стоило ли оно того? Стоило ли оказываться здесь, в чужом ему мире, наполненном странными людьми, сумбурными мыслями и упоительными соблазнами или было бы лучше и надежнее вернуться в срок домой и зажить дальше прежними заботами, как ни в чём не бывало?

Он перевернулся на другой бок.

И всё-таки, что сделано, то сделано. В туне, если разобраться, его ничего не держало. Заветная береза на опушке? Не каждый же день ему туда ходить. И никто её без него там не срубит. Как стояла неизвестно сколько, так и будет стоять. Лана первая бы его простила. И не просто простила, а наверняка отправилась бы следом. Она любила все новое и неизведанное. Она бы точно его поддержала. Конечно, тогда не могло бы быть и речи, чтобы рисковать, как теперь выясняется, жизнью в кровавых боях с себе подобными и тем более навещать по ночам прелестных созданий. Но лучше уж тун вдалеке, чем гибель в реке, как говорили старики и как теперь начинал он понимать, имея в виду, скорее всего, гибель в стремнине жизни.

Он снова перевернулся, лег на спину и уставился в потолок, на котором играли отбрасываемые невидимыми факелами тени.

Наверное, если подумать, то всё выходило так, как и должно было. Обед в «Лихом воробье», драка на глазах у Ротрама, встреча с мальчишкой-попрошайкой, ещё одна драка, встреча с Феллой, заточение, освобождение, вынужденное согласие приехать сюда. Все это складывалось в связную цепь неожиданных событий, цепь настолько связную, что невольно хотелось не рвать её и бежать без оглядки, а проследить, куда именно она тянется. Или откуда.

Он снова уперся мыслью в красивое лицо Феллы и почувствовал, что тяжело задышал. Какой бы близкой и доступной ни была Тиса, а Фелла всё же казалась ему во сто крат милее и желаннее. Не потому ли, то она по-прежнему оставалась для него недосыгаема? Или, быть может, потому, что сейчас она была не просто далеко, а неизвестно где? И неизвестно с кем. Молодая женщина, которая каким-то образом живет вдвоем с младшим братом, пусть даже вынуждено, однако очевидно ни от кого не зависит, самостоятельна в своих решениях – это вызывало у Валбура невольное восхищение перед ней, сопряженное с волнением и грустью. Грустью – потому что она показывала всем своим видом, что может обходиться без посторонней помощи, а значит – ни в ком не нуждается. С волнением – потому что её самостоятельность давала право на надежду и одновременно лишала её, пресекая те нехитрые способы, которыми обычно мужчина имел возможность повлиять на выбор женщины.

Он попытался представить себе, что было бы, если бы ему удалось остаться с ней один на один. Хотя бы поговорить. Открылась бы она ему? Стала бы вообще разговаривать? На своем дне рождения она вела себя весьма просто, никого не обделяла вниманием, но и не выделяла. Даже этот выскочка Кендр, приятель Биртона, не вызвал у неё такого отвращения, на которое рассчитывал он, Валбур, на дух не переносивший подобных навязчивых типов.

Полный переживаний, он незаметно для себя погрузился в сон, а проснулся оттого, что его трясли за плечо. Открыв глаза, увидел склонившегося над собой человека, но лица его разглядеть не смог: слабый свет проникал лишь от факелов снаружи. Выходит, на дворе ещё ночь.

- Что стряслось?

- Где твой сосед?

Валбур сел и понял, что перед ним Рэй.

- Спит...

- Его там нет. – Силуэт махнул рукой в сторону кровати, очевидно, пустой.

- Тогда откуда мне знать? Я, кажется, задремал. А что случилось? Нельзя было?

- Тина убита.

- Что?!

Рэй понял, что теряет время, резко повернулся и вышел.

Сон как собака языком слизнула.

Поскольку он заснул, так и не раздевшись, Валбур в два прыжка нагнал учителя и молча последовал за ним, растирая щеки, чтобы окончательно прийти в себя. Кто-то уже ходил по дому, кто-то тихо ругался, разбуженный и не понимающий, что происходит. Под лестницей стояли Гаррон, Дэки и Логен и о чем-то переговаривались.

- Мы тут все общарили, - сообщил Дэки, обращаясь к Рэю. – Его нигде нет.

- Это точно он, - пробурчал Логен, сталкивая перед грудью могучие кулаки. – Тэвил! Найти и прикончить гада!

- Ротрам уже знает? – поинтересовался Гаррон.

- Ротрам в отъезде, - огляделся по сторонам Рэй. – Будем разбираться без него.

- Но не без меня, - сказал только что зашедший с улицы Бокинфал. Одет он был совсем не по-зимнему, растрепанные волосы прикрывали лицо, и он машинально сдувал их, не понимая всей бессмысленности этих попыток. – Все-таки я здесь не только для «крови героев».

Никто не стал выяснять, для чего он тут ещё может пригодиться, но Валбур заметил, как Рэя от этого заявление передернуло.

- Я уже послал за Биртоном, - продолжал Бокинфал. – Такие вещи решаются сообща. Отана не нашли?

- Кто его видел вчера последним? – поинтересовался Дэки. – Валбур, ты?

- Не знаю. Я видел только, как он пришел, лег и сразу почти захрапел.

- Дождался, когда я уйду, - добавил Бокинфал.

- Почему? – Рэй смотрел на него с нескрываемым вызовом.

- Его и спрашивай. Откуда мне знать?

- Отан подозревал, что кто-то спит с его женой, - сказал Гаррон.

- Отан подозревал всех, - уточнил Бокинфал.

- Если это он и если из-за ревности, то на месте Отана я бы прикончил одного из нас, а не бедную Тину.

- Ему виднее, - хмыкнул Логен.

- А что Тиса? – спросил Валбур.

Все переглянулись.

- Наверняка уже знает, - заверил Бокинфал. – Я её пока не встречал, но, похоже, в избах уже никто не спит. Рэй, почему ты на меня так смотришь?

- Ты точно не видел Отана?

Валбур не до конца понимал всех этих разговоров. Прислушиваясь и присматриваясь, он думал о том, что сейчас перед ним складывается очередное звено той самой цепи, о которой он размышлял перед сном. Вероятно, это странное убийство тоже не просто так. Оно – очередной шаг в его жизни на пути неизвестно к чему. Это не значит, конечно, что несчастную женщину убили из-за его здесь появления, но, с другой стороны, раз оно произошло, в этом должен быть какой-то скрытый смысл. Да и Отан был его соседом. Неужели он настолько ревновал свою жену?

- Рэй, что тут у вас происходит?

На пороге стоял Биртон. Его близко посаженные глаза при свете факелов напоминали горящие угольки. Он был явно зол на тех, кто вытащил его из теплой постели и по чьей вине ему теперь предстоит

разбираться в вещах, которых могло бы и не быть, если бы кто-то оказался чуть-чуть более проницательным и расторопным.

- Привет, Биртон. Ничего хорошего. Тина была найдена мертвой у себя на кухне. Её закололи. Ударили ножом прямо под сердце.

- Кто нашел её, ты?

- Ко мне с этим известием прибежал Шилох.

- Значит, он? Что он делал на кухне в такое неподходящее время?

- Я не стал его расспрашивать, - признался Рэй. – Не до того было.

Мы побежали к ней, и я все сам увидел...

- Нож нашли?

- Ножа не было.

- Прекрасно, прекрасно! Труп есть, кто его нашел – мы точно не знаем, орудия убийства тоже нет, но мы почему-то уверены, что это нож, так? И кто же её убил?

- Подозреваем Отана, её мужа. Он пропал.

- Превосходно! Убийцы тоже нет. Ротрам будет доволен. Отличное настроение накануне «крови героев». Молодцы!

- Мы-то здесь при чём? – Валбуру стало неловко оттого, что их всех одним махом обмазали грязью и пустили под подозрение. – Я точно знаю, что никого не убивал.

Биртон прищурился, но ничего возражать не стал. Хотя вполне мог бы. Имел право. Если бы не он, едва ли Валбур сейчас стоял бы здесь и изображал на заспанном лице обиду. При этом, силясь вспомнить, что ему снилось перед пробуждением.

- Где мальчишка? – бросил Биртон.

- Дэки, приведи-ка Шилоха, - распорядился Рэй.

Как ни странно, юноша не послал его куда подальше, а быстро крутанулся своим кряжистым телом на месте и выскочил из избы с таким видом, будто только и ждал подобного приказа. Лишь факелы взмахнули оранжевыми языками.

- Вы тут совершенно не при чем, - как ни в чем не бывало продолжал Биртон. – Но вот незадача: убийства у нас пока ещё, к счастью, такая редкость, что подобное недоразумение может очень легко подорвать добрую славу хозяина дома, Ротрама, и закончиться тем, что никого из вас просто-напросто не допустят до фэлда.

Последние слова он чуть не прокричал в лицо Валбура, уже смекнувшего, что сейчас лучше помалкивать. Биртон повернулся к Бокинфалу:

- Ты что скажешь?

- Найдем Отана – найдем убийцу, - пожал тот плечами. – Последнее время я наблюдал за ним и видел, что он с каждым днем становится всё более раздражительным. Они с женой явно не ладили. Ночью он предпочитал нашего друга. - Бокинфал улыбнулся Валбуру. – Хотя мог бы спать с ней, если бы пожелал. По-моему, Ротрам ему в этом не стал бы мешать.

- У него были причины подозревать её в чем-то? – Биртон сейчас совсем не походил на того изнеженного и беззаботного молодого человека, каким Валбур помнил его по первой встрече. – Бокинфал, я тебя спрашиваю!

- Она хорошо готовила, - улыбнулся тот. – В её стряпню всякий мог влюбиться.

- И она была как две капли воды похожа на свою сестру.

- Думаю, Ротрам это прекрасно понимал, когда брал к себе их обеих.

- Ты на что намекаешь?

- Вы меня прекрасно поняли. – Бокинфал оглядел окружающих, призывая их в свидетели. – Лично мне бы тоже не слишком понравилось, если бы точная копия моей жены только тем и занималась, что общалась с не слишком одетыми мужчинами, которым нужно было либо расслабиться, либо, наоборот, набраться сил. Только я бы жену пожалел.

Валбур определенно понял Бокинфала и, кажется, понял даже больше, чем тот намеревался сказать. Вероятно, потому, что сам думал об этом после того достопамятного вечера в бане. Едва ли кто-нибудь, кроме мужа одной из них, мог найти внешние отличия между обеими девушками.

Он не успел додумать до конца эту мысль, как на пороге появился растерянный и заплаканный мальчуган в сопровождении Дэки.

- Выкладывай, - сказал Биртон, ничуть не смягчая раздраженного тона. – Как все произошло?

- Я не знаю, - пролепетал Шилов, стаскивая шапку и поправляя приунывший чуб. – Я не видел...

- Я догадываюсь, что ты не видел, как её убили. Но ведь что-то ты видел, раз обнаружил её первым. Говори.

- Я... я помыл посуду и пошел спать. Как всегда. Но не заснул, потому что у меня заболел живот...

- Переел, видать, - понимающе заметил Логен, но шутка не получилась.

- Что было дальше?

- Ну, я оделся и пошел на улицу. Когда справлял нужду, услышал на улице голоса. Один был похож на голос Тины. Второй мужской.

- Только два?

- Кажется, да... Я не прислушивался. Они негромко говорили. Я их и услышал-то только потому, что они прошли мимо того места, где я... сидел. Но видеть я их не видел.

- Что потом?

- Я не придавал этому значения. Мало ли кто по двору ночью ходит.

- Это было возле бани? – решил уточнить Бокинфал.

- Да нет, я бы туда не дошел... Недалеко от кухни. Когда я возвращался, то заметил, что из-под закрытых ставен пробивается свет. Кто-

то был на кухне. Мне это показалось довольно странным. Обычно я ухожу оттуда последним, как и в тот вечер, и закрываю за собой двери. До утра. Открывает их часто сама Тина. Открывала...

- Понятно. Дальше. – Биртон положил руку на плечо Шилога, давая понять, что доверяет ему.

- Я попытался заглянуть под ставни, но ничего не увидел, - продолжал мальчуган слегка окрепшим голосом. – Я бы не придал этому значения и пошел к себе, но тут услышал изнутри крик. А потом кто-то как будто упал. Я очень испугался, но не сразу, а когда добежал до дверей и вошел.

- Двери не были закрыты?

- Нет, они закрываются только снаружи. Я сразу наткнулся на Тину. Она лежала так, как лежит сейчас, на спине, а под ней была кровь... много крови. Она уже не дышала.

- И кроме неё, ты никого там не заметил?

- Я был так напуган... Я решил поначалу, что мне всё это снится. Но я думаю, что если бы там ещё кто-то был, я бы обратил внимание. Нет, там никого не было, Вита Биртон.

- И что ты стал делать дальше?

- Я позвал на помощь...

- Ясно. Замечательно! Судя по этому рассказу, Тина сама заколола себя, крикнула и, падая, умудрилась выбросить нож так, что его до сих пор никто не нашел. Бокинфал, есть идеи?

- А ты не помнишь, Шилог, кто первым прибежал на твои крики? – поинтересовался бывший писарь с таким видом, будто только и ждал, когда Биртон предоставит ему слово.

- Вот они, - указал мальчуган на Дэки и Гаррона, стоявших позади Рэя, который невольно посторонился.

- Поясните, - повернулся к ним Бокинфал.

- Сегодня была наша очередь дежурить, - ответил Гаррон и добавил: - Мы никаких криков не слышали.

- Но вы ведь слышали, когда он позвал вас на помощь?

- Да, его мы сразу слышали и спустились, - поспешил пояснить Дэки. - Гаррон имел в виду, что мы не слышали криков до этого.

- Спустились? Это откуда? Опять вдвоем торчали на крыше?

- Вита Биртон, мы как раз менялись постами. Гаррон до того, как вы и хотели, стоял у ворот, а потом зашел ко мне, чтобы смениться. В этот момент...

- Я ничего такого не хотел, - снова повысил голос Биртон, почему-то смотревший теперь в упор на Рэя. – Я сказал, что так должно быть. Двое на воротах, один на крыше. Кто был третьим?

- Сегодня их было двое, - ответил за подопечных Рэй. – Должен был быть ещё Нол, но ему прилично досталось за день, и я его пожалел.

- Почему не заменили на другого?

- Упущение...

- Хорошо, потом отдельно об этом поговорим. Так что увидели вы, когда спустились с крыши на кухню?

- Шилоха и Тину. Больше никого. Потом прибежала Тиса с той рыжей девицей. Было много крови. Тиса попыталась привести Тину в чувство, но было ясно, что это уже бесполезно. Мы оставили их и побежали будить остальных. Дальше вы всё знаете.

- Негусто, - заметил Бокинфал.

- На кухне есть, где спрятаться? – поинтересовался у Шилоха Биртон.

- Нет, она слишком маленькая для этого. Шкафы все забиты посудой. Нет, нельзя.

- Но там же есть выход в залу, где все едят, если мне не изменяет память.

- Да, но там тоже никого не было.

- Ты проверял?

- Вита Биртон, на кухню нельзя пройти, не миновав залы.

- А кухонное окно было закрыто ставнями, - задумчиво произнес тот. – Ладно, пошли сейчас туда и все осмотрим на месте. – Он остановился при выходе. – Мне понадобятся Рэй и Бокинфал. Остальные могут отправляться спать.

- А дежурство? – удивился такому обороту Дэки.

- Уже ни к чему. Пошли.

Валбур посмотрел на друзей. Гаррон был явно не в своей тарелке. Дэки взялся за перила лестницы, но не спешил подниматься следом за Логеном. Когда Шилох и трое остальных вышли на улицу, он соорудил обиженную мину и саданул по деревяшке кулаком.

- Опять из нас сделали дураков! Говорил же тебе, не надо было соглашаться на дежурство вдвоем. Рэй нас подставил.

- Он себя подставил, не понял что ли? – огрызнулся Гаррон. – Не надо было такой шум поднимать. Сказали бы ему только, и всё. Пусть бы сам принимал решение. В отсутствие Ротрама он ведь за главного. А тут понабежали, понимаешь!

- Мы никакого шума не поднимали.

- Ага, тогда откуда бы взялась Тиса с рыжей?

- Но мы не шумели! Это у Шилоха голос, когда он орет, мертвого разбудит.

- Тину он не разбудил... Ты куда? – Вопрос Дэки относился к Валбуру, который накинул на плечи лежавшее возле двери покрывало и собрался последовать за остальными.

- Пойду тоже гляну.

- Учти, от Биртона лучше сейчас держаться подальше, - предупредил Гаррон.

Однако Валбур его не послушался и поспешил через двор туда, откуда теперь не доносилось ни одного звука, но где трепетало на ветру больше факелов, чем в остальных местах.

Дверь была открыта, и он вошел в знакомое помещение, где не так давно они все трапезничали. Голоса слышались из закутка, отделявшего залу от кухни. Туда он никогда прежде не заглядывал.

Кухня оказалась больше, чем он предполагал, и гораздо просторнее, чем можно было судить по рассказу Шилога. Здесь толпилось много всякого люда, которого он если и видел раньше, то только мельком. Это была прислуга, жившая тут же, в главной избе. Общий гул перекрывал голос Биртона. Он призывал всех собравшихся сохранять спокойствие и, самое главное, держать язык за зубами, если они не хотят потерять место под крышей.

Попробуй, удержи их языки, думал Валбур, разглядывая собравшихся и замечая стоявшую в стороне Тису, которую, по-отечески прижав к себе, обнимал Бокинфал. Двоих-то от лишней болтовни не отпустишь, а тут их с добрый десяток. Ну да Биртону виднее. Может, они и вправду его слушают. А не слушают, так напугаются. Кому ж охота на улице оказаться. Тем более после таких хором.

Шори, рыжая подруга Тисы, была здесь же. Она стояла поодаль от всех и смотрела на Валбура. Он кивнул ей. Она отвернулась.

Тело лежало где-то там, среди народа, на полу, и он счел неуместным пробираться к нему и рассматривать. Тем более что картина произошедшего уже начинала медленно, но верно вырисовываться у него в голове.

- Ты что тут высматриваешь? – спросил Бокинфал.

Он уже перепоручил Тису заботам кого-то другого и теперь с серьезным видом ждал ответа.

- Думаю.

- Хорошее занятие. Поделишься?

Валбур поднял взгляд от пола под ногами и посмотрел на собеседника.

- Не знаю, как у вас, а у нас в туне, в том месте, где кухня, обычно делают подвал.

- И у нас...

Бокинфал машинально взял себя за подбородок и быстро вошел прямо в толпу. Валбур увидел, как он о чем-то переговаривается с Биртоном.

- Все расходитесь! – велел тот, когда суть сказанного стала ему ясна. - Выведите женщин. Тело пока оставьте, где лежит. Все, все выходите! Шилог, тебя это тоже касается. – Он кивнул Валбуру. – Ты останься.

Теперь они стояли посреди опустевшей кухни втроем.

- Я бы хотел ещё кое о чем спросить мальчика, - сказал Валбур, внимательно рассматривая Тину.

Девушка лежала на боку, глаза закрыты, красивые руки вытянуты чуть вперед, ноги поджаты, как будто она крепко спит, не обращая внимания на посторонних и факелы. На ней была задравшаяся до колен простенькая льняная рубаша, поверх которой пестрел фартук.

- Думаю, он рассказал нам всё, что знает, - ответил за Биртона Бокинфал, хотя и без прежней уверенности в голосе.

- Если я не ошибаюсь, - присел Валбур на корточки за спиной покойной, - он сказал, что услышал с улицы крик, но не сказал, был ли это крик женщины или мужчины.

- Разве? По-моему, это само собой подразумевается.

- Посмотри-ка вот сюда. - Валбур указал на что-то пальцем. Оба его слушателя наклонились, пригляделись, но ничего необычного не заметили. - Фартук не завязан.

- Такое иногда с убитыми бывает, - невесело усмехнулся Биртон.

Валбур молча взял фартук за тесемку и встал. Фартук оказался у него в руке.

- Теперь понимаете?

- Кухонный фартук стряпухи, - многозначительно заключил Бокинфал.

- Постой, - махнул рукой Биртон, переводя взгляд с фартука на тело. - Ты хочешь сказать, что он не был надет?

- Её им накрыли, - кивнул Валбур, снова присаживаясь на корточки. Теперь и остальные последовали его примеру. - Вот, смотрите. Что я и предполагал. - Он указал на подол платья, на котором явственно проступало темноватое пятно. Бокинфал, тебе это ни о чем не напоминает?

- А должно?

Валбур выпрямился, аккуратно положил фартук на соседнюю табуретку и заглянул за массивный стол для разделки мяса.

- Если не ошибаюсь, это ход в подпол, - сказал он, указывая на крышку люка с железной скобой. Рядом с ним виднелись размазанные следы крови. - Думаю, Отана мы найдем там. И орудие убийства тоже.

Биртон и Бокинфал ошарашено переглянулись. Один наклонился и потянул за скобу, а второй сунул в отверстие факел и долго что-то молча там разглядывал.

- Как ты узнал?!

- Он там?

Биртон встал на ноги и жестом показал Бокинфалу, чтобы тот убедился сам. Бокинфал последовал его примеру и через мгновение издал удивленное восклицание.

- Тэвил! Валбур! Поди-ка сюда!

При свете факела внутри люка был хорошо виден земляной пол, на котором, раскинув руки, возле самой лестницы лежал никто иной, как Отан, из левой ключицы которого торчала блестящая костяная рукоять кухонного ножа.

- Ты хочешь сказать, что Тина убила мужа, а потом убила себя сама? – Биртон смотрел на Валбура одновременно с едва сдерживаемым восторгом и страхом.

- Скорее, наоборот, - вмешался догадавшийся Бокинфал: - Он убил её в приступе ярости, а потом убил себя сам. Валбур, ты молодчина!

- Боюсь, что нет...

- Я точно тебе говорю! У тебя мозги варят будь здоров! Биртон, согласитесь!

- Я не про себя, - покачал головой Валбур. – Тина не убивала себя. Она сейчас жива и здорова, и думает, что мы ничего так и не узнаем.

- Тина?! А это кто тогда?

- Её сестра, Тиса.

- Ты в своем уме? – Бокинфал аж попятился.

- Да, я в своем уме. А она – в своем платье. – Валбур снова присел на корточки возле тела, взялся за подол и подставил под свет факелов темное пятно. – Вспомни. Когда мы с тобой зашли в баню в прошлый... в последний раз, Тиса встретила нас со свечой в руке. Я почему-то обратил на это внимание. А ещё на то, что свеча капала ей на подол. Это её платье. И это – Тиса.

На кухне наступило долгое молчание.

- Однако... - первым заговорил Биртон, ни на кого не глядя. – Выходит, он из ревности убил не жену, а её сестру, которую имел полное право, мягко говоря, недолюбливать за её свободное поведение. Остается только радоваться тому, что Ротрам в итоге не потерял такую замечательную повариху.

- Которая, оказывается, совершенно не против, чтобы её звали Тиса вместо погибшей сестры, - добавил Бокинфал, вспоминая ту, кого только что утешал. – И это как-то не вяжется одно с другим. Ещё и потому, что теперь совершенно непонятно, зачем, убив не жену, а её сестру, он убивает и себя. Другой бы на его месте, возможно, даже радовался бы.

- А этот фартук вам ничего не говорит? – спросил Валбур, всячески сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, настолько явственно перед ним обрисовалась картина произошедшего здесь. Однако он понимал, что не должен так откровенно радоваться превосходству над своими новыми друзьями, один из которых, к тому же, эдель. А эдели, как известно, в большинстве своем заносчивы и горделивы. – Зачем Отану понадобилось закрывать тело свояченицы фартуком, чтобы все казалось, будто убита именно Тина, а не Тиса?

- Вопрос интересный. – Бокинфал переглянулся с Биртоном, который тем временем начал спускаться по ступеням в подпол. – И сдается мне, что ты уже знаешь ответ.

- Наша ошибка в том, что мы доверились рассказу Шилоха и считаем, что здесь до него были только убийца и жертва.

- Хочешь сказать, он врёт? – уточнил Биртон, от которого над полом теперь торчала одна голова.

- Вовсе нет. Он сказал лишь то, что видел и слышал сам. По его словам, в кухне никого, кроме убитой, не было. Об Отане в подполе он понятия не имел. Точно так же он мог не знать и о том, что из кухни мог быть и другой выход.

- Через подвал? – догадался Бокинфал.

- Не знаю. Я тут никогда раньше не был. Но, судя по всему, это самый удобный путь для бегства. Найдем проход, выйдем на того, кто в этом виноват.

Они по очереди спустились в подпол и, перешагнув через труп Отана, огляделись. Высота потолка позволяла держать факелы почти на вытянутой руке над головой. При их свете стало видно, что всё пространство заставлено перегородками и столами, на которых покоились сыры, вяленые свиные окорока, большие глиняные горшки, бутылки, горы сухих фруктов на просторных блюдах, одним словом, всё, что могло пригодиться для богатой трапезы и нуждалось в холоде.

Они тщательно обследовали стены. Недолгие поиски увенчались успехом: под кожаной занавеской был обнаружен проход, достаточно просторный, чтобы по нему, пригнувшись, мог идти взрослый человек.

Биртон настолько проникся происходящим, что горячо пожал Валбуру руку. Честно говоря, Валбур и сам от себя не ожидал подобной прозорливости. Правда, ему и прежде удавалось распутывать всякие нехитрые головоломки, связанные с пропажей тех или иных вещей у соседей, с гибелью добродушной коровы, за которой ухаживала все семейство его друга Фирчера, и разные похожие житейские дела, но чтобы составить в единое целое столь разрозненные сведения и наблюдения – это ему приходилось делать впервые.

Они прошли по коридору шагов тридцать, если не больше, по прямой. Затем был резкий поворот налево и ещё примерно столько же. Представляя себе застройку дома Ротрама со стороны, Валбур убеждался, что чутье снова его не подвело.

В конце коридора их ждала преграда в виде деревянной дверцы. Валбур, шедший первым, громко постучал в неё кулаком. Никто не отозвался. Он постучал снова. Прислушались. С той стороны слышались, скорее всего, женские голоса. Там как будто спорили о чем-то.

Факелы чадили и хотелось на свежий воздух.

Валбур ударил в дверь ладонью. Ещё раз. Ещё.

Снаружи отдернули засов. Дверь приоткрылась. Валбур, не дожидаясь, когда её откроют перед ним полностью, поддал плечом и чуть не сбил с ног перепуганную Шори.

Здесь тоже был подпол, не такой большой, как под кухней, однако вполне вместительный, чтобы в нем нашли пристанище не только бутылки с какими-то пахучими маслами и напитками, но также всевоз-

можные веники из трав, связки корней, какие-то расшитые одежды из кожи и мешковины, и даже небольшое количество оружия в виде мечей, шлемов, коротких палиц и нагрудных доспехов.

- Ну, здравствуй, красавица. – Бокинфал крепко взял девушку за локоть. – А где твоя новая подруга?

Шори испуганно хлопала глазами и только поглядывала в сторону открытого люка над лестницей.

Биртон, который тоже уже сообразил, что к чему, в три прыжка взбежал по ступеням, и Валбур услышал женский вскрик.

- Она здесь!

- А где же ей ещё быть? – усмехнулся Бокинфал.

Когда они выбрались из люка и оказались в жарко натопленной комнате, очень похожей на ту, где прошлой ночью их подвергли незабываемому массажу, Валбур увидел Биртона, который нависал над забившейся в угол Тисой, точнее, Тиной.

- Мы всё уже знаем, - говорил он громко и уверенно. – Так что не трать наше время и не отпирайся.

- Что вам нужно? Мою сестру убили!

- Интересно, кто же?

- Я не...

- Валбур, объясни ей. – Биртон повернулся, и на его лице читалась не только просьба пролить свет на происходящее, но и собственное неподдельное любопытство.

Он ещё до конца не понял, подумал Валбур и неторопливо присел на лежанку. Снова захотелось спать.

- Шилох рассказал нам, что вы с Шори первыми прибежали на его крики. Но баня находится слишком далеко от кухни. Наше жильё на таком же расстоянии, однако, когда мы ночью вышли на улицу, то ничего не услышали, хотя на кухне, сама знаешь, народу было много, и все шумели. Вот почему я... вот почему мы поняли, что ты должна была знать о произошедшем заранее. Где Шори?

Бокинфал подтолкнул потрясенную девушку вперед. Растрепанная и напуганная, она ещё больше навила Валбуру.

- Ты знаешь, кто это? – Он указал на гневно сверкавшую глазами Тину.

- Тиса...

- Да. Она...

- У вас в подполе всегда дверь в подземелье закрыта?

- Да...

- Значит, сегодня ночью она разбудила тебя стуком оттуда и сказала, что случилось нечто страшное.

- Ну да, она сказала, что убили её сестру.

- В этом она не соврала. – Валбур повернулся к Тине. – Зачем ты это сделала?

- Что ты такое говоришь! – попыталась возмутиться девушка.

- Ты убила Тису. А потом убила мужа и бросила умирать в подвале. Он нам все рассказал.

- Отан?!

Валбур многозначительно посмотрел на своих друзей.

- Да, перед смертью. Ты недостаточно глубоко всадила нож. Повторить, что он сказал?

Она молчала. Было видно, как дрожат её руки, когда она попыталась привести в порядок волосы.

Все ждали.

- Что со мной будет? – Тина подняла бледное даже в отсветах факелов лицо на Биртона.

- Тебе был задан вопрос, на который ты не ответила, - спокойным голосом сказал тот. – Зачем ты это сделала?

- Он мне изменял. С ней. Я не могла больше терпеть.

- Ты лжешь! – вырвалось у Шори, которая как будто только сейчас поняла, что к чему. – Её муж... твой муж никогда сюда не ходил! Она была твоей сестрой! Но вот Тиса говорила мне, что ты ей завидуешь. И что как-то раз даже предлагала поменяться местами, мол, все равно никто не заметит. Я думала, она просто пошутила. А теперь вижу, что вы не менялись только потому, что она не умела так же хорошо готовить. – Она прибавила что-то на своем грубом дикарском наречье и брезгливо отвернулась.

На Тину было больно смотреть. Слушая дикарку, она на мгновение вспыхнула от ярости, после чего сделалась ещё бледнее, чем прежде.

- Может быть, ты поначалу не собиралась её убивать, - снова взял слово Валбур. – Вы разговаривали у неё на кухне, она с тобой не соглашалась, спорила, а тебе на глаза попался нож. Их там много. И ты схватила его и пырнула Тису. В это время к вам зашел Отан, которому тоже было о чем поговорить с женой. Не знаю, принял ли он тебя за неё или нет, но у тебя оказалось достаточно времени, чтобы усыпить его бдительность и нанести хороший удар. Вероятно, если бы не его появление, ты бы не только успела прикрыть сестру своим фартуком, но и поменяться с ней одеждой. Отан умер сразу. Нам он ничего не сказал. Зато крикнул, и этот крик услышал оказавшийся поблизости Шилох. Ты успела только столкнуть Отана в подпол и скрыться следом. На полу возле люка мы видели следы его крови. Остальное нам поведала Шори.

- Твою дальнейшую судьбу пусть решает Ротрам, - продолжил Биртон. – Моё дело – рассказать ему, как всё было. Благодаря смекалке и наблюдательности нашего друга я смогу это теперь сделать в лучшем виде. А уж как он распорядится, я только догадываюсь.

Тина рванулась с места, думая спастись отчаянным прыжком. На ней была грубая домотканая рубаха, которая не порвалась, когда Бо-

кинфал крепкой рукой ухватил её за шиворот и запрокинул к себе. При этом действовал он не грубо, как будто даже с удовольствием.

- Не торопи события, подружка. Ты смело зарезала двоих, так что не бойся и теперь. Окажись я на месте Ротрама, обязательно выпустил бы тебя на фэлд потягаться с мужчинами. Вот потехи то бы было! А уж денег за такое любопытное зрелище можно было бы урвать...

Как ни удивительно, его бредовая идея нашла отклик у вернувшегося на следующий день торговца оружием. Об этом Валбуру не без гордости сообщил сам Бокинфал, когда перед сном зашел к нему в опустевшую комнату и по-хозяйски улегся на покрывало бывшей кровати Отана.

- Ротрам решил не отдавать её на судилище.

- Как он воспринял произошедшее? – Валбур сидел напротив и при свете одинокого факела, закрепленного при входе, вычищал тонкой палочкой грязь из-под ногтей.

- На удивление спокойно. Признаться, я ждал от него бури, а он только выслушал внимательно нас с Биртоном и поинтересовался, знают ли правду остальные.

- А они знают?

- А ты говорил?

- Мне-то зачем болтать?

- Ну вот и нам незачем. – Бокинфал прикрыл глаза. – Плохо только, что одним махом мы лишились и вкусной жратвы, и ласковых объятий. Шори ещё куда ни шло, худо-бедно справится, а вот Тину на кухне никто не заменит.

- Я могу готовить.

- Не сомневаюсь. Ты, похоже, всё умеешь делать.

- Велика сложность – голодного накормить!

- Ротрам себе по вкусу стряпух ищет, если ты ещё не понял.

- А как же он раньше без Тины обходился?

- По тавернам, видать, ходил. Так ведь нас-то туда всех водить больно жирно. Вот и нашел Тину, когда открыл свой виггер'гард.

- Чего-чего?

- Виггер'гард. Говорят, это Рэй такое название придумал.

- Обитель воинов? – Валбур с сомнением прислушался к звучанию нового слова. Что-то в нем было. – Кстати, а самому Рэю от него не досталось?

- А за что? Вот если бы оказалось, что это Отан виноват, не сносить ему головы. Когда Ротрам по-настоящему зол, может за милу душу выгнать взащей. Но Биртон передал ему твой рассказ, а по нему выходит, что Отан – тоже жертва. Рэй если в чем и виноват, так только в том, что плохо его учил, не сумел себя защитить. Так на Отана никто бы ставку никогда и не делал. Его тут из-за жены держали. Одним едоком меньше. Думаю, Ротрам именно так рассудил.

- Так что теперь с Тиной будет?

Бокинфал лег на бок и подставил под голову руку.

- А что обычно бывает с теми, кто убивает родича?

- Ну, способов учинить праведный суд много, - заметил Валбур, вспоминая на самом деле совсем не многочисленные случаи из жизни своего туна. - Смотря какая вина доказана. Если гибель без злого умысла наступила, то за это могут просто прогнать и дом отобрать со всем имуществом. А если убил кого с умыслом, то пощады ждать не приходится: либо в Пограничье уведут да к дереву накрепко привяжут и там оставят, либо родне убитого казнь перепоручат, либо ещё чего надумают. У вас тут такие же, небось, уклады.

- Похоже на то. Могут, правда, ещё в Бехему с мешком земли на шее скинуть. Тоже приятного мало.

- Я слышал, у вас специальные палачи, кажись, на такой случай водятся...

- Не будешь же сам руки марать. Есть палачи. Им за это неплохо платят, а они берут на себя чужую совесть.

- Вообще-то я думал, что это все брехня...

- Куда там! До недавнего времени они разве что при замке служили, под прямым началом Ракли вершили суд. - Бокинфал сел. - А сейчас, как я понимаю, им в замке уже тесно. Недавно целую свору на казнь повели, вроде тех, с которыми ты в таверне схлестнулся. Так я троих палачей насчитал. Всем работёнка нашлась.

- И что их, прям принародно жизни лишали? - поразился Валбур.

- Ну да, чтоб другим неповадно было. Только похоже, всё навыворот выходит. Жестокость ещё никому на пользу не шла. Одних казнили, так им на смену ещё столько же, если не больше пришло. Скоро все друг дуга передавим.

- Тину тоже казнят?

- Я же сказал, что Ротрам не так глуп, чтобы отдавать её на судилище. У нас тут народ понятливый обитает, тихий, лишнего говорить не станет, так что, может, сами миром всё порешим. Отана, думаю, никто из родичей, если таковые где и есть, не хватится. Глядишь, все забудется. Но с другой стороны, он не может просто так это убийство, тем паче двойное, ей спустить. Наказание будет, вот увидишь.

- Может, и правда на фэлд выпустит?

- Чтобы её там на потеху толпе в крошку порубили? Сомневаюсь.

- Надеюсь, ты прав. Мне бы тоже этого не хотелось. Если разобратся, она это устроила из-за того, что не просто сестре завидовала, а сама хотела на её месте оказаться. Значит, могла бы нам в этом качестве пригодиться.

Они тихо засмеялись, вспоминая каждый своё.

Наутро все их сомнения прояснились. Причём самым неожиданным образом.

Ротрам появился на утренней разминке, понаблюдал некоторое время за происходящем, подозвал Рэя и о чём-то с ним поговорил. Ко-

гда он ушел, Рэй поманил к себе Бокинфала и Валбура и велел им умываться, как следует одеваться, в смысле, потеплее, и выходить на улицу, где их будут ждать по важному делу. Подробностей он не сообщил. Вероятно, рассудил, что такие умники, как они, должны сами обо всем догадаться. Однако когда Валбур вышел на крыльцо, поправляя на голове меховую шапку, чтобы не задул за шиворот поднявшийся ещё со вчерашнего вечера ветроган, вид запряженных двумя понурыми лошадьми крытых саней, явно не тех, на которых он несколько дней назад прибыл сюда среди ночи, поверг его в легкое изумление. Ротрам в длинной шубе стоял рядом с пригнувшимся под тряпичным навесом кучером, в котором они узнали Биртона.

- Поедете с ним, - сказал он. – В Айтен’гард. Доставите её в целости и сохранности. Биртон всё знает. Ваше дело быть при них. На всякий случай.

- Разумеется, - ответил Бокинфал, не моргнув глазом, словно им только что предложили лишний раз сходить в баньку. – Довезем в лучшем виде.

- Надеюсь, вернетесь засветло. У нас ещё много дел и мало времени.

- Айтен’гард? – удивился Валбур, когда они забрались под затвердевший на холоде полог и сели на мягкую солому. – В Обитель Матерей? Я правильно понял?

Сани тронулись.

Вместо ответа Бокинфал склонился над большим кулем, скрючившимся у дальнего борта, и, приподняв накидку, продемонстрировал собеседнику испуганное лицо Тины.

- А вот и наш драгоценный груз.

Валбур наблюдал, как он разворачивает куль, обнаруживая, что девушка лежит в нем связанная по рукам и ногам да ещё с кляпом во рту. Вид у неё был какой-то вызывающе-жалкий.

- Теперь всё понятно, - размышлял вслух Бокинфал, проводя рукой по её густым волосам. – Ротрам решил отдать тебя на перевоспитанье этим затворницам. Что ж, думаю, ты должна быть ему благодарна: могло быть гораздо хуже. Я знавал людей, которые за измену, а тем более за убийство умудрялись тоже миновать судилище и расправлялись с жертвами сами, отрубая им руки, ноги и лишь потом – голову. Очень неприятная смерть, надо сказать. Тебе повезло несравненно больше. Хотя я не слишком много знаю про тамошние порядки. Но надеюсь, что ты выживешь и мы ещё встретимся – за столом или в жаркой баньке.

Тина слушала его, широко раскрыв глаза и постанывая под кляпом. Похоже, с прошлой их встречи она смирилась со своим положением и больше не сопротивлялась судьбе.

Бокинфал потрепал её по щеке и повернулся к Валбуру.

- Ну что, развяжем её? Не то ещё заболит на холоде.

Не дожидаясь ответа, он достал из голенища добротного мехового сапога нож с коротким лезвием, перевернул Тину на живот и полоснул по веревке, сдавливающей её руки за спиной.

- Так-то лучше.

- Ты когда-нибудь бывал в Обители Матерей? – спросил Валбур, замечая, что ноги пленницы приятель умышленно оставляет связанными.

- Мне за ненадобностью. – Бокинфал потрогал кляп, затянутый у девушки под затылком. – А ты?

Валбуру про Айтен'гард приходилось только слышать. Некоторые называли его «вторым замком», имея в виду, что снаружи Обитель Матерей была такой же неприступной, как белый замок на высоких скалах. Кем именно были эти Матери и чем они занимались вдали от посторонних глаз за высокими стенами, все лишь догадывались, хотя ничего не было известно наверняка. Да и никто этим, похоже, не интересовался. Женщины – из робости. Мужчины... мужчинам всегда казалось, что Матери прячутся и прячут своих юных питомцев именно от них, а потому воображали себе тамошнюю жизнь как тун, полный женщин, а значит – пленительных пороков и соблазнов. Говорили разное. Одни, мол, что в Обители выращивают опытных хорен для потребностей тех, кто правит в замке. Другие – что на самом деле там только тем и занимаются, что справляют какие-то сугубо женские культы героинь, то есть героев в женском обличье, которых прошлое вабонов знало гораздо меньше, чем героев-мужчин, однако незаслуженно забыло. Третьи рассказывали, что на самом деле Айтен'гард – место, где женщин учат сражаться и убивать и что если настанет время давать отпор тем же шеважа, они все как одна придут на помощь жителям Вайла'туна и одним своим видом разгонят рыжие орды. Кстати, эта мысль недавно посещала Валбура, когда Бокинфал назвал их нынешнее пристанище виггер'гардом.

- Вы что это там надумали? Отпустить её хотите? – Биртон теперь сидел боком по направлению к движению и краем глаза следил за происходящим под навесом. От ветра его лицо стало розовым, и вообще он сейчас производил впечатление человека, вполне довольного жизнью. – Убежит – вам догонять.

- Не убежит, - заверил его Бокинфал. – Ты ведь не убежишь, моя красавица?

Тина отрицательно покачала головой и что-то пробубнила в кляп.

Валбур наблюдал, как Бокинфал приблизился к ней поближе, но вовсе не для того, чтобы помешать побегу, который, действительно, выглядел невозможным, если учесть обращенное на неё внимание спутников и связанные ноги, а чтобы обнять её за хрупкие плечи и прижать к себе правой рукой.

- Как жаль, что приходится вот так везти тебя неизвестно куда и непонятно зачем! Сказала бы мне раньше, что хочешь на место сестры, я бы что-нибудь придумал.

Тина подняла протестующий вой и отвернулась.

- Только не говори, что была вынуждена занять место Тисы. Вероятно, муж тебя потому и недолюбливал, что подметил в тебе это желание. Каких только женщин по жизни ни встречал, а все вы одним мёдом мазаны. Всем мужицкого внимания хочется да побольше и почаще. Разве не так?

- Чего ты к ней пристал? – буркнул Валбур, который сейчас не испытывал никаких лишних чувств, кроме жалости. – Лучше скажи, почему нас послали, а не кого другого?

- Почему? – Бокинфал потрепал Тину по бледной щеке. – Наверное, решил, что раз мы её нашли, нам и расхлебывать.

- А с сегодняшней подготовкой как?

- Не смей меня. Неужели ты думаешь, будто за неделю из тебя тут настоящего бойца сделают? По своему опыту могу сказать: если каждый день биться да советы умные слушать, кое-что у тебя начнет получаться разве что к концу зимы. Конечно, если дотянешь. Не бросишь или увечий не получишь. А до тех пор всё это так, суета и самообман. Так что днём больше, днём меньше, какая, Тэвил, разница!

А ведь он прав, подумал Валбур. С чем я к Ротраму пришел, с тем на «кровь героев» и явлюсь. Разве что к мечу и щиту чуть попривыкну. Вместо копья я палку неплохо знаю, а уж на кулаках, выходит, я чего-то да стою. Может быть, в первый раз пронесёт. Главное не покалечиться сильно...

- Биртон, а что ты-то с нами поехал? – спохватился Бокинфал, продолжая ласкать пальцами лицо Тины. – Неужто у Ротрама кучеры повывелись? Или он никому больше не доверяет?

- И поэтому тоже, - оглянулся тот, жмурясь от снега. – А ещё потому, что в Обитель Матерей вас без меня не пустят.

- А тебя, хочешь сказать, пустят?

- Посмотрим. Обычно пускали.

- Ну ты даешь! – присвистнул Бокинфал. – Это за какие же такие подвиги?

Он не договорил. Биртон громко выругался, дернул поводья, сани накренились и все сидевшие в них повалились на борт. Бокинфал при этом умудрился прижать Тину ещё крепче.

- Смотри, куда идешь! – крикнул Биртон женщине, выскочившей из-за дома прямо под копыта разбежавшихся лошадей.

- А ты смотри, куда едешь! – ответила та, поправляя стянутый на глаза платок, чтобы глаза не слепило снегом. – Разогнался тут! Проваливай давай, пока я соседей не кликнула.

Как ни странно, наглый возница не стал пререкаться, махнул хлыстом, и сани заскользили дальше с прежней скоростью.

Вероятно, по важным делам спешит, подумала женщина, провожая сани хмурым взглядом до ближайшего поворота. Носятся тут всякие, как угорелые! Наразводили лошадей и рады. А нам теперь из дому не выйти без оглядки. Надо будет Шелте сказать, чтобы за Локланом присматривала в оба. Малец вот-вот ходить начнет, на привязи не удержишь. Как же быстро они растут! Поди вчера только Шелта животом хвасталась, а вот уже какие мысли ей в голову лезут...

Она подхватила со снега оброненный от испуга мешок и двинулась узкой тропкой между притихшими под снегом избами.

Добравшись без приключений до дому, она толкнула плечом калитку и с удивлением обнаружила, что Шелта не только ходит в столь неподходящую погоду по двору, рассыпая просо по кормушкам для залетных птиц, но и оставила корзинку с сыном под низеньким навесом ближайшего сарая.

- Ты в своем уме? Не видишь, снег какой валит!

- Тише, Мев, - с улыбкой ответила девушка, стряхивая белую пудру с очередной кормушки. - Он не хотел спать без меня в доме. А тут сразу закимарил. Не разбуди...

Мев не дала ей договорить, оборвав на полуслове нежным поцелуем. Шелта отняла губы, облизнула нижнюю и хитро посмотрела на подругу из-под миленького капюшона своей новой шубейки, которую недавно преподнесли ей в подарок посыльные из Обители Матерей.

- Ты меня смущаешь.

- Мне казалось, тебе это нравится.

- Да, но... Как сходила?

- Обменяла всё, что нужно. Одно из яиц по дороге треснуло, но они его тоже взяли. Две буханки были прямо из печи. По-моему, ещё и сейчас теплые. Не хочешь перекусить?

- Ты ступай, я сейчас приду. Мне тут кое-что доделать надо.

Поняв, что на самом деле подруга вышла из дома по нужде, которую они здесь справляли в маленьком уютном сарайчике в дальнем углу сада, отделенного от остального двора обычно колючими, а сейчас просто занесенными снегом кустами, Мев кивнула и пошла в тепло.

Когда на заставе погиб их муж, дозорный по имени Хид, она думала, что жизнь на этом заканчивается. Но вот наступила зима, которой в здешних местах принято побаиваться, а им с Шелтой становится вдвоем все лучше и лучше. Куры и всякая живность тучнеет и размножается, давая столь необходимые средства к существованию, излишки соседи охотно обменивают на то, чего в избытке у них, денег, силфуров этих, они в глаза не видят, а потому их жилище обходят стороной всякие толстомордые *ана'хабаны*, которых в народе чаще называют фра'ни-манами, то есть «отбирающими», Локлан-младший растет и крепнет, а теперь вот откуда ни возьмись на помощь пришли самозванные сестры из самого Айтен'гарда, Обители Матерей. Конечно,

возникли они не просто так, а потому что в свое время, не так давно, Шелта и Мев оказали им, как выяснилось, важную услугу: приютили на некоторое время под своей крышей одну, видать, серьезную старушку, которой прямо перед их домом какие-то лихие люди чуть не отрубили руку. Старушка, как ни странно, выжила, пошла на поправку, и несколько дней назад за ней явились четыре не слишком разговорчивые женщины с целой маленькой подводой и гостинцами из Обители Матерей. Там были и теплая одежда, и вкусная еда, и даже забавные деревянные игрушки, которыми теперь любил забавляться Локлан, когда просыпался и не требовал есть. Старушку они увезли с собой, а на прощанье передали слова какой-то Корлис, которую между собой называли Матерью Черной башни, или Сваратор'айтен, мол, если Шелте и Мев что понадобится, пусть смело стучат в ворота Обители, и им всегда помогут. Подруги посмеялись между собой, однако на всякий случай имя неизвестной Матери запомнили. Никогда ведь не знаешь, как повернется жизнь. Кто бы мог подумать, что совсем рядом с ними чуть не произойдет смертоубийство. Подобные ужасы, говорят, становились не редкостью в Малом Вайла'туне, где всегда было, чем поживиться, но ведь здесь-то живут простые люди, фра'ниманы – и те гости не частые, а вот поди ж ты, и тут порой жути всякие творятся. Один только сегодняшний полоумный возница чего стоил!

Она сняла шубу и валенки в натопленной прихожей, поменяла оплавленные свечи в старом железном канделябре и прошла в одну из двух комнат, служившую заодно и кухней. На стол, на котором не так давно лежала раненая старушка, она аккуратно выложила вкусно пахнущее содержимое мешка и приоткрыла слюдяную ставню, чтобы поглядеть, с чем там мешкает Шелта. Та склонилась над корзиной и что-то нашептывала Локлану.

То, что Хид погиб на заставе, которая одной из первых подверглась нападению лесных дикарей, теперь представлялось Мев даже к лучшему. Если бы он вернулся домой и увидел, какого сына родила Шелта, он бы явно не обрадовался и заподозрил неладное. В пику сородичам Хид отличался почти рыжими волосами, которые на всякий случай по привычке скрывал под всевозможными шапками и колпаками, чтобы его не принимали за шеважа. У Шелты волосы были соломенными по цвету и мягкими на ощупь. Так что их сын должен был унаследовать либо то, либо другое, а он родился сперва с темным пушком, который вскоре сменили белёсые локоны, ничуть не обещавшие стать рыжими или соломенными. Такие волосы были у его настоящего отца, теперь уже печально известного Локлана, сына недавнего правителя Вайла'туна, а ныне его главного пленника – Ракли. Локлан же старший, ни разу не видевший своего сына и, вероятно, совершенно позабывший о существовании самой Шелты, говорят, пустился в бега да не один, а вместе с новой любовницей, причем дикаркой, и не куда-нибудь, а через никому доселе не покорявшуюся Бехему. Тел до сих

пор не нашли, если и искали, так что Локлану-младшему в любом случае придется расти без отца. Зато у него будут две любящие матери, которые не дадут ему почувствовать себя брошенным и одиноким.

С Шелтой у них всё складывалось как нельзя лучше. Когда был жив Хид, они просто дружили, поверяя друг другу всякие женские тайны, а потом сами собой сблизились, стали вместе вести нехитрое, но требующее постоянного участия хозяйство, и постепенно сошлись настолько, что потеряли интерес к окружавшим их немногим соблазнам. Одно время к Мев повадился захаживать неженатый сосед, молодой парень, почему-то решивший, что она ему не откажет. Шелта в ту пору носила раздувшийся живот и по большей части лежала, так и её не обошел вниманием другой сосед, причем женатый и промышлявший на всю ближайшую округу врачеванием. Мужчины заходили к ним в избу сперва чуть ли не по-хозяйски, потом с оглядкой, потом – жалкими просителями, пока, в конце концов, ни поняли, что к ним тут вежливо безразличны. Мев полюбила Шелту, а Шелта – Мев. И никаких соперников, никаких выяснений отношений, никаких измен и скандалов. Скромная женская любовь двух близких подруг в тихом месте в перерывах между каждодневной суетой по хозяйству. Обеих это устраивало, обе как-то сразу к этому привыкли.

- Идите в дом! – крикнула Мев и закрыла окно, чтобы не застужать комнату.

Она разжигала печь, когда из прихожей донесся смех проснувшегося Локлана и воркованье Шелты.

- Я сегодня чуть под сани ни попала, - принялась рассказывать Мев, расталкивая кочергой потрескивающие дрова. – Можешь себе представить? Когда это было, чтобы у нас под окнами даже летом телега за день проезжала, а тут сани, зимой да на полном ходу! – Перехватив обезпокоенный взгляд, добавила: – Я в порядке. Испугом отделалась. Но ты только вообрази! Это куда ж так нужно нестись, чтобы людей давить? Совсем стыда у этих богачей не осталось.

- Им стыд за ненужность, – согласно вздохнула Шелта и грустно улыбнулась повизгивающему от удовольствия сыну.

О своем Локлане думает, угадала Мев. Не идет он у неё из головы. Особенно теперь, когда его образ у неё все время перед глазами.

- Не будешь его кормить?

- Не просит пока. Значит, рано ещё. – Шелта села к столу и повертела в руках мягкую ржаную буханку. – Может, и нам хлеб печь начать? Гляди, какой хороший получается. А это что? – Она взвесила на ладони маленький узелок.

- Сладости Локлану, - виновато улыбнулась Мев.

- Балуеть ты его слишком. – Шелта осторожно развязала узелок и достала два слипшихся леденца. – Оставим до праздника.

- До какого это?

- День Рилоха. Забыла?

- Так он уже на днях.

- Вот и я думаю, что ничего с ними за это время не станется, – согласилась Шила, убирая леденцы обратно так, чтобы не заметил малыш. – А это что? Мясо? Послушай, зачем? У нас же у самих есть.

- Неудобно было отказаться. И потом это тетерев. Я давно хотела суп из него сделать. У тебя же в хозяйстве нет тетеревов.

- Курицей бы обошлись.

- Да ладно тебе! Ты иногда мне мою мать напоминаешь. Та тоже предпочитала одно и то же с утра до ночи есть, когда отца дома не было.

Они улыбнулись друг другу. Размолвки между подругами происходили редко. Мев даже считала, что они специально иногда предпринимают попытки поругаться, чтобы тем отчетливее ощутить потом, в какой идиллии живут. А ещё её временами посещали мысли о том, что будь Хид в добром здравии, всё могло бы быть совсем по-другому...

Обедали, как всегда, все вместе. Мев черпала из миски наваристый суп и наблюдала, как Шелта аккуратно намазывает себе маслом ломоть хлеба, стараясь не задеть Локлана, который пристроился у её красивой полной груди и дремал, то и дело просыпаясь и, не открывая глаз, начинал сосать и сопеть.

Своих детей у Мев не было. Брат Хида, как и он сам, оказался бесплодным, виной чему, если верить семейным преданиям, была их неудачная попытка в детстве перейти зимой через замерзший канал по льду. Лед не выдержал, и мальчишки провалились в ледяную воду. Их чудом спасли проходившие мимо дровосеки с длинными жердями, которые по чистой случайности несли на ближайшую стройку. Благодаря жердям ребят удалось вытащить довольно быстро, однако оба потом долго ещё болели и, как оказалось, не без последствий. Мев подозревала, что рано поселившаяся в её будущем муже простуда в конце концов и сгубила его. Умирал он тяжело, в постоянном кашле и мучениях, так что когда всё в один не самый прекрасный день закончилось, она даже удивилась, как в доме может быть тихо. Дом мужа Мев продала хорошим людям и, приняв приглашение Хида, который в очередной раз собирался отправиться на заставу в Пограничье, переселилась к ним. Шелту она знала и любила давно, ещё когда братья были в добром здравии и частенько вместе ездили на рынок или справляли праздники. Переезд к Хиду означал, что по традициям вабонов она становится его второй женой. Мев была на несколько зим старше Шелты и ни на что ровным счетом не претендовала. Шелта же к тому времени уже была в положении, так что в итоге Хид не стал обижать её и ни разу до самого отъезда не притронулся к Мев. Вероятно, не только из любви к Шелте, но и потому, что решил, будто в отличие от брата сможет обрюхатить и её, а тогда обеим женщинам без него будет особенно трудно. Обычно служба на заставе длилась от нача-

ла зимы до начала, а то и до середины лета, так что Хид рассчитывал вернуться прежде, чем в их семье случится пополнение. Шелта не хотела его отпускать, словно чувствовала скорое несчастье, однако Хид, разумеется, даже не слушал её, поскольку труды на заставе всегда неплохо оплачивались, а он считал, что особенно теперь должен взять на себя роль их кормильца. Вообще-то Хид был сыном кузнеца и мог бы неплохо зарабатывать, если бы пошел по стопам отца, однако ещё в юности его увлекло ратное дело, и он, как рассказывала потом Шелта, долгое время учился владению мечом у очень странного человека по имени Тэрл. Этот Тэрл, если верить Шелте, был настоящим карликом, но каким-то уж больно умелым, особенно что касалось оружия и драк. Хид мог целыми днями пропадать на ристалищном поле перед замком, где Тэрл учил его и таких же, как он, новобранцев всяким боевым премудростям, причем настолько небезуспешно, что за не слишком долгий промежуток времени он полностью переродился из человека, который по рождению должен делать оружие, в человека, который им пользуется. По крайней мере, так это поняла Шелта. Она также поняла, что её муж не собирается возиться на кузне, которая после смерти брата, наоборот, любившего железо, молотки и печной жар, могла перейти ему по наследству. Сейчас там доживал свой век их отец, старый мастер Хоуэн, который в свое время выковал меч тому самому карлику, Тэрлу. Оставшись без кормильцев, они с Шелтой раньше иногда по привычке навещали к нему в гости, чтобы отвлечь от горьких мыслей и как-то поддержать, а он дарил им всякую полезную кухонную утварь и однажды рассказал, что этот Тэрл, оказывается, был за что-то неожиданно изгнан из замка, но не пропал, а пошел в гору и сделался чуть ли не аолом в одном из дальних тунов. Рассказал он это затем, чтобы объяснить, почему готовится к странному поступку: оставить кузню, забрать только самое необходимое и перебраться к старому приятелю, который, как он надеялся, будет рад его видеть и, наверное, даст кров и работу. Хоуэн был стар, а теперь ещё и одинок, но былая сила пока не покинула его, и он мог где угодно пригодиться. Кроме того, насколько знала Мев по рассказам мужа, Хоуэн некогда входил в круг избранных кузнецов, которые не просто скупали металл на рынке и ковали из него нужные вещи и оружие, но имели прямой доступ к руде, искони добывавшейся на шахте где-то вниз по течению Бехемы. У них, как и у строителей, был свой так называемый *сомод*²⁹, куда входили и кузнецы, и рудодобытчики, и литейщики, которые превращали руду в удобные заготовки для наковален. Когда она попыталась недавно заговорить об этом с Хоуэном, тот только рукой махнул и сказал, что весь их сомод новые хозяева замка растащили по кусочкам, теперь каждый за себя, и только между ними, стариками, продолжают оставаться негласные договоренности о взаимопомощи.

---

²⁹ Нечто вроде гильдии

Сегодня они с Шелтой как раз думали навеститься к нему в гости, показать Локлана, о рождении которого он догадывался, но ещё ни разу не видел, а заодно поговорить о будущем. Если он и в самом деле готовится отправиться невесть куда искать новое счастье, было бы неплохо, если бы он оставил кузню им. Нет, конечно, ни Шелта, ни она не смогут там трудиться, но и зачем им, когда такое хорошее и удобное место можно неплохо продать. Сейчас они без силфуров прекрасно обходятся, но деньги обладают тем удобным свойством, что их необязательно сразу же тратить, а можно копить и тратить потом, по мере необходимости. Те, что она выручила от продажи их с мужем избы, до сих пор хранились у неё в надежном месте, о котором не знала даже Шелта. Зато если нужно было сделать подруге или её сынишке подарок, который просто так не выменяешь на десяток-другой куриных яиц, можно было взять пригоршню блестящих серебряных монет и отправиться на рынок, где с утра до вечера торговали всякими вкусностями и интересностями.

Когда Локлан устал есть и заснул, Мев приняла его из рук Шелты, наклонилась и нежно поцеловала грудь подруги. Та улыбнулась ей, но поспешила запахнуться. Днем она стеснялась их близости и только с наступлением сумерек слегка расслаблялась и превращалась в ту Шелту, которую любила Мев. Иногда, правда, Мев казалось, что Шелта лишь подыгрывает ей, тогда как на самом деле ей нужна вовсе не она, а какой-нибудь мужчина. И не какой-нибудь, а такой, чтобы заменил ей Хида, а Локлану – отца. Поэтому когда Шелта первой заговорила об избе, которую собирается покинуть Хоуэн, Мев решила, что она хочет заполучить её вовсе не для последующей продажи, а для себя – чтобы иметь пристанище, куда сможет перебраться (или отослать её, Мев), если встретит того, кто её полюбит. Как-то она даже завела с Мев разговор о том, что той тоже было бы неплохо подумать о новом замужестве, поскольку до старости ещё далеко, а жизнь не должна пройти зря, без мужа и детей. Где-то глубоко внутри Мев и сама это понимала, однако слова подруги покорибили её. До сих пор им было хорошо вдвоем, но раз Шелта так говорит, это значит, что она не до конца с ней искренна, когда ласкает по ночам и шепчет милые признания в ответ на страстные поцелуи.

- Ну что, ты к Хоуэну идти не передумала? – поинтересовалась Мев, возвращаясь из спальни на кухню и наблюдая, как подруга моет посуду и горшки, оставшиеся ещё с утра.

- Вообще-то нет. Он всегда был легок на подъем. Дальше тянуть не стоит: прозеваем его уход, и ищи потом. – Шелта вытерла руки о передник. – А почему ты спрашиваешь? Не хочешь?

- Отчего же? Я, ты знаешь, редко меняю свои мнения. Кузня хорошая, изба прекрасная, жаль будет это всё в чужие руки отдавать. Он это должен понимать. И, я надеюсь, обрадуется, что мы присмотрим

за его домом. Никто ведь не знает, чем его замысел кончится. А вдруг его там никто не ждет, и он только зазря дров наломает?

- Он говорил, что ждут, - пожала плечами Шелта.

- Сегодня ждут, завтра не ждут. Никогда нельзя наперед загадывать. Вспомни, какие у тебя самой радостные мысли с Хидом были. — Она осеклась, заметив боль на лице подруги. — Кстати, ты слышала, что Закра говорит?

- По-моему, она только и делает, что говорит. Сомневаюсь, что она даже во сне молчит. Она меня пугает.

Закра была известной на весь Вайла'тун врачевательницей. Лучше её никто не мог ни болезнь дурную выгнать, ни ране помочь затянуться. Причем, рассказывали, что, в отличие от прочих лекарей, она не столько травами и отварами орудует, сколько руками да заговорами. Зим она видела на свете невесть сколько, говорят, троих мужей пережила, причем двое последних были гораздо её моложе, и окончательно сошла с ума совсем недавно, когда на неё что-то нашло, и она начала во всеуслышанье пророчествовать. Причем, что самое жуткое, её брехня, в конце концов, почти всегда оказывалась правдой.

Всем была памятна прошлая зима, когда Закра стала говорить про волосы. Разумеется, про рыжие. Как она их только ни называла: и «врагами людскими», и «пламенем пожарным», и «огнём очищения», и «красными птицами перемен». Эти слова вспомнили, когда в Пограничье вспыхнула и погибла первая застава. Погибла от рыжих дикарей, научившихся управлять смертоносным огнем. И правда: с тех пор жизнь в Вайла'туне постепенно, но неукротимо начала меняться, причем далеко не в лучшую сторону.

Потом Закра сочинила заунывную песенку о том, как куры сгоняют петуха с насеста, заклеывают до смерти и долго не могут решить, кому занять его место. Только все над ней посмеялись, раз — из замка приходит слух, что Ракли перестал быть правителем, а кто теперь вместо него — никому толком не известно. Поговаривают, что их там даже несколько.

И бегство сына Ракли, Локлана, отца Локлана маленького, она точно предсказала, когда носилась между избами и всякому встречному задавала один и тот же вопрос: «Ты уже попрощался с сыном?». Конечно, может быть, она вовсе не его имела в виду, но когда люди из замка принялись разыскивать Локлана по всем закоулкам, Закра перестала об этом спрашивать.

Ещё у Закры была внучка, Кади, которая вроде бы тоже обладала её лекарскими способностями, но при этом оставалась совершенно не сумасшедшей, а очень даже симпатичной и милой, правда, на сегодняшний день уже недоступной для многих бывших воздыхателей, поскольку её очень резко и настойчиво взял под свою опеку один из не самых бедных жителей Вайла'туна, оружейник, точнее, торговец оружием по имени Ротрам.

С ним Мев знакома, к счастью, не была, однако видела на рынке пару раз и ничего уж такого особенного не заприметила. разумеется, Кади было виднее, но вот и соседи считали, что тут явно не обошлось без подкупа. Ротрам всегда жил один, жен и детей не имел, но ведь мужчин никогда толком не разберешь. На старости лет, вместо того, чтобы остепениться, отгрохал, говорят, не избу, а хоромы, нагнал туда всякого сброда, дал в руки оружие, какого у него всегда в избытке водилось, и заставил учиться им пользоваться, чтобы потом выставить на каком-то побоище, о котором в Вайла'туне в эти дни не говорил только немой. Мол, на день Рилоха оно должно состояться. Где-то недалеко от рыночной площади. Мужики местные уже во всю денежки копили. Потому что кто-то пустил слух, будто там можно будет делать ставки на того или иного бойца и в случае его победы получить навар с тех, кто ставил на проигравшего. Делать им нечего!

- Так что говорит Закра? – вывел её из задумчивости голос Шелты.

- Ну, сама я не слышала, - подсела Мев к столу и подперла подбородок рукой, любуясь молодостью и статностью подруги. – Но рассказывают, что она давеча вышла на один из мостов через канал, перегородила дорогу и, раскинув руки, ну, знаешь, как она обычно делает, стала сперва просто скулить и завывать, а потом бухнулась на колени и затараторила так, что никто её понять поначалу не мог. Вроде бы, мол, что замку считанные дни стоять осталось, что грядет буря-ураган, который сметет его со скалы в Бехему и наступит конец.

- Интересно, кому? – Шелта спокойно поставила очередную миску торцом на полку и опять провела ладонями по влажному подолу.

Последнее время при упоминании Бехемы ей приходил на память её любимый негодяй и изменник, её Локлан, которому она однажды, всего однажды имела неосторожность уступить и который перевернул с ног на голову всю её последующую жизнь. Их встреча в то злопамятное лето была совершенно случайной, он появился на празднике одетым под простого фолдита, а она только-только распрощалась с Хидом и пошла туда лишь потому, что этого захотелось Мев. Мев вообще часто вела себя как девочка, несмотря на то, что старше Шелты на добрый десяток зим. Локлан показался им обоим парнем хоть куда. Он быстрее многих бегал с полными ведрами, умело бился подушками, сидя на бревне, отчаянно танцевал и красиво водил хороводы, а за столом от пуза ел, отчаянно пил, не пьянея, и все время находил поводы для шуток. Кто бы мог подумать, что это сын самого Ракли, правителя замка! Она так им увлеклась, что отбросила всякие предосторожности и даже не обратила внимания на хмурого пожилого мужчину, следовавшего за Локланом тенью. А если и обратила, то не подумала, что у обычных фолдитов редко водятся охранники. Он нравился ей потому, что в нем она видела всё то, чего не находила в вечно озабоченном Хиде, которому в тот раз явно не терпелось убраться на свою

заставу. Сейчас-то она понимала, что он неуютно чувствовал себя дома, куда не мог привнести семейного уюта, связанного для Шелты с появлением детей. Вероятно, именно в безумной надежде стать, наконец, матерью она и пошла за Локланом, когда тот нашел её через несколько дней после праздника и пригласил покататься на лошадях. Его появление, тайна его происхождения, вид огромного коня, на которого ей предстояло взгромоздиться, и по-прежнему хмурый провожатый так странно повлияли на неё, что она не смогла отказать и совершила самую большую в своей жизни ошибку, которая стала для неё самой большой в жизни радостью. Потеряв в итоге одного Локлана, она получила другого, маленького и хорошенького, который теперь всегда был при ней и который никогда её не предаст.

- Закра и ещё кое-что сказала, - продолжала между тем Мев. - Закончив тараторить, она взяла полную пригоршню снега, растерла его по лицу и стала громко ныть, что, мол, вот так она оплакивает всех тех, кому не суждено дожить до следующей зимы. Потому что буря придет не одна, а в сопровождении целого стада лошадей, на которых будут сидеть верхом, как она выразилась, «наши бывшие братья из дальней лощины». И что мы снова с ними объединимся кровью, и что крови хватит на вторую Бехему. Как тебе это понравится?

- Жуть какая-то... Может быть, у неё там на мосту живот разболелся? - улыбнулась Шелта.

- А мне от этой истории не по себе, - призналась Мев. - Если бы кто другой сказал, я бы тоже внимания не обратила, но Закра только прикидывается сумасшедшей. Просто она видит то, что мы не видим, и слышит то, что мы не слышим.

- А я вот слышу, что он проснулся, - восторгалась Шелта и поспешила к захныкавшему сыну.

О последнем пророчестве Закры Мев размышляла всю дорогу домой. Оттого и под сани чуть не угодила, что задумалась. Не так давно, неподалеку от Вайла'туна, там, где в карьере добывали глину, произошла нехорошая стычка между строителями и какими-то странными всадниками, которые, по рассказам, были здоровенного роста, с головы до ног в доспехах, а на шлемах имели причудливые украшения в виде разноцветных ленточек. Стычка вышла кровавая, досталось и тем, и другим, но в итоге непрощенных гостей удалось обратить в бегство. Кто это был и зачем появился, никто доподлинно не знал. Те, что их видели, уверяли, будто это точно не дикари. Да и кто бы спорил, поскольку лошадей у шеважа отродясь не водилось, а тех, что попадали к ним в руки от убитых или раненых вабонов, они, говорят, сразу же забивали до смерти и съедали, не представляя себе иного применения подобным животным. О том, чтобы кто-то мог навестить к ним в гости из краев совсем отдаленных, вабоны по простоте душевной задумывались редко. Им вполне хватало опасной близости рыжих соседей да недавно появившихся рассказней о ещё одном всаднике, узко-

глазом, в широкополой шляпе, который появился однажды на краю Пограничья и чуть ли не в одиночку помог тамошнему туну справиться с нападением вконец обнаглевших дикарей. Так что вообще-то могло быть всякое, ибо дурное, как говорится, ищет дурь, а больное – хворь. Однако Мев, привыкшей думать и рассуждать обычным манером, всё-таки не верилось, будто кроме них и шеважа в округе ещё кто-то есть. Правда, говоря «округа», она понимала, что дальше, наверняка, что-нибудь да находится, а там, глядишь, и ещё кто-нибудь живет, но долго удерживаться на этой мысли она не умела – пугалась и соскакивала на более привычное, замкнутое, соседское. Иногда её это саму даже раздражало. Ведь и в старые времена ходили сказы о том, как к вабонам в гости являлся некто чужой из неведомых земель, расположенных чуть ли не за Бехемой. Взять хотя бы того же Малисилача, человека огромного роста и с чёрной кожей. В детстве Мев любила слушать про него всякие небывальщины. Потому что живо представляла себе этого гиганта и с удовольствием боялась. Позднее она решила, что ничего такого на самом деле нет и не было, успокоилась и стала взрослой женщиной, уверенной в себе и в мире вокруг, а тут поди ж ты, опять дурь да страхи начинаются.

- Заснул? – спросила она вошедшую Шелту с неподвижным сыном на руках.

- Что-то он последнее время часто просыпаться стал, - тихо сказала та и присела к столу. – Раньше, помнишь, его спокойно можно было одного даже оставлять.

- Что поделаешь, растёт, наверное.

- Или чувствует что-нибудь, - задумчиво вздохнула подруга. – Дети лучше нас всегда всё чувствуют.

- Любишь ты каркать!

- Ну так что, одеваемся? Идем к Хоуэну?

- А Локланчик? Ты его так и понесешь?

- Почему? Накрою теплым и отнесу? В первый раз что ли?

Они последнее время часто спорили, как правильно одевать малыша в холод. Мев боялась, что если его не укутать как следует, то он простудится. А если укутать, то он проснется, разревется и наглотается холодного воздуха. Поэтому считала, что выносить его на улицу стоит уже выпавшегося и бодрого. Шелта же находила, что мягкой подкладки на дне корзины и теплого одеяла сверху вполне достаточно, чтобы он спокойно проспал всю прогулку, не проснулся и ни от жары, ни от холода, ни от невозможности пошевелиться, и таким образом не начал кашлять. Побеждала обычно Шелта.

Вот и сейчас она проверила, все ли в корзине лежит правильно и гладко, закрыты ли все щелки, уложила в неё причмокивающего сына, накрыла двумя толстыми одеяльцами и сделала подруге знак, чтобы та тоже собиралась.

Когда они вышли на улицу, снег уже прекратился. Зато день перевалил за середину, и стало темнеть. Мев больше всего не любила зиму даже не за мороз и резкие ветра, а именно за то, что день делается слишком коротким, и не успела ты проснуться, как пора ложиться спать.

Обменявшись ничего не значащими приветствиями с соседским семейством, в полном составе занятым разгребанием снежных заносов на своем дворе, подруги направились в вечное плутание между налезающими друг на друга заборами и отдельно стоящими избами. Никто уже не помнил точно, когда и кем Вайла'тун застраивался, однако в том, где и какие стояли дома, прослеживалась внятная мысль.

Ближе к замку, который отсюда даже не был виден за крышами, располагались либо избы, напрочь лишенные дворов, либо, наоборот, можно сказать, здоровенные дворы, застроенные сразу несколькими избами. Первые принадлежали знатным людям, которые больше не видели смысла в том, чтобы выращивать что-либо своими руками, поскольку любую еду и всякую необходимую мелочь можно было без труда купить, если походить по рыночной площади, а ещё лучше – послать туда за покупками своего человека. Во вторых жили не просто знатные, но слишком богатые вабоны, которые могли позволить себе такую роскошь, как собственная маленькая крепость, надежное уединение, застава в самом центре человеческого леса. Немногие из них заводили во дворах огороды. Они тоже предпочитали жить на всем готовом и использовали дворы под застройку – банями, никчемными беседками, собственными кузнями, стойлами для лошадей и прочими излишками.

Дальше них от замка располагался круг смешанных жилищ. Здесь попадались и отдельные избы, хозяева которых либо не могли позволить себе иметь двор, либо были так стиснуты соседними домами, что только мечтали о нём, и избы с хозяйством, как у Мев с Шелтой. Но в последнем случае весь двор обычно занимал огород или сарай с живностью, позволяя владельцам с них кормиться – или напрямую, или с продажи излишков.

Постепенно пространства становилось больше, домов меньше, но селились тут уже те, кому так или иначе не повезло в жизни и кто был не прочь, чтобы о нем забыли. Главным образом, то были бывшие виггеры, получившие за долгие зимы службы какие-нибудь увечья, из-за чего их разжаловали и отправили восвояси, или не слишком желаемые в Вайла'туне одинокие старики, случайно пережившие своих родных, или всевозможные малоприятные для знакомства отбросы жизни вроде предпочитающих праведным трудам нескончаемые кружки крепкого крока или нехитрый промысел воров и прочих лихих людей.

Наконец, на далёких окраинах Вайла'туна обитали те, кто, по твердому убеждению Мев, были жителями самыми важными, без ко-

торых невозможно было представить себе ни рыночную площадь, ни жизнь вообще – трудолюбивые фолдиты, с рассвета до заката возделывавшие земли. Либо собственные, если они занимали всей семьей отдельный торп, либо общие – если вместе с другими семьями жили в туне. Она сама родилась в уединенном торпе, правда, с тех пор, как вышла замуж и уехала, домой не возвращалась, не особо скучала, а вспоминала о родных редко и безрадостно. На то были свои причины, о которых она предпочитала не распространяться.

Зиму вабоны не любили. Не любили настолько, что отмеряли время от одной до другой, всякий раз надеясь на то, что этот период станет длиннее. Иногда им так и казалось, но частенько зима задерживалась надолго, а снег исчезал лишь под потоками ледяных дождей и порывами промозглого ветра, принося мало удовольствия и продлевая тоску по теплу. Правда, в зиме и дождях было и хорошее: случалось меньше пожаров. Дома в Вайла'туне, особенно здесь, вне Стреляных Стен, стояли настолько тесно, что полыхни одна изба, дунь по сильнее ветер – и в головешки превратятся все соседние постройки вместе с их незадачливыми обитателями. Большие пожары, к счастью, последнее время случались редко, однако зарекаться против них никто не брался, а потому мокрые бревна всегда внушали надежду на то, что всё обойдется, даже если сосед ненароком подпалит свое жилище.

Кузня Хоуэна находилась позади на зависть просторного двора, принадлежавшего его доброму приятелю, гончару по имени Ниеракт. Не так давно этот самый Ниеракт взял и пропал, как сквозь землю провалился. Ни Хоуэн, ни соседи понятия не имели, куда он подевался. Ниеракт в один прекрасный день просто ушел куда-то, никого, даже своего подмастерье, толстяка Шилоха, не предупредив, и больше не вернулся. Шилох этот, мальчишка сообразительный, не будь дурак – подался в услужение к тому самому оружейнику Ротраму, о котором Мев недавно думала в связи с его нежной дружбой с внучкой прорицательницы Закры. А в прошлый раз, когда она одна, без Шелты, проводывала Хоуэна, по соседскому двору безцельно маялось с десятков коней – зачем-то пожаловали мерги из замка. Они там что-то явно искали. Зашли даже к Хоуэну справиться, не знает ли он, куда подался его приятель-гончар. С тех пор Хоуэн и засобирался прочь с насиженного места.

Сегодня двор был пуст, а конские следы засыпал снег.

Подруги обошли изгородь с той стороны, где чья-то заботливая рука разгребла сугробы, миновали наглухо закрытые изнутри двери сарая, откуда некогда вел торговлю сбежавший гончар, и Мев, передав Шелте корзинку с Локланом, которую бережно несла последний отрезок пути, толкнула плечом покосившуюся калитку.

- Дома, - сказала она, указывая взглядом на вьющийся над трубой слабый дымок.

- Всегда он еле-еле топит, - буркнула Шелта. – Не продрогнуть бы там.

Однако опасения её были напрасны. Кузня, занимавшая большую часть избы, а заодно пристройку, приспособленную под нужды склада инструментов и хранилища заготовок и готовых изделий, встретила их приятным запахом сосновых углей и редким теплом. Обычно, как правильно заметила Шелта, Хоуэн так уставал за день от жара из топки, что в жилой комнате старался не зажигать очага без особой надобности.

- Я сегодня чувствовал, что вы мне наследника моего принесете, - потирая большие заскорузлые ладони, сказал Хоуэн, отворяя перед гостями дверь в сени и отступая к стене. – Заодно решил помыться на дорожку.

Как и его сын, Хоуэн был невысок ростом, но широк в плечах. Некогда рыжая, как у Хида, шевелюра, не потеряв ни одного волоска, после известий о гибели последнего сына просто перекрасилась, став почти белоснежной. Перехватив ручку корзины жилистой рукой, старик легко поднял ношу к глазам, приподнял одеяльца и заглянул внутрь.

- Не похож, - без малейшей толики удивления или сожаления заявил он и улыбнулся. – Хид тоже поначалу на меня не походил.

- Так мы вам помешали? – спохватилась Шелта, бывавшая тут реже, чем Мев и потому не так хорошо знавшая повадки хозяина.

- Вы мне не можете помешать. – Хоуэн бережно поставил корзину на большой сундук у стены и охотно помог женщинам снять шубы. – Вы – всё, что у меня осталось от моих сыновей. Нет, не можете помешать, - повторил он, распахивая обе двери: одну – в кузню, другую – в жилую часть дома. – Хотите туда, хотите сюда. Можете посидеть с дороги, а я пока покажу ему мои молотки.

С этими словами старик вынул удивленно таращившего на него глазенки внука, прижал к себе и, не слушая возражений матери, шагнул туда, откуда несло сладковатыми запахами металла, сажей и потом.

Шелта взволнованно посмотрела на Мев, но та только плечами пожала и успокаивающе кивнула. Несмотря на весь свой внушительный вид, Хоуэн мухи не мог обидеть, а уж ручного ребенка и подавно. Вскоре они услышали залиvistый смех Локлана и добродушное покашливание деда.

- Теперь ты видишь, что зря переживала? – сказала Мев.

- В смысле?

- Он никому кузню не отдаст, кроме нас. У него теперь есть наследник.

Они заглянули в дверной проём и увидели, как Хоуэн держит перед Локланом здоровенный молот, а малыш одной рукой цепляет деда

за седую бороду, а другой колотит по твердой поверхности и хохочет от удовольствия.

- Идем. – Мев тронула Шелту за плечо. - Нехорошо тепло vychлаживаться.

Они зашли в уютную жилую часть избы и стали греть над очагом окоченевшие на морозе руки.

Мев нравилось бывать здесь. Хоуэн схоронил жену две зимы назад, однако всё тут было настолько чисто и опрятно, что казалось, женская рука никогда не покидала этого дома. Хоуэн, при всей своей открытости и внешнем добродушии не слишком-то доверял людям, и потому даже помощников и подмастерьев не заводил, считая, что настоящий хозяин, а тем более кузнец, обязан делать всё сам. Сыновья пошли не в него, предпочитая перекладывать заботы по дому на жен, а он не чурался никаких дел, сам готовил, сам стирал и даже частенько мыл полы, чего, что греха таить, не любили делать ни Мев, ни Шелта.

- Чем я могу его покормить? – осведомился вскоре появившийся на пороге Хоуэн. – Парень явно поднабрался силенок в дедовской кузнице и проголодался.

- Боюсь, что ничем, - улыбнулась Шелта, принимая посерьезневшего сына. – Он у нас ещё молочный.

- Ну а вы, хозяйюшки, что будете? – Старик махнул рукой в сторону стола, на котором стояли словно заранее поджидавшие их блюда, накрытые чистыми полотенцами. – Может, кроку хотите? Я это запросто, по-домашнему.

- Мне, увy, нельзя, - вздохнула Шелта. – А то мы с ним вместе опьянеем.

- А я, пожалуй что не откажусь, - решилаcь Мев, чтобы поддержать собеседника. Она прекрасно знала, что не прогадает: крок старик варил отменный.

Когда они удобно устроились за столом, не на лавках, а на отдельных добротных и тяжелых стульях с высокими спинками, которые, по словам Хоуэна, давным-давно вырезал из дуба для своих родителей он сам, Шелта деловито обнажила правую грудь и стала кормить Локлана, то и дело отвлекаясь и принимая участие в их беседе.

- Всё-таки решили податься к вашим сотоварищам? – начала с прямого вопроса Мев.

Хоуэн отхлебнул из кружки, принялся к тыльной стороне кулака и кивнул:

- Охота на старости зим полезным быть. Там я нужнее. Здесь-то уж и люди нормальные перевелись. Сами, небось, видите, что творится. При Ракли ещё хоть какой порядок был, а теперь, чуёт мое сердце, совсем уродства безпробудные начинаются. – Он помолчал, словно собирался с мыслями и решал, стоит ли говорить о том, что на душе. – Когда это такое было, чтобы на своих же охоту затевали все равно что на шеважа каких-то! Ты вон, Мев, помнишь, небось, как у Ниеракта,

соседа моего, в прошлый раз мерги по дому рыскали. Он так с тех пор и не появился. И я знаю, почему. – Старик понизил голос почти до шепота. – Он мне весточку переслал. Пишет, что лихие дела вокруг начинаются. Его чуть было ни убили, а теперь рыскают повсюду и выслеживают. Его самого и его дружков, с которыми я не так чтобы знаком, но слышал про них и знаю, что они вовсе не те, кого в чем-то злом подозревать можно. А раз так всё повернулось, видать, плохи те, кто им на хвост сел. Пишет он, что в замке дикие люди завелись. В том смысле, что теперь сын может запросто отца порешить, чтобы славу его себе забрать, и всякое такое. – Он почти с удовольствием посмотрел на потрясенные лица женщин. – А вы ещё спрашиваете, пора ли с мест сниматься? Я бы и вам, дочки мои, настоятельно посоветовал, по меньшей мере, ухо остро держать, а того лучше – двигать при первой же возможности за мной следом. Ты, Мев, сама знаешь, что на окраинах наших, хоть и снова опасно стало, да только там всегда легко понять, где друг, а где враг. Там и защититься, если что, можно понашенски.

- А почему это кроме вас никто про это не знает и не думает? – решила уточнить вечно во всем сомневающаяся Шелта.

- Глупый люд, - ухмыльнулся старик, подмигнув пушистому затылку внука. – Либо не смотрят, либо смотрят, но не видят, либо смотрят и видят, но не понимают. Так всегда было, есть и будет. Спит народ.

- А вы, значит, проснулись?

- И тебе советую.

- Закра вон тоже беды всякие пророчит, - заметила Мев. – Говорит, война большая идет.

- Закра твоя брешет, - спокойно возразил Хоуэн. – А я дело говорю. Уходить подальше отсюда надо. Знаю, что далеко не уйдешь, а все ж таки идти – не на задку сидеть. Глядишь, зима минет, а там и поглядим. Может, решитесь? Что вы тут теряете?

- Ничего не теряем, - легко согласилась Шелта.

- Всё теряем, - прервала её Мев. – Мы только-только как следует на ноги встали. Думаете, легко без мужей обходиться?

Старик ничего ей не ответил и только как следует приложился к кружке. Хотя на столе было много съестного, он ни к чему не притрагивался, подвигая блюда поближе к гостям.

- Мы и за вашим домом присмотрим, - попыталась рассеять неловкость Мев. – Всегда будет куда вернуться.

- А ему пригляд не нужен. – Хоуэн хитровато прищурился. – Я его в надежных руках оставляю.

- Благодарю, - начала было Шелта.

- Кузница не должна простаивать, - продолжал старик. – А Ротраму сейчас оружие позарез понадобилось. Знаете его?

Женщины переглянулись.

- Знаем...

- Ну, тогда мне вам и рассказывать нечего. Он хороший оружейник, да и человек, похоже, неплохой. Давеча от него ко мне кузнец один приходил. Бывший, правда. Торни его зовут. Ему и передам.

- То есть? Навсегда что ли?

- Зачем же навсегда? Сколько понадобится. Я этого Торни ещё мальчишкой помню. Он с Хидом моим одно время дружил.

- Это не тот ли Торни, - потерла лоб Мев, - который, говорят, богачом стал и недавно на канале избу купил?

- Тот самый. Сам ко мне пришел. Оно и верно, большой шишкой заделался. Рассказывал, будто выиграл всё это на какой-то «крови героев» или как оно там у них называется. Теперь вот Ротраму, говорит, помогает с заказами на оружие. Кузни присматривает. А моя – любодорого! Тут и меч можно выковать, и проволоку для кольчуги любой толщины потянуть, и шлем, какой хош, выгнуть. А вы что приуныли?

То ли он действительно не понимает, что Шелта собиралась к нему въехать, то ли понимал и потому теперь издевается, подумала Мев. Хитрый старик! Видать, смекнул, что у нас ему по-семейному деньжатами на жизнь в каком-то там туне не разжиться, вот и отдал свое добро на сторону. Ну да от нас не убудет. Как-нибудь без кузни жили и ещё проживем. Ну, хитрец!

- Когда отправляетесь? – спросила она вслух.

- Да вот поутру и побреду.

- Что, пешком?

- А что такого? Если с первыми лучами выйти и нигде не останавливаться, то, глядишь, затемно, но на месте буду.

Скатертью дорожка, думала Шелта, отнимая сына от груди и поворачивая раскрасневшимся личиком к улыбающемуся деду. Хид весь в тебя пошел. Ему тоже дома не сиделось. Вот и доходился. Ещё наглость имеет нас собой звать. Внука прикидывается, что любит. Любил бы, не отдал дом первому встречному. Сам ко мне пришел! Знаем, как сам. Наверняка воспользовался своим положением, пустил молву, да и сбавил кузню тому, кто больше за неё предложил. Иного и не ожидала. Пора прощаться...

- Уже уходите? – засуетился Хоуэн, когда через некоторое время Шелта встала из-за стола и забрала из его рук описавшегося Локлана. – Может, переночуете?

- Нет, мы и так у вас засиделись, - поддержала подругу Мев. – Вы ещё как будто не собирались.

- Да мне и собирать-то нечего, - отмахнулся старик. – Посидите ещё. Вон вода в кадке. Умой малыша ею.

- Так это вы, значит, что, на горбу завтра все свое орудие кузнечное похрячете? – предположила Мев, в голосе которой внимательный слушатель наверняка уловил бы злорадство.

- Отчего же? Всё тут в основном и останется. – Хоуэн помогал Шелте, держа под мышки визжащего малыша. – Я в Торни уверен. Он умеет этим пользоваться. У них в туне, куда я иду, сказывают, такого добра немало. Так что им там важнее мои руки, а не молоток.

- И связи, полагаю, - добавила Мев, отправляя в рот вкусное печенье со стола.

- Ну, тут уж чего не отнять, того не отнять, - хохотнул в бороду Хоуэн. – Те из наших, кто не поддался на подношения и угрозы, ещё могут постоять за себя. Пока в наших руках много железа. Если понадобится, направим его на тех, кто мешает нам жить.

- Загадками говорите. – Шелта обтёрла сына чистым полотенцем и положила на сундук пеленать. – Затеваете что ли что?

- Я-то нет, но вообще могу вам под большим секретом сказать, что да, когда добрые и храбрые люди собираются вместе, жди перемен.

- Хорошо, когда ваши перемены происходят где-нибудь подальше, – нахмурилась Мев, которой не терпелось удалиться восвояси. – Мы в Шелтой живём просто, никого не трогаем, и нас, надеюсь, никто трогать не будет.

- Я бы тоже этого вам желал. Но боюсь, что теперь не то время, чтобы кому-то удалось отсидеться. С оружием в руках больше возможностей выжить.

- Или получить стрелу между ребер.

- Но зато понятно, за что. А так люди сегодня гибнут лишь потому, что не желают проснуться.

- Вы это уже говорили, вита Хоуэн.

- И готов снова повторить! Пускай вашим оружием будет не лук или кинжал, а внимательность и проницательность. Тогда вы хоть заметите, когда начнет происходить необратимое.

- Что происходит?

- Необратимое. Я это так называю.

- Вот Закру не любите, а говорите, как она.

- Я не говорил, что не люблю её. Вы вон тоже, небось, её любить не спешите. Да и за что её любить или не любить? Старуха как старуха. Только по мне так брешет много. А вот людей, которые молотят, сами не зная что, я не люблю. Может, все-таки пойдете со мной? – Хоуэн наблюдал за внуком, и теперь в его выцветших глазах читалась грусть.

Шелта хотела было что-то ответить, но Мев поспешила её прервать, сказав:

- Поближе к шеважа? Нет уж, благодарствуем. Нам таких соседей как-то за ненадобностью. – Она встала. – Пойдем мы, пожалуй. Надеюсь, свидимся ещё. Вы говорили, у Тэрла в туне будете?

- У него самого. Я ему когда-то неплохой меч выковал. Уж он-то точно старика не обидит. Пошли что ли? – Он растеряно огляделся, словно ища, чем бы задержать гостей. Уже в дверях добавил негромко: - Вы меня простите, если что?

- Если что? – не поняла Мев.

- Ну, что кузню на сторону отдал. – Хоуэн откашлялся. – Так оно все-таки полезнее для всех будет.

- Да мы не... - смутилась Шелта.

- Знаю, знаю. Будто невдомёк мне, зачем приходили. – Он потрепал Шелту по волосам и подмигнул Мев. – Стар да не глуп. Ладно, берегите себя и его. Ишь ты темень уже какая!

Закрыв за гостями дверь, Хоуэн, не теряя времени, стал торопливо собираться. Ни о какой помывке уж и речи не было. Развлекли они его, но и отвлекли нещадно. Теперь бы не опоздать.

Он наскоро оделся, запер тяжелый входной засов, прошел через сени в кузницу и вышел через боковую дверь, накинув на железные колки несколько хитрых кожаных петель. Воровать не обворуют, но беречься не помешает. Ниерактовскому хозяйству эвон как досталось. Не хранил бы свои сбережения в потайном месте, мерги за здорово живешь все бы растащили, пока дом обыскивали. Своим гостям он, разумеется, не сказал, что в весточке от Ниеракта была ещё и просьба забрать надёжно спрятанные в поясном мешке силфуры и прихватить с собой, когда он решится отправиться к Тэрлу. Хоуэн без труда нашел под половицами соседской избы означенный мешок и теперь носил на себе, под шубой и рубахой, привыкая к приятной тяжести. Собственные деньги он решил покамест не брать, поскольку, во-первых, в туне они едва ли ему пригодятся, а во-вторых, он все-таки не беглый гончар Ниеракт и ещё надеется сюда возвратиться, когда понадобится.

Петляя между избами, Хоуэн спешил на собрание сомода. Кто знает, быть может, последнее на его веку. Нужно было напоследок повидаться со старыми во всех отношениях друзьями, раздать необходимые указания, выслушать напутствия и лишь тогда, с успокоенной совестью, отправляться в путь, который, в чем Мев была права, предстоял долгий и непростой.

Кстати, разговаривая с ней, он слукавил. В том, что Торни пришел к нему. На самом деле, прошлый сомод постановил, что Хоуэн, уходя, должен передать всё свое хозяйство именно ему. Потому что за последнее время, не без помощи Ротрама, Торни превратился во влиятельного кузнеца и хозяина уже двух кузнечных дворов и одной плавильни. Хоуэн знал ещё его отца, рукастого мастера, бравшегося за любую самую сложную ковку, кроме оружия. В отличие от него Торни с детства оружием бредил, а потому, едва научившись держать молот, стал бегать от отца по соседним кузням, где ему всегда были рады, помогать и перенимать искусство, и довольно скоро у него стало неплохо получаться. Изготавливая мечи, наконечники для стрел и копий, луковницы для палиц и затейливые шлемы с кольчугами, Торни не преминул всё это испытывать собственноручно да так поднаторел, что в итоге оказался весьма неплохим воином, как показали недавние состязания между бойцами за деньги. «Кровь героев»... К героям Торни

уж точно себя не относил. Хоуэну он по-прежнему нравился своей простотой и открытостью, правда, бремя навалившихся забот делало некогда словоохотливого и разбитного парня более собранным и серьезным. Тем охотнее Хоуэн вверял ему свое хозяйство.

Он прошел через ворота в Стреляных Стенах, где его хорошо знали и даже не окликнули, миновал несколько проулков и вышел на широкую дорогу, изгибающуюся вдоль канала. Только тут он спохватился, что, подгоняемый мыслями, идет напрямик к Торни, тогда как сегодняшний сомод собирался вовсе не у него, а в доме самого Ракли. Напрасно он делал этот крюк. Теперь наверняка опоздает. Ну да делать нечего.

По пути его нагнала красивая девушка, в которой он без труда признал сладкозвучную певунью Феллу, в свое время скрасившую им не один сомод. Рядом с ней шел вприпрыжку её маленький брат Том, которому Хоуэн однажды подарил железного виггера-свера собственной работы.

- Какими судьбами, вита Хоуэн? – искренне обрадовалась нечаянной встрече Фелла, поправляя вязаной варежкой сползшую на лоб такую же вязаную шапочку, которая очень ей шла. – Помнится, вы собирались далеко отсюда быть.

- Всё-то ты помнишь, шалунья, - с удовольствием похлопал он девушку по изящной спинке и наклонился к Тому. – Не потерял вояку-то моего?

- Не твоего, а моего, - уточнил малец. – Ты мне его отдал. Никуда я его не потерял. Он с нами живёт.

- Том! – воскликнула Фелла.

- Ну что!

- Как ты говоришь?

- Вот и славно, что не потерял, - выпрямился Хоуэн. – Значит, тебе можно доверять заботу о друзьях.

- Ещё как можно! А у тебя таких виггеров ещё есть? В смысле, больше нет?

- Том!

- Того я специально для тебя сделал. – И добавил, вспомнив вопрос Феллы: - Как раз завтра поутру отправляюсь. Рад был нашему знакомству. Эх, был бы я помоложе...

- Вы и так ещё хоть куда, - рассмеялась девушка, явно привыкшая к подобному обращению.

- Вы случаем не к Ротраму направляетесь? – поинтересовался он, только сейчас замечая, что она держит за спиной мешок, в котором лежит что-то плотное и легкое. – Если я не ошибаюсь, это твои линги?

- Они самые. Как вы догадались, вита Хоуэн? Насчет Ротрама. – Она уже шла рядом, оглядываясь на подотставшего братца.

- Значит, нам по пути, - оживился старик.

- А вы разве тоже где-то тут живете?

- Если бы! Просто забрел в ваши края по ошибке. А не забрел бы, тебя бы не повстречал. Как поживаешь, красавица? Всё песни складываешь?

- Да уж их у меня поднакопилось столько, что как-то за ненадобностью. – Белизна шапочки только подчеркивала золотую, почти рыжую красоту длинных волос Феллы. – Мне тут ещё недавно несколько новых напели, так что сочинительство я покамест забросила.

- Кто же это тебе напевает? Ухажёры, небось?

- Их у неё хоть отбавляй! – нагнал их шмыгающий носом брат. – Один хуже другого.

- Том!

- Лучше Валбура у тебя никого нет.

- Я уж как-нибудь сама разберусь, хорошо?

Хоуэну почему-то вспомнились его мертвые сыновья, и мелькнула мысль, что если бы не жена, слишком рано состарившаяся по собственному желанию, он родил бы ещё и дочь, она бы всё ещё жила и вот так же, как Фелла, разгуливала сейчас по Вайла'туну, радуя глаз встречным мужчинам.

- А ты не рановато к Ротраму идешь? – поинтересовался он. – Раньше ты вроде бы к самому концу наших посиделок приходила.

- А я и не тороплюсь. Это вам поспешать надо, вы, думаю, опаздываете.

- Да, вот... Запомнил, что мы нынче не у Торни. – Он тронул девушку локтем. – Глянь, что это он на тебя так пристально уставился?

Они как раз собирались сворачивать с широкой дороги, огибавшей канал, в тесный проулок, а сутулая фигура торчала впереди. Дырявая улыбка на ухмыляющимся лице показалась Хоуэну чем-то знакомой, но не настолько, чтобы вспомнить.

- Тэвил... - вырвалось у Феллы. – Это один мерзкий фра'ниман, который никак не отстанет от нас с Томом.

- Я его не боюсь, - подбоченился её брат, но как-то не очень уверенно. – Валбур ему уже раз навалял хорошенько, ещё отвесит.

- Том, не дразни его! – Она торопливо закрыла лицо мальчишки варежкой, чтобы тот не успел показать язык. – Пошли быстрее.

- Что ему надо? – посерьезнел Хоуэн. – Домогается?

- Ну да, до денег. На днях тут Тома побил...

- Ага, попытался! Потом сам не обрадовался.

- Помолчи, сделай милость! Твой Валбур сам знаешь, где теперь из-за тебя.

- Из-за тебя! Он, между прочим, в тебя влюбился, а не в меня.

- Том!

Фра'ниман просто стоял, оскалившись беззубым ртом и не предпринимая никаких попыток приблизиться, так что Хоуэн подтолкнул

девушку вперед в проулок, пропустил следом за ней брата, а сам на всякий случай пошел сзади.

В молодости ему приходилось драться, но с тех пор минуло уже немало спокойных зим, да и не благодарное это занятие – валить прислужников замка. У них всегда водятся соглядатаи, готовые чуть что прийти на помощь, а если твоя вина будет доказана, гадостей не оберешься. У него был один знакомый ткач, который отказывался платить гафол и ходил гордым голубем, пока однажды к нему ни нагрянули несколько таких вот сутулых и рукастых и ни утащили на разборки не то в замок, не то напрямиком в каркер. Вернулся бедный ткач не скоро, ничего про свои злоключения рассказывать не стал, но с тех пор платил, как все, исправно.

Сзади за ними никто вроде бы не увязался. Проулок был узкий. Хоуэн снял шапку, чтобы лучше слышать в окружавшей их темноте, однако никаких лишних звуков не долетало. Только снег под ногами поскрипывал.

- Том, а кто этот Валбур, которого ты так расхваливаешь?

- Мой хороший приятель. Видел бы ты, как он этому уроду надавал! Он вроде твоего виггера-свера, только не в доспехах и без оружия. Но здорово бьет!

- Его этот Улмар со своими людьми прямо из моего дома за это умыкнули.

- За ними такое не залежится...

- У меня как раз полно гостей в тот вечер было. Так никто даже не посмел вступить. Можете себе представить?

- Могу. Эти фра'ниманы теперь явно силу набирают. – Он хотел было рассказать про злополучного ткача, но передумал. – Как, говоришь, его зовут? Улмар?

- Урод! – подсказал Том.

- Да, Улмар. Вы с ним знакомы?

- Нет, но думаю, что где-то его видел.

Они миновали неприятный проулок и вышли на свет факелов, озарявших одну из немногих широких дорог в этой части Вайла'туна. Дорога должна была привести их напрямиком к дому, вернее, поместью Ротрама.

- А ты Валбура знаешь? – поинтересовался Том.

- Нет, кажись. А что?

- У него, как у тебя, руки здоровенные, но только он ещё и как моя сестра петь умеет. И на инструментах разных играет. А ты петь умеешь?

Фелла махнула рукой на прямоту брата и даже не стала его укорять за невежливость.

- Пою, как и все, - сознался Хоуэн, продолжая поглядывать по сторонам. – А играть нет, не играю. Когда-то была у меня дудка, но я её сломал. Надавил слишком сильно, она и треснула.

Чутье его не подвело.

Не прошли они и десяти шагов по освещенной, но уже опустевший в столь неурочный час дороге, как слева, из-за угла избы им наперерез, правда, вразвалочку, вышли двое. Высокие, в длинных плащах и с капюшонами, надвинутыми ниже глаз, отчего вместо лиц видны были только бороды. Хоуэн машинально оглянулся, и заметил, что чуть позади, на сей раз справа, при свете факелов к ним также не спеша приближается ещё одна пара в капюшонах. Улмара среди них не было, он прятался где-то в тени, но это обстоятельство утешало мало. Хоуэн был безоружен и стар, а противников было четверо, и под полами плащей у них наверняка скрывалось что-нибудь длинное и острое.

Фелла оторопело попятилась. Она ещё не видела, что происходит сзади.

Хоуэн удержал её за плечо и, стараясь придать голосу уверенность, сказал:

- Не останавливайся. Идём дальше.

Он рассчитывал на то, что впереди, справа, в их улицу вливалась ещё одна, почти такая же широкая, куда можно было бы свернуть. Зачем? Это уже другой вопрос, на который у него пока не было ответа. В любом случае, если намерения незнакомцев окажутся решительными, а сомневаться в этом не приходилось, лучшей защитой будет спасение бегством. Наступавшие спереди отсекали им прямую дорогу к Ротраму. Значит, можно попробовать уйти вправо. Это куда лучше, нежели поодиночке нырять в узкие проулки между избами. Он не подумал о том, что преследователям простор только облегчит задачу. Не подумал потому, что испугался. И за себя, и за девушку, которая невольно никла к нему, отказываясь слушаться и идти вперед...

Не растерялся один только Том. Пользуясь тем, что люди в капюшонах не спешили, уверенные в своей безнаказанности, он со всех ног припустил как раз туда, куда собирался бежать Хоуэн, но только при этом он ещё и заорал во все горло:

- Караул!! Грабят!!

Что он такое кричит, мелькнуло в голове у Хоуэна. Народ нынче пуганый и на такой призыв едва ли бросится на помощь. Если хочешь, чтобы люди высыпали на улицу, надо вопить «Пожар!». Однако Том уже был слишком далеко, чтобы его услышать, а сам Хоуэн кричать почему-то не спешил. Не то от страха, не то от затаившейся где-то в глубине гордости в присутствии красивой спутницы, которая вправе была ожидать от него более мужественных действий. Он толкнул её себе за спину и развернулся боком так, чтобы видеть приближающуюся парочку справа и одного из налетчиков слева. Четвертый, сыпля проклятиями, бросился наперерез Тому. Мальчишка чудом вывернулся, метнулся в сторону, и чуть было ни угодил под полозья вылетевших из-за поворота саней, запряженных двумя дымящимися рысака-

ми. Фелла вскрикнула. Том успел прыгнуть вперед, в пространство между задними ногами коней и санями, его преследователь замер по эту сторону, а сани занесло, и они резко остановились, подняв снежные брызги и отгородив охотника от его жертвы.

Сани были крытые, вроде повозки.

Когда они встали, навстречу человеку в капюшоне, машинально выхватившему из-под полы не то короткий меч, не то длинный кинжал, с подножки соскочили двое добрых молодцев внушительного роста. Один был широк в плечах и серьезен. Другой – длинноволос и улыбчив.

- Чего к мальцу пристаешь? – поинтересовался длинноволосый.

- Не лезь не в свое дело, - вызывающе бросил капюшон, оглядываясь на торопливо приближающихся приятелей. Все трое тоже перестали таиться и повытаскивали оружие.

Про Хоуэна и Феллу нападавшие на время забыли. Они безошибочно поняли, что сперва нужно разделаться с подросшей откуда ни возьмись помощью, а уж дрожащего старика с перепуганной девицей можно оставить на закуску.

- Кажется, нам предлагают размяться, - весело заметил длинноволосый, и крикнул, обращаясь к невидимому пока вознице. – Биртон, подбрось-ка чего-нибудь поострее!

Если бы Фелла стояла ближе, она бы услышала знакомое имя и поняла, что они спасены. А так она лишь прижималась к Хоуэну и смотрела во все глаза на происходящее.

Тем временем возница не заставил себя просить дважды, и из саней под ноги смельчакам упали две тонкие жерди.

- Это всё? – поинтересовался Бокинфал, бросая взгляд на Валбура, который, казалось, даже не заметил оружия, так пристально он рассматривал троих противников.

- Недостаточно? – удивился Биртон, показываясь из-за откинутого полога. – Их же всего трое.

Капюшоны слышали их странный разговор, но выводов никаких не сделали. Они, вероятно, слишком уверовали в свои силы, услуги их были щедро оплачены, а ростом они ничуть не уступали ни этому волосатику, ни его угрюмому собрату. Проявлять решительность было для них обычным делом. Тем более при численном перевесе. Потому что кучер вовсе не спешил присоединиться к двоим товарищам.

Бокинфал со знанием дела крутанул палку над головой, и она послушно загудела, сбивая на лету неторопливые снежинки.

- В прошлый раз, - громко проговорил Валбур, обращаясь к противникам, - я из-за таких, как вы, загремел в каркер. С тех пор я поклялся, что никогда не буду оставлять вас недобитыми. Поэтому у вас сейчас есть два выхода. Можете убрать ваши ножики и уйти, как если бы ничего не было. Или напасть на нас. Но тогда я вам обещаю, а мои друзья подтвердят: живым не уйдет никто.

В этот момент откуда-то из-за дальних изб раздался охотничий свист. Капюшоны переглянулись, словно не веря своим ушам. Потом развернулись и почти бегом один за другим скрылись в ближайшем проулке.

Кто-то ухватил Валбура за ноги, да так сильно, что он чуть не повалился. Наклонившись, он сгреб в охапку восторженного Тома.

- Фелла! – кричал мальчишка. – А что я тебе говорил! Он жив и здоров! Иди сюда, глупая! Погляди, кого я тебе снова нашёл!

- Вижу, мой подарок пришелся вам в пору, - смущенно улыбнулся Валбур, когда Фелла, забыв про старика, подбежала к ним и остановилась в нерешительности, не зная, что сказать в качестве благодарности и с кого начать.

- Приветствую, - по-будничному кивнул ей Бокинфал, отчего сразу стало ясно, что они знакомы. – К нам что ли?

- Что ли к вам...

- Валбур, как ты от этих идиотов выкрутился? – продолжал тем временем шуметь Том. – Мы с сестрой думали уже идти тебя разыскивать. А ты тут сам объявился. И снова нас спас! Как я рад тебя видеть! Фелла, ты рада его видеть?

- Рада, - честно призналась девушка и на мгновение остановила взгляд больших глаз на смущенном лице фолдита. – Как вам удалось выпутаться? Мы не...

- Я тебе потом эту интересную историю расскажу, - сказал Биртон, выглядывая со своего места и делая знаки старику, чтобы тот тоже подошел. – Или ты думала, что твои друзья все беспомощные.

- Биртон! – обрадовалась Фелла, и Валбуру показалось, что даже больше, чем ему. – Так вы тоже к Ротраму?

- Ну, разумеется? Мы и так в дороге подзадержались. Так что не давайте нашим усталым коням остыть, садитесь, места всем хватит, добросим вас. На сомод что ли? – уточнил он, узнав Хоуэна.

- Я уж думал, что вместо сомода попаду нынче напрямиком в объятья Квалу... - пробурчал кузнец. – Вовремя вы, ребята, подросли.

- Я бы Квалу не стал поминать, - заметил Бокинфал, помогая Фелле взобраться на сани. – Она не из наших.

- В каком смысле? – поинтересовался Валбур, перебрасывая через борт смеющегося Тома.

- Потом как-нибудь расскажу. Есть догадки, - неопределенно ответил бывший писарь. – Ну что, все сели. Биртон, трогай!

Оставшийся отрезок пути до дома Ротрама они на все лады обсуждали произошедшее. Фелла рассказала, что нападению людей в капюшонах предшествовала их встреча со всё тем же неуёмным Улма-ром, который уже однажды оставил её без честно заработанных денег, потом побил Тома и в конце концов стал причиной неприятных воспоминаний Валбура о каркере. Заслышав это, Валбур предложил по-

вернуть назад, отыскать его где-нибудь там, среди изб, и раз и навсегда покончить с этим вопросом.

- Потом мороки не оберешься, - резонно заметил Биртон, прислушивавшийся к их разговору.

- Ну и Тэвил с ним! Зато он от Феллы отстанет.

- Если ты вознамерился его укокошить по-настоящему, замок это так не оставит.

- Не обязательно, - возразил Бокинфал, открыто любуясь сидевшей напротив девушкой. – То, что он сейчас делает, этот ублюдок затеял из корысти, а вовсе не по воле замка. Судя по его дружкам, вам грозила серьезная опасность. А это уже выходит за все дозволенные рамки.

- Сейчас много что за рамки выходит, - согласился Валбур, вспоминая собственные недавние приключения. – И если не положить этому конец сразу, зараза разрастётся.

- Поворачиваем? – подытожил Бокинфал.

- Нет, - ответил Биртон, продолжая править санями и не оглядываясь. – Ротраму я сам всё расскажу. Тогда и решим, что делать. А пока нас ждут. Так что, друзья мои, придется потерпеть.

- Я знаю, где он живет, - заговорчески сообщил Том, наклонившись к уху Валбура.

- Кто?

- Улмар. Я его однажды выследил. Давай как-нибудь вдвоем туда проберемся и избавим от него мою сестру.

- Шептаться нехорошо, - напомнила Фелла.

- Хорошо, - согласился Том. – Могу сказать при всех, что ты теперь в этих варежках и шапке, которые тебе Валбур подарил, чуть ли не спать ложишься.

Девушка всплеснула руками и попыталась ухватить Тома за воротник, мужчины дружно рассмеялись, все, кроме Валбура, который понимал, что краснеет, и от того краснел ещё сильнее.

- А я и не знал, что вы знакомы, - пришел ему на помощь Бокинфал.

- Ещё бы, - вздохнул продолжал Том, отбиваясь от сестры, - ведь это из-за нас его тогда схватили и куда-то уволокли. И теперь мы оба рады, что он снова на свободе. Правда, Фелла?

Девушка махнула рукой и тоже засмеялась, не глядя на Валбура.

- Как любят говорить многие мои знакомые, - сказал Бокинфал, - Торлон тесен.

- Так оно и есть, - согласился Хоуэн. – Окажись это не так, мы бы сейчас валялись в снегу с дырками в брюхе.

- А то бы ты с ними не справился! – подзадорил старика Том.

Хоуэн покачал головой.

- Прошло моё время. Одного бы ещё, может, отбил как-нибудь, но остальные трое меня бы точно уложили. Непростое это дело. Драться надо, пока молод. Когда ты стар, остается только думать.

- Думать не мешает всегда. – Бокинфал выглянул из-под навеса. - Подъезжаем.

Сани въехали в раскрывшиеся перед ними ворота, за которыми в темноте виднелись фигуры двух стражей. Снова можно было почувствовать себя в безопасности. Остановились лишь перед самым крыльцом центральной избы. Их никто не встречал. Вероятно, сомод и вправду уже давно начался.

- Вы ступайте ужинать, - распорядился Биртон, обращаясь к Бокинфалу и Валбуру, - а я покамест провожу наших гостей. И пусть накроют на меня тоже – я скоро к вам присоединюсь.

- Я пойду с ним, - сказал Том, цепляясь за руку смущенного друга. – Фелла, когда будешь уходить, заberi меня, ладно?

- Что-то я очень сомневаюсь, что вам сегодня стоит возвращаться домой, - заметил Биртон. – В любом случае, я потом переговорю с Ротрамом, и мы решим, что делать. Думаю, вы пока останетесь тут.

Фелла перехватила взгляд Валбура. В нем ожила надежда, и девушка смело приняла его и ответила улыбкой.

Хоуэн с интересом наблюдал за ними исподтишка и думал, что юная красавица явно не равнодушна к своему двойному спасителю. Уж слишком она это тщательно скрывает. Наверняка он ей весьма симпатичен, и перспектива провести ночь под одной крышей представляется многообещающей им обоим. Парень, правда, крайне стеснительный, судя по всему, из простаков, быть может, даже из фолдитов, но если надумает проявить настойчивость, определенно своего добьется. Везёт молодым! Всё-то у них ещё впереди. А нам, старикам, остается только дрожать от страха: как при виде вооруженных грабителей, так и при виде прекрасных дев с синими глазами. Сейчас, при свете факелов, они кажутся частицами зимнего неба...

- Идем, - оборвал он сам себя и взял Феллу под локоть. – Инструмент не забыла?

- Смотри, чтобы мне потом не пришлось тебя искать, - предупредила она брата, оглядываясь уже с порога.

- Найдешь Валбура – найдешь и меня, - многозначительно ответил Том и помахал ей рукой.

Хоуэн бывал у Ротрама лишь однажды, когда тот приглашал его и ещё нескольких доверенных кузнецов обсуждать возможности дополнительных заказов оружия для нужд замка. Хоуэну та встреча была памятна тем, что до неё он, по рассказам общих знакомых, представлял себе Ротрама человеком крайне независимым, если не сказать своенравным, далеким от Ракли настолько, насколько может быть далёк человек, промышляющий тем же, что составляет основу тамошней власти. Но Ракли к тому времени уже не стало, вместо него теперь в

замке распоряжались его бывшие военачальники, и им оружие надобилось в ещё больших количествах. Можно подумать, в Вайла'туне ни с того ни с сего прибавилось виггеров, способных с ним обращаться! Но кузнецы знали Ротрама хорошо, слов на ветер он отродясь не бросал, так что не верить ему, когда он называл точные количества шлемов, кольчуг, мечей, наконечников для стрел и арбалетных дротиков, причин не было. Тем более что и платил он всегда исправно и в срок.

В тот раз они тоже сидели в одном из покоев этого высокого терема, бревенчатые стены которого тогда ещё пахли свежесрубленной древесиной, горячей глиной очага и душистыми грибами вперемежку с развешенными для просушки травами. Ротрам ведь не сразу богачом заделался. Говорят, он был родом чуть ли не из фолдитов, но сумел найти своё место в жизни и вот теперь пожинал плоды удачных решений. Из разговора за закрытыми дверьми стало понятно, что Ротрам не просто вхож в замок и даже в Меген'тор – его центральную башню, а имеет там прочные связи и высоких покровителей, которые дают ему возможности и хорошие деньги на оружии зарабатывать, и терема посреди Вайла'туна возводить. Раньше он если и принимал участие в заседаниях их сомода, то далеко не во всех, и сидел скромно, поодаль от остальных, говорил мало, в основном слушал и, как правило, всегда соглашался. Однако, начиная с той достопамятной первой встречи под собственной крышей, Ротрам повел себя смело, по-хозяйски, так что вот уже второй или третий раз сомод собирался у него в новом доме. Хоуэн прошлые разы пропустил – то Хида, сына погибшего оплакивал, то болел, чего с ним прежде никогда почти не случалось. Так что, можно сказать, сегодня он явился сюда впервые. В качестве бывшего старейшины, или аола, как их называли в тунах.

Потому что теперь его место занял не кто иной как Торни, которому он заповедовал свою кузню.

Старейшиной Торни можно было назвать с большим натягом. В кузнечном деле он весьма поднаторел, этого у него было не отнять, однако аолами мастера становились не потому, что умели что-то делать лучше других, а потому что достигли определенного преклонного возраста и были ценны не только своими руками, но и наставлениями, опытом, за который и пользовались всеобщим уважением среди знающих людей. Торни же был ещё довольно молод и желание делиться опытом с другими из него исходило не слишком, однако он в какой-то момент тесно сошелся с Ротрамом, и тот недавно предложил выбрать старейшиной именно его. Вместо Хоуэна. Который как раз сказался больным, чтобы не показывать вида, будто расстроен. Собственно, он и не обижался. В свое время старейшиной его сделали, не спросив согласия, так что Хоуэн честно нёс это бремя без особого желания.

Всего в сомодe было трое старейшин. По количеству тех ремесел, из применения которых в итоге слагались кастрюли, силфуры да ост-

рые мечи. Один представлял кузнецов. Второй – плавильщиков или литейщиков, как их ещё называли. Третий – рудокопов. Когда-то давно обходились двумя, поскольку кузнецы сами могли прекрасно справляться с той рудой, которую им доставляли из сперва соседних, а потом и далеких рудников. Но с появлением денег, которых не приходилось обрабатывать молотком, а достаточно было вынуть слиток серебристого металла из маленькой формочки, плавильщики стали приобретать определенный вес и постепенно заняли свое достойное место среди остальных мастеров. Считалось, что они тем самым заодно облегчили труд кузнецов. Чего, разумеется, никто из кузнецов не почувствовал, но и возражать по простоте душевной не стал.

- Не туда, - прервал его размышления Биртон, заметив, что старик с девушкой направляются вглубь покоев, и указал на красивую лестницу сбоку. – Они сидят на третьем ярусе.

Третьего яруса не было ни у кого. Во всяком случае, ни у кого из знакомых Хоуэна. За всю свою жизнь он лишь однажды поднимался на второй ярус обычного жилого дома, чтобы оглядеть оттуда крыши соседних изб и поинтересоваться у хозяина, как он не боится на такой высоте ночевать. Да и холодно там, особенно зимой. Очаг же с земли туда не поднимешь. А тут ещё и третий ярус...

Превозмогая робость и послушно следуя за стройными ногами девушки, которая даже не подумала пугаться, Хоуэн осторожно преодолел два пролета лестницы и вошел в некое подобие сеней, откуда слышались приглушенные голоса в комнате, отделенной тяжелым, похоже, синим занавесом. Там явно спорили. Нагнавший их снизу Биртон вежливо предложил Фелле пройти в покои напротив и подождать какое-то время там. Старика же он подтолкнул вперед и откинул перед ним полог.

В полутемной комнате за круглым столом сидело семеро. Все разом замолчали и повернули головы к новоприбывшим.

- Мы попали в небольшую переделку, - ничуть не смутившись, пояснил Биртон. – Поэтому вита Хоуэн был вынужден опоздать.

Он наклонился к уху Ротрама и шепнул, что Фелла тоже здесь. Ротрам дружески похлопал его по руке и отослал взглядом. На заседания сомоды посторонние не допускались.

Хоуэн, не дожидаясь приглашения, обошел стол и сел на единственное свободное место. Обвел приветливым взглядом собравшихся. Все по очереди ему кивнули. Также приветливо. Это были люди, которых он знал уже много зим и на которых всегда мог положиться. Прочие давно занимались каждый своим делом, стараясь не обращать внимания на стареющий сомод. Торни был тут самым младшим.

- Извини, что начали без тебя, - сказал он, и Хоуэн смекнул, что сегодня он руководит собранием. – Надеюсь, ничего серьезного не произошло?

- Нет, - почесал бороду старик. – Сперва я запомнил, что мы решили встретиться здесь, и почти дошел до тебя, ну а потом по пути сюда меня чуть не зарезали какие-то лихие ребята. Квалу успела даже зубами лязгнуть. Если бы не твои крепкие парни, Ротрам, думаю, мы бы с вами уже не свиделись.

Все озадаченно переглянулись.

- Ты что, Хоуэн, серьезно? – переспросил аол рудокопов Густ и закашлялся.

- А я несколько не удивлен, - стукнул ладонью по столу Уверт, его помощник. – Скоро внутри Стреляных Стен будет так же опасно жить, как на опушке Пограничья. Разве мы не об этом сейчас толкуем, когда говорим, что должны принимать меры против самозванных кузнецов, которые отнимают у нас кусок хлеба? Хоуэн правильно сказал: «лихие ребята»...

- Ну, я бы не стал называть их «самозванными», - возразил Торни, бросив взгляд на Ротрама. – Они ведь, как мы знаем, владеют ремеслом и делают такие вещи, которые продаются на рынке.

- То-то и оно, - возмущенно затряс бородой Уверт.

- А если бы они были самозванными и делали свое дело плохо, - продолжал Торни, - их товар никто бы не стал покупать. Так что кузнецы-то они кузнецы, вот только трудятся себе в кошель, а не на общее наше благо.

Хоуэн сразу понял, о чем тут речь. Раньше, когда всё в Вайла'туне было ясно и просто, когда враг был один – шеважа, военачальник один – Ракли, а до него – Гер Однорукий, а до него – Балдер Отважный, когда мерги и остальные виггеры следили за общим порядком, а не прислуживали замку, когда фра'ниманы, то есть «отнимающие», ещё назывались ана'хабанами, то есть «собирающими», поскольку не лишали людей последнего, а взымали положенную плату за то, чем человек пользовался, получив от замка, скажем, лошадь, причем собранные деньги шли не невесте на что, как нынче, а на прокорм этих самых виггеров, так вот, раньше у вабонов была совесть, и ни один кузнец даже не думал о том, чтобы действовать в обход сомоды. Был порядок. И всем от этого было хорошо. Теперь же порядки устанавливает кто угодно, каждый начинает делать, что хочет, совесть запрятана на дно самого глубокого сундука – и Уверт, к сожалению, прав: всё взаимосвязано.

- Как бы то ни было, - снова заговорил Густ, - я настаиваю на том, что таким кузнецам сомод должен оказать противодействие. Во благо всем.

- И как ты намерен это сделать? – поинтересовался молчавший до сих пор Перит, аол литейщиков. – Убивать их что ли, как убили Атмара?

Торни, Уверт и Густ с упреком посмотрели на него.

Недавняя гибель Атмара и его старшего сына Гвидана, тела которых были обнаружены охотниками на краю леса в черте Вайла'туна, стала всеобщим горем. Как бы ни изменились времена и нравы за последнюю зиму, смерть мирных жителей всегда воспринималась вабонами как нечто из ряда вон выходящее. Атмар и его сын были хорошими кузнецами, причем они по большей части изготавливали вовсе не оружие, а домашнюю и кухонную утварь, так что никак не могли оказаться втянутыми в издавна существовавшие распри между оружейниками; следов поединка, по словам охотников, на том месте не было; смерть обоих произошла от точных ударов ножом, так что произошедшее, по общему мнению, больше смахивало именно на убийство, нежели на стычку с обнаглевшими в последнее время лесными дикарями.

Кроме Атмара с сыном, говорят, там же были найдены точно также заколотый труп одного бывшего рыбака, занимавшегося последнее время извозом на собственной телеге и помогавшим на стройке большой печи для обжига глины, которая находилась в противоположной стороне Вайла'туна, возле глиняного карьера. А также мертвое тело красивой женщины по имени не то Т'амана, не то Атамана, за которой, как слышал Хоуэн, сразу же примчались озабоченные сестры из Обители Матерей. Было непонятно, что свело вместе этих столь разных людей. И кому понадобилось так жестоко с ними расправляться. Именно поэтому горе стало всеобщим. И что с того? Поплакали, погоревали, попросились, но виновных так и не нашли. Если даже искали. В чем Хоуэн сильно сомневался. Хотя, кажется, ту женщину знал сам Ротрам. Правда, было бы странно, если бы он её не знал.

- Простите, если я что не так сказал, - поспешил добавить Перит, читая во взглядах собеседников откровенную неприязнь. – Но вы же понимаете, что я имею в виду. Тех, кто отбил от рук, мы уже не остановим и не вернем вспять. По-моему, это ясно.

- А что по этому поводу думают рудокопы? – перевёл Торни просительный взгляд на Густа. – Без ваших рудников встанут все кузни. Разве не вы отвечаете за распределение?

- Отвечали, - резко поправил его Уверт.

Густ накрыл его руку своей заскорузлой ладонью, призывая к сдержанности.

- Я понимаю, к чему ты клонишь, - сказал он. – Мы добываем руду и можем, как раньше, ни с кем ею не делиться.

- Кроме нас, - поправил Перит.

- В том-то и дело. – Хоуэн заметил, что Густ тоже нет-нет, да и бросал взгляд на Ротрама, спокойно слушающего беседу. – От нас литейщики забирают всё, что мы достаем на поверхность. Это соблюдается неукоснительно.

- Да, насколько тебе об этом известно, - заметил молчавший до сих пор помощник Перита, которого звали Вори, и который отличался

тем, что до седин сохранил прекрасные зубы, составлявшие извечный предмет его гордости. Поэтому, всякий раз открывая рот, он старался изобразить на морщинистом лице улыбку. – А вот до нас не так давно дошли сведения, будто некоторая часть вашей добычи, минуя нас, идет напрямиком к кузнецам, которые обзавелись всем необходимым, что требуется для превращения нашей руды в заготовки.

- Не столько обзавелись, - хмуро добавил Перит, - сколько достали из подвалов дедовские орудия переплавки. И это уже вопрос к нашему уважаемому Торни.

- Все равно больше чем достали вы, - рассудил Хоуэн, - никто не переплавит. Если только кто-то ни нашел новый рудник, а вам сказать об этом забыл. – Он обменялся понимающими улыбками с Торни, который тем самым выразил ему свою благодарность за поддержку. – Что скажет Белт?

Круглоголовый и совершенно лысый аол «деньжатников» и его худенький помощник до сих пор хранили молчание, держась в тени, отбрасываемой большим колесом, грозно зависшим над столом и служащим канделябром для доброго десятка дружно перемигивающихся свечей.

«Деньжатниками» их было принято называть потому, что они добывали не просто металл, а тот самый, серебристый, мягкий и плавкий, который шел на изготовление, точнее, отливку, силфуров, сделавшихся в последние пятнадцать-двадцать зим основным мерилем всех ценностей, достатка, а также простейшим средством хранить и накапливать богатство, не прилагая к этому особых трудов.

- Белт скажет, что ручается за своих людей, - подумав, заговорил Белт. - Белту, если вы не знаете, вменили с некоторых пор в обязанность кормить целую свору охранников, которых прислали наши новые хозяева замка. Им даже избы плотники выстроили такие, что в них половину Вайла'туна переселить можно и ещё места хватит. Насколько я понимаю, теперь всё, что связано с нашей добычей и последующим изготовлением силфуров, передали в ведение Томлина.

- Ты правильно понимаешь, - проронил Ротрам и снова замолчал.

- Его шавки приставлены для того, чтобы с утра до ночи только и делать, что обыскивать моих людей. Все перевозки только через них идут. На нас как на врагов смотрят. Никогда такого не было.

- Раньше много чего не было, - согласился с ним Густ. – Выходит, по-твоему, мои рудокопы железом на сторону промышляют?

- Но уж точно не мои.

Хоуэн наблюдал за ними, слушал и думал, как же хорошо, что он в конце концов решился на то, чтобы всё это покинуть и отправиться искать счастья и покоя на край света. Старики, некогда его ближайшие собраты, на глазах превращались из добропорядочных мастеров в непрощенных гостей на собственном пиру. Они либо и в самом деле ничего не понимали, либо делали вид, но оттого не выглядели в его

глазах более разумными. Разумеется, руда уходила. Разумеется, покамест находились силы сопротивляться единовластию замка и лишать таких, как этот всемогущий Томлин, пусть небольшой, но довольно заметной доли их выручки и основ богатства. Разумеется, ни один из собравшихся здесь аолов в присутствии других из разных соображений не сознается в том, что водит дружбу с теми, кто даёт возможность трудиться независимым кузнецам, рассредоточенным сегодня главным образом по тунам и отдаленным торпам. Во всяком случае, у самого Хоуэна не предвидится сложностей с тем, чтобы получать столько железа, сколько ему понадобится для снабжения всего поселения Тэрла новым оружием на случай непредвиденных обстоятельств. Точнее, предвиденных, поскольку, судя по весточкам от Ниеракта, там тоже своих тараканов хватает: то мергов нашьют по их души, то втихую убьют кого среди ночи так, что концов не найдешь, то шеважа стыд потеряют и попрут всей гурьбой из Пограничья. Нескучно, одним словом.

- Так что будем решать? – спросил Торни, вероятно, единственный, кто теперь настолько занят своими процветающими делами, что до остального у него руки доходили постольку поскольку.

- Вообще-то я думал, что ты нам подскажешь, – бережно погладил свою лысину Белт и сразу продолжил, словно прочитав мысли Хоуэна: – Мне тут сведущие люди донесли, будто ты тут с некоторых пор не только кузнечным делом занят.

- По-видимому, твои люди ходили в прошлый раз на «кровь героев», – ответил за Торни Ротрам, и взгляд его сделался жестким и колючим. – И правильно. Там было на что посмотреть. – Он покровительственно положил руку Торни на плечо, но сразу же отдернул, сообразив, что в таком месте не стоит перебарщивать. – Если бы ты тоже туда заглянул, то увидел бы, как он достойно стал победителем и получил то, что победителю причитается.

- Это мы все знаем, – спокойно продолжал Белт, глядя в стол перед собой. – Могу только поздравить. Но я сейчас не об этом. А правда ли, Торни, что теперь ты сделался ко всему прочему ещё и командующим полусотни виггеров?

Хоуэн чуть не присвистнул. Оказывается, он не так сведущ, как предполагал. Причем сидевшие сейчас под колесом, похоже, удивились гораздо меньше.

- И что с того? – Голос Торни не дрогнул, но было заметно, что он смущен. Значит, не безсовестный. Это хорошо. – Такова была награда.

- Но ты ведь никогда, вроде, в виггерах не ходил, если мне память не изменяет. – Белт поводил блестящими глазами по соседям, призывая их в свидетели. – А полусотенный – это повышение по службе. С улицы такое место не получишь. Или нет?

- Если вы не против, я поясню, - снова взял слово Ротрам. – Мне вообще радостно слышать, что далекие от этого всего люди уже так хорошо осведомлены о моем скромном начинании.

- Вашем?

Почему-то никому здесь не хочется обращаться к Ротраму на ты, мелькнуло в голове у Хоуэна. За деланным уважением они скрывают свое желание быть от него подальше.

- Я его придумал, - скромно улыбнулся хозяин дома. – Но сейчас, кажется, не обо мне речь. Да, Торни как первый победитель этого непростого состязания получил причитающиеся ему награды, среди которых была и эта. Впредь, думаю, как вы правильно заметили, человеку с улицы подобное не светит. Но зато теперь все виггеры знают, чего могут добиться, если будут участвовать в «крови героев». Считайте, что это был просто живой пример для них.

- На самом деле, я вовсе не собираюсь ставить под сомнения чьи-то награды или решения, - пожал плечами Белт. – Я потому начал весь этот разговор, что если Торни и в самом деле теперь имеет право руководить отрядом обученной замковой дружины, почему бы ему и не навести порядок в том безобразии, о котором мы только что говорили. Ни от кого не тайна, что в мирное время виггеры занимаются поддержанием безопасности в Вайла'туне. Пусть и нам помогут разобраться.

- Твои потери никак не влияют на безопасность в Вайла'туне, - правды ради заметил Хоуэн.

- Влияют, - убежденно поддержал Белта его молчаливый помощник Белит, похожий на своего аола не только именем, но и тем, что был женат на его родной сестре. – Лишнее оружие появляется.

- Ну, купить оружие никогда особой сложности не составляло, - возразил поборовший смущение Торни. – Иначе Ротрам не был бы Ротрамом.

- Ты, брат, по себе меряешь, - добавил Хоуэн. – Тебе нельзя оплошать и выкинуть в оборот больше силфуров, чем оно необходимо. Деньги счет любят. С оружием так не происходит. Если ты боишься, что его скупают те, кто потом на нас с ним нападает, то никто не мешает покупать его нам, чтобы обороняться.

- Тут я не соглашусь, - вступился за помощника Белт. – Вы только что говорили о «лихих людях». Которых, кстати, раньше не было. Хотя оружие было всегда. Значит, что-то изменилось.

- Ага, в головах, - согласился Хоуэн. – Или зимы холоднее стали: мозги мерзнут.

- Ну, зимы не зимы, а ты сам чуть в беду ни попал. А вот если бы за порядком следили не невесть какие виггеры, которым просто больше нечего делать, а люди Торни, уверен, толк был бы.

Воцарилось молчание. Собравшиеся за столом каждый по своему обдумывали услышанное. Хоуэн понял сказанное так, что тихий и все-

гда выжидательный Белт призывает собратьев к жестким действиям, которые положили бы конец зарождающемуся произволу. Во всяком случае, среди тех, кто тем или иным образом связан с их любимым ремеслом. И он прав, что нынешнее положение Торни должно вызывать у них не столько удивление или даже зависть, сколько желание выгодно его использовать в общих целях.

- Я согласен, - заговорил Хоуэн, и все посмотрели на него. – Если такая возможность есть, у сомода должна быть своя не только голова, не только руки, но и сила. Ротрам, ты тут, похоже, знаешь больше, чем все мы. Что скажешь?

Вид у Ротрама после этих прямых слов сделался задумчивым, но отвертеться от ответа он уже не мог, как бы ни старался. Было заметно, однако, что некоторые свои мысли он тщательно утаивает.

- Многое будет зависеть на самом деле от того, насколько Торни сможет поделить свое время между обязанностями кузнеца, вашего аола и, как вы выразились, пятидесятника. Скажу вам по правде, до сих пор последнее считалось не более чем вторым двуручным молотком.

Он умело втирается к нам в доверие, подумал Хоуэн, вглядываясь в обезоруживающую улыбку на лице оружейника. Знает наши при сказки. Двуручный молоток – вещь нужная, но одного в хозяйстве обычно вполне хватает.

- Пока, если признаться, я не очень представляю себе, каким образом отряд Торни будет поддерживать порядок, но предложение вполне здоровое. Давно пора. Скажу даже больше: сегодня многие, кому дорого то, чем они занимаются, обзаводятся своими «лихими людьми».

А вот это уже интересно...

- Белт знаком с охраной Томлина, - продолжал Ротрам. – Хоуэн на своей шкуре испытал, какие сообщники нынче есть у фра'ниманов. Все ищут силу.

- Как и вы с вашей «кровью героев», - заметил Уверт.

- Ну, она же не только моя, - уклонился от ответа Ротрам. – Хотя, разумеется, если не вдаваться в подробности этого нового начинанья, в чем-то вы правы: будущее и «крови героев» не в одиночках, пусть даже боевитых и отважных, а в «виггер'гардах», как я их называю, где они проходят надлежащее обучение...

- ... и становятся вашей дружиной, - закончил за него Уверт.

- Может быть, - развел руками Ротрам. – Торни, есть что добавить?

- В «крови героев» я больше не участвую, - поспешил заявить тот. – Победителем можно стать только однажды. К сожалению. Таковы правила. Насчет моих пятидесяти ребят, которых я пока, честно говоря, видел лишь мельком и то не в деле, обещаю подумать. Надеюсь тут

и на твою поддержку, Ротрам, поскольку просто так мне вряд ли кто в замке даст умыкать их по своим нуждам.

- Что-нибудь придумаем.

- Но только уж тогда не обезсудьте, - продолжал Торни, переводя взгляд с Густа на Уверта. – Первыми они явятся к вам. Сколько у вас сейчас в ведении шахт?

- Две. Рядом.

- Что за охрана?

- Как водится – из замка. Сменная. Но там, как ты знаешь, отродясь ничего с шеважа не происходит, коль скоро руда не дает Пограничью сильно приблизиться к Бехеме.

- Что сменная, это нам даже на руку, - сказал Ротрам. – Можно будет предложить сделать её постоянной и в итоге набрать сплошь из людей Торни.

Интересно, кому он намерен это предлагать, подумал Хоуэн.

- Что нужно от нас? – осведомился Уверт, не слишком довольный таким оборотом разговора.

- Баб готовить, - хлопнул по столу ладонью Вори и первым рассмеялся собственной шутке.

- Кстати, - поддержал его Ротрам, - одна симпатичная особа уже, думаю, нас заждалась.

- Фелла? – дружно выдохнули старики.

- Зовём? – Ротрам встал.

- Ты ещё угостить нас обещал, - напомнил Перит, впервые за вечер переходя на ты.

- А я этого и не отрицаю.

Ротрам чинно подошел к толстой веревке на стене, странным образом тянущейся с крюка вдоль брёвен вниз и уходящей прямо в пол, и несколько раз дернул за неё, прислушиваясь. Откуда-то снизу донесся мелодичный перезвон.

- Сейчас нам все принесут. А пока – стул для Феллы!

- Этот не подойдет? – возбужденно воскликнул Вори, отбивая дробь на собственных коленях.

- Такому стулу на слом пора, - показал ему свой локоть Белт, присоединяясь ко всеобщему веселью.

Фелла вошла, вся юная, гибкая и восхитительная. Шубку и весь свой остальной зимний наряд она оставила в соседних покоях, и теперь была в просторной рубахе с низким воротом, по-мужски заправленной в узкие обтягивающие штанишки, какие обычные девушки тоже надевали редко, разве что дочери эделей, которым в теплое время позволялось ездить по улицам верхом. У Феллы было достаточно времени, чтобы заплести длинные пряди в тугую косу, которую она красиво подобрала и затейливо сложила на затылке, отчего только резче обрисовались её широкие скулы, а глаза и брови слегка оттянулись к вискам, придав лицу загадочности.

Улыбкой встречая восхищенные взгляды, она легко присела на предложенный стул с низенькой спинкой, положила линги на колени и стала наигрывать незнакомую Хоуэну мелодию, плавную, но озорную, от звуков которой хотелось послать все беды и невзгоды куда подальше и посвятить остаток дней любви к таким вот, как она, красавицам и прелестницам.

Перит засуетился, стараясь подсесть к девушке поближе.

Торни, напротив, удалился подальше в тень и оттуда сверлил певунью жадным взглядом.

Вори обворожительно улыбался самому себе.

Белит с Белтом он чем-то многозначительно шептались.

Густ откровенно восхищался зрелищем и музыкой.

Уверт расхаживал по комнате с озабоченным видом, явно претворяясь, будто обдумывает только что обсуждавшееся за этим столом.

Ротрам сперва стоял у двери, потом в нетерпении подошел к веревке на стене и ещё раз дернул.

Хоуэн поймал себя на мальчишеской мысли, вернее, на размышлении о том, всегда ли Фелла выступает перед своими слушателями одетой. Наверняка многие мужчины, приглашающие её развлечь их во время редкого досуга, не обходятся одними лишь приглядками да причмокиваниями. Просто даже интересно, каким нужно быть, чтобы она к тебе соблаговолила? Вроде Торни? Она на него редко смотрит, а это признак женского внимания. Хотя нет, смотрит, так же невнимательно и добродушно, как на всех остальных. А на меня? Вон, даже улыбнулась. Должно быть, вспомнила, как мы с ней прижимались друг к дружке на улице, ожидая неминуемой расправы. А вырез у неё на рубахе отменный! Так и приглашает руку туда запустить.

На пороге появился толстый вихрастый мальчуган с большой корзиной в одной руке и почти таким же большим кувшином в другой. Он тяжело дышал, очевидно, после стремительного подъема по лестнице. Хоуэну стало его жалко.

На только что пустом столе появились кружки, блюда и даже красивые отрезки материи, которые, как понял старик, предназначались для того, чтобы гости могли ими вытирать бороды. Ну прямо как в темах настоящих эделей! Ещё только воды для ополаскивания рук не хватает! Нет, к счастью, хозяин дома об этом не позаботился.

Из корзины выложились душистые булки, дышавшие теплом печи, тонкие ломти холодного мяса, здоровенная голова сыра, вареные яблоки и много всякой мелочи, которая украсила стол и радовала глаз. Из кувшина полился долгожданный крок, и Хоуэн понял, что не зря проделал весь этот долгий и опасный путь. На какое-то время Фелла с её ласковой песней отошла на второй план.

- Как там Шори? – тихо поинтересовался Ротрам, кладя руку на плечо мальчика и отводя в сторону. – Справляется?

Шилов кивнул.

После того, как сестра убила сестру и сама понесла заслуженное наказание, на кухне всё перепуталось, смешалось и стало совсем не так, как было раньше. Сам Шилох в еде неприхотлив, но ведь тут приходится кормить целую свору голодных мужиков, а на них одним сыром не напасешься. Им горячее всякий раз подавай да пожирнее. Вчера ещё кое-как обходились старыми запасами, ели вяленое мясо да Шори подвязалась жарить яйца. Получалось это у неё на удивление неплохо, однако было заметно, что это не самая сильная её сторона. Сегодня утром, к счастью, Ротрам где-то откопал новую стряпуху, и дело с мертвой точки постепенно тронулось. Правда, она с самого начала откровенно невзлюбила Шилоха, вероятно, решив, будто его упитанный вид свидетельствует о непреходящем желании таскать еду при любом удобном случае, что, разумеется, было не так, поскольку он даже в бытность у гончара Ниеракта сиживал за столом больше и чаще, нежели здесь, где все только и знают, что есть да пить.

- Ты, малец, держись, - словно прочитав его мысли, улыбнулся Ротрам. – Сам ведь понимаешь, всякое бывает.

- А как насчет гончара? Вы обещали подумать.

- Уже думаю. Напомни мне завтра – обмозгуем.

Шилох имел в виду их давешний разговор, когда он честно признался Ротраму, что с гораздо большим удовольствием променял бы кухню, всё время напоминающую ему об убийстве и трупе в луже крови, на маленькую гончарную мастерскую, где бы он, Шилох, мог применить свои неплохие навыки, полученные у Ниеракта, и делать более полезные вещи, чем быть на побегушках. Если нужно, он даже мог бы втихаря делать для Ротрама камни из глины, какими их придумал бедняга Хейзит, запропавший теперь неизвестно куда. Шилох успел опробовать его метод, и *лиг'бурны*³⁰ получились что надо: ровные, красивые и лёгкие, а главное – твердые. Они не крошились, как те первые, что на скорую руку смастерил в печи Ниеракт, потому что Шилох пошел своим путем и придумал добавлять в глиняный раствор куриные яйца. Хорошие он брать побоялся, зато нашел несколько тухлых, которые Ниеракт не удосуживался выбросить, и покидал в чан вместе со скорлупой. Огонь в печи выжег из глины дурной запах, зато камни получились на загляденье. Если бы Ниеракт тогда не уехал себе на погибель, они бы сейчас наверняка занялись на пару их изготовлением и продажей. Когда ещё будет достроена большая печь у карьера! А камни нужны всем и всегда. Ротраму он про них пока не рассказывал, чтобы не злить лишний раз, поскольку тот был с Хейзитом и его матерью в приятельских отношениях, и едва ли погладил бы Шилоха по головке за воровство чужой идеи. Но ведь глупо жить одним днем и думать, будто завтра ничего не изменится...

Из раздумий его вывела новая песня, которую девушка на стуле начала неожиданно низким голосом.

³⁰ Буквально – «рожденные пламенем», т.е. кирпичи

Шилох так устал карабкаться сюда со своей вкусной ношей, что поначалу даже не обратил на певунью внимания. Теперь же, отдышавшись и собираясь в обратный путь, он пригляделся к ней и узнал знаменитую Феллу, которая славилась среди его знакомых своей красотой и умением задевать за живое, главным образом мужчин, любивших слушать её мелодичные рассказы о жизни и человеческих страстях, особенно те, где говорилось о переживаниях юных дев, уставших ждать своих возлюбленных с Пограничья и тоскующих по сильным рукам и жарким объятиям. Шилох никогда раньше не слышал, как она поёт, видел всего пару раз на улице да верил восторгам Ниеракта, который однажды оказался приглашенным на эфен'мот к кому-то из своих покупателей, где и познакомился с Феллой воочию, во всей, так сказать, красе.

- Ступай, - сказал Ротрам, заметив, что Шилох замешкался в дверях и, глупо открыв рот, таращится на девушку. – Скажи там, чтобы поспешали с горячим. И Фелле что-нибудь сладкое обязательно принеси.

Это я мигом, подумал Шилох и устремился к лестнице.

Окно на втором ярусе распахнулось от сильного ветра, и он, прежде чем закрыть его, выглянул наружу.

Вдоль ограды тихо скользили трое.

Ограда в этом месте подходила к терему почти вплотную, и даже днем узкое пространство между ними постоянно оставалось в тени, однако Шилох любил именно это окно и именно этот вид, потому что отсюда он мог украдкой наблюдать за обитателями соседних изб, оставаясь для всех невидимым.

Те, что крались сейчас внизу, явно неплохо разбирались во внутреннем устройстве двора, поскольку просто так в этот закуток было не попасть. Нужно было знать, что если обогнуть поленницу со стороны бани и разобрать пару приставленных досок, открывается лаз, через который можно обогнуть дом, потом протиснуться за угол и, пробираясь через колючие кусты, оказаться здесь, вдали от бдительных наблюдателей, несших караул на крыше.

- Подсади-ка меня, - сказал идущий первым, и Шилох облегченно вздохнул, узнав голос Бокинфала, одного из наемных воинов Ротрама, с которым частенько общалась Тина, когда была жива...

- А ты нас потом вытянешь? – недоверчиво поинтересовался Валбур, упираясь спиной в забор, приседая и сцепляя между ног замерзшие ладони.

- Ну, Тома так точно, - заверил Бокинфал и деловито перешагивая со снега на подставленные руки, а с рук – на крепкое плечо. – Давай его сюда.

Том от восторга потерял дар речи и даже не заметил, как взлетел выше частокола и оказался висящим по другую сторону.

- Если отпущу, спрыгнешь?

- Запросто, - сказал он и сразу же пожалел, потому что короткий полет обернулся провалом в глубокий сугроб, из которого он выбрался, кряхтя и выплевывая снег.

Но разве это легкое неудобство может помешать ему добиться исполнения его заветной мечты? Ведь они идут сводить счеты с Улмаром!

- Я хочу сам его убить! – воскликнул Том, когда они ещё сидели в комнатухе Валбура и втроем обсуждали сложившееся положение.

- Эй, эй, не так ретиво! – попытался утихомирить его Бокинфал. – Подумай о последствиях.

- Я о них и думаю, - огрызнулся Том, ища поддержки в молчаливом взгляде Валбура. – Он охотится за ней. Ходит по пятам. Почему ему можно нас убивать, а нам его – нет? Где справедливость?

- Восстановим, - заверил Валбур и потрепал мальчугана по давно не мытым волосам. – Что думаешь? – Это уже относилось к Бокинфалу.

Он ждал, что тот лишь пожмет плечами, однако Бокинфал строил хитрую мину и сказал:

- Ротрам нас со свету сживет, если узнает, но я согласен, что нужно поставить этого ублюдка на место.

- Или положить, - радостно подхватил Том, вскакивая на постели.

Он не ожидал, что два взрослых воина вот так запросто послушаются его и не станут оттягивать с решительными действиями. Оба, не сговариваясь, быстро оделись и, старясь не шуметь, вышли из теплого помещения во двор. Там они остановились и лишний раз поинтересовались у Тома, уверен ли он в том, что знает, где живет Улмар. Уверен ли он?! Как и в том, что гада во что бы то ни стало надо прикончить! Иначе им с Феллой жития не будет.

Вот так и оказались они за оградой, куда пробрались тихо и осторожно, чтобы не переполошить ставших в последнее время бдительными стражей.

Для полного счастья Тому не хватало разве что острого кинжала за пазухой. Вообще-то на троих у них было два кинжала, которые по пути раздобыл Бокинфал, но Тому не досталось ни одного. Это стало их непреложным условием.

- Ты ведь не хочешь, чтобы твоя сестра узнала, что я разрешил тебе стать разбойником, и больше не пустила меня к вам на порог, - заметил Валбур, останавливая поток просьб, обид и увещаний. – Даже не начинай.

- Она не узнает...

- Веди давай.

Тому ничего не оставалось делать, как вспомнить дорогу, которой он однажды шел по пятам за Улмаром, лелея в душе надежду на такой вот долгожданный случай. Тогда, правда, был день, и шел он вовсе не отсюда, так что сперва Тому пришлось отыскать то место неподалеку

от рыночной площади, где он по привычке ошивался с приятелями, когда первым заметил сутулую фигуру, спрятался и уже не выпускал её из виду, пока ни дошел следом за ней до дома, откуда Улмар не показывался до самого вечера, из чего Том сделал радостный вывод, что раскрыл его логово.

Рынок даже в такое неурочное время не был пуст. Здесь ярко горели факелы, при свете которых расхаживали полусонные стражи. Кое-кто из лавочников только ещё закрывал свое хозяйство на ночь, другие, наоборот, сгружали новое добро, которое намеревались начать продавать с самого утра. Всем приходится вертеться...

На лицах обоих друзей Том замечал сомнения, однако не придавал этому особого значения, поскольку за свою недолгую жизнь привык полагаться на себя. И уж если он говорил, что знает, как найти Улмара, поверьте на слово – он не заблудится.

В отличие от мальчугана Валбур хоть и шел бодро, уверенности в правильности своих действий, а тем более в благополучном исходе задуманного у него, действительно, было немного. Если даже они найдут дом, что прикажете делать дальше? Врываться и разить ножом направо и налево? А если у этого фра'нимана семья, которая ни о чем не подозревает и ни в чем не виновата? Ждать под дверью, пока он ни появится? Но так можно прождать до самого утра, когда их хватятся у Ротрама и придется объяснять свою странную отлучку. Не годится. О том, что их могут схватить, Валбур старался вообще не думать. Такой исход означал конец всему. Но он продолжал идти, поглядывая по сторонам и надеясь на чудо: что Улмар не вернулся ещё домой, и они повстречают его где-нибудь по пути.

Далеко идти не пришлось. Том поплутал по переулкам, лишь один или два раза замедляя шаг и словно принохиваясь к морозному воздуху, после чего твердо брал след и вскоре уверенно ткнул пальцем в ни чем не примечательную избу, стоящую на краю небольшой площади с колодцем посередине.

- Тута он живет. Что вы на меня так вылупились? Точно вам говорю.

Во всех домах, выходявших на площадь, кроме одного, свет был потушен, а ставни закрыты. В том же, где через узкие щели была видна одинокая лучина, Валбур увидел согнувшегося над столом человека, который что-то писал. Это занятие поглощало его настолько, что он едва ли догадывался, насколько уже поздно. Едва ли он станет им помехой.

Они подошли к избе с самой темной стороны и потрогали ставни. Заперты изнутри. Бокинфал жестом велел спутникам оставаться на месте и сам поднялся на порог. Осторожно потянул ручку двери. Не поддалась.

- Будем ждать? – спросил он, вернувшись.

- Чего? – не понял Том.

- Прихода твоего друга. Там его нет.
 - Он там. Я чую.
 - А я чую, что мы погорячились, - признался Валбур.
 - Нет! – вспыхнул Том, не желавший расставаться с мечтой. – Будем ждать.

Отчаяние его было столь велико, что друзья не решились разубеждать его и послушно замолчали, собираясь с мыслями.

- Ты сказал, будто он там, но предлагаешь ждать, - напомнил Бокинфал. – Чего?

- Ну, я же не знаю, точно ли он дома. Мне просто кажется, что он уже должен был вернуться после неудачной охоты.

- Тихо. Кто-то сюда идет, - шикнул Валбур, прислушиваясь.

Теперь они все слышали отдаленное похрустывание снега.

- Это он! – подался вперед Том.

- Если и так, то не один, - резко ухватил его за плечо Бокинфал. – Стой смирно и не обнаруживай себя раньше времени. А лучше вообще помолчи.

Том обиженно насупился, но в темноте этого никто не увидел.

Зато теперь стало отчетливо видно, что Бокинфал в очередной раз не ошибся: из соседнего проулка на площадь вышли четверо. Высокие, в капюшонах и плащах, волочащихся по снегу.

- Это они, - выдавил Том.

- Видели, знаем, - огрызнулся Бокинфал, наблюдая за противниками из-за угла.

А те, не прячась, вышли на середину площади и остановились возле колодца. Видимо, стали о чем-то переговариваться, но тихо, так что слов не было слышно.

- Его ждут, - снова не выдержал Том.

Не успел он это сказать, как за спинами притаившихся друзей скрипнула дверь, и на пороге появился ещё один незнакомец. Вид у него был встревоженный. Голову он втягивал глубоко в плечи и сильно сутулился. Раз он все это время прятался в избе, то мог заметить их попытки проникнуть внутрь. Все трое предусмотрительно отступили в тень и затаили дыхание.

Оставив дверь приоткрытой, сутулый огляделся по сторонам и поспешил с крыльца напрямки к колодцу.

- Он? – шепнул Валбур.

Том только и мог что кивнуть.

- Оставайтесь здесь, на всякий случай.

- Погоди, - встрепнулся Бокинфал, однако Валбур, пригнувшись, уже устремился к открытой двери и, не раздумывая, скрылся за ней.

Что я делаю, думал он, пробираясь по узким сеням и стараясь ничего не задеть, чтобы раньше времени не поднимать шума. Если меня умудрились не за что упечь за решетку, то что грозит мне теперь? Страхнуть мгновенное оцепенение ему помог образ Феллы, радостно

бросавшейся ему навстречу. За её спокойствие он готов был заплатить любую цену. Лишь бы Том-дурачок не сплеховал и не выдал их раньше времени. А уж на Бокинфала всегда можно положиться.

В избе стояла крошечная тьма. Только щели на ставнях прочерчивались в ней отдельными паутинками, но света внутрь не проливали. С одной стороны, хорошо, потому что и его тут непросто будет заметить. С другой, плохо, потому что он пока не понимает, где можно надежно спрятаться.

- Тэвил! – выругался он, задевая коленом какие-то палки, дружно рухнувшие на пол.

Не настолько громко, конечно, чтобы услышали с улицы, но если в доме ещё кто-то есть и пусть даже спит, обязательно проснется.

Замер. Прислушался. Даже принял.

Нет, тихо всё. Кажется, пронесло.

Валбур снова вспомнил, как сидел в вонючей комнате наедине с сумасшедшим узником. Он расставил руки, опустился на корточки, обшарил пол, выпрямился и медленно двинулся вглубь помещения. Сперва он заметил, что здесь всё ж таки теплее, чем на улице. Это означало, что где-то топился очаг. Или даже по-прежнему топится. А где огонь, там, разумеется, свет. Надо было искать.

Обычно в подобных избах из сеней вели две двери. Ему удалось пока нащупать лишь одну, ту, что с предательским скрипом открывалась направо. Зато из-за неё тянуло сосновыми дровами. По другую сторону сеней вместо двери стоял на полу большой сундук, заваленный каким-то барахлом. Вероятно вторую дверь он либо уже миновал, либо ещё не дошел до неё.

С улицы донеслись приближающиеся голоса.

Валбур потянул за ручку и юркнул в довольно теплую комнату, действительно, освещаемую, правда, очень слабо, догорающими в очаге углями.

Голоса остановились на крыльце. Слов отсюда слышно не было, но к ним наверняка прислушивается Бокинфал, который сам разберётся, что делать.

Валбур судорожно соображал, как теперь быть. Очевидно, что обидчик Феллы живет тут один, так что решительные действия никого, похоже, не сделают сиротой. Но нельзя же просто напасть на человека и всадить ему нож в грудь, спину или горло просто так, чтобы убить. Ни один из известных ему культов героев не приветствовал подобного способа решения даже самых серьезных вопросов. Эти люди в капюшонах, подсланные Улмаром, едва ли стали бы церемониться со своими жертвами. Так что, если по совести, то убийство их главаря вообще-то оправдано. Но только не исподтишка, не его же методом, думал Валбур, стараясь при свете углей отыскать подходящий угол, где можно было бы схорониться. Вот если убить гада в честной драке, которая наверняка вспыхнет, когда его тут обнаружат, никакие угрызе-

ния совести Валбура впоследствии мучить не будут. По всем канонам дозволялось уничтожать тех, кто покусился на твою жизнь, или на жизнь твоих близких, или на твой дом. Любой аол это оправдает. Лишь бы первым не уколошили тебя самого. Тогда правда и совесть тебе окажутся ни к чему.

Он осторожно прокрался через комнату в один угол. Угол оказался пустым. Перебежал к следующему, нашел там висящими не то сети, не то шкуры, не то какую-то одежду и укрылся ею, стоя в полный рост и прижимая нож к груди. Сразу его здесь точно не заметят, даже когда разожгут огонь, а он пока успеет сообразить, как лучше поступить. Или как поступать не следует.

В сенях слышались уверенные шаги. Явно возвращался жилец, знающий каждый закуток и ямку. Шаги сопровождались невнятными словами, значит, он возвращался не один.

- Проходи, - сказал шепелявый голос.

- У тебя тут ни шиша не видно, - ответил ему другой, хриплый и раздраженный.

- Ничего, не бойсь. Капканов не держим. Входи.

Валбур выглянул одним глазом из-за своего укрытия, чтобы с трудом различитьдвигающиеся в трех шагах от себя темные фигуры.

- Погоди, ща огонь разожгу.

Фигур было две. Следом за ними никто больше не вошел, а дверь хозяин шепелявого голоса шумно задвинул за собой. Получается, трое ещё ждут снаружи. Если Бокинфалу захочется прорваться к нему на помощь, ему придется сперва справиться с ними. Не слишком простая задача даже для него. Выходит, сейчас Валбур предоставлен сам себе. Посмотрим...

Некоторое время он слышал только возню вокруг очага и сбивчивое дыхание.

- Ну, что ты хотел мне сказать? – снова нарушил молчание шепелявый. – Я жду.

- Улмар...

- Что? Надеюсь, ты не собираешься пересказывать мне всю историю о том, как вы вчетвером испугались нападать на двоих?

- Трех...

- Какая разница?! Я поручил вам так мало, а вы умудрились сделать ещё меньше. Только девку спугнули. Мне теперь придётся прятаться от всех.

- Они убрались к Ротраму, мы точно проследили. И больше не появлялись. Ни вас, ни нас никто толком не видел. Мы в безопасности. Не бойся...

- Я не боюсь, дурак! Меня больше заботит девчонка. Она теперь будет держать ухо востро и долго ещё не высунет носа. Мы этого разве добивались? Не хотел говорить при твоих живоглотах, но сегодня ты допустил большую глупость.

- Я знаю, Улмар, - поспешил согласиться собеседник. – Мы её выследим.

Огонь меж тем разгорался, и контуры двоих людей становились всё отчетливее. Валбур видел, как сутулый придвигает себе стул и садится.

- Ладно. Об этом ты сам позаботься. Только помни, мне она нужна живой.

- Конечно, помню. Не беспокойся.

- Безпокоиться надо тебе, Мирк. Живой и нетронутой. Вон сколько нынче вокруг мужиков вьётся. Смотри, станет женщиной – можешь забирать себе, мне такая не нужна.

Валбур стоял в своем укрытии, сжимая кулаки от ярости и одновременно покрываясь испариной от удовольствия. Неизвестно, откуда Улмар берёт свои сведения, но если они верны, это делает Феллу ещё более ценной для него. А он-то в силу собственной испорченности подозревал девушку в неразборчивости...

- Выкладывай, что хотел, - продолжал шепелявый.

Тот, кого он назвал Мирком, оставался стоять и только снял капюшон. Валбур рассмотрел в отсветах пламени лысую макушку и обрамляющие её жиденские патлы.

- Не знаю, с чего начать...

- Начни с конца.

- Мы выяснили, куда пропал твой друг.

- Ифор?! – Улмар ухватил собеседника за полу плаща. – Что же ты молчал! Его убили?

- Боюсь, что да.

- Тэвил! Ладно, излагай, что знаешь.

- Ифор твой был послан с отрядом сверов в тун к этому, как его...

- ... Тэрлу. Я слышал. – Улмар раздраженно поморщился. – Именно там его след и затерялся. Скажи мне что-нибудь новое.

- Есть сведения, что он ушел оттуда. Один. Дошел до Обители Матерей.

- Что ему там делать?

- Об этом я догадываюсь не больше твоего.

- Догадываюсь! Ты бы ещё сказал, что тебе всё это приснилось. Ладно, продолжай.

- Продолжать больше нечего. Его там убили. Я сам разговаривал с людьми, которые закапывали его труп. Застрелен из арбалета.

- Ты хоть понимаешь, что говоришь? За что?! Кто мог это сделать?

Улмар вскочил со стула и теперь прохаживался вокруг очага.

- Говорят, он явился туда с донесением. Встретился с Самим. Похоже, не угодил, за что и был убит.

- С кем, с Самим!? Нет, ты точно спятил, Мирк! Сам никогда не стал бы с Ифором даже разговаривать.

- Он и не разговаривал... Выслушал, а потом подал сигнал, и одна из тамошних охранниц его порешила. Прямо на месте. Можешь мне не верить, но было это именно так.

- Тэвил! - Улмар остановился. – Доказательства!

Мирк пожал плечами. Волоски на его голове жалко тряслись.

- Ну, тогда я не верю, - отмахнулся Улмар и попытался изобразить на испуганной физиономии улыбку, но получилась маска боли. – Самого никто и никогда не видел. Ифора до него не допустили бы. Ведь это я свёл его с ними. Но даже меня Сам не пожелает видеть. Иногда мне кажется, что его просто не существует. Ты об этом не подумал?

- Я вообще не думал. Я только передал, что узнал...

- Тогда ступай и подумай! В приход Ифора к Матерям из Обители я ещё могу поверить, но всё остальное... Говорю, займись лучше девчонкой. Тем более она именно там нужна. Не мне же. А вот если умыкну её и передам, кому следует, глядишь, действительно, Самого когда-нибудь повидать.

- Эту встречу я тебе обеспечу гораздо быстрее, - глухо прорычал Валбур и выступил из-за своего прикрытия.

Едва ли он знал, на что рассчитывает, когда уступил охватившему его порыву. Едва ли он сейчас вообще знал, что происходит. Ненависть – плохой советчик и ещё более неподходящий поводёр. Ослепленный ею, он ткнул ножом ближайшего, кто к нему стоял. Им оказался Мирк. Лезвие туго вошло в плащ, и лысый от страха и боли взвизгнул. Как ни странно, этого мгновения вполне хватило, чтобы сутулая фигура метнулась к двери и с грохотом вломила в сени.

- Сюда! – заорал Улмар. – Они здесь!!

Не дожидаясь, пока его услышат с улицы и придут на помощь, он попытался добежать до входной двери, однако обо что-то споткнулся и был бы пригвожден к полу падающим на него сверху Валбуром, но успел проворно откатиться в сторону и на четвереньках юркнуть в дверную щель, неприметную в темноте. Эта была та самая третья дверь, которую Валбур по пути сюда не смог обнаружить. Теперь она захлопнулась у него перед самым носом, а в дом вместе с морозной вьюгой уже врвались трое приспешников Улмара.

- Бокинфал, он сбежит через окно! – крикнул Валбур, вскакивая с пола после неудачного прыжка. – Нельзя его упустить! С этими я сам...

Он не успел договорить. Сзади, из распахнутой двери в сени проникал яркий свет камина, в котором он теперь прекрасно видел нападавших. Вооруженные ножами, они дружно накинлись на него, молча, грозно и расчетливо, отлично зная свое дело. Он явно погорячился, отказавшись от помощи Бокинфала. При виде их затенённых капюшонами лиц с короткими бородками вступать в неравный бой сразу расхотелось.

Валбур отскочил назад, к знакомой двери, за которой уже никто даже не стонал.

- Эгимон, заходи справа! – как можно громче воззвал он. – Логен, прикрой меня сзади! Гаррон, подпусти их поближе!

Этого набора имен вполне хватило, чтобы нападающие замешкались, не понимая, откуда ждать удара. Воспользовавшись мгновенным замешательством, Валбур повторил уловку Улмара и прыгнул в комнату, что есть силы потянув рукоятку двери за собой. На его счастье опасливый хозяин предусмотрел даже во внутренней двери засов. Задвинуть его не составило труда. Не слушая тяжелые удары шести кулаков и ругань, Валбур сорвал с ближайшего окна слюдяную заглушку, раскрыл нехитрый замок на ставнях и головой вперед нырнул в ночь.

Неглубокий сугроб смягчил падение. Не отряхиваясь, он обежал избу с противоположной стороны и чуть не сбил с ног Тома.

- А ну брысь отсюда! - рявкнул он на довольно улыбающегося в темноте мальчишку. – За мной погоня. Прячься!

- Его поймали, - радостно выдохнул Том и, заметив что-то у Валбура за спиной, вжал голову в плечи и шустрим зайцем кинулся в тень соседней избы.

Сзади преследователи крушили ставни и лезли наружу.

Убедившись, что брат Феллы не станет подставляться понапрасну, Валбур бросился дальше. За вторым углом, где было гораздо больше пустого пространства, он увидел две борющиеся в снегу фигуры. Подбежав, он различил сверху Бокинфала, который, сидя на противнике, как на норовистом жеребце, наотмашь бил его кулаком по чему придется.

- До смерти не забей, он ещё может пригодиться, - хрипло бросил Валбур и для надежности лягнул Улмара мыском ботинка куда-то под ребра. Тот охнул и перестал рыпаться.

Бокинфал поднялся. Как раз вовремя, потому что двое преследователей уже выбегали следом за Валбуром, а третий появился с ножом в руке на крыльце. Но теперь силы были почти равны, их предводитель лежал мертвым у очага, второй корчился у ног двоих изготовившихся к бою молодцов, да ещё невесть сколько таких же пряталось где-то в доме... Одним словом, зачем лишний раз испытывать судьбу, не сговариваясь, подумали нападавшие, остановились, переглянулись и точно так же, как при первой их встрече тем злополучным вечером, дружно обратились в неспешное бегство.

- Лови их, лови! – крикнул Валбур и на всякий случай свистнул.

Капюшоны исчезли во мгновение ока, будто их и не было.

- Вам конец... - бормотал разбитыми в кровь губами не то смеющийся, не то хнычущий Улмар. – Найдут и перережут, как свиней... Не на тех напали... За меня отомстят... Все поплатитесь...

- Тащим его в дом, - оглянулся по сторонам Бокинфал, первым сообразив, что из соседних изб за ними наверняка уже давно и с любопытством наблюдают те, кого разбудили их крики и шум. – Где Том?

- Тут я, - выкатился из-за угла тёмный ком, подскочил и с лёта жахнул лежащего на снегу фра'нимана кулаком в лоб. – Получи, гнида паршивая!

- Вот это удар! – похвалил ничуть не смутившийся вспышке детской жестокости Бокинфал. – Кулак, смотри, не отбей.

Похоже, совет уже запоздал, потому что Том морщился и тряс рукой.

- погоди ты, - оттеснил его бедром Валбур. – Сперва послушаем, что он нам расскажет. Потому что рассказать ему есть что. Я тут сам слышал. Ради кого ты старался? Кому собирался отдать Феллу? Говори!

Улмар сплюнул кровь и зловеще оскалился. Сейчас он меньше всего походил на человека – зверь, да и только. Пойманный, раненый, но далеко не сломленный.

- В дом его, - повторил Бокинфал. – Зрители нам сейчас ни к чему.

Они вдвоём подняли пленника за руки и прямо волоком затащили через крыльцо внутрь. Шедший последним Том так и норовил пнуть его по безжизненно вытянутым ногам. Положили на пол в сенях, точнее, брезгливо уронили на пол. Том тщательно запер дверь.

- Там ещё один лежит, - кивнул Валбур в сторону распахнутой и даже пожалуй что сорванной с петель двери. – Проверь-ка его.

Эта просьба относилась к Тому.

Пока его не было, Валбур, не раздумывая, пырнул Улмара ножом чуть повыше колена. Пленник взвыл от боли.

- О ком это ты с тем ублюдком говорил? Для кого на Феллу охотился? Говори скорее, не заставляй тебя на корм собакам потрошить. Потому что если ты сомневаешься, что я умею таких как ты мелко-мелко резать, то ты сильно ошибаешься. Мне особенно хорошо молодые телята всегда удавались.

- Мммм...

- Не расслышал! – Валбур опустил на колени и в подтверждение своих слов поводит лезвием по трясущейся щеке врага, оставляя кро-воточащие царапины. – Внятно говори. Кому хотел продать?

- Мммм...

- Кажись, очурился, - сообщил вернувшийся Том. – Можно я этого сам прирежу?

Бокинфал сгрёб его в охапку и отставил подальше.

- Ты все равно меня убьешь... - простонал Улмар. – Зачем мне говорить...

- Потому что смерть, как и жизнь, бывает разной. Скажешь, и быстрей смерти даже не почувствуешь. Не скажешь – будешь о ней мечтать, но напрасно. Я тебе это обещаю. Том, уйди отсюда!

- Нет! Дай мне лучше свой ножик!

- Том!

- Что!

- Выйди!

- Это я вас сюда довёл!

- Выйди, сказал!

- А я хочу видеть!

- Тэвил с тобой... Ну, ублюдок, ты решил, какой смертью помирать?

Валбур стал хмуро тыкать Улмара ножом в обе ноги по очереди.

- Нет! – завопил несчастный и схлопотал такой удар в зубы, что захлебнулся кровью и закашлялся.

Валбуру происходящее не доставляло ни малейшего удовольствия. Он и дрался-то от случая к случаю, когда была понятна цель, а мучить и пытать – это никак не соизмерялось с его представлениями о совести. Но сейчас речь шла вовсе не о нём, речь шла о судьбе беззащитной девушки, и потому он совершенно не переживал о том, что что-то делает не так. Иначе просто не получалось...

- Кто такой этот твой Сам? – шепнул он, наклоняясь к уху Улмара и прихватывая за почти незаметную мочку. – Он тебе поручил её выкрасть? Где его найти?

Поскольку последовал нечленораздельный ответ, пришлось показать ухо его прежнему владельцу в отрезанном виде.

- Так тебе больше нравится?

Улмар бился в конвульсиях.

- Свяжи его чем-нибудь, - угрюмо глянул Валбур на Бокинфала, продолжая держать отрезанный хрящик перед округлившимися от боли и ужаса глазами бывшего фра'нимана. – Он мне мешает.

Бокинфал взял у расторопного Тома веревку и безропотно подчинился. Было заметно, что он никак не ожидал от друга такой безраздумной жестокости. Теперь пленник извивался со связанными на животе руками.

- Сейчас я отрежу тебе нос, а потом, если захочешь, обкорнаю второе ухо, - равнодушно заверил Валбур своего внимательного слушателя. – Или ты мне подробно расскажешь, как найти этого самого Самого. Не скажешь, расстанешься с носом.

- Скажу... я всё скажу... ммммм.... аааааа.... Тэвил... как больно...

- Он засел в Обители Матерей?

- Нет... я не знаю... может быть...

- Кто знает? – Валбур поддел лезвием и надрезал одну ноздрю.

- Скелли... Скелли... он всё знает...

- Кто такой?

- Писарь, - подсказал присевший на корточки напротив Бокинфал. – Главный писарь замка.

- Да... он знает... в замке...

- Ты ему служишь... служил?

- Ему... ему все служат...

- Так уж и все, - хмыкнул Бокинфал, однако по его взгляду Валбур понял, что друг о чем-то крепко задумался.

- Скелли точно знает, где найти Самого... он мне сам говорил... он может всё...

- Главный писарь замка? – удивился Валбур, слабо разбиравшийся в перипетиях того мира, который лежал вне его любимого туна.

- Я тебе потом объясню, если захочешь, - сказал Бокинфал и заглянул в глаза пленнику: - Так кто же такой этот Сам? У него имя есть?

- Нет...

- Нет?

- Когда он был ещё шеважа, его там так и звали: Тот, У Кого Нет Имени...

- Шеважа?!

- Так мне рассказывали...

- Что за... - Бокинфал перевел удивленный взгляд на Валбура, который в это время тоже мало что понимал, но похоже, и не стремился. Его гораздо больше интересовали планы врагов Феллы.

- Зачем она тебе? – Он погладил ножом вторую дрожащую ноздрю.

- Она... она мне не нужна... я просто следил за ней... она очень красивая...

- Это я знаю. Просто следил, говоришь?

Улмар взвизгнул от новой боли.

- Им нужны девушки... красивые девушки... но чтобы именно девушки... я решил, что она им подойдет... я часто её встречал... мне нужно было убедиться, что она... девушка...

- И как, убедился? – хотел было крикнуть ему прямо в залитое кровью и слезами лицо Валбур, но получился хриплый шепот. – Убедился?..

- Конечно! - вмешался озадаченно молчавший до сих пор Том. – Фелла ни с кем ещё не спала! Она не из таких...

- Погоди-ка, - остановил его строгим взглядом Бокинфал. – Зачем она понадобилась этому твоему безымянному ублюдку?

- Я не знаю... Нет! – Это он увидел острие ножа возле самого кончика своего носа. – Скелли говорил... для жертвы...

- Жертвы? Что за чушь!

- Я, правда, не знаю... он говорил, нужны красивые девушки... нужны Самому...

- То есть, тех девиц, которых выращивают в Обители Матерей, уже не хватает? – задумчиво произнес Бокинфал.

- Что тебе за неё обещали? – допытывался Валбур, делая вид, будто не заметил осведомленности друга. – Деньги?

- Много денег... я не для себя...

- Ну ещё бы, - понимающе кивнул Валбур и с сожалением ударил пленника ножом в грудь, туда, где у людей обычно бывает сердце. Улмар выгнулся, мелко задрожал, силясь вскрикнуть, и обмяк с широко распахнутыми глазами. – Считай, что я тебя понял.

- Валбур!

- Он ей больше не навредит...

- Зачем ты это сделал! – Бокинфал схватился за голову. – Мы могли бы ещё много чего у него узнать...

- Считай, что я его пожалел.

Он встал. Бокинфал поднялся следом, покачиваясь и озираясь. Том смотрел на труп с восторгом.

- Надо возвращаться, пока нас не хватились, - отвернулся Валбур, пряча нож под шубой. – По пути ты мне кое-что расскажешь.

- А те трое? – напомнил Том. – Они ведь знают, откуда мы пришли. Нам отомстят.

- Не думаю. – Валбур прошел по сеням в другую комнату, вышел, держа в руках кинжал убитого, красивый, длинный, удобный, повертел его, разглядывая переливы света, вздохнул и отшвырнул обратно. – Скорее, они теперь, наоборот, будут обходить ваш дом стороной. Они из тех, кто готов рисковать, только когда им платят. Едва ли они были осведомлены о том, о чем нам поведал этот ублюдок. Вон их дохлый предводитель ничего этого доподлинно не знал. Я сам слышал. – Он поморщился от слова «сам», но продолжал: - Давайте перетащим Улмара туда же и положим их рядом. И оружие им оставим. Пусть те, кто их утром найдут, решат, что они перерезали друг друга.

Бокинфал развязал веревки на быстро коченеющих руках пленника и машинально вернул Тому. Тот сунул моток за пазуху.

- Не будем засиживаться, - сказал Валбур, когда, покончив с трупами, Бокинфал присел перед очагом, согревая замерзшие пальцы. – Я хочу спать.

Они вышли из избы, поплотнее закрыли за собой дверь и, поглядывая по сторонам, не наблюдая ли за ними кто, поспешили обратной дорогой. Свет в доме, где недавно они видели записывающего что-то человека, был погашен. Утешение слабое, потому что поднятый их дракой шум не мог не разбудить соседей, которые сейчас наверняка подглядывают за ними из-за прикрытых ставен.

- Так что там такое насчет Обители Матерей? – вернулся к прерванному разговору Валбур, когда площадь с колодцем затерялась позади среди извилистых проулков. – Ты обещал рассказать.

- Я?

- Мне показалось, что признания этого гада удивили тебя гораздо меньше, чем меня. В чем дело? Кого и зачем, как ты выразился, «выращивают» в Обители Матерей?

Он замолчал и теперь просто шёл вперед, держа Тома за руку, чтобы не потерять и не потеряться.

Бокинфал помедлил, но понял, что от ответа не отвертеться.

- Вероятно, я был не очень хорошим писарем, - начал он, - потому что, в отличие от большинства моих собратьев по перу, не только переписывал тексты, но и удосуживался их читать. Для многих это не одно и то же. Когда тебе поручают переписать до обеда целый ворох страниц, а после обеда – ещё два раза по столько же, не каждый станет вдумываться в написанное. Я так не мог. Я и писать-то научился для того, чтобы читать. Кстати, ты читать умеешь?

- Неа, - с готовностью ответил Том, хотя вопрос предназначался явно не ему.

Валбур промолчал.

- Из того, что я переписывал, мне стали известны некоторые подробности жизни в замке, в Вайла'туне вообще и в Айтен'гарде в частности. Я не знаю, откуда это повелось, не знаю в точности, кем и когда Айтен'гард был создан, потому что ни до каких древних рукописей Скелли меня не допускал. Скелли, как ты уже понял, был среди нас главным. Боюсь даже думать, насколько главным он сделался сейчас, когда не стало Ракли, а власть перешла к тем, кого Скелли всегда поддерживал и, по сути, сделал эделями.

- Сделал эделями?..

- Ну да. Ведь именно от него зависит, кто может, а кто не может претендовать на древность своего рода. Все связанные с этим свитки находятся в его личном ведении. Он прекрасно устроился и получает со всех сторон сплошные выгоды.

- Понятно. И что же ты вычитал?

- Мне доверяли переписывать некоторые важные бумаги. Я всегда умел неплохо считать, поэтому Скелли частенько подбрасывал мне всякие отчеты по сбору гафола, чтобы я их не только переписывал, но и перепроверял. Так что у меня было предостаточно времени обдумать прочитанное. Не буду запутывать тебя деталями, скажу только, что по этим спискам я скоро выяснил, что очень немалые деньги с того, что собирают фра'ниманы, уходят в Обитель. На что – об этом там не говорилось ни слова. Но я заинтересовался и, когда представилась такая возможность, сопоставил некоторые выдержки из других списков и довольно скоро пришел к интересному выводу: те, кто имеют власть в замке и не только, получают доступ к некоторым девицам, живущим и обучающимся за стенами Айтен'гарда. Сам можешь догадаться, с какой стати.

- Хорены?

- В некотором роде. Правда, никаких подробностей, разумеется, я не смог найти. Только догадки.

- Ну, слухи об этом в народе давно ходят, - заметил Валбур.

- Именно. Как видишь, не беспочвенные.

- Моя сестра – не хорена, - сказал Том. Они забыли, что он тоже слушает.

- Никто этого не говорил.

- Улмар сказал.

- Нет. Он сказал как раз то, что мне пока не очень понятно, - мягко напомнил Бокинфал. – Он говорил про какие-то жертвы. Мне никаких записей о них никогда не попадалось. Видимо, это что-то новенькое или что-то, что по понятным причинам миновало расходные записи.

- Как бы то ни было, - продолжил его мысль Валбур, - я считаю, что Фелла по-прежнему находится в опасности. Во всяком случае, до тех пор, пока я не повидаюсь с этим твоим Скелли.

- Забудь, - усмехнулся Бокинфал. – К нему тебя и на арбалетный выстрел не подпустят.

- Почему это? Ты же вон с ним общался.

- Ну, тут немного другое дело...

- Не вижу разницы. Если он ходит на двух ногах, спит и ест, как все вабоны, у меня будет возможность с ним повстречаться. Ну а вопросы я задавать умею.

Бокинфал только покачал головой и ничего не ответил. Том крепче сжал руку Валбура.

- Как думаешь, мы должны переговорить о том, что узнали, с Ротрамом? – продолжал тот, не обращая внимания на возникшую неловкость. – Ты ему доверишься?

- Если ты ему скажешь, что Фелле лучше спрятаться у него и затаиться, он наверняка поинтересуется, зачем. И откуда тебе это известно. Придется рассказывать всё, как есть. Сомневаюсь, что ему наша история понравится. Сейчас не лучшее время, чтобы привлекать внимание замка к его жилищу. Скоро праздник, день Рилоха, и приуроченная к нему «кровь героев». Не хватало Ротраму заниматься посторонними вещами...

- Мы – не посторонние! – возмутился Том. – Моя сестра сейчас поёт для него.

- Это ты верно заметил, - согласился Бокинфал. – Но я немного знаю Ротрама. Он до конца предпочитает осторожничать. Тем более что с замком его многое связывает.

- Но не со Скелли, я надеюсь. – Валбур уже сожалел о том, что затеял весь этот разговор.

- Никто этого наверняка не знает. Надеяться ты можешь, на что угодно. Если ты спрашиваешь моего мнения, я бы ничего ему не стал говорить.

- Но если мы оставим Феллу у нас, он об этом узнает.

- Разумеется.

- Предлагаешь отправить её с Томом домой, чтобы за ними пришли те, кому Скелли также обещал высокую оплату? Ты ведь понимаешь, что если она кому-то и зачем-то понадобилась, они просто так не отступятся. Если они смогли завалить самого Ракли, то уж добратся

до беззащитной девушки им труда не составит. И если мы знаем об этом и ничего не сделаем, значит, получается, мы с ними как будто заодно. Или ты боишься за свою шкуру, Бокинфал?

Вопрос прозвучал прямо и грубо. Валбур теперь выражался так, как человек, которому нечего терять.

- Моя шкура, мне, конечно, дорога, приятель. И я намерен носить её подольше. А потому предпочитаю не делать откровенных глупостей. Предложи план, который можно было бы осуществить, не садясь голым задом на муравейник, и можешь рассчитывать на мою руку.

Том хохотнул.

- Такой план у меня будет, когда я поговорю с Ротрамом. Если не хочешь, могу тебя не упоминать вовсе. Скажу, что мы всё выведали вдвоём с Томом. Том, ты умеешь хранить тайны?

- А кто такой Бокинфал? – вместо ответа спросил Том с таким неподдельным удивлением, что оба приятеля рассмеялись.

- Ну, раз так, можно попробовать. Если нас там ещё не хватились.

- То есть, ты всё-таки хочешь остаться в тени? Дело твоё...

- Дело-то как раз наше. Подумай хорошенько. Если ты откроешься Ротраму, а тот наших подвигов по каким-то своим соображениям не одобрит, как мы об этом узнаем? Только когда уже будет слишком поздно.

- Выходит, ты уже всё успел продумать?

- Выходит. Настоящий боец всегда думает быстро. И выбирает не честное поражение, а возможность не проиграть. Тебя этому не учили?

- То есть, ты предлагаешь остаться в стороне?

- Да, чтобы следить за Ротрамом. Согласись, что проще дойти до цели двумя путями, чем одним. Тебе ведь, я так понимаю, важно не подвергнуть опасности нас обоих разом, а спасти Феллу и нашего юного провожатого, который, похоже, заблудился.

- Я не заблудился, - отозвался Том. – Вы разве сами не помните дорогу?

Так они шли по спящему Вайла'туну, переговариваясь и строя планы, пока ни оказались снова в спасительной близости высоких ворот. Было как раз то предрассветное время, когда даже самые бдительные стражи клуют носом на своих постах, однако друзья решили не искушать благоволившую к ним сегодня судьбу и пустились в обход ограды, к тому месту за главным теремом, откуда предприняли свою дерзкую вылазку. На сей раз первым взобрался Валбур, свесился, принял из рук Бокинфала Тома, осторожно сбросил его по другую сторону в мягкий сугроб и не без труда помог взобраться заметно уставшему после всего пережитого другу.

Они помедлили под стенами терема, прислушиваясь, однако сверху больше не доносилось ни звука. Выступление Феллы давно закончилось.

- Надеюсь, Ротрам догадался не отпускать твою сестру в ночь, а она не хватилась тебя, понадеявшись, что ты остался спать у нас, - предположил Бокинфал, первым пускаясь в обратный путь вдоль ог-рады.

- Так и было. – Том двинулся следом. – Утром я с ней сам погово-рю.

- Ты ей все расскажешь? – спохватился Валбур, выпустивший из внимания, что о произошедшем знают трое.

- Теперь она в тебя точно влюбится, - заверил Том.

- погоди ты. Может мне лучше самому с ней поговорить?

- Это отчего это? Да я и не хочу оставлять вас пока наедине, если честно.

Шедший впереди Бокинфал оглянулся и прыснул, не успев за-жать рот рукой. Валбур почувствовал себя окончательным дураком и чуть не поддел наглого мальчишку пинком. А тот с серьёзным видом заметил:

- Если бы не я, ещё неизвестно, была бы Фелла девушкой.

От такого наглого заявления Валбура кинуло в жар. Выходит, Том прекрасно понял всё, о чем перед смертью говорил Улмар. Но это оз-начало и то, что его слова были правдой. Значит, ревность беспочвен-на? Значит...

- Ты настоящий брат, - хмыкнул Бокинфал, разряжая неловкость. – Только я тебе советую не спешить сразу всё выкладывать Фелле. Не стоит её пугать раньше времени.

- Она ничего не боится, как и я.

- Тем более.

Они обменялись с Валбуром понимающими взглядами и двину-лись дальше, оставляя после себя глубокие следы и надеясь, что утром дозорные окажутся не настолько бдительными, чтобы поднять из-за них тревогу. Да и звезды уже начали затягиваться дымкой, предве-щающей очередной снегопад.

- Где Ротрам мог оставить Феллу на ночь? – спросил Валбур, когда они огибали баню.

- Здесь – вряд ли, - заметил Бокинфал. – Скорее всего, где-нибудь в тереме. Гости обычно именно там у него ночуют.

- И сам он там?

- Послушай, выбрось пока всё это из головы. Ни его тормошить, ни Феллу будить тебе сейчас ни в коем случае не стоит. Хорошо, если удастся незамеченными вернуться к себе, а утром посмотрим, что и как можно сделать. Не торопи события, а то потом сам за ними не по-спеешь.

Валбур в ответ только плечами пожал, хотя ему не терпелось вне-сти в происходящее необходимую ясность. Он терпеть не мог недоде-лок, недоговорённостей, недосказанностей и всего прочего, что при-ковывало к себе мысль и не позволяло двигаться дальше. Сейчас его

утешало лишь соображение о том, что ускользнувшие от них трое лихих наёмников сами по себе мало чего знают и про Феллу, и про истинных заказчиков её похищения. Не знают они наверняка и того, кто помешал им осуществить их план. А если и смекнут, то едва ли просто так сунутся к Ротраму. Нет, Бокинфал все же, наверное, прав и спешить не нужно. Но Фелла обязательно должна всё узнать. Пусть ей даже это и не понравится. Особенно то, что пришлось втянуть в разборки её братца.

Они никем не замеченными прокрались в свою избу и осторожно, стараясь не скрипеть, поднялись на второй ярус. Все мирно спали. Бокинфал потрепал Тома по голове и нырнул к себе. Мальчишке досталась постель покойного Отана. Валбур не стал ему ничего об этом рассказывать, чтобы не пугать. Полежав некоторое время с открытыми глазами и послушав тишину, Валбур сам не заметил, как заснул.

Ему показалось, что он и не спал вовсе, когда кто-то стал тормозить его за плечо.

Это был всё такой же бодрый и жизнерадостный, как ночью, Том.

- Мужики уже встают. Поднимайся. Снизу звали на разминку. Можно мне с тобой?

- Не знаю... Сестра не появлялась? Тебе бы лучше её первым делом найти.

- Никуда она не денется. Сама отыщет, ежели что. Не маленькая. Я с тобой!

Они спустились в залу одними из последних. Рэй, вероятно, предупрежденный, поманил Тома к себе и что-то ему сказал. Мальчишка подпрыгнул от удовольствия, прямо через голову сорвал с себя рубаху и, оставшись в одних грязных подштанниках, поспешил затесаться между занятыми своим делом бойцами.

- Ну что, станем в пару, - предложил Авит.

Валбур не нашел причины отказываться, и принялся привычными движениями перебрасываться с ним укороченным бревном, которое сегодня показалось ему подозрительно тяжелым.

Никто не задавал никаких вопросов по поводу ночи. Бокинфал с невозмутимым видом стоял в сторонке и самостоятельно корячился со здоровенным булыжником, которого Валбур раньше не замечал. Тома поставили вместе с Логеном, и бородач показывал ему, как правильно поднимать молот, чтобы случайно не надорваться.

После умываний все перешли по утреннему морозцу в трапезную, где на столах уже дымились три чёрных от копоти котла и витали рыбные запахи вперемешку с овощами.

- Новая стряпуха молодец, - сказал Дэки, подсаживаясь к Валбуру. – А тебя, силач, как величать? – спросил он вооружившегося ложкой Тома, который примостился здесь же, по другую сторону от Валбура.

- Том я. Можно накладывать? – Он потянулся к горячей крышке.

Ему помог сидевший дальше Эгимон.

Рыба и в самом деле удалась на славу. И хотя Валбур к подобному кушанью не привык, поскольку в их туне предпочитали дары леса и полей, а не вздорной Бехемы, он отдал должное уменью той, которая буквально накануне заменила Тину.

- Как её зовут?

- Стряпуху-то? – Дэки прожевал хлеб и понюхал ложку с золотистым наваристым кусочком. – Мара, кажись. Небось, тоже из знакомых Ротрама. Он просто так никого к себе не берёт.

- Видал её? Красивая?

Дэки скорчил мину и со знанием дела заявил, что её красоты на троих таких, как Тина, хватит. В том только смысле, что эта Мара раза в три будет её толще.

- В четыре, - уточнил припозднившийся Гаррон. – А ты что, разве сам вчера её не видел?

При слове «сам» Валбур замкнулся и некоторое время думал, ковыряя ножом пахучую рыбину. Отвлекло его только появление озабоченного Биртона, севшего по обыкновению за стол напротив. Ротрама не было. Как не было и Феллы. Вероятно, они сейчас завтракали отдельно. Вчера вечером говорили, что у Ротрама собирается целая куча гостей, которых он как радушный хозяин наверняка разместил на ночь где-то в тереме, а теперь обхаживает. Не обязан же он всё время проводить со своими бойцами.

Биртон сидел в одиночестве.

Из кухни вышла Мара. Она действительно была весьма широка в обхвате и излучала добродушие, как все знакомые Валбуру толстухи. К тому же не молода, не ровня Тине с Тисой, так что возникшее за столами оживление его даже удивило.

- Кому добавки? – пропела она.

Валбур воспользовался начавшейся суетой, поднялся со своего места и подошел к Биртону.

- Не помешаю?

- Отчего же? Садись.

Он нашел взглядом Бокинфала, однако тот лишь украдкой наблюдал за ним, не делая никаких упредительных жестов и поддерживая беседу с соседом, которым на сей раз оказался Рэй. Чувствует, скорее всего, что спорить бесполезно.

- Хотел посоветоваться, - сказал Валбур, опускаясь на лавку и приглядываясь к Биртону. Нет, кажись не так озабочен, как сперва почудилось. Глядит хитро, как вчера, когда катались до Обители Матерей.

- Дело полезное. Что стряслось?

- Да так, всего понемножку. Только обещаю, что между нами. Мы ведь вроде как друзья теперь.

- Ну ясное дело. Есть сомнения?

- Послушай, это касается Феллы. Надо бы вообще-то с Ротрамом поговорить, но ты его хорошо знаешь, я тебе суть изложу, а уж ты реши, как его сюда лучше втиснуть.

- Говори, не бойся.

- Короче, я тут давеча ходил проведать тех, кто на Феллу с тем стариком ввечеру напали...

- Один что ли?

- Ну, не совсем один, но сейчас это значения не имеет. А имеет значение то, что я узнал.

- И что же?

- А то, что всё это было неспроста подстроено. Кому-то в замке Фелла приглянулась, причем настолько, что на неё у них чуть ли не охота началась. Те, кого ты вчера видел, были сподручными одного фра'нимана по имени Улмар. Ему кое-кто посулил за неё много силфуров. Почему ты улыбаешься?

- Красивые девушки всем нужны.

- Не думаю, что ты меня понял. Она им понадобилась для какого-то жертвоприношения. Всё очень серьезно, Биртон. Улмар признался мне во всём этом перед смертью.

- Ты убил его?!

- Так получилось...

- Превосходно! Не успеваем мы вытащить тебя из каркера, как ты уже роешь себе могилу и торопишься на плаху! – Биртон понизил голос. – Какого рожна ты это сделал? Отомстить вздумал?

- погоди! Ты разве не слышал, что я только что сказал? Фелле угрожает большая опасность. Её нужно защитить. Я это выяснил. И хочу с тобой посоветоваться, как лучше это сделать. Не обо мне сейчас все речь. Уж я как-нибудь справлюсь.

- Знаю я, как ты справишься! Давай, выкладывай да поподробнее.

Пересказывая события минувшей ночи Валбур не раз ловил себя на том, что делает это с неохотой. Прав, видать, был Бокинфал, советовавший не спешить открываться. Биртон слушает, и думает свою думу. Поймет ли он его так, как этого хотелось Валбуру? Сможет ли подобрать нужные слова? Да и нужно ли ему всё это знать?

- Надеюсь, за вами никто не следил, - сказал Биртон, когда Валбур закончил. – А как ты узнал, где его искать?

Валбур умышленно упустил ряд подробностей о своих спутниках.

- Это разве имеет значение?

- Послушай, приятель, ты не невинная девочка. Ты должен понимать, что сейчас значение имеет всё. Я правильно понимаю, что тебе помогал Бокинфал?

Проницательный, однако, подумал Валбур и кивнул.

- И Тома с собой таскали?

Валбур замялся с ответом. Биртон махнул рукой:

- Ты прав, теперь это уже неважно. Что сделано, то сделано.

- Ты сможешь спасти Феллу?

- А у меня есть выбор?

Узнав всю историю, Биртон как будто успокоился. Задумался. Молча отправил в рот несколько рыбин.

- Ладно, - сказал он наконец. – Как ты предлагаешь её спасти?

- Им с братом лучше пока переждать здесь, у нас. Потом посмотрим. Ты бы смог уговорить Ротрама дать им приют на некоторое время?

- До следующего лета? До зимы?

- Откуда я знаю!

- Вот и я про то же.

- А какая разница? Мы не всегда знаем, что будет завтра!

- Завтра останется четыре дня до «крови героев». Хорошо. Считай, что я тебя понял. Разумеется, Фелле мы поможем. Не думаю, что ты все это специально подстроил, чтобы видаться с ней почаще.

- Я? – попытался было возмутиться Валбур.

- Брось, приятель. Мы все в неё по-своему влюблены. На то она и Фелла-певунья. Кстати, ещё не известно, согласится ли она. Надеюсь, она ещё не ушла. – Помрачневшее лицо собеседника вызвало у него улыбку. – Они вчера поздно разошлись, так что предполагаю, она до сих пор спит. Ты давай, не переживай, иди со всеми упражняться, а я разыщу Ротрама и переговорю с ним. Уверен, что он не откажется.

- Благодарю...

- Рано благодарить. Лучше как следует занимайся и не гуляй по ночам. Ротраму нужны здоровые бойцы. Удачи!

Разговор был, таким образом, окончен. Валбур вернулся на свое место, а Биртон остался обдумывать услышанное.

Бокинфал старался теперь избегать его пристального взгляда. Ну, что ж поделать, у каждого свои тайны. Валбур рассказал вполне достаточно, чтобы делать самостоятельные выводы. Тем более что Бокинфал только по женской части обладает обширными знаниями. Хотя думает, что изучил на этом свете многое и понимает людей лучше их самих. Пусть пребывает в своем приятном заблуждении. Биртон с ним не собирается ни мериться силами, ни иметь дело. По дороге в Обитель Матерей он наслышался от этого бывшего писаря таких несуразностей, что сейчас вполне может сбросить его со счетов. Валбур – другое дело. Ротрам был прав, когда положил на него глаз ещё тогда, в «Лихом воробье». Парень хоть с виду и простой, а не промах и, похоже, умеет добиваться своего. Бойцу на «крови героев» это качество очень даже может пригодиться. Не хватает хитрости Торни, но зато его прямота подкреплена силой, чего иногда бывает достаточно. Правда, не в этом случае. Что он сам, видать, почуял нутром, поскольку подошел таки к нему и всё, что мог, рассказал. Не всё, конечно, это было заметно, но многое...

- Как съездили?

На лавку опустился Нол, невысокого роста крепыш с подбитым глазом и заметно раздутой щекой.

- Ты про что?
- Про Тину, разумеется.
- Хорошо съездили.
- Она не сопротивлялась?
- Нет.
- И что с ней теперь будет? Она сюда ещё когда-нибудь вернётся?
- Это ты, братец, лучше Ротрама спроси.
- Понял. Молчу. – Нол помрачнел. – Я ночью в дозоре стоял.
- Похвально.
- Видел, как Бокинфал с Валбуром и, кажись, вон с тем мальцом куда-то сбегали. Не было долго. Уже под утро вернулись.
- Рэю сказал?
- Нет пока...
- Тогда помалкивай. Они по моим делам отлучались. Понял?
- Да, ладно, понял...
- Ещё чего сказать хотел?
- Да нет, вроде.
- Тогда ступай дела делать. – И добавил, чтобы уж совсем не при-
нижать излишне любопытного вояку. – Молодец.

Нол отодвинулся, почесывая затылок.

Биртон резко поднялся с лавки вышел из трапезной.

Завтракать не хотелось. Накануне, после заседания сомода он изрядно переел под милые напевы Феллы. На сам сомод его по понятным причинам не пускали, да он и не обижался. Они там наверняка трясутся каждый за свой клочок кузнечного дела, выясняют, кто кому должен, а его с некоторых пор такие никчёмные вещи, как деньги, не интересовали. Главное – не количество силфуров, а возможность при необходимости их достать. Как говорится, лучше десять пальцев, чем десять монет. Десять пальцев у Биртона было.

Он вышел в главные сени и поспешил вверх по деревянной лестнице. Если Ротрам не явился к общему столу, значит, он сейчас с гостями. Старики они старики и есть. Мудрые, конечно, но уж больно капризные. Наверняка знали, что с пустыми руками от Ротрама не уходят, вот и напросились к нему на ночь. Устроили из сомода гулянку с объеданием и песнями. Сами наверняка потолковали бы у кого-нибудь днём и разбрелись по домам. Ротрам с его возможностями у них недавно появился. Как-то ведь раньше обходились. И без еды, и без песен, и без женского общества. Ну, Ротраму, разумеется, виднее. Он явно что-то затеял полезное, раз так их привлекает. Умело сдружился с Торни, сделал победителем на первой «крови героев», а через него втерся в доверие к старейшинам. Его, Биртона, он в свои планы до конца не посвящает, но тут и слепому понятно, что прок со всего этого какой-то да есть.

Второй ярус терема представлял собой большое пространство, затейливо разделенное на отдельные комнаты. Причем, в отличие от тех помещений, где ночевали бойцы, здесь каждая комната имела свою дверь. Прямо как в замке, где Биртон тоже не был посторонним. В обычных избах простые вабоны никогда не удосуживались отгораживаться друг от друга и не только не вешали двери, но и редко отгораживались простенками. Теперь же у эделей и тех, кто охотно брал с них пример, подобное поветрие входило в устойчивую привычку.

Все комнаты группировались в центре общего пространства, подальше от холодных стен и поближе к дымоходам, чтобы было теплее. Вокруг них, вдоль всего яруса, тянулся довольно широкий коридор, начинавшийся и заканчивавшийся возле лестницы.

Он и сам провел здесь большую часть ночи. Вот за этой, ближайшей дверью. Думал, и ему перепадет с хозяйского стола. Но Фелла ему отказала. Мягко, как умеет только она, но отказала. Если бы он выпил вчера чуть больше, то наверняка не ограничился бы разочарованным поклоном, а пошел на более жёсткие меры и, кто знает, может быть, добился бы своего. А если бы выпил меньше, то не отважился бы заговорить о том, о чём всё это время только мечтал. И когда захаживал к ней по-приятельски в гости, и даже когда знакомил с Кендром, прикрываясь его откровенным интересом. Фелла оставалась мила, но недосыгаема. Причем она вовсе не делала вид, будто не замечает к себе внимания, и даже откровенные ухаживания принимала как должное, с ласковой улыбкой. Однако с её стороны этим всё и ограничивалось. Почему она так себя ведет и чего боится, было ему непонятно. Многие девушки её возраста с радостью откликались на его заигрывания и никогда, надо полагать, об этом не жалели. Уж он-то умел отплатить за любовь, пусть даже мимолетную! Особенно за мимолетную. Потому что большего ему и не требовалось. Но Фелла влекла его как-то уж больно по-особенному, с ней хотелось быть осторожным и ни в коем случае не поспешным, она звала к себе и томила, в её взгляде каким-то невыразимым образом соединялись невинность и глубокое понимание своего женского предназначения...

Уже поднявшись на второй ярус и идя по коридору, Биртон спохватился, что может не застать тут Ротрама. Хозяйские покои располагались внизу, иногда же Ротрам предпочитал спать, наоборот, на третьем ярусе, в той самой комнате, где вчера послушно ждала своей очереди Фелла. Давеча он оставил его ночью в обществе припозднившегося на сомод старого кузнеца по имени Хоуэн и с тех пор не видел. Ротрам мог заночевать и здесь, среди гостей. Комнат хватало на всех с лихвой.

Его сомнения развеял появившийся навстречу ему Шилох с пустым подносом. Выражение лица у паренька было задумчивое и не слишком довольное.

- Ротрам там? – спросил его Биртон.

Шилох отделался кивком и поспешил своей дорогой.

Из-за соседней двери выскользнула улыбающаяся Шори в длинной домашней рубашке. Заметив Биртона, игриво облизнулась, показала язычок и юркнула обратно. Рыжая безстыдница явно занималась тут тем делом, ради которого её и приютил Ротрам. Скорее из принципа, нежели из любопытства, Биртон остановился и заглянул в щель по-прежнему приоткрытой двери. Он ожидал обнаружить там Ротрама, Торни, кого угодно, но только не Феллу. Девушка стояла к нему голый спиной, склонившись над тазом с водой, спустив платье до бёдер, и умывалась. Шори стояла рядом с полотенцем в руке.

Биртон с трудом поборол соблазн войти и застать Феллу врасплох. Когда она, зачерпнув воды, поднимала руки, у неё под мышкой становился виден гладкий шар правой груди. Если бы она повернулась...

Он прошел дальше, подсмеиваясь над своей слабостью. И над неожиданной догадкой, осенившей его при виде этой утренней сцены. Что если Фелла и Шори провели ночь вместе? Кто бы мог подумать! От Шори то всего можно ожидать. Но Фелла... Хотя, если уж на то пошло, может, это всё и объясняет? Если её не интересуют мужчины, значит...

- Биртон, где ты пропадал?

Он оглянулся. Ротрам шел следом, бодрый, выспавшийся, размашистой походкой, явно довольный собой и происходящим.

- За Феллой решил подглядывать?

- Там Шори...

- Знаю, знаю. Я послал её помочь нашей гостье.

- Я думал, они...

- Ты успел позавтракать?

- Да, с бойцами. Послушай, Ротрам, тут один разговор серьезный возник. Надо бы обсудить.

- Сейчас?

- Он касается Феллы.

Ротрам подошел и обнял друга за плечи.

- Кажется, я вчера с ней всем угодил. Ты не находишь? Даже Хоуэн про неё мне уши прожужжал. Молодец, девочка! Что стряслось?

- Это не для чужих ушей, - уточнил Биртон, заметив выходящих из своих покоев гостей.

- Густ! Вори! – окликнул их Ротрам. – Собирайтесь у Перита. Я сейчас к вам присоединюсь. – Он увлек собеседника в пустую комнату, прикрыл за собой дверь и в миг посерьезнел: - Выкладывай. На тебе лица нет.

Странно, потому что Биртон всегда считал одним из своих достоинств умение скрывать обуревающие его мысли.

- Ко мне подходил Валбур. Оказывается, он и ещё кто-то, думаю, что Бокинфал и малыш Том, ночью выбрались никем, кроме, кажется,

Нола, не замеченными на улицу, отыскивали дом их вчерашнего обидчика Улмара и по-мужски с ним разобрались.

- Насмерть?

- Естественно. Как я понял, вместе с ним они заодно порешили одного из его подручных. Трое оставшихся сбежали.

- Тэвил! Валбур чокнутый, это сразу было понятно. Но куда Бокинфал смотрел?

- С ним я пока не говорил. Тут ещё кое-что вскрылось. Валбур заставил Улмара напоследок разговориться. И тот вроде бы ему признался, что интересовался Феллой не просто так.

- Кто бы мог подумать!

- Погоди, я не договорил. Оказывается, Фелла была нужна не ему самому, а кому-то ещё, кто обещал за неё хорошо заплатить.

- Интересно... и кому же?

- А вот этого тот даже перед смертью не открыл. Знаешь, что он только сказал? Что, мол, все подробности известны главному писарю. Понимаешь?

- Скелли? Какого рожна...

- Вот и я о том же. Но Валбур твой уверяет, что тот именно это имя только и назвал. Как тебе это нравится?

- Совсем не нравится. При чём тут Скелли?

- Ну, мы-то с тобой понимаем, что Скелли всегда при чём.

- Так зачем ему Фелла? Влюбился что ли на старости зим?

- Валбур уверяет, что Улмар этот брякнул что-то насчет жертвоприношения. Фелла нужна им как жертва.

- Что за бред? Кому? Почему она? Тэвил! – Ротрам сел на не разобранную кровать и снова вскочил на ноги. – Похоже, мы все попали в крупную переделку. Валбур меня доконает!

- Или возвеличит.

- Так я думал вчера. Сегодня уже не уверен. Нет, это ж надо додуматься – укокошить фра'нимана! Да ещё при свидетелях.

- Бокинфал, ты знаешь прекрасно, будет молчать.

- А те трое, что улизнули? Они тоже будут молчать?

- Если честно, то я предполагаю, что они побоятся сунуться. Ты ведь знаешь этих подлецов. Они смелы только тогда, когда им платят.

- Но если это те же, кто вчера напали на вас ночью, они запросто могут догадаться, кому принадлежали сани и куда вы возвращались. Тэвил! Не успели покончить с одним убийством, как назревает история похлеще. Что за время такое началось!

- Зима...

Ротрам выругался ещё грубее и долго смотрел в глаза Биртона.

- Ты знаешь, что я хочу сказать?

- Что нужно переговорить с Бокинфалом.

- Этим я сам займусь. Прежде всего, нужно позаботиться о Фелле. Она не виновата, что такой уродилась. Здесь она моя гостья, и я не до-

пущу, чтобы с ней что-нибудь произошло. Мы не должны её отпускать. Ты с ней, кажется, довольно близок...

- Ну, не настолько, как хотелось бы, - усмехнулся Биртон.

- Это не моё дело. – Ротрам снова сел, погладил рукой шкуру, накрывавшую кровать. – Она тебя знает лучше, чем меня.

- У неё даже Шори застряла...

- Не говори глупости! За последнее время я устал от намёков. Как будто все сговорились. Не хочешь – я сам ей скажу. И с Бокинфалом поговорю. И со Скелли...

- Ротрам.

- Объясни ей, что к чему. Может жить у меня, сколько понадобится. А я пока попробую из первых уст выяснить, что нам теперь делать. Только не пугай её. Тома сегодня видел?

- Уплетает завтрак за обе щёки. Вот уж кого точно не придётся уговаривать остаться.

Ротрам вспомнил о том, что собирался навестить своих гостей, когда уже спускался по лестнице. Ладно, ничего не случится, подождут. Здесь дела поважнее.

Так, Скелли... Похоже, ты повёл двойную или даже тройную игру. Почему это меня удивляет? Я никогда тебе не доверял и доверять не собираюсь. Жаль, что я не могу вот так запросто к тебе прийти и спросить, что ты задумал с Феллой. Задать такой вопрос значило бы тебе открыться. А ты ведь этого не оценишь. Или оценишь, но по-своему. Нет, с тобой если и стоит водить дружбу, то не настолько тесную, чтобы нечем было дышать. Свои мысли ты доверил мне только раз, когда задумал устроить состязания бойцов. Не ради выручки со зрителей, которой я и так обязан с тобой делиться. Но чтобы иметь под боком сильных людей, готовых по первому зову прийти на помощь, если понадобится. А если ты об этом думаешь, то понадобится наверняка. Только неизвестно, когда. Ты недоволен своим нынешним положением, хотя сейчас оно, судя по всему, прочно, как никогда. Ты единовластно владеешь всем обширным архивом, в котором собраны сведения обо всех мало-мальски достойных упоминания обитателях Вайла'туна, ты можешь вершить историю, изменяя ей по собственному почину, ты знаешь тайны тех, кто предпочёл бы их не иметь, ты – паук, усердно и неторопливо ткущий липкую паутину, понимая, что рано или поздно в неё попадут те, кому это суждено или кого к этому подтолкнут. Ты хитёр и коварен, дружбой с тобой нельзя гордиться, но ею стоит дорожить. Если у тебя и остались противники, то ты опережаешь их всегда на несколько шагов и не даёшь возможности помедлить и осмотреться. Ты вхож всюду, хотя и не выходишь из своей паучьей норы под замком. Ты отвратителен и достоин восхищения. Будь у меня возможность, я бы уничтожил тебя. Но, поскольку, такой возможности у меня нет, я буду тебя поддерживать.

Ротрам застал своих бойцов, когда они уже покидали трапезную. Валбура среди них не было. Бокинфал появился в дверях одним из последних.

- На два слова, - сказал Ротрам, беря его под локоть и делая знак Рэю, чтобы тот начинал без них. – Не выспался?

- Вам уже рассказали?

- Я надеялся, ты мне расскажешь.

Бокинфал смотрел на него, стараясь угадать настроение. Ротрам хранил внимательное молчание.

- Я всё делал, как вы мне велели. Не выпускал его из виду. Но не мог же я его остановить...

- Что за жертвоприношение?

- Тёмная история.

- Ну так попробуй пролить свет.

- Как я понял, этот фра'ниман...

- ... Улмар...

- ... да, Улмар охотился не просто на Феллой. Он искал девственницу.

- Что? Он так и сказал?

- Сказал, что им нужны девушки, красивые девушки.

- Кому это «им»?

- Упомянул Скелли.

- Ты, кажется, недоговариваешь.

- Скелли, мол, знает какого-то бывшего шеважа. Хотя не представляю, как можно быть «бывшим» шеважа. Короче, этот дикарь, похоже, всем заправляет и прячется где-то в Обители Матерей.

- Что за чушь!

- Вот и я о том же. Но он сказал это на полном серьезе, когда Валбур его... ну, я не думаю, что ему был смысл врать.

- Шеважа? В Обители Матерей? Он сказал, как его зовут?

- В том-то и дело, что нет. Называл его не иначе как Сам. Более того, когда этот Сам был ещё шеважа, его называли Тот, У Кого Нет Имени.

- Прямо сказки какие-то детей пугать, - невесело усмехнулся Ротрам. – То есть, этот некто хочет тискать наших девиц, а Скелли его ими снабжает. При помощи фра'ниманов вроде Улмара. Который чуть было ни сцапал нашу Феллу, на которую давно положил глаз. Потому что считал, что она ещё девушка.

- А она девушка? – Глаза Бокинфала весело сверкнули.

- Почём мне знать! Спроси её сам. Я не её мамаша. Но поет она хорошо.

- Хотите, чтобы я проверил?

- Валбур тебе проверит! Похоже, наш герой со всей серьезностью на неё глаз положил. Раз на такое дело пошёл. – Ротрам пригладил ладонью холёную бороду. – Продолжай следить за ним. С Биртоном я

договорился о том, что Фелла и её брат останутся здесь до лучших времён. Как ты понимаешь, важно, чтобы Валбуру это не помешало готовиться к «крови героев». Осталось мало дней. Он нужен мне в лучшем виде.

- Надеюсь, я тоже?

- Ты всегда в лучшем виде.

- Я бы хотел поскорее засесть за записи. Руки соскучились по перу. Много всего за последнее время набежало. А когда я пишу, мне лучше думается. Может, удастся какое-нибудь толковое соображение вывести.

- Как же всем вам не хочется заниматься тем, что сейчас особенно важно!

- Нам?

- Да, ты мне напомнил... Ладно, удерживать тебя не стану. Пиши, что считаешь нужным, но только чтобы никто не видел.

- Само собой, вита Ротрам.

- Эй, Шилох!

Вихрастый паренёк остановился с полным подносом и с надеждой посмотрел на хозяина.

- Ступай, Бокинфал. Ты знаешь, что делать. Шилох, я тут вспомнил про твою давешнюю просьбу.

Лицо мальчугана озарила робкая улыбка.

- Только скажи мне сперва, где ты намереваешься покупать глину для мастерской?

Шилох от радости перестал ощущать тяжесть подноса.

- Я знаю места, вита Ротрам. Меня Ниеракт всегда посылал, когда у нас заканчивалась. Нет, не думайте, не на рынок. Там она часто лежала и дорогая. Только нужна будет телега...

- Об этом я догадываюсь. В общем, давай сперва решим, кто будет вместо тебя помогать Маре на кухне, и если ущерба это не нанесёт, я сделаю тебя своим гончаром.

- У неё есть муж, Дит, кажись, его зовут, - поспешил с ответом Шилох. – Возьмите его вместо меня. Мара говорила, что он на прежнем месте прекрасно ведал закупками.

Ведал закупками, подумал Ротрам. Помнится, Гверна, хозяйка таверны «У Старого Замка», в которой раньше трудилась и Мара, неплохо о нём отзывалась. Правда, потом между ними как будто черная кошка пробежала, и Гверна осталась управлять хозяйством на пару с подросшей дочкой. Но почему бы и нет? Стряпает Мара не хуже Тины, глядишь, муженёк ей подспорьем будет. А Гверна... у неё были свои виды на жизнь. Где-то она теперь?

- Давай так, - сказал он. – Маре от моего имени передай, что я хочу взглянуть на её Дика.

- Дита, - поправил Шилох.

- Вот именно. Сегодня у меня времени не будет. Так что пусть придет и разыщет меня завтра. Если сговоримся, ты сможешь от кухонных дел освободиться и заняться мастерской.

- Благодарю, вита Ротрам!

- Но не раньше. А сейчас давай Маре помогай. Наверху всем всё принёс?

- Конечно, вита Ротрам.

- Молодец. Ступай, приятель.

Хорошо, что ему всегда нравилось обстоятельно заниматься хозяйством. Другой бы, небось, на его месте со скуки помер. То купить, то продать, не забыть сделать заказ, проверить свои лотки на рыночной площади, уладить новые договоренности с кузнецами – и так изо дня в день. И это всё притом, что сейчас для него главным событием является предстоящая «кровь героев» и столь необходимая в ней победа.

- Кади?!

Появление на пороге молоденькой девушки в изящной шубке, которую он сам ей недавно преподнес в подарок, застигло Ротрама врасплох.

- Я что, не вовремя? – пропела она, останавливаясь с напускной нерешительностью, однако в глазах её сверкали насмешливые искорки. – Мне казалось, ты хотел меня видеть.

- Больше, чем когда бы то ни было! – Он ласково обнял её за талию и чмокнул в холодную щёчку. – Совсем закрутился...

- Бедняжка! – Кади в ответ нашла его губы и затянулась долгим поцелуем. – Ты совсем меня забыл.

- Забыл?!

- Да, мы же не виделись несколько дней. – Она прижималась к нему твердой грудью и теснила к ближайшей стене. – Я уж было подумала, что больше никогда тебя не увижу.

Он слабо отбивался, надеясь, что его сейчас никто не застанет в таком виде, но не мог защититься от её теплого ищущего ротика и дерзких маленьких рук.

- А если серьезно, - продолжила Кади уже совершенно спокойно, отпуская его и поглаживая не расчесанную с утра бороду, - то я действительно волновалась, потому что бабушка наговаривает всякие страсти. Я боялась.

- Не слушай ты её, - сказал он ласково, хотя и не слишком уверенно. – Закра всегда преувеличивает.

Кади была внучкой Закры, врачевательницы и пророчицы, правда, многими считавшейся обычной безобидной сумасшедшей, которых принято от греха подальше обходить стороной. Повстречались они впервые незадолго до этой зимы, когда он имел неосторожность промокнуть под дождем, самолично отправляя очередной заказ доспехов в замок. В безсильном жару он послал за Закрой, которую ценил

за умение лечить, не обращая внимания на злые языки. Поговаривали, кстати, что иногда ей удавалось вытаскивать с того света даже тех, кого уже считали покойниками. Как бы то ни было, Ротрам неоднократно доверял ей свое драгоценное здоровье и ни разу не пожалел, хотя общение со старухой, наделенной ко всему прочему, даром видеть картинки будущего, всегда давалось ему нелегко и, чего греха таить, часто сбивало с толку. Какова же была нечаянная радость Ротрама, когда вместо маленькой, горбатой, с головы до ног обвязанной какими-то несуразными пестрыми платками, вероятно, согревавшими её костлявое тело, старушенции лечить его явилось улыбчивое миниатюрное создание, назвавшееся Кади и представившееся внучкой Закры. Ротрам недолго сопротивлялся этой подмене и позволил юной деве себя вылечить, о чем впоследствии не пожалел. Вместе с простудой Кади вылечила ему и сердце, скрасив с тех пор не одну холостяцкую ночь. Поначалу, как водится, она посопровотворялась многообещающим предложением не спешившего выздоравливать торговца, говорила, что её ждут дома, в Обители Матерей, где она жила с самого детства, однако настойчивость уставшего от одиночества Ротрама возымела действие, и в один прекрасный вечер девушка скромно уступила. Оказалась она, правда, не совсем девушкой, но для чуть не потерявшего голову от возбуждения торговца это обстоятельство не сыграло той роли, которую могло бы сыграть, будь он сам юн и неопытен. Ротрам увидел в Кади не жену, а дочку, точнее, если так можно выразиться, дочкину куклу, в которую ему на старости лет разрешили некоторое время поиграть, не предупредив о сроке. Кукла несколько раз ломалась, больно кололась, иногда норовила ускользнуть, однако Ротрам всегда умудрялся с ней справиться и настоять на своем, на том, что считал для них обоих правильным. Собственно, он и этот терем отстроил, чтобы поселить в нем Кади, которая, несмотря ни на что, предпочитала время от времени возвращаться на несколько дней – и ночей – в неприступный даже для Ротрама Айтен'гард. Зачем она это делала и чем именно там занималась, он мог разве что догадываться. На этой почве у них недавно произошла первая серьёзная размолвка, в Ротраме разыгралась ревность, Кади не стала оправдываться, и они перестали видеться. Неизвестно, кто по этому поводу больше переживал, но только первым сдался Ротрам. Давеча он через Биртона снова передал в Обитель Матерей устное послание, из которого Кади должна была сделать вывод, что он её ждёт в любое удобное время. Просто он совсем не ожидал, что это время наступит так скоро...

- Об этом говорит не только Закра.

- Что? – Он настолько задумался, что утерял нить разговора.

- У нас тоже ходят нехорошие слухи. Некоторые из Матерей призывают готовиться к войне.

- Вот как? Может, это из-за убийства Т'аманы? Убийц так и не нашли?

- А ты разве ничего не знаешь? – удивилась Кади, отступила и взяла его за руку. – Мне казалось, у тебя всюду есть свои осведомители?

Ну, об этом уж точно не ей судить, мелькнула у Ротрама подозрительная мысль. Раньше она не позволяла себе подобных намеков. Видать, общение с этими Матерями не слишком хорошо сказывается даже на ней, до сих пор всегда такой женственной и лишённой какого бы то ни было интереса к устройству его повседневных дел. Он ласково сжал её маленькую ладонь и решил перейти в наступление.

- Зачем мне осведомители?

- Неужто у тебя их нет? – Кади как будто почувствовала, что дальнейшие расспросы не пойдут ей на пользу, и свернула в сторону с опасной темой. - Ты ведь всегда так хорошо знаешь, где и что происходит.

- Считаю, что я обладаю некоторыми задатками твоей Закры, - неловко отшутился Ротрам. – Так чего я не знаю такого, о чём знаешь ты?

- Мои сестры, разумеется, не могли просто так сидеть сложа руки, когда происходит такое, и предприняли кое-какие розыски. Но, как водится, нашли не там, где искали. – Она бросила украдкой взгляд на проходивших мимо них воинов. – Может, не здесь?

- Что?

- Может, не будем обсуждать это здесь?

- Ты позавтракать не хочешь? Думаю, на кухне ещё много чего осталось. У меня новая стряпуха.

- Я слышала.

- В самом деле?

- Ну, прежнюю ты ведь давеча отправил к нам. Разве нет?

Это замечание косвенно подтверждало, что всё время их разлуки Кади провела в Обители. На душе у Ротрама полегчало. Когда его любовь была не с ним, он готов был предположить всякое.

- Да. Новая ничуть оказалась не хуже. Попробуешь?

- В другой раз. – Она снова обняла его и прижалась острым подбородком к груди. – Я не голодна. Не в этом смысле...

- Ты после долгого пути.

- Рада, что ты это заметил, дорогой.

- Ты без вещей? Опять накоротке?

- А ты бы как хотел?

- А ты будто не знаешь?

- Меня до твоих ворот подвезли попутные сани. Сестры решили удивить рынок старыми запасами крока и свежими лекарствами. Выехали мы засветло и всю дорогу только и делали, что перекусывали. Так что сейчас я бы с большим удовольствием в первую голову воспользовалась здешними удобствами, а заодно, если ты не против, помылась с дороги.

- Велеть баньку растопить?
 - Только если ты обязуешься потереть мне спинку.
 - С удовольствием! А ты мне поведаешь, что знаешь про историю с Т'аманой.

- Ты ведь был с ней знаком?

Отпираться смысла не имело.

- Конечно. Она последнее время жила в моем прежнем доме. Я тебе рассказывал...

- Не волнуйся. Познакомившись с тобой, я дала себе зарок не ревновать. В отличие от некоторых...

- Кади...

- На улице с ночи ещё не согрелось, и я промерзла. Идем!

Ротрам заговорчески ей подмигнул, оторвал от себя и, взяв за руку, повел на кухню, где в пару трудилась раскрасневшаяся, но явно довольная новой жизнью Мара. При виде гостей, она стала было спешно вытирать о передник мокрые руки, но Ротрам жестом остановил её и велел крутившемуся здесь же Шилоху открыть, а затем закрыть за ними люк в полу.

В темноте и ощутимом холоде подземного перехода, освящаемого лишь факелом, который он решительно снял на кухне со стены, Ротрам решил не откладывать заинтересовавший его разговор на потом.

- Что же нашли твои сестры?

Кади шла сзади, крепко держась за его руку.

- Только ты должен обещать, что это останется между нами.

- Когда я тебя подводил?

- Но ведь это никогда не поздно.

- Не издевайся!

- Ладно, слушай...

У них над головами что-то грохнуло.

- Не обращай внимания, - успокоил он. - Мы сейчас идём под залой, где занимаются мои бойцы.

- Я бы хотела на них взглянуть.

- Ещё успеешь. Так я слушаю...

- Оказалось, что в той злосчастной телеге не все погибли. Не знаю, как это получилось, но двоим удалось выжить, и они теперь далеко, прячутся где-то в тунах на окраинах, чуть ли не в самом Пограничье.

Да уж, многие туда подались, подумал Ротрам, но промолчал.

- Короче, по их словам за смертью Т'аманы и других стоит никто иной как, должно быть, знакомый тебе эдель по имени Гийс.

- Гийс?!

Восклицание вырвалось само собой, Ротрам не ожидал, что новость так поразит его. Нет, конечно, она не застала его врасплох, он давно подозревал, что благополучное возвращение сына Демвера Железного, скоропостижно ушедшего в качестве пленника вместе с Хейзитом и его домочадцами из таверны «У Старого Замка», а затем не

просто вернувшегося в замок, но занявшего место сгинувшего отца, не может быть чистой случайностью. Поговаривали, что к головокружительному прыжку из обычных фултумов на одну из ключевых должностей в Вайла'туне причастен сам Скелли. Что при сложившихся обстоятельствах немудрено, хотя, если задуматься, каким образом это могло произойти и что уж такого значимого Скелли нашел в Гийсе, Ротрам ума приложить не мог. Он, правда, слышал краем уха, будто бы Гийс вернулся не один, а с приёмным сыном Томлина, одного из богатейших и влиятельнейших вабонов, однако доподлинно Ротрам ничего не знал. С Гийсом он не встречался с того достопамятного вечера в таверне. Видать, пришло время заполнить пробелы. Если Кади говорит правду, вернее, если правы её сестры, значит, в замке происходят какие-то важные перемены, знать о которых он просто обязан.

- Ты удивлён?

- Не то слово! – Ротрам даже остановился и полюбовался устремленным на него взглядом девушки, влажно искрящимся в отблесках факела. – Только на кой ему убивать Т'аману и остальных?

- А знаешь, кто был тогда с ними в телеге? – Ей нравилось владеть его вниманием.

- Ну, я же не имею возможности при первом удобном случае сбегать в Обитель...

- Я не сбегала.

- Ну, конечно. И кто же?

- Тебе имя Сима что-нибудь говорит?

- Не то сын, не то слуга Томлина? – Похоже, слухи оправдывались.

- Он самый. Если мои сестры не ошибаются, то Т'амана поймала его за какие-то серьезные прегрешения и везла на дознание. А Гийс помог ему избежать верной гибели.

- Тебя послушать, так у нас тут война в полном разгаре! – Девочка неплохо осведомлена, однако ему ещё не пришло время снимать перед ней маску простоватого торговца. Всегда успеется.

- Боюсь, мой милый, что ты недалек от истины. – Она подтолкнула его вперед, и они пошли дальше, то и дело пригибаясь под низкими балками, поддерживающими сырой потолок. – И на твоём месте я бы не стала радоваться тому, что скоро потребности в оружии ещё вырастут. Лучше уж твоим кузнецам заняться кастрюлями и сковородками, чем топорами и мечами.

- За сковородки меньше платят, - машинально отшутился Ротрам, думая о своём.

Значит, это правда. Гийс помог мерзкому существу по имени Сима, причем ценой жизни ни в чем не повинных людей. Неужто он сам, своей рукой убил Т'аману и того кузнеца с сыном? Тогда, в таверне, он произвёл впечатление спокойного и приличного юноши едва ли способного на подобную низость. Интересно, почему услуга, оказанная этому Симе, так повлияла на расположение к нему Скелли, что тот

устроил ему головокружительное назначение на должность отца? Едва ли Кади или кто из её сестёр это знает. А не помешало бы. Тут что-то явно не сходится.

- Ты говоришь, двоим удалось сбежать в Пограничье?

- Или в соседний с ним тун.

- Тебе известны их имена?

- Сестры что-то говорили по этому поводу, но у меня плохая память на мужчин. – Она крепче сжала его руку в своей.

- Кто бы мог подумать...

- Правда, одно имя я запомнила и даже могу тебе назвать, но вообще-то это – главная тайна. Я случайно сама услышала. Поэтому не обещала её хранить. Но думаю, тебе она покажется интересной. Только обещай, что не будешь делать глупостей. Ради нас.

- Каких глупостей?

- Впутываться в эту историю. Я тебе всё это говорю только для того, чтобы ты был осторожнее и знал, куда не стоит соваться.

- Я похож на безумца?

- Иногда.

Ротрам остановился, сжал лицо смущенно улыбающейся девушки в ладонях и поцеловал.

- Так лучше?

- Гораздо.

- Вернемся к твоей тайне. – Он обнял её свободной рукой за плечи. Коридор вот-вот должен был закончиться. – Что ты слышала? Чьё имя?

- Демвера Железного.

Ему пришлось сдержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Многие в Вайла'туне слышали о том, что Демвер, грозный командующий сверами, взял и ни с того ни с сего пропал. Некоторые даже знали, что пропал он вроде бы не с пустыми руками, а прихватив из замка драгоценные доспехи Дули, легендарного воина и одного из родоначальников вабонов. И очень немногим были известны подробности того плана, зарождению которого стал свидетелем, причем активным, Ротрам. Демвера было решено уговорить отправиться к шеважа, лесным дикарям, с предложением о перемирии. Ротрам оказался в числе тех, кто поддержал предложение передать им в знак дружбы эти самые доспехи. На той памятной встрече присутствовала и Т'амана...

- Демвер мёртв? – Спросил он голосом, который сам же не узнал.

- Подозреваю, что да, потому что в разговоре, который я, случайно, подслушала, говорилось, что ему воздали последние почести.

- Похоронили...

- Нет, кажется, сожгли по древнему обычаю.

Об их плане не мог узнать никто из посторонних. Т'амана не открыла бы его даже под пытками. Её смерть, быть может, лучшее тому подтверждение. Но что-то явно пошло не так. Кто может теперь про-

лить свет на происходящее? Тот, кто взял на себя труд уговорить Демвера согласиться на отчаянный шаг? Одноногий Бром по прозвищу Сварливый Брыс, бывший наставник Демвера. Ротрам плохо его знал и не виделся с дня их встречи у Т'аманы. Или ничем внешне не примечательный не то сторож, не то просто фолдит по имени Ахим, который не раз удивлял Ротрама поразительной осведомленностью о происходящем? Настолько поразительной, что правду его слов можно было проверить, разве что распрощавшись с жизнью. Он как будто ведал о том, что творится не только в высоких башнях замка или за неприступными стенами Обители Матерей, но и в дремучих головах лесных дикарей. Может быть, спросить сейчас Кади? Но как он потом ей объяснит, откуда знает какого-то сторожа?..

- Кто тебе всё это наговорил?

- Мне – никто. Я же сказала, что подслушивала.

- И кто это был? Между кем вёлся разговор? – Вопрос получился слишком прямой, но что делать.

- Ты вряд ли знаешь эти имена, мой дорогой. Просто поверь мне на слово. Или не верь, дело твоё. Мы долго тут будем стоять? Я сейчас замёрзну окончательно.

Ротрам счёл за благо сменить тему. Он первым поднялся по скрипучей лестнице и открыл люк в потолке, точнее, в полу комнаты, примыкавшей к долгожданной, всегда натопленной бане. После трагической гибели Тисы за хозяйку здесь осталась её тогдашняя помощница, рыжая безстыдница Шори. Стряпуха из неё получилась никудышная, но она оказалась на удивление послушной, несмотря на свою дикарскую кровь, ярко проявлявшуюся в пышной копне почти рыжих волос, которые она пыталась вытравлять какими-то отварами, правда, не слишком успешно. Рыжина никуда не уходила, становясь то чуть желтее, то чуть серее. Это обстоятельство, как понимал Ротрам, и заставило её вообще-то пылкую натуру покориться малейшей его воле. Времена менялись на глазах, и всем вабонам, чьи волосы выдавали в них потомков некогда попавших в плен шеважа, теперь приходилось не сладко. Ротрам дал ей понять, что ни при каких обстоятельствах не намерен её предавать, если она сама не натворит бед. Теперь она была ему предана, во всяком случае, душой. Насчет тела он бы предпочёл не распространяться, особенно сейчас, когда рядом была излишне возбуждённая долгой разлукой Кади.

Они поднялись в тёмную комнату, и Ротрам снова ощутил на плече цепкие пальцы юной подруги. Она делала вид, что ей не только холодно, но и боязно. Пускай, если ей так больше нравится.

- Тебе имя Ахим что-нибудь говорит? – поинтересовался он, выбрав для этого не самый подходящий момент, но было поздно.

- Нет. А должно?

- Что?

- Ты спросил меня про какого-то Ахима.

- Нет, это я так, извини. Сейчас я зажгу свет.

- Зачем ты оставил факел в подвале?

- Мне казалось, тут должно быть светло. Да, наверное, ты права.

Он спустился обратно по лестнице и обнаружил, что воткнутый в стену факел, с которым они сюда пришли, догорает. Вот, видимо, почему, он не стал брать его с собой.

- Дай-ка мне новый факел! – крикнул он.

- Я тут ничего не вижу.

- Ладно, я сам.

Он снова взошел в комнату, неся затухающее пламя как драгоценную ношу, но не успел найти, куда его перекинуть – факел погас окончательно.

- Шори! – позвал он.

Прислушался. Всё было тихо.

- Теперь точно прорублю здесь окно. Давно собирался.

- Я заметила дверь, - сообщила Кади откуда-то со стороны. – Заперта.

Ротрам нашёл её по голосу, нащупал плотно прилаженные доски и требовательно постучал кулаком.

- Шори! Тэвил, не может же эта девчонка так долго спать. Шори!

- О, вита Ротрам, простите, что вам пришлось ждать! Я не думала вас увидеть. Так рано...

Девушка стояла на пороге и с интересом рассматривала Кади. По своему обыкновению она была не одета. Совершенно. За её спиной обрисовывался коридор, свет в который проникал с улицы через распахнутые двери. Из коридора веяло теплом и душистым паром.

- Нам... мне... ей нужно согреться с дороги, - замялся Ротрам, подталкивая удивлённую Кади вперед. – Ты там что, все комнаты заняла?

- Нет, вита Ротрам. Все свободны. Просто ваш Рэй сказал, что сегодня до обеда будет несколько человек. Я заранее...

Кади вовсе не следовало знать, что они с Шори уже виделись утром. Так всем будет спокойнее. Приходилось подыгрывать.

- Хорошо, хорошо. Отведи нас туда, где жарче всего, и принеси мне чего-нибудь выпить. В горле совсем пересохло. И не поленись одеться.

- Конечно, вита Ротрам.

Действительно, когда она появилась в следующей раз, на ней была короткая юбка, точнее, узкая полоска ткани, облегающая сильные бедра, и лёгкая накидка, почти не прикрывающая увесистые груди. При взгляде на девушку возникала мысль, что в таком виде она чувствует себя гораздо более скованно. Пока её не было, Кади хранила угрожающее молчание. Они уже расположились на низеньких лежаках в окутанном паром помещении. В углу шипели раскаленные камни. Поставив перед Ротрамом кувшин с двумя незатейливыми кружками,

Шори плеснула на камни водой из ковшика и невинно поинтересовалась, требуется ли от неё ещё какая-нибудь помощь.

- Всё хорошо, ступай, - только и мог сказать Ротрам, не отваживаясь посмотреть на Кади.

- А она ничего, - услышал он, когда дверь за рыжей прислужницей закрылась. - Будь я мужчиной, так легко не отпустила бы.

Кади озорно улыбалась, довольная произведенным на собеседника эффектом. Она уже разделась и теперь умиротворенно вытянулась на лежаке, любуясь маленькими пальчиками на ногах, то подгибая их, то вытягивая.

- Что там в кувшине, дорогой?

Ротрам подсел к ней, не снимая шубы и чувствуя, что уже как следует взмок.

- Просто вода, - сообщил он, сделав глоток из кружки. - Ты хотела чего-нибудь покрепче?

- Наоборот. Ты же знаешь, что я не пью всей этой гадости типа вашего крока.

Она расположили свою кружку у себя на плоском животе и заложила руки за голову.

- А теперь расскажи, зачем тебе нужна такая прислужница, как эта твоя Шори? Только честно.

- Я имею дело с мужчинами, - буркнул он, не уверенный, стоит ли продолжать.

- Это я поняла.

- Им рано или поздно всем приходится искать способ расслабиться. И будет лучше, если это произойдет здесь, под моим присмотром, чем где-нибудь на стороне. Я трачу на них немалые деньги и хочу рано или поздно получить прибыль. Думаю, в этом нет ничего предосудительного.

- То есть, эта девица - обыкновенная хорена?

Ротрам хотел сказать, что не обыкновенная, но сообразил, что получится слишком многозначно.

- В какой-то мере. Своё дело она знает.

- Не сомневаюсь. - Кади отпила из кружки и вернула её на прежнее место, ну разве что чуть-чуть пониже. - Я давеча видела твою Тину. Как я понимаю, сестра была на неё похожа. С этой Шори они, должно быть, составляли тут у вас ядрёную парочку.

Она улыбалась, наблюдая за тем, как Ротрам раздевается. Для своего возраста он ещё был вполне даже ничего, крепкий и широкоплечий, а заметный жирок на боках, казалось, лишь придавал дополнительную устойчивость его мощному телу. Ей нравились его густые заросли на груди и спине, седеющие, но намекающие на неукротимую временем мужскую силу, что Кади, как и любая женщина, будь то внучка проицательницы или бывалая хорена, ценила превыше всего.

Сейчас, правда, он не спешил подтверждать это делом, а тяжело сел на соседний лежак, боком к ней, и залпом выпил две кружки.

- Хорошо! Разомнешь меня?

- Может, сперва ты меня?

Она отставила кружку на пол, перевернулась на живот и закрыла глаза, с удовольствием отдаваясь его сильным рукам.

В своё время она вылечила его. Было сложно, он оказался почти при смерти, но выкарабкался. Она ему об этом никогда не рассказывала. Простуда не всегда бывает опасной, однако у него начались всякие нехорошие осложнения, связанные со слабым желудком, пришлось вливать много обезболивающих настоек, кормить крайне осторожно, то и дело усыплять, чтобы дать отдохнуть, сгонять жар и ещё много всего, о чем он сейчас едва ли помнил. Но помнила она. Так что знаки внимания с его стороны воспринимала как должное. Он не знал, чего ей стоило его выходить, но чувствовал себя ей обязанной. А может быть, в самом деле, любил её. Она старалась не интересоваться его прежней жизнью и воспринимала таким, каким застала: сильным, смелым и при всём при том богатым. Она не ожидала, что он ради неё купит этот участок, разберёт старые постройки и возведет на их месте эти чертоги, со стороны больше похожие на хорошо укрепленную заставу. Но он так сказал и так сделал. Она, правда, на этот счёт не слишком обольщалась, догадываясь, что нечто подобное он построил бы всё равно, даже если бы их встреча никогда не произошла, поскольку уже тогда намеревался затеять эту сомнительную канитель с «кровью героев» и собственными бойцами. Теперь же, выполнив своё обещание, он ждал от неё ответа. Ждал молча и покорно, но оттого не менее настойчиво. А ей одновременно хотелось быть с ним и ничего не менять в своей жизни. В Обители Матерей она несколько зим назад оказалась в послушницах у Сваратор'айтен, Матери Черной башни, которую звали Корлис и которая скоро заметила в юной девушке склонность не столько к разным древним премудростям, сколько к врачеванию. Поэтому из Кади перестали делать очередную *гевиту*, а препоручили заботам Куны, доброй женщины, знавшей толк в травах и снадобьях и лечившей всю Обитель. Благодаря этому обстоятельству Кади получила в стенах Обители относительную свободу по сравнению с теми же гевитами, не говоря уж о *гардианах*, которых изнурительными каждодневными занятиями превращали в безстрашных воительниц, и об изнеженных *фриясах*, чьим жизненным уделом становилась любовь со всеми её тонкостями и откровениями. Более того, Куна охотно потакала её желаниям время от времени вырываться из застенков Обители и отпускала в Вайла'тун к бабушке под предлогом покупки каких-нибудь особенных корений или ягод на рынке. В одну из таких отлучек и произошла их затянувшаяся встреча. И вот теперь перед ней стоял трудный выбор между разговором по душам с Куной

или вынужденным разрывом с Ротрамом. Закра, с которой она попыталась об этом заговорить, только руками замахала:

- Ступай туда, откуда пришла! Здесь не место тебе. Не слышишь меня, что ли? Много крови будет. Много печали. Там тебя ещё смогут защитить. А здесь пропадешь совсем. Нельзя оставаться.

Бабушка всегда пророчила что-нибудь плохое. Будто отказывалась замечать то хорошее, что происходило вокруг. В рынке – обман. В труде кузнецов – усталость и безсилие. В остальных женщинах – предательство и коварство. В мужчинах – жестокость. Даже в рождении ребенка она видела боль матери. Внучку она тоже любила по-своему, через жалость. Как будто предчувствовала то, что с ней случится в будущем, и пыталась отговорить от опрометчивых поступков. Но при этом забывала объяснять причину. Поэтому Кади редко к ней прислушивалась. Иногда ей казалось, что она сама слышит внутренний голос, который подсказывал, как поступить в той или иной ситуации. Сейчас этот голос говорил, что нужно расслабиться и радоваться жизни.

- Не перестарайся, дорогой. Кроме задницы, у меня есть ещё ноги и спина.

- Согласен, но спина у тебя слишком худенькая, а ноги слишком длинные. Зато ягодицы – самый раз. Особенно когда ты их напрягаешь.

- Я ничего не напрягаю.

- Я бы так не сказал.

Ей нравилась его сдержанность. Сколько бы дней ни разделяли их встречи, Ротрам никогда не позволял себе выказывать чувство накопившегося голода. Он всегда был ласков и предупредителен. Словно видел в ней несмышленную девочку и соглашался на невинную игру.

- Повернись.

- Вот так?

- Да, именно. У тебя красивый живот.

- И всё?

- Не только.

- А что ещё?

Вместо ответов последовали колючие поцелуи в самые нежные места.

Когда раздался стук в дверь, оба тяжело дышали на полу между лежаками.

- Кто это? – нашел силы на неприветливый вопрос Ротрам.

Ответа не последовало.

Ротрам даже не мог вспомнить, чтобы запирал дверь на задвижку после ухода Шори. Вероятно, всё-таки закрыл и правильно сделал. Ему сейчас меньше всего хотелось кого-нибудь видеть. Кроме Кади.

- Ты не намерен открывать? – поинтересовалась она, садясь на лежак и закутываясь в мокрое полотенце.

Ротрам опоясал бёдра таким же и неохотно заковылял к двери.

На пороге стояла всё та же Шори, только теперь более или менее прилично выглядящая: в короткой домотканой накидке, надетой на голое тело прямо через голову. В руке она держала нож, а вид имела испуганный и растерянный. Не дожидаясь вопроса, она прикрыла дрожащей ладонью рот и, словно сообщая великую тайну, прошептала:

- На нас напали...

ЧАСТЬ 2

Красный снег

Первой мыслью Ротрама было предположение, что сбылись его худшие опасения, и к ним в терем пожаловали виггеры, присланные замком, который узнал о ночном происшествии с убитым фра'ниманом.

- Сколько их? – на всякий случай уточнил он, сбрасывая полотенце и поспешно просовывая руки и ноги в привычную одежду, теплую, влажную и распаренную.

- Никто в точности не знает. Целая тьма, - мямлила Шори, кусая губу.

- Тьма? – Он прислушался. – И где же они?

Девушка неопределенно махнула ножом куда-то за спину.

- Там...

- Во дворе что ли? Говори складно!

- Не во дворе... там...

Ротрам бросил уже сосредоточенный и почти спокойный взгляд на Кади. Та смотрела на него взволнованно, однако, без страха. Молодец! Никогда нельзя терять самообладания.

- Шори, помоги ей одеться и отведи к себе. Когда я выясню, что к чему, зайду за вами. Кади, будь с ней.

- Хорошо. А с тобой мне пойти нельзя?

- Нет, - отрезал он, слишком хорошо понимая, что не должен раскисать. Даже когда все силы остались в ней и хочется просто лечь и заснуть. – Нет, я приду скоро. Ждите. И никуда не высовывайтесь.

На улице его разом охватил жгучий холод. Солнце было уже довольно высоко, по синему небу ходило несколько белобоких туч, и снег под ногами не хрустел, как на сильном морозе, а скорее причмокивал, подтаивая. Не успевшая просохнуть одежда липла под шубой к телу и заставляла ёжиться.

Он побежал к главному входу, чтобы оттуда подняться под самую крышу, выше крыши, на дозорную башенку, где сейчас, как он мог заметить с земли, уже собралось несколько человек, кроме несших там дневную службу сторожей. Они смотрели куда-то в сторону, тянули руки и о чём-то спорили, перебивая друг друга.

При входе он наткнулся на выбегавшего навстречу Биртона. Близко посаженные глаза последнего сверкали нехорошим огнём.

- Ты уже знаешь?

- Слышал. Пошли со мной, сверху поглядим.

- Видел уже, - буркнул Биртон. – С меня хватило. Я к своим. Нужно всех предупредить. Потом вернусь. Пересечёмся ещё.

- Что там?

- Увидишь...

Пока он стремительно поднимался по лестнице, в груди предательски стучало, голова кружилась от мельтешни неуловимых мыслей. Неужели случилось то, чего все боялись? Неужели шеважа отважились выступить войной? Зимой? Кто бы мог подумать! Или это не шеважа?.. Ведь были же не так давно разговоры о том, что какие-то странные всадники напали на строителей большой печи возле глиняного карьера. Никто тогда не стал их преследовать. Решили просто свернуть строительство и разойтись по домам. А надо было бы. Просто так из ниоткуда всадники не появляются.

Сверху поспешно спускались кое-кто из вчерашних гостей. Кажется, этого бледного зовут Уверт, он помощник главного рудокопа. Рядом с ним семенит Вори. Оба явно напуганы, хотя пытаются этого не показывать.

- Остальные уже ушли? – машинально спросил он, хотя сейчас их ответ очень мало его интересовал.

- Благодарим за постой, вита Ротрам. Да, вы правы, мы расходимся. Надеемся, наши договорённости останутся в силе.

- Я тоже.

Он продолжал восхождение, не оглядываясь.

На третьем ярусе главная лестница заканчивалась. На крышу, точнее, на дозорную башню можно было попасть по приставной. Она ждала его в конце коридора между двумя комнатами, где они накануне так хорошо поговорили и отдохнули. Теперь по коридору гулял холодный сквозняк, потому что те, кто сейчас шумели на крыше, в спешке забыли закрыть за собой люк.

Он тоже забыл обо всём, когда выбрался на промозглый ветер и с трудом перевёл дух. Уже не тот возраст, чтобы по лестницам бегать. Раньше бы этого подъёма даже не заметил. Сейчас же в глазах темно и хотелось на что-нибудь присесть.

Вместо этого он остался стоять, как стоял, обратясь лицом навстречу ледяным порывам и не замечая слёз, которые ветер выдавливал из глаз и размазывал по щекам.

Вдали, почти у самого горизонта, очерченного сверкающими водами Бехемы, разлилась огромная чёрная лужа. Она зыбилась странными разноцветными переливами, никуда не двигалась, но заполняла собой всё пространство между рекой, опушкой Пограничья и тем местом, где высились останки недостроенной печи. Чёрная лужа была живой и страшной. Потому что, протерев слезящиеся глаза и зажмурившись от яркости лежащего на крышах снега, Ротрам явственно различил, что это никакая не вода и не тень от леса, а невиданное до-

селе скопление всадников, лошадей, повозок и реющих над ними длинных флагов.

- Гости пожаловали? – услышал Ротрам собственный голос.

Только тут он заметил, кто стоит рядом: Бокинфал, двое дозорных, имена которых внезапно вылетели у него из головы, и Фелла. Девушка сегодня была как-то особенно хороша, дышала глубоко, смотрела, не отрываясь, на далекое полчище, и Ротраму даже показалось, что она улыбается. Она была с непокрытой головой, как и Бокинфал, и ветер иногда украдкой переплетал их длинные волосы.

- Плохи наши дела, - ответил один из дозорных, сдвигаясь в сторону, чтобы дать Ротраму побольше места. – Это не шеважа, а не поймешь кто.

- Великаны, - поддакнул второй. – Такие здоровенные, что мы их отсюда разглядеть можем. Я думал, народ сказками балуется. Ну, в смысле про ту стычку у карьера. А теперь сам вижу. Жуть. Смотреть не хочется.

Ротрам покосился на него и признал крепыша Нола. Как ни странно, в его словах не было страха. А вглядывался он вперед, скорее, с интересом, нежели с трепетом. Разве что арбалет по привычке держал наперевес, будто в случае чего был готов стрельнуть в недостижимого врага. Пока недостижимого.

- Здесь дожидаться будем или навстречу пойдем? – смачно сплюнул первый. Ротрам вспомнил и его имя – Логен. Широкая борода его заиндевела и казалось, вот-вот переломится.

- Чему вас только в сверах учили, - не сдержался Бокинфал, косясь на Феллу. – Тебе лишь бы выдвинуться на врага да мечом помахать. Но ты ведь сам видишь, что это не дикари лесные. В чистом поле они нас как кошек потопчут. Так что придется делать вид, что мы на заставе сидим, и оборону занимать. Таким порядком нас не сразу всех перебьют. Что будем делать, вита Ротрам?

- Ты и сам всё, похоже, знаешь. Отбиваться будем, если что.

- Если что? – переспросила Фелла.

- Если вся эта каша на нас пойдёт, - без улыбки пояснил Бокинфал. – Думаю, это произойдет скорее, чем нам хотелось бы. Так как решим, вита Ротрам? Ни про что такое я никогда в летописях не читал, а если читал, то сейчас не упомяну. Обычно мы нападали, если уж нужда заставляла. Видать, пришло наше время ответ держать.

- Интересно, есть у них огонь? – задумался вслух Нол.

- Ещё как есть! – снова сплюнул Логен. – Ты что, костров не видишь?

- Тогда нас пожгут...

Ротрам отвернулся и теперь смотрел на замок.

Башня Меген'тор непоколебимо высилась над высоченными каменными стенами. Хорошо было видно, что на стенах полным-полно людей, по большей части воинов. Он никогда не предполагал, что их

так много. В обычное время лишь два-три дымка в небо поднималось – там, где дежурили дозорные. Сейчас вместо них горел единственный костер – на верхушке Меген’тора. Столб дыма вздымался к самым облакам, словно не замечая порывов ветра. Над заснеженным Пограничьем ему беззвучно вторили один, два, восемь, десятков таких же дымов, казавшихся отсюда слабенькими струйками. О появлении врага уже знали во всём Торлоне. Только что это могло изменить? Даже если все *эльгяры*³¹ со всех застав разом пожалуют домой, побросав свои укрепления на радость шеважа, их не хватит, чтобы противостоять этому грозному воинству. Пожалуй, Бокинфал по большому счету прав: собираться в кучу и идти на врага будет глупо. Очень хорошо, если в замке это тоже понимают. Ракли наверняка отдал бы команду «собираться в один кулак и крушить гадов», он любил храбрые решения и открытые поединки, но его уже давно как нет, можно сказать, к счастью, а нынешние военачальники пока только тревогу поднимают – старую солому жгут. Бросили бы клич, было бы по меньшей мере два дыма. Значит, выжидают. Им-то там за стенами хорошо. Чтобы к ним прорваться, неприятелю, кем бы он ни был, придется преодолеть живой заслон из множества домов и домишек, хозяева которых непременно окажут посильное сопротивление. Правда, если враг коварный и сметливый, то Нол может оказаться прав: стая огненных стрел – и заслон сам собой падёт вместе с защитниками. До сих пор их тут спасало только то, что единственный извечный враг, шеважа, не умели пользоваться огнём. Не так давно они научились, но ещё не до конца раскусили все его прелести, а тут как раз зима подоспела, так что им пока не с руки покидать Пограничье и нападать на Вайла’тун. Эти ребята посерьёзнее будут. Действительно, крупные по виду. Не великаны, конечно, у страха глаза велики, но крупные. Эх, жаль, что Хейзит не успел осуществить свою такую простую и нужную задумку! Сейчас бы у них уже и печь была, и камней глиняных вдоволь. Можно было бы чуть ли не весь Вайла’тун каменной кладкой обнести да избы начать перестраивать, чтобы их так просто огонь не взял. Не сложилось. Шилоху тоже не один день понадобится, чтобы производство наладить. Если у него вообще что-нибудь из этой затеи выйдет. Что ж, придётся отбиваться, как получится.

- Здесь останемся, - сказал Ротрам, ободряюще кивая Фелле. – Пойдут на нас, всех разом не перебьют, это точно. Посражаемся. Нам, кажись, не привыкать.

- Тэвил, - в третий раз сплюнул Логен, попав себе на бороду. – Хорошо, что у меня никого нет.

Да уж, можно только позавидовать, подумала Фелла, кутаясь в шубку и осторожно спускаясь по лестнице в теплый по сравнению с улицей дом. В том, чтобы ни за кого, кроме себя, не нести ответственность, есть определенная прелесть. Пока был жив отец, она тоже мог-

³¹ Полное название - линт’эльгяры, т.е. защитники застав

ла себе позволить жить собственными чаяниями и заботами, но с некоторых пор всё изменилось, ей пришлось быстро повзрослеть и сделаться опорой прежде всего для своего непутёвого брата. Который даже сейчас неизвестно где носится.

- Ты не знаешь, куда спрятался Том? – оглянулась она на спускающегося следом за ней Бокинфала.

- Думаю, он никуда не прятался. С утра был с нашими. Валбур его в беде не оставит.

Валбур. Хороший парень. Том в него просто влюблён. Они на удивление быстро спелись. Да и поёт он, кстати, как выяснилось, недурно. Даже нехорошо, что она к нему совсем равнодушна, чего, однако, не спешит показывать, чтобы не огорчать беднягу. Варезки вот подарил тёплые. Греют хорошо. Жаль, что после этой ночи она нигде не может шапчонку найти, которая к ним прилагалась. Обидно. Надо будет ещё поискать. Судя по всему, время есть. Если Биртон не пошутил, как он иногда это любит, их с Томом приглашают остаться здесь на неопределенный срок. О причинах Биртон упомянул, но она его не очень поняла. Кроме того, что ненавистный ей фра'ниман будто бы мёртв. Если так, то поделом ему. Если бы давеча не подоспела неожиданная помощь, его люди наверняка расправились бы с ними. Намерения и ножи у них были весьма красноречивыми. О чём это я? Всё, что происходило до сих пор – в далёком прошлом. С крыши она только что видела их ближайшее будущее. По сравнению с теми всадниками самый жуткий фра'ниман может показаться невинной душкой. Если только, если только...

- Ты pomoжeшь мне найти Тома?

- И даже не потребу́ю за это поцелу́я, - поклонился Бокинфал.

- Мы пойдём к твоим собратьям?

- Не в том смысле, в каком мне бы того хотелось, но отчасти ты права: теперь моими собратьями стали грубые вояки и драчуны, а не те добронравные и размеренные господа, которые умели с таким вдохновением сражаться пистолетами и кожаными рукописями.

- Ты разве не рад, что сменил оружие?

- Это случилось само собой, помимо моего желания. Оказалось, что я го́жусь не только на то, чтобы записывать ход событий, но и по мере сил и наглости влиять на него. Ты куда?

- погоди, мне нужно кое-что проверить.

Фелла забежала в свою недавнюю спальню и придирчиво пересмотрела все шкафы на широкой кровати, потом обследовала пол и углы, и, в конце концов, отыскала свою миленькую вязаную шапочку только тогда, когда удосужилась заглянуть в мешок, где хранились линги.

- Нашла. Можно идти.

Несмотря ни на что, ей было приятно сознавать, что своим теперешним видом она доставит Валбуру удовольствие. Для неё он был куда милее и приятнее, чем тот же Кендр, приятель Биртона и торговец оружием, который на недавнем дне её рождения решил, что ему по праву гостя всё позволено и попытался навязаться к ней в собеседники аж до самого утра. Конечно, все гости остались у них ночевать – не выгонять же их на холод, но это было отнюдь не повод забираться к ней под одеяло. Кажется, она его больно стукнула, после чего охотно извинилась, однако Кендр понял свою ошибку и больше рук не распускал.

О чём это она? При чём тут Кендр и её строгие привычки? Мужчины сейчас должны интересоваться её разве что как храбрые защитники. На улице такое творится!..

Линги она решила оставить в комнате. Если они никуда не уходят, зачем таскать их с собой?

Воины толпились во дворе перед главным теремом. Ей бросился в глаза сухопарый лысый старик с седой бородёнкой. При виде Бокинфала он громко окликнул его и велел больше не пропадать. Она не могла не заметить, что её внезапное появление вызвало в мужчинах знакомое волнение. Некоторые помрачнели, другие, наоборот, восторженно заулыбались, третьи в смущении отвернулись. Все они были рослые, плечистые и на редкость легко одетые. От непокрытых голов поднимался пар.

Бокинфал оказался в центре внимания. Он видел то, о чём они, судя по всему, только что услышали и ради чего побросали свои занятия.

- Фелла! Ты была на башне? - Ей под ноги выкатился Том. – Их там много?

- Очень, - призналась она и поискала глазами Валбура, с которым последний раз разговаривала накануне вечером. Едва ли сейчас подходящее время, чтобы благодарить его за избавление от злосчастного фра'нимана, но ей захотелось увидеть его простое открытое лицо и хоть на время почувствовать себя в безопасности. – Ты знаешь, что мы тут остаёмся?

- Остаёмся? Вот здорово! Здесь нам ничего не угрожает. Смотри, какие у меня теперь друзья! Кого хошь поломают! Валбур!

А тот уже стоял рядом и взирал на Феллу исподлобья, явно стесняясь посторонних.

Тем временем Бокинфал оказался, если так можно выразиться, во втором центре внимания: друзья по оружию обступили его плотным кольцом и о чём-то оживлённо переговаривались, вероятно, выясняя положение неведомого врага и прикидывая свои дальнейшие действия. Том, как ни странно, остался с сестрой, а Валбур, кивнув ей, присоединился к ним.

- Ты уже слышал про Улмара? – спросила Фелла и удивилась выражению на довольном лице брата. – Слышал?

- Кое-что. Теперь ты свободна.

- Ну, не совсем. Ротрам нас приютил пока, но ты же знаешь, что нам до конца ни на кого нельзя полагаться...

- ... кроме нас самих.

- Вот именно. Обещай мне, что не будешь делать никаких глупостей и никуда отсюда не сбежишь.

- А куда и зачем не бежать?

- Том, ты меня понял! Кстати, где ты ночевал? У Валбура?

- Да, у ребят. У них там много общих комнат. Показать?

- Как-нибудь в другой раз.

- Ну, вообще-то, если ты хочешь быть в безопасности, то тебе тоже лучше держаться к ним поближе. Знаешь, какие они тут все силачи! Я поднять эти штуковины не могу, а они ими перебрасываются. Я тоже хочу быть сильным. Мы надолго здесь останемся?

- Если бы я знала. – Она пожала плечами, продолжая краем глаза следить за мужчинами. – Ты ведь понимаешь, как всё может в любой момент обернуться? Там такое воинство против нас собралось, что нам, похоже, несдобровать...

- Я тоже хочу посмотреть! Я мигом!

Том сорвался с места, и она не успела его ни за что ухватить. Голова у сорванца всегда работала быстро и непредсказуемо.

Внезапно оставшись совершенно одна, Фелла в нерешительности огляделась. Она представила себе, что может произойти, если те могучие всадники перестанут топтаться на месте и получают приказ атаковать Вайла'тун. Смогут ли Стреляные Стены их остановить? Справятся ли с врагом мерги и считавшиеся до сих пор непобедимыми сверы? Она не знала. Она надеялась. Сейчас она особенно остро почувствовала себя женщиной. Потерянной и одинокой. Обремененной заботами, которые очень хотелось бы переложить на других. Чтобы разобраться наконец-то в себе и принять какие-нибудь важные для дальнейшей жизни решения. Разумеется, она размышляла об этом и раньше, но сейчас, похоже, наступило особое время. У неё нет никого, кроме младшего брата, и если с ним что-нибудь случится, она понятия не имеет, сможет ли это пережить. Он, единственное, что у неё осталось от той прежней радостно-безрассудной жизни, когда были живы их родители. До сих пор им с Томом просто очень везло. То, что сегодня утром рассказал ей Биртон, сбивчиво, явно не договаривая, повергло её в тихий ужас, превозмочь который помог другой ужас – увиденного с высоты башни. Только сейчас до неё дошел смысл его слов «Похоже, эти выродки хотели принести тебя в жертву». Выходит, Улмар не просто сводил с ней счёты из-за того, что в своё время не добился ни благосклонности, ни денег. Кто-то ещё стоял за ним, кому она понадобилась для каких-то своих целей. Это означало, что с его смертью для неё

может ничего и не кончиться. Но почему? Кто и чего от неё хочет? Где она оступилась? Кому перешла дорогу? Какая жертва? Для чего? Фелла слышала, что жертвы своим героям, которые и не герои вовсе, а просто предки, будто бы приносят дикари из Пограничья. Но ведь не на них же не покладая рук трудился Улмар. Героям вабонов жертвы не требовались. Тем более человеческие. Рукотворные требы в виде всяких вкусовностей, питья да цветочных плетёнок не в счёт. Значит, тут что-то другое. От чего веяло чужим, холодным и страшным...

- Не замерзла?

Фелла настолько задумалась, что не заметила, как подошел Валбур. Остальные воины уже спешили во все стороны по своим делам, вернее, по тем делам, о которых они только что договорились.

- Твои подарки хорошо согревают, - улыбнулась она.

- Я рад...

- Ты уже видел, что там творится? – Она кивнула себе за спину.

- Нет. Том туда побежал?

- Слушай, я как раз хотела тебя попросить. Понимаю, что у тебя забот хватает, но ты мог бы за ним присмотреть?

- Ротрам вас не выпускает?

- Предложил остаться. Ты тоже считаешь, что так лучше?

Он смотрел на неё вопросительно и молчал. Она легко читала его мысли по взгляду и ждала.

Валбур видел перед собой красивую девушку, с виду совершенно не потревоженную только что обрушившимися на них вестями. На её месте он бы сейчас, вероятно, заламывал в отчаянии руки и прятался в тереме, скуля и стелая от ужаса перед слишком очевидным грядущим, а она стоит тут и спокойно разговаривает с ним, будто ничего ровным счетом не происходит. Даже самому стыдно становится за первую волну паники, которая накатилась на него, когда он впервые услышал крики дозорных. Наверное, он слишком отчетливо, в отличие от неё, представлял себе, как пронзается грудь кинжалом, как выплевывается из раны густая кровь, как топор разрубает орудие лицо, как хрустят ломающиеся кости и как только что живой человек превращается в безвольную, но уже никому не нужную куклу.

- Я считаю, мы все должны держаться вместе, - сказал он, отворачиваясь. – Если тебе что-нибудь понадобится, можешь на меня положиться.

- Это я знаю.

Он воспрянул духом и замешкался, хотя явно собирался уходить.

- Вон там, на углу, слева, дверь к нам. Том может у меня ночевать, как этой ночью. Он хороший парень растёт, смелый. Я его в обиду не дам, не переживай. Трудно сказать, где теперь безопаснее, в тереме или у нас, но ты, если будет желание, можешь тоже сюда перебраться. И к земле ближе, и теплее поди.

- Что вы решили делать? – спохватилась она, заодно меняя тему.

- Будем ждать. Дозорные, если что, дадут нам знать, когда и куда враг направится, а мы встретим его на стенах. Тут многим не впервой. Думаю, на день-другой осады нам силёнок хватит.

Ей вспомнилось черное переливающееся пятно вдали, и она с грустной улыбкой покачала головой.

- Такую толпу этот забор не остановит. Их там очень много.

- Эй! Я тут! Смотрите!

Это махал руками и кричал им с башни ликующий Том. Он ещё никогда не забирался так высоко. Даже деревья, по которым он ловко лазил, когда они с отцом ходили ловить белок в Пограничье, казались ему сейчас маленькими кустиками. Отсюда открывался поразительный вид на весь Вайла'тун. Да что там Вайла'тун – на весь Торлон! Страна башен! Он впервые видел за раз столько дымов. Дымы поднимались живыми столбами к небу повсюду. Даже над замком, увенчанным могучей башней, карабкался вверх густой поток дыма, гордо показывая всем свою мощь в противоборстве с порывам бездумного ветра. У Тома от восторга перехватывало дыхание. Он кашлял, смахивал с глаз непрошеные слёзы и жадно смотрел вокруг, пытаясь запечатлеть в памяти эту поразительную картину отваги вабонов и грядущей сокрушительной победы. Победы над теми, кто отважился покуситься на их свободную жизнь и теперь топтался в нерешительности там, на белом заснеженном поле. Горстка непрошенных гостей, возомнивших, будто им по силам запугать Тома и его новых друзей. Теперь, когда они с Феллой больше не одни, он ощущал себя так, как должны были ощущать себя легендарные герои, в честь которых по всему Вайла'туну воздвигались каменные луковицы беор³² и которые сумели своими делами заслужить вечную память в сердцах потомков. Сегодня настал их черёд. Сегодня они должны будут доказать, что не напрасно сложили свои храбрые головы Адан, Дули, Кедик, Лаирт, Оган, Эриген, Рилох и многие другие. Сегодня им предстоит лицом к лицу встретиться со своими страхами, с неведомым врагом (поскольку даже Том отчетливо видел, что это грозное воинство не может быть сборищем лесных дикарей), врагом, не убоявшимся зимней стужи и пришедшем помериться с ними силами. Они готовы вступить в спор. Они...

Он отвернулся от очередного порыва обжигающего ветра и глянул в противоположную сторону. Там, где постройки становились всё реже и реже, переходя в холмистую равнину с одинокими избами и жиденькими перелесками, он с изумлением увидел медленно, но непоколебимо приближающуюся людскую массу, безмолвную и нестройную, без флагов и устрашающих криков, вооруженную кто чем, по большей части топорами да вилами, угрюмую и неотвратимую. Стоявшие рядом с Томом дозорные не сразу, но тоже заметили их.

- Фолдиты! – крикнул один, смачно сплёвывая.

³² Беора – часовня культа героев, имеет форму перевернутой луковицы и напоминает шлем мерга

- Откуда они узнали? – поразился второй. – Чтобы досюда дойти, им нужно было выступать ещё ночью. Ну, дела!

- Да уж, в самый раз подоспели.

- Не понимаю я чего-то...

- Брось, Нол, теперь это уже неважно. Надеюсь в замке видят то же, что и мы. Гляди, сколько там воинов по стенам околачиваются. Если не побоятся с фолдитами объединиться, мы этим чёрным гадам покажем!

- Кто бы сомневался!

Том их не слушал и не пытался понять, что происходит. Его острый взгляд даже на таком расстоянии различал в разношерстной толпе отдельных её представителей и убеждался в том, что едва ли эта своевременная подмога произведет на врага должное впечатление. Фолдиты, насколько он знал по рассказам знакомых, не понимали толка в хорошей драке. Они с утра до ночи только тем и занимались, что копались в земле, и не умели ничего, кроме как вспахивать поля тяжелыми плугами да разводить всякую живность. Что они смогут своими вилами? У Пограничья собрались полчища всадников, законных в броню. Они перетопчут большую половину фолдитов одними только конями.

Действительно, странно... Только что ему казалось, будто враг не спроста мешкает, что ему несдобровать перед доблестными защитниками Вайла'туна, а теперь, когда на подходе вот она, неожиданная помощь, он внезапно начинает осознавать всю слабость их теперешнего положения. Нет, сам он не боится, он просто осознаёт. Фелле понравилось бы. Она считает его безрассудным. Думает, он ещё не вырос из детских забав. Нет, она ошибается.

- Том, спускайся оттуда! – окликнула его крохотная с такой высоты сестра, не подозревая, какая перемена только что произошла в его озябшей душе. – Не лучшее время, чтобы простужаться!

В отличие от него, она ещё не знала о подходящих силах фолдитов, точно также как он не имел ни малейшего представления о том, что происходит в это самое время в разных уголках Торлона.

Ротрам гладил волосы лежавшей у него в объятьях Кади и думал, правильно ли он поступил, отправив в замок тайного гонца.

Хоуэн как раз подходил к своему дому, собираясь покинуть его, теперь уже навсегда.

Шори, преодолевая страх, помогала на кухне раскрасневшейся Маре готовить никем пока не отменённый обед.

Валбур смотрел на Феллу и понимал, что должен сказать ей что-то очень важное.

Мев заливала горячей водой смрадные пеленки и поглядывала через плечо на подругу. Шелта купала сына и тихо напевала.

Эша, подруга Феллы, плакала, потому что весть о готовящемся нападении застала её врасплох, и она догадалась, что сегодня Буллона ей не дожидаться.

Другая её подруга, Дэлсин, напротив, находилась в обществе обоих братьев, но от этого ей не было легче. Смирл заявил, что они обязаны что-нибудь предпринять, кроме бегства. Пент уточнил, что видел, как их соседи уже собрались и потянулись в сторону замка. Имело смысл последовать их примеру.

В каркере, где совсем недавно сидел Валбур, стояла странная тишина. Никто не просил выпустить его на свободу, никто не бил кулаками в дверь. Казалось, даже воспоминания об узниках покинули это злосчастное место. Неизменной оставалась только вонь от испражнений да двух-трёх разлагающихся трупов.

Кендр чувствовал себя на седьмом небе. Торговля никогда ещё не шла у него так бойко. Краем глаза он замечал, что столпотворение коснулось и его любимых конкурентов. Как будто весь рынок решил во что бы то ни стало вооружиться. Торговцы посудой уныло наблюдали за происходящим. А некоторые, заразившись настроениями толпы, покинули свои лавки и тоже тянули жадные руки к пустеющим прилавкам с дорогими мечами и изящными, прочными кольчугами. Других уже просто не осталось.

Закра, сумасшедшая прорицательница, бродила по колена в снегу, засыпавшему лёд так полюбившегося ей в последнее время канала и роняла капли крови из пореза на ладони, приговаривая:

- Красный снег! Красивый снег!

Сейчас никто не обращал на неё внимания.

Санка, маленькая подружка Тома, хныкала, потому что строгая мать запретила ей сегодня выходить на улицу, и теперь она была вынуждена сидеть взаперти и играть надоевшими тряпочными куклами. Ей очень хотелось пойти на соседнюю горку, где вчера они с ребятами так замечательно провели весь вечер.

В это же самое время в Обители Матерей привратница Дагна, молодая и статная, с длинной, гибкой спиной и широкими плечами, на которые двумя змеями-близняшками спадали туго заплетенные русые косы, опускала тяжелый мост через ров. Проехать по нему готовились многочисленные санные подводы, в которых сосредоточенно молчали её подруги, гардианы, получившие приказ Матери Синей башни почти в полном составе отправляться на помощь защитникам Вайла'туна. Сама Кармита сидела сейчас под землей, в Силан'эрн, Зале молчания, слушала допущенных сюда матерей, прятала морщинистое лицо под капюшоном и терзалась сомнениями о том, правильно ли поступила, безропотно согласившись оставить Обитель почти без возможности самостоятельно обороняться. Ослушаться она не могла, ибо таково было распоряжение Самого, восседавшего на своем обычном месте в

глубокой нише и безучастно прислушивавшегося из-под алого капюшона к потерявшим смысл спорам.

По коридорам подземелья бегали крысы, потревоженные начавшимся здесь с недавних пор оживлением. Множество ног торопилось в обе стороны, точнее, во все стороны, куда бы крысы ни пытались улизнуть, предпочитая темень и тишину слепящему свету факелов, шуму возбужденных голосов и поднятой с пола пыли. Откуда крысы сбежали окончательно и где не рисковали показывать свои приносившиеся носики так это от остававшихся незапертыми дверей в съестные подвалы Меген'тора, главной башни замка. Здесь исчезало и появлялось большинство суетливых ног.

Скелли, главный писарь, добровольно заточил себя в одной из коморок и оттуда прислушивался к происходящему в тускло освещенной зале, где остальные писари выслушивали приходящие отовсюду доносы о текущем положении вещей и заносили эти сведения в специальные свитки, которые ему самолично предстояло впоследствии просмотреть, выбрать необходимое и передать в работу Оррику и Буртону, его доверенным летописцам, иногда лепившим непростительные ошибки, но зато обладавшим превосходным умением использовать всякие обтекаемые конструкции и обороты, зачастую приводящие читателя в некоторое недоумение по поводу смысла прочитанного, но зато позволяющие делать многозначительные выводы. Скелли не было страшно. Он прекрасно знал, что рано или поздно этим должно всё кончиться, и теперь ему казалось, будто он спит и видит не самый приятный сон.

Высоко-высоко над ним, на каменной стене замка, обращенной ко вражескому полчищу и промозглому ветру, кутался в свой легкий плащ Гийс. Он тоже не боялся того, что видел. И не только потому, что его окружали лучшие из лучших сверы и лучшие из лучших мерги. Он просто разучился бояться. Преодолев то, что преодолел он ценой своей совести и доброго имени, едва ли кто станет изматывать себя ничёмными мыслями о смысле жизни и последствиях её утраты. Появление непрошенных гостей он обнаружил одним из первых. Вглядываясь сейчас в реюющие над головами далёких всадников длинные стяги всех возможных цветов, он думал о том, как бы на его месте поступил отец.

Отец был мёртв, он знал это наверняка, но после лютой смерти от родной руки Демвер Железный стал гораздо ближе к сыну, почти не отпуская его от себя и то и дело напоминая о своём незримом присутствии. Вот и теперь он стоял где-то рядом, одинокий, с залитой кровью грудью, и прятал под высоким воротником ликующую улыбку.

За его спиной, из маленького окошка на самой вершине главной замковой башни, носившей гордое звание Меген'тор, выглядывал на смерть перепуганный некрасивый юноша с вечно полуоткрытым ртом и сопровождавшими его повсюду дурными запахами лука и лежалого

сена. Даже здесь, в замке, они не выветрились из его нарядной одежды, настолько роскошной и цветастой, что через неё хозяин заслужил прозвище Павлин. На самом деле Павлина звали Кадмон, он был сыном самого богатого человека в Вайла'туне и вот уже который день жил в этих стенах на правах будущего законного правителя. Мать сказала, что он станет им после того, как они с Анорой, этой не слишком привлекательной во всех отношениях девицей с белобрысой чёлкой, сыграют свадьбу. Лично он между этими двумя событиями никакой связи не наблюдал. Ему нравилось обитать в самой высокой во всём Торлоне башне, нравились открывающиеся отсюда виды, ощущение недосыгаемости и безнаказанности, возможность не просыпаться с первыми петухами, которые здесь просто не слышны, служанки, ещё более сговорчивые, чем дома, одним словом, его устраивало всё, кроме двух перспектив: скоропалительной женитьбы и вида вражеского войска, угрожающего одним махом покончить со всем, к чему он привык в этой жизни. Если бы можно было выбирать, он бы даже остановил свой выбор на женитьбе, но, похоже, сейчас его мнение никого не интересовало.

В комнате, помимо него, была та самая Анора, общества которой он искал меньше всего, и могучий бородач Мунго, главный лекарь замка, только что зашедший её провести после ночного промывания желудка. Анора как ни в чем не бывало возлежала, занимая собой постель, где, вероятно, были зачаты все предыдущие властители Вайла'туна и где Кадмон уже наострился принимать послушных его однообразным прихотям девиц. Она была частично раздета, хотя и меньше, нежели ей самой того хотелось, а Мунго своей ручищей ощупывал её мягкий живот и нашептывал увещевания в скорой поправке. Если только, разумеется, она впредь воздержится от употребления такого количества жареного мяса с черникой.

- В любом случае, - говорил он, - вам нужно сейчас больше пить.

- Похоже, скоро мы все напьемся, - буркнул Кадмон, отворачиваясь от поразившего его зрелища и закрывая окошко плотной внутренней ставней, обитой толстой подкладкой.

- Ты напустил холода, - обиженно упрекнула его Анора.

- Зато я увидел скорый конец твоим мучениям, дорогая.

- Напрасно вы её пугаете, - неторопливо заметил Мунго, отнимая руку от порозовевшего живота и без особого сожаления закрывая его одеялом. — Ничего страшного не произойдёт.

- Но вы даже не взглянули на них! — воскликнул Кадмон. — Там их столько, что когда они нападут...

- Но они же не нападают. — Мунго пригладил чёрную бороду, только сейчас в его взгляде, обращенном на юношу, проснулся некоторый интерес. — Когда дикая кошка хочет задрать лань, она не показывает себя раньше времени, а просто набрасывается на неё.

- Дикая кошка? – Анора с удовольствием повернулась на бок, отчего одеяло снова съехало с её бедра и показало бледную ягодицу. – Где вы её видели, Мунго?

- Если бы я её видел, то сейчас вряд ли разговаривал бы с вами, - усмехнулся лекарь, поднимаясь с постели. – В том-то и смысл настоящей охоты. Так что любуйтесь этим зрелищем, сколько захотите – они не станут нападать.

Кадмон не мог не заметить, что Мунго не обращается к нему ни по надлежащему статусу, ни даже по имени. Он вообще вёл себя с новыми хозяевами если не сказать, что вызывающе, то уж больно независимо. Словно чувствовал какую-то силу, которая в трудный момент поддержит его. Вероятно, решил Кадмон, провожая краем глаза высокую фигуру до дверей опочивальни, тут не обошлось без Скелли, которого не так давно Мунго вытащил из цепких лап Квалу. Что было правильным поступком с его стороны, поскольку если бы Скелли очутился от подсунутого ему яда, вряд ли Кадмон сидел бы сейчас здесь и любовался глубокими узорами в виде диковинных растений и животных на обоих створах входных дверей, закрывшихся за лекарем.

Свет в опочивальню проникал через затейливый витраж высоко под потолком, больше похожий на распустившийся прямо в стене цветок, нежели на окно. Стоявшая под ним широкая кровать, была украшена высоким балдахином, который поддерживали четыре резные деревянные колонны. Тяжелый бархат спускался вниз со всех сторон плавными волнами и создавал впечатление, будто посреди помещения на всякий случай высится ещё один дом.

- Ты понял, какую кошку он имел в виду? – снова подала капризный голос Анора, решившая теперь укрыться одеялом по самый подбородок, словно стеснялась присутствия своего холодного суженого. – Я не слышала, чтобы в Пограничье водились дикие кошки.

Кадмон подошел к дверям.

- Вероятно, вот эту.

Он ткнул пальцем в оскаленную пасть изогнувшегося перед прыжком зверя, действительно, очень похожего на того ленивого кота, который припеваючи жил в доме его родителей, правда, крупнее его раз в десять, если судить по обступившим его деревьям, и едва ли таким же разборчивым в еде.

- От такой не убежишь, даже если её заметишь, - добавил он.

Они продолжали рассматривать узоры, когда одна из дверей снова приоткрылась и пропустила в опочивальню хрупкую фигурку хорошенькой служанки, которую Кадмон уже успел узнать по имени – Ильда. Ещё он знал, что у Ильды имеется самый что ни на есть настоящий муж, Арли, выполняющий поручения посыльного, а потому редко бывающий в замке. Во всяком случае, он никогда этого Арли ещё не видел да, собственно, и не стремился, довольствуясь обществом его неуступчивой жены.

Ильда принесла поднос с кружкой чего-то горячего, орехами и вренъем.

- Мунго сказал, что вы должны это выпить, - пояснила она неприятно удивленной Аноре, поставила поднос прямо на край постели и гордо удалилась.

- У них тут разве не принято стучать? – возмутилась девушка, сгребая орехи в горсть. – Она мне не нравится. Ты можешь от неё избавиться?

- Мама говорит, что я могу почти всё. – Кадмон почувствовал, что устал стоять, и присел рядом с подносом, заодно не давая уничтожить без своего участия все орехи.

- А тебе никогда не хотелось определить границы этого «почти»?

- Ты лучше не ешь, а пей.

Она послушно взяла кружку обеими руками и стала пить залпом, хитро следя за ним из-за края. В такие мгновения с ней бывало даже интересно. Ему не нравился её слишком вздернутый нос и жеманно опущенные уголки рта. Сейчас же, когда от всего лица остались только глаза, Анору можно было назвать загадочной и привлекательной. Если дойдет до свадьбы, надо будет ввести моду на женские маски, закрывающие нижнюю половину лица, подумал он.

- У тебя с ней уже что-то было?

- С кем?

- С этой служанкой.

- Я даже не знаю, как её зовут, - соврал Кадмон. – Не горячо?

Анора оставила его вежливый вопрос без внимания, грохнула кружку обратно на поднос и откинулась на подушки, делая вид, будто не догадывается об обнажившейся в глубоком вырезе правой груди.

- Ты боишься? – спросила она после короткой паузы.

- Чего? – Кадмон равнодушно смотрел на неё, думая с гораздо большим интересом о вражеском войске под стенами Вайла'туна, и это придавало его одутловатому лицу некоторое внутреннее напряжение, ошибочно истолкованное девушкой в свою пользу.

- Меня. – Она приподнялась на локтях, и стала видна вторая грудь-близняшка. – Ведь наши родители не зря позволили нам провести это время вместе. Я уже чувствую себя лучше.

- Рад за тебя.

- И всё?

- И за тот обед, от которого ты теперь не откажешься.

- Прекрати! Меня сейчас точно вырвет.

- Позвать служанку? Или ты уже соскучилась по Мунго?

- Он меня пугает.

- Кто? Мунго? Я бы по тебе этого не сказал.

- А правда, что он ведет свой род от самого Мали?

- Вполне может стать. – Кадмон наконец заметил обнаженную грудь собеседницы и, не сдержавшись, рыгнул. – Я никогда ни у кого не видел такого толстого носа.

- У него не нос толстый, а ноздри широкие.

- Невелика разница! Когда я его первый раз увидел, он показался мне уродливым дикарем, облаченным в нашу одежду.

- У дикарей волосы рыжие, а у него чёрные и кучерявые, как шерсть у баранов моего отца.

- Подходящее сравнение.

- Ты, похоже, вообще никого не любишь. – Она приняла ещё более соблазнительную позу. - Даже меня?

- Сейчас не самое подходящее время об этом спрашивать.

- Почему это?

- Ты понимаешь, что на нас напали? – Кадмон даже закрыл рот, так взволновала его эта мысль, от которой он успел немного отвлечься.

- Разве? – Анора легла на бок. – Кажется, я не слышу никакой борьбы. Единственные звуки – суeta на стенах. Они там что, решили ждать и ничего не делать?

- А ты бы предпочла, чтобы все покинули замок и ушли на верную смерть в поле, навстречу этому лошадиному стаду?

- Мне всё равно. Лишь бы они дрались подальше отсюда.

Кадмон ничего не ответил. Что взять с такой дурь? Когда её, как свинью, будут резать, она, вероятно, попросит своих убийц лишь о том, чтобы заткнули ей чем-нибудь рот, чтобы она не слышала собственных криков. Неужели все женщины настолько тупы и беспечны? Нет, если к женщинам отнести его родную мать. Уж она-то бы сейчас точно знала, что и как делать. Не зря даже отец частенько слушается её советов или молча исполняет сказанное в приказном тоне. Его мать – не чета всем этим хоренам, которые словно для того только и созданы, чтобы быть послушными и безмозглыми подхалимками. Потому что он – сын Томлина, до недавнего времени – доверенного ростовщика Ракли, владевшего этим замком, а теперь – негласного повелителя всего Вайла'туна, да что там Вайла'туна – всего Торлона! Была, правда, ещё одна девушка, которая его не добивалась, и которую он сделал своей лишь на одну слишком короткую ночь. Но она теперь далеко, если вообще жива. Её звали Орелия, они с Анорой были подругами, но Орелия избрала другой путь, примкнула к беглому сыну Ракли и в один далеко не прекрасный вечер исчезла вместе с ним. Йедда, мать Кадмона, которая обо всём связанном с сыном прекрасно знала, успокоила его, сказав, что такая, как она, не достойна ни под каким предлогом входить в их древний род и что, скорее всего, её постигла в ледяных водах Бехемы заслуженная участь. Кадмон в душе с ней не согласился. Ему бы гораздо больше хотелось не уступать роль палача какой-то Бехеме, а самолично, точнее, саморучно казнить предательницу, сделать ей очень больно, дать почувствовать, какого было ему по-

лучить известие о том, что любимая игрушка сбежала с каким-то безродным Локланом, предпочтя ему Кадмона, который теперь тешит свое уязвленное самолюбие в покоях некогда великих правителей Вайла'туна. Если можно так выразиться, на глазах у их самых что ни на есть родоначальников.

Он имел в виду две огромные картины, занимавшие сейчас противоположные стены и взиравшие на занятую пришельцами кровать под балдахин со строгим упрёком. Картины висели в кованых рамах и представляли собой портреты мужчины и женщины в роскошных парадных одеяниях.

Мужчина был запечатлен верхом на коне. Доспехи его сверкали в лучах невидимого за рамой солнца. В руке он держал шлем очень тонкой работы. Шлем безошибочно напоминал голову хищной птицы, металлический клюв которой служил защитным щитком для переносицы. Вдоль всего обода шла надпись, сейчас полуприкрытая металлической перчаткой, больше похожей на панцирь странного животного. Из всей надписи на ободке шлема отчетливо читались лишь слова «охрани да укрепи». Зато хорошо была видна филигранная резьба сбоку, в виде развевающихся на ветру перьев. Другой рукой мужчина торжественно сжимал устремленный вверх, вдоль конской гривы, изумительной работы меч. Рукоять, сомкнутая в железных пальцах перчатки, искрилась зелеными, как весенняя трава, и алыми, как кровь, драгоценными камнями. Конец рукояти представляла собой шар из кости. Как всадник сжимал рукоять, так и шар этот сжимала в когтях напряженная птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоять граничила с клинком, сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Вместо обычного острия лезвие заканчивалось причудливым раздвоением, делавшим клинок похожим на змеиное жало. Посередине лезвия тянулась такая же вязь, что и на шлеме. Красивую голову мужчины венчала темно-серая вышитая шапочка, какие обычно надевают под шлемы. Длинные золотые пряди волос и рыжеватая с едва заметной сединой коротко стриженная борода затейливо сочетались с серо-золотым плащом, стекавшим с широких плеч мужчины и закрывавшим круп коня вместе с хвостом. На картине всадник был запечатлен в великолепных латах, послушно повторяющих линии его могучего тела. Латами был прикрыт и конь, стоявший сейчас на трех ногах. Правую переднюю он грациозно поднял, словно раздумывая, стоит ли опускать её и губить подкованным копытом красивый голубой цветок, дерзнувший вырасти в столь неудачном месте.

Этот же или точно такой же цветок держала в тонких пальцах женщина на картине, украшавшей противоположную стену. При более внимательном рассмотрении женщиной её можно было назвать лишь условно: на самом деле с портрета смотрело совсем ещё юное

создание, величие и лишний возраст которому придавал чересчур пышный наряд, одетый, похоже, исключительно для позирования. Глубокого синего цвета платье переливалось золотыми звездами блёсток и почти не показывало складок, хотя девушка сидела в кресле. Из-за этого возникала забавная диспропорция между кажущимся её ростом и верхней частью прямого, вытянутого в струнку тела, увенчанного очаровательной бледной головкой в обрамлении сложнейшей прически, состоящей из разноцветных лент, каштановых локонов и многочисленных тоненьких косичек. Руки девушка спокойно положила вдоль резных деревянных подлокотников. Цветок она держала небрежно, совершенно не привлекая к нему взгляд зрителя. Она вообще производила странное впечатление отстраненности и поглощенности собственными мыслями. Которые скрывала за ласковой улыбкой очень красивого, но странного лица. Поначалу могло показаться, будто девушка улыбается. Но стоило Кадмону отвлечься, и вот уже он смотрит на то же лицо, и видит не улыбку, а скорее усмешку, грустную, лишенную какой бы то ни было красоты, которая обычно сменяется гримасой боли или горьким плачем. Удивляясь, он пытался вернуться к первому впечатлению, и – о чудо! – это ему удавалось: девушка снова награждала его сочувственной улыбкой.

Перехватив его взгляд, Анора ревниво надула губки и поинтересовалась, кто это такая.

- Понятия не имею, - в очередной раз соврал Кадмон.

На самом деле девушку со странным лицом звали Рианнон. Она была женой мужчины на коне. Коня, пожалевшего голубой цветок, звали Руари. Всадником, демонстрирующим жене свой замечательный меч-жало и птичий шлем, был самый славный из вабонских героев – легендарный Дули.

Накануне вечером обо всём этом ему поведал главный писарь Скелли, друг его матери, зашедший в сопровождении двух охранников навестить будущего правителя замка. Охранники остались за дверьми, а Скелли тихим голосом рассказал Кадмону грустную историю этой давно упокоившейся четы.

Из всего рассказа Кадмону особенно запомнилось одно любопытное наблюдение писаря, которое тот озвучил как будто даже неохотно, понизив голос чуть ли не до шепота и тем самым призывая ещё сильнее открывшего рот слушателя к нерушиму молчанию.

Оказалось, что в обеих картинах неизвестный художник замечательным образом спрятал настоящую загадку. Ключи к которой оставил на видных местах, однако так, чтобы заметить их мог только посвященный. А Скелли имел наглость относить себя именно к таковым. Кадмон не мог судить о том, прав ли жалкий старик в своих догадках, ему всё это показалось очередной сказкой больного, отравленного ядом рассудка, однако он дал себе труд запомнить сказанное.

Скелли похвастал, что умеет неплохо разбираться в людях и не страдает отсутствием наблюдательности. Подсказкой для решения, по его словам, стала правая рука девушки, в которой та удерживала готовый вот-вот выпасть цветок. Потому что если к ней приглядеться, то становилось совершенно очевидным: рука эта вовсе не правая, а на самом деле левая, точно такая же, как та, что без дела лежала на ближнем к зрителю подлокотнике кресла. Тот, кто рисовал обе картины, едва ли мог допустить подобную ошибку случайно. Причем, если сравнивать портреты, то именно левую руку, вернее, кисть всадника, живописец скрыл под панцирем необычной перчатки, не давая увидеть расположение большого пальца. В этом и был тот самый ключик к разгадке противоположного портрета. Руки девушки жили своей жизнью. Отсутствие складок на небесном платье как бы отсекало их от красивой головки с переменчивым выражением нежного лица. Скелли сказал, что когда рассматривал портреты в первый раз, мысленно провел границу посреди высокого лба, вдоль прямого носика, поперек чувственных губ и волевого подбородка и после нескольких попыток получил то, что искал: в одном лице живописец сумел отобразить сразу два женских лица. Брови были разными. Одна – плавная и дугообразная, другая – выразительная, как крыло сокола. С такого расстояния трудно было судить о цвете глаз, поэтому они казались одинаковыми, но вот под левым слегка проглядывала некоторая припухлость, которой начисто был лишен правый. Впечатление улыбки, граничащей со скорым плачем придавал всему облику девушки маленький рот, один уголок которого был чуть приподнят вверх, а другой, напротив, грустно опущен и подчеркнут мелкими морщинками. Таким образом, портрет жены Дули хранил в себе одну из самых главных тайн рода: он запечатлел и всем известную по легендам и приданиям Рианнон, и его так называемую сестру, Лиадран, которую составители старинных книг отдали в жены Рилоху, ближайшему соратнику Дули и покровителю мергов. Тупицы, усмехнулся Скелли, они, похоже, лишь только умели что писать, не удосуживались перечитывать написанное. Поэтому в изначальной рукописи «Сид’э» внимательный читатель вроде Скелли почти без труда мог найти непонятное место, где говорится о том, будто младшая сестра Дули погибла в детстве, а в другом случае – описание того, как он скорбит о гибели совершенно незнакомой ему девочки, случайно попавшей под копыта его боевого коня.

Кадмон про «Сид’э» если и слышал, то краем уха, так что заключения Скелли не произвели на него должного впечатления. Однако писарь нисколько не переживал по этому поводу и продолжал растолковывать свою чудесную догадку.

Если родная сестра Дули погибла по его неосторожности, то кто была близкая ему всю жизнь Лиадран? На её долю, действительно, выпало немало горьких разочарований, тревог и забот, от которых и в самом деле впору расплакаться. Законная жена, Рианнон, их не знала

даже когда пережила безвременно погибшего супруга. Вот и улыбается теперь со своей половины великолепного портрета. Для Лиадран с гибелью Дули полноценная жизнь, судя по всему, закончилась. Она добровольно, как пишут современники, ушла из замка и заточила себя в стенах Обители Матерей, где умерла спустя несколько зим. Скелли о ней и не вспомнил бы, если бы в Вайла'туне ни остался её сын, считавшийся по сей день ребенком Рилоха. Но в действительности всё было совсем не так! Через Лиадран род Дули, как свидетельствовали разгаданные им портреты, ушел в сторону и пока заканчивался на его далеких, ни о чем не подозревающих потомках. Заметив, что Кадмон не проявляет ожидаемого живого интереса к его повествованию, Скелли не стал называть их имён.

Кадмон и вправду мало что понял из объяснения. У него осталось впечатление, что Скелли просто нашел в его лице безропотного слушателя и воспользовался случаем, чтобы похвалиться своим умом и сообразительностью. Вероятно, он хотел сказать что-то ещё, но их прервали, и Кадмон остался наедине с портретами, которые сегодня взирали на него с таким же отсутствующим укором посторонних людей, что и вчера.

- Они очень красивые, - говорила между тем Анора. – Я никогда не видела таких больших картин. Как будто настоящие люди. Ты не боишься?

- Чего на этот раз?

- Их взглядов. Мне кажется, что они недовольны нами. Спать тут я бы уж точно не смогла.

- Не говори глупостей. Это просто картинки. У моих родителей есть несколько таких дома. Отцовские дальние родственники. Только отец никогда не стал бы их вешать на всеобщее обозрение на стену. Он прячет их даже от меня.

- Почему?

- Спроси его сама. Мне он говорил, что такие вещи нельзя показывать посторонним.

- Он тебя считает посторонним?

- Нет, конечно. Я их несколько раз видел. Ничего особенного. Бородатые мужики какие-то и одна девица. Эти два портрета написаны гораздо лучше. В смысле, более правдоподобно. Там у него всё как-то больше мазками, грубовато, не похоже на настоящих людей.

- Наверное, эти картины очень древние. Я не слышала, чтобы сейчас кто-нибудь занимался рисованием таких портретов. А ты?

- Говорю же, их не рисуют – их пишут.

- Вот как? – Анора приподнялась на локте. – Откуда ты всё это знаешь? Ты такой умный!

Кадмон встал и прошелся по комнате. Не станет же он рассказывать этой девчонке о том, что с детства привык сидеть за столом и, зажавшись, слушать разговоры отцовских гостей. А среди них кого

только ни было! Некоторые сами кое-что собой представляли и умели, другие за неимением лучшего излагали то, о чём лишь слышали. В обоих случаях присутствовать на этих застольях было интересно и даже поучительно, как считала мать. Сегодня Кадмон видел, что она оказалась в который раз права. Его только что называли умным. Назвал, конечно, невесть кто, но ведь назвал. А он как раз хотел отличаться в этом от отца и быть умнее будущей жены.

Он снова подошел к маленькой ставне, открыл, не обращая внимания на недовольное восклицание Аноры, и выглянул наружу.

Вражеское войско не двинулось с места. Передние ряды всадников, недавно сомкнутые, несколько рассредоточились, и стали видны высокие походные шатры, тоже увенчанные разноцветными лентами. Похоже, Мунго не просто так болтал. Противник не спешил нападать на перепуганный Вайла'тун.

Одну из причин Кадмон понял, когда заметил, на что оживленно указывают собравшиеся под ним на стенах приятно многочисленные защитники замка. Далеко-далеко направо, за Стреляными Стенами, за низенькими крышами изб простолюдинов, между Вайла'туном и опушкой Пограничья медленно разливалась ещё одна лужа, не такая чёрная, как первая, скорее, бурая, лишенная устрашающих разноцветий флагов и многочисленной конницы, но ничуть не менее суровая и неизбежная – людская лужа, состоящая, судя по всему, из тамошних обитателей. Вооруженные кто чем, а чем именно – он отсюда разглядеть не мог, они топтались слишком близко к крайним постройкам, чтобы быть их защитниками, нежели врагами. Нежданная подмога! Воины на стенах ликовали, и Кадмону показалось, что он впервые слышит, как в их устах слово «фолдиты» звучит не надменно и пренебрежительно, а радостно и обнадеживающе.

- Что там снова за шум?

Он оглянулся через плечо, и увидел, что Анора уже поднялась с постели и, уронив с плеч рубашку прямо на пол, подходит к нему сзади во всем своем обольстительном безстыдстве. В отличие от лица, её женственное тело было способно привлечь к себе внимание даже такого разборчивого юноши, как Кадмон, однако сейчас он был не в настроении потакать своим обычным прихотям. От происходящего там, вдали, сейчас зависело слишком многое, чтобы забыть об этом в дерзких объятьях. Когда он почувствовал спиной прикосновение чего-то мягкого и тёплого, ему захотелось перенестись на стену и оказаться среди воняющих лошадьми, страхом и дешевым кроком виггеров.

- Дай посмотреть.

Разумеется, она не столько желала увидеть происходящее снаружи, сколько показать себя. Отодвинув его плечом в сторону, она встала на цыпочки и вытянулась в струнку, делая вид, будто с интересом изучает состояние неподвластных ей сейчас вещей.

Когда-нибудь, думала она, поигрывая ягодицами и ловя сразу же замерзшим носом холодные потоки уличного воздуха, я стану полноправной хозяйкой всех этих людей, которые пока не догадываются о моём присутствии. Пусть даже мне для этого придется некоторое время терпеть близость Павлина. Я такая не первая, но, надеюсь, последняя. Моё место легко могла бы занять Орелия, если бы пожелала, да только ей, похоже, оказался милее прежний господин Меген'тора. Оно и не мудрено. Если бы она не знала, что подобное невозможно, то наверняка решила бы, что на той вон картине со всадником запечатлён именно он. Такой, каким был Локлан, мог любую красавицу превратить в покорную служанку. Когда они оба пропали после того весёлого эфен'мота у родителей Кадмона, она долго страдала от тоски и обиды, но так до сих пор и не поняла, по кому больше. Позже до неё дошли слухи, будто Локлан прихватил с собой не только Орелию, но и рыжую дикарку, которую ещё незадолго перед наступлением первых холодов поймал в Пограничье. Это известие несколько поумерило её ревность. Видать, Орелия была дорога ему меньше, чем он ей. Ну, в таком случае это её личное дело, пускай себе мучается, если им посчастливилось выжить в страшных бурунах вечно полноводной Бехемы. Ведь говорят, они каким-то чудесным образом решили перебраться через неё на другую сторону. Кто-то их даже как будто видел при этом. Анора всегда считала, что для подобного отчаянного предприятия нужно сперва сделаться птицей. Наверное, Орелия решила, что достаточно окрылена любовью. Как бы то ни было, её больше нет, как нет и Локлана. Теперь в замке правят два их семейства: отца Кадмона и её.

Недавно, правда, появился, откуда ни возьмись, ещё и третий, Гийс, сын запятнавшего себя позором предательства военачальника. К нему кое-кто здесь благоволит, а сам он ведёт себя дерзко и настолько независимо, насколько возможно. Однако знающие люди нашептали ей, что долго он не продержится. А вон и он собственной персоной, на стене, кутается в лёгкий плащ, что-то деловито говорит остальным и указывает рукой в железной (как ему ни холодно?) перчатке на застывший в ожидании Вайла'тун, такой жалкий и ничтожный с неприступной высоты её нынешней обители. Конечно, он гораздо лучше сгодился бы ей в мужа, нежели этот уродец, дышащий через рот у неё за спиной, однако что-то в его манерах и осанке говорило об опасности и отталкивало. Хотя Анора любила риск. Если Кадмон будет и дальше продолжать артачиться, она обязательно займется этим Гийсом. Разумеется, предварительно посоветовавшись с отцом.

- Ну, хватит, ты так точно простудишься! Оденься лучше.

Она уступила Кадмону место.

- Я хочу выйти на стену.

- Иди. – Он не оглянулся, что-то там снова высматривая.

Она посмотрела на него, на слабую сутуловатую спину, на запрокинутый затылок, и в очередной раз пожалела себя. Почему ей прихо-

дится унижаться перед каким-то недоноском вместо того, чтобы самостоятельно занять трон в соседней зале и выбрать себе достойного спутника? Жаль, что отец наверняка её не поймёт. Но уж она постарается.

Что-то необычное в знакомом облике Кадмона бросилось ей в глаза. Она сперва даже не осознала, что именно, но когда пригляделась, отчетливо заметила на его голове, в тёмно-каштановых волосах, там, где они разделялись на вытянутой макушке неровным пробором, тоненькую полоску золотистой ржавчины. Именно такая ржавчина служила отличительным признаком вырождков вроде шеважа. Отец ещё в детстве много рассказывал ей про таких людей. Их считали нечистыми и в лучшем случае изгоняли. Так было раньше. Теперь таких среди вабонов, говорил он, просто не осталось.

- Что смотришь?

Она не заметила, как он наконец оглянулся. Стоит, разглядывая её тело с нескрываемым интересом, будто впервые видит. А перед глазами у неё – золотистая прожилка. Лишь бы он не сообразил, что она заметила!

- Почему ты меня гонишь?

- Я? Тебя? Кажется, ты сама захотела подышать свежим воздухом на стене. Или я должен был тебя удержать?

Он сделал шаг ей навстречу.

Она поспешила поднять руку, останавливая его. Только сейчас ей не хватало, чтобы в нём разыгралось желание. Упоминание про свежий воздух лишний раз напомнило о его собственных запахах, от которых её снова стало подташнивать.

- Нет, всё хорошо. Я и в самом деле выйду.

- Тебе лучше?

- Ты очень милый и заботливый...

Она подобрала с пола рубашку и накинула на плечи.

- Анора, ты спрашивала, люблю ли я тебя...

- Поговорим об этом позже.

- Анора...

- Позже.

Не нужно быть с ним такой резкой. Он легко может что-нибудь заподозрить. Скорее всего, решит, конечно, что у неё очередные капризы, не более того, но кто знает? Кстати, кто, действительно, знает причину того, что её сейчас смутило, удивило и отчасти даже напугало? Может, поговорить с отцом? Он всегда ненавидел этих шеважа. Другое дело, как он воспримет её сумасшедшее подозрение? Просто так подойти к нему и сказать, что его избранник, который желанием влиятельных родителей сделался главным в замке, на самом деле, похож, рыжий? Едва ли отец об этом догадывается. Что он ответит? Закрой глаза? Брось его? Вероятнее всего первое. Потому что уж больно рьяно он до сих пор старался свести их вместе. При ней называл Кад-

мона не иначе как «мужем». Причем не слишком морщился в отличие от неё. Считал, что от их свадьбы зависит не только её будущее, но и его собственное. Понятное дело: если у отца были деньги, то у его ближайшего соратника, папаши Кадмона – ключи от замка и нужные люди, что ценилось ничуть не меньше. Отец иногда, особенно когда выпивал лишку и знал, что, кроме дочери, никто его не слышит, вздыхал, мол, дело не в том, у кого много денег, а в том, кто позволяет все эти деньги иметь. Видать, не всё даже у него было так гладко, как хотелось бы.

Она и в самом деле уже чувствовала себя гораздо лучше. Видимо, руки Мунго или его отвары оказали на неё должное действие. Не зря про него тут ходила молва как о лучшем спасителе от отравлений.

Анора сунула босые ноги в короткие валенные сапожки, в которых можно было хоть по снегу ходить – не замерзнешь, набросила поверх рубашки недавний подарок Кадмона, точнее, его матери – длинный кожаный плащ, подшитый изнутри теплым мехом, и выскользнула из опочивальни. Неподалеку находилась дверь в тронную залу, где их отцы частенько устраивали военные советы. Сейчас дверь была распахнута, и она услышала срывающийся мужской голос, увещевавший невидимых слушателей:

- ... их нападение – только вопрос времени! Мы должны начать первыми пока у нас есть преимущество. Можем начать сразу с трех направлений...

Вероятно, совещавшиеся настолько отчаянно спешили, что позабыли об обычных мерах предосторожности. Анора безшумно приблизилась, но сразу заглянуть побоялась. Прислушалась.

- Вы полагаете, фолдиты на нашей стороне? – Она узнала отца.

- Что за дурацкий вопрос! – ответил всё тот же голос.

- Не забываетесь, Тиван! – Это возмущенно воскликнул не кто иной, как отец Кадмона.

- Я, конечно, прошу прощения, вита Томлин, однако в нашем нынешнем положении предпочёл бы отбросить некоторые условности. Потом можете меня хоть разжаловать, но сейчас важно понимать происходящее и быстро принимать решения. Разумеется, фолдиты на нашей стороне.

- Кто их призвал? – Снова отец. Анора представила его таким, каким он никогда раньше не бывал: испуганным, растерянным и похudevшим от волнения.

- Никто их не призывал, вита Скирлох. А если бы кто даже и захотел, то не успел бы. За такой короткий срок они никак не успели бы собраться, вооружиться и добраться досюда со своих окраин.

- Хотите сказать, они знали о нападении заранее? Но тогда это тем более предательство!

- Предательство это или нет, мы узнаем позже. Если останемся живы. Кто-то их явно предупредил. И да славятся Дули и все герои,

что так произошло! Их появление дало нам время на размышление. И я, как уже сказал, предлагаю выступить первыми. Мои люди уже скачут к этим фолдитах, чтобы взять на себя командование.

- Кого же ты послал?

- Сына... Норлану я во всём могу доверять.

- Да уж, сегодня это редкая возможность... - заметил Томлин.

- Кроме того, как я уже сказал, по полученным мной только что сведениям, к нам выдвигается боевой отряд из Обители Матерей...

- Вы издеваетесь что ли? – не то рассмеялся, не то расплакался отец.

Анора осторожно выглянула из-за двери, но он сидел за столом где-то слева, в глубине, и потому вместо него она стала изучать спину высокого старика с седой бородой, судя по одежде и оружию за поясом, воина. Поскольку на неловкий вопрос ответил он, стало понятно, что это и есть Тиван, командующий конной гвардией замка, бывший помощник Ракли и единственный, кто остался при власти после его падения.

- Издевательства не по моей части. Я полагал, вы знаете, что Обитель Матерей готовит не только соперниц мужчинам на любовном ложе или в учёных спорах, но также и на ристалище. Тамошние воительницы весьма искусны, и я на полном серьёзе рассматриваю их как третью силу, на которую мы вправе рассчитывать. Их согласие оказать нам помощь – большая удача.

- Вам виднее, - заключил Томлин. – То есть, мы ждём только их, чтобы напасть на этих чужаков?

- Да, таков мой план.

- Плохой план, - услышала Анора у себя над ухом и почувствовала, как кто-то сильный берет её за локоть и грубо вталкивает в залу, на встречу изумленным взглядам троих умолкших от неожиданности собеседников. – При этом подслушивание даже плохих планов должно караться.

Анору так сильно толкнули вперед, что она потеряла равновесие и больно шлёпнулась на четвереньки. Что не смогла бы сделать боль, довершил стыд: она горько разрыдалась.

- Дочь моя, что стряслось? Что ты тут делаешь? – Скирлох не успел подхватить её и теперь пытался помочь подняться. – А вы, молодой человек, что вы себе позволяете!

- Обращаю внимание на то, чего не видят другие, - равнодушно заявил незнакомец, будто перед ним был не богатейший человек Торлона, а какой-нибудь фолдит, решивший заступиться за поруганную честь дочери. – На её месте мог оказаться кто угодно.

Анора вытерла рукавом слёзы и глянула на говорившего. Мимо неё смотрело открытое лицо с голубыми глазами и белесыми бровями и ресницами. Гийс! Тот самый, которого она только что видела на стене в окружении виггеров. Она раньше никогда с ним не разговаривала

и не подозревала, что у него такие властные манеры и такой убедительный голос. На мгновение ей самой показалось, будто она совершила безчестный поступок и должна быть строго наказана.

Гийс проследовал к столу, стоявшему посередине залы. Стол был вырезан из цельного ствола дуба массивный стол, окруженный пятью креслами с высокими, обтянутыми мягким синим бархатом спинками. Все кресла были помечены отличными гербами, представлявшими собой сочетания доспехов, оружия, растений и животных. Они ярко выделялись на синем фоне и первыми привлекали к себе взгляд вошедшего. Затем гость обращал внимание на стулья попроще, выстроенные двумя рядами вдоль стен.

Всхлипывающая Анора и все присутствующие молча смотрели, как Гийс словно выбирает наиболее подходящее для себя кресло и садится, красиво скрещивая ноги и облачаясь в задумчивой позе на стол. Казалось, его забавляет это внимание и сознание своей неуязвимости.

Первым нашел в себе силы заговорить Тиван. Вероятно, замечание новоприбывшего задело его даже сильнее, нежели Скирлоха – обращение с непутёвой дочерью.

- Почему ты назвал мой план плохим? – спросил он, не считая нужным занять положенное ему место и продолжая стоять.

- Только потому, что он плох, - ответил Гийс и невесело улыбнулся.

- Но я...

- Думаю, вы прекрасно разбираетесь в том, как вести бесконечную войну в Пограничье, но имейте в виду, что сейчас перед вами вовсе не сброд рыжих дикарей. Понимаете, о чём я? Мне ведь довелось оказаться у карьера как раз в тот день, когда туда заявился их передовой отряд. Я видел, как они сражаются. Нашим людям в открытом бою перед ними не устоять.

- Ты что ж это, заранее предлагаешь сложить оружие? – Борода Тивана дрожала от едва сдерживаемого возмущения.

- Нет, сложить руки. – Гийс показал, как он это понимает, и добавил: - Но не головы.

- Вы с ума сошли!

Анора даже в своем нынешнем плачевном во всех отношениях состоянии заметила, что ни задумчиво сидящий через стол от них Томлин, ни её не на шутку перепуганный отец в их разговор не вмешиваются, вероятно, ожидая развязки. Когда говорят военачальники, богачи молчат. Гийс, похоже, это предвидел и теперь явно чувствовал себя хозяином положения.

- Послушайте, Тиван, - сказал он, почёсывая едва различимую шёрстку на подбородке и тем лишний раз указывая на своё отличие от седобородого воина. - Послушайте себя. Подумайте к чему вы тут нас призываете. Знаете, как бы я это назвал? Самоубийство. Если бы не

ваши прежние заслуги, я бы мог решить, что вы переметнулись на сторону врага. За которым я, между прочим, наблюдал всё то время, пока вы тут совещались...

- Это не ваше...

- ... дело? – Гийс прищурился. – Моё. И моих виггеров, жизни которых мне доверены. Знаете, что я видел со стены? Что они разбили лагерь. Вам это о чём-нибудь говорит?

Тиван тяжело дышал и хранил молчание. Чтобы не сказать лишнего, поняла Анора, потирая ушибленную коленку и косясь на напряженно размышляющего отца.

- Они остановились, - продолжал тем временем Гийс. – Они устали от своего снежного перехода, откуда бы они ни пришли, и поняли, что с наскока им нас не взять. Они решили устроить себе передышку и набраться сил.

- Вот именно поэтому я и не хочу упускать время! – Тиван широкой ладонью рубанул перед собой воздух. – Сейчас или никогда! Пока они устали...

- Костей не соберёте, - пожал плечами Гийс. – Вы уже, помнится, не так давно отправляли отряд в Пограничье. Отряд, который сгинул, как будто его и не было. Если вы не послушаетесь моего теперешнего совета, произойдет то же самое, разве что на ваших глазах. А потом за нашим войском последуете и вы сами, и вы, и вы... - Он по очереди указал на слушателей, странно улыбнувшись Аноре. - Почему вы отказываетесь понимать, что мы сильнее их только в том случае, если они ступят на нашу землю?

- Они уже на нашей земле!

- Не прикидывайтесь, будто не слышите меня. Под нашей землей я подразумеваю Вайла'тун и этот замок. Здесь мы сможем, я думаю, защититься от них. Там, в поле, никогда.

Тиван мотнул головой, словно стряхивая оцепенение.

- А теперь вы послушайте меня, юный мыслитель! Прекрасно, что вы так рьяно печётесь о нашем войске. Которое, правда, создано и служит для того, чтобы все остальные могли жить в покое. Мы здесь затем, чтобы сражаться, а не наблюдать, как будут гибнуть безоружные жители окраин, и радоваться, что наша очередь ещё не пришла. Нет и ещё раз нет! Виггеры с незапамятных времён делали всё от себя зависящее, чтобы держать врага на почтительном расстоянии от наших очагов. В этом и заключается наше предназначение. Для этого в своё время по всему Пограничью и были возведены заставы. Помнится, не так давно вы учились под началом Вордена, так что должны это знать.

- Я знаю...

- Не перебивайте меня! – Тиван угрожающе повысил голос. – Этих ваших непобедимых воинов во что бы то ни стало нужно остановить до того, как они вторгнутся в Вайла'тун. Потому что потом будет

уже поздно. Если бы замок наш стоял в открытом поле, я бы охотно прислушался к вашим замечательным советам и ждал врага на стенах, с арбалетами и луками наизготовку. Сейчас же только слепой не увидит разницы. Люди ждут от нас помощи. А некоторые, как вы могли заметить, не ждут, а сами идут в бой. Вы что же, отказываетесь их поддерживать?

- Вы про фолдитов? – уточнил Гийс, глядя куда-то мимо собеседника и добавил: - Не смешите меня.

Аноре показалось, что Тиван сейчас выхватит меч и отсечёт наглую голову. Хранивший до сих пор выжидательное молчание Томлин тоже это почувствовал и поднял руку со словами:

- Довольно, друзья мои. Времени на пререкания у нас с вами просто не осталось. Кто-то должен принять окончательное решение. Не знаю, как это было раньше, при Ракли, но предполагаю, что это право предоставлялось ему. Мы поступим мудрее. Анора, где мой сын?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что девушка не сразу сообразила, что обращаются к ней.

- В спальне был, - неуверенно пробормотала она.

- Веди-ка его сюда да поскорее.

Отец кивнул, и Анора стрелой вылетела в коридор.

Кадмона она застала на месте разглядывающим портрет воина на коне.

- Тебя зовут, - выпалила она, заглядывая в дверь.

По тону её голоса он как то сразу понял, что дело не шуточное, проворно оделся и вскоре уже стоял рядом с ней в тронной зале, удивленно взирая на собравшихся.

- Скажи мне, сын мой, - без вступления начал Томлин, - кто на твой взгляд прав в нашем споре: этот молодой человек, должно быть известный тебе под именем Гийс, или Тиван, наша вторая боевая десница?

- Это неслыханно... - не удержался Тиван.

- Я вас выслушал! – Томлин резко ударил ладонью по столу. – Но решения так и не услышал. Теперь пусть выступит тот, кто здесь по праву...

Он не договорил.

- Гийс... - сказал Кадмон. – Мне кажется, что прав Гийс.

Теперь взгляды всех присутствующих – восторженные, изумленные и разъяренные – устремились на него. Кадмон облизал запекшиеся губы.

- Хорошо, сынок, ступай. - Томлин улыбался. – И прихвати с собой свою невесту. А то она такого, что сейчас тут будут говорить, никогда в жизни не слышала. Отдыхайте, дети, и ничего не бойтесь.

- Как вы... - начал было Тиван, когда дверь за ними захлопнулась.

- Может быть, вы хотите оспорить решение моего сына? – прервал его Томлин.

- Но он...

- Мой сын. И совершенно не заинтересованная в вашем глупом споре сторона. Поэтому идите и поступайте так, как он сказал. Готовимся к осаде.

- Если она вообще произойдет, - напомнил о себе Гийс, избегая смотреть с сузившиеся глаза старого воина. – Сдается мне, что всё закончится переговорами.

- Они спалят Вайла'тун! – в безсилии воскликнул Тиван, приводя последний довод в свою пользу.

- Давно спалили бы, если бы хотели, - лёгким движением руки отмёл его предположение Гийс и переглянулся с Томлином. – Есть ещё какие-нибудь соображения, вита Тиван?

Тон этого смеющегося голоса напомнил старику его место.

- Нет, - ответил он, - думаю, вы и без меня справитесь. – И повернулся, чтобы уйти.

- Не спешите покидать нас, - окликнул его Томлин. – В противном случае вас нам будет очень не хватать.

Тиван безошибочно угадал смысл сказанного. Он замер на полушаге, словно спохватился, дотянулся рукой до ближайшего стула и тяжело сел.

Он слишком хорошо помнил, как эти люди избавились от Ракли. Без малейшего сомнения и угрызения совести, которой, судя по всему, у них отродясь не водилось. Причем избавились не сами, а его же руками. Его и Демвера, отца Гийса, до недавнего времени отвечавшего за всех сверов. Тогда они оба полагали, что это единственно правильное решение в складывавшемся положении. Слишком часто Ракли захватывал бразды правления в свои руки, никого не спросив и требуя неукоснительного подчинения. Потеря целого большого отряда, посланного в Пограничье после гибели в огне одной из самых близких к Вайла'туну застав, окончательно подорвала их прежнюю веру в его понимание происходящего. Ракли пережил себя. Добровольно отказываться от власти в пользу тех, кто многое знал и умел лучше него, он ни за что бы не стал. Поэтому им пришлось применить силу. Сверы подчинились Демверу, мерги – ему, Тивану. Кроме того, весьма весомым подспорьем в этом непростом деле оказались силфуры, щедро предложенные Томлином и Скирлохом в качестве награды за повиновение. Нельзя сказать, что брат поднял руку на брата, однако ближайший круг Ракли, его обычная свита и телохранители, были частично схвачены и заточены вместе с ним в подземные клетки до лучших времён, частично перебиты. Вскоре после чего наступила очередь Демвера, который, похоже, оказался не то совестливее, не то пугливее Тивана, и в итоге отважился на второе предательство: среди бела дня выкрал из хранилища священные доспехи Дули и скрылся с ними в неизвестном направлении. Как потом выяснилось, направление он избрал самое что ни на есть неподходящее – Пограничье с поджидав-

шими его там дикарями. Правда, Тиван до сих пор отказывался верить в эту побасенку, которую многие подхватили как достоверную, причём со слов якобы видевшего его там сына, сидящего сейчас здесь же, Гийса. Что касается этого желторотого выскочки, то поначалу Тиван, как и все, был рад его возвращению из плена, в котором тот оказался по недоразумению. Однако очень скоро выяснилось, что сына Гийса, раньше всегда такого скромного и мягкого, можно сказать, подменили. Поначалу он перестал узнавать своих бывших друзей по замку, среди которых был, к примеру, Норлан, сын Тивана, и большую часть времени проводил не где-нибудь, а в тёмном хозяйстве главного писаря Скелли, тоже немало потрудившегося для успешного осуществления перехода власти от Ракли к новым хозяевам. Вскорости появился слух, будто Гийс вернулся домой из плена не только живым и здоровым, но и с украденными его отцом доспехами, то есть совершив в определенном смысле подвиг, за который его не нашли ничего лучше как поставить на прежнюю должность канувшего в небытие Демвера. Так Гийс в одночасье встал вровень с ним, Тиваном, встал прочно и нагло. Потому что на самом деле никаких доспехов он с собой не принёс. Зато вместо них он доставил отчаявшемуся Томлину его тоже на время пропавшего сына, гадкого во всех человеческих отношениях уродца по имени Сима. Этой услуги Гийсу, похоже, сразу хватило на всё и про всё. Ибо когда на днях Тиван не выдержал воцарившейся вокруг него наглости и, ведомый праведным гневом, заглянул в хранилище... доспехи Дули в самом деле оказались на месте. Конечно, это были не те самые, настоящие доспехи, которые привёз из Пограничья Локлан, сын Ракли, но довольно похожие, выкованные кем-то из умелых кузнецов, который впредь будет махать своим молотом да помалкивать. Тиван тогда с отвращением плюнул и решил при случае вывести наглого обманщика на чистую воду, но случилось то, что случилось: внезапное появление неведомого врага смешало все планы, и только что выяснилось, что слово старого и опытного воеводы ничто по сравнению с запальчивой глупостью едва оперившегося птенца. А это в свою очередь означало необходимость принять решение, которое он по слабости своей старался как можно дольше оттягивать...

- Так-то лучше, - сказал Томлин, сразу же словно забыв о существовании Тивана, и обратился к Гийсу: - Ты думаешь, они пойдут на переговоры?

- Очень скоро мы это узнаем.

- Этот ответ не годится.

- Другого у меня нет.

- Хорошо. — Томлин встал и прошелся вокруг стола. — Ты говоришь, что видел их в деле.

- Как вас сейчас.

- Тогда спрошу так: по-твоему, с ними можно вступить в переговоры?

- Если бы не тот придурок, начальствовавший над рудокопами или как их там и решивший показать свою удаль, думаю, драки могло и не состояться. Они пытались с нами заговорить и не спешили обнажать мечей.

- Их язык похож на наш?

- Сейчас уже не помню. Но, скорее, нет, не сказал бы. Хотя Хейзит... Хейзит с их главным пытался заговорить, объяснял, кто мы и тому подобное. Если бы не Брук, кто знает...

- Любопытно. – Томлин остановился за спиной Скирлоха. – Надо бы поскорее вызвать из Обители Матерей какую-нибудь толмачку потолковее. Они там чего только ни изучают. Раз даже какой-то Хейзит нашёл с ними общий язык... Продолжай.

Гийс пожал плечами.

- Я всё сказал.

- Тут Тиван прав – до такого и я смог бы додуматься. – Томлин продолжил поход вокруг стола. – Что именно ты предлагаешь нам делать?

- Когда я сегодня утром пробирался сюда, - вмешался Скирлох, - люди уже покидали дома и начинали толпиться возле замковых ворот. Мы будем их впускать?

- Замок для этого и существует, - негромко заметил Тиван, глядя в пол.

- Даже если размещать народ на ристалищном поле, мы не вместим всех желающих. – Гийс рассматривал свои ногти. - Вайла'тун слишком разросся с тех пор, когда замок предназначался служить укрытием. Люди могут сами понять, что им лучше идти вверх вдоль реки. Тогда они окажутся у нас в тылу и вдали от неприятеля.

- Ну так пойдите и скажите им об этом! – снова не выдержал Тиван. – А заодно заставьте после этого своих свергов биться насмерть за замок, зная, что их семьи не под его защитой. Поглядим, сколько времени вы выстоите.

Томлин молча подошел к стене и несколько раз потянул скрытый за драпировкой шнур. Где-то в нижних этажах башни тотчас же раздался мелодичный звон колокольчика, зов которого услышала Ильда и дежуривший в то утро вместе с ней Арли, её муж. С недавних пор его перестали посылать в отдаленные уголки Вайла'туна, вероятно, потому что все основные приматели решений теперь с утра до ночи находились здесь.

- Иди ты, - сказала Ильда. – Это из тронной залы. Они там уже давно заседают. Да не забудь спросить, принести ли им что-нибудь перекусить.

- Яду бы им принести, - поморщился Арли.

- Не говори глупости! – Ильда в страхе замахала руками. – Тебя могут услышать. Или ты забыл, что случилось с беднягой Сартаном, а через него и с Пролом, его дядей и нашим незаменимым поваром? И

это при том, что вина Сартана в попытке отравить Скелли так и не была доказана.

- Ну вот видишь, - ответил Арли, кисло улыбаясь жене, - теперь совсем необязательно что-нибудь на самом деле совершать, чтобы оказаться на плахе. Так что уж не мешай мне хотя бы мечтать.

- Балбес! Боюсь, мы скоро все там окажемся. Великаны нас на котлеты пустят. Если ты не поторопишься, потому что просто так в этот колокольчик, как ты знаешь, не звонят. Ступай скорее!

Арли спорить не стал. Он вышел из комнаты и устремился вверх по головокружительной лестнице, чтобы вскоре оказаться перед плотно закрытыми дверьми тронной залы. Осторожно дернул одну створку и заглянул внутрь.

- Заходи, - сразу же заметил его появление Томлин, меривший шагами пространство вокруг стола, за которым сидели ещё трое. – Ты посыльный?

- Да, я Арли, вита Томлин...

- Своё имя можешь оставить при себе, любезный. Лучше скажи, знаешь ли ты прямой ход в Обитель Матерей?

- Прямой ход?

- Понятно – не знаешь...

- Вы имеете в виду подземелье, вита Томлин?

- Так, значит, все-таки знаешь?

- Я посыльный и потому должен много чего знать.

- Как победить врагов?

- Что?..

- Ты случайно не знаешь, как нам победить наших врагов? – уточнил Томлин с усмешкой, от которой Арли захотелось побыстрее вернуться к жене.

- Нет, вита...

- Скирлох, ты закончил? – Томлин уже забыл о нём и теперь заглядывал через плечо толстого человека с клокастой чёрной бородой, который всё это время что-то писал, склонившись над столом.

- Почти. Как ты сказал, Гийс? «Азвенеды»? Он так себя называл? Или с двумя «д»?

- Откуда я знаю? – пожал плечами юноша, в котором Арли не сразу признал того самого Гийса, который совсем недавно был простым фултумом и одевался куда как скромнее.

- Не занимайся ерундой! – в сердцах воскликнул Томлин. – Подписывайся, запечатывай и отдавай нашему стремительному гонцу. Ты ведь умеешь носить письма в Обитель?

Это уже относилось к Арли.

- Да, вита Томлин. Мне отдать его и вернуться?

- Молодец, что спросил! Ты ведь не знаешь, что в послании... Нет, тебе придется подождать. Когда это письмо попадет в нужные руки, придёт какая-нибудь женщина, которую ты должен будешь препрово-

дить сюда, в замок, в эту комнату. Времени у нас крайне мало, так что я не стал бы возражать, если бы хотя бы в ту сторону ты пробежался с ветерком. Если женщина окажется не слишком старой, тоже торопи её. Ну что, Скирлох?

- Готово.

В комнате запахло сургучом. Письмо было на тонкой коже, свёрнуто в трубочку, перевязано и надёжно запечатано.

- Всё, поспешай, Арли, если такое имя дали тебе при рождении, и знай, что от твоего проворства зависит жизнь многих достойных людей.

Только этого ещё не хватало, подумал он, выходя из залы. С утра у него побаливала правая нога, а недавний стремительный подъем по лестнице усугубил ноющее ощущение где-то внутри бедра. Ничего, как-нибудь доковыляю.

На лестнице он столкнулся с виггером, который сломя голову взбегал навстречу.

- Что там у вас? – посторонился Арли, однако виггер только сверкнул на него злым и одновременно испуганным взглядом и промчался мимо, тяжело дыша.

Он вбежал в тронную залу как раз в тот момент, когда там воцарилось напряженное молчание, вызванное вопросом Томлина «И что теперь?».

- Началось! – воскликнул виггер, хватаясь за грудь, словно пытался удержать рвущееся дальше сердце. – Они напали на нас!

- Тэвил! – прорычал Тиван, вскакивая. – Говорил же я вам!

- Издалека ли ты бежишь? – Голос Гийса прозвучал неуместно буднично.

- Со стены... мы там только что увидели...

- Как ты попал в виггеры, приятель?

- Что?!

- Тебе достаточно добежать со стены досюда, чтобы так запыхаться? Надеюсь, он из ваших мергов, - повернулся Гийс к Тивану. – Потому что с такой выносливостью наших воинов тут делать нечего.

Тиван не принял вызов. Ему уже не было никакого дела ни до Гийса с его манией величия, ни до Томлина, державшего себя так, будто он всего лишь на чужом празднике, ни тем более до Скирлоха, при всём своем богатстве умевшем играть роль разве что тупого мешка с отрубями. Он ухватил гонца за плечо, встряхнул, не то его, не то себя, и приказал:

- Веди!

- Наш храбрый друг забыл, где находится стена, - услышал он брошенный вслед, как плевок, смешок Гийса.

Нет, подумал Тиван, не забыл. А вот ты, если свершится чудо, и мы все-таки выживем, забудешь наверняка...

Он попытался по пути расспросить гонца о случившемся, но тот только головой мотал, говорил сбивчиво и невразумительно. Мерги и в самом деле далеко не все обладали силой и здоровьем сверов, привыкшей таскать на себе тяжеленные доспехи. Их задача состояла в том, чтобы надёжно сидеть в седле и владеть всеми видами оружия так, чтобы случайно не задеть коня. В пешем строю цена их отваги была невелика, хотя на памяти Тивана бывали случаи, когда мерги творили чудеса доблести, оказавшись и на земле. Собственно, он сам когда-то был далеко не последним из них, за что много зим тому назад ещё Гер Однорукий, отец Ракли, сделал его сперва *брегоном*, а потом и *херетогой*³³. Своих воинов он тоже старался воспитывать и обучать таким образом, чтобы они могли постоять за себя и за товарищей, сражаясь с ними плечом к плечу, а не только с высоты конской холки. Во всяком случае, ему удалось таким образом воспитать своего единственного сына, Норлана, который сейчас тоже, наверное, стоит где-то на стене (Тиван слухавил, когда сказал, будто отправил его к фолдитам) и с трепетом наблюдает за происходящим.

А наблюдать было за чем.

Когда Тиван следом за провожатым появился на рантах, чёрная масса у Пограничья значительно приблизилась к дальним постройкам Вайла'туна, оттуда уже доносились едва различимые с такого расстояния крики, хотя дыма пожаров, чего извечно боится больше всего каждый вабон, видно пока не было. Зато были видны первые ряды наступающих – могучих всадников в сверкающей на морозном солнце не то чёрной, не то синей броне, причудливых шлемах, тянущих за собой разноцветные ленты, с длинными копьями наперевес и вытянутыми щитами, прикрывающими ноги, а заодно и бока лошадей. Что и говорить, если у них такие всадники, какими же крепкими и неутомимыми должны быть их кони!

Узнавшие Тивана воины посторонились.

- Ну что, будем стоять и пялиться? – громко выкрикнул кто-то слева.

- Пусть только подойдут! Уж я угощу их отборными стрелами, - ответили ему справа.

- Почему ворота не открывают? Вона сколько народа внизу околачивается. Всех внутрь надо!

- Приказа не было.

- Иди к Квалу с твоим приказом! Эй, открывайте!

- Почему фолдиты медлят? Ща самое время в бочину им вдарить.

- Не медлят. Не видишь что ль – тронулись наперерез.

- Почему мы-то тут сидим? У меня гостинцев для всех припасено.

- Заткни глотку и жди!

- Дождешься тут...

- Да не было приказа выдвигаться, говорю!

³³ *Брегон* – десятник, *херетого* – сотник

- Глядите, они уже между домов просачиваются!
- Открывай ворота!
- Фолдиты! Фолдиты пошли!
- Молодцы!
- Заткнись!
- Ворота, откройте ворота!
- Я не могу на это смотреть. Кто со мной? Встретим гадов!

Во мгновение ока вокруг Тивана всё смешалось. Самого же его как будто не стало. Никто не обращал на начальника мергов внимания. Все что-то делали, словно наперёд, лучше него знали, как следует поступать.

А эти, в башне, сидят и гадают, что предпринять, подумал он, продолжая вглядываться в угрожающе-черную массу, натекающую на Вайла'тун. Да кому нужны их умные планы! Сейчас происходит то, чего никогда не происходило раньше, чего никто не ожидал и что отбивает всякую охоту сидеть, сложа руки.

Потом он заметил устремленные на него взгляды. Нет, далеко не все поддались панике. Его наконец заметили. Заметили те, кому возня и толкотня на рантах мешали сосредоточиться, как и ему. Кто хотел чёткости в понимании своей задачи и был готов действовать, но не слепо, по наитию, а так, как должно действовать защитнику своего дома – быстро, хладнокровно и безжалостно.

Тиван улыбнулся.

- Херетоги, ко мне! – хрипло крикнул он, краем глаза подмечая появление при выходе в башни Гийса, уже не такого полусонного и напыщенного, как в тронной зале. – Ворота открыть! Впустить людей! Разместить, сколько можно. Остальных уводить подальше, за Вайла'тун. Помочь с подводами. Нам сегодня кони не понадобятся. Всем мергам приказываю вооружиться стрелковым оружием и рассыпаться по крышам изб по ходу следования врага. Стрелять наверняка. В открытый бой не вступать. Ризи, - ткнул пальцем в грудь полноватого воина с короткой стрижкой и тщательно выбритым подбородком, - твоя сотня пусть остается в замке. Занять внешнюю стену. Использовать луки и арбалеты. Если враг сумеет добраться досюда, встречать залпами.

Выкрикивая всё это, Тиван украдкой следил за Гийсом, ожидая, когда тот вмешается и попытается отменить его приказы. Юноша смотрел зло, но молчал.

Херетоги передали услышанное брегонам, и вот уже поток воинов с луками и арбалетами наперевес радостно заструился через ворота, навстречу другому потоку – женщин, детей и стариков, пытающихся прорваться в заветное укрытие.

- Фолдиты! Фолдиты! Они вступили в бой!

Тиван позабыл о Гийсе и глянул в том направлении, куда указывал палец Ризи.

Действительно, фолдиты нестройной толпой преодолели отделявшее их от врага расстояние и ударили ему в бок. Оставалось лишь удивляться, почему чёрные всадники не предугадали этого отчаянного шага. Что именно там происходило было видно плохо, мешали крыши домов, по которым то здесь то там уже ловко карабкались недавние мерги.

- Где сверы? – слышались возмущенные выкрики. – Почему они медлят?

Тиван с удовлетворением отметил, что Гийса окружают его более опытные соратники, не привыкшие отсиживаться в кустах, когда речь идет о решительных действиях. Среди них хватало доблестных воинов, как десятников, так и сотников, которые не посмотрят на цвет и количество нашитых на его куртку лепестков и поступят так, как велит им совесть. Подчиняться, когда нужно взять в плен отвергнутого военачальника, – одно, а вот следовать приказам, вернее, соглашаться на их отсутствие, когда гибнут соплеменники, – совсем другое. Гийс не хотел понять, что на уровень его нынешнего поста не поднимаются люди случайные. Его занимают лишь те, кто заслужил на это право своей честной службой и самоотверженными поступками ради других. И если он сейчас поступит не по совести, промедлит, ему никогда уже не вернуть прежнее доверие виггеров.

Вероятно, Гийс всё-таки это в последний момент осознал, потому что, хотя говорил он негромко, сверы пришли в движение, десятники один за другим уходили со своими отрядами прочь со стен, фултумы, помощники сверов в легких кожаных чешуйчатых панцирях, надетых прямо поверх кольчужных рубаш уже ждали своих подопечных на ристалищном поле с заранее заготовленными тяжелыми доспехами, помогали их застёгивать, отмахивались от любопытных мальчишек, зачарованных этим невиданным зрелищем, и смело шли по мосту через ров первыми, расчищая сверам дорогу мечами или длинными копьями.

- Они сами напросились! – крикнул кто-то, разделяя скрытое под маской сосредоточенности ликование Тивана. – Зададим им жару, братки!

По тому, что укрывшиеся на крышах мерги уже начали ожесточенную стрельбу, стало понятно, что враг, несмотря ни на что, проник в Вайла'тун достаточно глубоко. Беженцы перестали прибывать. Очевидно, молва о происходящем уже достигла ушей большинства, и люди решили ни на кого не надеяться, а бежать побыстрее да подальше от угрозы быть убитыми.

И тут пошел снег.

Нет, не пошел, а буквально повалил с затянувшегося серыми тучами неба, моментально превратив всю картину боя в непроглядную молочную завесу. На кромках стен и под ногами за какие-нибудь несколько мгновений образовался снежный покров в ладонь глубиной. А

снег всё сыпался и сыпался, не зная конца и устали. Белые мушки застилали глаза и скатывались слезами по обветренным щекам озадаченных виггеров. Никто не мог понять, радоваться или огорчаться. Ведь если враг теперь творит разбой под прикрытием снега – его трудно распознать и уничтожить, если же снежная буря отпугнула его – это нечаянная радость и благо для всех, кто жив и готов после вынужденной передышки вернуться к выяснению отношений с новой силой.

- Ну, что там? – Тиван поймал за рукав спешившего мимо фулту-ма. – Ты снизу?

- Снизу-то снизу, да только ничего там не видать, - чуть не отмахнулся парень, не узнав военачальника.

- Где Норлан? – рявкнул Тиван, отпуская фултума и оглядываясь по сторонам в поисках сына. – Кто видел Норлана?

Он чуть не поскользнулся, утаптывая снег, но успел ухватиться за деревянный поручень.

У них с сыном была негласная договоренность о том, что Норлан, вернувшись из не слишком удачного похода в Пограничье, недовольный собой и исходом предприятия, но зато живой, станет при отце кем-то вроде осведомителя. Те помощники, что были у него прежде, стойкие и надёжные, оказались верны Ракли и разделили его плачевную участь. Новых он не нашёл. У Демвера их отродясь не было. Вот и решили, мол, ему тоже не положено. Демвер сморозил глупость, его больше нет, а он так и остался, как показала эта атака, отдающим приказание, но отдающим вслепую, хоть и с высоты замковых стен.

- Норлан!

- Я здесь, отец.

Из пурги ему навстречу выступил знакомый плащ с капюшоном.

- Норлан, Тэвил! Скажи хоть ты мне, что там творится? Ты был внизу? Где вражина?

- Отступил...

Норлан был молод, однако его довольно приятное худощавое лицо уже украшали тонкие усы, переходившие в остренькую бородку. Сейчас всё это превратилось в одну некрасивую сосульку, мешавшую говорить.

- Ты сам видел? – Тиван по привычке поймал руку сына и притянул к себе. – Мы не имеем права ошибаться.

- Я знаю, что говорю, отец. Снег обратил их в бегство.

- Снег...

- Мне донесли, что двоих удалось сбить с лошадей и захватить в плен. Их сейчас ведут сюда.

- Прекрасно! – Тиван поискал глазами ещё кого-то. – Пусть проведут их в тронную залу.

- Я выясню.

- Что ты собрался выяснять?

- Как я понял, их хотел допросить Гийс. Это его сверы их скрутили...

- Тэвил! Почему так получается, что всё теперь достаётся ему? Он ведь палец о палец не ударил!

На самом деле в голове Тивана крутилось сейчас гораздо больше вопросов. Прежде всего, будучи опытным военачальником, он никак не мог взять в толк, кто додумался нападать на Вайла'тун в самый разгар зимы. Тем более на конях. Тем более сходу, без должных приготовлений. Со стороны это смахивало на попытку самоубийства. Будь сейчас лето, тут бы уже всё лежало в руинах. Но зима – другое дело. Внезапный снег – лишь подтверждение его мыслей. Кони вязнут и проваливаются, холод, короткие дни, быстрые сумерки и долгая ночь, наконец, избы, промёрзшие настолько, что ни одна зажигательная стрела им не страшна. Чтобы отважиться на такое, нужно либо безмерно верить в свои силы, либо быть полным дураком и невеждой в ратных делах. Либо...

- Я слышал, ему помогает сам Скелли.

- Что? – Тиван не сразу сообразил, о чём говорит ему сын. – А, ты про Гийса? Да, я знаю. Его обман пришёлся ко двору. Нам с тобой нужно держать ухо востро. Ступай к своим и выясни поподробнее, что происходит. Думаю, при таком ветре снег скоро пройдет.

- Но я бы хотел поприусутствовать при допросе...

- Вряд ли он произойдет очень скоро. За толмачихой из Обители послали только перед самой атакой. Её ещё нужно отыскать и доставить в замок. Так что времени – целая Бехема. Сейчас гораздо важнее понять расстановку сил. Выясни, сколько погибло наших и позаботься о том, чтобы убитых врагов тоже не оставили лежать на улицах. Надо глянуть на их вооружение и доспехи. Пригодится, чтобы понять, как вести себя с ними дальше.

- Я сделаю.

- Не сомневаюсь. И будь осторожен.

Норлан кивнул, натянул капюшон на самые глаза и растворился в снежной пелене.

Третья возможная причина безрассудного нападения представлялась маловероятной, если не сказать сумасшедшей, однако Тиван слишком хорошо помнил историю с пожаром на первой заставе, положившим начало концу правления Ракли. Иногда, чтобы обрушить избу, достаточно выбить один-единственный колышек, если знаешь, какой. Любой снегопад – это всего лишь отдельные крохотные снежинки. В одиночестве они безропотно тают на ладони. Но когда их много, они могут обратить в бегство целую армию. Если на тебя нападает свора диких собак или дикарей, уничтожь вожака, и ты победил. Вот так же и с напастями. Стоит умело подтолкнуть одно событие, как за ним следует череда управляемых катастроф. Важно только занять правильную позицию в стороне и ждать удобного случая, чтобы вы-

ступить в роли спасителя. Тогда любые жертвы окажутся ненепрасными. Возможно ли такое, чтобы среди пришедших сюда врагов оказались те, кому было бы выгодно собственное поражение? Если задать этот вопрос вслух, можно самого себя посчитать умалишенным. Войны не затеваются с надеждой на поражение. Но разве эта война? Больше смахивает на отчаянный наскок обезумевших от голода шевача, нежели на продуманное действие хорошо обученных воинов. Словно кому-то не терпится принести богатую жертву Квалу.

- Ну, так что, вы намерены продолжать со мной спорить? – было первым, что он услышал, когда чуть ли не на ощупь добрался до входа в башню.

Гийс всем своим видом показывал, будто уже давно поджидает его. Они вошли внутрь, поплотнее прикрыли за собой дверь и отряхнулись. Гийс не скрывал самодовольную улыбку.

- Хороши бы вы были с вашими мергами, если бы бросились им навстречу! Ещё отец заповедовал мне никогда не спешить, коли есть время. Что скажете?

- Скажу, что если бы не буря, у вас сейчас было бы совсем другое настроение.

- Буря! Зимой подобные вещи не редкость. Нужно взвешивать все возможности.

- Я слышал, вы захватили пленных.

- У вас тонкий слух!

- Не жалуюсь. Толмачихи ещё нет?

- Знаю не больше вашего. Надеюсь, наш гонец поспеет вовремя. А то мои люди уж больно охочи до расправы. Вы ведь тоже были по своему правы: мне доложили, что с той стороны, откуда они двигались, много наших полегло. Теперь объявилось немало желающих идти мстить. Полагаю, когда снег утихнет, нам будет непросто их сдерживать. Тогда ваш план сработает сам собой.

- Гнев – плохой помощник в бою.

- Не спорю. Поэтому надо как можно скорее разобраться, с кем мы имеем дело. Хотите сопроводить меня к пленникам?

Тиван не ответил, и они молча поспешили вниз по лестнице, туда, где в подземелье замка, вдали от посторонних глаз и ушей содержались неугодные правителям подданные. Или старые правители, неугодные новым. Содержались ровно столько, чтобы раскаяться в своих деяниях и тихо покинуть этот ставший негостеприимным мир.

Здесь царили холод и темень. Не такой холод, как на улице, разумеется, но достаточный, чтобы даже не подумать снять шубу. Тиван только расстегнул ворот. Света факелов хватало лишь на то, чтобы не оступиться на крутых ступенях. Гийс шёл первым, шёл уверенной размашистой походкой, столь не свойственной ему прежде.

Собственно, прежде Тиван его почти что и не замечал. Нельзя было даже сказать, что Гийс прячется в тени отца. Он оставался вне этой

тени. Демвер большую часть времени проводил на ристалище или в тронной зале, тогда как его сын постоянно уединялся где-то среди берор, слушая наставления покойного Вордена и не проявляя ни малейшего внешнего интереса к делам ратным. И вот такое превращение! Как же мало мы знаем наших близких! Неужели и Норлан когда-нибудь покажет свой истинный лик? Ну уж нет, этого мальчика Тиван знал, как облупленного. Быть может однажды он и в самом деле займёт его место, но уж точно не ценой предательства и подковёрных интрижек...

Последний раз Тиван спускался сюда в тот день, вернее, в ту ночь, когда они сажали в клеть изрядно избитого, хотя и не сломленного до конца Ракли. Накануне был совет, на котором Тиван оказался прилюдно унижен и оскорблён, так что никаких лишних мук совести он не испытывал и искренне считал, что поступает верно. Ракли за глаза ненавидели если не все, то многие. Самомнением и постоянно чинимой несправедливостью тот умудрился настроить против себя даже недавних близких друзей, а когда за ним пришли, первым схватился за оружие и стал рубить и колоть направо и налево, невзирая на лица. За что ему в итоге и досталось. Вспоминая сейчас себя в тот момент, Тиван не мог сказать наверняка, кто именно бросил клич идти свергать супостата. Очень может быть, что это был он сам. Точно не Демвер. Хотя Демвер не возражал, не отговаривал и добровольно присоединился к остальным. Охранников Ракли, тех, кто не сложил оружия, они изничтожили сообща. В побоях Ракли Демвер участия не принимал, тогда как Тиван разошёлся не на шутку и, чего греха таить, несколько раз от души приложился к выплевывающей кровавые проклятия физиономии. С тех самых пор он больше ни разу не навестил Ракли и лишь слышал донесения о том, что тот вроде бы пока жив, хотя и не сказать, чтобы здоров. Если так, то у пленника оказалась отменная выносливость, поскольку обычно здесь хватало нескольких дней, чтобы отправиться, минуя объятья Квалу, к праотцам.

На самом деле клетки не имели ничего общего с клетками, и было непонятно, откуда они получили такое сбивающее с толку название. Возможно, когда-то пленников, действительно, сажали в клетки, но тогда неясно, где эти клетки стояли. Потому что в этой части подземелья было лишь одно более или менее просторное помещение, служившее комнатой для допросов. Второе, с низким потолком, было сплошь, как кротовыми норами, изрыто узкими дырами, через которые несчастных спускали под землю, в каменные мешки глубиной в два человеческих роста, после чего верхнее отверстие, как кастрюля, закрывалось решётчатой крышкой. Крышка эта в свою очередь крепилась к полу здоровенными железными крюками, так что поднять её изнутри не представлялось возможным. Единственной связью пленника с внешним миром служила отныне цепь, начинавшаяся на его

железном ошейнике и заканчивающаяся ещё одним мощным напольным крюком в шаге от отверстия.

Тиван никогда особо этим негостеприимным местом не интересовался. На то здесь испокон веков назначался специальный человек, именовавшийся палачом и успешно совмещавший два этих полезных занятия. Последний палач, увы, оказался слишком мягким человеком, попавшим на эту должность ещё в бытность Ракли, а потому его сочли ненадёжным и заменили, как только одна из клеток пополнилась столь необычным жильцом. Ведь прежняя история замка не знала случаев, чтобы его хозяева спускались сюда не в качестве судей, а в качестве изменников. Однако рано или поздно, как гласит мудрость, всё меняется, так что пришлось менять и палача. Теперь им был хмурый детина по имени Акир, сын Роджеса, тоже некогда служившего палачом и разжалованного Ракли за то, что отказался казнить своего подопечного, заподозренного в заговоре против старшего брата. Братом этого подопечного был не кто иной как Локлан, старший сын Ракли. Соответственно, клятвопреступником оказался его второй сын, младший брат Локлана Ломм. Вот такая невесёлая семейная история. Акир был по происхождению эделем и всей душой ненавидел Ракли в память об отце. Во всём Вайла'туне трудно было сыскать более подходящего надсмотрщика за родовитым пленником. Акир нёс свою службу исправно и сейчас встречал промёрзших гостей невесёлыми кивками лохматой головы и крепкими рукопожатиями.

- Их отвели в допросную, - только и сказал он, демонстрируя врожденную проницательность.

Допросной, собственно, и была единственная здесь комната. Сегодня в ней горели все без исключения факелы, так что воздух успел прогреться, и Тиван с удовольствием избавился от шубы. Гийс не последовал его примеру. Казалось, он вообще позабыл о его существовании, когда увидел две крупные фигуры, распростертые на полу.

Несколько сверов и фултумов, всё ещё измазанные в чужой крови, сосредоточенно возились над ними, приковывая за руки и за ноги к большим деревянным щитам, которые потом можно было легко поднять и приставить к стенке. Обычно в таком положении пленники оказывались совершенно беспомощными и потому весьма сговорчивыми.

Их уже раздели, и потому Гийс первым делом направился к груде доспехов, сваленных в углу. От доспехов пахло весной и полевыми цветами. Тиван недоуменно остановился. Повёл носом, решив, что обознался. Но нет, аромат исходил именно от доспехов: радостно-разноцветных, украшенных лентами, словно гости пожаловали на праздник прощания с зимой и просто забыли облачиться в заранее заготовленные наряды.

Гийса, казалось, ничего не могло смутить. Он наклонился, запустил руку в середину кучи и выпрямился с высоким, темно-зелёным

шлемом, похожим на шлемы виггеров разве что островерхим шишаком. В остальном шлем производил впечатление мастеровитой поделки какого-нибудь умелого ткача, а вовсе не кузнеца. По тому, как держал его Гийс, было видно, что он очень лёгкий. При этом насаживался он на голову глубже, чем обычный, полностью закрывая уши и большую часть шеи. Если виггеры для лучшей защиты пускали по ободу шлема кольчужью навеску, то доспех в руке Гийса выглядел одним целым, точно отлитым, а не выкованным из легчайшего металла, без единой клёпки.

Когда сверы вступали в бой, они опускали на лицо сплошное забрало, имевшее узкие прорезы для глаз, что предохраняло от стрел дикарей, но мешало обзору. Обычные воины лиц не прикрывали. Здесь же в качестве прикрытия использовалось спускающееся прямо со лба некое подобие птичьего клюва, который едва ли спас бы от стрел, но зато при отвесном ударе мечом пустил бы лезвие мимо носа. Подметив это, Тиван сделал скоропалительный вывод о том, что вторгшиеся в Вайла'тун пришельцы плохо знакомы со стрелковым оружием.

Тыльная часть странного шлема, наоборот, казалось, была выполнена с умыслом удерживать на себе все удары: здесь располагался высокий гребень, очень смахивающий на петушиный, опять-таки слитый со шлемом воедино, без клёпок и расчленений. Резкой дугой гребень взмывал к вершине шишака и там причудливым образом разветвлялся без видимой причины и надобности. Единственная цель этого разветвления, похоже, заключалась в том, что здесь крепились совершенно несуразные разноцветные ленты, в данном случае – зеленые, синие и белые. Зачем они нужны, кроме как мешать сражаться и напоминать наряд расфуфыренной красавицы, Тиван в толк взять не мог.

Гийс осторожно положил шлем на пол и поднял второй, очень похожий на первый, только на сей раз красивого темно-синего, почти чёрного цвета, причем краска была какая-то яркая, не обычная, словно ледяная, отчего шлем загадочно переливался при свете факелов. Вместо гребня на нём по бокам от шишака красовались два коротких рога – жёлтый и чёрный. Острия рогов обвивало по три ленты: на жёлтом – белая, синяя и чёрная, на чёрном – чёрная, жёлтая и красная.

Тиван с интересом подошел ближе и решил взять с груди доспехов то, что принял поначалу за обыкновенный нагрудник. Нет, конечно, не обыкновенный, очень лёгкий и при этом такой прочный, что, казалось, будто его ни разу толком не надевали: никаких трещин и вмятин, кроме нескольких неглубоких царапин, на всей его блестящей зеленой поверхности видно не было. Сверам чуть ли не после каждой стычки с шеважа приходилось свои железные латы именно что латать, особенно если враг попадался вооруженный топором или палицей.

Между тем доспехи ожили и следом за нагрудником потянулись рукава, подол, а за подолом – длинные наножники. Всё это, как оказалось, было соединено посредством железных креплений в единый боевой наряд, в который воин, судя по всему, мог без особых трудностей забраться целиком через широкое отверстие на спине. Это отверстие открывалось, стоило расстегнуть нехитрый замок на поясе и, как крышку, откинуть в сторону весь спинной доспех.

- Неплохо, - хмыкнул Гийс, обращая внимание Тивана на изнанку, точнее, на подкладку доспехов. Она представляла собой очень тонко сотканную ткань, гладкую и прочную, с излишним узором из прямых, пересекающихся как лестничные перекладыны линий, плотно подбитую изнутри чем-то мягким и упругим. Сверхы ничего подобного отродясь не имели, нахлобучивая доспехи просто поверх повседневной одежды. А здесь подкладка сплошняком покрывала всю внутреннюю часть, отделяя человека от холодного железа. Было видно, что создатели всей этой красоты не пожалели времени, чтобы сочетать безопасность и удобство.

Что касается оружия, валявшегося здесь же, оно такого изумления у выдавшего виды военачальника не вызвало. Разве что мечи подлиннее привычных, и не в простых кожаных ножнах, а в дорогих железных, украшенных причудливым орнаментом. Да щиты круглые и слишком маленькие, чтобы выглядело особенно странно, поскольку Тиван был уверен, что видел в руках нападавших другие щиты – длинные, закрывающие ноги всадников и левый бок лошади. В центре на обоих щитах, зелёном и тёмно-синем, был выдавлен изнутри причудливый крест с кривыми загогулинами на концах. Как будто четыре ноги шли по кругу одна за другой.

- А это что, цеп? – не сдержался Гийс, крутя в руке палку длиной в локоть, заканчивающуюся цепочкой, другой конец которой венчало подобие приплюснутого с боков яблока, вырезанного не то из дерева, не то из кости. – У наших фолдитов что ли отобрали?

Простому виггеру простительно не знать таких вещей, подумал Тиван, но если ты метишь в военачальники, будь любезен поумнеть.

- Это кистень, - ответил он вслух. – На цеп похож, но не цеп. Вещь хорошая. Говорят, раньше мы тоже такими пользовались. Давно их не делают, но у некоторых оружейников их ещё можно в закромах найти.

Гийс кивнул, сознавая, что дал собеседнику повод посмеяться над собой. Поддел ногой выглядывающее из-под доспехов круглое остриё и вытащил на свет короткое, обоюдоострое копьё, едва достающее ему от пола до плеча.

- Странная вещица, - заключил он, имея, вероятно, в виду неподходящий размер, особенно учитывая, что относительно невысокие вабоны если и пользовались копьями, то значительно длиннее. Взяв его наперевес, Гийс повернулся к пленникам, которых к тому времени уже подняли на щитах и приставили к ближайшей стене. – Нет, этого пока

делать не надо, - остановил он сверов, вознамерившихся избавить их напоследок от перепачканных в крови кожаных штанов. — Мы ждём прихода одной порядочной женщины, так что не стоит доставлять этим отродьям такого удовольствия. Ещё возомнят себя мужчинами.

«Отродья» тяжело дышали, не то от боли и полученных ран, не то от страха перед готовящимся возмездием. Сейчас, поднятые вместе со щитами, они и в самом деле казались великанами, однако, присмотревшись, Тиван решил, что назвал бы их просто крупными. Таких и среди вабонов порой встречались. Обычные богатыри с серовато-голубыми глазами, светлыми, спутанными от пота волосами, и окладистыми, аккуратно стриженными бородами, чего не могла скрыть даже заливающая их кровь из разбитых носов и губ. Тела мощные, загорелые, что сразу бросалось в глаза посреди зимы. Волосы повсюду, на груди и руках, тоже светлые, словно выгоревшие на солнце.

Один был ранен тяжело, в живот, точнее, в бок, где, видимо, доспех не смог защитить его от пронизывающего удара мечом. Кровь клокотала и пузырилась, а это было признаком того, что из раны выходил воздух. Не жилец, подумал Тиван. Второй, похоже, был просто как следует избит и лишь слегка порезан в нескольких местах, очевидно, уже здесь, когда сопротивлялся. В коротких паузах между вздохами умирающий что-то бормотал на неразборчивом языке. Второй иногда отрывисто ему вторил, так что, скорее всего, они таким образом разговаривали между собой, не то прощаясь, не то подбадривая друг друга.

- За лекарем послали? — осведомился Гийс, читая мысли Тивана.

- С какой стати? — удивился один из сверов.

- Ещё раз такое услышу, лекарь понадобится тебе! Позвать срочно!

Растерявшийся свер бросил взгляд на фултумов, и один из них торопливо вышел выполнять приказ.

Наглости мальчишке не занимать, подумал Тиван. Не так давно он сам был на побегушках. А память у сверов долгая.

- Как тебя зовут? — Гийс тем временем остановился перед пленниками и поднял остриё короткого копья к лицу того, кто казался почти невредимым. — Ты меня понимаешь?

Воин скосил на него подбитый глаз с красным белком и смачно плюнул, но промахнулся. Гийс рассмеялся:

- Узнаю манеры шеважа. Даже благоухающие доспехи не могут скрыть гнилое нутро. Думаю, ты меня прекрасно понял, бородатый. Так как твоё имя?

Пленник оставался равнодушным к острию, царапавшему его щеку в опасной близости от глаза. В том, что Гийс способен собственноручно пытать несчастного, Тиван нисколько не сомневался.

- Не лучше ли дожидаться толмачихи? — напомнил он, усаживаясь на принесенный предупредительным Акиром стул.

- Вы полагаете? – Гийс резко повернулся и невзначай рассёк копьём щёку пленника под самым глазом. – А до тех пор будем сидеть и любоваться ими?

- Не вы ли недавно призывали нас всех к неспешности?

Гийсу явно не хотелось продолжать этот спор в присутствии виггеров. Он забыл о существовании первого пленника и шагнул ко второму. Брезгливо надел перчатку и деловито потрогал рану на боку. Пленник взвыл от боли и забился в цепях мелкой дрожью. Гийсу такой ответ явно понравился больше плевка, и он ткнул пальцем сильнее. Вероятно, пленник потерял сознание, потому что повис, уронив взлохмаченную голову на грудь, и больше не подавал признаков жизни. Его товарищ что-то гортанно закричал.

- Вот видишь, что бывает, когда не хочешь говорить, - наставительно заявил ему Гийс. – А ведь я помню, как в первый раз вы с нами разговаривали, ну, там, у карьера, и мне даже показалось, что мы друг друга понимали. Не хочешь попробовать ещё разок? Хорошо, начнём по-другому. Меня зовут Гийс. Гийс, – повторил он, ткнул себя в грудь и указал окровавленной перчаткой на собеседника. – А ты?

Тот что-то неразборчиво пробурчал в ответ.

- Не слышу!

- Бивой... - Пленник повысил голос и поднял глаза на мучителя. – *Разбрат?..*

Гийс восторженно повернулся к Тивану и развел руками:

- Он мне ответил! Вы слышали? Он мне ответил! Я же говорил, что эти ублюдки нас понимают.

- А мы их?

Гийс пожал плечами. Посмотрел пристально на пленника.

- Бивой?

Тот устало кивнул.

- Разбрат?

Снова кивок, безучастный.

- Тэвил! – Гийс понял свой просчёт.

- Его зовут Бивой, - услышался чей-то спокойный голос.

Никто и не заметил, как вернулся фултум с лекарем. Мунго стоял на пороге, словно присматриваясь к происходящему, прежде чем войти. Тиван нечасто сталкивался с ним в замке прежде, однако всякий раз испытывал необъяснимую робость. Не то виной тому был странный нос лекаря с приплюснутыми ноздрями, не то – копна кучерявых волос, черноту которых, казалось, не брал никакой возраст. При этом Мунго было немногим меньше, чем самому Тивану.

- Ты знаешь его язык? – ухмыльнулся Гийс, уступая место перед пленниками тому, кто должен был теперь позаботиться о том, чтобы они вкушали пыточных мук как можно дольше. – Я думал, ты лекарь.

- Я тоже так думал. – Мунго повёл носом, увидел источник приятного запаха, и одна бровь его изумленно поднялась. – Но уж больно

этот «Разбрат» показался мне похожим на «разбирать» в смысле – «понимать». Выходит, это не его имя.

- Умный лекарь, - протянул Гийс, стараясь не смотреть на хитро прищурившегося Тивана, которого эта словесная перепалка с новым неожиданным союзником приятно позабавила.

- Глупцов и без меня хватает.

Гийс хотел было что-то возразить, но сдержался.

Тем временем Мунго уже расположился в ногах пленников, раскладывая на полу разные тряпочки, бутылочки, и горшочки, никак не сочетавшиеся с его серьезным видом и могучей фигурой.

- Воды и огня, - распорядился он, не оглядываясь.

Тот фултум, что привёл его и до сих пор нерешительно стоял в дверном проёме, кивнул и исчез. Другой фултум, сняв со стены один из коптящих факелов, застыл в ожидании дальнейших распоряжений.

- Он будет говорить? – поинтересовался Гийс, приближаясь и рассматривая острые ножи с короткими лезвиями, лопатки и всякие железные трубочки, которые Мунго извлекал из своей вместительной сумки и клал на чистое полотенце рядом с притирками.

- Если будет жить.

- Ну, ты ведь здесь именно за этим, не так ли?

- Похоже, кто-то меня опередил, - не остался в долгу лекарь. – Сейчас не помешало бы старое доброе чудо. Парень, скорее всего, загноётся. Хотите, чтобы он выкарабкался, снимите его со стены и оставьте в покое хотя бы на время...

- ... которого у нас нет, - отрезал Гийс. – Делай, что умеешь, а там посмотрим.

- С таким же успехом я могу выбросить все свои инструменты в помойку: лишняя трата лекарств. – Заметив во всей позе собеседника нешуточную угрозу, спокойно добавил: - Если есть желание поспорить, можем спуститься к Скелли.

Поймал, так поймал, подумал Тиван. Один тайно оказал главному писарю замка какую-то важную услугу, зато другой явно спас ему жизнь, когда все уж решили, что беднягу отравили насмерть. Не на того напал, выскочка!

Гийс раздражённо сделал знак сверам, и те стали с видимой неохотой, но быстро, снимать раненого со щита. Мунго терпеливо ждал. Второй пленник заметно ожил и теперь наблюдал за происходящим уже не с такой отрешенностью.

- На спину, на спину кладите, - не сдержался Мунго, завидев, что сверы собираются по привычке прислонить несчастного к стене сидя, как их учили оказывать первую помощь в походах. - Где вода? Я велел принести воду! Что ты держишь этот факел? Мне нужен не факел, а очаг, чтобы воду вскипятить. Живо!

Все забежали и засуетились.

Один Тиван продолжал восседать на стуле, ехидно поглядывая на Гийса, который, вмиг потеряв бразды правления, только ходил взад-вперед по комнате, словно не замечая ничего, кроме своих собственных мыслей.

Акир приволок откуда-то жаровню и теперь поспешно разводил под ней костер.

- Мы тут случаем не угорим? – бросил Гийс, когда по комнате поползли первые облака дыма.

- Не угорим. – Акир кивнул на факелы. – Тут хорошая вытяжка. Хотя это место и не предназначено для очагов.

- Вот и я о том же...

Воду уже принесли, и теперь Мунго разливал её по своим заветным горшочкам, ни на кого не обращая внимания. Раненый стонал на полу у его ног. Сверы, не зная, что ещё делать, разбрелись по комнате. Двое перешёптывались с Гийсом. Акир подкладывал в огонь сухие дрова, которые быстро вспыхивали, почти не давая дыма.

Тиван откинулся на спинку и почувствовал, что за это утро очень устал. Неужели стареет? Рановато ему на покой. Пока к власти рвутся такие мальчишки, кто-то должен постоянно быть поодаль и пресекать их петушинные выпады. Раньше про такое и помыслить нельзя было. Во главу угла ставились заслуги, а не услуги. Будь Тиван помоложе, он бы имел полное право воспользоваться очередной грубостью Гийса и вызвать его на открытый бой. С некоторых пор это честное выяснение отношений не приветствуется. Почему-то считается, что братьям по оружию можно позволить таить друг на друга обиду. А если они вспомнят про неё в самый неподходящий момент на поле брани и вздумают разрешить наболевший вопрос путём коварства и предательства? Разве это лучше? Вместо одного подлеца могут погибнуть невинные люди, особенно если между собой сходятся высокопоставленные военачальники, в руках которых нити многих жизней. Например, какого Тэвила они сейчас оба торчат здесь, когда за пределами замка творится невесть что? Разумеется, на крайний случай есть доверенные люди и помощники, которые прибегут с дурными вестями, но разве это дело? Каким бы противоречивым ни сделался Ракли к закату своего правления, в былые зимы он как раз отличался умением чувствовать пульс происходящего повсюду. Сейчас если кто и в состоянии это повторить, то даже не Томлин или Скирлох, уверовавшие в силу своих сбережений, а всё тот же невидимый и вечно забываемый, но всюду и всегда присутствующий Скелли...

- Скелли.

- Что? – не сразу сообразил Тиван, выходя из задумчивости.

- Сюда идёт Скелли, - повторил Гийс, причём было непонятно, говорит он это с радостью или огорчённо.

Тиван машинально поднялся на ноги, будто речь шла не о ничтожном по меркам виггера подземном черве, ползающем где-то у се-

бя в темноте и холоде. У многих главный писарь замка вызывал противоречивые чувства. Даже те, кто получал из его рук подачи в виде упоминаний в старинных рукописях деяний их предков, чем впоследствии облегчалось получением ими титула эделя, едва ли любили его. Тиван прокашлялся. Такое создание вообще любить невозможно. В лучшем случае его побаивались. За глаза – презирали. Враги, которых Скелли плодил с той же лёгкостью, что и эделей, разве что в превосходящих количествах, его ненавидели. Тиван знал это наверняка. История с мальчишкой Сартаном, якобы попытавшимся его отравить, была случаем отнюдь не единичным. Но Скелли всякий раз оказывался слишком хитёр и скользок, чтобы его так просто отослали в объятья Квалу. Возможно, у Скелли была своя тайная договоренность с этой ненасытной повелительницей смерти. Он снабжал её жертвами обманов и козней, а она в ответ отказывалась принимать до срока его щуплое тело. Срок же был ведом только ей...

- Приятно видеть сразу столько людей занятых делом, - заговорил старичок, появляясь на пороге комнаты и окидывая присутствующих холодным взглядом огромных серых глаз. – Что хорошего слышно?

С маленького морщинистого лица его не сходила улыбка, больше смахивающая на оскал трупа, чем на проявление чувства живым человеком. Своей жизнью жили и сухие тонкие руки, которым он, казалось, не мог найти применения, и оттого они то вытягивались к несуществующим далеким предметам, то поджимались обратно, к тощему тельцу, скрытому сегодня не только длинной холщовой рубахой, но и меховой безрукавкой, какие обычно носят неприхотливые пастухи. Схожесть с большим пауком ему также придавали похожие на оборванную паутину длинные жиденькие патлы и бороденка, послушно колышущаяся при малейшем дуновении.

- Я задал вопрос, - напомнил он, как будто довольный, а вовсе не раздраженный всеобщим замешательством. – Или вы можете думать только о плохом.

- От раненого пахнет полынью, - ни с того ни с сего заговорил Мунго, продолжая орудовать со своими горшочками. – И вереском.

- И что это значит, если перевести на наш язык? – Скелли кивнул Гийсу и равнодушно принял пристальный взгляд Тивана.

- Похоже, им известен секрет вересковой настойки. Во всяком случае, другой на его месте от таких ран давно бы испустил дух, а этот, думаю, выкарабкается.

- Рад это слышать. А что за настойка?

Мунго прикрыл рану на боку пленника мокрой тряпицей и с явной неохотой выпрямился.

- Настойка вереска с полынью – хорошее средство для усиления живучести всех тканей на теле человека.

- Из этого можно сделать вывод, что перед нами всё-таки человек, - оскалился Скелли, прерывая лекаря, а Тивану показалось, что он

просто-напросто заткнул ему рот. – Что удалось выяснить? – Этот вопрос уже относился к мрачно молчащим виггерам.

- Мы ждём толмачиху, - откашлялся Гийс. – Их язык нам не разобрать. – Он осёкся.

- Вон того зовут Бивой, - кивнул Мунго. – При большом желании кое-что понять можно.

- Но у него такого желания нет. – Гийс выглядел бледным и злым. Тиван хотел бы рассмеяться, однако не мог позволить себе подобной роскоши.

- Зато есть у нас, я надеюсь. – Скелли осторожно приблизился к пленнику и позволил костлявым пальцам коснуться дрожащего от холода тела. – Так ты – Бивой?

- *Аз Бивой, княжечи... Ай токи несрок Бивой животу долеч...* - И дальше последовала длинная и совершенно неразборчивая тирада.

- Про живот я, кажется, понял, - усмехнулся Скелли, поднимая палец и призывая говорящего замолчать. – Надеюсь, ваша толмачиха сможет больше. Тиван, позволь мне полюбопытствовать, почему мы проморгали появление такого скопища народу у нас под носом?

- Потому что дозорные обязанности с мергов сняли ещё позапрошлой зимой.

- Но ты ведь опытный военачальник и наверняка не торопился сложить с себя такие важные полномочия. Я неправ?

- На последнем, то есть на прошлом совете присутствующий здесь Гийс вытребовал оставшихся у меня людей себе. – Тиван пожал плечами. – Надеюсь, его объяснение толмача не потребует...

Жестоко, подумал он, но справедливо. Пусть мальчишка держит ответ. Непонятно, правда, перед кем, но зато урок ему будет хороший.

- Если вы заметили, - умело сдерживая ярость, заговорил Гийс, - они в большинстве своем передвигаются верхом, а потому превосходят лесных дикарей в скорости. Их выступление оказалось быстрым и потому неожиданным.

- Выступление откуда? – уточнил Скелли. – Из Пограничья?

- Вполне возможно.

- Правильно ли я тебя услышал, маго Гийс? Ты считаешь, что они – союзники шеважа?

- Этого я не говорил.

- Но ты говорил про Пограничье.

- Я сказал «вполне возможно». Потому что есть ещё один путь, почти свободный от непролазного снега.

- И это...

- Вдоль Бехемы, разумеется. Снег там тает, не успев выпасть. Полоска берега всегда остается почти чистой.

- Мне казалось, зимой она покрыта льдом. Для лошадей это ещё хуже снега.

- Лёд есть, но он довольно тонкий, а земля там мягкая, так что под копытами лошадей он легко крошится, - пришел на помощь врагу Тиван. - Мне этот путь кажется более оправданным, нежели через лес. Другое дело, что теперь это не имеет большого значения.

- Имеет, - мягко возразил Скелли. - Потому что мне именно хотелось разобраться, причастны ли ко всему этому шеважа. Если никто не видел, как они выдвигаются из Пограничья, есть надежда, что за их внезапным появлением не стоит коварство дикарей.

- Какая разница, один большой враг перед нами или два поменьше? - подал голос молчавший до сих пор Акир.

- Время, мой друг, - вздохнул Скелли. - Время. Придётся ли нам биться со всеми разом или по очереди, вот в чём вопрос. Ты бы что предпочёл?

Он смотрел на Акира выжидательно, и палачу пришлось отвечать.

- По очереди всё сподручнее.

- Вот и мне всегда так казалось. - Он подошёл к Мунго и некоторое время рассматривал раненого. - Значит, по-твоему, он выживет?

- Как ни странно, у него всё быстро заживает. Даже слишком. Мне никогда ничего подобного не приходилось видеть.

- Очень хорошо. Вот и ещё одна тема для разговора с ними. - Он понизил голос. - Так, выходит, вереск и полынь? Ты знаешь рецепт?

- Не совсем. Я знаю, что эту настойку когда-то умели делать, но не знаю точно, как.

- Выясни. Потому что мне тоже нравится то, что я вижу. - Скелли кивнул на залитый кровью бок и перевёл взгляд на лицо раненого, чья бледность уже сменилась чем-то вроде румянца. - В долгу не останусь.

Мунго молча поклонился.

От Тивана не утаилось выражение не то досады, не то брезгливости, искривившее при этом его полные губы. Похоже, лекарь тоже не питает тёплых чувств к писарю. Тогда зачем же он его спас от отравления? Не мог поступить иначе? Едва ли Мунго могло от Скелли что-нибудь понадобиться. Он не играет в игры с титулами, знает своё место и неплохо справляется с возложенными обязанностями. Его познания в лекарственных средствах, похоже, обширны, он не нуждается в деньгах или в крове над головой. Разве что семьи у него до сих пор нет и не предвидится. Видать, на нём и закончится род легендарного силача, борца и строителя Мали, возведённого в культ многими его последователями, исповедующими как идею созидания, так и разрушения. Интересно... В этом ведь тоже что-то есть. Воины, те же борцы, заняты тем, что уничтожают врага, тогда как строители, напротив, дают жизнь своим новым сооружениям. Вероятно, если к Мунго присмотреться повнимательнее, в нём можно обнаружить не только дар спасать людей и всяких паучьих отродий...

Скелли исчез так же внезапно, как и появился. Увидев, вероятно, всё, что хотел, он ни с кем не попрощался, лишь бросил взгляд на вто-

рого пленника, шмыгнул за порог и растворился в тоскующей снаружи темноте.

Тиван расстегнул ворот – жаровня исправно делала своё дело, так что в помещении стало почти тепло.

Некоторое время все хранили настороженное молчание, будто ждали, что писарь вот-вот спохватится и вернётся.

- Я пойду на стену, - первым нарушил тишину Гийс. – Пошлите за мной, когда пожелает наша неторопливая толмачиха. Тиван, вы остаётесь тут?

- Пожалуй, что да. Если что-нибудь произойдет, полагаю, мы узнаем это одновременно.

Гийс кивнул, давая понять, что оценил намёк ехидного противника, и последовал за Скелли.

Тэвил, как же ему надоел этот Тиван! Ещё в бытность фултумом он присматривался к надменным повадкам старика и мечтал когда-нибудь избавить замок от его присутствия. Однажды он даже обмолвился об этом отцу, однако Демвер лишь по обыкновению рявкнул, чтобы Гийс знал своё место, и отправился на ристалище учить уморазуму любимых новобранцев. Отца не стало, но в отношении Тивана ничего не изменилось. Даже Скелли, которому он недавно излил душу, остался явно глух к его доводам. Тивана, как оказалось, все недолюбливали, но ценили. За опыт и былые заслуги. Как будто догадывались, что предстоит скорая встреча с новым врагом, и он пригодится больше, нежели Гийс с его юношеской дерзостью, не всегда подкреплённой здравым смыслом. Но ведь если во всём руководствоваться здравым смыслом, никогда не сделаешь такого быстрого и почти отвесного пути, какой проделал он, несколькими решительными действиями вознеся себя из ниоткуда к вершине власти. Он с детства знал, что когда-нибудь именно так и будет. Слушая долгие рассказы Вордена, почтительно ухаживая за здешними беорами, соглашаясь на отведенную ему роль послушного и исполнительного фултума при тупоголовых сверах, он терпеливо ждал сигнала свыше и строил планы. В какой-то момент ему показалось, что он начинает ощущать поток судьбы, словно само время уплотнилось настолько, что его можно потрогать рукой и повернуть в нужном направлении. И тогда он стал прислушиваться к внутреннему голосу более внимательно, а главное – стал действовать. Упросил отца отправить его на первое настоящее задание: охранять строительство огромной печи, которая должна была снабжать замок столь необходимым камнем. Сошёлся с придумавшим способ получать этот камень из обычной глины Хейзитом и добился его полного доверия. Его и Веллы, его юной сестры. О чём убедительно просил не кто иной как Скелли, для которого Хейзит почему-то был личностью крайне важной и требующей пристального внимания. Гийс знал о роли главного писаря замка в гибели своего наставника, Вордена. Знал и помалкивал. И Скелли знал, что он знает. И тоже по-

малкивал. Это взаимное молчание само собой сблизило их настолько, что позволило Скелли не отдавать ему приказы напрямую, а лишь намекать вскользь на желаемый исход. Зато Гийс мог быть уверен в том, что ему воздастся сторицей, претвори он эти намёки в жизнь. Захватить Хейзита врасплох, однако, не удалось. Пришлось долго и утомительно разыгрывать роль доброго друга и ждать подходящего случая. Случай не преминул наступить, поставив Гийса перед окончательным и самым сложным выбором. И он этот выбор сделал, во мгновение ока лишившись друзей и отца, но зато приобретя нечто несравненно более ценное, как ему казалось тогда, и что довлекло над ним теперь – власть и значимость. Скелли благоволил к нему. Чего он совершенно не предполагал, когда решился вызволить из плена отвратительного во всех отношениях Симу, не то сына, не то близкого родственника Томлина, распоряжавшегося теперь в замке по праву нажитого за прежние зимы несметного богатства. Когда он делал это, вонзая лезвие в тела потрясённых спутников и едва начавшего приходить в себя после сильного ранения отца, Гийс осознавал, что Сима станет для него тем заветным ключиком, который откроет двери в совершенно иной мир, грезившийся ему по ночам. Однако он не мог и предположить, что тем самым завоюет не только расположение Томлина, но и необъяснимую признательность Скелли. «Признательность», конечно, сказано громко. За свою бытность в замке Гийс ни разу не слышал, чтобы Скелли кого-нибудь благодарил. Но он отплачивал за нужные ему услуги гораздо более ценной монетой – действиями. Гийс не сомневался в том, что нынешним своим постом он обязан, главным образом, Скелли, а не Томлину, который, напротив, предпочитал воздавать должное тем, чего у него было в достатке – звонкими силфурами. Так за спасение Симы он без лишних слов отвалил ему столько денег, что хватило бы на покупку не одной избы в центре Вайла'туна. Хотя они были Гийсу за ненадобностью, поскольку за ним сохранился просторный дом отца, правда, со значительно поредевшим набором прислужников, в спешке разбежавшихся после произошедшего. Потому что для всех Гийс был теперь сыном предателя, укравшего доспехи легендарного Дули, чтобы передать их врагам. Мало приятная роль, если бы не хитрость Скелли, который предложил сделать вид, будто похищенное возвращено в целостности и сохранности, причем им, Гийсом. Это позволяло разом решить множество неприятных вопросов и давало оправдание его взлёту к достойной награде – месту в совете. Кто ковал подделку, он не имел ни малейшего понятия, однако подмена благополучно удалась, и все получили то, что хотели. Кроме денег и власти, Гийс обрёл долгожданную свободу всем этим пользоваться. Сбежавших слуг он отчасти заменил новыми, завёл нужные знакомства с другими богатыми эдеями из окружения Томлина и его правой руки – Скирлоха, и почивал на приятных во всех отношениях лаврах, имея возможность проводить время так и с теми, как и с кем ему хотелось. А хотелось ему, прежде

всего, позабыть своё короткое, но бурное увлечение Веллой, сестрой Хейзита, оказавшейся не только самой хорошенькой из встречавшихся на его пути девушек, но и на удивление сговорчивой. Близость, возникшая между ними ещё в пору его дружбы с её братом, осталась в памяти слишком яркой картиной, чтобы вот так просто её разорвать и втоптать в снег, а потому эти дни помрачневшую душу Гийса тревожили самые противоречивые чувства. С одной стороны, ему страстно хотелось отправиться во главе хорошо вооруженного отряда на окраину Вайла'туна, где он тогда оставил Веллу и остальных беглецов, перебить их, а её взять в плен и дальше будь что будет, однако, с другой стороны, именно в силу по-прежнему испытываемых к ней чувств, он до сих пор этого не сделал и, вероятно, не станет делать никогда. До них могут доходить о нём любые слухи, ему наплевать, но если она сама уверится в том, что он предатель, зачем ему такая победа? И напротив, если они уже знают о нём, а они наверняка знают, поскольку, как говорится, молва не стоит в хлеву, то тем сильнее будут их сомнения, её сомнения, в правдивости этих слухов, раз он легко мог бы обнаружить их местонахождение и прислать виггеров, но почему-то этого не делает. Получается, он не так плох, как о нём говорят? На него, возможно, наговаривают? Получается, его можно любить. Наверняка, Велла там в меньшинстве, заступаясь за него перед братом и матерью, но сейчас её воображаемая защита была ему слишком приятна, чтобы что-то менять. Кому-кому, а ей он действительно не желает зла. Возможно, когда-нибудь они ещё встретятся. А пока он должен был предпринимать всё, чтобы думать о ней меньше и реже. И Гийс не нашёл ничего лучше, как выбить клин клином. На завтрашний вечер, не предполагая того, что произошло, он назначил эфен'мот, на который пригласил со всей округи знакомых и незнакомых эделей своего возраста, чтобы развлечься среди равных, а заодно закрепить в положении щедрого хозяина и их будущего предводителя. Подобные эфен'моты пользовались общей любовью отпрысков богатых и знатных семейств, их устраивали все попеременно, на них встречались, ссорились, влюблялись и расставались, а некоторые девицы буквально жили ими, в другое время не находя себе занятия и праздно тоскуя ни о чём. Для Гийса это была бы превосходная возможность завести новые знакомства и заодно подыскать достойную замену Велле, чтобы скрасить хоть и гордое, но такое утомительное одиночество. Он хотел затеять настоящий пир с Бехемой напитков, угощений и лакомств, с забавными состязаниями и выступлением музыкантов, одним словом, ничуть не хуже, чем бывало на эфен'мотах у того же Кадмона, в доме Томлина, куда его однажды пригласили ещё перед зимой, а последний раз – совсем недавно, по случаю предстоящей свадьбы с дочкой Скирлоха. Кто-то из знакомых даже пообещал ему появление одной весьма интересной во всех отношениях певуни, и он весь затрепетал от предвкушения возможного чуда, поскольку имя её было слишком похоже

на имя Веллы – Фелла. Увы, теперь всё пошло прахом! Даже если непрошенные враги, остановленные не столько отвагой защитников Вайла’туна, сколько начавшимся снегопадом, молча соберут шатры и затемно отправятся восвояси, нанесённый ими урон не позволит никому в ближайшие дни отвлечься от скорби и предаться веселью. Потому что, судя по тому, что он успел получить в коротких донесениях, свидетельствовало о многочисленных потерях не только среди виггеров, но и среди мирных обитателей подвернувшихся под лобовую атаку неприятеля изб. Погибло много женщин, детей и стариков. Такое нельзя было ни прощать, ни забывать. Как только снег прекратится, предстоит во что бы то ни стало нанести ответный удар возмездия и расквитаться с врагом за содеянное. Спорить об этом он не станет даже со старым Тиваном. Однако для него всё это означало, что предпринятые сборы и затраты никому больше не нужны, эфен’мот не состоится, а он, если повезёт, послушает песни неведомой Феллы как-нибудь в другой раз. Очень обидно!

- Я искал вас, вита Гийс.

Он вышел из задумчивости и увидел, что чуть не столкнулся на узкой лестнице с богатырского вида виггером в перепачканных кровью доспехах свера, но без шлема, отчего его борода казалась особенно пышной, а потная шевелюра – всклокоченной.

- Буллон? – не сразу узнал он говорившего, настолько разительно возбужденный вид последнего отличался от присущего ему спокойствия. – Какие вести?

- Всё очень плохо... Они не собираются отступать. Лазутчики донесли, что было замечено перестроение. Лошадей собрали в центре лагеря и готовятся к пешей атаке.

- Что? По снегу?

- Похоже, им известны наши снегоступы, вита Гийс.

Буллон был одним из немногих, кто сразу и безпрекословно принял главенство Гийса, которого прежде удостаивал разве что одобрительным кивком на ристалище. Его обращение «вита» по-прежнему резало Гийсу слух.

- Не удивлюсь, если им известно гораздо больше чем нам, Буллон. – Ему вспомнились только что виденные доспехи. – Как там фолдиты?

- Связи с ними пока наладить не удалось. Гонцов послали, но они далековато, Тэвил...

- Они что-нибудь предпринимают?

- Нет, стоят пока.

- И то хорошо.

- Из Обители бабы зачем-то тамошние понаехали. Что с ними делать?

- Я про них слышал. Ничего не делать. Чего они хотят?

- Биться за нас, похоже. Обратно отослать?

- Не вздумай. Пусть бьются. Насколько мне известно, их там этому неплохо учат.

- Воевать? – искренне изумился Буллон.

- Вот именно.

Переговариваясь, они незаметно поднялись по ступеням и вышли на стену.

Снег всё не прекращался.

Первое, что бросилось в глаза, когда Гийс, прикрываясь ладонью, осмотрел подножье замка – единственное, что ещё можно было различить сквозь белую пелену, – толпы людей, запрудившие всё пространство вокруг.

- Беженцы? – вспомнил он давно, казалось бы, позабытое слово, которым когда-то называли тех, кто возвращался домой с разоренных застав.

- Они самые. Народ в ужасе. Всё побросали и стягиваются сюда. Гонцы еле пробиться могут...

Да уж, подумал Гийс, здесь оно поинтереснее будет, нежели там, внизу, с пленниками. Ещё, несмотря ни на что, он был приятно удивлен тем, как осмысленно развивались события без его ведома и вмешательства. Одни отступали, другие прятались, третьи готовились к продолжению отпора. Все будто знали, что им делать, все действовали, никто не ждал его распоряжений. Никто, кроме Буллона...

- Меня к вам мужики за делом отправили, – словно только сейчас спохватился тот. – Атаковать будем немедленно или обождём?

- А сам как думаешь?

- Надо бы их подальше оттеснить. Если снова попрут, пусть хоть на сей раз пешими, опять окраинам несдобровать. Да уж больно снег мешает.

Гийс покосился на небо. Ничто не предвещало прояснений в ближайшее время.

- Где мы стоим?

- Выдвинулись им под нос. Ждём. Ну так ничего же всё равно не видно.

В растревоженном мозгу Гийса промелькнула какая-то особо шустрая мысль и исчезла. Он попытался её вернуть. Что-то вспомнилось. Почему-то из далёкого теперь детства. Где же это было? Точно, он был с матерью. Она тогда ещё жила с ними, терпела отца и не помышляла о том, чтобы сбежать в Обитель Матерей. Тем более навсегда. Стояла такая же лютая зима. Не столько холодная, сколько снежная. Он был тогда слишком мал, чтобы понимать, как и почему они очутились с ней вдвоём в лесу. Скорее всего, это было не что иное как Пограничье. Но в тот момент он знал лишь, что ему очень страшно. Потому что поблизости кружила стая волков. Волки завывали, предчувствуя лёгкую добычу. Но так и не напали. Мать сделала что-то такое, что отпугнуло

их и позволило пережить ночь и дожидаться подмоги. Что она сделала?..

- Факелы! – Гийс взирал на Буллона с загадочной улыбкой. – Все факелы, что есть, на передний край. Послать гонца к фолдитам, чтобы делали то же самое. Достать последние из хранилищ, откуда угодно! Раздать всем, кто может их держать, и запалить. Пусть они увидят, сколько нас на самом деле. Глядишь, одумаются, твари. Да и мы вроде как зрячими станем.

Он удивился, почему Буллон не пляшет от восторга и не бежит немедленно выполнять приказ. Свер что-то обдумывал.

- Ты не согласен со мной?

- Нет, вы всё дело говорите, вита Гийс. Но факелы их вряд ли отпугнут. Они наверняка знали, на что шли, когда сюда явились. Разве что выгадаем некоторое время.

- Так ведь уже неплохо! Чем в пургу на врага гнать, лучше выждать, собраться в один кулак и тогда жакнуть. Сунемся сейчас порознь, нам пальцы-то пообломают. Не убедил?

- Правда ваша. Вот только я всё ж таки думаю, что факелы не только нам, но и им службу сослужат.

- Это ты про что?

- А про то, что по факелам даже в метель стрелять удобно. Я не знаю, конечно, чего там у них имеется, но раз они смело на замок шли, видать, не только коней да снегоступы с собой притащили. Короче, закидают они нас чем-нибудь, по факелам то...

- Хотели бы закидать, давно бы уж закидали, - возразил Гийс, правда, уже не столь уверенно. – Кроме луков да коротких копий, я у них там никакого оружия не видел. Или есть что-то, чего я не знаю?

- Да нет, вроде...

- Тогда не плети пеньку, а выполняй, что тебе было сказано. Всем взяться за факелы! И чем скорее, тем лучше. Погода пока на нашей стороне.

Буллон явно не был окончательно уверен в правильности распоряжения, однако спорить со старшими, пусть только по званию, он не умел. Пробурчав себе в обледеневшую бороду какие-то доводы против предложенного Гийсом, он, тем не менее, повернулся и поспешил во-свояси передавать решение по цепочке. А оставшийся стоять на стене Гийс напряженно ждал, когда его слова превратятся в мутные мерцающие огни среди снежного тумана. Если это получилось у его матери, должно получиться и у него. Оставалось лишь надеяться, что по характеру их теперешний враг больше походит на волков, чем на беспечных бабочек, для которых огонь – лучшая приманка...

- Не нравится мне всё это, - услышал он за спиной голос Томлина.

- Предложение Тивана теперь кажется мне более правильным.

- Вы про эти толпы? – Гийс указал рукавицей вниз. – Щенки в момент опасности и страха жмутся к матери.

- Не хотел бы я, чтобы этот момент затянулся. – Томлин был в роскошной меховой шапке с опущенными ушами и длинной, до самой земли шубе. Странно было видеть его здесь, среди колючего снега и пронизывающего ветра. – Куда ты послал того человека?

Гийс сухо пояснил. Томлин призадумался.

- А Тиван где?

- С пленниками. Мы взяли двоих. Ждём из Обители кого-то, кто может знать их язык. Только не понимаю, каким образом...

- Не твоя забота. Это ведь я за ней послал. Они там набрали много знаний – пора поделиться. - Томлин смотрел на Гийса изучающе, будто они давно не виделись. – Что говорил Скелли?

Он про всё знает, удивился Гийс. Осведомлён не хуже самого писаря. Видать, ожидает подвоха с его стороны. Странно, если бы он поступал иначе.

- Интересовался, откуда враг мог к нам подобраться.

- И откуда же?

- Предполагаем, что вдоль берега прошёл. Вряд ли через Пограничье.

- То есть, они всё-таки не заодно с дикарями?

- Не похоже.

- Отведи меня к пленникам.

- Они внизу, в клетях.

- Я знаю. Отведи.

- Но факелы...

- Отведи.

Не хочет идти один, подумал Гийс. Или не хочет, чтобы я оставался здесь. А может, напротив, хочет показать, что заправляет тут всем, а я – лишь исполнитель его приказов. Ладно, потерпим до поры до времени.

Он решил было разведать по дороге, не вернулся ли гонец с толмачихой, однако смолчал, чтобы лишний раз не выставлять себя дураком в насмешливых глазах Томлина: кто же может перемещаться между Обителью и замком с такой скоростью? Если ничего не помещает, толмачиха появится к вечеру. Который из-за этой снежной бури неизвестно когда теперь наступит. День ожидался долгим.

Клетки встретили их теплом от жаровни, рядом с которой по-прежнему крутился Акир. Тиван продолжал восседать на стуле. Мунго чем-то осторожно мазал бок спящего раненого. Второй пленник был снят со щита и сидел на корточках в углу, прикованный к стене цепью, замкнутой железным кольцом на грязной шее. Из охраны остался один свер с фултумом. Остальных, видать, Тиван своей властью отпустил заниматься более полезными делами.

Гийсу показалось странным, что все молчат и только смотрят на них как-то выжидательно, словно ждут чего-то. Как если бы их появление застало собравшихся врасплох. И тут он понял, чем это вызвано.

- ... и проклятье обрушится на ваши предательские головы! И увидите вы гибель сынов ваших, и отцы ваши будут молить о быстрой смерти для вас! И не узнают души ваши покоя в чертогах Квалу, и вечная зима будет окружать вас до конца времён!

Голос доносился прямо из-под ног. Гийс невольно попятился, на толкнувшись на Томлина. Голос был слабым, то и дело прерывался глубоким кашлем, однако в нём звучала такая ярость, что становилось не по себе.

- За предательство ваше воздастся вам сполна! Как и я, будете вы гнить под землёй на радость червям и смердеть, удобряя собой новые побеги! И никто не поможет вам в вашей горе и не будет никого, кто бы отважился противиться такой незавидной судьбе! Призываю все смерти лютые на головы вам, чтобы ни вам, ни потомству вашему не выползти на белый свет, не увидеть лета, не смочить губ водой колодезной и живой! Да будете вы прокляты поныне и отныне за содеянное в страхе и ненависти и да свершится возмездие, уготованное вам по воле предков!

- Эй, ты там закончил? – крикнул Томлин. – Не хочешь смириться с тем, что тебя уже нет?

- Я был, есть и буду! – не задумываясь, ответил голос из-под земли, и Гийс увидел, как одна из ускользающих под решетчатую крышку цепей то натягивается, то опадает. – Я был, есть и буду!..

- Это тебе только так кажется, Ракли, - оборвал его Томлин, закатывая глаза и всем видом показывая, что делает присутствующим одолжение, беря на себя общение с сумасшедшим. – Сиди там и жди смерти. Она уже скоро придёт за тобой. Ты ведь хочешь снова на свободу?

- Моя свобода – не твоя забота, поганый пёс! И ты знаешь это прекрасно. Я уже говорил с Квалу. Она не хочет меня принимать, пока я не расквитаюсь со всеми вами. Что, вам страшно? Вас уже осадили её посланцы? Они жгут ваши дома и убивают вас, как баранов? Погодите, это лишь начало! Вайла'тун будет стёрт с лица земли и порастёт бурьяном, как и память о вас! Есть силы сильнее вашей! Как нет греха безславнее предательства! И ты, Томлин, ещё будешь звать меня и просить о прощении! Но тогда я скажу, как говорю сейчас, что ты недостойн его, а достоин жены своей, мерзкой совы и колченогой наседки, этой разносчицы заразы и позора, которая сейчас, в этот самый момент любитесь той, кого воплощает, кого ненавидят и боятся все праведные вабоны! Скажи ей при встрече, что Ракли передавал ей привет и пожелания не дожить до того мига, когда свершится долгожданный суд над ней и всеми её выкорышками...

- Довольно!

- Мне отсюда виднее, и не тебе знать, как всё будет. Ты только орудие в её руках и отвратительно играешь свою роль. Ты потеряешь всё, что имеешь, но даже не сможешь просить подаяния, ибо там, где

ты окажешься, не будет никого. Никого! Твоя шкура будет содрана и выставлена не на обозрение даже, а на достойное поругание. Ты ведь уже чувствуешь, как она зудит и стремится отделиться от постылого мяса, под которым гниют ещё при жизни твои тонкие кости?

Гийс отчетливо заметил, как Томлина передёрнуло. Хорошо, что в прежней жизни Ракли едва ли толком знал его самого и потому вряд ли мог сейчас таким же образом проклясть.

- Похоже, тепло жаровни разбудило замёрзшую муху, - пошутил Томлин, переглядываясь с Тиваном и хмурясь на смущенных своим неловким положением виггеров. – Нельзя ли её как-нибудь приунять? – Это уже относилось к хозяину здешних нор Акиру. – На худой конец, переместить два наших окровавленных трофея куда-нибудь ещё.

Гийса давно занимал вопрос, отчего заговорщики не избавились от Ракли сразу же. Зачем притащили его сюда и теперь вынуждены содержать и выслушивать нелицеприятные речи? Что им мешает поступить с ним, как с обычным вражиной, и таким образом покончить раз и навсегда с отжившим своё родом? Опасения, что наследник вернётся? Так ведь Локлан, говорят, давно утонул в Бехеме...

Он подошёл к решётке, встал к присутствующим спиной и, припустив штаны, обильно помочился в отверстие. Должно быть, он ждал, что снизу поднимется вой, потому что наступившая тишина его озадачила. Было слышно только, как горячая струя ударяет в дно ямы.

Справив давно донимавшую его нужду, Гийс заправился и повернулся к остальным.

- Кажется, мы о чём-то говорили, - напомнил он, переводя взгляд с улыбающегося лица Томлина, через потрясённых виггеров и Акира, на нервно поджавшего губы Тивана.

И тут из-под решетки, с которой ещё капала его дымящаяся моча, донеслось:

- Надеешься огнём отпугнуть волков, мальчик? Тогда подумай о мухах, которых ты им только привлечёшь...

Гийсу, пожалуй, впервые в жизни стало не по себе. Он сдержался, чтобы не вскрикнуть, но почувствовал, как предательски подкосились ноги. Этот человек знал то, чего не мог знать! И если это так, то куда спрятать из памяти его прежние пророческие слова? Неужто он видит из своей ямы то, чего не могут видеть глаза обычного человека? Неужто он сильнее их? Надо бы вспомнить и запомнить всё, о чём он только что говорил...

- Ты, наверное, не знаешь, что сейчас зима, - бросил он в ответ, отворачиваясь и пряча от присутствующих покрасневшее лицо. – Мухи давно перемёрли, старик.

- Это не так, и ты это знаешь, убийца...

- Напрасно ты подлил масла. – Рука Томлина легла Гийсу на плечо. – Оставь старого дурака в покое. Ему недолго осталось.

- Но он...

- Здесь со многими странные вещи происходят. Не обращай внимания. Он болтает то, что ему кажется. И ещё неизвестно, угадывает ли он, или это мы так его понимаем. Просто постарайся в другой раз справлять нужду где-нибудь в сторонке. Ну, друзья мои, что удалось выяснить у наших дорогих пленников?

Тиван махнул рукой на кучу доспехов, сваленных в углу.

- Хотите сказать, что вся эта груда была одета на двух наших гостей? Не знаю, как вы, а я бы с места под ней не сдвинулся. – Томлин приблизился к доспехам, пригляделся и поймал себя на мысли, что перед ним словно лежат два человека, пустых изнутри. Как два огромных сверкающих кокона, покинутых гусеницами, превратившимися в бабочек-летуний. Наклонился и поднял один, оказавшийся на поверку легчайшим. – О, в таком бы я, пожалуй, повоевал! Интересная штучка. Кто мне скажет, это железо? – Ответное молчание, казалось, только позабавило его. – Если никто не возражает, я потом заберу их себе и потолкую с некоторыми знающими кузнецами. Кто-то, помнится, говорил, что врага лучше всего бить его собственным оружием. Кстати, об оружии... - Томлин с удовольствием взвесил на ладони длинный меч в прочных железных ножнах, украшенных непонятным, но запоминающимся орнаментом. – Красивая штучка!

Говоря всё это, он, не переставая, думал о словах, долетевших из-под решетки клетки. Мерзкая сова и колченогая наседка, разносчица заразы и позора... Так, кажется, Ракли назвал его Йедду? Что ж, в чём-то он не погрешил против истины. Фигура у неё с юных лет оставляла желать лучшего, много лучшего. Но он давно смирился. Нет, конечно, когда-то он пытался внять голосу мужской гордости и завести хорошеньких любовниц на стороне, с длинными стройными ногами, узкими бёдрами и упругими грудями, да только ничего из этого не вышло. Когда он не сразу понял, о чём его предупреждает эта полная, чернявая женщина, ноги которой были крепкими и короткими, зад плоским, а груди, хоть и большие, отвислыми и невзрачными, очередную его девицу нашли в собственной постели с перерезанным горлом. История вышла некрасивая, но красноречивая. Больше испытывать её терпение он не отваживался. Тем более что Йедда легко сумела ему доказать, что жена нужна мужчине не всегда только для того, чтобы с удовольствием коротать ночи. Ведь именно она сделала из него то, чем он являлся теперь – самого влиятельного и богатого человека в Вайла'туне. Именно она превратила его скромное состояние, доставшееся в наследство от отца, владельца швейной мастерской, в предмет вожделения самого Ракли и его окружения. Глупый Локлан, сын Ракли, почитал за честь одалживать у него деньги, сперва кошельками, а потом мешками на свои полоумные затеи. Среди которых случались и не слишком глупые, вроде истории с постройкой печи для изготовления камней из глины. Додуматься до такого мог бы и ребёнок, но ведь не додумался же! А он, Томлин, пошёл ещё дальше и преспокойно

прибрал это начинание к рукам. Заодно расправился с Ракли, заставил Локлана обратиться в бегство и вот-вот избавится от некого Хейзита, собственно, придумавшего этот примитивный способ. И за всем этим невидимой тенью витала его пышнотелая, располневшая ещё сильнее после рождения Кадмона Йедда. Именно она подсказала, когда подспело время действовать. Именно она указывала ему на тех, с кем стоит иметь дело, а кого избегать, кто проявит себя, а кому на роду написано сгинуть в небытие, кто даст себя вовлечь, а кто окажется твёрдым орехом, признающим только силу молотка. В эти моменты ему даже казалось, что она становится по-своему красивой, окрылённой. Но, Тэвил, Ракли прав: птица из неё всегда получалась одна и та же – чёрная лупоглазая сова!

- Я его тоже, пожалуй, заберу. – Томлин наполовину вытянул меч из ножен и полюбовался блеском узкого клинка. – У моего сына нет склонности к сражениям, но зато есть тяга ко всему красивому. Подарю ему в качестве напутствия. У каждого правителя должен быть свой меч. Тем более если он когда-то принадлежал поверженному врагу.

С этими словами он зашагал в обратном направлении, вероятно, собираясь покинуть присутствующих. И тем самым совершил величайшую ошибку в своей жизни. Вернее, ошибку совершил тот свер, который сажал пленника по имени Бивой на цепь. Потому что Томлин при этом не присутствовал и никак не мог знать, что цепь была выбрана обычная, здешняя, предназначенная для того, чтобы спускаться на ней человека под пол, одним словом, довольно длинная. Так что когда Томлин с довольным видом проходил мимо, Бивой оттолкнулся от стены и молча прыгнул на него сбоку. Цепь предупредительно лязгнула, однако не успела натянуться достаточно для того, чтобы помешать отчаянному прыжку увенчаться успехом: пленник выхватил меч прямо из ножен, за которые цепко ухватился Томлин, и коротким ударом, почти без размаха, опустил лезвие ему на плечо, тем самым отделив меховой рукав вместе с рукой от остальной шубы.

Фонтан крови брызнул в лицо Гийса, который раньше других осознал происходящее и ринулся на помощь несчастному с другой стороны.

Пленник оказался проворнее: прежде чем ловко отбить удар нападавшего, он успел сделать ещё один выпад и пропороть шубу остриём меча насквозь, в том месте, где у её бывшего хозяина когда-то билось гордое сердце. Поразив первого врага и отразив атаку второго, он отпрыгнул обратно к стене и принял оборонительную стойку, довольно странную, держа меч не перед собой, а отведя назад, где он почти не был виден за согнутой ногой.

Тиван вскочил, опрокинув стул. Он заметил, как лекарь, поняв, куда может быть нанесён следующий удар, откатился подальше от второго пленника.

Акир с воплем отчаяния бросился к поверженному Томлину.

Незадачливый свер и потрясенный быстротой произошедшего фулдум схватились за оружие, лежавшее, к счастью, вне досягаемости противника: арбалет и копьё.

Гийс, тяжело дыша от возбуждения, с мечом наперевес, стоял посреди комнаты и не спешил делать следующий шаг.

И всё это сопровождал кашляющий, почти лающий хохот из подземелья:

- Да! Вот так их! Руби и коли! Пусть узнают правду моих слов! Кровь с мочой – это так вдохновляет!

Тиван увидел, что кровавая лужа под телом Томлина уже растеклась настолько, что просачивается под решётку клетки, в которой бесновался Ракли.

- Живым брать! – попытался он кого-нибудь вразумить.

Свер уже выстрелил, но каким-то образом умудрился промахнуться. Стрела чиркнула по камням стены и ушла в земляной потолок. Пока он заряжал вторую, возможность для выстрела была упущена: фулдум и Гийс вступили с пленником в ожесточённый поединок, но тем самым прикрыли его своими телами.

Ещё вчера жена накаркала, подумал свер, укладывая арбалет на изгиб локтя и ожидая подходящего момента, чтобы стрельнуть поточнее. Кто только за язык тянул, паскуду! Сон, говорит, ей приснился дурной! Ещё бы не дурной! Вместо того, чтобы дома сидеть, как всем порядочным женщинам зимой полагается, поплелась накануне к соседке да засиделась до ночи. Мол, та ей какой-то рецепт объясняла, чтобы мужчине силу его мужскую вернуть. Эко невидаль! Да окажись он в одной постели с дочкой той самой соседки, такое бы учебучил! Жене бы себе отвар какой отыскать. Ну, чтобы молодость вернулась и ляжки похудели. Так нет, сидит до темноты, потом всю ночь ворочается, а на утро сообщает, будто ей приснился он, её замечательный муженёк, идущий в замок напрямки через канал и проваливающийся под ломкий лёд. Ишь чего надумала! Он отродясь таких глупостей не совершал. Как все нормальные вабоны воды проточной боится. Зимой, когда вода вокруг в виде снега, лишний раз носа на улицу не высовывает. И что теперь! Если всё закончится так же плохо, как началось, он, глядишь, и в самом деле потонет. Только не в канале, а в собственном дерьме, потому что очень важный человек был убит как свинья по его вине, причем на виду у обоих военачальников...

Пленник был обречён. Он пытался выйти из угла, в котором удерживала его цепь, но острое копьё с длинным кованым наконечником то и дело отгоняло его обратно, не давая толком развернуться.

Приказ взять его живым, казалось, касался только фулдума. Потому что Гийс разил своим мечом наотмашь, мало заботясь о здоровье полуголого противника. Который оказался бойцом не промах, ловким и мощным, потерявшим немало сил, но черпавших их теперь из отчаянности положения. Если бы не цепь и назойливые выпады копья,

думал Гийс, высматривая брешь среди загорелых мускулов врага, я бы уже лежал рядом с Томлином, да примет его к себе Квалу! Тэвил, когда же он устанет!

- Что, не охота помирать, вонючие псы? – заливался хохотом и заходил кашлем невидимый Ракли. – Говорил вам, рано радуетесь! Я ещё ваших нерожденных детей переживу! Вот попомните мои слова! Ату их!

Остриё копья прочертило кровавый след по лоснящейся от пота груди пленника. Опасаясь ответной атаки и потому стараясь не приближаться сам, фултум держал его почти за конец, отчего уколы получались недостаточно сильными и целенаправленными.

Гийс то и дело косился на него, безмолвно призывая действовать более решительно.

Тиван за спиной кричал, чтобы пленника не убивали. При этом совершенно не собирался никому помогать. К тому же, он был военачальником над мергами, а вовсе не над сверами, и не мог отдавать приказы через голову того, кто храбро сражался рядом.

В итоге фултум принял окончательное решение и перехватил копье понадежнее, поближе к середине. Теперь он при желании мог всадить его противнику в бок или живот, только для этого нужно было сделать два коротких шага ему навстречу, как учили на ристалище. Улучив удобный, как ему показалось, момент, фултум сделал оба шага, готовясь поразить врага одним последним выпадом. Который бы наверняка у него получился точным и смертельным, если бы не цепь, метавшаяся по полу железной змеей. Фултум не заметил, как левая нога оказалась стоящей в одном из её свёрнутых колец. Зато это заметил пленник. И резко дёрнул цепь на себя. Фултум почти потерял равновесие, ударил копьем слабо и мимо, зато не упал, и только отшагнул в сторону. Увы, этот шаг оказался для него крайне неудачным. Стоявший сзади свер решил-таки на второй выстрел, и на сей раз по нелепой случайности, называемой судьбой, угодил своему помощнику точно в незащищённый затылок. Фултум некрасиво повалился вперед, под ноги того, кого невольно спас.

- Придурок! – заорал Гийс и попятился.

- Мухи! – хохотал Ракли. – Мухи мрут зимой!

- Акир, зови подмогу! - в бессильной ярости сжимал кулаки Тиван.

- Уже, - ответил ему лекарь, отступая в сторону и пропуская мимо себя троих сверов с заряженными арбалетами и двоих фултумов с копьями наперевес.

Пленник по имени Бивой равнодушно опустил меч остриём в пол, опёрся на рукоять и улыбнулся в ожидании своей дальнейшей участи.

- Я не хотел! – мямлил свер, с ужасом глядя на кровавый результат своего нерасчётливого выстрела и от ужаса переставая думать о

чём бы то ни было, включая предостережение жены. – Он сам подставился!

- Не стрелять! Не стрелять! – кричал Тиван, понимая, что сейчас его будут слушать меньше, чем когда-либо. Рядом с ним не было никого, кто бы мог своей волей остановить всё это позорное безобразие. – Он нам ещё ничего не сказал...

- И не скажет, - заверил Гийс, выхватывая арбалет из рук ближайшего виггера, и, не целясь, выпустил стрелу в улыбающееся лицо. Пленник выронил меч и медленно завалился навзничь, показывая всем торчащее из горла оперенье. – Сегодня я сам таких ещё с десятков добуду. Хоть всю ночь с ними разговаривай.

Сверы одобрительно заворчали, довольные жестокой решительностью своего военачальника. Ярость никогда не считалась среди них недостатком. Даже слепая.

Никто не обратил внимания на поспешный уход лекаря.

- Скоро! Скоро вы все будете целовать руки Квалу! – слышалось из-под пола.

- Заткните этого болвана! – отчаянно выкрикнул Гийс.

На мгновение Тивану показалось, что вот сейчас он разрядит другой арбалет прямо в решётку пола. Вероятно, он так бы и поступил, если бы на лестнице ни раздались громкие голоса, и всё помещение ни заполнилось хорошо вооруженными незнакомыми Тивану людьми, во главе которых снова явился Скелли, худой, сгорбленный и злой.

- Опустит арбалет, Гийс, - негромким, но не терпящим возражений голосом, сказал он и кивнул одному из своих людей: - Забери у него оружие, Рэй.

Человек с лысой головой, зачем-то стянутой тесьмой, как делают вечно потные кузнецы, протянул руку и выжидательно посмотрел на Гийса. Тот выдержал паузу, но рука ждала, и в итоге он был вынужден сдаться и вложить в неё арбалет.

- Ваш меч, - подсказал лысый человек, протягивая вторую руку.

- Это что, шутка? – вскипел Гийс. – Какой меч?!

- Который сейчас даёт мне право прикончить тебя на месте, - не повышая тона, объяснил Скелли. – Если тебе это всё равно, можешь оставить его при себе.

Тиван увидел, как Гийс, до которого, кажется, только теперь дошёл смысл происходящего, меняется в лице и отдаёт меч Рэю. Тот передал оба трофея стоявшему позади высоченному детине. Тиван также отметил, что все новопришедшие носят бороды, обрамляющие их непроницаемые лица в разной мере, но с какой-то примечательной одинаковостью. Вероятно, дело тут было вовсе не в бородах, которые особенно среди виггеров считались вещью вполне заурядной, а во взглядах и уверенной неспешности движений, отличавших этих незнакомцев от не менее грозных да только уж больно зашоренных гвардейцев замка. Хотя все хранили молчание, Тиван сразу уловил эту разницу и

невольно сам испытал некую робость в их неподвижном окружении. Сейчас двигалась только фигура Мунго, вошедшего последним и снова участливо склонившегося над раненым. На расчленённый труп Томлина он лишь бросил удручённый взгляд, которого вполне хватило, чтобы понять тщетность какой бы то ни было помощи.

- Твоё нынешнее поведение не соответствует твоему положению, - продолжал Скелли сухо и раздражённо. – Принимая во внимание твои прошлые заслуги, я оставляю тебе жизнь, но от руководства све-рами ты отстранён. До лучших времён.

- Что?! Я...

- Научись молчать, сын Демвера! – Было непонятно, нравится ли Скелли отчитывать Гийса прилюдно или наоборот, но делал он это с толком, твёрдо и резко. – С меня довольно твоих дурацких выходов, которые посмотри, чем обернулись. – Он ткнул длинным пальцем в сторону Томлина. – Ты будешь объясняться с его женой и сыном? Я тебя спрашиваю! Ты?

- Если надо...

- Никому этого теперь не надо. Эй, Тиван, где вы там?

- Здесь, вита Скелли.

- Вы принимаете на себя общее руководство защитой Вайла'туна. Все необходимые уведомления уже разосланы. Тут вам пока делать нечего. Мы сами попробуем разобраться. Ступайте и добудьте нам победу.

Когда Тиван с гордо поднятой головой шёл к лестнице, ему казалось, он слышит скрежет зубов этого допрыгавшегося выскочки. Све-ры и фултумы дружно последовали за ним, послушные красноречивому жесту. Последним на подкашивающихся ногах из темницы вышел тот, чья неловкость сегодня стоила жизни товарищу и одному очень-очень важному человеку.

На сей раз Тиван не стал подниматься на стены, чтобы опять увидеть непроглядную пелену снега, а спустился вниз, в заметённый по колено двор. Кто-то из фултумов остервенело работал лопатой, пытаясь сохранить очертания основных дорожек.

Как ни странно, Скелли не погрешил против истины, когда говорил, что о новом его назначении уже знают. Во дворе, при выходе через первые ворота он столкнулся с двумя херетогами и *хеа'герефой*³⁴. Те будто поджидали его. Херетоги вели под уздцы фыркающих коней.

- *Хевод*³⁵ Тиван, - начал один из них, - мы рады, что у нас наконец-то единоначалие...

- Я рад, что вы рады. Каков расклад?

- Факелы раздали и зажгли.

- Не понял.

³⁴ Хеа'герефа – то же, что и херетога, командующий сотней, только у пехоты. Иногда эти термины смешиваются, и тогда и тех и других называют херетогами. Отличительный знак хеа'герефы – три красных лепестка, тогда как у херетоги – один, перечеркнутый желтой дугой

³⁵ Хевод – обращение к старшему по чину

- Этот Гийс распорядился. Вы не знали?..

- Факелы отпугивают неприятия, - поспешил пояснить второй мерг. – Хорошая была мысль.

Хеа'гереха смотрел исподлбья и помалкивал. Неужто они там успели спеться с Гийсом и теперь недовольны? Нет, Тэвил с Гийсом! Будут слушаться меня как миленькие!

- Что говорят лазутчики?

Хеа'гереха ждал этого вопроса. Прищурившись из-под капюшона, он недоверчиво покосился на своих спутников и ответил, что лазутчики доносят обнадеживающие вести.

- Всё войско стоит, ничего не предпринимает, ждёт, похоже, конца снегопада. Лагерь разбили основательный. Ребята наши шатров сотни три насчитали. Ну, вприкидку, потому что весь их лагерь вокруг не обойдёшь, а видно, сами понимаете, отвратно.

- Что ещё сообщают?

- Конников много. Обозов много. Ну, с кормами и провизией, короче.

- Ещё бы, - понимающе хмыкнули мерги. – Сейчас травы не сыскать.

- Знамо дело! Обозы в середине лагеря расставили, стерегут крепко, не подлезть.

- Судя по всему, издалека к нам пожаловали, - сделал напрашивавшийся вывод Тиван. – Но раз так, раз с запасами у них ограничено, если мы от них отобьемся хотя бы на первых порах, они скоро сами уйдут.

- Может да, а может и нет, - возразил хеа'гереха, ничуть не смущаясь собеседника. – С чего бы они к нам налегке шли? Догадывались ведь наверняка, что сходу приступом не возьмут. Должны были бы заранее о своём снабжении позаботиться.

- Думаешь, ещё не все обозы подошли? - нахмурился Тиван.

- Либо не все, либо это только передовой отряд. А где-то ещё имеется, побольше.

О такой возможности Тиван предпочитал не думать.

- Либо они с нашей зимой просчитались, - предположил один из херетог. – Понадеялись, что снег скоро сойдёт, и травы будет вдоволь. Мне их даже жалко.

Тивану на память пришли не то смуглые, не то загорелые тела пленников. Похоже, парень может оказаться ближе к истине, чем ему кажется. Бывают же, наверное, места, где зим вообще не знают. Трудно в такое поверить, конечно, но Тиван всегда подозревал, что вабоны и шеважа – не единственные, кто обитают в этом непростом мире.

- Вести от фолдитов есть какие-нибудь? Они всё ещё ждут? Кто с ними на связи?

Мерги переглянулись. Свер поковырял варежкой шлем, похожий на ведро, который до сих пор держал подмышкой, и тоже промолчал.

Тивану снова не хватало Норлана. Как же всё неудачно! То есть, могло бы, разумеется, быть и хуже, гораздо хуже, но уж больно зыбко это снежное затишье, того и гляди вновь начнётся кровавая буря...

Словно вторя его мыслям, из серой мглы позади собеседников появилась лошадиная морда, за ней ещё одна, за второй – третья. Всадник и две телеги.

- Отец!

Вот так приятная неожиданность! Норлан, про которого он только что вспомнил. К слову о чудесах...

- Что у тебя там в телегах? Раненых привёз?

- Раненых наших почти нет. Кто со *снежниками* столкнулся, того те порешили. Полегло, думаю, не меньше сотни. Кто раной отделался, тому, считай, повезло. Но кое-кого и нам порубать удалось. Это, как ты просил, я доспехи с их покойничков раздобыл да оружие. На две телеги хватило, а остальное народ успел растащить.

Тиван поднял заснеженный полог, увидел уже знакомые разноцветные очертания.

- Как ты их назвал? Снежниками?

- Это не я их назвал. Их там уже все так кличут. Привет, Феркос!

Норлан панибратски похлопал одного из херетог по плечу, чего за ним раньше не водилось. Не меньше Тиван удивился и тому, что сам не признал этого доблестного воина, рядом с которым стоял... Эмир, кто же ещё! Надо же, как его последние события в замке перетряхнули! Неужели это и есть старость?

Ему захотелось поделиться с сыном вполне того заслуживающей новостью о своем недавнем назначении, но не хорохориться же при посторонних.

Норлан махнул рукой сопровождающим, чтобы те шли с телегами дальше и разгружались. Фултумы побросали лопаты и тоже поспешили на помощь.

- Какие будут распоряжения сверам? – напомнил о своём существовании хеа'герёфа.

- Тебя как звать-величать? – поинтересовался приободрившийся в присутствии сына Тиван.

- Варран вот уж скоро сорок зим.

- Послушай, Варран, про обозы этих снежников ты дельно рассуждаешь. Почему бы нам не попробовать их уничтожить? Пока, как ты сам говоришь, подмога ни подоспела. Поручаю тебе этим лично заняться.

Варран с сомнением посмотрел на худое лицо старика, на заиндевевшую длинную бороду с заплетёнными по краям косичками, и с сожалением вспомнил своего бывшего военачальника, Демвера Железного, причём железного не только по прозвищу, но и по повадкам. Тот бы сейчас тут в замке не отсиживался и глупейших приказов не отдавал. А уж если бы отдавал, то не как проситель, а как воплощение

безудержного Лаирта, если не сказать – самого Дули. Не зря Варран недавно слышал тихие пока разговоры о том, чтобы в его честь зачать новый культ. Давно пора. Демвер был не чета всем этим умникам, которые только и смогли, что извлекать его честное имя в грязи и назвать чуть ли не предателем.

- Это всё? – на всякий случай переспросил он, но Тиван уже вернулся и деловито повёл сына в сторону башни, а за ними вяло потянулись оба мерга и их кони. – Это всё...

Полегло не меньше сотни, вспоминал Варран слова Норлана, пока быстро шел по склону вниз, обратно, туда, где за последними внутренними воротами замка гудела, как растревоженный улей, толпа перепуганных беженцев с верховья Бехемы. Видать, парень имел в виду своих мергов. Потому что от одной только его, Варрана, сотни, которая не на крышах с арбалетами пряталась, а пошла встречать врага по проулкам, назад вернулось от силы большая половина. Чедрик, его бывший брегон, а недавно, после смерти старого Орама, выбранный вместо него сотником, повстречался ему на пути сюда чуть живой, с настолько разбитым шлемом, что двое фултумов с трудом его разжали и стянули с окровавленной головы. Чедрик тоже многих из своих тогда не досчитался. Сказал, что если бы не отчаянная храбрость этих самых фултумов, один из которых оказался не у дел после гибели подопечного свера, всадник непременно нанёс бы ему второй удар дубиной или кистенём, или как там у него эта штука называлась, и тогда шлем было бы просто не с чего снимать. Заварушка, короче говоря, получилась куда серьезнее, чем могло показаться засевшим тут в замке. Фултумы завалили нападавшего с двух копий, одно из которых угодило в незащищенную шею лошади, а второе – точнёхонько в извечно уязвимое место – подмышку. Доспехи и оружие, наверное, достались в итоге мергам, потому что фултумам возиться с убитым врагом было некогда: Чедрика нужно было как можно скорее тащить к лекарям, которые тоже старались из-за замковых стен понапрасну не высовываться.

Вероятно, на лице Варрана было написано больше, чем он хотел бы показать, потому что при виде него все брегоны, гревшиеся в стороне от остального народа, под лёгким навесом у костра, встали. Из прежнего десятка их осталось семь: одного после Чедрика не успели назначить, а двое до сих пор не вернулись сюда, в их всегдашнее место сбора, что могло означать лишь одно: парни честно выполнили свой долг до конца. Своего.

Навес был открытым, ветер пытался задуть костёр, но тот только сильнее разгорался, не обращая внимания на снег. Наш костерок, не без гордости подумал Варран.

- Ну, что уставились, девочки? Думали, я вам добрые вести принесу? Что у нас, наконец, достойная смена Демверу появилась или что нам велено по домам расходиться? Похоже, этому теперь никогда не

бывать. – Он бросил взгляд на ристалище и нырнул под навес. – Очередной дурак посылает нас на верную гибель.

- Это ты про Тивана что ль? – поинтересовался тот, которого все звали Скакуном и чьего настоящего имени никто уже давно не помнил. Скакун сел в седло лишь однажды в жизни, но этого вполне хватило, чтобы прозвище пристало к нему куда сильнее, чем та грязь, которую он долго ещё оттирал от физиономии после легендарного падения. – Правда, что он теперь там у них главный?

- Всем нам соболезную. – Варран сел поближе к костру и сунул замёрзшие руки почти в самое пламя. – Лучше никого не нашли. Дались мы ему!

- Что говорил то? – настаивал Скакун.

- Хочет, чтобы мы каким-то чудесным образом уничтожили вражеские обозы. Пентли, это твои люди их видели?

- Мои, - невесело отозвался рябой брегон, шмыгая носом. – Дрянь дело.

- Я того же мнения. Но попытаться придётся. И не потому, что нам тут делать нечего, а потому что лучше нас никого поблизости нет. Я пока сюда шёл наверняка это понял.

- Может, хоть с Чедриком эту честь поделим? – предложил вечно осторожный Урвуд. – У него там были ребята толковые.

- Это ты мне расскажи! – Варран отдёргнул руку и подул на обожженные пальцы. – Когда-то я сам у Орама в брегонах ходил. Только если так разбирать, то нам бы подошли все сверы с их фултумами да сотни две-три мергов в броне потяжелее. И что тогда получится? Открытый бой? Не надоело жопу подставлять?

- Так мы что ж, одни туда сунемся? – Урвуд оторвал от бороды ледышку и бросил в костёр. – Кто-то, видать, захотел в свою честь беору заполнить. Не рановато ли?

- Это не тебе решать, - толкнул его плечом Макван, самый старый из брегонов, как его называли, «вечный брегон», которому не раз предоставлялась возможность поучаствовать в выборах херетогии, однако он делал вид, что это вовсе не про него. Не то по скромности, не то по недомыслию. – Не понимаешь что ль? Чем меньше народу у нас будет, тем легче в стан вражий проникнуть. Только, - тут он вопросительно глянул на Варрана, - мне тоже непонятно, как это сделать...

- А вот Пентли нам сейчас всё и расскажет, во всех подробностях. Тогда и решим.

Рябой брегон снова стал шмыгать носом, собираясь с мыслями. Внешне он производил впечатление туповатого увальня, однако смотревшие на него сейчас люди прекрасно знали, на что он способен. Пентли было чуть больше тридцати зим, но за это время он не раз доказывал, что является, вероятно, лучшим лазутчиком во всем Вайла'туне. Прошлым летом он умудрился не только незамеченным пробраться в лагерь шеважа, разбитый посреди топкого болота, но и провести в нём, никем не замеченный, две ночи, таясь в холодной

вести в нём, никем не замеченный, две ночи, таясь в холодной жиже. Разумеется, попал он столь безвыходное положение исключительно в силу своей собственной глупости... отчаянной отваги, зато выжить ему помогло недюжинное умение сливаться с любой кочкой. И терпеть. В тот раз он раздобыл важнейшие сведения, которые позволили виггерам расправиться, судя по убитым, с целым кланом дикарей.

Зимой вылазки в Пограничье прекращались, и лазутчики становились обычными сверами, но это вовсе не означало, что они хотя бы на время теряли свои навыки. Вот и в то утро Варран ни мгновения не сомневался, посылая Пентли с его десятком храбрецов вперед, в стан неприятеля, стоило тому объявиться в поле видимости замка.

- Ну, издалека там всё просматривается лучше некуда, - начал Пентли, привыкший думать и исполнять, но не любивший говорить понапрасну. - Особо близко мы потому к ним подобраться не смогли. Видели, однако, хорошо. С нашей стороны они там поставили нечто вроде башенок деревянных, на которые забрались дозорные.

- Сколько штук?

Пентли посмотрел на свои пальцы, прикидывая.

- Шесть наберётся. На каждой по два человека в дозоре. Большими арбалетами вооружены. Думаю, жахают подальше наших. Мощные.

- Сила частенько мешает точности, - заметил хранивший до сих пор молчание Натмит, лучше других понимавший в искусстве меткости. - Чем размах лука длиннее, тем дольше целить. Одним залпом двенадцать арбалетных дротиков от силы двоих наших снимут. Может и меньше, но не больше. Если мои ребята успеют заранее залечь, мы с этих башен за то же время восьмерых собьем, как нечего делать.

- Это если только на крайний случай, - сказал Варран, радуясь, что удалось свернуть разговор в нужное русло: обсуждение планов. Могли бы и не согласиться. - Урвуд, у тебя, помнится, тоже были неплохие стрелки. Поделишься ими с Пентли.

- И у меня есть, - напомнил о себе Скакун. - Только я их никому не отдам.

- А я тебя и спрашивать не стану. Первым делом о чём думать надо? - Варран выдержал короткую паузу. - Правильно, об отступлении. Вот потому нам и нужны люди, которые прикроют ниши тылы. Урвуд, сколько дашь?

- Троих. Больше нет. Есть ещё парочка фултумов, итого пять.

- Уже неплохо. Похоже, Скакун, твоя помощь может и не понадобиться. Ты и Бисти будете прикрывать нас по бокам.

- Клинышек решил вбить? - поинтересовался тот, кого называли Бисти, невысокий, но очень широкий в плечах крепыш с почти детским безбородым лицом, правда, сплошь в рубцах и шрамах, говоривших о его крутом нраве. - Я-то своё крыло вытяну, а вот Скакун, боюсь, просядет. У тебя сколько на ногах осталось?

- Почти все, - буркнул Скакун. - Гляди лучше, как бы тебе не про-
сесть.

- Бисти прав, - рассудил Варран, не желая доводить до перепалки.
- Пойдёшь посередине, со мной и Макваном. - Даккер, у тебя, наде-
юсь, все на месте?

Даккер сидел с закрытыми глазами, привалившись плечом к
столбу навеса, и делал вид, что спит. Сонливость была его обычным
состоянием. В остальное время он махал мечом и ел за двоих.

- Все пучком и у всех торчком, Варран. Ты только скажи, куда ид-
ти и кого рубить. - Даккер прищурился на костёр. - Пусть даже это
будет наша последняя вылазка.

- Почему последняя? - возмутился Скакун.

- Потому что живыми мы оттуда вряд ли вернёмся, красавица. -
Даккер плюнул и угодил точно в середину костра. - Сам ведь, небось,
видел, какие там к нам мальчишки пришли. Но пока время есть, повою-
ем.

- Ты тут плач раньше срока не поднимай, - сказал Варран. - Нет
таких, кого мы бы не побили, если надо.

- Во-во, - поддакнул Макван.

- Когда пойдём? - поинтересовался Урвуд. - Я бы ночи дождался.

- Если снег до этого не пройдёт, бесполезняк переться, - предпо-
ложил Бисти. - И сейчас-то я шагов на пятьдесят смутно вижу, а в
темноте вообще ослепнем. Факелы-то не потащишь. Надо чего-нибудь
зажевать и идти сразу. Угадал, Варран?

- Почти. - Варран встал и надел рукавицы. - Пожрать и по пути
успеем.

- Вот те раз! - вздохнул Бисти, ища поддержки у товарищей. - У
меня живот урчать будет, весь вражеский стан перебудит.

- Они там не скоро заснут, - хмыкнул Пентли, потуже затягивая
ремни на короткой шубе и похлопывая себя по бёдрам: меч и кинжал
были на месте. - Зато после жарчки ты жутко воняешь, братец. Не за-
мечал?

Все невесело хохотнули и тоже стали торопливо собираться в путь.
Из-под навеса, оставив костер гореть, они вышли, уже точно зная, ко-
му что делать.

В обычное мирное время сотня, ну, почти сотня выходящих из
замка сверов да ещё во всеоружии вызвала бы по меньшей мере трево-
гу у любого, кому они попались бы на глаза. Сегодня на них никто да-
же не обратил внимания.

Варран по обыкновению шел сбоку и приглядывался к своим по-
допечным. Как же он был прав, когда раз и навсегда порешил прини-
мать к себе в дружину лишь тех, кого за стенами замка не обременяла
семья! Он знал, что из-за этого чудачества над ним за глаза подсмеи-
ваются, но сегодня он был всё равно что на коне: другим сотникам и
десятникам приходилось несладко, выискивая и созывая к местам

сбора своих людей, которым перед лицом нависшей беды хотелось первым делом обеспечить безопасность своих домочадцев или, во всяком случае, убедиться, что с теми всё в порядке. Попробуй их теперь собери! А ещё если не повезло и близкие пострадали, то такой вояка либо раскисал, либо, наоборот, становился яростным и неудержимым, что мешало следовать приказам никак не меньше. Варран был этого лишён. У самого у него водились две вкусные девахи для телесных радостей после исполнения первейшего долга, но сейчас он о них почему-то даже не вспоминал. Хотя нет, постой-ка, одна из них пришла ему на память очень даже кстати: неподалёку от её избёнки находилось ещё одно местечко, где можно было раздобыть одну очень нужную им сейчас вещь – горючее масло. Никаких денег у него при себе не было, а если бы и были, он расплачиваться ими не собирался, но вряд ли добрые люди откажутся помочь, чем могут, в столь важном деле. Стоило попробовать. Тем более что жила Ромина, его ненаглядная подружка и обладательница двух очаровательных родинок – на левом бедре и на правой груди, как раз по дороге.

- Скакун!

Тот охотно подбежал и пошёл рядом.

- Веди всех к Стреляным Стенам. Там у ворот скоро встретимся. Всё, давай. Эй, Пентли!

Брегон сменил брегона.

- Собирай своих, пойдём за маслом.

- Так я и думал. Опять нам в самое пекло лезть?

- Мы – лучшие, - напомнил Варран. – А вы – лучшие из лучших!

- Короче, погибнем первыми, - подытожил Пентли.

- Ты чего сегодня такой грустный?

- Последний повод веселиться у меня был, когда я поутру перелез через плетень, спасаясь от всадника, а навстречу мне молодцы Натмита выпустили рой стрел. Насилу увернулся. Всаднику моему повезло меньше. Жечь обозы – это почётно.

- Обозы – самое уязвимое место нашего нынешнего врага. Не будет обозов – они уйдут. Ну, скорее всего, уйдут. Без провианта им не выстоять.

- Думаешь, Варран, они этого не понимают? – Пентли смахнул с капюшона шапку снега и сплюнул. – Я бы на их месте об обозах заботился в первую голову.

- То есть, хочешь сказать, что их охраняют как зеницу ока?

- Зеницу не зеницу, а попотеть нам в этом холоде придётся. Подпалить несколько штук мы, думаю, успеем, а там либо ноги придется уносить, либо поляжем все. Потому что, не забывай, обозы стоят внутри их лагеря, а не сбоку или снаружи. Всё равно, как если бы они решились взять Вайла'тун, начав прямёхонько с тронной залы. У костра я говорить не стал, но ты хоть представляешь, на что подвизался?

- А ты предлагаешь по домам разойтись и ждать, что будет?

- А ты знаешь, что будет? – Взгляд у Пентли был хитрым и, как всегда, лишённым страха, который выдавал голос. – В смысле, что будет, когда мы запалим их драгоценные обозы. Ведь они вовсе не обязательно бросятся после этого врассыпную и уберутся навсегда из наших мест. Если после этого им нечего будет терять, вся эта разноцветная толпа в отчаянии пойдёт на Вайла'тун, и получится очень-очень плохо, друг мой Варран...

- Ты прав в том, - согласился хеа'герефа, стараясь не пропустить заветный поворот между избами, - что было бы гораздо правильнее всем действовать заодно: всё продумать заранее, заручиться поддержкой тылов, договориться с пришедшими нам на подмогу фолдитами и таким образом обезопасить себя на случай непредвиденных последствий нашего будущего подвига. Однако мы отлично знаем, что будет, если мы этот подвиг не совершим. Нам сюда. Скакун!

Он махнул рукой вперёд, показывая, чтобы сотня шла дальше, к воротам. Пентли сделал похожий жест, только в обратном направлении, и от сотни отделился десяток ссутулившихся под снегопадом людей, которые через мгновение обступили обоих собеседников в ожидании дальнейших распоряжений. Никто не задавал лишних вопросов, не пытался быть умнее остальных. Варран одобрительно кивнул и посмотрел на Пентли, предоставляя тому слово.

- Обозы, которые мы сегодня видели, нужно сжечь. Мы идём за горячим маслом. Не отставать.

Этого оказалось вполне достаточно. Они свернули в ближайший проулок и сразу наткнулись на ожидаемые трудности: путь между избами был завален снегом, который на предыдущей дороге успели затоптать многочисленные беженцы. Здесь же, похоже, из домов с самого утра никто не выходил. Пока они шли, в одном месте им попала свесившаяся с крыши нога в железном сапоге свера. Вероятно, это был труп одного из стрелков, которые отражали первый натиск неприятеля. Глубоко же тот зашёл!

- На это нет времени, - сказал Варран, заметив, что кто-то замешкался, подумывая, не спустить ли убитого на землю. – Иначе таких скоро только прибавится.

Никто с ним не спорил.

Несмотря на отсутствие свежих следов и высокие сугробы, дома казались вымершими. Такое могло произойти только, если их обитатели успели сбежать отсюда ещё до начала снежной бури. В таком случае план Варрана мог сгнить на корню: никто им масла не даст. Выслушав это опасение, Пентли ничуть не смутился:

- Не дадут, возьмём сами. Не утащили же они его с собой. Даже проще получится.

Зайти в чужую избу или даже во двор, когда там нет хозяев, считалось в Вайла'туне поступком крайне предосудительным и недозволенным. В обычное время нарушителю могла грозить если не распра-

ва на месте, то серьезная выволочка с применением карательных средств. Ещё в детстве Варран видел и навсегда запомнил, как одного соседа, дважды уличённого в попытке проникнуть в чужой дом, порешили для острастки привязать к столбу и продержали там на позорной цепи два дня. При этом никто его, разумеется, и пальцем не трогал, а пожаловавшееся на него семейство исправно подкармливало беднягу. Правда, в результате для него это стало пыткой, потому что никуда отлучиться он не мог и все два дня был вынужден справлять нужду прилюдно, прямо у столба.

Но Пентли был как всегда прав. Не то время, чтобы церемониться. Хорошо бы только, чтобы те же мысли не пришли в шальные головы каких-нибудь отчаянных парней, которых с некоторых пор стали отлавливать всё в больших количествах. Для них раньше и обитаемые избы иногда не были помехой, а уж сейчас, лишённые сбежавших хозяев... Да уж, похоже, вражеское вторжение может повлиять на уклад здешней жизни сильнее, чем он мог предположить ещё утром.

В доме Ромины горел свет. Конечно, ставни были закрыты, однако Варран имел обширный опыт в подобных делах и знал, куда нужно смотреть. Из щелей определенно пробивался свет. Ромина делила кров с престарелыми родителями и старшим братом, которого Варран, как ни странно, никогда воочию не видел. Неужто они все решили остаться здесь, почти под самым носом у неприятеля? Опрометчивый поступок, нечего сказать. На глупость каких-нибудь шеважа ещё можно было бы понадеяться, но новый враг наверняка имел представление об огне и при желании мог бы, как и Варран, прошедший по лесным заставам не одну зиму, поджечь деревянное строение даже под проливным дождём. Эта мысль навела его на другую: он забыл дать Скакуну поручение подсобрать сухого сена. Ничего, быть может, сам догадается.

Не успел он решить, стоит ли по пути наведаться к Родине и на всякий случай предупредить её о надвигающейся опасности, как на встречу им попался первый живой человек. Или почти живой. Это был окровавленный виггер, без оружия и без шлема, и он не шёл, а полз по сугробам, изрыгая проклятия и завывая. Увидев своих, он поднял руки. На остатках лица его возникло нечто напоминающее победную улыбку, и он с радостным криком повалился вперед, на снег. Когда они добрались до него, несчастный был мертв, а на сугробе, в который он упал, осталась красная вмятина по форме его тела.

- Кто-нибудь его узнает? – спросил Варран, сам пытаясь разобрать знакомые черты в том, что ещё утром было лицом, но после удара чем-то тяжелым больше напоминало толчёную клубнику.

- Вообще непонятно, как он столько прополз, – пробормотал вместо ответа Пентли. – Они ведь уже давно отступили. – Тут он подумал о том же, о чём и Варран и резко скомандовал: - К защите!

Это означало, что враг может прятаться где-то поблизости.

Сверы образовали круг и выставили перед собой щиты. Фултумы поспешно заряжали арбалеты. Варран оказался в середине, вместе с убитым.

- Я его, кажись, знаю, - оглянулся через плечо один из виггеров. – Это Кролик, из десятка Даккера. Его, помнится, недосчитались.

- Кролик? – Варран отлично помнил этого весёлого новобранца, вступившего к нему в сотню незадолго до начала зимы. Кроликом его прозвали за рассеченную ровно пополам верхнюю губу. Он пригляделся. Да, такая же была у трупа. Пожалуй, она да подбородок – единственное, что не пострадало от удара. Одного глаза вообще не было, другой закатился, нос провалился в кровавое месиво. – Отвоевался... - Слушать меня! Держать строй и отходить вон к той избе налево, где виден свет!

Вероятно, всех сейчас охватывало одно и то же очень странное из-за своей непривычности чувство. Они находились на своей земле, более того, в черте Стреляных Стен, и при этом были вынуждены обороняться и ждать отовсюду любого подвоха. Такого ещё не было. Никогда.

Дом Ромины встретил их подозрительной тишиной.

Щиты раздвинулись, и Варран привычно постучал в запертую дверь. Обычно никто не интересовался, кого это принесло, Ромина просто вырастала перед ним на пороге, ласковая и сияющая, они обнимались, и он уводил её к себе, лишь изредка заходя ненадолго, чтобы поздороваться с родителями.

- Ромина, открой! Это я, Варран.

Внутри явно кто-то был, но отмалчивался.

Заподозрив неладное, он стукнул сильнее.

Жениться на Родине и жить с ней, как живут вместе обычные люди, Варран вовсе не собирался. Когда он думал об этом, ему казалось, что он дал обет и посвятил себя служению братству сверов. Семьи в их непростом деле были обузой. Чтобы хорошо делать своё непростое дело и при этом думать о ком-то? Нет, такого счастья ему точно было не нужно. Вполне достаточно было знать, что при желании ему есть, кого проведать, с кем почувствовать себя мужчиной в полном смысле слова, ненадолго, ровно настолько, насколько позволяли другие, более важные обязанности. Если не Ромина, в его распоряжении всегда оказывалась пусть и менее привлекательная внешне, но зато куда более покладистая и послушная Прэя, бездетная вдова его друга-фултума, сгинувшего прошлой зимой во время преследования отряда шеважа. Прэя была немногим старше Ромины, хорошо знала мужской нрав и умела подстраиваться. Ночуя у неё, по другую сторону замка, Варран отдыхал душой и телом, тогда как после ночи любви с Роминой он долго ещё приходил в себя, а окружающие интересовались, отчего это у него такой радостно-растерянный взгляд.

- Ты меня слышишь, Ромина?

Все настороженно прислушивались, выжидательно поглядывая на Варрана. А тот вспоминал, на что запирается дверь изнутри, и никак не мог вспомнить. Кажется, на засов. Какие в последнее время всё чаще и чаще стали появляться в избах некогда совершенно безпечных в этом отношении вабонов.

Отстранив локтями ближайших сотоварищей, он отступил шага на два и обратным ходом что было мочи саданул ногой в дверь. Доски застонали, изба вздрогнула, но засов выдержал. Выдержал он и второй удар. В третий Варран вложил всю свою ненависть и чуть не потерял равновесие, когда дверь с треском отлетела в сторону.

Боль в ушибленной ноге не позволила ему сразу же ворваться внутрь, и это спасло Варрану жизнь.

Навстречу из-за дверного косяка сверкнуло широченное лезвие топора, и если бы он успел сделать лишний шаг вперед, то поплатился бы головой, вернее, перерубленной шеей. А так он отпрянул и ещё умудрился препроводить уходящий влево топор привычным подбивом собственным мечом, который всё это время держал наготове. Подобный ловкий подбив не позволял нападавшему сразу же вернуть оружие в исходное положение после промазанного удара.

Невидимый противник от неожиданности или за ненадобностью выпустил топор, и рукоятка плашмя ударила Варрана по скуле.

- Тэвил! – выдохнул он, снова отшатываясь и замечая, что прямо в него изнутри избы, растопырив хвостовое оперенье, вылетает безстрашная и бездумная стрела. – Тэвил...

Всё происходило во мгновение ока, однако ему казалось, будто время почти остановилось. Он часто слышал, что подобное бывает, но никогда не испытывал сам. Как можно уклониться от стрелы арбалета, пущенной в тебя с нескольких шагов? Никак! Зато можно успеть приподнять край железного щита и услышать, как стрела тупо ударяется в него и по касательной взмывает куда-то в небеса.

- Вперёд!

Это кричал уже не он, а пришедший в себя Пентли, которого сверы самого оттеснили в сторону, спеша прорваться в избу.

Наружу донеслись ругань, звон клинков и женские крики.

Она жива, мелькнуло в застывшем без мыслей мозгу Варрана. Мы ещё успеем её спасти. И он обнаружил, что каким-то чудесным образом опередил остальных и первым налетает на орущего врага в темно-малиновых латах с разноцветной волной за запрокинувшимся шлемом. Почему они рядятся, как детские игрушки?

Тэвил!

Это уже касалось его самого, поскольку Варран отчетливо увидел, что падает грудью точнёхонько на выставленный вперед меч противника. Щитом он только что отбил угрожающе напряженный арбалет, но оказалось, что вторая рука «малинового» не задействована и сжимает длинное тонкое лезвие, которое теперь должно было неминуемо

проткнуть либо грудную клетку, либо незащищенную шею. Снова бег времени замедлился, и Варран увидел, как разноцветные ленты за шлемом резко натягиваются и уволаскивают противника назад, туда, где в углу комнаты кричит заплаканная и перепачканная кровью девушка, очень похожая на Ромину, кричит и тянет, отчаянно тянет эти ленты к себе.

Остриё меча лишь оцарапало Варрану бровь. «Малиновый» завалился навзничь, извернулся и хотел было отомстить девушке за такую подлость, тем более что увернуться от него она бы уже не смогла, но тут его жизнь оборвалась ударом копья в шею, пригвоздившим незадачливого воина к полу.

- Порядок, - услышал Варран за спиной голос Пентли. – Наша взяла.

Он обнаружил, что лежит, уткнувшись лицом в колени поверженного врага, девушка завывает, а звуки борьбы и крики, действительно, стихли.

- Их двое было, - сообщил Пентли, помогая ему подняться. – Прятались тут...

Варран похлопал товарища по руке и склонился над Роминой. Она смотрела на него с болью и ужасом, губы её дрожали, слёзы смешивались с кровью и оставляли на бледных щеках красные подтёки.

- Ты ранена?

- Они убили их... они убили всех... что теперь делать...

Она как будто не узнавала его. Смотрела, но не видела. Варран потрепал её по щеке. Он уже огляделся и всё понял сам. В противоположном углу, на сундуке, сидел в неуклюжей позе, привалившись к стене, отец – рот открыт, голова неестественно сдвинута набок, рубаха на груди залита кровью. Мёртвая мать лежала на полу, возле перевёрнутой постели с разорванными подушками и кроваво-красным одеялом. Было похоже, что нападавшим здесь встретили посильное сопротивление. И конечно, едва ли это был слабый от старости отец и Ромина. Её брат, скорее всего, её брат, худой мужчина в такой же рубахе, как у отца, полулежал грудью на столе посреди комнаты, а из спины его, пониже лопаток, всё ещё торчала рукоятка позабытого кинжала.

- Ромина, дорогая моя, тебя не ранили?

Вместо ответа она вытянула к нему руки. Он осмотрел ладони, смазал кровь, поспешно закатал рукава до локтей, тоже ничего страшного не обнаружил, но тут ему бросилось в глаза, что ворот её простенького платья разорван, разорван настолько глубоко, что в прорехе отчетливо видна красивая голая грудь.

Картина произошедшего здесь до их прихода сделалась очевидной. Когда все соседи в спешке бежали, Ромина осталась, не желая покидать больную мать с отцом, которые всё равно не могли передвигаться быстро. Её поддержал брат. Потом нагрянули пришельцы. Брат попытался оказать сопротивление. Был убит вместе с родителями. Ро-

мину пощадили за красоту, хотя, вероятно, и над ней успели поиздеваться. Ради неё, наверное, они и не спешили вернуться под защиту шатров, решив отсидеться тут, а заодно позабавиться.

Варран окинул вопросительным взглядом разошедшихся по избе товарищей.

- Ты её знаешь? – зачем-то уточнил Пентли, хотя всем всё и так было ясно. – Кажись, мы вовремя. Надо бы девушку твою в замок отправить. Тут никому нельзя оставаться. Может, и в других избах кто ещё сидит, из этих...

Размышляя, как поступить дальше, Варран стал собирать оружие павших врагов. У обоих оказалось по арбалету, широкому и тугому, туже, чем у него самого, хотя арбалет Варрана даже у выдавших виды сверлов частенько вызывал трепет, и по мечу, длинному, с тонким лезвием, при взгляде на которое складывалось впечатление, что им нельзя рубить – только колоть. Топор валялся на крыльце, тяжелый и грозный.

- Никогда в жизни не видел подобных доспехов, - признался кто-то из виггеров, рассматривая недавнего противника Варрана. – Похоже на железо, но не железо.

- Железо, - возразил другой.

- Больше смахивает на кожу какую-то. Очень прочную только.

- Ага, кожа! Ещё скажи, что это кора. Железо самое настоящее. Но работа и, правда, потрясная. Нашим кузнецам такое не сотворить.

- И зачем только они на себя этих ленточек дурацких понавязали? - Говоривший вознамерился их для порядка оторвать, однако был остановлен окриком Варрана:

- Эй, погоди-ка! У меня, кажется, появился новый план.

- Только давай сперва разберёмся с твоей девицей, - напомнил Пентли, кивая в сторону Ромины, которая стояла теперь на коленях возле трупа матери и беззвучно рыдала, не обращая ни на кого внимания. – Её надо бы всё-таки отсюда убрать. В замке сейчас будет безопаснее.

- Нет! – Она оглянулась через плечо, и лицо её обезобразила гримаса боли. – Я никуда не пойду! А вы можете убираться на все четыре стороны! Прочь!

Варран обнял её за дрожащие плечи.

- Ромина, ты спасла мне жизнь, и я тебя не брошу. Но нам действительно нужно идти дальше, а тебе будет лучше в замке. Потом мы вернемся и вместе похороним твоих... Ты меня понимаешь?

Она долго смотрела на него знакомым вопрошающим взглядом, потом стряхнула с плеч руку и встала, оправляя разодранное платье.

- Я пойду с вами.

- Но мы идем вовсе не в замок.

- Я пойду с вами! Дайте мне оружие! – Не получив желаемого, она сама подошла к одному из сверов и без видимых усилий забрала у него вражеский топор, ещё хранивший на себе кровь её родителей.

Мужчины переглянулись, кто с удивлением, а кто и с нескрываемым удовольствием. Варран был в ужасе, но сдержался.

- Ты, кажется, говорил про новый план, - первым вышел из замешательства Пентли. – Мы слушаем.

- А, план... - Варран потёр лоб и вспомнил. – Доспехи. Они нам могут пригодиться. Надо их снять и взять с собой. Как есть, с этими лентами и всё такое. Ребята попались крупные, но кому-нибудь из нас они, думаю, будут в пору.

- Ты решил проникнуть в них во вражий стан?

- По крайней мере так можно попытаться подобраться к обозам, не вызывая подозрения. Под прикрытием снега или сумерек облить маслом и поджечь. По-моему так получится лучше, чем прорываться с боем.

- Ну, попробовать можно, - согласился Пентли и добавил, оглядев товарищей: – Только у меня таких великанов не водится.

- Ещё не вечер, разберёмся. Раздеваем их.

Вскоре они так же дружно покинули избу. Погруженная в свои мысли Ромина шла рядом с Варраном, неся топор на плече, как заправский дровосек. Она переделалась в шубу, вероятно, отцовскую, толстую и длинную, походя со стороны на обычного мужчину, если бы не отсутствие бороды и длинные пряди чёрных волос, выбивавшиеся из-под высокого капюшона. Интересно, отважилась бы на подобное Прэя?

Хрусту снега под ногами избы отвечали мертвенной тишиной. Если противник таился в них, ему сейчас ничего не стоило уложить их из арбалетов, всех, почти не целясь. Но избы выжидали.

Нужный им двор оказался дальше, чем предполагал Варран. Летом здесь разводили пчёл, рядом жил дровосек, который наловчился таскать из леса древесную смолу, льняного масла на рынке продавалось немало, так что хозяева имели всё необходимое, чтобы заниматься изготовлением добротных факелов. Варран не раз приходил сюда раньше с заказами из замка. Сейчас двор был занесён снегом и пуст, однако и Варран, и Ромина знали, где искать. Не пришлось даже ничего смешивать самостоятельно: в дальнем сарае они обнаружили четыре непчатых кожаных баула с резко пахнущей жидкостью. Забив потуже пробки, чтобы раньше времени не выдать содержимое, они обвязали баулы ремнями, и четверо взвалили их на спины. Двинулись дальше.

Стреляные Стены выглядели не такими покинутыми и заброшенными, как предполагал Варран. Ранты скрипели под перешагиваниями не одной сотни ног. Сюда давно уже добрался приказ Гийса устра-

шать противника огнём, так что над головами столпившихся у ворот людей стояло оранжевое марево из факелов и снега.

- Чего так долго? – спросил Скакун, отряхивая плечи и потирая замерзший нос.

- Друзей твоих встретили, - отмахнулся Пентли, а Варран показал на отобранные доспехи.

Скакун оживился, но, заведев Ромину, снова помрачнел:

- А это ещё кто такая? Я с бабами на дело не хожу.

- Да ты и без дела с ними не ходишь, - заметил подошедший Бисти и уточнил, обращаясь к Варрану: – Много их было?

- Двое, как видишь. Похоже, кое-кто из них у нас в тылах засел. Правда, может, нам просто повезло. Так что передайте народу на стенах, чтобы держали ухо востро. Сена добыли?

- Ну, мы и сами в этих вопросах чуток смыслим, - самодовольно усмехнулся Скакун, кивая на три пухлых свёртка в человеческий рост, заботливо обмотанных пеньковым листом.

- А белых покрывал? – напомнил Пентли об их договорённости в замке.

- Всё есть, - ответил за Скакуна Бисти. – На половину наших должно хватить.

Для редких зимних вылазок в Пограничье сверы давно приспособили толстые, почти белые простыни, которые они надевали на себя поверх доспехов и в таком странном виде подкрадывались к стойбищу шеважа незамеченными, приобщая внезапность к своим немногочисленным союзникам. Сейчас эта маскировка была как никогда кстати, так что Варран мог ненадолго перевести дух. Они были готовы к своему непростому заданию. Осталось лишь решить, как именно действовать дальше...

- Ошибиться мы не имеем права, - говорил Пентли, пока они совещались в ненадёжном укрытии ворот. – Если они ещё этого не сделали, то после первой же нашей неудачной попытки так усилят охрану обозов, что нам можно будет про них вовсе забыть.

- Можно подумать, что сейчас они их нам с радостью позволят поджечь, - вздохнул Урвуд.

- Обозы сейчас стоят позади войска, в тылах, их, разумеется, охраняют, но я думаю, что если нам удастся незаметно обойти их кругом, с Бехемы, то есть слева, или справа, мы сможем к ним подобраться, не поднимая особой паники. Если же нас раскусят, обозы перетащат куда-нибудь в центр лагеря, и тогда поджечь их сможет разве что молния. Но зимой молний не бывает. Ничего не получится.

- Значит, нужно сработать с первого раза, - заключил Скакун.

- Мудреца видно издалека, - съязвил Бисти и ловко увернулся от добродушной оплеухи.

- Ну, так у кого есть мужики повыше? – Варран указал рукавицей на снятые с врагов доспехи: два безжизненных тела на склоне сугроба. – Парочки хватит. Только чтобы ещё и котелок варил.

- Это уж ты загнул! – усмехнулся Натмит. – Таких не бывает.

- У меня, кажись, есть, – сказал, подумав, Макван. – Только надо бы сперва примерить.

Он ушёл собирать народ, а Варран взял Ромину за локоть и отвёл в сторону. Сейчас они впервые могли поговорить наедине.

- Ты чего удумала, красавица моя?

- Не смей мне возражать! – воскликнула девушка, выдергивая руку и морщась как от сильной боли. – Они убили моих родителей... Варран. – Она вся обмякла и взглянула на него с мольбой. – Ты не представляешь, как мне было страшно. Я до сих пор не верю, что это не сон. А может, мы и, правда, спим?

- К сожалению, нет. И если ты меня сейчас не послушаешь, то никогда больше не увидишь снов. Остайся здесь, на стене. Там, куда мы идём, от тебя не будет пользы...

- Я пойду!

- Наоборот, ты нам можешь помешать, и тогда всё сорвётся.

- Что сорвётся?

- Ну, ты же знаешь уже, мы хотим поджечь эти их обозы и по возможности живыми вернуться. Подожди нас тут.

- Я тоже хочу убивать их!

- Не кричи. Если получится пробраться незаметно, мы никого там специально убивать не будем.

- Это как это?

- Ну, а зачем? Мы сверы и должны первым делом выполнять основную задачу. Сейчас она для нас – уничтожение вражеского провианта, чтобы они развернулись и ушли.

- Ушли?! Так вот о чём мечтают наши доблестные войны? Чтобы враги ушли? Поубивали наших и ушли? Ты слышишь себя, Варран? Что ты такое говоришь?!

Если бы поблизости были те самые вражеские обозы, они бы сейчас вспыхнули от её разъярённого взгляда. Варран закашлялся. Конечно, она была права. Его Ромина была права, а он сморозил глупость, которую раньше назвал бы просто приказом.

- Мы... мы должны спалить их хозяйство, и тогда остальным будет легче на них нападать. Мы не позволим им уйти.

- Ты сам не веришь в то, что говоришь. – Она перестала кричать, заметив, что на них обращают внимание, но голос её сделался от этого только ещё жёстче. – Если бы у нас были воины, а не, как это там у вас называется, стратеги, мы бы давно расквитались с этими убийцами. Не сидели бы в замке и не ждали бы, что кто-то что-то сделает. Думаю, не пойдя снег, Вайла'туна бы уже не было.

- Ромина...

- Что?!

- Ты, конечно, права, но...

- Премного благодарна за понимание! Я всегда знала, что рядом со мной доблестный воин и замечательный мужчина!

- Перестань!

- Не перестану! У тебя вон сотня здоровенных мужиков, а вы даже не собираетесь никого убивать. Прекрасные воины! Как вас, сверы что ли? Не трогай меня!

- Ромина! Что ты тут крик бабский устроила? Ты хоть видела, сколько их там?

- Нет...

Варран ухватил её красивое раскрасневшееся лицо за подбородок и резко повернул к себе.

- Тогда тебе тоже повезло, что пошёл снег. Потому что их там не мерено. И если мы не попытаемся их остановить, когда снег закончится, они все снова будут тут. Поняла? Мне жаль твоих родичей, это страшно и ужасно, но если мы не сделаем того, что можем сделать, погибнут все.

- Я говорю...

- И я с тобой согласен, Тэвил! Я бы, наверное, тоже предпочёл, чтобы мы все навалились на них разом. Но в замке выжидают. Плохо это или хорошо, не мне судить. Там на нашей стороне защита стен. Здесь – открытое поле, где их всадники нас просто снесут.

- По такому снегу?

- Не придирайся!

- А я буду придираться! Потому что, похоже, ты каким-то не тем местом думаешь. Сейчас их всадники нам не так страшны, как утром. Смотри, сколько снегу прибавилось!

- А ты такая замечательная думалка, что представляешь нас кем, птицами? Высокий снег мешает нам ничуть не меньше, чем им. Атаковать. Но не прятаться. И мы будем в нём прятаться, пока это нам удобнее.

- Я пойду с вами!

Варран выругался, махнул рукой и отошел, тем более что Макван уже вернулся, приведя с собой не двоих, а пятерых высоких молодцев. Причём трое из них уже были в разноцветных доспехах с чужого плеча.

- По дороге мы тоже кое-чего подобрали, - пояснил он. – Остальных они, похоже, успели утащить с собой. Пятерым будет сподручнее, чем двоим.

- Отлично! – оживился Варран. – Пентли, Бисти, Скакун! Выступаем! – Он краем глаза видел, как Ромина стоит и в задумчивости тербит рукоятку воткнутого перед ней в снег топора. – Натмит, Урвуд! Ваши люди прикрывают, так что обойдутся без маскировки. Эй, на рантах, что там видно?

- То же, что и тебе, - ответил неуместно весёлый голос. – Стена.
- Это хорошо, - подсказал Макван.
- Да уж! Эй, выдвигаемся!

Ворота медленно открылись, и отряд неторопливо просочился через них в снежную мглу. Правильное направление было отмечено далеко впереди заревом от костров над лагерем врага.

Большую часть пути они шли вместе, не разделяясь и не обгоняя друг друга. Сугробы представляли преграду лишь тем, кто торил дорогу. Идущие в середине двигались по уже протоптаным колеям и ждали своей очереди занять место в голове. Вражеские костры они держали по левую руку, всё-таки решив обойти противника со стороны Пограничья.

- Я вот как раз подумал, - сказал один из фултумов, обращаясь к своему сверу, - почему Пограничье называется Пограничьем? Что там за граница такая проходит? Между нами и кем?

Свер был погружен в собственные мысли и ничего не ответил.

- Между жизнью и смертью, - высказался за него идущий поодаль Варран. – За неё никто не может проникнуть. Даже Дули погиб, когда попытался.

- Но я слышал, что незадолго до зимы кто-то смог её перейти и даже нашёл то место, где лежит Дули. Ну, в смысле, где лежали его доспехи...

- Сейчас не лучшее время повторять всякую чушь, - раздражённо отрезал Варран. – Доспехи да, он принёс, я сам видел, но никто не может сказать, что он явился к нам с той стороны Пограничья, а не прибил откуда-то отсюда. Из-за Мёртвого Болота никто ещё не возвращался.

- Сказывали, он даже не другом языке говорят...

- А ты думаешь, в Пограничье мало всякой нечисти водится? Нет, парень, там дальше – смерть.

- Если от этих вражин отобьемся, - задумчиво произнёс фултум, - я сам попробую туда добраться. Уж больно интересно.

- Если отобьемся, приятель, я тебя свером сделаю. – И Варран добавил, увидев восторженное лицо собеседника: - Тогда тебе не придется тратить время на пустые затеи.

Варран, который ещё не был в этих местах в отличие от Пентли, на глазок определил, что противник как раз занял разрабатывавшийся до зимы карьер, где впервые видели его разноцветных всадников. Не мудрено, поскольку плотники успели понастроить там для гончаров немало сараев, в которых теперь можно было неплохо устроиться на ночлег. После первой стычки всех тамошних строителей спешно отозвали и велели разойтись по домам, говорят, даже не заплатив, но сараи остались. Варран не разбирался во всех этих тонкостях, однако знал кое-кого из гончаров и плотников, а потому разделял их мнение о том, что с окончанием строительства печи поспешили. Ребята в

один голос говорили, что придумка с камнями из глины была замечательная по своей простоте, и сейчас можно было бы встретить врага не одним не подвластным огню укреплением. Это решение об отводе строителей вместо того, чтобы усилить тамошний гарнизон, было, пожалуй, единственным из решений Демвера, которое Варран после долгих размышлений не разделил. Когда к власти пришёл его выскочка-сын, кстати, служивший в том самом гарнизоне возле карьера, что-либо возобновлять было уже поздно – во всю грянула зима. А теперь ещё и эти чужаки невесть откуда пожаловали...

- Не, я бы всё равно туда смотался, - подумав, сказал фултум. – Лишь бы нам сейчас отбиться.

- Отобьемся, - заверил его подошедший откуда-то сбоку Натмит и добавил, понизив голос и положив руку на плечо Варрана. – Твоя баба дело говорит.

- Да? Что на сей раз?

- Понятно, что ей побольше кровушки пустить в отместку за своих хочется, но ей пришла мысль, что нам, ну, тем, кто с арбалетами на расстоянии заляжет, надобно не просто наш общий отход прикрывать, а в первую очередь помешать этим супостатам затушить обозы. Будем по всем, кто приблизится к огню, бить наповал.

- И сколько ты так бить собрался? Думаешь, они там все дураки и не смекнут, откуда в них стрелы твои летят? Ты нас, может, прикроешь, а кто тебе зад потом прикрывать будет?

- Да хоть бы ты, а хоть бы и никто! Что толку огород городить, если им удастся всё резво погасить? И это если у людей Маквана вообще получится то, на что их посылают: хвороста навалить и горючего налить притом, что обозы наверняка стерегут на совесть.

- Тут ты неправ, - вмешался слышавший их разговор Пентли. – Сейчас они настолько веруют в свою неприкосновенность, что обозы просто вывели в тыл и почти про них забыли. Вся сила у них была сосредоточена впереди и по бокам. Песни петь и с бубном плясать, разумеется, не советую, но с зада подойти, думаю, пока особых сложностей у нас не будет. Вон, гляди сам, у них и костров-то с этой стороны раз два и обчёлся.

В самом деле, за размышлениями да разговорами отряд уже достаточно далеко обогнул снежное зарево, чтобы увидеть перед собой нависающую черноту Пограничья. Шеважа были где-то там, за стеной могучих деревьев, однако сверы не опасались удара в спину: дикари боялись зимы больше Вайла'туна и никогда не отважились бы подобраться так близко. Интересно, думал Варран, прикидывая дальнейшие действия, каким образом шеважа связаны с этим войском? Как и любой вабон, он плохо представлял себе жизнь вне Вайла'туна и считал, что ничего, помимо дикарей и его сородичей в природе просто не существует, а если и существует, то это какая-то досадная случайность.

Настала самая сложная и ответственная часть их отчаянного предприятия. Привыкшие к строжайшей дисциплине, которая не раз давала преимущество сверам в их стычках с шеважа, а заодно притупляла волнение и чувство страха,десятники повели своих людей на позиции. Первыми выдвинулись вперед арбалетчики Натмита. К ним присоединились оставшиеся воины из десятка Маквана, также известные своей меткостью. Отсюда они плохо, но всё же видели контуры обозов, видели, что стоят они не запряженные, и что охрана, действительно, малочисленна и расслаблена. Всего горело два костра, вокруг которых в общей сложности сидело человек шесть-семь, причём одетых вовсе не в цветные доспехи, а почти так же, как сами вабоны: правда, шубы были явно потоньше, а на головах красовались странно-го вида широкие меховые шапки, больше смахивающие на мельничные круги.

Варран вместе с остальными прошёл мимо арбалетчиков и залёг в снег примерно на полпути до обозов. Отсюда было удобнее всего обозревать всё пространство и отдавать приказания. При нём остался Скакун и его десяток, не считая фултумов. Их задачей было оставаться в резерве и в случае чего усилить любой из попавших в беду отрядов. Быстро орудуя подручными средствами в виде широких лезвий топоров и щитами, они окопались, полностью скрывшись от взоров неприятеля за снежными буграми.

Отряды Даккера и Бисти, кутаясь в белые покровы, подкрались ещё ближе к обозам и легли, не шевелясь и почти не прячась в снегу, чтобы не привлекать к себе внимания раньше времени. Они должны были выжидать и обнаруживать себя лишь в том случае, если за поджигателями ринется разъяренная погоня. Тогда они получали право отбросить все предосторожности и ударить по преследователям с боков, замкнув в клещи.

Люди Урвуда и сам он, такой всегда опасливый и осторожный, невозмутимо остались лежать в центре этой живой вилки, готовые, если понадобится, принять на себя главный удар.

Теперь все они, затаив дыхание, следили за неспешными действиями самых опытных в подобных случаях воинов из десятка Пентли и пяти избранных за свой немалый рост. Все они были в белых накидках и медленно ползли вперед, прямоком в направлении обозов, таща за собой баулы с горючей смесью и связки соломы. Расстояние между сторожевыми кострами было довольно большим, но не настолько, чтобы мечтать просочиться в брешь между ними без препятствий. Любое неосторожное действие могло поднять тревогу.

Варран следил, как баулы и солома благополучно проследовали почти к самой кромке вражеского лагеря и остановились. Теперь переодетые храбрецы должны были встать в полный рост и, не прячась вовсе, чтобы сойти за своих, проделать всю нехитрую, но опаснейшую работу.

Нет, не так!

Варран издал условный свист. Если из врагов кто его и услышал, то принял за тревожный оклик зяблика. Времени на то, чтобы задуматься, не покажется ли кому-нибудь пересвист птиц зимой да ещё под снегопадом странным, не было. Зато желаемый результат был достигнут: ушедшие вперед товарищи тревожно замерли, ожидая дальнейших команд.

Варран повернулся спиной к обозам и поднял руку. Натмит безошибочно узнал этот жест и подполз.

- Сделаем по-другому, - сказал Варран, чувствуя, как рассеиваются его собственные сомнения. - Раздели людей пополам и пусть выдвигнутся ещё ближе сюда. Если снег внезапно не прекратится, вас не должны заметить. Пусть разделят между собой тех, кто сторожит у костров. Промашки быть не должно. Одним залпом нужно положить всех. До соседних костров довольно не близко, так что их не обязательно сразу спохватятся. Лишь бы не ранить и не дать возможность поднять тревогу. Тогда мы подставимся. Но если получится, ребятам будет гораздо проще покончить с делом. - Натмит согласно кивнул, хотя и безрадостно. - И пусть дальше обе твои группы следят за остальными. Если кто сюда направится, стрелять раньше, чем они обнаружат трупы. Понятно?

- Вполне. У меня тоже были подобные мысли.

- Не сомневаюсь.

Натмит быстро вернулся к своим, а Варран показал отряду Пентли открытую ладонь и трижды опустил её, призывая запастись терпением.

Теперь он наблюдал, как черные пятна расползаются по снегу в две стороны и медленно, очень медленно приближаются к кострам. Решать, в кого стрелять, они должны сами. К счастью, их больше, чем мишеней. Значит, могло получиться.

Стражи в круглых шапках, похоже, приросли к своим кострам, не обращая внимания на происходящее вокруг. Варрану всегда в подобных случаях было интересно узнать, о чём думает человек, которому осталось жить считанные мгновения.

- Послушай, - сказал он Скакуну, взиравшему на происходящее с таким спокойствием, будто они пришли в таверну «Лихой воробей» промочить горло, а потом разойтись по домам. - Предлагаю сделать ещё хитрее. Не знаю, как у них тут поставлено наблюдение, может, обходы какие есть или переключки, но можно попробовать раздобыть для наших поджигателей лишнее время.

- Лишнего времени не бывает.

- Вот именно. Поэтому, когда сторожа у костров упадут, вели своим сразу же занимать их места. От ближайших костров их отличить не должны. Главное, чтобы все сразу же нахлобучили на себя эти дурацкие шапки.

- Все слышали? – Скакун на всякий случай повторил сказанное, но с тем важным дополнением, что сразу же назвал, кому и к какому костру бежать. – Чтобы не хватить лишку и вас там не оказалось больше, чем было, - пояснил он.

Всё дальнейшее происходило слажено и быстро.

Туго дрогнули тетивы на арбалетах. Стражники попадали вокруг костров, не издав ни звука. Варран махнул рукой из стороны в сторону, и Пентли во главе своего десятка рванулся, пригибаясь к сугробам, вперёд.

- Пошли, пошли! – засуетился Скакун. – Шапки всем чтобы надеть! Живо!

Теперь оставалось наблюдать и ждать.

Только сейчас Варран спохватился, что нигде не видит Ромину. Он был уверен в том, что до сих пор девушка с топором оставалась рядом с ним, он ещё хотел отвлечь её и поговорить по душам, и раз – она пропала.

А Ромина тем временем помогла кому-то закатить под ближайший обоз вязанку сена и посчитала свои обязанности на этом выполненными. Ей в нос ударил неприятно-сладковатый запах горючей смеси, обильно выливаемой на сено. Она встала на четвереньки и поползла прямо под днищами обозов вперёд, сама до конца не сознавая, зачем и куда.

Обозов было много-много. И все оказались на колёсном ходу. Никаких саночных полозьев. Она ухмыльнулась. Видать, умом и проницательностью враги не отличаются, раз допускают такие простецкие ошибки. Либо их дом находится настолько далеко, что когда они выступали в поход, зимы там ещё и в помине не было.

Ромина продолжала ползти, усердно орудуя локтями и коленями, как её учил в детстве сын соседского мыловара, мечтавший, чтобы когда-нибудь его взяли в сверы или на худой конец в фултумы. Отец, которого сегодня зарубили первым, был против этой дружбы, но матери тот парень почему-то нравился, и Ромина впоследствии надолго стала его подружкой. Брат, убитый предательским ударом ножа в спину, ревновал её и был только рад, когда того забрали-таки в замок, откуда он уже не вернулся. Говорили, что его отправили на одну из дальних застав в Пограничье. Там ли он ещё? Жив ли? Помнит ли её?

Топор сделался неподъемно тяжелым и мешал двигаться. Она легла лицом в снег и засунула его рукояткой за пояс на спине. Стало полегче. Интересно, они успели поджечь солому? Времени уже прошло предостаточно, однако, как ни странно, она не слышала отчаянных криков, которые бы означали, что пожар замечен.

Варран. Он знал своё дело. С ним было хорошо и надёжно. Но даже он не сумел защитить её в нужный момент. Не позволил отомстить. Решил пожалеть, будто она всё ещё та молоденькая девочка, которая впервые встретила ему две зимы назад. Это его дело. Она сама поза-

ботится о себе. И о том, чтобы единственные по-настоящему близкие ей люди погибли не напрасно. Они дали ей жизнь, они научили её всему, что она знает и умеет, так что теперь пришёл её черёд воздать им должное. Враги были рядом, враги были вокруг, и она не имела права этим не воспользоваться!

Ромина легла на спину и посмотрела назад. Днища обозов представляли собой сплошную низкую крышу, защищавшую от снега и ветра. Сколько их тут? Сотня, больше? Где же пожар? Вот будет смеху, если они продумали всё, но забыли главное – огниво! А что, с Варрана станется. Не так давно он запомнил про день её рождения и имел бледный вид, когда стали приходить званные и незванные гости. Ему даже пришлось ненадолго исчезнуть, прежде чем он снова явился, как ни в чём не бывало, и преподнёс ей, вероятно, заранее купленное по этому случаю нарядное платье. У мужиков память короткая.

Она двинулась дальше и скоро обнаружила, что достигла последнего ряда обозов. Лежа под прикрытием наполовину увязшего в сугробе колеса, она стала внимательно разглядывать вражеский лагерь.

Неподалёку от неё находился край карьера. Над огромной ямой курился дым, и она сообразила, что там внутри тоже жгут костры. Мимо неё прошли, переговариваясь на чужом языке, трое или четверо воинов. Снизу они казались гигантами в сверкающих даже в отсутствие солнца латах. Только сейчас, глядя на их ноги, Ромина задумалась о том, скольких же она успеет зарубить прежде, чем они уничтожат её. Одного, двоих? Ни топором, никаким другим оружием она не владела, будучи обычной женщиной из обычного рода, в котором отродясь не значилось никого с воинскими задатками. Когда она подбирала с пола топор, то искренне надеялась, что он сам подскажет ей правильные действия. Брат рассказывал как-то раз о таинственной силе оружия, о том, что хороший меч, например, становится частью своего хозяина и может творить настоящие чудеса. Про топоры он, правда, ничего такого не говорил, но для Ромины все эти острые железки с рукоятками были совершенно одинаковыми, а потому сейчас, вынув топор из-за пояса, она взвесила в руке его внушительную тяжесть и отчётливо осознала, что помощи ждать неоткуда. Топор был мёртвым. Она удивилась ещё больше, когда поняла, что это неприятное обстоятельство совершенно её не волнует. Топор был тяжелым, но не настолько, чтобы она не смогла им махнуть, а значит, что-нибудь она им все-таки сумеет сделать, если выберет подходящий момент. О последствиях Ромина не думала вовсе. Она слишком хорошо видела быструю смерть родителей и брата, чтобы понять, что им даже не было больно. Смерть страшна сама по себе, но не страшнее жизни в одиночестве и муках совести.

Мимо неё продолжали то и дело проходить люди. В большинстве своём это были затянутые в разноцветные латы воины, но были и очень похожие на обыкновенных вабонов, в шубах с капюшонами или

круглых шапках, как те, что сидели у костров, пока их не нашли стрелы её сородичей. Сейчас она видела, что шапки эти вовсе не шапки, а длинные отрезы меха, вроде сшитых вместе лисьих хвостов, которыми чужеземцы просто-напросто обматывали головы. Белую накидку она оставила на снегу ещё перед тем, как нырнуть под обозы, так что теперь могла запросто сойти за кого-нибудь из местных. Нужно было только незаметно встать на ноги и смешаться с остальными.

Что она и сделала, но, пройдя несколько шагов, поняла свою ошибку. По сравнению с неприятельскими воинами, она выглядела карликом или ребёнком. Кроме того, пока она машинально двигалась в направлении недостроенных деревянных изб, ей пришло на ум, что здесь она единственная женщина.

У неё когда-то была подруга, которой такой порядок вещей очень бы даже понравился. Мужчины были для неё всем. Особенно незнакомые, которых она встречала по вечерам в тавернах, обольщала, и с которыми проводила остаток ночи, чтобы потом никогда больше не увидеть. Ромину она обратить в свою веру так и не сумела, а сама кончила плохо, обманув очередного одноразового ухажёра, который оказался из числа крутых на расправу храбрецов, что последнее время стали всё чаще промышлять за пределами Стреляных Стен, обирая простых людей. Говорят, её изуродованное тело видели в обводном канале, но так и не успели вытащить, потому что воды Бехемы оказались слишком прожорливыми и не отдали его.

Как бы то ни было, Ромина опасливо передёрнула плечами, не то вспомнив незавидную судьбу подруги, не то предвидя свою собственную. Она понадежнее запрягла под капюшон длинные пряди, вздохнула поглубже и пошла вперёд, открыто, вызываяюще, не прячась и не подпуская к сердцу холодные волны страха.

Если бы на её месте оказался Варран, он бы наверняка удивился схожести военного построения знакомого ему лагеря вабонов и здешнего окружения. Сразу же за обозами начинались ряды высоких шатров, круглых в основании и островерхих, на которых снег не задерживался, а соскальзывал вниз и создавал естественное укрепление для стен. Единственная разница, пожалуй, кроме размеров, заключалась в отверстиях для выхода дыма, поскольку у вабонов он обычно выходил через дыру в самом острие крыши, где скрещивались несущие жерди, а тут верх был скошен и зашит, зато дыму предоставлялось для выхода специальное окошко чуть ниже, закрывавшееся накладным клапаном. Шатры стояли не в произвольном порядке, как могло показаться поначалу, а строгими рядами, да так затейливо что, встав в любой точке между четырьмя соседними, вы могли бы видеть происходящее вокруг вас во всех направлениях. Именно этим занимались дозорные, протаптывавшие себе дорожки верхом на конях, показавшихся Ромине низкорослыми, но могучими и неутомимыми. Шатров было великое множество, как и людей, спешивших куда-то по своим делам. Причем

шатры эти отличались от шатров вабонов ещё и тем, что были раскрашены в яркие цвета и расписаны затейливыми рисунками, не то узорами, не то письменами. У девушки возникло даже ощущение, будто она попала не в неприятельский лагерь, а оказалась в чужом поселении, не уступавшем размерами Вайла'туну. Странно было подумать, что всего лишь накануне вечером здесь не было ничего, кроме заснеженного поля.

Ромину дернули за рукав. Началось, подумала она и обернулась. Человек в круглой шапке резко бросил ей несколько непонятных слов, махнул рукой в сторону и, к счастью, не дожидаясь ответа, пошёл своей дорогой. Она поспешно кивнула, будто поняла, и, не задумываясь, свернула в указанном направлении. Как раз вовремя, поскольку, отойдя на несколько шагов, незнакомец, словно спохватившись, замер, оглянулся и на всякий случай даже проследовал назад, но уже никого не застал. Тогда он поспешил к проезжавшему мимо всаднику в светло-голубых доспехах, что-то сказал ему, и тот, привстав в седле, медленно двинулся над головами снующих повсюду соплеменников, кого-то напряженно выискивая.

Ничего этого Ромина не видела, а если бы видела, то наверняка ускорила бы шаги и тем самым выдала себя раньше времени.

Между тем она лишь теперь начала понимать, где оказалась, а главное – зачем. В каждой войске есть военачальник. Это она знала наверняка. Значит, если сил и времени у неё хватит лишь на то, чтобы убить одного-единственного врага, пусть уж этим врагом станет тот главный, кто привёл сюда всё это несметное войско и кто больше, чем кто бы то ни было, повинен в гибели её семьи. Всё же самое главное обычно пряталось в центре. Собаки окружали немощных щенков злобным лаем, обращенным на прохожих. Муравьи прятали свою матку внутри муравейника, откуда её было почти невозможно достать. Каким бы неприступным ни казался замок, он стоял на гораздо большем удалении от Пограничья, чем любая простецкая изба. Выходит, здесь тоже должна быть своя середина, её только нужно отыскать. И сделать это как можно быстрее.

Потому что, похоже, Варран всё-таки нашел своё огниво. В лагере начинался заметный переполох.

Сперва мимо Ромины, чуть не растоптав её и ещё нескольких пеших, проскакал во весь опор с десятков всадников. Проследив, куда они направляются, она с радостью разглядела в хмуром небе над шатрами колыхания оранжевого столба пламени. Почему так далеко? Неужели она успела так много пройти? А может, это вообще не обозы горят, а Вайла'тун? Ну, уж нет, тогда бы все эти чужие ей люди не подняли такой дикий вой. А они именно выли, а не кричали, выли так, словно им вырывают сердце, протяжно и заунывно, как воют волки, предвещая скорую беду отбившимся от стада оленям.

Ну а потом все побежали. Ромину толкнули в спину, сбили в снег, она выронила топор, подобрала, прижала к груди, как ребёнка, и сама припала спиной к сугробу в двух шагах от входа в очередной шатёр.

Нет, такой огонь им быстро не загасить, ликовала она, больше не видя, но прекрасно представляя себе оранжевый вихрь. Проспали, гады! Обозики-то ваши того, тю-тю, к праотцам отправились! Варран только с виду увалень, а дело своё знает. Вона вас как расшебуршил! Будете знать, как в чужой дом соваться! Где же ваш главный?

Ей показалось, будто она слышит восторженные крики вабонов, тоже увидевших спасительный пожар: эхо их нестройного хора докапывалось со Стреляных Стен. Вряд ли она слышала их на самом деле за шумом растревоженного муравейника, в который на глазах превращался лагерь. Воины теперь бежали по снегу и мчались верхом во все стороны, не разбирая дороги, завывали уже не люди, а пронзительные трубы, где-то неподалёку ухал, должно быть, огромный барабан, множество барабанов поменьше заходились отчаянной дробью, больше похожей на треск падающих деревьев, лошади ржали над своими хозяевами, а те из последних сил пытались переорать весь этот сумасшедший гвалт.

Ромина краем глаза заметила, как в шаге от неё остановился конь и нервно забил задним копытом по снегу. Посмотрев вверх, она увидела устремлённый на себя пронзительный взгляд из-под длинного козырька светло-голубого шлема. Незнакомец что-то рявкнул. Либо выругался, либо спросил, кто она такая. Ни повторить сказанного, ни ответить, Ромина не могла. Это был её безславный конец, каким он рисовался ей в воображении с момента встречи с человеком в круглой шапке.

Незнакомец прыгнул с коня, сразу же возвысившись над ней непреодолимой скалой.

Сидя притиснутая к сугробу, она могла разве что ткнуть противника топором в живот или ногу, что едва ли произвело бы на него хоть какое-то впечатление. Ни места, ни сил для сколько-нибудь стоящего размаха у неё просто не было. Кто знает, может, и к лучшему...

Незнакомец повторил свой вопрос. При этом он медленно вытянул из ножен длиннющий меч, и Ромина была готова поклясться, что слышит его звенящее напряжение, хотя шум вокруг стоял оглушительный.

Девушка не нашла ничего лучше, как поспешно приложить руку ко рту и протестующее замотать головой. Что взять с бедной немой? Ну, кроме жизни, разумеется.

Она видела себя со стороны и почему-то вспоминала недавнюю картину, свидетельницей которой стала на дворе у соседки, собака которой только-только оценилась. Её брат в каком-то веке решил обзавестись псиной и позвал Ромину выбрать щенка. Малютки жались к скалившей зубы матери и испуганно скулили, хотя и Ромина, и брат

улыбались им и пытались успокоить нежными словами. Они боялись чужаков, пусть даже те и не представляли никакой видимой опасности. Конечно, острый меч на расстоянии вытянутой руки и испепеляющий взгляд не были предназначены для её успокоения, однако и пугаться раньше времени не стоило. Здесь она была просто щенком, который только и мог, что не больно укусить кому-нибудь руку.

Она откинула капюшон, чтобы стали видны её длинные чёрные волосы, какие бывают исключительно у заботящихся о своей красоте женщин, и вернула незнакомцу его взгляд, добавив ярости и лихой отчаянности. Снова закрыла варежкой рот и замотала головой.

В следующее мгновение могучие руки сгребли её в охапку, оторвали от снега и без усилий перебросили через луку седла, сбив дыхание. Ромина уткнулась носом в жёсткую кожу, пахнущую сладковатой кровью, увидела болтающееся далеко внизу стремя, красиво изогнутое, железное, выкрашенное в тёмно-малиновый цвет, а не простое, деревянное, какими часто пользовались вабоны, если вообще пользовались стремянами, и попыталась спрыгнуть. Не тут-то было. Конь закружил на месте, а железные пальцы хозяина больно ухватили её за волосы, не давая пошевелинуться. Топор она выронила ещё на взлёте, так что теперь чувствовала себя притороченным к седлу походным мешком, причём пустым и никому не нужным.

Не отпуская её волос, всадник вставил ногу в стремя и ловко сел верхом, больно ударив девушку коленом в бок. Ромина хотела было закричать от обиды, но спохватилась, вспомнив, что для врагов она отныне немая. Конь тем временем пошёл резвой рысцой благо снег тут повсюду был хорошо утоптан, и ей пришлось как следует напрячь живот, чтобы не сбить остатки дыхания. Холодный воздух обжигал ноздри, однако она стиснула зубы, поджала подбородок и решила терпеть, сколько понадобится. Может быть, её везут к главному.

Огненный столб она больше не видела. Кровь притекла к голове, перед глазами вздрагивало седло да колено всадника то и дело норовило ткнуть её в скулу. Одна его безчувственная рука норовила с мясом вырвать бедные пряди, тогда как другая совсем по-хозяйски забралась под подол шубы и наглым образом ощупывала беззащитную задницу. Судя по всему, обнаружив себя как женщину, Ромина из огня попала в полымя. Или это к лучшему? Ждать ответа оставалось, похоже, недолго.

Она заметила, что всеобщий ор постепенно стих. Отдельные гортанные крики раздавались, но то были, вероятно, чёткие приказы, исполнялись которые без лишних вопросов. Она не могла понять, куда её везут, голова кружилась, живот болел, очень хотелось встать на ноги и смело глянуть врагам в лицо. Однако попытка продолжалась ещё некоторое время, пока конь ни остановился, и всё та же рука ни потянула нещадно за волосы назад, запрокинув зажмурившееся лицо и заставив соскользнуть с седла. Ромина почти повисла на волосах, едва

касаясь ногами снега, и непроизвольно ухватила за державшие её пальцы. Какой же силищей должен был обладать этот человек, если она никогда не считала себя худышкой?

Когда он следом за ней спрыгнул с седла, она потеряла равновесие, завалилась на спину, и он потащил её за собой, снова как мешок, только, должно быть, ещё более небрежно. Она теперь видела лишь удаляющегося коня с обращенной в её сторону сочувствующей мордой и нескольких воинов в островерхих шлемах, взиравших на неё с некоторым интересом, но без малейшего желания помочь.

Изловчившись, Ромина перевернулась на бок, засучила ногами, как упирающийся ребёнок, и, наконец, оказалась спотыкающейся на коленях. Несколько шагов, и ей удалось, согнувшись в три погибели, встать на ноги. Боль в волосах ослабла. Теперь оставалось подчиняться властной руке, чтобы избегать излишнего натяжения волос. Она будет послушной немой. В надежде выжить и отомстить.

Она не сопротивлялась, когда её заволокли в пустой шатёр, когда бросили на холодный, затянутый кожей пол, когда накинули на шею грубую петлю и привязали другой конец верёвки к центральному столбу, поддерживавшему крышу, когда подняли на ноги, дрожащую от ненависти, и как-то очень быстро сорвали всю одежду, а потом, не лаская и даже не рассматривая, уткнули носом в ворох приятно пахнущих тряпок и жестоко отлюбили, торопливо и жадно, отчего она смогла сделать неутешительный вывод: хозяин шатра не знал женщину вот уже долгое, слишком долгое время.

Вероятно, поверив в то, что она немая, он не утруждал себя разговорами с ней и проделал всё в молчании, лишь однажды позволив себе хищный рык. Она ожидала увидеть его тоже обнаженным, но когда ей было позволено повернуться, оказалось, что он даже не снял шлема. Просто в доспехах было предусмотрено одно важное отверстие, а может быть и два, чтобы воин в любой удобный момент имел возможность справить нужду. Сейчас ему подвернулась она, и он справил нужду так, как подсказывало желание. Лицо под светло-голубым козырьком оставалось напряженным и неприветливым. К своему стыду Ромина обнаружила, что поворачивается к нему боком и принимает одну из своих любимых соблазнительных поз, от которых раньше сходил с ума Варран. Нет, она не хотела продолжения этой пытки, но она признавала, что достойна большего, чем просто быть сосудом чьего-то вождения. Кроме того, ей не помешал бы защитник.

Она чувствовала на себе его строгий взгляд, понимала, что не может не нравиться мужчине, даже врагу, даже удовлетворившемуся ею – тем более удовлетворившимся ею, – что у неё в меру пышная грудь и красивые сильные бёдра, а гладкий живот так и тянет прижаться щекой, что из-за подобных ей женщин нередко вспыхивают скандалы в семьях и ссоры между друзьями, что красота её становится во сто крат краше без одежды. Всё это она понимала и отчасти видела в его серых

глазах, однако ему этого было как будто мало. Он протянул руку в железной перчатке, сдавил левую грудь до невольного стога, отпустил и снова перевернул на живот. Ромина решила, будто он хочет продолжения, и сама подалась назад, ему навстречу, на мгновение забыв про месть и возмечтав об удовольствии, но её ждало разочарование. Он заломил ей руки за спину и связал кисти. Она не сопротивлялась. Пускай, если ему так больше нравится.

Однако она снова обманулась. Связав ей руки, он оставил на её шее туго затянутую петлю, но отвязал другой конец от столба. Намотав веревку на здоровенный кулак, что-то снова бросил ей хриплым голосом и потянул за собой. На улицу?! На снег?! Голую?! Она думала, что не сможет сделать ни шагу, однако её мнения на сей счёт никто не спрашивал. Её просто вывели на мороз и снова повели под скучным снегом неведомо куда и зачем. Несколько раз она спотыкалась и падала, обжигаясь о сугробы. Ног под собой она не чувствовала, а то, что видела, напоминало ей красные гусиные лапки. Кто-то толкал её в бок, кто-то провожал смехом, но она шла, ни на кого не обращая внимания, занятая своей болью, холодом и ускользающей надеждой за месть.

Потом её обдало жаром, и она увидела, что стоит почти на краю карьера, а рядом горит большой костёр. Вокруг костра сидят несколько избитых до крови и оборванных человек и с ужасом смотрят на неё. Стерев снег с лица о голое плечо, она окинула их рассеянным взглядом.

- Ромина, это ты?!

Того, кто спрашивал, она, кажется, видела вместе с Варраном. У него ещё было забавное прозвище. Лошадиное. Она не помнила точно.

- Ромина!

- Вы всё сожгли? – Она больше не смотрела на них, надеясь, что и они отвернулись.

- Да, что могли... Мы потеряли тебя. Варран очень убивался... Без тебя не хотел уходить. Мы тоже остались. Вот нас и схватили...

Из-за неё сегодня погибнут ещё люди. Много людей. Погибнут неотомщенными. А значит, напрасно. Где же главный? Главный всегда должен присутствовать на допросах пленников. Или они уже не пленники?

Дальнейшее она воспринимала странно, как в бреду, будто это происходило вовсе не с ней, а с какой-то другой несчастной, опороченной женщиной. Ей не оставили у костра, с остальными, но повели дальше, только вёл уже не пленивший её воин, а двое одинаково одетых во всё чёрное мужчин с длинными крючковатыми носами и грустными тёмными глазами, какие иногда встречались среди самых бойких торговцев на рыночной площади Вайла'туна. Несмотря на охвативший её непередаваемый страх, Ромина различила у обоих на го-

ловах ярко-жёлтые повязки, вроде платков, перехваченные на затылке зелёными тесёмками, отчего сзади они казались скорее женщинами. Они ласково, словно извиняясь, наклонили ей голову ниже и повели по спиральному спуску вдоль стенки карьера туда, вниз, в середину, где толпились ещё какие-то люди.

- Что с ней делают? – не унимался фулдум, которому Варран обещал подыскать место свера. Парню выбили один глаз, а второй застилала кровь из рассеченной брови, но он узнал эту смелую девушку, узнал даже без одежды, и теперь хотел знать её участь. – Скакун, что с ней там делают?

- Их всех убивают, - отозвался брегон, радуясь лишь тому, что Варран не дожил до этого позора. – Подвязывают за ноги, надрезают шею и сцеживают кровь в большие кувшины. Живодёрня, обычная живодёрня! Тэвил!

- Хотя сейчас Тэвила не поминай! – закашлялся Макван. Они со Скакуном оказались единственными уцелевшими брегонами, но у Маквана было стрелой пробито лёгкое, и он медленно угасал. – Это не живодёрня. И не казнь. Это жертвоприношение. Их приносят в жертву. Я когда-то видел такое в Вайла'туне...

- Где?! – Скакун решил, что ему послышалось.

Макван поморщился и промолчал. Ему оставалось совсем недолго, и он знал это.

Скакун, связанный по рукам и ногам, изловчился, повернулся на бок и стал во все глаза наблюдать за происходящим внизу, стараясь запомнить каждую подробность.

Голая девушка шла по снегу между своими провожатыми, которые не позволяли ей выпрямиться и встретить смерть достойно и гордо. В центре карьера был сооружен деревянный помост с двумя высокими столбами, соединенными поперечной балкой, на которой вниз головой уже висело семь или восемь трупов. Чуть в стороне, с краю помоста, лежало ещё несколько тел, вероятно, уже отслуживших своё и снятых за ненадобностью. По другую сторону столбов прихода новой жертвы дожидалась небольшая группа одетых во всё чёрное людей. Отличались они между собой лишь повязками на головах. У большинства повязки были жёлтыми, у некоторых – зелёными и только у одного – розовой. Под балкой между раскачивающимися трупами прохаживалась высокая фигура в белых, забрызганных кровью покровах до пят, вооружённая длинным кинжалом, больше смахивающим на огромную булавку.

Скакун видел, как Ромину подвели к человеку в розовой повязке, как тот одобрительно закивал и сделал нетерпеливый жест. Желтоголовые затолкали девушку на помост, где она, очевидно, упала в обморок, увидев обезкровленные трупы. Её подхватили, уложили на спину и перенесли верёвку с петлёй с шеи на ноги. Другой конец переброси-

ли через балку, потянули – и вот уже новое тело покорно закачалось перед палачом вниз головой.

- Нет!! – крикнул одноглазый фулдум, всё-таки увидевший то, чего не стоило видеть.

Белый палач отступил на шаг, поднял руку, неторопливо, со знанием дела нацелился и одним коротким движением пронзил Ромине горло своей ненасытной булавкой. Желтоголовые уже позаботились о том, чтобы под ней оказался пустой сосуд. Ромина не приходила в сознание, не знала, что с ней происходит, а потому не билась в конвульсиях, как остальные, и не доставляла своим убийцам ни малейших хлопот. Она просто молча умирала, отдавая им свою юную кровь, которая струилась горячим потоком по бледной шее и стекала с чёрных волос в узкое горлышко страшного кувшина.

- Тэвил! – не сдержался Скакун.

На сей раз ему никто не помешал. Макван лежал на боку и глядел широко открытыми немигающими глазами в серое небо, навстречу тихо падающему снегу. Квалу сжалилась над ним.

Как ни странно, никакого страха Скакун сейчас не испытывал. Он был воином, виггером, а виггеры для того и существуют, чтобы рано или поздно перебираться в чертоги своей гостеприимной повелительницы. Сегодняшняя их задача тоже не обещала лёгкого конца.

Когда обозы полыхнули, и пламя стало весело перепрыгивать с одного на другой, он даже удивился, что всё так гладко получилось. Пятеро переодетых во вражеские доспехи отлично постарались. Скакун видел, как они встречают ни о чём не подозревающих противников, пытавшихся чем попало сбить огненные языки ярости, и рубят им головы и руки, давая пожару посильнее разгореться. Сами они были, пожалуй, обречены, поскольку врагов, несмотря на усилия безперестанно стрелявших из укрытия арбалетчиков Натмита, становилось с каждым мгновением всё больше, так что рано или поздно они не могли не понять, кто мешает им бороться с огнём. Однако остальные брегоны пока что беспрепятственно могли отвести своих людей подальше и с чувством блестяще выполненного долга вернуться в замок за новыми приказами.

Увы, Варран оказался иного мнения. Скакун всегда догадывался, что, несмотря на отсутствие собственной семьи, женщины в его жизни играют слишком большую роль. Варран спохватился, что в пылу начавшегося сражения не может отыскать свою ненаглядную Ромину, и Скакуну, чей десяток уже бросил изображать вражеских стражников в круглых шапках, пришлось спешить ему на помощь. Некоторое время маскировка позволяла им вводить врагов в заблуждение, однако ничто не длится вечно, и скоро остатки их сотни уже бились спина к спине в окружении всё прибывающих противников. Уже тогда Скакун распрощался с жизнью и сражался так, как если бы каждый взмах мечом был для него последним. На его глазах пал Варран, пронзённый

сразу двумя копьями налетевшей откуда-то сбоку конницы. Он видел, как лихое побоище постепенно превращается в скучное избиение горстки его изможденных и израненных сотоварищей значительно превосходящими силами, озлобленными потерей обозов. Потому что пламя бесновалось ещё и тогда, когда на Скакуна сзади навалились те, кому удалось ранить стрелой до сих пор прикрывавшего ему спину Маквана, и их обоих скрутили и таким образом взяли в позорный плен. Остальным виггерам повезло больше. Никто из них не поднял руки, сдаваясь на волю победителя, никто не выронил оружия и не попытался бежать с поля боя. Полегли все, за исключение Скакуна, умирающего Маквана, фултума с выбитым глазом, и ещё двух сверов, которых оказалось проще связать по рукам и ногам, нежели достать мечом под искусными доспехами. Только когда их тащили сюда, к этому жаркому костру, он краем глаза видел, что врагам удалось спасти остатки обозов, забросав огонь снегом. Варран был бы доволен. Интересно, что там нынче думают в замке?

- Нас осталось четверо, - зачем-то сообщил он остальным, подумал и добавил: - Если кто хочет, сейчас самое время высказаться.

- Сегодня был славный денёк, - отозвался один из сверов. - Мне и моему мечу давненько не было так весело и сытно.

Фултум плакал, вытирая кулаком кровь с единственного глаза.

- А ты что скажешь?

Поскольку усадили их вокруг костра, второго и последнего свера Скакун не видел. Парень молчал, вероятно, тоже потрясённый увиденным.

- Дело твоё. - Скакун поёжился. - А по мне так настало время славить героев. - И он запел низким голосом ту песнь, которую давно знал наизусть, но надеялся услышать ещё через не один десяток зим. Были в ней и такие слова:

*Нас закалили зимние стужи,
Ветры, и ливни, и зной.
Наши тела превратились в оружие,
Гибель – в дорогу домой...*

То была сильная песня, сильная и звучная, как подвиги, которые совершали воспеваемые в ней герои прошлого. Её знали все, кто когда-либо надевал на себя ратные доспехи и переступал порог замковых стен, чтобы верой и правдой служить Вайла'туну. Этой песней провожали в последний путь павших героев настоящего, отдавая дань их доблести и решимости пожертвовать самым дорогим ради спасения ближнего.

Скакун пел и наблюдал, как его товарищи поднимают головы и неровным хором подтягивают:

*Мы умираем, чтоб жить бесконечно
В памяти тех, кто придёт
Следом за нами, и славою вечной
Наш озарится уход...*

Те люди, которых принесли в жертву испусканием крови, не были виггерами, размышлял Скакун, не прерывая пения, хотя их уже слышали окружающие и начали угрожающе подтягиваться, вынимая мечи и натягивая арбалеты. Там были простые вабоны, которых нападшим удалось взять в плен перед началом снегопада. Мужчины и женщины, раздетые донага и подвешенные за ноги, они, как правильно заметил Макван, стали частью какого-то дикого обряда, смысла которого Скакуну никогда уже не постичь. Что это? Кара? Возмездие? Искушение? Может быть, за то, что виггеры, и его сотня в том числе, чинили в разорённых стойбищах шеважа по всему Пограничью? Ведь они тоже не получали указаний сохранять жизни стариков, женщин и даже детей. Стойбище считалось очищенным, когда с деревьев срывались все гнёзда для ночлега, а дикари оставались гнить сваленными в одну большую кучу посреди поляны, служившей им когда-то домом. Тогда он не задавался вопросом, правильно ли поступает. У них всегда был приказ, а дикари отказывались умирать добровольно и оказывали посильное сопротивление. Некоторые сверы гибли, исполняя свой долг, и тогда уничтожение шеважа превращалось для их товарищей в насущную необходимость, чтобы потом иметь хоть какую-то возможность оправдаться перед родственниками павших. Но они никогда не устраивали из убийства зрелищ. Что же имел в виду Макван, когда говорил, будто видел подобные жертвоприношения в Вайла'туне? Жаль, что Скакуну этого уже не выяснить...

Среди обступавших этих странных пленников, не нашедших ничего лучше, чем прямо здесь, в снегу, на виду у всех, затянуть какую-то заунывную песню, был один воин в темно-зелёных доспехах, который единственный понимал, что происходит и от всего сердца желал помочь этим несчастным гордецам, решившим если уж умереть в логове врага, так с достоинством, но не мог. Нет, конечно, ему бы не составило труда сорвать с себя этот идиотский наряд, в который он облачился по воле покойного ныне брегона, и присоединиться к поющим, чтобы стать частью их подвига, однако это значило бы, что там, в таком близком и таком далёком Вайла'туне о произошедшем здесь никто не узнает, и слава, о которой пел сейчас Скакун, самих их обойдет стороной. Это было бы ещё более несправедливо и нелепо, чем то, что ему волей случая удалось выжить в битве за обозы, невредимым добраться досюда, пользуясь всеобщей неразберихой, и увидеть собственными глазами страшную смерть безвинных людей в карьере и гибель последних товарищей. Теперь он был просто обязан вернуться в замок и рассказать о случившемся.

Ещё утром он был помощником Маквана, который сейчас не пел вместе со всеми, потому что лежал мёртвый со стрелой в боку и задумчиво смотрел в небо. Звали его странным именем Рой Стивол. Вернее, Роем его звала мать, а Стиволом – отец. Оба так и не сумели договориться, хотя дед Роя Стиволы предлагал примириться и называть внука Маккусом – в честь себя самого. Однако столь вопиющее решение неизменно отклонялось, и Рой оставался Роем, а Стивол – Стиволом. Правда, когда он вырос и сделался свером, все сотоварищи стали называть его не иначе как Башня за выдающийся рост, сочетавшийся с узкими плечами, длинными и худыми, хотя и очень сильными руками и большими ступнями, требовавшими скучных походов к сапожнику и всегдашней дополнительной платы за то, что обычные люди могли без труда купить на рыночной площади. Темно-зелёные доспехи пришлись ему на удивление в пору, а кожаные сапоги, снятые с убитого врага, почти не жали, но Башня, не задумываясь, променял бы всё это на возможность помахать сейчас двуручным мечом и присоединить к своим сегодняшним трофеям ещё десяток-другой супостатов.

И всё-таки его отличали не только рост и сила, но и довольно светлая голова, хотя и принявшая на себя за утро немало ударов, не разучившаяся мыслить относительно трезво.

Поэтому, вместо того, чтобы учинить последний кровопролитный бой с такими же, как он, только разве что лучше вооруженными «башнями», Рой Стивол одним из первых приблизился ко всё ещё поющим пленникам и встал так, чтобы Скакун увидел его. Дождавшись яростного взгляда, он незаметно для остальных, сделал левой рукой жест, означавший на немом языке сверов «я тебя понял». На мгновение ярость во взгляде Скакуна сменилась удивлением, и он запел ещё громче и вызывающе. Ответить таким же жестом он не мог, поскольку руки Скакуна были связаны за спиной, но он едва уловимо кивнул тёмно-зелёным доспехам, и все увидели на его бледном лице торжествующую улыбку.

А Рой Стивол уже шёл восвояси, не оглядываясь, готовый голыми руками разорвать всякого, кто попытается с ним заговорить или ещё как-нибудь помешать донести до сородичей весть о рождении новых героев и их безпримерном подвиге.

Он вовремя спохватился, что идёт не туда, то есть, напрямик к Вайла'туну, к той части лагеря, где сосредоточены основные силы неприятеля. Свернул к обозам. Вернее, к их остаткам. Огонь неплохо постарался, а они с товарищами подарили ему достаточно времени, чтобы утолить голод. Спаслись лишь те из обозов, которые удалось откатить в сторону от пожарища и забросать снегом. Таковых он насчитал не больше дюжины. Сгорело неизвестно сколько, но, пожалуй, не меньше сотни. Сотня за сотню, невесело усмехнулся Рой Стивол, имея в виду погибших братьев. Что ж, раз я в их число не попал, надо бы и мне откатиться подальше.

Попадавшие по пути вражеские воины не обращали на него никакого внимания. Он был таким же, как они, изможденным, в помятых доспехах, перепачканных кровью и черным пеплом, злым и одиноким. Он представлял себе, что они сейчас чувствуют, пережив столь внезапный удар в самое сердце и понимая, что вовсе не так неуязвимы, как им могло показаться днём. Они хотели войны, они её получили. Пусть готовятся к новым лишениям. Или убираются туда, откуда пожаловали!

Его толкнули в плечо. Человек на голову выше Башни, в ярко-жёлтых доспехах и с целым хвостом красно-белых лент на шлеме молча дал понять, чтобы он следовал за ним. Должно быть, тёмно-зеленый цвет принадлежал здесь низшим воинам, раз с ними даже не удосуживаются заговорить. Что к лучшему.

Жёлтый, сам того не ведая, вёл его в нужном направлении: не совсем к Пограничью, откуда они пришли и где теперь осознавшие свою оплошность враги заметно усилили охрану, и не на передовую, где по-прежнему сосредотачивались основные их силы, приведённые после пожара в самое что ни на есть боевое положение и явно готовые по первому зову снова выступить против защитников замка. Они шли между шатрами к той части лагеря, которая смотрела в направлении войска фолдитов, как его помнил Рой Стивол.

Фолдиты разочаровали его. Утром он, как и все, заметил их приближение со стен замка и обрадовался неожиданной помощи. Он понадеялся, что они, не будучи связанными с его военачальниками никакими обязательствами, послушаются голоса совести и обрушатся на противника всей своей необузданной мощью, о которой последнее время ходили всякие слухи в связи с отпором осмелевшим дикарям. Однако фолдиты просто встали у окраины Вайла'туна и, похоже, решили тоже ничего не предпринимать, словно ждали команды из замка. В том, что подобной команды не поступит, Рой Стивол не сомневался. Осторожность стала основной стратегией нынешних военачальников, сменивших Ракли и считавших, будто лучше действие – бездействие.

Поглядывая на широкую спину провожатого, Рой Стивол подкарауливал удобный случай, чтобы всадить оставшийся у него из всего оружия короткий кинжал в узкую брешь между шлемом и воротом на затылке. Было ещё два незащищённых места сбоку, в подмышечных впадинах, но он не был уверен в том, что длины кинжала хватит, чтобы достать через такую грудку мышц до сердца. По пути им то и дело попадались другие разноцветные воины занятые своими обязанностями, но не терявшие при этом бдительности, что сводило любые попытки Роя Стивол к достойному освобождению от опеки на нет. Приходилось терпеть и идти дальше. Кстати, пока они шли, снег перестал, и сквозь тучи начало пробиваться совсем не долгожданное солнце.

Наконец, жёлтый обогнул очередной костёр, в котором аппетитно кипело большое ведро с каким-то пахучим варевом, и откинул полог соседнего шатра, с неожиданной галантностью пропуская Роя Стиволу вперёд. Западня открылась перед ним, и он осознанно ступил в неё, готовый сыграть отведённую ему непонятную пока роль до конца, а там уж сокрушить всё и вся и вырваться на свободу ради памяти о погибших товарищах.

Внутри шатра горел воткнутый прямо в мягкий кожаный пол факел на высокой ножке. Возле него, сгорбившись, сидел боком ко входу не то молоденький старичок, не то старенький юноша – уж больно у незнакомца был странный облик: глаза мальчишеские, задорные, рот без морщин, с яркими, будто даже подкрашенными губами, но при этом седенькая борода и совершенно лысый череп, на котором вместо волос темнели какие-то мелкие знаки чёрного цвета с красными и зелёными вкраплениями, нарисованные чем-то тонким. Одет он был вовсе не в доспехи, а в причудливую шубейку, словно сшитую из множества меховых лоскутков, причём позаимствованных у самых разных животных.

При виде Роя Стиволы странный человек сморщился в улыбке и сказал с чудаковатым выговором, однако довольно внятно:

- Не надобно бояться.

Жёлтый при этом поддавливал сзади в спину, так что поневоле пришлось войти и остановиться перед факелом.

- Ты хорошенько меня понимаешь? – поинтересовался незнакомец, продолжая морщиться и неспешно выговаривать слова, явно чужие для него.

В голове Роя Стиволы между тем происходила самая настоящая борьба мыслей и сомнений, поскольку ничего подобного он никак не мог ожидать. Мало того, что враг разговаривал с ним на родном языке, мало того, что жёлтому удалось каким-то образом признать в нём, несмотря на доспехи, чужака из Вайла'туна, так при всём при том, похоже, его не торопят убить, предлагая прежде душевную беседу! Соглашаться или нет? А разве есть выбор? Либо тупо молчать и пялиться на факел, изображая непонимание, либо ответить и посмотреть, что будет дальше...

- Понимаю, - решился он негромко.

Старичок кивнул жёлтому, и тот положил тяжёлую ладонь гостю на плечо.

- Человрат, - сказал он.

- Его имя Человрат, - уточнил старичок. – А моё имя Везник. Я умею толмачить. Я ведаю твой язык. Можем говорить.

- Это я уже вижу. – Рой Стивол почувствовал, что ему становится жарко, и снял шлем. – О чём?

Толмач заговорил с жёлтым. Иногда казалось, что за их тарбарщиной скрываются знакомые слова, но даже они не складывались во

внятную речь. Пришлось ждать окончания короткой беседы и последующего перевода.

- У вас там есть человек по имени Светияр. Вы зовёте его Ахим. Человрат говорил с ним во сне. Но поначалу у них ничего не получилось, а потом ваш Ахим перестал ему сниться. Ты понял?

- Чего вы хотите от меня?

Снова последовал разговор хозяев шатра. Рой Стивол чувствовал, что они почему-то не питают к нему враждебных чувств и не готовят подвоха. Оставалось выяснить, кто такой этот Ахим и что за предательство он совершил. Во сне? Перестал сниться? Совсем они тут что ли с ума посходили?

- Как твоё имя? – наконец поинтересовался старичок.

- Маккус, - решил соврать Рой Стивол.

- Тогда послушай, Маккус. Послушай внимательно. Потому что это важно и может всем нам помочь. Запомни хорошо, что мы тебе скажем. Я мог бы написать, но Ахим не поймёт. Поэтому слушай. Садись и слушай.

Рой Стивол опустил на корточки. Жёлтый передал ему толстую подушку, предлагая садиться прямо на пол. Да, так было удобнее. Теперь жёлтый тоже избавился от шлема и оказался светловолосым бородачом с внимательными голубыми глазами. Он покусывал ус и молча слушал, как толмач пытается объяснить гостю, в чём дело.

- Ахим знает, но и ты знай, что мы вам не враги. Нас заставили быть такими. Обманули. Привели сюда в разгар зимы.

- Бедняжки! – не сдержался Рой Стивол. – И за это вы пустили кровь моим товарищам?

- Не кричи громко! - цыкнул старичок и стал что-то объяснять жёлтому. Тот нахмурился и опустил голову. Заговорил, не поднимая глаз. Толмач переводил, подыскивая правильные слова: - Ахим знает, что у наших князей была распря. Распря продолжается и поныне. Не все хотели идти на вас. Кто-то ждал конца зимы. Кто-то вообще говорил: не надо войны. Что вы нам сами всё отдадите. Как вы называете свой град?

- Называем что?

- Ну, место, где живёте. За стенами.

- И за стенами, и перед стенами, и в замке – всё это зовется Вайла'тун. Странно, что вы...

- Живград. Мы называем его Живград. Его строили наши деды и деды наших дедов.

- Ну, свою избу, положим, я клал сам, - гордо возразил Рой Стивол. Гордиться было чем – изба получилась на славу.

- Да, дома – это хорошо, - поспешил согласиться старичок, кажется, не уловив до конца намёка. – Наши деды строили замок. И то, что под замком. То, что повсюду. Ты знаешь подземелье?

- Слышал.

- Очень правильно. Подземелье большое. Ведёт много куда. И наши князья мнят, что оно нашим осталось. Одни сказали, давайте говорить. Другие сказали, мы придём и возьмём. Человрат снился Ахиму последний раз, когда так было. Потом не получилось и у нас, и у вас. Зло победило. Мы это понимаем.

- Вы враждуете сами с собой?

- Как и вы. Глупые люди есть всюду. Но есть и хитрые. Которые нас столкнули, которые забирают и нашу, и вашу кровь, и которые есть и у вабонов, и у венедда.

- Венедда, стало быть, это вы?

- Это мы. Есть ещё другие, я не знаю, как точно вы их называете, но они для вас чужие, живут в лесу.

- Шеважа, дикари.

- И среди них тоже есть наши враги.

- Ещё бы!

- Нет, ты не видишь смысл, - насупился толмач. – Враги не они, а у них. В них. Ты знаешь цветок, тот, что с колючками.

- Роза?

- Неважно. Ты можешь любоваться его цветом, можешь нюхать приятный запах, но если захочешь сорвать, тебе будет больно. Потому что колючки. Считай, те, о ком мы говорим, это такие колючки. Большой нос, как у птицы. Большие темные глаза. Чёрные волосы. Иногда рыжие.

- Шеважа.

- Дослушай! Чтобы тебе всё объяснить, нужно долго говорить. Не все мы одинаковые. Не по лицу, это понятно, но по нутру. Ты видел людей, которые не чувствуют ничего?

- В смысле?

- Ни радость, ни печаль, ни жалость, ни добро. Только страх и желания. Долго жить, больше иметь. Богатство. Власть. Только себе. Ничего – другим. И потому они всегда боятся. Не получить, что хотят. Или потерять, когда имеют. Видел таких? – Старичок умолк, выжидая.

Рой Стивол задумался. Сперва ему вспомнился трусливый сосед, который вечно канючил по любому поводу и без. То его донимали сны о шеважа, сжигавшие его избу. То снег, не прекращавшийся всю ночь, мог, по его мнению, провалить крышу сарая, где у него обитала всякая нужная живность. В другой раз он пенял на ана'хабана, потребовавшего слишком большой гафол. Но при этом про его возмущение знали лишь соседи, поскольку гнева ана'хабанов он боялся ещё больше наступления зимы и происков шеважа. Он был примером совершенного труса, это да, однако Рой Стивол так же вспомнил случай, когда у соседа заболели и стали один за другим умирать ушастые кролики, как тот мучился, не находил себе места от горя, пытался их выхаживать и лил слёзы после каждой утраты. В тот момент, казалось, он готов был наброситься с кулаками на каждого, кто не разделял его беды. Рой Сти-

вол собственными ушами слышал, как он на всю улицу очень далеко посылает ана'хабана, зашедшего за оброком, хотя соседу не с чего было платить, поскольку он бросил торговать и всё время проводил с кроликами. Когда болезнь отступила так же внезапно, как началась, он, с одной стороны, обрадовался, но с другой снова поджал хвост и, говорят, расплатился с ана'хабаном сторицей, лишь бы тот не держал на него зла. Нет, в отсутствии чувств его никак нельзя было упрекнуть.

Зато, что касается тех же ана'хабанов или, точнее, фра'ниманов, то в большинстве случаев, да, они обирали своих же собратьев без малейшего зазрения совести, можно сказать, безчувственно, даже с удовольствием, особенно тех, что победнее, имея при себе удобное тому объяснение, мол, они *вынуждены* быть честными и таким образом выполнять своё предназначение. Нельзя сказать, чтобы все они подпадали под перечисленные старичком внешние признаки, но если призадуматься, действительно, многие, так или иначе, смахивали на птиц, причём хищных. Будучи свером, Рой Стивол был, к счастью, освобождён от гафола, но местного фра'нимана он исправно встречал в одно и то же время, иногда кивал, иногда делал вид, будто не замечает, но при этом всякий раз называл про себя «падальщиком». Кстати, когда сосед в припадке жалости к себе и своим кроликам накричал на него, вид у фра'нимана был весьма испуганным.

- Видел, - ответил он уверенно.

- Они – другие. Не нашего замеса. Не нашей крови. Не от мира сего.

Жёлтый прервал старичка и что-то сказал ему.

- Человрат спрашивает, знаешь ли ты историю Сотворения?

- Сотворения чего? Вайла'туна?

- Не чего, а кого. Нас всех, людей.

- Мы были всегда.

- Значит, не знаешь... – Старичок переговорил о чем-то с жёлтым и продолжал: - Тебе знакомо такое название - «Сид'э»? Это одна очень старая рукопись.

- Кажется, не слышал, - признался Рой Стивол.

- Как мне известно, она есть и у вас. На вашем языке это будет нечто вроде «Река времени».

- А, про «Реку времени» знаю, конечно! Там рассказывается про наших героев, самых великих. – Ему вспомнилось лицо Скакуна, и он прикусил язык. – И что?

- Там не только о героях говорится. У нас их вообще не знают. Они ваши. У нас – другое. Но начало одинаковое.

Рою Стиволу показалось, что старичок вот-вот начнёт по памяти читать нараспев древние предания, как когда-то любил делать по вечерам его дед Маккус, однако жёлтый поднял руку, призывая прислушаться. Снаружи доносился лишь гул голосов да потрескивание наледи на стенках шатра под порывами ветра.

- До героев, задолго до героев, были боги. Они были подобны нам, но могли гораздо больше. И эти боги создали нас. А потом один из них, самый злой и коварный, сотворил ещё людей. Только он спешил, потому что делал это тайком, и не использовал некоторых составных частей, которые использовали боги, когда трудились сообща. Поэтому у его творений нету совести и добрых чувств. У него было слабое воображение, так что он просто соединил птицу с ящерицей, и поэтому у его творений узнаваемые лица. Одни похожи на жаб и сов. Другие – на коршунов и безгубых змей.

Рой Стивол с трудом представлял, что такое ящерица, но жаба и сов повидал немало, и в человеческом обличье тоже, так что переспрашивать не стал.

- На самом деле этот бог не был настоящим богом. Он был всего лишь помощником у богов. Таких принято называть «господь-бог». Они могут только повторять увиденное и ничего не создают сами. Но при этом больше других богов хотят власти. Те, что создали нас, не искали поклонения. Им было достаточно, что мы их славили и любили. Господь-бог не ждал от своих творений любви. Только поклонения. Поэтому обещал им весь наш мир, если они будут покорны ему и боязливы. С тех пор эти твари ненавидят нас, созданий, и всячески стараются вредить. Однако они понимают, что без нас им тоже не будет жизни, и потому очень хотят, но не смеют уничтожить. Мы называем их «ибри», то есть «без корней» потому что они живут в чужом доме и едят чужую еду, а если им где-то становится плохо, они просто ищут и обживают другое место, безразличные и равнодушные. Своего повелителя они зовут Гов'ях – Хозяин Ночи или Тёмная госпожа. Они изображают его в виде птицы, обычно – совы. Это и он, и она, в одном крылатом теле. Считается, что когда ибри умирает, Гов'ях забирает его к себе.

- Квалу! – вырвалось у удивленного слушателя.

- У Гов'яха много имён. Мы его тоже знаем, но понимаем совсем не так, как они. Потому что его обещание мира касается только их, но не нас. Если ты хочешь поклоняться ему, ты можешь это делать сколько угодно, но напрасно. Ибри невозможно стать. Им можно только родиться. У матери-ибри рождается ибри. У отца-ибри рождается не-ибри. Поэтому они чтят мать превыше отца и считают Гов'яха женщиной. Тебе всё пока понятно?

- Зачем мне это знать?

- Если это неважно для тебя, ты должен передать всё услышанное Ахиму. Он растолкует кому надо. Гов'ях набирает силу, и мы должны объединяться, чтобы противостоять ему. Первая попытка объединения не получилась. Ахим может помочь. Человрат говорит, что он обладает нужными качествами. Ему только осталось поверить в себя. Чтобы не дать ибри завладеть вами окончательно.

- Похоже, вам этого не удалось.

- Да, это наша общая беда. То, что я тебе сейчас сказал, у нас тоже знают и понимают совсем не все. «Сид'э» можно прочитать по-разному. В ней скрыто много смыслов. Ибри этим пользуются и тщательно прячут своё истинное происхождение. Им помогают наглость и богатство. Их князья всегда говорят о будущем венедда так, что им хочется верить, тогда как за этими лживыми речами таится угроза не только нашей свободе, но и жизни. Ахим должен всё это узнать, как можно скорее. Потому что ваши ибри прекрасно ладят с нашими. Уже давно. И мои услуги толмача им не нужны. А после зимы, которая губит нас, но когда-нибудь всё-таки закончится, в игру вступят ибри ваших врагов – дикарей. Они самые жестокие и беспощадные. Там, где два врага ещё могут договориться, третий кладёт конец пониманию. Мы должны успеть.

По мере того, как старичок говорил, речь его становилась всё более правильной. Рой Стивол смотрел на него и думал. То, что ему сейчас предлагалось, иначе как изменой назвать было нельзя. Неужели они думают, будто подобными рассказами убедят его в том, чтобы броситься искать какого-то никому не известного Ахима из чьего-то сна вместо того, чтобы поведать вабонам о героической гибели товарищей и тем самым поднять их дух на ожесточённое сопротивление захватчикам. Которые только что, не разбирая между ибри и не-ибри, предавали смерти всех подряд, преследуя только им внятные цели.

- Зачем вы пришли?

Старичок сочувственно посмотрел на него и просто ответил:

- В замке есть врата. Через них можно попасть на ту сторону реки. Мы хотим захватить и те земли. До гор и за горами. Ибри рассуждают, что это всё – наше. И многие из венедда не понимают, что когда тебе говорят «это наше», оно означает вовсе не «наше общее», а «наше, но не твоё». Князьям, вставшим на путь войны, верят охотнее, чем тем, кто не хотят кровопролития. Нам тяжело сдерживать их.

- Тяжко, - подтвердил жёлтый, с грустной улыбкой пробуя на вкус чужое слово.

- А что будет теперь? – спохватился Рой Стивол. – Нам ведь удалось сжечь ваши обозы. Что говорят ваши – как вы их называете – князья? Они продолжают осаду и будут ждать подкрепления или уберутся восвояси?

- Этого мы пока тоже не знаем, - сказал старичок, посоветовавшись с жёлтым. – Совет будет сегодня вечером. Вы очень сильно навредили нам. Но подкрепления мы не ожидаем. Человрат предполагает, что примут решение штурмовать Живград, пока не падёт замок. Теперь у нас мало времени, так что атаковать будут сильнее, чем сегодня. Если снова не помешает снег.

Рой Стивол смекнул, что может воспользоваться странной разговорчивостью противника.

- Вам нужен замок. Это значит, что остальное вы готовы предать огню? Будете палить наши избы?

- Мы пока не знаем, - повторил жёлтый через толмача. – Те, кого мы называем ибри, готовы уничтожить всё, что мешает. Они не понимают красоты жизни и не видят смысла что-либо сохранять. Но это ибри. Другие воеводы против разрушения. Для них ваши люди такие же, как они. Если бы ваши сами сдались, они бы никого не тронули. Но ваши не сдадутся.

- Это точно!

- Поэтому может быть много горя и огня. У нас тоже есть горючее масло. Я уже ходил со своим отрядом и видел, как близко друг от друга стоят ваши дома за стенами. Если отдадут приказ, их подожгут. После потери обозов ибри будет проще убедить остальных. Но для вас это ещё не самое худшее. Хуже будет, если поступит приказ атаковать всеми силами. Тогда и огня не понадобится. Мы вас просто раздавим.

Рой Стивол хотел оспорить столь наглое заявление и упомянуть многочисленное войско фолдитов, только и ждущее приказа ударить противнику в бок, а также непроверенные слухи о помощи со стороны Обители Матерей, однако решил, что для дела будет полезнее промолчать. Не хватало только хвастаться. Чем больше неожиданностей, тем лучше.

- Где мне найти этого вашего Ахима? – перевёл он разговор на другую тему. – Мне что-то такие не попадались.

- Раньше он был сторожем у какого-то вашего князя, самого богатого. Но потом ему пришлось бежать, и Человрат с тех пор потерял с ним связь.

- Сомневаюсь, чтобы я смог его отыскать. Богачей у нас хватает, сторожа есть у многих. Едва ли, правда, они бегут по доброй воле, так что это обстоятельство вообще-то может мне помочь, но ведь, когда бегут, обычно не хотят, чтобы их находили, прячутся. Замкнутый круг.

- А куда у вас обычно бегут?

- Ну, я не знаю. Мне и моим знакомым прятаться не доводилось. Вряд ли в Пограничье. Но уж точно подальше от замка и всяких фра'ниманов. Я бы подался к фолдитам...

- Значит, там и ищи Ахима, - оживился старичок. – А как отыщешь, не забудь назвать его второе имя – Светияр. Тогда он поймёт, что ты его не обманываешь.

- Предположим, я каким-то чудом сумел его найти. Что мне ему сказать?

- А ты не понял, о чём мы только что говорили? – Взгляд старичка сделался раздосадованным. – Ты запомнил по ибри, про наши планы и про подземный проход?

- Это я ему расскажу. И что с того?

- Ахим и его люди должны как можно быстрее расправиться с вашими ибри. Их немного, наверняка меньше, чем у нас, но они сейчас

стоят на главных постах. Или за теми, кто принимает важные решения. Мы уверены, что обнаружить их легче, чем самого Ахима. По внешности, по близости к верхушке и по повадкам. Многие, к примеру, предпочитают есть всё сырое – от яиц до рыбы. Или с кровью.

- Послушайте, а почему вам так необходим именно этот Ахим? Вы же говорите, что он простой сторож. Может, кто-нибудь другой сгодится?

- Других легче искать, но труднее найти, - заковыристо ответил старичок. – Ахима не нужно ни в чём убеждать. Он знает, о чём мы говорим. И у него есть надёжные люди, которые его слушают. Отыщи Ахима, и всё сам сразу поймёшь.

- А вам не кажется, что это пахнет обыкновенным предательством? – не выдержал Рой Стивол. – Кто поручится, что уничтожение наших... князей, как вы выражаетесь, не оставит нас совсем без головы, так что вам даже не придётся утруждаться, чтобы захватить замок и всё остальное? Вы же своих почему-то не уничтожаете. Начните с них. Покажите пример.

Старичок перевёл его пыльные слова жёлтому. Тот запустил пятерню в густые светлые пряди на лбу, потом пригладил бороду, потом огляделся, словно что-то ища, и закончил тем, что извлёк из-под вороха сваленной в кучу одежды маленькие мешочки, а из него – цепочку. Показав цепочку собеседнику, он взял её за оба конца и резко рванул. Цепочка распалась на две половинки. Тогда он поднёс к глазам Роя Стиволу ту часть, на которой едва держалось разорванное звено.

- Чтобы нарушить связь, - пояснил он устами снова оживившегося старичка, - достаточно одного звена. Порвалось именно это, потому что оно было слабее остальных. Ваши ибри слабее наших. Уничтожьте их, уничтожьте связь. Наши останутся одни. Они не смогут действовать сообща, как сейчас.

Когда до Роя Стиволы дошёл смысл услышанного, он открыл рот.

- Хотите сказать, что наши уроды связаны с вашими?! Что они знали о вашем нападении заранее и никого не предупредили?

- Мы тебе об этом уже толковали. Только почему тебя это удивляет? Они же между собой ближе, чем с нами и с вами. Хотя мы разделились давным-давно, свою связь они поддерживают до сих пор.

- Но... но нам всегда рассказывали, что за пределами Пограничья и Бехемы никого, кроме шеважа, нет!

- И вы этому, конечно, верили! Нужно было прийти нам, чтобы вы засомневались. Найди тех, кто распространял эти удобные слухи, и ты найдёшь ибри. Вас таскали за ногу.

- Мы говорим «водили за нос»...

- Неважно. Раскрой глаза пошире и посмотри, что творится вокруг. Потом залезь на крышу своей избы и посмотри оттуда. Потом зайди в лес и посмотри на всё с высоты дерева. Потом посмотри со стен замка. Ты увидишь одно и то же, но увидишь по-разному. Пойми,

что мир сложнее, чем тебе до сих пор казалось. Особенно, если смотреть на него всегда с одного места. Особенно, когда смотришь чужими глазами. Ты понял?

- Мне, пожалуй, нужно двигать к своим... Искать Ахима... - Рой Стивол поднялся с подушки. – Я ведь могу идти?

- Да, мы больше тебя не держим. – Старичок остался сидеть в прежней позе, тогда как жёлтый со вздохом встал и надел шлем. – К тому же, нам всем нужно спешить. Кроме тебя, нам не к кому было обратиться, так что от того, насколько ты нам поверишь, зависит многое для твоего народа. Нашему, боюсь, уже всё равно. Как у нас говорят «не веришь друзьям, придётся верить врагам». Выбор за тобой, Маккус.

- Я понял. Прощайте. Надеюсь, мы больше не свидимся. Я хочу сказать, на ратном поле.

Старичок равнодушно пожал плечами, хотя на лице его отразилась не то боль, не то печаль.

- Человрат выведет тебя.

Рой Стивол только сейчас вспомнил давно донимавший его вопрос.

- Послушайте, а как вы узнали, что я – это я, не один из вас? Не по походке же.

Жёлтый догадался, о чём речь, и ответил жестом. Они приложил ладонь к сердцу, а потом коснулся растопыренными пальцами глаз.

- Человрат видит то, чего не видят другие, - пояснил старичок и привычно сморщился. – Найди Ахима, Маккус.

Его последние слова, как сосновая иглолка в волосах, застряли в памяти Роя Стивол, пока он снова шёл через вражеский лагерь следом за жёлтым воином. Они миновали несколько костров, возле которых теперь не только сидели люди в круглых шапках, но и дежурили всадники с развевающимися лентами. Прошли мимо дымящихся углей, недавно бывших ценными обозами. Мимо новых, на скорую руку возводимых шатров. Рой Стивол вглядывался в лица встречных и невольно пытался увидеть в них черты жаб, сов или змей. Иногда ему казалось, что он видит эти внешние признаки внутреннего уродства, но человек поворачивался другой стороной, нагибался, и они как будто исчезали. Он поймал себя на мысли, что если бы не знал о том, что оказался в стане врага, если бы их всех переодеть в обычные одежды и заставить молчать, он бы ни за что не смог отличить их от своих соплеменников.

Их никто не останавливал, а идущие навстречу даже почтительно сторонились. Было видно, что жёлтый здесь – не простой воин. Вероятно, решил Рой Стивол, цвет доспехов играет у них ту же роль, что лепестки и полосы у виггеров. Действительно, приглядевшись, он заметил, что большинство носит синие или зеленые цвета. Правда, и тут не обходилось без различных оттенков и сочетаний. При свете клоня-

щегося к закату солнца доспехи переливались настолько весело и празднично, что ему на мгновение показалось, будто не было горящих обозов, кровопролитной сечи, умирающих вверх ногами пленников и ждущих своих участи товарищей у костра.

В тот самый момент, когда он стряхнул с себя цветные чары и думал наконец распрощаться с остановившимся на краю лагеря провожатым, его взгляд из-под низко надвинутого шлема упал на человека, проходившего мимо. Если бы не зелёная повязка на голове, как у извергов, что пускали кровь Ромине, он мог бы поклясться, что перед ним тот самый фра'ниман, которого он только что вспоминал в связи с пугливым соседом. «Падальщик» шёл независимо, гордо неся свой выдающийся нос и всем видом показывая полное пренебрежение к окружающим. На Роя Стивол он даже не взглянул, а тот остался стоять как вкопанный, пытаясь постичь смысл происходящего и сопоставить с тем, что ему рассказывал толмач.

Жёлтый тронул его за плечо, напоминая об осторожности и необходимости двигаться дальше. Рой Стивол, вне себя, указал на удаляющуюся фигуру.

- Вот тот! – прошипел он. – Я знаю его! Как он тут оказался?

Жёлтый понимающе кивнул в сторону Вайла'туна, но подтолкнул спутника вперёд.

- *Ту ступи дали да ни мочти гляд спяти*, - проговорил он сурово, и Рою Стиволу отчетливо показалось, что он понимает сказанное. Мол, иди дальше и не оглядывайся. – *Азз ти глаф биде, Маккус. Како кой толк велий давчи*.

- Давчи, давчи, - повторил «Маккус», сознавая, что толмача из него явно не получится. – Приглядел бы ты за ним, а? Наш ведь, Тэвил! А я уж со своей стороны, коли выберусь, в лучшем виде обо всём позабочусь. Зелёная повязочка ему больно идёт...

- *Гляд биде*, - согласился жёлтый, будто тоже понял. – *Рам'хастибу!*

- *Рам'хастибу*, - повторил по наитию Рой Стивол и увидел улыбку на губах нового знакомого.

Жёлтый по-приятельски ткнул его кулаком в грудь и, не оглядываясь, пошёл следом за уже затерявшимся среди шатров фра'ниманом. Если он меня понял, мелькнуло в горячечном мозгу Роя Сивола, то лишь бы сам не придушил. Уж больно хочется с этим носатиком дома по-свойски поболтать. Вот ведь бестия! Неужто старикан и в самом деле прав? Мы тут бьёмся и гибнем, а они с этими павлинами дружбы водят! Твари! Ну ладно, дайте только до наших добраться!

Он украдкой бросил взгляд по сторонам, понял, что жёлтый умело вывел его в такое место, куда стражи у костров уже не побегут, решив, вероятно, что у него теперь какое-нибудь особое задание, и настолько быстро, насколько позволяли нетоптанные сугробы, отправился в обратный путь.

Старичок был, конечно, во многом прав, на лгуна он не походил, хотя если бы кто другой передал Рою Стиволу содержание их беседы, он бы поднял дуралея на смех, потому как так с врагами не говорят. И уж тем более не отпускают с миром. Во всём этом чувствовался какой-то подвох, который он пока не мог уловить. Иногда ему казалось, что он вот сейчас сделает ещё один шаг и проснётся. Где-нибудь на морозце в обнимку с недопитой бутылкой крока. Макван, когда отбирал их для вылазки, сказал прямо, что, мол, дело такое, можем все погибнуть. Он был к этому готов, тащил солому, бился честно, отгоняя нападавших от пожара, получил нешуточный удар сзади, очнулся, двинулся, куда глаза глядят, услышал знакомую прощальную песню, видел, как убивают женщину Варрана, перемигнулся со Скакуном, которого уже, наверное, тоже нет в живых, а потом долго слушал серьезные бредни какого-то разукрашенного старика непонятного возраста и теперь отпущен восвояси, чтобы отыскать неизвестно где неизвестно кого. Славный денёк!

Он делал шаг за шагом, но так и не просыпался.

После непроглядного снегопада вся долина теперь была как на ладони. Поначалу он, отойдя подальше от костров, свернул было к замку, да только потом, подумав и взвесив всё увиденное и услышанное, плюнул, выругался и направился в сторону войска фолдитов, всё ещё грозно стоявшего на виду у противника и ничего не предпринимавшего. Хотя какое это войско! Так, большая толпа осмелевших от безысходности людей. Происходи эти события не зимой, а летом, они бы и пальцем не пошевелили, занимаясь своими копаниями в земле и заботами об урожае. Наверное. Сейчас Рой Стивол не был уверен уже ни в чём.

Он шёл открыто, не прячась, чтобы его не спутали с засланным лазутчиком и не порешили издалека из арбалета. Если за ним наблюдают из вражеского стана, разумеется, такое поведение не может не смутить стражей у костров, но он уже был достаточно далеко для полёта стрелы. Они, правда, могут найти и призвать к ответу жёлтого, однако, ему, Рою Стиволу, до этого нет никакого дела. Он жив, на свободе и знает... хмм... знает даже слишком много. Кто же такой этот Ахим?

Пробираясь по высокому снегу было занятием не из лёгких. Ноги приходилось высоко задирать, извлекая по очереди из белых тисков, ступать вперёд, снова проваливаясь выше колена, и так повторять раз за разом. Удобные латы не мешали, но со временем стал сказываться их вес, и когда Рой Стивол обнаружил, что навстречу ему выдвигается небольшой отряд особо бдительных фолдитов, он уже не испытывал ни радости, ни страха – настолько устал и готов был ко встрече хоть с Тэвиллом, хоть с этим, как его, Гов'яхом, лишь бы посидеть у огня и перевести дух. Оставшихся сил хватило ему только на то, чтобы как можно громче и отчётливее крикнуть подходившим «Не стреляйте!» и

плюхнуться на колени в снег. Он с трудом стащил с головы шлем, на всякий случай, а вовсе не из-за жары, хотя по спине у него струился пот и жутко хотелось чего-нибудь выпить.

- По-нашему говоришь, - окликнул его один из встречавших, причём прозвучало это не только как удивлённое восклицание или вопрос, сколько как угроза.

- По-другому не умею, - откликнулся Рой Стивол, поднимая правую руку в знак приветствия. При этом он по привычке оттопырил большой и указательный пальцы: если среди фолдитов есть бывшие сверы, они должны сразу признать в нём своего.

Похоже, сверов среди пяти обступивших его грозных мужчин не затесалось.

- Откуда такой красивый?

- Не видели что ль? От супостатов напрямиком.

- Лазутчик?

- Свер.

- А почему этот балаган на себя нацепил?

- Чтобы выжить и до вас дойти. Кончай приставать, народ. Дайте лучше чего-нибудь выпить.

- И выпить дадим, и закусить, - пообещал на вид щуплый мужичок, по повадкам, однако, старший. - А потом догоним и ещё дадим. Кто такой?

- Рой... Рой Стивол, помощник брегона Маквана из сотни Варрана.

- Почему один?

- Потому что один. Остался один. Сейчас там, - махнул он себе за спину, - последних из наших добивают.

- А ты почему не с ними? Сбежал?

- Да вот, прогуляться решил. Погода-то вона какая хорошая. Думаю, чего б не прогуляться.

- Вставай.

Рой Стивол нехотя поднялся с колен и чтобы загладить впечатление от своего роста, сказал:

- У меня донесение для вашего Ахима. Знаете такого?

Слушатели переглянулись. Тот, что вёл от лица их разговор, внимательно посмотрел снизу-вверх на Роя Стиволу и поинтересовался:

- А если и знаем, ты кем ему будешь?

- Вторым мужем его третьей жены. Мужики, ну что вы ко мне прицепились? Доспехи смущают? Хотите, сами их наденьте, мне за ненадобностью. Но только дел у меня много, а времени – очень мало. Так что если Ахима знаете, ведите перво-наперво к нему.

- Ты тут погоди приказы-то раздавать! Больно прыткий. – Щуплый фолдит заручился одобрительными кивками сотоварищей и продолжал: - Чем докажешь, что ты не из тех?

- Тем, - Рой Стивол насутился, - что пока вы тут с братками как кони в стойле с утра стоите, мои все головы за вас сложили. Но дело,

нам порученное, сделали: пожгли гадам обозы. Дымок хоть видели? Вон, до сих пор ещё курится.

- Ты...

- ... а если тебе такие же доспехи, как на мне сейчас, приглянулись, так сходите к Стреляным Стенам и подберёте там не хуже. Правда, может, другого цвета. Ну что, всё понял? Давай, народ, кончай трёп! Пошли к Ахиму, пока время чуток есть.

Он отстранил как-то разом присмиривших после такого отчёта фолдитов и первым направился к остальным.

- Струн, похоже, парень правду говорит, - услышал он за спиной. – Тэрл разберётся лучше нашего. Идём.

- Сам знаю...

Появления перебежчика ждали. Первые ряды присевших было на снег передохнуть фолдитов расступились, и Рой Стивол оказался в кольце озабоченных неулыбчивых лиц, знакомой речи и нечистых запахов. На другой приём он и не рассчитывал, ставя себя на их место. Хоть стрел на него пожалели и за то благодарствую.

- Глянь, как сверкает весь!

- А надушился, надушился-то как!

- На свидание, видать, ходил.

- С таким ростом только к Меген'тору свататься.

Наконец-то подобие смеха.

- Дорогу, дорогу!

- Эй, кликните Тэрла!

- Переодетого свера что ли никогда не видели?

- Свой он, свой!

- Я – Тэрл, - сказал вышедший из-за спин столпившихся фолдитов деловитый карлик и вопросительно уставился на зелёного великана. На плече карлик держал здоровенную дубину, причём сразу становилось понятно, что она у него не для украшения. – Ты кто будешь?

- Я – Рой Стивол, помощник брегона Маквана из сотни Варрана. Я уже говорил твоим людям...

- Это – не мои люди. Они пришли сюда не потому, что я им велел, а потому что не могли отсиживаться по тунам и ждать своей участи, пока гвардейцы из замка решат за них, что делать.

Вероятно, за этим должна была последовать долгая тирада, в которой типичный фолдит высказал бы типичному сверу всё, что он думает по поводу их взаимных обязанностей. Начало ожидаемое, но не сулившее ничего толкового. Фолдиты не любили сверов ничуть не меньше, нежели те – фолдитов. Пожалуй, со сверами в этом отношении могли потягаться разве что мерги.

Струн наклонился к уху Тэрла и что-то ему сказал. Взгляд карлика задумчиво потускнел, потом вспыхнул с новой силой и взлетел на усталое лицо Роя Стиволы с уже принятым решением.

- Пожечь им обозы – это сильно! Я сожалею, что мы не смогли вам помочь. Но ваши из замка явно заняли выжидательную позицию, да и снег мешал. Вот мы и стоим тут с утра. Будь я единственным аолом...

- Я хотел бы видеть Ахима.

- Это я уже знаю. Зачем он тебе понадобился?

- Нужно кое-что передать. Он поймёт. Можешь отвести к нему, если знаешь, где он?

- А я не пойму?

- Ты – не Ахим. Сказано было говорить именно с ним.

- Кем сказано?

- Там, в лагере, не все хотят кровопролития. Те, кто не хотят и кто позволили мне уйти живым, считают, что Ахим может помочь. Отведи меня к нему. Времени мало.

Пока Тэрл обдумывал услышанное и решал, как поступить, кто-то тронул Роя Стивол за рукав. Рядом с ним возник неприметного вида дедок с серыми, по-волчьи вьедливыми глазами и густой, давно не стриженной седой бородёнкой. Он смотрел на гостя из-под надвинутого на самые брови мехового капюшона молча и выжидательно, словно приглашал заговорить первым.

- Радуйся, твой Ахим сам пожаловал, - представил деда Тэрл и как будто даже поклонился последнему, уступая своё место.

- С кем ты там говорил? – неприветливо спросил Ахим.

- Да я помню что ли! – Рой Стивол ожидал не такой встречи. Какой именно, он сказать не мог, но не такой. – У них там всех имена чудные. Один во всем жёлтом был, повыше меня, другой лысый, голова сплошь в рисунках.

- Может, Человер?

- Во, точно! А другого, погоди, сейчас вспомню... Веж... нет... Вез...

- А может, Человрат? – перебил его Ахим.

- Да, похоже...

- Так Человер или Человрат?

Ахим ждал ответа так, словно от его правильности зависела судьба не только Роя Стивол, но и всех, кто стоял тут же.

- Точно, Человрат. Я ещё подумал, при чём тут ворота. А второго, вспомнил, Везник! Они там ещё одно имя упомянули – Светияр.

Это должно было произвести впечатление на Ахима. И, судя по всему, произвело. Рою Стиволу даже показалось, что старик машинально поднёс к губам палец, но с последний момент сделал вид, будто стряхивает что-то с бороды.

- Ладно, пошли, потолкуем. – Ахим не дотянулся собеседнику до плеча, на которое хотел было положить руку, и взял за локоть. – Тэрл, надеюсь, вы нас извините.

А дедок-то, похоже, тут не из последних, подумал Рой Стивол. Если этот карлик стоит над вояками и если бы дело происходило в зам-

ке, едва ли он позволил бы кому-нибудь допрашивать пленного не в своём присутствии. Тем более когда его люди этого пленного привели. Конечно, в глубине души он себя пленным не считал, но со стороны всё выглядело именно так.

Ахим отвёл его к соседнему костру, возле которого сидели и приглушённо переговаривались несколько фолдитов.

- Устраивайся. Есть будешь?

- Не отказался бы.

- Значит, они тебя там не попотчевали, - усмехнулся Ахим и, вынув из валявшегося тут же на снегу мешка копчёный окорок и краюху черствеющего хлеба, сунул в руку нового знакомого. Рой Стивол благодарно кивнул и едва сдержался, чтобы не накинуться на еду. – Ешь давай. И постарайся очень внимательно вспомнить, о чём с тобой говорили.

- А вы и правда их во сне видели? – первым делом поинтересовался Рой Стивол, пережёвывая здоровенный кусок мяса и нюхая хлеб.

- Это тебе Человрат сказал? – Ахим покосился на соседей по костру, однако те исправно делали вид, мол, нам ваши разговоры за ненадобностью. – Опиши-ка мне второго.

Рой Стивол описал и добавил, что этот Везник служил толмачом, потому что Человрат на языке вабонов ни слова не знает.

- Давай теперь по сути, - напомнил Ахим. – Что велели передать?

- Сейчас подумаю, как всю эту мешанину лучше изложить... Значит, так. Раскрашенный рассказал, что и среди нас, и среди них живёт какое-то загадочное племя негодяев под названием ибри. Они давно метили стать нашими правителями, и теперь у них это начинает получаться. То есть, они стоят и во главе их похода на нас, и во главе нашего замка. Как именно, я не понял, но зато я там видел своими глазами одного фра'нимана, который вообще-то промышляет здесь. Теперь очень хочу его найти...

- Не отвлекайся. Что ещё было сказано?

- Что эти ибри верят в своего бога, который у них называется Гов'ях и который, как я понял, смахивает на нашу Квалу. Что вы их будто бы тоже знаете и что можете всегда различить по повадкам: ибри предпочитают есть всё сырое – от яиц до рыбы. Или с кровью. Припёрлись они сюда вроде бы затем, что где-то под землёй, под замком, есть проходы, по которым можно попасть на ту сторону Бехемы. Можете себе представить?! Им эти проходы нужны, чтобы завладеть всеми землями. Теперь, когда мы лишили их обозов, они собираются биться насмерть и продолжают штурм, может быть, ещё сегодня. У них совет для этого должен собратся. А главное, что этот ваш Человрат заявил через Везника – они рассчитывают на вас, мол, у вас есть силы, которые разделяются с верхушкой ибри у нас, поскольку у них зависимость от ибри сильнее. Тогда связь между ними оборвётся, и мы

сможем их одолеть. Чушь какая-то! Не видел бы того уroda фра'ниманского, вообще не поверил бы.

Лицо Ахима хранило серьёзность.

К ним подошёл хмурый Тэрл в сопровождении своего помощника Струна.

- Их лагерь приходит в движение. Что будем делать, Ахим? Больше ждать нельзя.

- Снег высокий, - заметил Рой Стивол, вспоминая свои мученья. - Пойдёте на них первыми, выбьетесь из сил. Пусть лучше они сюда.

- Ты хоть примерно представляешь, сколько нас тут стоит? - не без гордости возразил ему Струн. - Да мы этот снег...

- С теми, кто пойдет его торить первыми, сразу можете распротиться. Рядов пять наверняка положите за просто так. Остальные да, дойдут. Арбалеты у них помощнее наших будут. У вас-то хоть есть, из чего стрелять? - Он посмотрел по сторонам. - Вилами да топорами много не навоюешь. А потом - их гораздо больше. Отсюда вы только их бок видите.

- Мы знаем, сколько их, - сказал Ахим.

- И сколько же? - усомнился свер.

- Восемьдесят тысяч.

Рой Стивол решил, что ослышался. По его собственным прикидкам, исходя из количества шатров, вокруг карьера собралось, ну, от силы тысяч двадцать. Это превышало количество защитников замка и войско фолдитов, хотя и не настолько, чтобы сдаться без боя. Но восемьдесят...

- У страха глаза велики, - ответил он на пытливый взгляд Тэрла, предпочитавшего слушать и молчать. - Может, двадцать. Или чуть больше. Но не восемьдесят. Я там достаточно долго сегодня был. Не восемьдесят.

- Мне вот тоже сдается, - заговорил карлик, обращаясь к Ахиму, - что будь у них столько народа, сколько ты говоришь, они бы даже лагерь не затевали. Просто пришли бы и взяли замок сходу. Твои сведения неверны.

- А знаешь, как я хотел бы с вами обоими согласиться? - повысил голос явно раздраженный Ахим. - Но ведь «тьма» - это всегда было десятью тысячами. А у них там восемь тёмников. Человрат сам мне говорил. Не выдумываю же я!

Их прервали крики:

- Идут! Идут!

Рой Стивол осознал, что уже стоит на ногах и держит наперевес не слишком удобный своей непривычностью, но зато достаточно длинный вражий меч. Тэрл и Струн в отчаянии оглянулись на неприятельский лагерь. Ахим остался невозмутимо сидеть у костра, что-то не то обдумывая, не то вспоминая.

Вскоре выяснилось, что тревога и в самом деле ложная. Кричавшие имели в виду непозволительно маленькую группу всадников, которая отделилась от общей массы по-прежнему неподвижных врагов и медленно двинулась через белое поле в сторону замка. Даже с такого расстояния было видно, что над отрядом полощутся несколько длинных разноцветных знамён, о значении которых предположил Тэрл, заметив:

- На переговоры едут.
- Сдаваться, - возразил ему Струн.
- На переговоры. Если бы сдавались, то древки несли бы склонённые.
- А ты почём знаешь? Разве есть такой обычай?
- Если бы был, то был бы именно такой.

Слушая их, Рой Стивол не сдержал улыбки. Во-первых, попробовал бы кто-нибудь из сверов вот так же нагло опровергнуть догадку брегона. Даже такого добродушного, каким был Варран. А эти что думают, то и вываливают! Во-вторых, Струн явно не представлял себе, с кем они имеют дело. Побывав в лагере врага и до сих пор оставаясь в его «шкуре», он нутром чуял, что эти люди не простые рубаки, которые действуют с наскока, как шеважа, а если что-то у них внезапно пошло не так, бросают оружие и обращаются в бегство. Неспешно приближавшийся уже к крайним избам отряд определённо был их реакцией на потерю обозов с провиантом. Но не более того.

Глядя на спины своих товарищей по несчастью, Ахим тем временем думал о том, что сообщил ему этот высоченный парень в блестящих, как мокрый салат, доспехах. Конечно, он мог оказаться засланцем или даже пленником, которого угрозами заставили вернуться обратно с целью сеять панику, однако при таком раскладе слишком многое не сходилось. Особенно эти доспехи. Захоти они действительно, чтобы кто-нибудь вернулся и затерялся среди своих, ему бы вернули обычную одежду, которая бы так не выделялась. О том, что под зелёной броней скрывается не вабон, Ахим даже не помышлял, поскольку такой чистой речи на стороне точно не научиться. Кроме того, Ахим попытался воспользоваться своими врожденными способностями и посмотрел на пришедшего под несколько другим углом, как делал, когда сомневался в искренности человека. И ничего подозрительного не увидел. Свечение вокруг этого Роя Стиволы выглядело таким же чистым, как и его речь. Не врал он и о том, что виделся с самим Человратом. Тайное, вернее своё истинное имя «Светияр» Ахим получил при рождении от отца, и знали о нём лишь избранные люди. Человрат знал. Значит, тут тоже никакой ошибки быть не может. Но почему же тогда так расходились сведения о численности вражеского войска?

Сейчас Ахима эта неувязка беспокоила больше всего остального. В том сне, одном из последних, когда они встречались у костра, Человрат совершенно точно дал понять, что в Вайла'тун идут восемьдесят

тысяч. Потому что во главе стоят восемь тёмников и потому, что в их распоряжении восемь тысяч шатров, в каждом из которых обычно размещается по десять человек. Эти множества врезались Ахиму в память. Хотя он и не поверил. Отсюда, сколько ни вглядывайся в разноцветную живую полосу чуть ли не у горизонта, истинного размера войска не увидишь. Может, и восемьдесят. А может, и двадцать... Вот если бы глянуть с высоты замковых стен! Но туда, небось, уже не протолкнёшься. Наверняка все жители с этой окраины Вайла'туна, кто успел убежать от первой попытки штурма, с ужасом прячутся там и образовали непроходимое столпотворение.

Интересно, подумал Ахим, возвращаясь мысленно в свою укрытую деревьями избу, где он последнее время служил сторожем, что сейчас поместье Томлина, бывшего его хозяина, оказалось от врага дальше всего. Можно подумать, что просто так совпало. А что если нет? Ведь другие принесённые этим Роем Стиволом вести, к сожалению, совпадают с тем, что если не знал наверняка, то о чём Ахим давно уже догадывался. Сейчас они лишь получили словесное воплощение – ибри, «лишённые корней». Все эти мерзкие нынешние фра'ниманы, будто переродившиеся из бывших ана'хабанов, которые в пору молодости Ахима просто собирали деньги, а не отнимали, иногда – последнее. Прогнившие до мозга костей эдели, тоже когда-то называвшиеся гордым словом эдельбурны, то есть «рожденные благородными», а не купившими титул и прилагающиеся к нему радости за деньги или очень кому-то нужные услуги. Вся эта чудовищная толпа проходимцев, свысока взирающая на безропотно делающих своё нелёгкое дело фолдитов, на жертвующих – не всегда, правда, понятно, для чего – своими жизнями виггеров, на простых вабонов, не владеющих конями под цветными попонами и вынужденных всё чаще и чаще служить живым щитом перед лицом неприятеля, даже друг на друга, поскольку «эдели за деньги» в душе ненавидят «эделей по крови», славных достойными деяниями предков, но не всегда – тугим кошелём, наконец, семейство самого вышеупомянутого Томлина, на рожи которых страшно смотреть, особенно на чернявую мамашу, его жёнушку, которая – вылитая сова-Квалу, как её изображают на требниках для виггеров. А уж взгляд на внутренний подкрас что её, что её отпрыска Кадмона, способен привести в трепет даже такого толстокожего наблюдателя, как Ахим: по пятам за обоими ходят тени громадных чудищ непередаваемо гнетущего цвета и омерзительного вида. Если бы остальные вабоны могли хоть изредка видеть то, что обладает способностью наблюдать Ахим, Вайла'тун в момент опустел бы ...

Правда, сейчас Ахим был готов отказаться от этого тяжкого дара ради возможности погрузиться в сон, вернуться в Навь, сесть у тамошнего костра и поговорить по душам с Человратом. Он не был там с тех самых пор, как *кродировал*³⁶ тело Демвера, погибшего от безжалост-

³⁶ *Кродирование* – обряд сожжения тела усопшего для облегчения возвращения его истинного Я «к роду».

ной руки сына, и не смог вызволить труп заблудившейся среди миров Таманы, спеша укрыться среди фолдитов от преследований людьми всё того же Томлина и иже с ним.

Ахиму то недавнее время представлялось теперь как сквозь снежную пелену. Когда они с гончаром Ниерактом и бездыханным Демвером добрались-таки на санях до самого отдалённого из тунов, Ахим буквально впал в спячку и пролежал в беспамятстве почти два дня, не видя снов и не обращая внимания на происходившее вокруг. Потом он пришёл в себя, справил тризну по убиенному и провёл ещё день в разговорах с тамошним аолом, которым оказался хорошо знакомый ему по прежней жизни Тэрл. Но когда наступила очередная ночь и нужно было отдохнуть, Ахим не смог послать своё тело в привычное путешествие в Навь. Раньше это удавалось ему совершенно без усилий, а теперь он будто стучался глупой бабочкой в невидимую стену и... в отчаянии просыпался. Стало складываться впечатление, что дело не в нём самом, а в чём-то, что мешает ему проникнуть по ту сторону и свидеться со столь нужными сейчас шеважа Гелом и венедда Человратом, чтобы обсудить с ними произошедшее и заручиться поддержкой на будущее. Однако все попытки были тщетными. Навь захлопнулась.

Сегодняшнее появление этого Роя, или как его там, стало для Ахима полной неожиданностью. Поначалу даже приятной. Поскольку теперь он знал наверняка, что этот Человрат действительно существует, и что их встречи у костра были не просто чередой обычных снов. Рой со слов Человрата назвал его тайным именем, и это ещё сильнее заставило Ахима уверовать в важность и жизненность происходящего. Будучи опытным, хотя и состарившимся, воином, он сочетал в себе совершенную приземленность мысли с незнакомым обычному вабону полётом чувства, дававшим ему возможность иногда подниматься над каждодневной суетой и видеть мир таким, каким видели его, быть может, герои сказов, а может, и сами боги, его создавшие. Но при этом тот, что твёрдо стоял на земле, частенько вопрошал того, что парил в небе, уверен ли он в своём полёте, не мерещится ли ему это непередаваемое ощущение понимания связи вещей, причин и последствий, радостей и печалей. Иногда чувство уступало напору мысли, и тогда Ахима охватывали сомнения. А этот долговязый парень пришёл и, сам того не зная, их разом рассеял. Одни рассеял, другие, не менее томительные, зародил...

Если окажется, что Рой прав, и что пришедших войной вовсе не восемьдесят тысяч, а четверо, ну, пусть втрое меньше, тогда, спрашивается, зачем Человрату было его обманывать? Чтобы запугать? Заставить нервничать? Сбить с правильного пути? Если его умысел был именно в этом, тогда, видать, даже хорошо, что Навь больше не пускает в себя. Однако не означает ли это, что и Гел, представившийся у костра предводителем шеважа, действовал не от чистого сердца, а преследовал какие-то собственные планы? В таком случае, подвиг Демве-

ра, который ценой своей репутации и, как оказалось, жизни согласился проложить связующую нить между извечными врагами, был не более чем хорошо продуманной западнёй? Когда это произошло, Ахим готов был выть от боли и ножевых ударов совести, являясь невольным зачинщиком этой роковой неудачи. Правда, тогда ему казалось, что жизнь сыграла с ним злую шутку, и осуществлению далеко идущих планов помешали непредвиденные обстоятельства. Сейчас всё предстало перед ним в совершенно другом свете? В истинном ли?

- Повтори-ка ещё, чего хочет от нас Человрат, - потянул он за рукав Роя Стиволы, который по-прежнему стоял, и вглядывался в то место, где отряд скрылся за крайними избами.

- Что надо перебить наших ибри. А вы, мол, знаете, кого именно и как. Тэвил, хотел бы я сейчас оказаться в замке! Интересно, пропустят их внутрь?

- Тэрл!

- Да, Ахим? – Карлик испытывал к старому знакомому симпатию и охотно отзывался на его просьбы даже тогда, когда ему совершенно этого не хотелось. – Что-то решил?

- Думаю, стоит мне провести наших общих друзей. Ответ может быть там.

Тэрл прекрасно понял, о чём речь, и нахмурился.

- Снова хочешь лезть на рожон? Мало тебе приключений? Ты ведь понятия не имеешь, кого повстречаешь. Тебя могут узнать, и тогда уж мы больше не свидимся.

- Ну, если меня схватят, я стану соседом Ракли по клетки, - усмехнулся Ахим.

- Поверь мне, ненадолго.

- Идти надо. – Ахим понизил голос. – Тут я тебе погоды не сделаю, а слова этого малого требуют проверки. Не знаю, но чувствую, что это может быть важнее, чем стоять и ждать чего-то.

Теперь Тэрл не только нахмурился, но и насупился.

- Не начинай, старина! Мы тут не просто так стоим. Мы пришли, чтобы поддержать. Но не затем, чтобы лезть в драку первыми. Не наше это дело. Попрут на нас, тогда да, за нами не залежится, а пока у них там смотрины да свиданки, нет, лучше меня на всякие глупости не подбивай.

Ахим между тем снова ухватил Роя Стиволы за рукав и с его помощью поднялся на ноги. Уже не тот он стал, каким был прежде. Старость – не старость, а всё ж усталость от прожитых зим скапливается где-то в ногах. И в голове. Раньше бы давно всё быстро сделал, а теперь нет, сперва подумаешь: а надо ли? И часто услышишь в ответ: а что от этого изменится? Кто-то, вероятно, решит, что это житейская мудрость. Куда там – простая усталость!

- Ты сам-то из сверов будешь? – поинтересовался он у нового знакомого, наблюдавшего за ним с явным недоумением, но без неприязни.

- Да уж доспехи свера мне гораздо сподручнее, чем эти.

- А зачем в эти влез?

- Так ведь надо было кому-то под ихние обозы солому сухую закладывать да маслицем поливать. Вот меня и ещё кое-кого Варран и отрядил. – Вид парень имел теперь отчасти даже виноватый. – В них, кстати, удобно и не очень холодно. Но было бы во что переодеться, я бы зараз...

- Тэрл, можешь подыскать этому богатырю какую-нибудь подходящую одежонку?

- Решил его с собой взять?

- Не твоих же забирать. Если, конечно, ты его за пленника не держишь.

Вместо ответа Тэрл сказал несколько быстрых слов Струну, и тот, смерив Роя Стиволу неприветливым взглядом, куда-то его увёл.

- Будь осторожен, - повернулся Тэрл к Ахиму. – Ты не хуже меня знаешь, что нынче повсюду творится. Прошли те времена, когда вабон мог доверять вабону. Теперь всеми движет корысть да страх. Мельчает народ. Даже у нас в туне, бывает, всякие гадости творятся. Я тебе не говорил, как мы однажды поутру труп одного свера у себя нашли. Он до этого у нас со своими людьми заночевал и неплохо помог с шеважа справиться, когда те насадать стали.

- Про ту историю с дикарями я слышал.

- Ну, так мы потом покрутились, всё взвесили и пришли к выводу, что его свой же и порешил. А сам сбежал. Видать, в замок, доносить. Ведь теперь если кого там притиснули, он, не долго думая, к нам бежит.

- Об этом тебе уж точно не мне нужно рассказывать. И остерегаться я хоть и не люблю по жизни, но она же меня и научила этому искусству. Так что не беспокойся, меня не поймают.

- А сам-то чего сделать надумал?

- Эх, братец, тебе бы того не знать. Лучше Ниеракта побереги. Не для того я его к вам завёз, чтобы он тут голову сложил. Гончар из него дельный. Подсунь ему глины побольше, он тебе столько камней напечёт, что ты ими весь свой тун обложить сможешь. Никакие шеважа не будут страшны.

- Знаешь, как мы теперь говорим? «Целился в шеважа да в виггера попал». Понял шутку?

- Была бы эта шутка, понял бы, - хмыкнул Ахим.

Тэрл рассмеялся.

- А ты, вижу, всё такой же остряк, братец! Послушай, может, тебе в сопровождение кого из моих дать? Нет, я серьезно. Хоть ты дело своё замалчиваешь, думаю, лишние руки не помешают.

- У твоих за руками стоят жёны да дети, так что нет, благодарствую, сирот и без меня, боюсь, хватит вскорости. Мы ж не вперёд попрём, а чуток вбок, дворами да задами. Прорвёмся!

- Ну, ты уже мальчик большой, поступай, как знаешь. – Карлик обнял друга за локти и крепко прижал к себе. – Надеюсь, когда свидимся, ты не будешь короче на голову.

- Это уж как получится.

- Готов ваш провожатый, - отчитался вышедший из-за соседнего шатра Струн. Следом за ним брёл несколько странного вида свер, доспехи на котором словно ужались после плохой стирки. – Ничего больше найти не удалось. Те, что от Лина Трёхпалого остались. Годится?

- Да уж получше, чем было, - не очень уверенно поддержал его Тэрл, а Ахим, похоже, ничего этого даже не заметил и просто сказал:

- Ну, идём, Рой Стивол. Ты хотел оказаться в замке, вот и окажешься. Только на меня потом не слишком пеняй.

Ни с кем больше не прощаясь и почти не обращая внимания друг на друга, они стали пробираться между кострами и греющимися возле них фолдитами в ту сторону, откуда недавно приходили гонцы с «приказом из замка» жечь факелы и пугать их количеством неприятеля. Фолдиты тогда только посмеялись над гонцами и предложили холодного крока. Гонцы, кажется, до сих пор околачивались где-то поблизости.

- У тебя два меча, - заметил Ахим, когда они затерялись между избами и были вынуждены на пару уминать нападавший за день снег. – Зачем?

- Могу одним поделиться. Вы с вашим топориком много не навоюете.

- Это как сказать. Сила и надобность оружия от руки зависит.

- Так Варран говорил! - изумился Рой Стивол.

- А ты думаешь, кто ему это впервые сказал?

- Вы его знали?!

- Немногим лучше тебя, но пару зарубок, думаю, я на нём оставил. Он погиб?

- Сам я не видел... Меня оглоушили раньше, чем я успел к нему пробиться. Но среди живых я его потом не застал. Кого не убили, на верёвках вздёрунули. Эти ибри им потом кровь пускали. Как молодых бычков перед праздником. Будто в жертву приносили.

- В жертву... - пробормотал Ахим.

- Сперва догола раздевали, потом подвешивали и шеи резали. Или кололи. Даже женщин наших. – Парня всего трясло, когда он говорил об этом. – Мы во что бы то ни стало должны им отомстить.

- Считаю, что я уже этим занимаюсь...

- А почему вы спросили, не бывший ли я свер?

- Вот ты о чём... Потому что мало у кого из настоящих сверов есть, кому их потом оплакивать. У тебя кто есть?

- Семья, в смысле? Нет.

- Ну, вот видишь. Значит, ты уже раза в два будешь меньше за себя бояться и глупостей делать. Глупости нам сегодня ни к чему. Их и без нас тут – что снега!

- Вы уже знаете, кого мы убьём?

- Убьём? С чего ты взял?

- Тогда зачем же мы туда идём, - опешил Рой Стивол.

Старик одновременно и нравился своим спокойствием, и раздражал непредсказуемостью слов и действий. Рою Стиволу никогда не нравились собеседники, которые смотрят не в глаза, а в лучшем случае сквозь тебя, будто видят что-то, чего тебе никогда не постичь. Зла он явно не желал, был знаком с Варраном, однако ни по его выправке, ни по разговору не было заметно, чтобы он сам когда-то примерял тяжёлые сверовские доспехи. А таких людей всегда было легко отличить. Без доспехов они до старости ходили летящей походкой, плечи держали прямо развёрнутыми и нагибались всегда с неохотой. Этот же был во всём нетороплив, обстоятелен и не столько шёл, сколько крался по сугробам, взглядами и жестами призывая спутника следовать своему примеру. Словно они были не у себя дома, а пересекали территорию, занятую бдительным врагом.

- Вон на той избе засели арбалетчики. Пригнись!

- Зачем? Они же свои! – искренне возмущался Рой Стивол, ничего не замечая.

- Это ты так думаешь. А они могут решить наоборот. Пригнись, говорю!

Приходилось слушаться, скрываться за сугробом и ждать, когда старик даст добро идти дальше.

Правда, таким образом они добрались почти до самого замка без лишних приключений. Когда их окликнули со Стреляных Стен, Ахим крикнул в ответ, что они – гонцы от фолдитов, и их пустили без лишних расспросов. Рою Стиволу пришлось при этом идти чуть ли не на полусогнутых, чтобы не слишком выделяться ростом да ещё в доспехах определённо с чужого плеча. Вероятно, на Стенах при этом решили, что бедным фолдитам приходится рядиться во всё, что можно найти в их скудном хозяйстве. Отчасти так оно и было.

Внутренний Вайла'тун, лежавший за Стенами, сейчас больше походил на растревоженный улей. При этом, как ни странно, кроме бросающихся в глаза отрядов виггеров на площадях да облюбовавших крыши многих изб лучников, ничто не говорило о начале войны. Повсюду сновали возбужденные торговцы, торопясь распродать свои лежалые товары на радость давно не навещавших рыночную площадь бедняков. Матери скликали разбаловавшихся детей, страдая их за неповиновение совсем не страшными домашними наказаниями. Девуш-

ки без видимой нужды перебегали через переулки, подставляясь взорам не спешивших расходиться по домам мужчин. Возбуждение было всеобщим, оно чувствовалось повсюду и во всём, однако Рой Стивол пораился, как мало в нём ощущалось страха или даже озабоченности. Когда совсем недавно, ещё сегодня, хотя как будто давным-давно, они, живые и ни о чём не подозревавшие, шли в обратном направлении исполнять свой долг под стеной снега, ему казалось, что Вайла'тун вымер и превратился в слух. Теперь всё было по-другому, и виной тому, подумал он, стал опередивший их отряд переговорщиков. Про цену, которую они все уже заплатили, похоже, никто сейчас не думал, не хотел думать.

Картина несколько изменилась, когда они с Ахимом, в конце концов, подошли к воротам замка. Здесь царили сумятица, страх и отчаяние. Набившиеся за ворота люди, беженцы с подвергнувшихся утреннему нападению окраин, сидящие прямо в снегу, на своём скарбе, потерявшие в спешном бегстве домочадцев и понятия не имеющие, когда, а главное – куда они смогут вернуться, если даже замок исхитрится поладить с воинственными чужаками и сойдется на перемирие, выглядели совершенно неприкаянными, голодными и брошенными. Всё внимание было по-прежнему сосредоточено на раненых, которых местные лекари и помогавшие им добровольцы пытались вырвать из объятий Квалу прямо тут, у редких костров и в немногих шатрах. В холодном закатном воздухе стоял неумолчный гул тревожных голосов, витали запахи наскоро приготовленной еды, кровавых повязок и украдких испражнений, стояло марево от тысяч бездумно сжигаемых факелов, а над всем этим равнодушно вздымалась громада недостижимого Меген'тора.

Ворота были одни, и их никто сегодня не охранял.

Идя по заполненному людскими толпами ристалищу, Ахим и Рой Стивол невольно высматривали знакомые лица, избегая при этом встречных взглядов.

- Кто вам отдавал приказ уничтожить обозы? – спросил Ахим таким тоном, будто они только что прервали долгий разговор на эту тему.

- Не знаю. Я его получил от моего брегона, Маквана. А что?

- Ну, в моё время было принято отчитываться об успехе или провале. Может, и тебе перед кем-нибудь отчитаться?

- Об успехе или провале? – прищурился недобрым глазом Рой Стивол.

- Вероятно, об успехе. - Ахим сделал паузу. – Ценой провала.

- Перебьются! Те, кому знать полагается, сейчас, небось, уже с переговорщиками обнимаются да целуются. Которые пришли только потому, что потеряли обозы, как я понимаю.

- Вот видишь. Ты же наверняка шёл из их лагеря с мыслью рассказать всем о вашем подвиге.

- Да, - согласился Рой Стивол, вспоминая. – Без этого никак. Никто не должен погибать зазря. Я хотел рассказать... Буллон! – окликнул он богатырского вида свера, жующего у костра только что снятую с вертела кроличью ляжку. – Я думал, тебя тот копейщик догнал! Жив, значит!

- Жив, - согласился Буллон, протягивая приятелю сальную пятерню и провожая взглядом прошедшего дальше Ахима. – А это с тобой кто?

- Кто? А, не знаю, какой-то беженец с вопросами пристал. – Рой Стивол подсел к костру, кивнув остальным виггерам, тоже увлечённым трапезой. – Какие новости?

- А ты не знаешь? Где ж ты был? Я тут теперь, считай, за главного. Все мой приказ выполняют. Видишь, сколько факелов понажгли? А ведь это я, дурак, распорядился. Теперь меня мои только «факельщиком» и зовут. Постой, ты что, из доспехов успел вырасти? Ну, братец, ты даёшь!

- Долгая история.

- А где твои? – Буллон откусил от кролика и осёкся. – Погоди-ка... ведь вы... ведь вас отправили туда... на такое дело... обозы – это ведь вы их подожгли? Тэвил! Почему ты молчишь? Почему один? Неужто...

- Вот именно. Похоже, я только и спасся. Да и то лишь потому, что на мне были ихние латы... для маскировки.

- Тэвил! Тэвил! – Буллон смотрел на собеседника во все глаза. – На вот, выпей пока кроку. – Он протянул свою кружку, доверху наполненную горячим напитком. – За наших!

- Пожалуй, не время ещё...

- О чём ты говоришь? Самое время! Ты этих видал? Ну, что к нам только что пожаловали.

- Переговорщиков?

- А хоть бы и так. Называй, как хочешь. Хвост-то, пади, поприжали! И всё благодаря вам! Вам! Эй! – Он не слишком уверенно поднялся на ноги и повысил голос. – Слушай меня! Слушайте все! Наши братья погибли, но исполнили свой долг! Исполнили блестяще! Один из них сейчас тут, с нами! Посмотрите на его руки! Ими он сжигал их воюющие обозы! На них наша победа! На них наша слава!

Ну, началось, подумал Ахим, оглядываясь на торжествующие возгласы, становившиеся всё громче. Ликование пьяных сверов никогда ещё не приводило ни к чему хорошему. Бедный парень! Он хотел достойных поминок для своих павших товарищей – он их получит. Лишь бы за оружие не схватились. С них станется. Зато теперь понятно, почему про фолдитов никто не думает. Мёрзнуть им не перемёрзнуть! Никому мы тут не нужны. Если воинство в таком разброде, то что говорить об их воеводах? Ясно, что без твёрдой руки они тут совсем одурели и пустили на самотёк то, что запускать никак нельзя. Вайла'тун ещё стоит, но это не благодаря, а вопреки. Просто не перевелись пока

те, кто и без надсмотрщика сверху умеет принимать единственно правильные решения. Но сколько у нас есть ещё времени, чтобы спасти гнилую избу новыми подпорками? Похоже, пора всё к Тэвилу ломать и строить заново! Только вот кто будет ломать, если все по печкам собственным расселись да за избу эту руками и ногами держатся?

Он подошёл к следующим воротам, за которыми уже простого люда не было, а сами ворота были закрыты мощной решёткой. На стук топором по железу сверху раздался недовольный окрик:

- По башке себе постучи, умник! Не видишь, что хода нет? Кто такой?

- Посыльный. От фолдитов.

- Чего надо?

- Доложиться.

- Доложись.

- Открывай давай!

- Не велено.

- Не велено? А нечисть всякую разноцветную пропускать велено?

На воротах ответили молчанием. Ахим упорно ждал. Наконец по каменным ступеням послышались шаги, и появилось двое виггеров в меховых плащах поверх блестящих, почти не поцарапанных доспехов. Один был вообще ещё безбородым и держался опасливо.

- К кому идёшь? – осведомился старший.

- К тому, кто принимает решения. Или у вас такие перевелись? Ну, кроме тебя, разумеется.

- Тиван сейчас занят.

- Так, значит, Тиван? – Ахим подумал о том, что ему последнее время доводилось слышать об изменениях в замке раньше. – А Гийс что ж?

- Разжаловали.

- Вот оно как...

- Совсем совести нет, - допустил отсебятину страж. – Ну, подумаешь, пленников прикончил! Я бы сам их...

- Именно. Как и они нас, - подхватил Ахим, помахивая возле ноги топориком. – Там вот свер от Варрана вернулся, что обозы жёг, рассказывает, что все полегли, а кого поймали, убили люто. Слышь, пропусти, братец. Сам бы сюда к вам отродясь не пришёл, да только послание у меня. Хошь к Тивану, хошь к Гийсу.

- Ну, - подобрел страж, - ладно. Подтяни-ка решёточку, - бросил он через плечо напарнику, который охотно побежал по ступеням обратно.

Вскоре решётка медленно поползла вверх. Ахим нагнулся и проскользнул в образовавшуюся щель.

- Харэ! Благодарствую, мужики. Надеюсь, на обратном пути выпустите. Я тут мигом управлюсь.

- Там вон Норлан стоит, - крикнул ему вслед сторож. – У следующих ворот. Он Тивана сын. Поговори с ним.

Ахим, не оглядываясь, поднял вверх большой палец в знак признательности за совет.

Отсюда начиналась самая сложная часть его замысла. Тем более что он до сих пор не был уверен в его правильности и последовательности своих дальнейших действий. В замок он не заходил последние зим десять, не меньше, а то и поболее. Внешне здесь, само собой, ничего не изменилось, но и обстановка и обитатели были теперь совсем другие, нежели он помнил, так что чувствовал он себя, мягко говоря, неуютно. При этом он понимал, что события последнего времени и в особенности сегодняшнего дня собрали под одной крышей людей крайне примечательных и важных во всех отношениях, причём с обоих берегов реки под названием Жизнь. Человрат был прав в одном: он, Ахим, как никто другой сможет увидеть разницу. Останется только принять правильное решение. Эх, Человрат, Человрат! Что ты там замыслил? Если бы не твои светлые волосы и открытое лицо, не за что бы ни пришёл сюда искать правду. Вот только искать или восстанавливать?..

- Ты – Норлан?

- Кто хочет знать? – повернулся к нему довольно приятной наружности юноша, худощавое лицо которого, пристально смотревшее из-под стального шлема в форме перевернутой луковицы и с фигурной прорезью для лица, напоминавшей человеческое сердце, украшали тонкие усы, переходившие в остренькую бородку. Распахнутая меховая накидка обнажала длинную кольчужную рубаху, поверх которой был надет хорошо сшитый полотняный камзол, перехваченный на узкой талии поясом из металлических бляшек. На правой стороне широкой груди четко вырисовывалась ярко-желтая нашивка в виде перевернутого лепестка.

Моё имя вряд ли тебе что скажет, сынок, подумал Ахим, однако обстоятельства заставили его вежливо представиться.

- У меня донесение из нашего стана... из стана фолдитов, - добавил он, изображая должное волнение и рядясь под простачка. – Мне нужно к самому главному.

- Насколько я знаю, у нас уже были гонцы от вас, - без особого интереса ответил Норлан. – Что нового ты можешь рассказать?

- Много чего, - неопределенно начал Ахим, соображая, что напрасно затеял эту игру. Туповатые воины, а тем более фолдиты, какими их видели в остальном Вайла'туне, наверняка набили этому юноше оскомину. Правильнее было бы его чем-нибудь удивить или заинтересовать. – Мы с утра ждём дальнейший указаний, но никто почему-то не принимает никаких решений. По домам что ли расходиться?

- Это как вам совесть позволяет, - пожал плечами Норлан, делая знак поджидавшим его приятелям, что сейчас, мол, вернётся. – Боюсь,

покамест никто ничего другого вам не скажет. К нам только что прибыли их послы. Придётся подождать ещё. – Заметив кислую мину на лице собеседника, он продолжал: – Тэвил, мы вам страшно признательны за то, что пришли на помощь, а не стали отсиживаться, когда тут такое затеялось, но я, правда, не знаю ни того, что будет дальше, ни того, кто это знает. Ты понял меня, вита Ахим?

Он уже собирался раскланяться.

– Ты хороший человек, – заговорил Ахим, вглядываясь в теряющие чёткость черты юноши. – Ты хочешь того, что можешь, а можешь – что хочешь. В тебе говорят твои предки, которые стали эделями по чести – редкое ныне качество. Но в жизни твоей был, пожалуй, один случай, о котором ты хотел бы забыть, потому что он донимает твою совесть. Поступок, который ты хотел бы не совершить. Его последствия угнетают тебя до сих пор.

– Что ты мелешь... – неуверенно возразил Норлан, хотя было видно, что сказанное задело его за живое.

– Этот поступок тебе прощён. Тот человек, о котором ты сейчас подумал, благополучно спасся и сейчас находится гораздо ближе, чем ты можешь предположить. И он не выдаст тебя. Если же вам суждено встретиться, он не станет тебе мстить. Он выше этого. Тем более что я даю тебе возможность загладить свою вину.

– Откуда ты...

– Мне бы не хотелось отнимать у тебя много времени. Ты и сам понимаешь, что я не заявился бы, если бы мне просто понадобилось с кем-нибудь поговорить. Вайла'тун в большой опасности, а теперь, когда сюда прибыли их послы, в ещё большей. Если не желаешь подвести отца, проводи меня к нему. Даже если он сейчас занят. Думаю, мы найдём с ним общий язык. И гораздо проще, чем с теми, кого ты так ласково называешь «снежниками».

Сказать, что Норлан опешил, значит не сказать ничего.

– Вы знаете Фокдана?! Где вы видели его?

– Если того человека звали Фокданом, тебе виднее, – грустно улыбнулся Ахим. – Я с ним не знаком. Но ты в жизни пока ещё допустил слишком мало ошибок, чтобы я проглядел такую важную. Ну что, теперь ты больше доверяешь мне?

– Снежники... вы не могли знать...

– Но ты ведь знаешь. Теперь и я тоже. А вот то, что знаю я, полезно узнать твоему отцу и всем тем, кто ещё не потерял рассудка и совести. Отведи меня к нему, сынок.

Норлан кивнул и бросил взгляд на позабывших про него приятелей, продолжавших разговаривать, должно быть, о чём-то забавном. Косясь на Ахима и всем видом приглашая следовать за собой, он торопливо направился к приоткрытым воротам.

Вместе они беспрепятственно миновали все сторожевые посты, которых теперь было значительно больше, чем за десять зим до того,

выбрались на площадку перед башней, где несколько виггеров широкими лопатами усердно расчищали остатки снега, и невольно остановились перед живописным строением. Дюжина великолепных откормленных лошадей дожидалась своих хозяев, коротая время за поглощением вкусного сена из яслей. Причём делали они это так, будто всегда тут стояли, и совершенно не замечали любопытных посторонних, к числу которых относилась замковая прислуга, вышедшая специально поглазеть на четвероногих гостей. А поглазеть было на что.

Все лошади оставались под сёдлами, красноречиво демонстрируя желание их хозяев быть в своих переговорах краткими. Сами сёдла отличались великолепной работой кожевников и кузнецов, имели на удивление высокие спинки, вероятно, весьма удобные и не слишком стеснявшие движения при скачке и в бою, а впереди образовывали широкие и, похоже, гибкие щитки. Не будучи большим знатоком мергов, Ахим, тем не менее, мог по достоинству оценить эту хитрую придумку, поскольку по опыту знал, насколько уязвимым зачастую оказывается в этом месте сидящий враслопырку всадник, особенно если меткий лучник подберется к нему сбоку.

Сбруи как таковой видно не было, потому что вся она скрывалась под искусно выгнутыми доспехами. Даже уздечки не болтались, переброшенные через гривы, а аккуратно висели, подцепленные за сёдла и уходящие в специальные отверстия на шейных латах. Издалека было непонятно, имеют ли эти латы железную основу или сшиты из плотной кожи. Вероятно, в их создании применялись разные материалы, потому что, например, головы лошадей венчали подобия шлемов, отливавшие холодной сталью, а все четыре ноги прикрывали с боков явно кожаные напуски свободного покроя.

Отличительной особенностью каждой лошади были уже привычные глазу разноцветные ленты, вплетённые прямо в длинные гривы и развевавшиеся на ветру ненужной, но странно привлекательной бахромой. Здесь сочетались самые разные цвета, среди которых, как ни странно, преобладали жёлтый и мышиный. Задрав голову, Ахим не увидел на вершине Меген'тора привычный серо-золотой флаг рода Ракли. Если бы он был там как раньше, совпадение выглядело бы вопиющим.

В гриву одной из лошадей были вплетены скучно одноцветные тёмно-малиновые ленты и две ещё более гнетущие – чёрные. Ахиму подумалось, что такой должна быть расцветка у человека, возглавляющего этих по-своему отважных посланцев.

Для собравшихся во дворе появление Норлана и Ахима осталось почти незамеченным. Лишь несколько девиц помоложе оглянулись на юного провожатого, однако им скоро стало очевидным, что тот отнюдь не расположен проявлять присущую ему приветливость, чему виной спешащий за ним хмурого вида старик. Девы гордо отвернулись, успев при этом выразительно переглянуться, и продолжили любова-

ние необычным цветастым зрелищем. Примечательно, что лошади были легкомысленно оставлены одни, на усмотрение двух здешних конюхов, получивших строгое распоряжение от самого Тивана не спускать с них глаз.

Поднимаясь за Норланом по истёртым каменным ступеням башни, Ахим продолжал напряжённо думать. Может ли оказаться, что Человрат сам пожаловал в замок? Парень, кажется, говорил, будто в лагере тот был одет во всё жёлтое. Если расцветки лошадиных покровов совпадают у них с цветами хозяев, то чисто жёлтых в числе двенадцати он не заметил. Кем точно Человрат является во вражеском стане, он понятия не имел. Весьма может быть, что он там не главнее Ахима здесь. Если бы увидеть его среди прибывших, вероятно, было бы легче определиться с дальнейшими действиями. Или нет. Он уже не так уверен в Человрате, как после тех снов. Если это игра, и провал Демвера, повлекший за собой всё остальное, что случилось, был запланирован, лучше Человрату на глаза Ахиму не попадаться. Только как в этом убедиться?

- Стена, - сказал он вслух.
- Что? – оглянулся Норлан.
- Мне нужно выйти на стену. Где тут выход?
- Мы почти пришли. Ещё два пролёта. Вам плохо?
- Сейчас вряд ли кому-нибудь хорошо.
- Это да... Пока вы там побудете, я попробую найти отца.
- Делай, как знаешь.

С лестницы на каждом этаже вглубь Меген'тора открывались обитые железом двери, за которыми тревожно сновали некогда немногочисленные, а теперь изрядно потеснившиеся обитатели. Некоторые лица казались знакомыми. В какой-то момент Ахиму почудилось, что за спинами стоявших на страже виггеров по коридору прошла нескладная фигура Кадмона, сына его бывшего хозяина.

- А что, и Томлин сейчас здесь? – поинтересовался он, когда они добрались до выхода на замковую стену.

- Уже нет, - со странным выражением сказал Норлан. Было видно, что ему совершенно не хочется говорить на эту тему, и отвечает он лишь потому, что от Ахима, похоже, и так ничего не утаить.

- В каком смысле?
- Насколько я слышал, его сегодня убили.
- Убили?! – не сдержал удивления Ахим, рискуя опуститься в глазах собеседника до уровня простого смертного. – Он что, не успел перебраться в замок?

- Напротив. Успел. Он тут уже некоторое время живет... жил с женой и сыном. Произошёл несчастный случай, как я знаю. Его по ошибке убил один из сегодняшних пленников.

- По ошибке? Не думаю, что пленники убивают по ошибке.

Ахим опёрся рукой о холодную стену. Расклад сил неудержимо менялся прямо у него под носом. Планировать что-либо, похоже, вообще не имело смысла. Где она, прежняя размеренная жизнь, которую они все вели ещё прошлой зимой, считая самым большим бедствием редкую неудачную вылазку в Пограничье или пожар где-нибудь у соседей? Тогда это представлялось катастрофой, а сейчас виделось мелкой неприятностью. Интересно, не покажется ли им когда-нибудь и сегодняшний день лёгким недоразумением?..

- Если Томлин погиб, а Гийса, как я слышал, разжаловали, кто же теперь у вас тут за главного? Твой отец?

- Мой отец отвечает теперь за всех виггеров.

- Погоди-ка, Гийса ведь, кажись, разжаловали за убийство пленников. Получается, за то, что он защищал Томлина?

Норлан огляделся по сторонам, надеясь, что кто-нибудь придёт ему на выручку и окликнет по некоему важному делу, чтобы можно было покинуть этого неудобного старика.

- Меня там не было, но я так понял, что Гийс поплатился как раз за то, что из-за его стычки с пленниками Томлин и погиб.

- Вот оно как! Неожиданный поворот. И если твой отец управляет виггерами, то кто управляет замком? Не сын же Томлина, надеюсь?

- Доподлинно мне это неизвестно, - признался Норлан, чувствуя, что вопросы ведут к какому-то выводу, остающемуся пока невнятным. – Я слышал, что Кадмона после свадьбы хотели посадить на бывший трон Ракли.

- О, это было бы забавно!

- А теперь я уже не знаю...

- Тогда кто ж назначил твоего отца?

- Как я понял, Скелли.

Ну, теперь всё постепенно становилось на свои места. Главный писарь замка даже в такой непростой ситуации не выпустил из рук бразды правления. Оно и не мудрено, ведь раньше он раздавал титулы, а теперь воздаётся ему, воздаётся сторицей, и титулы возвращаются обратно в виде покорных исполнителей его не лишённых тайного умысла указаний. Паук начинает дёргать за паутину, которую усердно и неторопливо сплетал вот уже сколько зим. Понятно, понятно...

- Выходит, сейчас они все сидят где-нибудь в тронной зале и ведут переговоры? – предположил он. – Стало быть, к отцу твоему просто так не прорваться.

Вероятно, до сих пор Норлан предполагал, что каким-то образом доставит старика прямо туда, потому что теперь он выглядел озадаченным.

- Я думаю, мы можем подождать...

- Придётся, сынок. Пойдём-ка воздухом подышим. И оглядимся заодно. Давненько я тут не бывал, - закончил Ахим, выходя на стену и даваясь под встречным порывом ледяного ветра. – Ух как дует у вас!

Ещё по пути сюда он сообразил, что слова Человрата можно подтвердить или опровергнуть довольно простым способом. Смеркалось, но снега больше не было, и весь Вайла'тун лежал сейчас как на ладони.

- Как думаешь, сколько их там? - Ахим кивнул в сторону вражеского стана, которому мешали погрузиться во тьму оранжевые светлячки костров. – Грубо.

- Много.

- Нет, не так грубо. Тысяч сколько наберётся?

- Тэвил их знает!

- А ты прикинь. Никогда отсюда на ристалище не смотрел что ли?

- Смотрел.

- Сколько там обычно за раз может набраться сотен?

- Ну, бывало, что и пяток.

- Вот видишь! Есть, от чего отталкиваться. Сколько таких «пятков» могло бы вокруг тех костров поместиться?

Норлан задумался, прикидывая.

- Нет, не скажу. Много..

- Десять?

- Больше!

- Намного больше?

Норлан снова стал что-то подсчитывать в уме, вглядываясь с чёрную массу на сером снегу.

- Десяток, пожалуй, четверть, а то и меньше займёт, - сказал он наконец.

Этот вывод совпадал с мысленными заключениями Ахима, которому было чуть проще, поскольку в его время на ристалище внизу собиралось порой до полутьмы народу. Шеважа тогда нагнали почище нынешних, а заставы в Пограничье только возводились, так что многие новобранцы коротали время здесь, учась владеть мечом и луком.

- Если десяток занял бы четверть, то получилось бы сколько всего?

- Я не слишком силён в этих умствованиях.

- Напрасно. Десяток из пяти сотен даёт нам пять тысяч.

- Похоже на то.

- Если четверть, это пять тысяч, значит, целое – это четыре раза по пять тысяч, верно? Итого получаем двадцать. Двадцать тысяч. Мне, правда, тоже кажется, что четверти будет многовато. Пять раз взять по пять получится двадцать пять. Молодец, Рой Стивол!

- Кто?

- Да свер один. Тоже на глазок, а правильно, похоже, прикинул. Никак не восемьдесят.

Норлан так, разумеется, и не понял, почему старик от этого собственного заключения сделался каким-то задумчивым и рассеянным.

На мгновение тот словно позабыл, куда и зачем пришёл. Однако сразу очнулся, стоило Норлану напомнить о себе:

- Может, вы тут побудете, а я пока схожу, узнаю, как там отец, когда освободится?

Ахим в задумчивости поднял глаза на башню, на зубчатый её край, над которым раньше развивался флаг рода Ракли, а теперь вяло тянулся в мрачную бездонность неба всеми позабытый столб сигнального дыма, то и дело сдуваемый порывами ветра. Ахиму померещилось, будто в одном из редких окошек на каменной стене он видит толстую морду носатой жены Томлина с вытаращенным по-совиному глазами, устремленными на него с ужасом и ненавистью.

- Вряд ли твой отец освободится скоро, сынок. Мы тут можем стоять хоть до утра. Кстати, почему на стенах так мало людей?

- Мало? – Норлан бросил взгляд на кучки переговаривающихся справа и слева стражников, замерзших и как всегда чем-то недовольных. – Вон их столько.

- Утром было гораздо больше.

- Так то утром. Теперь, вроде, поутихло. Я слышал, народ даже внизу по домам начал расходиться. Пока переговоры ни закончатся, ничего не случится.

- Очень надеюсь, не все рассуждают так же наивно, как ты. Эти люди пришли сюда не затем, чтобы на следующий же день уйти. Пока мы стоим, они там решают, на каких условиях смогут задержаться. А может быть, и остаться навсегда. Другое их не интересует. Уж ты мне поверь.

Ахим так и не понял, что ответил ему на это Норлан и ответил ли вообще, потому что левое плечо его обожгла резкая боль, сопровождавшаяся толчком, от которого он чуть не потерял равновесие. В него никогда ещё не попадали из арбалета, однако он именно так себе это и представлял, когда метким выстрелом настигал противника и следил, как тот удивлённо и беспомощно падает. Краем глаза он заметил торчащую из шубы стрелу. Вот-вот должна была последовать вторая. Уж чему-чему, а быстро перезаряжать арбалет и стрелять без осечек в замке учили хорошо.

Вторая стрела просвистела над самым ухом Норлана и беззубо ударилась в стену напротив. Ахим в последний момент каким-то чудом успел не то увернуться, не то удачно оступить.

- Пригнись!

Норлану почему-то показалось, что стреляют именно в него, а Ахим стал случайной жертвой. Совесть, совесть, вот что происходит, когда она недостаточно чиста!

Он ухватил Ахима за рукав, вероятно, больной руки, потому что старик при этом издал рык боли, и потянул за собой к башне, чтобы сократить угол поражения. Третья стрела высекла искры у них под но-

гами, хотя Норлан не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел, как искрит обледеневший камень.

- Это вы Фокдана с собой привели? – жарко зашептал он, когда они, прижавшись к стене башни, ждали появления врага из-за дверного проёма. Здесь выстрелить в них сверху уже никто не мог.

- Какого Фокдана! Ты о чём? – Ахим морщился, дёргая здоровой рукой за короткое древко стрелы. – Это Йедда меня узнала и наслала своих людей.

- Тэвил! Какая Йедда?

- Томлинова жена, мать Кадмона. Я когда-то имел дурость служить у них. Она меня узнала. Погоди-ка!

Стрела в плече ходила слишком свободно. Ахим быстро понял, что она только распоролла кожу и мясо, но не задела мышц, а застряла непосредственно в шубе. Тогда он изловчился и, ухватившись за торчащее наружу остриё, вынул её с другого конца раны.

- С этим, кажется, порядок... Есть другой вход в башню?

- Есть, но он обычно закрыт. Так это не Фокдан?

- Неужто он так тебя напугал, сынок? – не сдержался Ахим и пожалел о сказанном.

Обида вперемешку с пережитым страхом придала Норлану решимости, и эта решимость в свою очередь оказалась направленной на единственного свидетеля его бывшего позора. Юноша что было сил ударил старика ребром ладони по раненому плечу, а кулаком залепил в скулу. Правда, на нём были мягкие рукавицы, так что второй удар получился не таким жёстким, как хотелось. Ахим стукнулся головой о стену и как будто затих, но когда Норлан попытался для верности долбануть его кулаком ещё раз и размахнулся, откуда-то снизу вылетела обутая в тяжелый походный сапог нога, угодив юноше пыром в открытый пах. С немым охом согнувшись пополам, Норлан, рухнул на освободившееся место возле стены, а Ахим тем временем вскочил на ноги и, не долго думая, метнул свой топорик в сбежавшихся на шум драки стражников. Вероятно, метнул метко, потому что кто-то издал крик боли, а остальные замешкались от неожиданности, что бывает всегда даже с подготовленными людьми, если оказать им должное сопротивление, когда они меньше всего к тому готовы, полагаясь на свои преимущества в вооружении и численности.

Нагнув голову, Ахим тараном ринулся обратно в башню. Как он и предполагал, проход ему преградило чьё-то массивное тело. Началась охота, мелькнула в мозгу азартная мысль, и в следующее мгновение он снёс неустойчивую преграду здоровым плечом.

Живой снаряд устремился дальше, вниз по лестнице, а Гаррон остался сидеть на каменной ступени, отчаянно хватая ртом недоступный пока воздух.

- Куда он тебя? – слетел откуда-то сверху Дэки с арбалетом наперевес. – Ушёл?

Гаррон кивнул и попытался подняться. Надо же было так опростоволоситься и именно сегодня не надеть нагрудник! Да, они собирались в страшной спешке, да, Рэй жутко всех торопил, но если бы он послушался Дэки, который говорил, что наручников и наножинок мало, сейчас кое-кто лежал бы тут с разбитым лбом, а не удирал с проворностью зайца.

- Догоняй его!..

Дэки бросил незадачливому приятелю арбалет и припустил вниз, пытаясь по возможности перепрыгивать через одну-две ступеньки.

Может, не стоило арбалет оставлять, сразу же подумал он, однако сообразил, что нет, всё правильно: раз уж он не сумел поразить цель с первого выстрела, когда ему никто не мешал, выпустить стрелу на бегу так, чтобы попасть и при этом не задеть никого постороннего, у него вряд ли получится.

Дэки выскочил во двор, который к тому моменту успел понемногу опустеть, и сразу устремился к воротам. Беглец не мог их миновать, если хотел спастись.

- Кто-нибудь сейчас выбегал? – набросился он на охрану.

- Насквозь что ли? – прозвучал насмешливый ответ.

Ворота и в самом деле были закрыты. Значит, беглец не так глуп. Или не так проворен. Отсиживается где-нибудь во дворе, благо темень и факелы, отбрасывающие густые тени, прекрасно способствуют игре в прятки. Где же он?

Велев озадаченной охране никого не выпускать, Дэки решительно отправился шарить по укромным углам, коих поблизости было не так уж много.

Он обыскал всё. Заглянул всюду, где мог притаиться человек, обладающий ростом и весом, не бесплотный призрак. Беглеца нигде не было. Не под землю же он провалился!

Лошади на привязи наблюдали за ним с интересом. Конюхи внятного ответа дать не смогли. Сказали, что ничего не слышали. При чём тут «слышали»? Ну да, и ничего не видели. Ослы! Дэки всегда считал, что виггером может стать только человек недалёкий. Не лучшее время и место убеждаться в своей правоте...

Он в который раз оглянулся на Меген'тор. Вход в башню отстоял от земли примерно на высоту человеческого роста. К нему вела пристроенная деревянная лестница с небольшой платформой. В случае необходимости лестницу можно было быстро разобрать или поджечь, чтобы усложнить неприятелю проникновение внутрь. Дэки представил себя выбегающим из башни и впопыхах бросающимся к воротам. Лучшее место, чтобы спрятаться в подобном случае, – под лестницей. Но он там уже смотрел. Значит...

Дэки взбежал по ступеням обратно и осторожно приблизился к дверному проёму за полуприкрытой дверью. Из оружия у него при себе был короткий меч, которым он за время обучения у Ротрама наво-

стрился владеть довольно сносно. Держа его теперь у правого бедра и выставив перед собой на всякий случай левую руку, Дэки прислушался и резко шагнул за темный порог.

Его встретил короткий удар в лицо, сопровождавшийся рывком за руку и резкой болью, от которой он со звоном выронил меч.

Беглец простейшим образом обманул его: спрятался за лестницей, а когда он пробежал мимо и говорил с охраной у ворот, забрался обратно и всё это время поджидал внутри башни. Неужели он меня сейчас вот так глупо убьёт? Тэвил...

Противник как будто чувствовал, что физическая сила на стороне Дэки, и действовал быстро, не ввязываясь в борьбу.

Ещё несколько ударов, пришедшихся в надетые с утра доспехи и потому не причинившие большого урона, наконец, последний, расчётливый, точно в незащищенный пах, и Дэки крючится на полу, стараясь неразгибающейся рукой дотянуться до меча. Он видит, как меч подбирает тот, другой, чувствует на шее холодную остроту лезвия и слышит над собой вкрадчивый голос, спрашивающий:

- Кто тебя послал, сынок?

Если убьёт, то не сразу. Тогда можно попробовать...

Дэки извернулся под навалившимся на него не очень тяжелым весом и, не глядя, ударил локтем назад и вверх, туда, где должна была находиться голова говорившего. Локоть никакой преграды не встретил, зато это необдуманное действие обернулось болезненным тычком под мышку и предупреждением:

- Не рыпайся!

- Что тебе надо?..

- Я уже задал вопрос. Кто тебя послал?

- Рэй.

- Кто такой этот Рэй?

- Мой учитель.

- Зачем?

- Не знаю. Сказал, тебя нужно убить.

- Так просто? А если бы он велел тебе спрыгнуть с Меген'тора – спрыгнул бы тоже?

Дэки промолчал.

- Это его я завалил на лестнице?

- Нет, это Гаррон.

- Твой приятель? Почему он не спускается?

- Не знаю.

- Может быть, ты знаешь, почему я не убиваю тебя?

- Нет...

- Потому что я не слушаюсь тех приказов, которых не понимаю. Уверен, что и твой Гаррон сейчас мается где-нибудь там, наверху, осознав, что опростоволосился не тогда, когда дал мне уйти, а когда попытался остановить. Как тебя зовут?

- Дэки.

- Простоватое имя для обитателя замка. Ты явно не отсюда.

Вес противника не стал тяжелее, а кончик его собственного меча колол шею не глубже прежнего, однако желание сопротивляться незаметно прошло.

- Да, нас сюда послали.

- Кто послал? Рэй?

- Нет, он нас привёл. Послал нас Ротрам.

- Что? Не понял... - Голос замешкался, подбирая подходящее слово. – Ты знаком с Ротрамом? С тем, что торгует оружием?

- Да. Мы бойцы из его виггер'гарда.

- Что ещё за «обитель воинов»?

- Мы там готовились к боям за «кровь героев»...

- Тэвил... - Голос замолчал. Когда снова ожил, Дэки с изумлением уловил в нём неподходящую весёлость: - Эдак и я бы, похоже, мог там что-нибудь ценное выиграть. Не доучился ты, сынок.

- Что тебе надо?

- Чтобы ты меня не выслеживал и мне не мешал. А лучше бы помог, тем более раз тут не один. Когда вы пришли?

- Сегодня, когда всё началось.

- Йедду знаешь?

- Не слышал.

- Верю. Но вот Рэй твой, полагаю, знает. Потому что только она могла приказать ему расправиться со мной. Можно сказать, что я здесь из-за неё. Она – главное зло, которое живёт в Меген'торе. Точнее говоря, в Вайла'туне. Хуже даже, чем те люди, которые сидят сейчас в тронной зале и улыбаются нашим новым воеводам. Но Ротрам – как он мог оказаться втянутым во всё это? Я знал его с лучшей стороны, какая только может быть у бывшего фолдита, вкусившего радостей от обладания деньгами. – Дэки между тем перестал чувствовать уколы лезвия. – Если я тебя сейчас отпущу, что ты будешь делать?

- Я? - А, в самом деле, что? Вернуться к Рэю и соврать, что беглец пойман и убит? Узнать у него насчёт какой-то там Йедды? Разыскать Гаррона и спросить его совета? – А что тебе нужно, чтобы я сделал?

Ахим отдёргнул руку с мечом и одним рывком поднялся на ноги. Парень мощный, может и задеть ненароком. Зла, вроде, на первый взгляд нет, но есть чувство долга, которое может сыграть с ними обоими нехорошую шутку. Лучше держать его накоротке.

- Вставай.

Да, кряжистый, плечистый. Дышит легко. Не устал. Но смотрит с опаской, насторожено. Это хорошо.

- Топор я свой в твоих дружков швырнул, так что меч я тебе пока не отдам, сынок. На всякий случай.

- Не отдавай, если не хочешь... Послушай, а мне тебя что, отцом что ли прикажешь называть?

- Называй, если нравится. Ты, я вижу, не совсем ещё этими тварями испорчен. Давай по душам поговорим, пока времени чуток есть.

Вот те раз, думал между тем Дэки, примеряясь к недавнему противнику, так легко расправившемуся с ним да ещё при раненом плече, которое явно кровоточило. Это против кого ж меня Рэй выставил? Старичок старичком, только глаза какие-то волчьи, бесцветные и не добрые. Такой и укусить может, недорого возьмёт.

- Я сюда не по своей воле пришёл, - продолжал Ахим, прислушиваясь к звукам на лестнице. - Ты сам, небось, видел, кто сюда пожаловал. Когда они уйдут, судьба нашего с тобой Вайла'туна будет предreshена. Кроме Йедды, тут ещё немало таких, кому пришельцы милее своих. Не по пути нам с ними, совсем не по пути. Если сейчас слабинку дадим, не собрать нам потом костей. Сколько вас тут с Ротрамом таких, как ты?

- Мы не с Ротрамом. Он сам дома остался, а сюда с Рэем человек семь-восемь пришло, включая меня.

- Зачем? Чем вы тут занимаетесь?

- Я пока не понял, - признался Дэки, вспоминая события уходящего дня. - Похоже, своих же разнимать. Тут один из бывших воевод руки было распустил, так мы его выдворили на все четыре стороны. Гийсом зовут, мальчишка совсем, зазнавшийся. Не слыхал?

- Любопытно. Могу тебе на это сказать, что твой «мальчишка», чтобы этим воеводой стать, отца родного кинжалом прирезал, когда тот раненым лежал. Чуешь теперь, кто тут распоряжается?

- Правда что ль?..

- Его отца Демвером звали.

- Это который предатель вроде?

- То-то и оно, что «вроде». Если бы ему удалось осуществить то, что некоторые называют «предательством», сейчас ни один чужак, каким бы великаном он ни был, не посмел бы к нам сунуться. Потому что всем стало бы ясно, что те шеважа, с которыми мы сколько уже воюем, вовсе нам не враги. Они – это мы, только изгнанные отсюда в Пограничье много зим тому назад. Эй! Что ты на меня так смотришь? Не догадывался? В том-то и дело... Нам всё это время не сражаться, а дружить надо было. И не по избам сидеть, а вокруг почаще оглядываться. Ты на башню ещё не поднимался, не смотрел на ту сторону Бехемы? Думаешь, там жизни нет? Думаешь, мы одни такие в Торлоне завелись? Потому, что ты именно так думаешь, нас и сдают всяким пришлым всадникам, которые, кстати, как и ты, слушаются исключительно своих наставников да воевод и напрочь разучились мыслить самостоятельно. А разговоры ведут над нашими головами те, кто умеет это делать лучше нас, кто никогда друг с другом не терял связи, кормя нас всех побасенками о ненужности никуда ездить, чего-то искать, о страшной непреодолимой Бехеме, о гиблом Мёртвом Болоте, о важности эделей и ещё о куче всякой дряни, которая жива до сих пор

лишь потому, что мы в неё верим. Как стадо баранов, с которым один пастух может справляться с помощью одной собаки. И не потому, что собака так страшна, а потому что мы её боимся.

Дэки не понимал всего, что старик ему говорит, однако каким-то внутренним чувством осознал, что тот, наверное, прав. Вот только к чему это его обязывало?

- Если бы ты увидел рожу Йедды, ты бы уже не задавал мне вопросов, - продолжал Ахим, удивляясь тому, что их до сих пор не хватились. - Вылитая Квалу. Совища. Если разобраться, ничего человеческого в ней нет. Будто кусков от разных людей, самых отвратительных кусков понабрали и слепили одно чудище. Так, собственно, и было. На то её и ей подобных «тварями» следует называть. Потому что их не создали, а сотворили. И выпустили в мир, чтобы нас всеми способами изводить. Повелительница смерти! Стыдоба, до чего мы в нашей глупости дошли! Если теперь их подчистую не уничтожим, не будет нам житья, ни здесь, ни в Пограничье, ни там, откуда эти незваные гости пожаловали. - И добавил, заметив, что слушатель не до конца улавливает мысль. - Всю жизнь от фра'ниманов не набегаешься. Завтра они и к фолдитам в туны придут. Они ведь той же закваски, тварной. Носы свои длинные суют в чужое, до нищеты людей доводят, не брезгают всем, что плохо лежит, за малолетками охотятся, девиц развращают, юношей в соблазны вводят. Хорошо, если ты с этим пока не сталкивался. У нас тут уже не такие песни поют.

- Я думал об этом, - неожиданно для самого себя сознался Дэки. - У меня была когда-то девушка знакомая, которая, как мне потом рассказывали, сошлась с одним таким, так её, говорят, через некоторое время возле рыночной площади видели, где она себя продавала. Сам я её больше не встречал.

- А с фра'ниманом что?

- А что с ним? Я его как-то подстерёг да по-свойски поговорил. За это убийство меня прямёхонько в каркер упекли. Думал, там и останусь до конца своих дней, да только Ротрам меня выудил оттуда, и я теперь его человек.

- Интересно... Поможешь мне?

- Против своих я не пойду, - без обиняков заявил Дэки.

- А со своими?

- Что ты задумал, странный старик?

Ахим усмехнулся и протянул собеседнику его меч.

- Возьмёшь меня в плен, а там посмотрим.

- Чего?!

- Возьмёшь меня в плен, а там посмотрим, говорю. Риск велик, но не настолько, чтобы не попробовать.

- Тебя ж ужокошат. Не я, так другие найдутся.

- Очень может быть. Но я достаточно пожил своё и теперь хочу пользу другим приносить посильную. За стенами замка сейчас будет

слишком много всего твориться, чтобы за всем уследить. А тут – самое оно. Глядишь, отрубим змеюке её лупоглазую голову. Потом кто-нибудь добрым словом вспомнит. Давай, вяжи мне руки.

Дэки засомневался, однако послушно распоясался и от души связал старику кисти плотной кожаной лентой. Впереди, не за спиной. Мол, так получилось. Конец пояса намотал себе на кулак и повёл обратно, вверх по лестнице.

- Что за человек твой Рэй? – поинтересовался Ахим, специально сбивая себе дыхание, чтобы выглядеть запыхавшимся и уставшим.

- Правильный, - отозвался Дэки, думая о своём. – Себе на уме, но дело знает.

- Погоди-ка, уж не тот ли это Рэй, которого я давным-давно знал ещё фултумом? Лысый такой.

- Видать, он самый. Лысый. И в фултумах, слышал, ходил. Ты тут всех что ли знаешь?

- Старость – она ведь нам не просто так даётся. Пока старишься, чего только ни повидаешь и ни передумаешь. Вот я теперь и пожиная плоды. Тебя как звать?

- Дэки.

- А меня Ахимом. Вот и познакомились. Веди меня напрямик к Рэю. Он ваш голова, ему и решать. Твоего тут теперь мало осталось.

- Чего-то ты долго, братец, - раздался сверху обрадованный голос Гаррона. – Удачно?

- Удачнее не бывает. А ты почему за мной не побежал. Струсил?

- Да он, понимаешь, так меня уделал, что мне по большому захотелось. - Гаррон хохотнул, вспоминая свои ощущения. – Пришлось на стену идти. Надеюсь, ни на кого не попал. Постой, ты что, не убил его?!

- Да вот в плен взял. По-моему, так лучше. К Рэю отведём, и пусть тот сам поступает, как знает. Не наше это дело.

Гаррон в упор посмотрел на Ахима. Было видно, что он готов надлежащим образом отомстить за полученный удар и его последствия, однако руки противника были сейчас связаны, и это заставило Гаррона отказаться от справедливой мести.

- Ты у меня побегаешь! – только и сказал он сквозь зубы.

Они взошли на тот этаж башни, где размещался гарнизон, и пошли по коротким изгибам запутанного коридора, пролежавшего между большими и малыми комнатами за тяжёлыми дубовыми дверями, каких нынче уже не делали. Всё тут дышало солидностью и спокойствием, что очень нравилось Дэки, свыкшемуся с распахнутой жизнью бойцов в поместье Ротрама. Здесь под ними располагался кухонный этаж с жаркими печами, так что в комнатах можно было не только отдохнуть, но и забыть на время об окружавшей башню зимней стуже.

Несмотря на довольно позднее время, никто из обитателей не спешил укладываться. Все знали о том, что происходит наверху, в

тронной зале, и ждали результатов переговоров. Дэки молча протискивался между заграждавшими коридор воинами. Гаррон то и дело подталкивал Ахима в спину. Разговоры велись о последствиях утренней схватки, собственном в ней участии, как правило, весьма героическом, об очевидной мощи врага и о том, чем встретит их будущее утро. Дэки тут никого не знал и деловито шёл туда, где им с товарищами выделили две просторные комнаты.

- Где Рэй? – уточнил он у первого же встреченного знакомого, которым оказался Эгимон, как всегда задумчивый и отстранённый.

- Не попадался. Кого привёл?

- Много будешь знать...

- Да пошёл ты!

Они вошли в комнату, в которой на трёх из шести кроватей сидело четверо разношёрстных вояк, показавшихся Ахиму неуместно угрюмыми. Парни явно чувствовали себя здесь не в своей тарелке. Что определено к лучшему. Только один из них, кудрявый и светловолосый, с почти детским выражением лица, лишь едва заметно тронутого рыжеватой бородой, выглядел оживлённым и довольным жизнью. На вопрос Дэки он раньше остальных ответил, что Рэя куда-то вызвали.

- Подождём, - оглянулся Дэки на пленника.

Ахим равнодушно сел прямо на тепловатый пол.

- Если это тот, кого Рэй велел вам прикончить, ему тут не место, - без обиняков заметил Логен. – Тем более пленному.

- У тебя есть что-нибудь острое? – поинтересовался в ответ Дэки.

- Конечно.

- Так воткни ему в пузо, и дело с концом. Шеважа так с нашими пленными частенько поступают. Ну, чего ждёшь?

Логен буркнул что-то себе под нос и отвернулся. Больше желающих дать Дэки совет не нашлось.

- Ты кто такой? – подсел поближе к Ахиму не утративший разговорчивости Авит. – Почему против нас пошёл?

- Кто тебе сказал? – испытующе посмотрел на юношу старик, что-то заметил и добавил: - Если я против кого что и имею, так это разве что фра'ниманы. Вот на кого я бы поохотился.

Дэки поразился, как Ахиму удалось угадать слабое место Авита. Ведь у того со сборщиками гафола были свои счёты. Вернее, с одним, к которому прошлой зимой ушла его возлюбленная. Он увидел, как Авит меняется в лице и растерянно оглядывается на товарищей, ища поддержки. Растерянность сменилась негодованием, и в конце концов Авит вернул укоризненный взгляд Дэки.

- Мы что, уже промеж себя воюем?

Когда в комнату зашёл раздосадованный Рэй, он обнаружил пленника сидящим в кругу новых знакомых. О том, что это пленник, напоминали лишь по-прежнему связанные руки, которыми тот, улыбаясь, поправлял давно не стриженую седую бородёнку. Взгляд, бро-

шенный им на Рэя, был каким-то извиняющимся и заставлял позабыть только что произошедший разговор со Скелли в присутствии разъяренной вдовы Томлина.

- Рэй, сколько зим!

Рэй непроизвольно выхватил меч. События уходящего дня довели его до того опасного состояния, когда любая мелочь могла показаться причиной достойной скандала и пристрастного разбирательства. Только что он слышал настоятельные увещевания о том, какой опасности подвергается Вайла'тун из-за предателей всех мастей, примером которым послужил недавний случай с Демвером; что Рэй и его люди призваны положить конец вражеским проискам внутри замка; что воля убитой горем утраты Йедды так же важна, как распоряжения самого Скелли, имевшего на этот счёт определённую договорённость с Ротрамом; и что отныне Рэй должен лично отвечать перед ними обоими за своих людей и быть готовым встать на защиту их правящих особ в любое время дня и ночи. Ради этого разговора Скелли, оказывается, даже покинул тронную залу и дожидавшихся его там переговорщиков. И вот Рэй, сбитый с толку навалившимися на него обязанностями и раздражённый тем тоном, которым они были ему изложены, возвращается к единомышленникам, и что же он видит? Жалкий предатель и беглец жив-здоров, а посланные покончить с ним Гаррон и Дэки лишь виновато переглядываются, продолжая молчать.

- Вы что, совсем сдурели?! – взорвался Рэй, потрясая мечом. – Я только что поручался за вас, а вы... Дэки, ты ослушался знаешь кого?

- Нас больше, - поднялся с кровати Валбур, загораживая собой и пленника, и товарищей. – И мы бойцы для «крови героев», а не тупые наёмники, чтобы слепо рубить тех, на кого нам укажут. Поговори с ним, Рэй, и ты сам всё поймёшь.

- Поговорить? С ним?

- Меня зовут Ахим, - сказал пленник, выглядывая из-за спины Валбура и открыто смотря снизу-вверх на сердитого человека с мечом. – Вижу, ты меня успел позабыть, Рэй. Не помнишь, как однажды один свер помог тебе избежать гибели в Пограничье, когда тебя подняли сонного по тревоге, а ты забыл всё оружие, кроме копья? Его тебе перешибли, и ты остался в окружении троих или четверых дикарей с двумя щепками в руках. Я вот не забыл. Как и те раны, что получил в том бою, после чего меня списали со щитов, и я зажил жизнью простого фолдита. Хорошей, надо сказать, жизнью, праведной, совсем не предательской.

Пленник замолчал. Рэй остался стоять, сжимая рукоятку меча.

Валбур посмотрел на него исподлобья и успокоено отступил в сторону. Он успел достаточно изучить характер Рэя, чтобы видеть, когда тот по-настоящему взбешён, а когда перегорает, оставляя на лице маску показной злости лишь для самозащиты.

- Ахим?! – Бывший фултум глядел на старика во все глаза. - Тебя разве звали Ахим?

Тот пожал плечами и улыбнулся.

Рэй прекрасно помнил тот ужасающий бой в лесу, после дождя, когда накануне они, тогда ещё совсем молодые новобранцы, отправившиеся на своё первое задание, перебрали лишку и были застигнуты большим отрядом шеважа врасплох. Рэй не только оказался отрезанным от вверенного ему свера, но и сам крайне неудачно действовал копьем, за что поплатился и уже отчаянно прощался с так и не начавшейся толком жизнью, когда другой свер, оказавшийся поблизости и заметивший его бедственное положение, отвлѣк сразу двоих дикарей на себя, расправился с ними, а потом вернулся за третьим и снёс ему голову как раз в тот момент, когда тот замахивался для решающего удара дубиной по распростёртому в грязи Рэю. Тэвил, он ведь тогда даже не удосужился узнать имени своего спасителя, скрытого под ищарапаным шлемом!

- Видок у тебя был точно такой же, как и сейчас, - заметил Ахим и протянул собеседнику связанные руки. – Ну, так что, перерубишь или зарубишь?

- Развяжите его, - сказал Рэй, ощущая, будто говорит помимо своей воли.

Только что он не знал, как себя вести и на ком выместить злость, и вот уже весь недавний разговор со Скелли кажется ему никчѣмным трѣпом, как если бы он был только его свидетелем, а не главным действующим лицом. Какое отношение имели к нему тот тщедушный паук и та расфуфыренная жаба, когда единственные люди, мнением которых он всегда дорожил, были тут, перед ним, молчаливые и чего-то ждущие.

- Крок ещё остался?

Лица воинов посветлели. Авит переглянулся с Валбуром и взял со старенького столика у стены кувшин и кружку. Налил больше половины.

- Хватит. – Рэй подхватил кружку и залпом осушил. – Зато теперь я точно знаю одно, - сказал он, облизываясь и указывая кружкой на пленника, с рук которого Дэки уже стащил свой пояс, - наши дела – хуже некуда.

- Похоже, тебя на этот счёт неплохо накрутили, - предположил Ахим, протягивая Рэю покрасневшую руку для пожатия. – Полагаю, с тобой говорил Скелли.

- Он самый...

- Йедда там была?

- Откуда ты знаешь?!

Вместо ответа Ахим похлопал Рэя по плечу.

- Я даже могу предположить, чем они тебя стращали. Взывали, небось, к твоей совести и ругали предателей вроде меня, которые мешают им жить и править Вайла'туном. Угадал?

- Есть такое.

- Эта Йедда и есть Квалу, - поделился своим недавним открытием Авит, отбирая у Рэя кружку. - Ахим нам тут всякого понарасказал. Она и ей подобные с этими разноцветными заодно. Они-то самые настоящие предатели и есть. И Скелли этот твой. Как вспомню его, так вздрогну.

- Погоди пока дрожать, - прервал его Гаррон. - Мы пока ещё ничего наверняка не знаем.

Вероятно, он до сих пор не мог простить Ахиму удара в поддых.

- За что она на тебя так взъелась? - Рэй хотел было по привычке отвести Ахима в сторону, однако увидел внимательные лица остальных и решил хотя бы сегодня не играть во всезнающего мастера и учителя. - Подозреваю, что ты ей крепко насолил.

- До недавних пор я служил у её покойного муженька сторожем. А потом всё бросил и переметнулся к фолдитам. Тэрла помнишь?

- Кто ж его не помнит? Будь он ростом со свою славу, быть ему великаном. Так ты с ним пришёл?

- Почти. Он с остальным народом стоит, всё приказов ждёт. А я, как видишь, решил кое-кого тут проведать.

- Если тебя найдут, нам всем несдобровать. Я на сей счёт очень вразумительные указания получил. И сдаётся мне, что эта твоя красавица чернявая обижена на тебя вовсе не за то, что ты с поста удрал.

- Может, ревнует? - хохотнул Дэки.

- Она ж теперь свободна, - подхватил Авит.

- Раньше я думал, - с улыбкой пропустил их замечания мимо ушей Ахим, - что после Ракли здесь всем заправляет Томлин со своими богатыми дружками. Думаю, я ошибался. Йедда была умнее, и пряталась за спиной мужа. Сейчас она переживает, потому что осталась без привычного прикрытия. Не знаю пока, в каких она отношениях с главным писарем, но предполагаю, что в тесных. Со Скелли они во многом схожи. Тот тоже раньше сидел тихо и не высывался. А теперь ему приходится играть в открытую. Ты их обоих только что видел, Рэй. Кто, по-твоему, ведёт себя более независимо?

- Трудно сказать. Один другого стоит. Тётка, точно, хитрая. Смотрит на одно, видит другое, говорит третье, думает четвёртое.

- Хорошо подмечено.

- Я вот только никак не возьму в толк, что нам с тобой делать. Ребята мои - вот они почти все тут - тебя не выдадут, но не сможем же мы вечно тебя прятать. Да и Йедде этой мне какой-то ответ вразумительной скоро придётся давать. Либо мы тебя поймали, либо убили, либо упустили. Она наверняка сама всё разузнает и выяснит у привратников, что ты никуда не уходил. Худо будет.

- Уйти мы отсюда тоже по своему желанию не очень-то можем, - добавил Дэки. – Тогда мы подведём Ротрама.

- Я правильно понял, - встрепнулся Ахим, - что вас в услужение Скелли отдал именно он, Ротрам?

- Считай, что так, - подтвердил Рэй. – Не в услужение, но на службу. Зад его тощий прикрывать. Как я разумею, они давно на эту тему между собой договорились. Скелли обещал содействие в ответ на помощь. Он ведь местным воякам не доверяет. А мы, типа, свои, прикормленные.

- И ты всё это знал и молчал? – поразился Валбур, выражая мнение впервые узнавших правду друзей.

- А что я, по-вашему, должен был делать? Может, вас сюда кто на аркане затащил? Мы – бойцы. Мы все по-своему обязаны Ротраму. Надеюсь, нам нравится то, чем мы занимаемся. И если получилось так, что в отсутствие других задач нам поручили именно эту, мы что, должны воротить нос?

- Ну, я-то согласился на неё по своим соображениям, - возразил Валбур. – Мне давно хотелось к этому Скелли поближе быть.

- С чего такая любовь? – Ахим почувствовал в словах хмурого фолдита скрытую угрозу.

- Долгая история.

- Из-за девушки?

Скулы Валбура покраснели, но он промолчал. Догадливость Ахима уже должна была перестать кого-либо удивлять.

- Мы не должны уходить, - сказал Дэки. – И не должны подвергать опасности нашего доброго гостя. – Он кивнул Ахиму. – В этом случае у нас есть только один выход: оставить его среди нас. Ведь только ты, Рэй, знаешь, сколько нас пришло сюда. Одним больше, одним меньше – кому какая разница. Главное для него – не попадаться на глаза подружке Скелли.

- Она ему не подружка, - уточнил Рэй. – И нам... мне скоро придётся ей что-то сказать насчёт беглеца, которого она велела прикончить. Уж она-то об этом не забудет. Сомневаюсь, что он сможет беспрепятственно жить у неё под носом. С нас будет спрос. И я не знаю, как этого избежать. Чему ты улыбаешься, Бокинфал?

Длинноволосый парень с хитрым прищуром серых раскосых глаз, до сих пор хранивший молчание, ответил:

- Потому что я, кажется, придумал способ и волков накормить, и овец сберечь.

- Кто бы сомневался...

- Сейчас уже ночь, и всё можно сделать довольно быстро и незаметно. Ведь этой вашей Йедде нужен труп? Она его получит. К сожалению, этого добра сейчас завались. Достаточно спуститься на ристалище и хорошенько поискать среди убитых. В смысле, поискать кого-нибудь, кто бы был похож на тебя, Ахим, по возрасту, ну, и так, внеш-

не. А потом доставить его сюда и предъявить бабёнке. Пусть успокоится.

- Она не успокоится, - вздохнул Ахим. – Раз она меня умудрилась на стене узнать, то подмену сразу же раскусит.

Обрадовавшиеся было ловкому выходу из затруднительного положения бойцы пригорюнились. Кроме Валбура. Тот уловил мысль приятеля и почувствовал, что у неё должно быть продолжение.

- Пойдите, - сказал он, оглядываясь на закрытую дверь и убеждаясь, что никто посторонний их не слышит. – Но ведь вы напали на Ахима, когда он был на стене. Он бросился в бегство, и кто усомниться в том, что он, например, впопыхах сорвался и упал. При падении изуродовал лицо. До неузнаваемости. А Дэки и Гаррон потому так долго и не возвращались, что искали его внизу. Придется подпортить чей-то труп, но дело благое, можно попробовать.

- Смышлёные у тебя ребята, Рэй! – Ахим перестал растирать затёкшие руки, встал с кровати и прошёлся по комнате. – А что, если сделать ещё проще? Может, я перевалился через стену и свалился в Бехему. Тогда уж меня точно никто не найдёт.

- Так хуже, - отозвался Бокинфал. – Труп снимет все вопросы. Его отсутствие – породит новые. Я бы не мелочился. Кроме того, Валбур прав: его план объясняет ещё и то, почему никто не пробежал через посты у ворот. Хорошая идея. Рэй, слово за тобой.

- Дэки! Гаррон! Ступайте вниз! Я согласен. Давайте доведём это неприятное дело до конца. Найдите среди убитых, за кем не пришли родственники, какого-нибудь старика и тащите сюда. Если с лицом у него всё в порядке, что ж, вам придется его приукрасить.

- Кости ломать? – уточнил, вставая, Гаррон.

- Не понял.

- Кости ломать? Он же вроде как со стены должен упасть...

- Пожалуй, я схожу с ними, - вздохнул Бокинфал.

- Есть ещё одна загвоздка, - спохватился Ахим ко всеобщему неудовольствию. – Когда вы открыли по мне стрельбу, со мной был некто Норлан, сын Тивана. Я довольно надёжно его отрубил, но он уже, небось, очухался и может вспомнить, что ни с какой стены я не падал, а сбежал вниз по лестнице.

- Пока я ждал вас с Дэки и... справлял нужду, - призадумался вслух Гаррон, - какой-то парень, действительно, стонал от боли. Думаю, ему было так плохо, что он даже меня не замечал. Он исчез, когда я... закончил. Мы могли прогнать Ахима мимо него в обратном направлении, из башни на стену, и он никогда этого не вспомнит. Полагаю, он будет только рад узнать, что отомщен, и что беглец благополучно разбился.

- Хорошо, пусть так и будет. Идите. На воротах всем объясняйте, что кто-то сорвался со стены, и вам нужно его найти. Пусть об этом побольше народу знает.

- Разберёмся, - заверил Рэя Дэки. – Вы, главное, Эгимона подговорите.

- Эгимона? Зачем это?

- Он видел, как мы Ахима сюда вели. По пути встретился. Может ненароком болтануть лишнего.

- Понял. Молодец, что подсказал. Давайте, двигайте, да поживее. Мы тут как-нибудь разберёмся.

- Так я с ними? – напомнил свою просьбу Бокинфал.

- Только постарайтесь сделать всё как можно быстрее. Авит, а ты пока сходи в нашу вторую комнату и всех, кого там застанешь, зови сюда. А то разбрелись, понимаешь, как мальчишки в соседском огороде! Надо согласовать наши головы.

Раньше говорили «согласовать наши души», подумал Ахим, глядя вслед троем бойцам, посланным за его трупом. Теперь про души уже никто почти не вспоминает. Голова, выходит, всем управляет. Как бы не так! Если бы одна голова, как же, сидел бы я сейчас среди вас, а вы бы искали наилучший способ меня спасти! Нет, братцы, голова – это так, насадка на плечи. Остриё в стреле важно, но ещё важнее – оперенье.

Примерно те же мысли донимали Бокинфала, когда он шёл по коридору следом за обоими приятелями. Он думал об Ахиме и о том, как неизвестному старику удалось так быстро поставить всех на свою сторону. Даже Рэя. Когда он заговорил об ибри и их коварных происках, возникло ощущение, будто он упоминает то, о чём каждому было давно известно, просто никто никогда не называл вещи своими именами да ещё вслух. Наверное, просто ему хотелось верить. Или он каким-то образом умел через правильные слова воздействовать на собеседников. Он ни на чём не настаивал, когда говорил, давая каждому возможность примерить услышанное на себя и поверить или отказаться. Поверили все. Сам Бокинфал не смог стряхнуть этих чар, вспомнив какие-то намёки, о которых читал в старинных рукописях давным-давно, ещё в бытность писарем. Теперь, в коридоре, окруженный чужими людьми, он видел перед собой образ Ахима не так отчетливо и попытался усомниться в его правоте. Зачем мы спасаем его? В благодарность за давнее спасение Рэя? Как и чем он может нам помочь? Дэки с Гарроном не лучшие бойцы, так что нет ничего удивительного в том, что он одолел их по очереди. Конечно, лишние умелые руки нам не помешают, но мы можем никогда не узнать, что скрывается у него в рукавах...

Придя к выводу, что нужно держать ухо востро, Бокинфал начал спускаться по крутой лестнице, изучая разрастающуюся проплешину на макушке Гаррона. Гаррон был настолько выше остальных, что в обычное время она оставалась для всех незаметной. Надо ж было куда забраться, чтобы обнаружить его маленькую тайну.

- Тебе идёт, - сказал Бокинфал, придерживая у бедра ножны, чтобы те не бились концом о каменные ступени.

- Ты мне?

- Ага. Смотри, не застуди. Капюшончиком бы прикрыл.

- Чего?

- Ладно. Забудь.

- Э, ты давай, договаривай!

Гаррон хотел было развернуться и выяснить, что же именно имеет в виду Бокинфал, но тут снизу им навстречу вышли из-за поворота лестницы трое, так что пришлось сторониться. Поднимавшиеся тяжело дышали, однако шли торопливо, собрано, ни на кого не обращая внимания, словно находящаяся где-то высоко цель была для них сейчас именно что превыше всего.

Первым шёл довольно хлипкого вида мужичок, но шёл легко, будто проделывал этот путь не один десяток раз на дню, и мог бы, вероятно, идти ещё быстрее, если бы ему ни приходилось сдерживать себя, чтобы дожидаться идущую следом пожилую женщину, которая то и дело опиралась рукой о стену и тяжело выдыхала. При этом она смотрела вверх и виновато улыбалась Бокинфалу красивыми голубыми глазами. Совершенно седые волосы её были заплетены в длинную тугую косу, отчего невольно создавалось впечатление, будто прожитые зимы сказались не столько на ней самой, сколько на присутствии её цвете. Когда она устало проходила мимо, Бокинфал отметил, какая она чистенькая и опрятная, и как приятно от неё пахнет, совсем не так, как от пренебрегающих водой обычных старушек.

Последней поднималась глазастая девочка, тоже светловолосая, с забавно вздёрнутым носиком, усыпанным веснушками, и с необыкновенно выразительными бровями, одну из которых пересекал маленьких шрамик. Ещё Бокинфал с восторгом отметил приоткрытый ротик с поджатыми губками и нежный румянец на белоснежной коже этой кукольной мордашки. Юная незнакомка подарила ему приветливый взгляд и продолжила своё нелёгкое восхождение. Если бы он умел читать чужие мысли, то, несомненно, удивился бы тому, что таила в себе эта хорошенькая головка...

Какого Тэвила он на меня так вылупился, думала девочка, чувствуя взгляд длинноволосого парня, устремлённый теперь снизу-вверх на её напряжённые от усталости ноги, обтянутые удобными меховыми штанишками. Им тут что, совсем нечем заняться? Неужели все они настолько одинаковые? Интересно, что бы сказала Олета, окажись она тут на моём месте? Наверняка нашла бы способ показать этому волосатику больше, чем просто свой крепкий задик.

- Пенни, как ты, дитя моё? – снова остановилась выбившаяся из сил женщина. Она делала это уже не первый раз, скрывая за заботливым вопросом собственное желание устроить короткую передышку.

- Всё хорошо, Руна, идите, осталось совсем чуть-чуть.

- Арли, как вы живёте на такой высоте? – продолжала женщина, не трогаясь с места.

Их провожатый развернулся, сел на ступеньку и развёл руками.

- Я посыльный. Это моя работа. Да и живу я вообще-то не тут. Давайте продолжать, *мати*³⁷ Руна. Ваша Пенни права, до тронной залы нам осталось совсем немного.

- Рада это слышать. Кстати, Арли, если бы не она, я бы вообще не отважилась на весь этот бесконечный переход. Или кому-нибудь пришлось бы меня нести, как носили когда-то наших высокопоставленных предков. Знаете, на специальных носилках. Умница Пенни вылечила мне ноги.

- Вовсе не я, а ваша сестрица, Куна. Это ведь её снадобья помогли.

- Куна, Куна! Куна думает только о себе и своих ученицах. А вот ты у меня умница, Пенни! Знаешь, Арли, как она быстро учится? Я ведь её сегодня с собой не просто так взяла. Она ещё не очень хорошо говорит на *кенсае*, но уже довольно бегло читает и неплохо понимает на слух.

- На чём говорит? – не расслышал провожатый.

- На том языке, который должны знать те, к кому ты нас ведёшь. Забытый древний язык. Правда, как показывают последние события, забытый не до конца. Хорошая девочка мне досталась. – Руна одарила Пенни улыбкой. – Как твоя бабушка?

Похоже, она совсем из сил выбилась, подумала Пенни, раз затягивает передышку такими неуместными вопросами.

- С ней всё в порядке, - ответила она, вспоминая своё волнение, когда несколько дней назад ей сообщили за обедом, что в Айтен'гард привезли раненую Радэллу.

В тот же вечер они увиделись впервые после долгой разлуки, и во всей Обители не было человека счастливее Пенни. Бабушка лежала на огромной кровати в специально отведённой для неё избе неподалёку от главных ворот. А заодно и от дома Куны, чьи ученицы теперь находились при ней почти безотлучно. Пенни они оставили с Радэллой наедине, чтобы обе могли вдоволь наговориться, но потом одна из них тихо вошла и напомнила внучке, что больной нужен сон. Оказалось, что бабушка сумела-таки найти своих обидчиков, а своевременное появление одной из сестёр Обители спасло её от неминуемой смерти. В свою очередь Пенни пересказала ей историю о том, что эта же самая сестра, которую, оказывается, звали Т'аманой, выполнила бабушкину просьбу, нагнала их во второй раз, сняла с Каура, чей меч чуть не отсёк бабушке руку, заклинание *тауда*, делавшего его послушным чужой воле, однако впоследствии сама погибла от ножа предателя. Радэлла припомнила, как сквозь жар и бред просила выручить Каура какую-то красивую женщину, и очень расстроилась, узнав, что не сможет больше никак отблагодарить её.

³⁷ Вежливое обращение к пожилой женщине

- Ладно, что мы встали? – спохватилась Руна. – Пошли. Нам не долго осталось.

Арли улыбнулся Пенни и молча повёл их дальше, точнее, выше.

По пути сюда, идя зябкими и тёмными коридорами подземелья, о которых Пенни никогда раньше не подозревала, он рассказал им, ради чего их столь срочно призвали в замок, об утреннем появлении в непосредственной близости от Вайла'туна целого полчища невиданных доселе воинов и о том, что когда он уходил, пришла весть о начале битвы. Тогда обеим женщинам стало понятна суеда, которую они заметили поутру, и бой сигнальных барабанов, загромыхавших со стен Обители в неурочное время. Руна тогда сразу объяснила Пенни, что так обычно бьют сбор для гардиан, призывая их к оружию. Теперь, узнав истинную причину тревоги, Пенни забеспокоилась о судьбе Тайры, одной из своих немногочисленных пока подружек, с которой они вместе проходили отборочные испытания и которую взяли как раз в гардианы.

- Вряд ли твою Тайру пустят сражаться, - успокоила её Руна. – Как правило, в подобных случаях в Обители остаются самые старшие и самые младшие. Чтобы если что, не прервалась традиция их искусства.

- Искусства?! Искусства убивать?

- Да, как ни странно это звучит. Хотя если ты поговоришь с теми, кто в нём смыслит побольше нашего, они тебе ответят, что правильнее было бы назвать его «искусство оставаться в живых».

Пока они шли втроем по подземелью, Арли любопытствовал, кто такие могли быть эти их новые враги.

- Раз вас призвали и вы умеете понимать их язык, значит, вы должны это знать, - мягко настаивал он, взяв Руну за локоть, когда та стала всё чаще оступаться. – Откуда они могли свалиться на нашу голову?

- Боюсь, мой дорогой, мы узнаем об этом вместе, когда придём в замок и поговорим с ними.

- С кем?

- А к кому вы нас в таком случае ведёте?

- Вас пригласили Томлин, Скирлох и те, кто сейчас управляют в замке.

- Ну, они-то в толмачах, думаю, не нуждаются.

- Да, но...

Их сомнения развеял первый же встречный охранник, которого за время отсутствия Арли поставили сторожить вход в подземелье.

- Поймали пленных, - сообщил он.

И ошибся, потому что когда они пришли в страшное место, названное «каркерами», и Пенни чуть не упала в обморок, увидев забрызганный кровью каменный пол, лохматый детина, развозивший грязной тряпкой красную лужу, хмуро признался, что чужеземцев среди его подопечных уже нет. Зато они узнали, что в замок не так

давно пожаловали переговорщики, которых принимают в той самой тронной зале, куда Арли изначально и намеревался вести женщин, разве что Руна до последнего надеялась, что ей не придется совершать этот ужасный подъём.

Теперь от заветной цели их отделял один-единственный пролёт, и Руна, оглядываясь на Пенни, собрала в кулак последние силы, чтобы преодолеть его и если уж умереть, то с сознанием честно выполненного долга.

В последнем дверном проёме путь им преградили уже двое стражей.

- Велено никого не впускать.

- К нам это не относится, - уверенным тоном возразил Арли и упёрся говорящему пальцем в грудь. – Я привёл толмачей. По распоряжению Томлина.

- Томлин убит, - заявил страж так же равнодушно, как если бы сказал, что уже наступила ночь. – Кто ещё про вас знает?

- Томлин убит?! – До Арли не сразу дошёл смысл фразы. – Но ещё утром...

- Кому ещё про вас доложить?

Тэвил, до чего тупыми бывают мужчины, подумала Пенни, глядя на застывшего в ожидании ответа воина с едва скрываемым презрением. Пока он тут будет играть в свои детские игры, того и гляди ещё кого-нибудь недосчитаются.

- Доложи Тивану, - нашёлся Арли.

- Так бы и говорил, - буркнул страж. – Идём.

Пенни предполагала, что далёкий замок – это совсем другой мир, но никогда не думала, что высота стен, причём каменных, самых настоящих, цветные стёклышки в окнах, огромные мягкие ковры на полу и резное чудо деревянных дверей в три человеческих роста так поразят её. Она разинула рот и замешкалась, рассматривая нависшее над ней величие чьего-то мастерства. Ведь всё это было рукотворным, кто-то тесал все эти камни, кто-то поднимал их и укладывал в правильном месте и в правильной последовательности, а кто-то всем этим руководил, зная наперёд, что и куда класть. Подобные вещи не могли не вызывать в ней трепета. Тем более вопиющей глупостью она сочла полнейшее равнодушие стража, который просто шёл впереди, по озарённому множеством факелов коридору, как если бы вокруг были огороды или поле. Вот где надо жить! Можно даже не снимать шубы зимой и спать под двумя одеялами из-за холода, но какая же тут красотища!

Она поймала взгляд Руны, которая поняла чувства девочки и подмигнула. Сама она не столько смотрела по сторонам, сколько внутрь себя, стараясь унять сердцебиение и настроиться на предстоящий разговор.

Перед последней дверью их поджидало сразу четверо стражей.

- К Тивану, - пояснил новый провожатый.

- Толмачи, - добавил для порядка Арли.

Стражи молча расступились.

Все посмотрели на Арли.

Тот кивнул Руне и услужливо приоткрыл перед ней тяжёлую дверь. Руна в свою очередь ободряюще кивнула Пенни и храбро шагнула за порог. Взволнованной девочке ничего не оставалось, как последовать за ней.

Больше всего в тронной зале Пенни поразило не скромное величие стоящего в центре массивного стола, не множество занятых и пустых кресел с высокими спинками и вышитыми на синем бархате затыливыми гербами, не тяжеленное деревянное колесо под потолком сплошь утыканное толстыми свечами и даже не шкуры убитых животных, растянутые по стенам, а запах. Точнее, запахи. Точнее, ароматы, витавшие повсюду. Ароматы лета, весны, ароматы свежескошенной травы и ароматы благоухающих цветов. Одни услаждали, другие возбуждали, третьи веселили и бодрили. Выделялись среди них и строгие ароматы, которые не привлекали и не отталкивали, но заставляли принохиваться к себе с почтением и покорно склонять голову, отдавая дань их утончённости и редкости.

А ещё, кроме запахов, в воздухе залы стояло молчание.

Пенни предполагала, что они прервут оживлённый мужской разговор с криками и бранью, спорами и потрясанием оружием, и потому была поражена обступившей их с Руной тишине. Которую не сразу, но нарушил скрип повернутого к ним спинкой кресла, вернее, трона, одного из пяти, стоявших вокруг стола. Из-за спинки выглянула некрасивая женщина с большим плоским лицом и округлившимися словно от удивления глазами над выразительным клювом крючкватого носа. Её маленький рот с яркими влажными губами открылся, беззвучно задвигался и наконец выдавил нечто писклявое и брезгливое:

- Что вам угодно?

На Иеготу похожа, подумала Пенни, имея в виду одну из послушниц в Обители. Та, как и Руна, занималась всякими изысканиями по части старинных рукописей, однако, в отличие от последней, любила давать об этом понять окружающим не столько усердием и умными заключениями, сколько вечно шальным взглядом выпуклых глаз и неряшливостью во всём.

Поскольку посыльный Арли предпочёл благоразумно остаться за дверью, отвечать пришлось Руне, причём с его же слов. Догадываясь, сколько всего произошло здесь за день и, стараясь никого не уязвить, она заговорила витиевато:

- Нас по просьбе Меген'тора прислала Обитель. Моё имя – Руна. Со мной моя помощница Пенни. Как нам объяснили, возникла необходимость разговора с гостями, которые не понимают языка вабонов.

Сказав это, она почтительно, хотя и не подобострастно замолчала, ожидая дальнейших распоряжений.

Женщина, похожая на Иеготу, отвернулась. Вероятно, для неё приглашение каких-то толмачих было внове.

Пенни тем временем с интересом приглядывалась к присутствующим. Большинство в зале составляли очень красивого вида воины, все как на подбор рослые и широкоплечие, да в придачу облачённые в изумительной работы доспехи, отливавшие в свете свечей и факелов самыми невообразимыми оттенками. Ей поначалу даже показалось, что это стая бабочек слетелась в башню и примостилась вокруг грубого стола. Собственно, за столом сидело лишь трое из них: светловолосый великан среднего возраста в ярко-жёлтых латах; совсем рыжий юноша, повернувшийся к Пенни замечательным по правильности профилем и одетый в доспехи серого цвета с небесно-синими вставками; и чернявый, с проседью на висках мужчина, уступавший своим спутником в росте и широте плеч, но выделявшийся пронзительным взглядом тёмных глаз и орлиным носом с большими нервными ноздрями. Доспехи на нём были цвета подгнившей малины, а там, где у рыжего юноши синели вставки, его железное одеяние блестело чернотой.

Совсем не бабочка, подумала о нём Пенни.

Остальные рыцари расположились в более простых креслах, каких в зале оказалось предостаточное количество. Пенни слегка смутилась, поймав на себе сразу столько мужских взглядов, просто любопытных, удивлённых, надменных и... да-да, чуть ли не раздевающих. Последних она попыталась не замечать, хотя странное ощущение уже возникло где-то глубоко в животе и заставило снова вспомнить о красавице Олете.

Всего она насчитала двенадцать разноцветных воинов. «Гостей», как выразилась Руна.

Со стороны Вайла'туна, кроме похожей на Иеготу женщины, их встречали всего четверо.

Высокий – по меркам вабонов – пожилой воин с узким лицом, кажущимся ещё более вытянутым из-за длинной седой бороды, с заплетенными по краям косичками, обратил на новоприбывших серые глаза, в которых Пенни с тревогой увидела печать и усталость. По её мнению так не должен был смотреть человек, от чьей воли зависело благополучие всех тех людей, которые по-прежнему шумели под стенами замка. Он занимал последнее, пятое кресло, стоявшее непосредственно у стола.

Между ним и женщиной, на некотором удалении, беспокойно поскрипывал на стуле неприлично толстый человек с клокастой чёрной бородой, нависшей сразу над тремя жирными подбородками, и с бегающими маленькими глазками, какие Пенни по рассказам бабушки всегда представляла себе у трусливых воришек. Одет он был, в отличие от узколицего воина, в мирный, хотя и весьма роскошный наряд, который полагается людям, в войнах богатеющим, но не участвующим.

Он то и дело сцеплял на животе короткие пальчики, облизывал губы, вернее, проводил кончиком языка по усам и бороде, и снова судорожно хватался за подлокотники. Пенни представила себе, какой впечатление он производит на гостей, и поспешила отвлечься на следующего из присутствующих.

Этот представлял собой зрелище одновременно ещё более жалкое и устрашающее. Маленькое сморщенное и очень бледное личико, искажённое подобием застывшей улыбки. Огромные серые глаза, словно обращенные в себя и не видящие никого вокруг. Длинные жиденькие патлы вместо волос. Такая же тщедушная бородёнка, колышущаяся при малейшем движении хозяина. Картину довершали длинные тонкие руки, одна из которых бессильно свисала с подлокотника и почти касалась костлявыми пальцами пола. При всём при том Пенни ощутила в этом мерзком отродье такую внутреннюю силу – не то отвращения, не то ненависти, не то всепонимания, - с которой здесь мог бы посоперничать разве что чернявый гость с орлиным носом. Паук, подумала она.

Наконец, последним из присутствующих был совсем странный человек невнятного возраста с седенькой бородкой, но при этом совершенно лишённый морщин, с глазами шкодливого мальчика и ярким, почти женским ртом, зато с лысой головой сплошь покрытой какими-то мелкими чёрными значками, в которых Пенни попыталась, однако так и не смогла узнать никакой вразумительной письменности. На нём была застёгнутая до самого ворота причудливая шубейка, словно сшитая из множества меховых лоскутков, судя по всему, изначально принадлежавших различным животным. На вошедших он смотрел без удивления, весело, и терпеливо ждал, только иногда переглядываясь с чернявым гостем.

Пауза затягивалась.

- Всё верно, - первым нарушил её не кто-нибудь, а непоседливый толстяк, причём голосом, показавшимся Пенни не лишённым приятности. – Ваш муж распорядился утром послать за толмачихой в Обитель. Пусть неблизкий, но кто же знал, что они понадобятся нам гораздо раньше?

Женщина, к которой он обращался, невидимая за спинкой кресла, подняла полную руку и остановила его:

- Это я уже как-нибудь поняла, Скирлох. Избавьте нас от подробностей. Скелли, твоё мнение?

Паук словно только сейчас заметил появление Руны, покосился на неё, изучил с головы до ног, проделал то же самое с поёжившейся Пенни и ответил тихим голосом:

- Мы должны быть признательны сёстрам Обители за то, что они откликнулись на нашу просьбу. Благодаря усилиям Везника, - указал он длинным пальцем на человека с расписанной головой, который поспешил поклониться, - мы, как мне кажется, нашли общий язык, но

разговор продвигается слишком медленно, вы не находите, досточтимая Йедда? Если наши искусные толмачи объединят свои усилия, полагаю, дело пойдёт быстрее.

Чернявый сказал что-то недовольным тоном. Тот, кого паук называл Везником, быстро заговорил, вероятно, поясняя, что происходит. Чернявый насупился ещё больше, но в итоге кивнул и уставился на Пенни.

Похоже, мы тут хорошенько влипли, подумала девочка, следуя за Руной к указанным им стульям рядом с Везником. Она уже смекнула, что ошиблась, приняв толмача за одного из людей замка. Тот слишком бойко говорил на совершенно чужом ей языке, и от него тоже хорошо пахло.

- Вы знаете кенсай? – вежливо поинтересовалась Руна, чинно усаживаясь, будто всю жизнь только и занималась тем, что переводила переговоры двух враждующих сторон.

- Да, канитель. Мы называем его канителью.

Они говорили на общем языке, и Пенни с замиранием сердца думала о том, что сейчас оказалась в числе тех избранных, кто понимает его. Они с Руной занимались кенсаем каждый день, без перерывов, и её усердие, помноженное на терпение наставницы, вскоре стало приносить свои плоды. Пенни, разумеется, не могла бы похвастать тем, что готова понимать всё, да и чтение давалось ей пока легче, чем разговор, однако, когда Арли пришёл за ними, Руна не позволила Пенни даже усомниться в своей нужности и велела собираться в путь.

- Если со мной что случится, меня будет кем заменить, - сказала она, хотя Пенни не без оснований предполагала, что среди сестёр Зелёной Башни, к которой относились и они, есть знатоки гораздо опытнее.

- Я правильно уловила, что вы говорите на языке венедда? – продолжала между тем Руна, чем вызвала улыбку восхищения на лице собеседника.

- Вы тоже его понимаете?!

- Хотела бы. К сожалению, это знание для нас утеряно. Быть может, теперь мы сумеем восполнить этот пробел. Зато вы, я думаю, будучи венедда, понимаете нас.

- Очень плохо, - признался Везник, улыбаясь Пенни. – Поэтому наши переговоры так затянулись.

Чернявый опять что-то недовольно рявкнул.

- Нельзя ли ближе к сути? – одновременно с ним потребовала женщина по имени Йедда, став при этом ещё более похожей на Йеготу.

Пенни почувствовала себя совсем важной персоной. В отличие от остальных присутствующих, она точно знала, что происходит. И почти не нервничала.

- Сделаем так, - поспешил покончить с условностями Везник. – Вы, Руна, будете передавать мне слова вашей стороны, я – переводить их своим, а вам сообщать их ответ. И наоборот. Хорошо?

- Вполне. Кто начинает?

Везник пожал плечами.

- Мы готовы, - сообщила Руна уже на обычном языке. – Что мне им передать?

- Наконец-то! – Йедда повертела головой и стала похожей на лесную сову, каких Пенни несколько раз видела на опушке Пограничья, куда они с бабушкой ездили за хворостом. – Скажите им, что мы согласны.

Руна хотела было, не мешкая, перевести её неожиданный ответ, но была остановлена взмахом руки узколицего воина.

- Вам не кажется, *вифа*³⁸ Йедда, что мы должны воспользоваться представившейся возможностью и ещё раз уточнить условия? Надеюсь, вита Скелли, вы поддержите меня?

- Несомненно, Тиван, мне тоже не терпится узнать, что же мы тут уже так давно обсуждаем.

- О чём они говорят? – тихо поинтересовался у Руны Везник в ответ на окрик всё того же чернявого.

Руна не успела ответить, потому что была вынуждена вместо этого озвучить пожелание воина, названного Тиваном. Сводилось оно к следующему:

- Вы сказали, будто готовы отказаться от продолжения силовых действий против нас, если таковое желание будет обоюдным. Я бы хотел знать, чем мы, на ваш взгляд, можем это желание выразить, чтобы вы нам поверили?

Когда вопрос был переведён Везнику, тот быстро заговорил на языке венедда и, по мнению Пенни, сказал гораздо больше, нежели требовалось. Вероятно, от себя что-нибудь добавил. Ей это не понравилось, но приходилось помалкивать и слушать.

Сидевшие за столом разноцветные гости переглянулись. Жёлтый бросил несколько слов и поднял глаза на колесо со свечами под потолком. Рыжий юноша в сером ковырял ногтём стол. Тогда заговорил чернявый, причём гораздо спокойнее, чем раньше.

- Мы не хотим большой войны. Мы понимаем беспокойство вас и вашего народа, и готовы выслушать ваши встречные предложения. Но любые попытки лишить нас провианта и заставить уйти будут пресекаться.

- В таком случае, - продолжал Тиван, - ответьте мне на простой вопрос: пришли бы вы сегодня к нам, чтобы мирно всё обсудить, если бы ваши обозы не пострадали? Или вместо этого повторили бы утреннюю атаку на Вайла'тун?

³⁸ Вежливое обращение к замужней женщине. В данном случае Тиван употребил его с умыслом, давая понять, что обращается не столько к самой Йедде, сколько к памяти её убитого мужа, Томлина.

- Как я уже говорил, это не была атака. Наши воины выдвинулись вам навстречу и были обстреляны с улиц и домов. Их встретили стрелами, и им пришлось отбиваться. Вы считаете по-другому?

- По-другому считаю не я, а те вабоны, которые были убиты вашими мирными войнами в собственных домах. Можете спросить их сами. Мы бы никогда не начали первыми.

Рыжий юноша, не дослушав перевода, протестующе поднял руку.

- Я был вместе с первым отрядом. Мы ни на кого не нападали и просто двигались, рассредоточившись между домами, к деревянным воротам, которые увидели ещё издали. Поначалу всё шло тихо, но потом в нас отовсюду полетели стрелы.

- Вы командовали этим отрядом? – уточнил Тиван.

- Да, я.

- Как ваше имя?

- Мне казалось, мы представились ещё в самом начале... - Он строго посмотрел на Везника. – Меня зовут Стожар.

Звучание странного имени показалось Пенни красивым, хотя даже Руна с непривычки выговорила его с некоторым трудом. У неё получилось нечто вроде «Стозар», но юноша, похоже, не обиделся.

- Человрат, - вторил ему жёлтый сосед.

Чернявому ничего не оставалось, как тоже представиться, не скрывая лёгкой досады:

- Темлют.

Тивана эти лишние подробности интересовали мало.

- Стожар, вы сказали, что ваши воины рассредоточились между домами. Не кажется ли вам, что по этой причине вы даже при всём желании не могли бы точно знать, учиняют ли они там смертоубийство или следуют вашим приказам, пусть даже приказы эти запрещали им применять оружие?

- Да, у них был такой приказ.

- Вы меня не поняли. Ну да ладно. Тогда лучше скажите, почему, если вы не замыслили нападать на нас, вас сопровождало столько всадников? Вот сейчас вы приехали к нам именно что называется поговорить, и вас всего дюжина. А утром сколько было?

- Несколько сотен. Мы не знали, чего от вас ждать, и потому приняли меры.

- А теперь знаете?

- Теперь мы сидим за одним столом и говорим на одном языке. – Он только сейчас удостоил обеих женщин беглым взглядом, заставив Пенни зардеться. – Когда на нас нападают, мы отбиваемся.

- Тиван, пререкаться с ними можно до бесконечности, - заметил толстяк, поскрипывая на стуле. – Пусть ответят на ваш первый вопрос, и пойдём дальше.

К удивлению Пенни Руна не только перевела сказанное, но и помнила то, с чего Тиван начал: что требуется от них как условие до-

верия. Она не просто пересказывала вопросы на чужом языке, но и держала в голове всю канву разговора. Пенни давно бы сбилась и запуталась.

Снова слово взял чернявый Темлют.

- Думаю, будет достаточно, если вы отзовёте ваших воинов, которые зашли к нам сбоку и только ждут сигнала, чтобы напасть, а также велите мирным жителям соблюдать благоразумие и не нападать на нас просто потому, что им сделалось страшно.

- От страха бегут или ищут примирения, - не без гордости ответил Тиван, посмотрел на Йедду, но не нашёл поддержки, поскольку та в это время откровенно позёвывала. - С их стороны, готов повторить, это была вынужденная оборона. А что взамен предлагаете вы? Сложить оружие и запасться у нас провизией на обратный путь?

- Нам слишком далеко возвращаться.

- Вот этого-то я и не мог раньше взять в толк! - воскликнул Тиван. - В ваши условия не входит отступление или полный уход с нашей земли. Вы предлагаете условия, на которых хотите остаться. Если я правильно понял, то у меня больше нет вопросов.

Он откинулся на спинку кресла, всем видом давая понять, что с людьми, пришедшими, по сути, просить о мире, готов разговаривать исключительно с позиции силы. Насколько могла заключить из услышанного Пенни, потеря пришельцами столь важных для них обозов была делом рук его людей, вероятно, по его же приказу. И именно это должны были теперь осознать женщина-сова, толстяк и паук. Последний, кстати, похоже, забавлялся происходящим и не скрывал дурацкой улыбки.

Гости, выслушав спокойный перевод Руны, сидели, как ей показалось, несколько растерянные и злые. Некоторые из воинов в задних рядах начали переговариваться. Везник откровенно игнорировал их и претворялся, что не слышит. Очевидно, их слова не предназначались для посторонних ушей.

- И чего мы добились, Тиван? - в свою очередь поинтересовалась Йедда.

- Пусть подумают.

- Наш доблестный воевода полагает, - заговорил вкрадчивым голосом паук, - будто в любой момент пошлёт новые отряды во вражеский стан и они ценой своей жизни добудут ему победу. У вас есть какие-нибудь сведения о судьбе тех, кто сжёг им обозы. У меня, например, нет. Кроме стойкого подозрения, что они все погибли. Если так будет продолжаться и дальше, Тиван, посчитайте, хватит ли нам людей?

- Я был на стене, - ответил за Тивана толстяк, - и видел, сколько их там собралось. Ничуть не меньше наших, если не больше. Причём, если включать фолдитов. - Он выдержал скрипучую паузу. - Предлагаю прямо спросить у них, что им нужно, чтобы уйти.

- А вы уж спрашивали, зачем они вообще пришли? – вырвалось у Пенни.

Йедда проколола её взглядом как бабочку – иглой. Толстяк предостерегающе скрипнул. У Тивана странным образом задёргалось левое веко. Паук приоткрыл в улыбке безгубый рот и заметил:

- Дитя моё, простите, что мы не можем просветить вас насчёт всего, что говорилось здесь в ваше отсутствие. Вы весьма проницательны, но вопрос целей их прихода нам уже ясен. Давайте не отвлекаться.

- Извините, - промямлила Пенни.

- Переведите им, что нам нужно подумать, - швырнула на стол своё решение Йедда. – Нам понятны их требования и пожелания, мы хотим всё взвесить и ответим завтра утром. Спокойной ночи!

Она встала.

Все присутствующие последовали её примеру, хотя большая их часть ещё не поняла, о чём речь. Везник быстро говорил, остальные слушали. Рыжий юноша явно остался недоволен, жёлтый воин кивнул, а Темлют ответил так:

- Мы надеемся, что вабоны проявят благоразумие и прислушаются к нашим миролюбивым словам. Сейчас мы покинем ваш гостеприимный замок, но завтра будем ждать вас у себя, в наших шатрах. Венедда тоже любит принимать гостей.

К такому повороту событий хозяева были явно не готовы. Пенни заметила, как рука паука украдкой прихватывает локоть женщины, предвосхищая поток возмущенья, которое уже отразилось на её дряблом лице. Он же первым нашёл слова для подобающего ответа, видя, что ни Тиван, ни толстяк не хотят брать на себя ответственность.

- Завтра у нас день скорби и печали. Мы хороним погибшего сегодня мужа Йедды. А потому, боюсь, не сможем отлучиться. Надеюсь, вы понимаете наши чувства.

- Нам очень жаль, - сказал на это Темлют, не дослушав перевод до конца. – Но я вынужден настаивать на своём предложении. В противном случае я, так же как и вы за своих, не могу поручиться за всех наших воинов. Достижение окончательной договорённости не терпит отлагательств. Мы ведь не хотим, чтобы похороны продолжались бесконечно.

С этими словами он сделал знак остальным и решительно направился к выходу. Пенни опасно посторонилась и заметила, как Везник, проходя мимо Руны, что-то шепнул ей.

Когда зала опустела, а шаги гостей стали громко удаляться по коридору, Йедда утомлённо опустилась обратно в кресло и закрыла лицо руками. Кроме Руны и Пенни, все снова заняли свои места, намереваясь продолжить совещание в узком кругу. Воцарилось молчание.

- Вы ещё здесь? – возмутилась Йедда, с усилием отнимая ладони и выкатывая глаза на застывших посреди залы женщин. – Ступайте!

- Разумеется, до завтра, - уточнил паук. Он потрудился встать, подойти к стене и несколько раз потянуть скрытый за драпировкой шнур. Как поняла Пенни, где-то это его движение отозвалось сигналом, и вскоре в дверях возник уже знакомый им Арли. – Проводите наших гостей в лучшие покои и проследите, чтобы у них было всё необходимое. Руна, Пенни, мы пришлём за вами утром. А пока устраивайтесь и отдыхайте.

Ого, он запомнил даже моё имя, думала девочка, выходя следом за наставницей в потускневший после яркой залы коридор. Паучок-то, оказывается, очень непростой!

- Удалось прийти в себя? – участливо поинтересовался Арли, когда они снова приблизились к лестнице, и добавил: - Вниз, оно всегда легче.

- Вы мне нравитесь, Арли, - ответила Руна, на всякий случай беря Пенни за руку. – Другой бы на вашем месте набросился на нас с распросами, что да как. Вы – правильный человек.

- Ох, скажите это моей жене, - расплылся посыльный в добродушной улыбке. – Она почему-то замечает только мои недостатки.

- Полагаю, это качество хороших жён.

- Ну, уж не знаю. Кстати, она тоже трудится в замке, так что вы её ещё увидите.

- Будем рады.

- Ниже этажом у нас живут виггеры, - пояснял Арли, пока они осторожно спускались по крутой лестнице. - В обычное время можно было бы неплохо разместить вас там, но, сами понимаете, сейчас их тут не сказать, чтобы избыток, но слишком много, и я не поручусь, что вам со столь юной спутницей будет удобно в таком соседстве.

- Поверьте, это излишняя щепетильность. Мы привыкли к простоте, а уют можно создать, где угодно.

- Будь вы простыми гостями, я бы, уверяю, так и поступил. Но вы же слышали, что даже Скелли потребовал для вас особого ухода. А он зря подобные вещи не говорит. Видать, ваши труды пришлись ему по вкусу.

- Вы преувеличиваете.

- Уж поверьте мне! Я тут не первый день и не первый день знаю Скелли. Ну, знаю и знаю – разные вещи, но обычно он проявляет к нашим гостям, как бы лучше выразиться... меньше заботы.

- Наверное, мы должны быть польщены. – Руна сжала Пенни руку и, когда девочка посмотрела на неё, картинно закатила глаза, после чего улыбнулась и продолжала, как ни в чём не бывало: - А как зовут вашу жену?

- Ильда.

- А детей?

- Пока не обременены, знаете ли.

- Приятное бремя. Если бы не избранная для меня ещё в детстве судьба, думаю, я бы не отказалась завести парочку. И жизнь полнее, и в старости подспорье.

- Мы об этом думаем. – Арли откашлялся. – Так что сказали эти чужеземцы? Признаться, я сгораю от любопытства...

- Похоже, мы из-за меня прилично опоздали и успели застать только самую концовку. Судя по всему, переговоры продолжатся завтра. И весьма вероятно, что не здесь, а там.

- Вот те раз! Хотя да, по лицам Тивана и Скирлоха я заметил, что они, мягко говоря, не слишком довольны.

- Кстати, кто такой этот Скирлох? – Руна переложил руку на плечо Пенни. – Так удобнее.

- Вы не знаете? Скирлох слы́вет одним из самых богатых богате́ев. Раньше он уступал в этом разве что Томлину. Теперь, наверное, его жене. Её вы видели тоже.

- Женщина с норовом.

Арли только вздохнул.

- Они решили объединиться, сыграв свадьбу своих отпрысков. Тогда, думаю, окончательно в замок переберутся. А если ещё и своих домочадцев с собой прихватят, то придётся многим, включая нас с Ильдой, делать отсюда ноги.

- Вам тут нравится?

- Да не сказал бы. Но другого ничего я толком делать не умею, а Ильда привыкла. Мы с ней и познакомились две зимы назад здесь же. Дома уже сколько не был! У нас тут, считай, всё. Жалко будет.

- Тогда не спешите раньше времени отчаиваться. Обычно бывает так, что загадываешь одно, а выходит совсем по-иному.

- Это точно! Ну вот, пришли, нам сюда.

По запахам сразу стало понятно, что где-то здесь располагается кухня.

- Хоть время позднее, что-нибудь перекусить Ильда для вас обязательно найдёт. С дороги сразу не получилось...

- Дорогой Арли, это совсем лишнее.

- Вкусная булочка и добрый крок никогда лишним не бывают. Следуйте за мной. Сюда. Ну, как вам?

Он открыл перед ними дверь, показавшуюся Пенни после тех высоченных врат, что остались наверху, низенькой, и пропустил женщин в небольшую, но уютную, а главное – тёплую келью, все стены которой были обтянуты мягкими коврами с яркими узорами, изображающими причудливые растения. Растения туго переплетались, будто хотели задушить друг друга.

Вдоль стен стояли три широкие кровати, накрытые такими же яркими накидками. Между кроватями возвышались ворохи пёстрого тряпья, сложенного здесь в отсутствие постояльцев.

- Некуда было убрать, - признался Арли. – Не помешает?

- Нет, нет, нисколько, - заверила Руна. – Тут очень мило.

- Располагайтесь, а я пока позову Ильду.

Он вышел, похоже, облегчённо вздохнув.

Пенни скинула шубку и блаженно плюхнулась на ту кровать, что стояла справа от входа.

- Тут даже спать можно!

- Именно этим мы сейчас и займёмся, - заверила Руна. – Против ужина я на самом деле ничего не имею, но все эти переходы и восхождения так меня утомили, что на большее, чем забраться под одеяло, я уже не способна.

- Зачем вы отговорили меня захватить с собой притирания. Сейчас бы я вам ещё ноги подлечила.

- Пустое, дитя моё. Мы тут не навсегда. Мне кажется, что раньше я бы ещё сильнее устала. – Руна выбрала дальнюю от двери кровать и присела на краешек, пристально оглядывая новое жильё. – Ты не посмотришь, что там в углу, за драпировкой? Оттуда поддувает. Или мне кажется?

Пенни послушно встала, заглянула за ткань и обнаружила две деревянные створки, закрытые на простенькую щеколду. Отворив их, она увидела широкое углубление прямо в каменной стене, в котором, пригнувшись, могла бы уместиться сама. Заканчивалось углубление прорезью, через которую виднелись огни костров у подножья замка. Ветер дул сильный.

- Вы были правы. Тут какая-то дырка.

- Я поняла. Это не просто дырка, - усмехнулась Руна. – Я слышала, что тут во многих комнатах есть такие выходы наружу, где можно, когда захочется, справить нужду. И всё добро полетит либо в ров, либо в Бехему.

- Да?! – Пенни поспешила захлопнуть створки и задёрнуть драпировку. – Так и околеть недолго.

- Близость кухни нас спасёт. Я также слышала, что зимой они даже по ночам топят кухонные печи. Выспимся.

- Мати Руна, - решила на давно донимавший её вопрос Пенни, - а что вам сказал перед уходом этот Везник? Я видела.

- Ничего особенного. Пожелал спокойной ночи и новой встречи завтра в своём шатре.

- Вы думаете, наши согласятся пойти к ним?

- Эх, дорогая моя, я уже ничего не думаю. – Руна откинулась на высокие подушки и вытянула ноги. – Ты же видела, кто отстаивает наши интересы.

- Вы их знаете?

- Нет. Слышала только про Тивана. Говорят, был доблестным воином. – Она понизила голос. – Остался последним после гибели Ракли. Все остальные, кого ты видела, люди новые.

- И паук? В смысле... этот, Скелли.

- У него история долгая. Он больше всех воду мутит. Наверняка только вид делает, будто ему толмач нужен, а сам кенсай не хуже нас знает. Но помалкивает. Обычное желание умного человека выглядеть глупее, чем он есть на самом деле. Ты голодная?

- Не очень, но если жена Арли что-нибудь принесёт, не откажусь. А кто такие эти венедды? Мне кажется, мы про них в Обители уже говорили, но я думала, что их на самом деле не существует, что они остались только в древних рукописях.

- Я тоже так когда-то думала. Как видишь, мы обе ошибались. – Руна признала это без особого сожаления. – В старых списках «Сид'э» говорится, что венедда были первыми, кто населяли Торлон, тогда ещё не Торлон, конечно, но эти земли, включая Пограничье.

- И Пограничье?

- В те времена оно было вовсе не тем Пограничьем, опасным и враждебным, каким знаем его мы. Не существовало ни шеважа, ни вабонов. Все мы были одним славным народом венедда, который жил здесь *испокон веков*, как выражались раньше, и, между прочим, возвёл первую башню – Меген'тор.

- Эту самую?!

- Ну, да.

- Сколько же ей зим? – Пенни снова огляделась, но уже другими глазами. – Наверное, не меньше ста. Что вы так на меня смотрите? Больше?

- Гораздо. Когда я сама была послушницей, вроде тебя, помнится, Лодэма сделала некоторые подсчёты по «Сид'э» и некоторым другим рукописям и получила в результате что-то вроде восьмисот пятидесяти.

- Зим? Ничего себе! Разве такое бывает?

Руна только улыбнулась в ответ, и Пенни поняла, что в очередной раз сморозила глупость. Оказывается, сто зим – не бесконечное время, как ей представлялось в детстве. Бабушке уже перевалило за шестьдесят. Руне тоже, наверное, около того. Нет, конечно, сотня зим – это не так уж и много...

- Ты мне лучше скажи, ты понимала, когда мы говорили с этим Везником?

- Ой, так хорошо! Он, правда, некоторые слова довольно странно произносил, но об их смысле я могла догадаться по образам.

- Молодец. Да, он прекрасно строил образы, лучше меня, надо признать. У него красивый кенсай.

Руна никогда не хвасталась тем, что одна из немногих сестёр говорит на кенсае бегло, причём сразу на трёх уровнях. Остальные умели читать и связывать в речи простые формы по первым, реже – по вторым значениям слов. То, как сегодня говорила Руна, понравилось Пенни больше, но если она считает, что этот Везник лучше...

- А что у него было написано на голове?

- Судя по всему, это обережные и привлекные знаки, которые, наверное, помогают ему в его деле. Мне они незнакомы. Я узнала только один или два. Что ты всё стоишь? Присядь или приляг.

- Сейчас нам еду принесут.

- Это не повод себя мучить.

- А какие знаки вы узнали?

Руна посмотрела на девочку с укоризной. Пенни знала эту её привычку не сразу говорить о сокровенном. Ей надобилось время, чтобы вспомнить, что перед ней не кто-то посторонний, а та, кому она может – если не обязана – объяснять всё как есть. До появления Пенни у Руны давно не было постоянной ученицы.

- Он избегал показывать мне своё темя, однако, мне показалось, что там у него изображён круг с лучами разной длины. Если так, то это Инглия, первозданный Свет, или даже сам Рам'ха, его Создатель.

- То есть, ему известны те же боги, что и нам?

- Разумеется. Первые строки «Сид'э» писались ещё тогда, когда не было вабонов, как бы странно это ни прозвучало сегодня. Меня другое заботит. Когда они уходили, я заметила у него на затылке знак Арлега.

Пенни сразу вспомнила, что арлегами назывались гордые противники добрых богов, которые затеяли тягаться с ними в великой Ассе, войне Света и Тьмы. Подумав, она решила, что Руна имеет в виду равносторонний крестик, вписанный вершинами в углы квадрата. У Везника он был совсем маленький, однако она почему-то тоже обратила на него внимание.

- А что в этом плохого? Может быть, он так остерегается.

- Нет, это был привлекный знак, - пояснила Руна. – По краям стояли две точки. Кроме того, одна точка стояла в правой нижней части, а это уже не просто какой-нибудь из арлегов, а Свар'лег, их предводитель. Ничего хорошего в этом нет.

- То есть, он, таким образом, призывает тёмные силы?

- Надеюсь, что нет, и я просто обозналась.

- Но вы же не можете обознаться!

- Могу, дитя моё. Иногда мне кажется, что чем больше мы узнаём, тем проще совершаем ошибки. Мудрость не позволяет нам совершать только серьезные, непоправимые ошибки. А в остальном мы ничуть не лучше любого фолдита и его недалёкой жены.

Пенни снова хотела возразить, но тут дверь открылась, и вошла невысокого роста хрупкая женщина с большим подносом и улыбкой в пол-лица. Поставив поднос на свободную кровать, она всплеснула руками.

- Как же я рада, что нас посетили сестры из самой Обители! Я так много про вас слышана! Я даже слышала, что кое-кто из вас пришёл нам сегодня на помощь с оружием в руках. Какая смелость! Я вам так благодарна!

- Ну, мы-то пришли безоружными, - уточнила Руна.

- Да вы не слушайте меня. Угощайтесь. Арли рассказал, сколько вам всего за день пришлось преодолеть. Должно быть, вы совсем без сил. Отдыхайте на здоровье. Надеюсь, тут вам не очень холодно. Если что, я могу печку ещё подтопить.

- Нам вполне уютно. Вас ведь Ильдой зовут?

- О, вы запомнили! А я вас тоже знаю: матери Руна и мисс Пенни, не правда ли? Вы и в самом деле говорили с этими людьми? С теми, что напали на нас сегодня. Они уйдут? Уйдут навсегда?

Руна сделала одобрительный знак Пенни, и та приблизилась к подносу. На нём стоял глиняный кувшин с чем-то явно горячим, блюдо со вкусно пахнущими булочками, два блюда варенья и вазочка с сушеными фруктами и орехами. Она отлила в стакан из кувшина ароматного варева, подхватила две булки и поднесла Руне. Потом присела рядом с кушаньями на кровать и отправила в рот горсть орехов. Ильда с трепетом наблюдала за ней, не решаясь помочь или уйти. Неужели она и в самом деле считает нас чем-то особенным, подумала Пенни.

- Думаю, никто не знает наверняка, что будет завтра, - подумав, созналась Руна, делая глоток и надкусывая одну из булок. - Очень вкусно. Вы сами это приготовили?

- Меня редко допускают до готовки, - призналась Ильда, отчего-то смутившись. - Мы тут с мужем в основном на побегушках. Может быть, последние деньки, правда...

- Да, он говорил. Жалко.

- Да не то слово! Мне тут всегда очень нравилось. Если наскучит внизу сидеть, всегда можно наверх взобраться и вокруг, сколько вздумается, смотреть. Когда зима ещё не началась, знаете, какая красота в Пограничье стояла! Деревья прямо как будто пламенем объятые. Я люблю высоту!

Она замолчала, чувствуя, что своим присутствием сковывает гостей, и, однако ж, не решаясь уйти. Болтушка, подумала Пенни, макая свою булку в варенье. Или просто соскучилась по человеческому общению. Мало ли кто там у них на кухне сидит. Надо бы её как-нибудь поддержать, развлечь.

- И давно вы тут живёте? - вежливо поинтересовалась она, хотя прекрасно помнила рассказ Арли.

- Третью зиму уж. Сперва на кухне помогала, когда ещё Ракли был у дел. Потом меня заприметили, и одно время я даже Мунго помогала. Это наш лекарь здешний. - Ильда красноречиво зарумянилась. - Ну, а потом мы с Арли стали семьёй жить, и меня перевели, можно сказать, к нему в помощницы: подай, принеси и всякое такое.

- А правда ли что Ракли ещё жив? - неожиданно спросила Руна.

- И не знаю даже, что подумать, - всплеснула руками Ильда. - В клетки, куда его должны были посадить, меня никогда не посылали. Но слышала, что, мол, да, жив. А вам за какой надобностью?

- Да просто хочу понять, не перевелась ли в замке справедливость окончательно. Судилища над ним, вроде, не было, а пропал человек, как под землю сгинул.

- То-то и оно, что под землю. Клетки, они ведь все под землёй. Там, говорят, и крысы водятся. А уж как представляю, какой сейчас там холод стоит, бррр... - Ильда посмотрела на Пенни и рассмеялась. – Что, одни глупости говорю?

- Нет, ну что вы! Очень интересно. И вкусно тоже. Особенно варенье.

- Я рада. Послушайте, а как вы думаете, в Обители, если что, мне какое-нибудь местечко смогут выделить? Я многое чего делать могу.

Пенни подозревала, что именно этим всё и закончится. Она посмотрела на Руну, но та уже лежала с закрытыми глазами и делала вид, будто спит. Приходилось выкручиваться самой.

- Конечно, Ильда, вас с удовольствием примут, но только если вы решите остаться, на вас будут наложены некоторые условия.

- Какие?

- Ну, например, что вы подолгу не сможете видеться со своим мужем. Потому что его туда не допустят.

- Как, вообще? Даже ко мне?

- Мужчинам в Обитель вход закрыт.

- И что же вы, совсем там без них обходитесь?! – Ильда поскутнела. – Я бы не смогла, - призналась она. – Мужчина, муж, мне нужен. Иначе грустно жить. Ночь-другую я бы ещё протянула, а потом взвыла. Я ещё могу понять... - кивнула она украдкой на Руну, - но вы, мисс Пенни... вы такая хорошенькая. Такие волосы. Фигурка. Мне так нравится ваш зимний наряд!

Сейчас она того и гляди на меня набросится. Восторги восторгами, но пора и меру знать. Как бы её спровадить?

Придумать, что бы такое сказать вежливое, но строгое, она не успела. Снаружи послышались громкие крики, заставившие обеих девушек встрепетаться. Ильда метнулась к выходу, Пенни – за ней. Она оглянулась на Руну, но та только глаза приоткрыла и не пошелохнулась.

- Поймали, поймали! – радовался кто-то.

- Со стены упал! Весь переломался! – уточнял другой.

- Нечего тут глазеть! Расходитесь! – призывал третий.

Пенни в самом деле не удалось из-за спин столпившихся в проходе на лестницу увидеть толком ничего, кроме двух или трёх разгоряченных мужчин, которые тащили вверх по ступеням чьё-то бездыханное тело с окровавленной головой. Кто это был и что произошло, она так и не поняла. Зато в суматохе как-то сама собой потерялась болтушка Ильда, и Пенни смогла спокойно вернуться в спальню. А ещё она брезгливо поморщилась, потому что обступившие её теперь запахи разительно отличались от тех, что она недавно вдыхала в

хи разительно отличались от тех, что она недавно вдыхала в тронной зале.

Руна сидела рядом с подносом и с удовольствием доедала его содержимое.

- Чего-чего, а готовить они тут умеют, - вынесла она свой вердикт. – Что там был за шум?

- Кто-то, должно быть, убился. Труп несли наверх. Вы хорошо себя чувствуете?

- Вполне. – Руна достала из-за пазухи зеркальце и придирчиво глянула на себя. – Если ты по поводу моей бледности, то это я переживаю насчёт завтрашнего дня.

- Почему?

- Ну, разве ты не понимаешь? Если наши умники согласятся идти на переговоры во вражеский лагерь, может произойти любой подвох. Я им не доверяю. Если мы не пойдём, однако, может выйти ещё хуже: великаны снова нагрянут с оружием. В любом случае, мне кажется, тебе лучше отдохнуть, а на рассвете ступить обратно, в Обитель.

- Нет! Куда же я пойду без вас? – Пенни растерялась. – Мы вместе пришли и вместе уйдём.

- А что я скажу твоей бабушке, если с тобой что случится? Я же не подозревала, что всё так серьезно. Арли, ты помнишь, ничего толком сказать не мог. Обманул нас по сути.

- А если что-нибудь случится с вами, что я скажу Куне, вашей сестре?

- Ох, за неё не переживай. У неё куча дел помимо меня.

- Мне показалось, вы помирились.

- Показалось. Потому что мы никогда не ссорились. Просто у неё своя жизнь, а у меня – своя. И давай больше не будем об этом. Сюда приглашали меня одну. Это я настояла, чтобы прихватить тебя. Думала, тебе будет интересно.

- Мне интересно!

- Да уж куда интереснее! Того и гляди замок с землёй сравняют. Нет, милая моя, в стан к этим венеддам я тебя не возьму, так и знай. Я уже немало прожила на свете, одной бабкой меньше – ничего страшного. А тебе ещё расти и жизнь познавать.

- Вы так говорите, будто прощаетесь. Прекратите!

- Ну, прощаюсь, не прощаюсь, а вечно мы с тобой под ручку ходить точно не будем. Учись своей головой больше думать.

- Я и думаю. Я с вами пойду. Бабушка меня поймёт. – Пенни проследила, как Руна встаёт и, подняв подбородок, возвращается к себе в постель. – Я знаю, что вы хотите сделать. Вы хотите изобразить обиду, чтобы со мной не разговаривать. И чтобы я вас не переубедила. Ну и не надо! Только из замка мы уйдём вместе. И никто его ни с чем не сравняет! Если что, у меня есть вот это.

Она засунула руку под подол рубашки, пошарила, нашла тугую застёжку на кожаных ножнах, изловчилась и вынула красивый кинжал с широким, обоюдоострым лезвием и деревянной рукояткой с удобными выемками под пальцы, чтобы те не скользили даже при резком втыкании во что-нибудь твёрдое. Очень полезное свойство, объяснила ей Тайра, когда дарила подруге это впечатляющее оружие, доставшееся ей самой не слишком праведным путём, о котором сейчас не стоило распространяться.

- Тебе пригодится, - сказала она сегодня утром, узнав, что Пенни поспешно собирается и уходит в замок. – Носи при себе и никому не показывай.

Второй заповеди она ослушалась.

Руна смотрела на кинжал с ужасом и отвращением.

- Оружие нужно только тому, кто умеет с ним обращаться. Спрячь и не пугай меня. Не знаю, откуда оно у тебя, но тебе оно точно не принадлежит. Ты гевита, а не гардиана. Наше оружие – слово, запомни. Самое острое, самое точное и самое безотказное. Всё остальное будет обращено против тебя. А теперь задуй свечи и давай спать. Утро вечера мудренее.

Пенни послушалась, и в ту ночь ей приснился необычный сон.

Она идёт по лугу. Зима давно прошла, а может быть, ещё не наступила. Навстречу ей словно из-под земли выходит ничем особо не приметный дедушка с взлохмаченной седенькой бородкой. Одет он как простой фолдит, но в руке у него длинный-предлинный меч с узким лезвием, похожий на гигантскую иглу. Кажется, она видела подобные ему накануне, у разноцветных воинов. Дедушка смотрит зло, а глаза у него точно волчьи, серые и въедливые.

- Ты-то мне и нужна, - говорит он и преграждает Пенни путь мечом. – Не бойся, я тебя убивать не буду. Но ты должна меня выслушать.

- Я иду домой, - словно в своё оправдание отвечает она.

- погоди с этим. Не время ещё. Ты мне тут нужна.

- Это где же?

- Да тут, в замке.

Пенни оглядывается – и точно: никакого луга больше нет, а они стоят теперь на каменной стене и зачем-то вглядываются в дымы над Пограничем.

- Люблю высоту, - признаётся дед, повторяя недавние слова Ильды.

- Что вам от меня нужно? – напоминает Пенни.

- Скажи, что ты видишь?

- Всё.

- Что именно?

- Пограничье. Вон Бехема шумит.

- А ещё что?

А и правда! Вокруг ничего-то и нет. Ни изб, ни заборов, ни живой души. Только луг играет травой под ветром с реки. Как будто и не было ничего.

- Что это?!

- Это то, что станет с Вайла'туном, если ему не помочь.

- А люди где?

- Туда ушли. — Он показывает на далёкие дымы. — Только там ещё жизнь есть. Уцелело немного и им сейчас так тяжело, что они жалеют о том, что выжили. Их уже не спасёшь.

- Что же делать?

- Не спеши возвращаться в Обитель. И со врагами разговоров не води. — Дед стал как-то странно мерцать, словно растворяясь в воздухе. — Меня завтра поутру отыщи, договорим. Тебе нужен Светияр.

Что за странное имя, подумала Пенни и проснулась. Вдоль одной из стен под самым потолком обнаружился ряд из четырех маленьких окошек, и через эти окошки сейчас пронзали комнату четыре пыльных луча света. На улице наступил день.

- Руна?

Кровать наставницы стояла пустой и аккуратно заправленной, словно на ней никто не спал.

Пенни прислушалась. Нет, разговоры доносятся, за стеной шумит железная посуда, кто-то даже напевает, значит, то был и в самом деле только сон. Но такой, что она до сих пор ощущает на лице порывы тёплого ветра с запахами пожухлых листьев.

Просто Руна, как и обещала, бросила её одну.

Пенни откинула одеяло и обнаружила, что спала голой. Она совершенно не помнила, чтобы раздевалась. Одежда лежала сложенной стопкой на свободной кровати. Под ней прятался кинжал, в ножнах, на кожаном ремешке, который было удобно перекидывать через плечо. Тайра сказала, что когда тебя обшаривают, его таким образом очень трудно обнаружить, потому что обычно оружие ищут на поясе или за голенищем, а этот кинжал можно вешать чуть ли не на спину да ещё легко положение менять, сдвигая ножны туда-сюда.

Прежде чем одеться, Пенни проверила работу обнаруженного накануне нужника в стене. В широкой прорези были видны толпы беженцев под башней. Убедившись, что хотя бы снаружи ничего не изменилось, она расслабилась, привела себя в порядок, наскоро ополоснулась из стоявшей возле двери кадки с прохладной водой и даже нашла в себе желание воспользоваться другим подарком, на сей раз полученным от Олеты. Это было почти такое же, как у Руны, зеркальце, но к нему прилагалась тоненькая кисточка и крохотный напёрсток с крышечкой. В напёрстке находилась густая чёрная масса с острым запахом и масляным блеском. Достаточно было поплевать на неё, а потом нанести кисточкой тонкие полоски на уголки век, и вот уже из зеркальца на Пенни смотрит не прежняя простушка, а выразительная

красоточка с обольстительной поволокой и живыми искорками в улыбающихся глазах. В Обители Пенни этим подарком почти не пользовалась, чтобы не смущать своих умных подруг и наставниц, но сейчас они были далеко, а во взглядах чужих мужчин ещё вчера она уловила столько неподдельного интереса. Чужих мужчин... Для неё пока все мужчины были чужими. И таковыми останутся, похоже, навсегда, раз уж она связала себя обетом постигать премудрости Грён'тор, Зелёной Башни. До сих пор она об этом своём решении не жалела. А что будет теперь, если Руне не суждено вернуться оттуда, куда она направилась, и Пенни останется одна? В замке её не оставят. В Обитель примут, но кто тогда займётся её обучением? Под началом старой Лодэмы почти никого больше нет. Не заводить же ей дружбу с мерзкой Иеготой. Но ведь и бабушку она не бросит. Нет, по любому придется возвращаться, Руна права. А мужчины? Кто сказал, что они того стоят?

Пенни заглянула на кухню, увидела там несколько занятых своим тяжелым и вкусным деломстряпух, однако ни Арли, ни его жены среди них не было. Интересно, куда я смогу тут пробраться, чтобы меня не схватили? Вот было бы здорово осмотреть всю башню! Может, попробовать? Все главные, должно быть, отправились на переговоры, охрана осталась, но не всюду же они караулят, да и едва ли кому есть дело до маленькой девочки.

В последнем она ошиблась. Маленькая девочка оказалась нарасхват. Сперва её окликнули с кухни, приняв за мальчика-разносчика. Потом прижали к стене на лестнице и допросили на предмет происхождения и целей визита, после чего неохотно отпустили, сопроводив обидными шлепками пониже спины и смехом. Наконец, перед ней произнесли целую речь о красоте вообще и её собственной в частности, предложив ответить на комплименты наглядным показом скрытых достоинств. Пенни предпочитала отшучиваться, но последнее предложение окончательно вывело её из себя, и она пригрозила наглецу жестокой расправой. Её возмущённые слова были встречены веселее любой шутки и обернулись дерзким поцелуем в самые губы, отчего Пенни стало так противно, что она смачно плюнула куда-то в сторону улыбающейся физиономии и бросилась наутёк. За ней погнались, её спасли, но спаситель тоже оказался из числа любвеобильных ухажёров, так что пришлось поспешно расстаться и с ним. Где-то в очередном коридоре промелькнула Ильда в длинном платье и с охапкой белых простыней. Пенни постеснялась её окликнуть, тем более что мимо проходил как ни в чём не бывало Арли, правда, он тоже куда-то спешил, так что они ограничились пожеланиями друг другу доброго утра. Судя по взгляду, Арли удивился этой встрече. Очевидно, он знал, что все уже уехали на встречу, и не ожидал застать Пенни здесь. Сказать он ничего не сказал, но девочке от этого сделалось ещё более неудобно. Она уже собиралась поискать обратный путь в спальню, когда увидела старика из своего недавнего сна.

Он сидел на лавке в глубине коридора, куда не проникал свет с улицы, не прятался, но и не спешил себя обнаруживать. Выглядел дед точно так же, как она помнила, только никакого длинного меча не было, а был обычный топорик, который он держал на коленях. Поблизости никого из посторонних не оказалась, так что Пенни могла не слишком опасаться, что их странный разговор кто-нибудь услышит.

- Светияр? – Интересно, как она умудрилась запомнить это непривычное имя?

Старик, до сих пор взиравший на неё без особого выражения, встрепелся, и волчий взгляд его серых глаз стал откровенно неприветливым.

- Кто спрашивает?

Пенни только сейчас подумала, что будет как-то уж больно глупо сказать, что они познакомились сегодня ночью у неё во сне. Ничего подобного с ней никогда ещё не происходило. Разумеется, люди ей снились часто, иногда попадались знакомые, но так, чтобы сперва встретить незнакомого человека во сне, а утром увидеть его же сидящим на лавочке – нет, о такой возможности она раньше не догадывалась.

- Пенни.

- Всего-навсего? – Старик шутил, но лицо его при этом оставалось серьезным и даже отталкивающим. – А кинжал зачем?

- Какой кинжал? – оторопела она.

- Который ты под одеждой прячешь. Ладно, не пугайся, вижу, что ты его не для нападения, а для защиты припасла. Правильно, нынче время опасное. - Старик похлопал по лавке рядом с собой. – Садись, Пенни, поговорим.

Она послушно приблизилась и села, ощущая себя мушкой, залетевшей в невидимую паутину. Перед ней был не вчерашний паук с длинными тощими ручищами, но и этот при всей своей непохожести едва ли уступил бы ему в умении заманивать жертв и понуждать их к откровенности.

Убедившись, что девочка села, старик отвернулся и задумался.

- То, что ты видела сегодня ночью со стены, - заговорил он наконец, - правда. Вайла'тун может исчезнуть, будто его и не было. Ибри уже столкнули однажды вабонов с шеважа и теперь добавляют новых врагов – венедда. Раньше братья ходили на братьев, а сейчас того и гляди дети обрушатся на родителей. Ты понимаешь, о чём я?

- Да, кажется. Ведь и этот замок, как я слышала, строили венедда где-то восемьсот с лишним зим назад.

- Чтобы слышать подобные вещи, нужно быть в правильных местах, - заметил старик, слегка оттаивая, и добавил: - Только не называй меня больше Светияром. Моё имя Ахим.

- Вы сами себя так ночью называли.

- Знаю. Вынужден был. Ты из Обители?

- Да.
- На общем говоришь?
- Так себе.
- Вчера на переговорах была?
- Была, но не переводила. Мы были там с моей наставницей.
- О чём речь шла?

Если бы он расспрашивал её сейчас со злым умыслом, то не делал бы этого как откровенно. Хотя внешне он вёл себя сдержанно, она чувствовала, что ему не сидится. Лучше, наверное, ответить.

- Мы пришли уже к концу. Они как раз спорили, кто начал драку. Так не на чём и не остановились. Венедда не хотят уходить и угрожают на сей раз явным нападением, если наши не примут каких-то их условий.

- Интересно. Выходит, не они на нас, а мы на них утром напали?

Пенни только плечами пожала. Ахим покачал головой.

- Поскольку вчера они ни к какой договорённости не пришли, решили перенести переговоры на сегодня, у них в стане. Наши поначалу отказались, но, как я поняла, потом решили согласиться.

- А тебя что ж, не взяли?

- Когда я проснулась, моей наставницы уже не было. Она не хотела, чтобы я шла с ними. Боялась. Говорила, чтобы я возвращалась сегодня же в Обитель. Поэтому я и решила, что они ещё засветло ушли сами, без меня.

- Если ушли, то тоже не все. Тиван, кажись, ушёл. Знаешь его?

- Старый виггер. Да, он вчера вёл переговоры.

- Кто там ещё был?

- В тронной зале? Кроме Тивана, ещё трое. Заправляла всем какая-то женщина по имени Йедда. Потом был ещё более жуткого вида паучина Скелли, который, как сказала моя наставница, наверняка знает общий не хуже нашего, но претворяется. И наконец один жирдяй, имени которого я не запомнила.

- Скирлох.

- Да, наверное.

- Интересно. Очень интересно. Судя по всему, сейчас в замке остался из них только Скелли. Как ты его назвала? Паучина? Метко, однако. Но это странно.

- Что?

- Я вполне мог ожидать, что они пожертвуют Тиваном, он им не нужен. Однако рано утром я видел, что замок вместе с ним покинул и Скирлох, и Йедда. Должно быть, они уверены, что с ними ничего там не произойдёт. И всё таки Скелли себя обезопасил, раз остался. И мы при нём.

Последнюю фразу Пенни не поняла.

- А Руну, мою наставницу, вы видели?

- Не знаю. Во дворе было слишком много народа и слишком темно, чтобы всех рассмотреть. Они взяли с собой десяток воинов, а вот была ли среди них ещё женщина, не заметил. Вероятно. Ты давно научилась выходить в Навь?

- Что?

- Навью я называю то место, где мы с тобой повстречались во сне. Ты давно туда ходишь?

- Вообще-то я никуда не хожу, а просто сплю, как все нормальные люди. Я удивлена не меньше вашего.

- Я не удивлён. Мне просто нужно понять, случайно ли произошла наша тамошняя встреча или я могу рассчитывать на тебя и впредь.

- Рассчитывать на меня?

- Нас слишком мало.

- Кого?

- Проснувшихся. Тех, кто не просто видит зло в нашем мире, но и понимает, откуда оно взялось. Чтобы не сбивать гнилые плоды или подрезать больные ветки, а вырвать заражённое дерево с корнем. Для этого нужна сила, но её-то у нас сейчас и нет. Очень не хочется гибнуть, сознавая это. Ты меня не понимаешь?

- Нет. – Пенни испытала первый приступ голода. – Кто такие иб-ри? Это ведь, кажется, и означает «без корней»?

- Это те, кто уже почти овладел Вайла'туном, а скоро завладеет и всем Торлоном, если мы не дадим им отпор. Они среди нас, они почти внутри нас. – Ахим волновался и с трудом сдерживался, чтобы не повысить голос. – Многих из них легко увидеть и узнать, потому что хариами своими они похожи на животных и птиц. Но не все. Некоторые неотличимы от нас, потому что гниют не снаружи, а изнутри. О них можно судить только по поступкам, даже не по словам. Потому что слова у них порой звучат правильно, но это только слова. И боюсь, что кое-кому даже удалось пробраться в Навь.

Он замолчал и посмотрел на девочку, ожидая вопросов. Пенни почему-то вспомнился вчерашний воин во всём желтом.

- Его звали Человрат, - брякнула она.

- Он был здесь?! Ты видела его?

- Кого?

- А кого ты только что назвала Человратом? Ты его видела?

- Ну да, он был в тронной зале вчера. Вы и его знаете?

- Нет. – Ахим нервно растёр ладонями лицо. – Хотя раньше думал, что знаю. Жаль, что вчера мне весь вечер пришлось прятаться.

- От кого?

- Долгая история. Твоя знакомая Йедда хочет моей скорейшей смерти. Вчера, правда, она её получила. Я разбился о камни под стеной замка.

- Так... это вас несли вчера по лестнице? Вы погибли? Вы мёртвый?!

- Не совсем, как видишь. Но об этом здесь знают только мои новые друзья да ты теперь. И пока я живой, я не оставлю этих ибри в покое. Ты должна мне помочь.

Чем дольше Пенни его слушала, тем более странным он ей казался. Им явно владела какая-то мысль, вероятно, справедливая, но владела настолько всеохватывающе, что он забывал о собеседниках, которые не поспевали за ним и были вынуждены теряться в догадках. Поэтому она решила лишний раз не переспрашивать его, а дожидаться запоздалых объяснений либо сделать вид, будто ничего не слышала.

- Вы сегодня уже завтракали? – поинтересовалась она, вставая с лавки.

- Что? Ах, да, конечно, уже поздно. Скоро обед.

- А у меня уже живот сводить начинает. Пойду поищу Ильду или её мужа. В Обитель я не вернусь, пока не дожусь Руны.

Ахим резко ухватил её за руку.

- Сядь, девочка. Или ты думаешь, что наша встреча случайна? Сядь!

Она повиновалась. Топорик на коленях старика не пошевелился, никто о нём не вспомнил, так что, может быть, всё не так страшно.

- Завтрак может подождать. Ты не похожа на ту, кому незнакомо чувство голода и кто предаёт своих друзей. Видишь, я даже не спрашиваю, кто ты и откуда. Ты умеешь читать свитки, а я умею читать людей. И я могу дать тебе ответы на вопросы, которых ты не задаёшь, потому что не догадываешься об их существовании. Но всему своё время. Пока ты можешь оказаться полезнее, чем я.

- Я не знаю...

- Зато я знаю.

- Тогда скажите! Я не понимаю вас. Хочу, но не понимаю. Только не говорите опять, что это долгая история. Если есть, что сказать, говорите, если нет – я пойду на кухню.

Она впервые заметила на его лице улыбку. Улыбка была не жалкая и не вымученная. Ему и вправду стало весело. Он даже потрепал себя за бороду и закивал.

- Пенни – хорошая девочка. Ей осталось только научиться терпению и выдержке. Она честная и отважная, а сегодня ещё и красивая. Та, что подарила тебе краску для глаз, постоянно думает о тебе.

- Олета? Вы...

- Нет, никогда её не видел, но думаю, что в молодости влюбился бы в неё. Как и в тебя теперешнюю. С возрастом я научился по этому поводу не сожалеть. Так где ты всё-таки жила до того, как попасть в Обитель?

- С бабушкой. На окраине. В шаге от Пограничья. Разве вы это по мне не прочитали?

У них выходил странный разговор, полный каких-то намёков, подначивания и даже кокетства. В какой-то момент Ахим напоминал

ей всезнающую бабушку, в другой – их соседа Каура, которого бабушка спасла ценой раны и который умел хранить внешнюю неприступность и жёсткость, особенно с женщинами. При этом Ахим явно оставался самим собой, и, казалось, просто присматривается к ней из глубины старческой головы. В детстве она слышала сказки о людях, которые как будто умеют переселяться из одной человеческой оболочки в другую, побеждать или брать в плен бывшего хозяина тела и таким образом, сменяя тела, жить бесконечно. Может, и он хочет завладеть мною?

Она встала.

- Ахим, вот ты где прячешься! А мы уж решили, что ты втихаря сбежал.

К ним подходил длинноволосый парень внешне не похожий на воина, то есть не в доспехах и вроде бы даже без оружия, однако Пенни была готова поклясться, что он умеет за себя постоять. Шел он слегка вразвалочку, как ходят люди, уверенные в собственных силах и не опасющиеся за свою жизнь. Обращаясь к старику, он с нескрываемым интересом смотрел на девочку, и его хитро прищуренные раскосые глаза говорили ей больше, нежели она хотела знать.

- Внучку повстречал? – предположил длинноволосый, останавливаясь от них на некотором расстоянии и с видом ценителя разглядывая Пенни с головы до ног. Потом, словно спохватившись, отвесил ей элегантный поклон и сделал шаг назад: - Бокинфал, к вашим услугам.

- Моя внучка сейчас уже постарше тебя будет, сынок, - как ни в чем не бывало отозвался Ахим, снова усаживая Пенни рядом с собой. – А эта милая девушка прибыла к нам из самого Айтен'гарда, где она изучает древние языки и читает по звёздам. Ты читаешь по звёздам?

- Нет, - призналась Пенни.

- Такие глаза не должны утомляться от созерцания всяких звёзд, - высокопарно поддержал её новый собеседник и при этом не предпринял попытки подсесть. – Говоря, что наша гостья просто мила, ты, по моему, её оскорбляешь, Ахим. Она хороша как первый подснежник и прелестна, как моя мать, когда ещё не знала моего отца. Уверен, что и имя у неё подстать. Не откажите признаться, как вас зовут-величают?

Пенни почувствовала, что помимо своей воли краснеет, причём вовсе не от стыда или возмущения, как того можно было ожидать, а от тайного удовольствия.

- Пенэлла. Но вообще-то я для всех Пенни.

Длинноволосый призадумался, словно взвешивая оба имени на весах своего воображения. Между тем Пенни вспомнила, где уже видела его: вчера вечером, на лестнице, когда они с Руной поднимались в тронную залу. Она ещё решила, что ему с таким наглым взглядом гораздо больше подошла бы Олета. Но, как говаривала бабушка, Торлон тесен. Раньше она этого не осознавала.

- Мне бы не хотелось оказываться в толпе тех, кого вы называете «всеми», поэтому я бы стал обращаться к вам Пенэлла. Однако я подозреваю, что пока я проговорю такое упоительно длинное имя, вы убежите. Поэтому я изменю своим принципам и примкну к большинству. Что новенького, Пенни?

Девочка прыснула, будучи не готова к столь витиеватому заигрыванию, и посмотрела на Ахима, ища поддержки. Старик хмуро разглядывал топор.

- Ваше имя тоже не отличается краткостью, - нашлась Пенни. - Но разве вы убегаете, пока его произносят? Давайте попробуем. Бокин...

Он принял её ребячество и отступил на два шажка, потом рассмеялся, подошёл поближе и совершенно серьезно предложил:

- Пенни, будьте моей женой.

Ахим крикнул.

Пенни потеряла дар речи.

Бокинфал стоял, терпеливо ожидая ответа. Только пальцы, лежащие на бёдрах, чуть заметно подрагивали от волнения. Неужели он не шутит? Он ведь должен понимать, что шутка вышла бы глупой. А если не шутит, то что делать ей? Самой отшучиваться? Сделать вид, будто не расслышала или не поняла? Притвориться глухой? Дура, о чём я думаю!

- Если я соглашусь, вы дадите нам с Ахимом договорить?

Кто это сказала? Тэвил, неужели я? И что теперь?

Бокинфал устремил на неё такой взгляд, что Пенни стало не по себе. Кажется, он понял её буквально, но, поскольку она сейчас сама себя не понимала, трудно было сказать, рад он подобному ответу или оскорблён.

- Связывая себя с ней, - заговорил ставший до этого момента почти лишним Ахим, - ты взваливаешь на себя тяжёлую ношу, сынок. Этой девочке предстоит, быть может, возродить культ великих героинь прошлого и самой сравняться с ними по важности совершённых ею подвигов. И если ты потом отступишься от неё в силу гордыни или ещё почему, каким бы длинным и красивым ни было у тебя имя, ты будешь в лучшем случае забыт потомками. Так что не спеши со своими чувствами, остерегись и одумайся, пока не стало слишком поздно. Упреждаю тебя.

В подобных случаях некоторые девушки, как слышала Пенни, предпочитают падать в обморок и тем самым освобождают себя от необходимости давать пусть даже уклончивый ответ. Олета, наверное, так бы и поступила. Тайра, та, скорее всего, предложила бы этому Бокинфалу сразиться и в честном поединке решить, кто чего достоин. Но она-то не Тайра и не Олета. Что же делать? Как утро не заладилось, так теперь до вечера мучайся... Мучайся?! Почему она должна себя обязательно мучить? Почему нельзя вместо этого получать удовольст-

вие? Разве не сказала бабушка, когда она последний раз навещала её, фразу, которая тогда показалась ей обычной, а сейчас – провидческой: для кого мученье, а для меня – лечение?

- Я подумаю над вашим предложением.

Где же это она слышала, чтобы в подобных случаях отвечали таким образом? Может быть, вчера в тронной зале? Нет, кажется. Тогда... Она смотрит на этого Бокинфала, хочет броситься ему на шею, хочет почувствовать, как он будет её обнимать и целовать, но не делает ни шагу навстречу и отгораживается ничего не значащими словами.

- Подумайте, Пенни. – Юноша отстранил прядь волос с напряженного лица. – А ты, Ахим, за меня не переживай. Уверю тебя, что без меня ей свои подвиги будет вершить гораздо труднее. А что до потомков, то наши потомки будут хорошо помнить своего деда и прадеда.

Пенни почувствовала, что последние слова обращены главным образом к ней. Он давал понять, что, глядя сейчас во все глаза на неё, думает не только о скорейшем удовлетворении вспыхнувшего в холодном коридоре желания, но и о будущем, их будущем. Бабушка говорила, что мужчины нужны не для удовольствия, а для священного бремени деторождения. В противном случае она должна их сторониться и нисколько по этому поводу не переживать. Что она и делала до сих пор. И никогда не подозревала, что с такой готовностью поверит первому встречному, угадавшему её настрой.

- Если ты согласишься ему, - словно читал её мысли Ахим, - то никогда уже не сможешь вернуться в Айтен'гард, для которой предназначена. Не знаю, давала ли ты соответствующий обет, но наверняка о нём знаешь. Не спеши соглашаться.

Что он имеет в виду? Соглашаться жить в Обители без мужа и семьи или соглашаться стать женой? Вместо этого Пенни спросила о другом:

- Вы что-то говорили о моём долге. Расскажите. Меня убьют?

- Могут. Как и всех нас. Зависит от тебя. Сейчас мы стоим на пороге большой войны. Или великого единения. Точнее, Великого Объединения. Если ты читала «Реку времени», то видела это место. – И он воспроизвёл по памяти: - *«Река времени течет единым потоком, пока не упрется в преграду, которую не сможет преодолеть, но не потечет от неё вспять, а станет шириться и набираться мощи, и тогда зальёт собой все земли, и будет в силах людских заставить её сделаться либо гибелью, либо спасением».*

- Нет, - смутила Пенни. – Мы с Руной пока так далеко не заходили.

- Я читал, - вмешался Бокинфал. – Я ведь тоже был когда-то писарем, так что кое-что в этом смыслю.

- Вот как? И что же ты смыслишь? – приготовился слушать Ахим.

- Бехема...

- Только не говори, что это пророчество и что когда-нибудь, очевидно, зимой на Бехеме произойдет затор, и она зальёт Вайла'тун.

- Но...

Ахим раздражённо стукнул кулаком по топору.

- Так думают те, кто думать не умеют или разучились. Бехема – река, но не река времени. Запруда на ней, на настоящей Сид'э – это те три народа, которые теперь мы видим воочию: вабоны, шеважа и венедда. Их великое единение станет огромной мощью, но даже тогда всё в итоге сведётся к тому, как и кто этой мощью распорядится. Ведь есть люди добрые, но есть и злые, а есть вообще нелюди, только внешне сохранившие человеческий облик. Теперь мы знаем, что имя им – ибри. И все они так или иначе стремятся к власти. Только каждый по-своему. Добрые люди живут надеждами и часто не видят угроз, которые необходимо незамедлительно устранять. Они производят впечатление ленивых увальней, однако в них живет большая сила, и несдобровать тому, кто покусится на их волю. Злые люди к власти стремятся, но не сами. Потому что все их желания и устремления поработаны нелюдьми, которых, разумеется, меньше всех, но которые действуют сплоченно, продуманно, жестоко и неторопливо. Настолько неторопливо, что многие до сих пор их вреда просто не замечают. Спроси сегодня любого вабона, кто построил этот замок. Она не ответит. Спроси его, почему мы с таким остервенением сражаемся с шеважа, называем их не иначе как дикарями и стараемся навсегда прогнать их из Пограничья. Он промолчит. А если ты спросишь, отчего он сиднем сидит дома, вместо того, чтобы отправиться хотя бы вниз или вверх по Бехеме и поискать новых, более удобных для жилья земель, он вообще решит, что ты рехнулся. Если ты умный, если ты писарь бывший, вот и скажи мне, почему так происходит, откуда это повелось? Тоже молчишь? То-то, сынок! А ответ в том, что нас такими сделали, сделали умышленно. Зачем? Потому что такими мы им больше подходим. Мы ни о чём не думаем лишнем. Не задаём вопросов, на которые у них нет для нас ответов. Мы довольны тем, что имеем, и боимся даже это потерять. Нам подсунули в качестве идола птицу, и мы покорно возвели её в разряд повелительниц, причём приписали ей заботу о том, что для нас должно быть важнее всего – нашей душе. Только сейчас, когда её прообраз вынужден обнаруживать себя и показываться нам во всей своей омерзительной уродливости, мы, и то не все, кое-кто замечаем, что эта птица, эта сова слишком подозрительно смахивает на жену одного убитого богача. С чего бы это всё? Опять молчишь?

Слушая пространное рассуждение Ахима, Пенни смотрела на Бокинфала и понимала, что не она одна сбита с толку. Старик говорил с чувством, его было интересно слушать, неожиданные мысли находили в её сердце отклик, будто когда-то она уже сама об этом размышляла, ему совершенно не хотелось возражать, не хотелось спорить, как иногда случалось у них с Руной, когда та слишком однозначно высказы-

валась по тому или иному поводу, умудренная опытом и считающая, что наставница на то и наставница, чтобы давать наставления, а не пререкаться с послушницей. На фоне раскрывавшейся перед ней картины нового мировосприятия вопрос её взаимоотношений с Бокинфалом представлялся теперь мелочным и терялся, уступая место чему-то гораздо менее очевидному, но зато гораздо более важному и неотложному.

- Руна.

- Что? – не понял Ахим.

- Если она оттуда вернётся, я тоже вернусь с ней в Обитель. – Решение родилось само собой. – Если же их там предадут, и с ней что-нибудь случится, то... - Она встретила взглядом с Бокинфалом, - я готова остаться и... - посмотрела на Ахима, - выполнить свой долг, о котором мне до сих пор неизвестно.

- Ты хорошо сказала, девочка. Плохо только, что ты поставила на весы жизнь доброй женщины. Но ты не виновата. Её судьба была предрешена ещё тогда, когда встретила тебе возле колодца.

- Колодца?! Откуда вы...

Ахим предупредительно поднял палец, костистый, со сломанным ногтём.

- То, что я говорю, я не всегда знаю. Но я всегда вижу.

- Значит, вы и гибель Руны видите? И мою? И... всех нас?

- Ох, как я не люблю, когда мои слова переиначивают! Особенно, если я их не произносил. Нет, ничего ещё не предрешено. Я не вижу будущего. Я только вижу то, что было и то, что может произойти. И то не всегда. Иногда я ошибаюсь очень сильно. Настолько, что погибают люди, - закончил он и виновато улыбнулся.

- Поэтому ты не имеешь права нам мешать, - вступился Бокинфал. – Ты ведь любишь меня, девочка?

Взволнованный, напряженный, перебирающий пятернёй длинную чёлку, он был сейчас неотразим. И ждал ответа. Её робкое «да» совпало со смачным плевок Ахима.

- Когда вы наконец поймёте, что мы тут не в детские игры играем?!

Бокинфал протянул Пенни руку, красивую, с длинными нервными пальцами.

- А с чего ты решил, будто мы кому-то что-то должны?

- С чего? Спроси её, что она видела сегодня в На... во сне! Пенни, расскажи этому глупцу!

Ей не понравилось, что Ахим назвал её нового друга «глупцом», однако она думала, что понимает и его чувства.

- Да, это правда. Я видела... в смысле, я не видела ничего.

- Она ничего не видела! – подхватил Бокинфал.

- Я не видела Вайла'туна.

- Какой ужас! – рассмеялся он, притягивая девушку к себе и осторожно обнимая. – Мне сегодня тоже Вайла'тун не снился. Быть беде!

И тут Ахим произнёс странную фразу, от которой Пенни стало бо-
язно.

- За тобой никто не стоит, Бокинфал. Иначе я бы мог решить, что тобой управляют. И убил бы тебя прямо здесь. Не задумываясь. Ты говоришь слова, о которых потом будешь жалеть. Моё дело предупредить. И когда ты вспомнишь этот наш разговор, смотри, чтобы не было слишком поздно.

Она отстранила руку юноши и отступила в сторону.

- Я пообещала остаться, если мне не с кем будет возвращаться в Обитель. Что вам ещё от меня нужно? Что вы так смотрите? Вы ведь до сих пор даже не объяснили, что я должна делать? Да и вообще, почему я?

У Ахима сейчас был такой взгляд, будто старик изо всех сил пытается что-то вспомнить, но не может. Жалость, нежность и отчаяние. Он хороший человек и не желает никому зла. И явно знает нечто важное. Вот только что?

- Мы не должны позволить им втянуть нас в войну. Это стало бы концом для нас всех. И от тебя, Пенни, зависит многое. Я не хотел говорить тебе всего сразу, но, похоже, иного выхода нет. Бокинфал, ты не мог бы отойти?

Старик сводит меня с ума, подумал тот, медленно удаляясь и оставляя свою юную любовь наедине с весьма странным человеком, умудрившимся за вечер и утро образовать вокруг себя нечто вроде круга заговорщиков. Он смело говорил о вопиющих вещах, но люди почему-то ему верили. Давеча они послушались его и прекрасно справились с поставленной задачей: подставной труп был найден, доставлен пред вытаращенные очи мамыши их нынешнего правителя, и та, не заметив подмены, поблагодарила Рэя за верную службу. Собственно, она не удосужилась взглянуть в окровавленное лицо с тем вниманием, которое требовалось. Вероятно, она куда-то спешила, была занята другими мыслями, так что хитрая, хотя и опасная задумка удалась. Ахим был спасён ценой их заговора, их обмана. Раскрытие которого ещё может им аукнуться так, что не позавидуешь.

Бокинфал вообще не слишком уютно чувствовал себя здесь, в холодном и негостеприимном замке, куда и при Ракли-то не спешил по-
пасть, а теперь и подавно. Если бы не личная просьба Ротрама быть его глазами и ушами при Рэе, он бы ни за что сюда не припёрся. Ротрам хотел, чтобы среди его людей в замке находился, если так можно выразиться, ещё более «его» человек, а Бокинфалу как своему писарю он доверять привык. Кроме того, он прекрасно знал, что Бокинфал умеет подмечать то, чего не видят другие, а увиденное не просто запоминает, чтобы при случае правильно изложить, но и ловко сопоставляет с уже известным, используя врождённую проницательность и

память. Благодаря опыту прошлой жизни в замке он чувствовал себя свободнее других, неплохо ориентировался и был знаком с некоторыми тамошними обитателями. Например, со Скелли, главным писарем, под началом которого имел удовольствие служить в далёкой юности. Удовольствие это, разумеется, было относительным, Скелли вызывал в нём здоровое отвращение, они тогда почти не общались, так что теперь, заметно состарившийся и забивший голову одному ему внятным мыслями, тот явно даже не узнал его, когда накануне утром они все предстали перед ним – личная охрана и гвардия. Из всего, что последовало после этого, Бокинфал сделал вывод о том, что главный писарь никому не доверяет, ведёт собственную игру и, чувствуя за собой силу оружия, действует решительно и быстро. Чтобы с такой быстротой разжаловать одного военачальника и тут же назначить другого, нужно было обладать недюжинной самоуверенностью. Пожалуй, кто бы там что ни говорил, а на сегодняшний день замком управляет именно он, Скелли.

Вчерашняя мимолётная встреча на лестнице башни с молоденькой девушкой, совсем ещё девочкой, смутила Бокинфала. За время, проведённое у Ротрама, он повстречал немало красивых и желанных женщин. Взять хотя бы Тису, или Шори, или ту же Феллу, обладание которой он мог бы счесть подарком судьбы. Однако во взгляде усталой девочки на лестнице он увидел нечто, что помешало ему спать большую часть ночи и заставило с самого утра отправиться на её поиски. Глядя на неё сейчас, беседующую о чём-то со странным стариком, он невольно представлял себе сладостные картины жизни в уединённой избе, вдали от посторонних глаз, дни, полные любви и покоя, детского лепета и тихого семейного счастья. Раньше в женщинах его влекло всегда одно и то же, а сейчас это ощущение разрослось до столь всеохватывающих пределов, что он лишь глазами отмечал стройность её гибкого тела, тогда как другие органы создавали у него в голове образ невообразимо разносторонний и яркий. Тису ему когда-то хотелось растерзать. Шори – унижить. Феллу – хотя бы поцеловать в смеющиеся губы. С Пенни ему хотелось того же самого, только гораздо сильнее... и совсем по-другому.

Он наблюдал за ней и сознавал, что возникающие чувство, на сей раз не внизу живота, а гораздо выше, где-то в области сердца, занимает собой без остатка все его мысли. Нужно было разобраться в происходящем, понять, что задумал Ахим, приготовиться на случай нового нападения вражеских полчищ, нападения, которое непременно будет во сто крат мощнее и беспощаднее первого, однако рассудок отказывался слушаться и продолжал монотонно твердить: Пенэлла, Пенэлла. И не бывать ему в покое до тех пор, когда его бывший хозяин, он, Бокинфал, ни заручится её ответной любовью.

Наконец, испуганно отшатнувшись от Ахима, девочка встряхнула волосами и побрела прочь, навстречу ему. Он попробовал угадать по

её побледневшему лицу, о чём шёл разговор, но маленький рот был плотно сомкнут, губы и подбородок не дрожали, в глазах ни слезинки. Да, у неё фигурка Тисы, смелость Шори и обаяние Феллы. Её нельзя потерять!

- Идём отсюда?

- Куда? – Она послушно дала ему руку, и он ощутил, какие холодные у неё пальцы. – Я не могу сейчас.

- Да я не про то совсем. На стену давай сходим. Поглядим, что там творится. Если, конечно, ты не замёрзла.

- Нет. Давай.

Он обнял её за плечи. Пенни не отстранилась. Но и в глаза не посмотрела. О чём-то думала.

- Чего он тебе наговорил?

- Не знаю. Не поняла его.

Обманывает. Всё прекрасно поняла. И именно поэтому не хочет рассказывать. Ладно, потерпим.

- Он нам давеча тоже с три короба нагородил. Мужики уши и поразвесили. Так что немудрено, если и ты под его влияние попала. Навязчивый старик.

На стене их ослепило яркое дневное солнце, отражавшееся от обледеневших камней. Стражники, которых снова прибавилось по сравнению со вчерашним вечером, глянули на них косо, однако никто ничего не сказал. Вероятно, они тут уже свыклись с тем, что по замку постоянно разгуливают незнакомые им люди. Пенни, правда, явно некоторых заинтересовала, но Бокинфал продолжал обнимать её, показывая всем желающим, что сперва им придётся иметь дело с ним. Девочка накинула капюшон и превратилась в хорошенькую куклу. Он остался с непокрытой головой, несмотря на ветер с Бехемы, не пронзительный, скорее, бодрящий. Подставил лицо солнечным лучам.

- Хороший денёк!

- Тебя и вправду зовут Бокинфал?

- А почему это тебя удивляет?

- Необычное имя. – Пенни только сейчас посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась.

- Мне говорили, что в стародавние времена так звали одного мудреца, который прославился тем, что рассчитал количество дней отделяющих одну зиму от другой.

- Зачем?

- Не знаю. Вероятно, он любил точность.

- Какая разница, начнётся зима на день раньше или на два позже? Так или иначе она всегда наступает, и все это знают. Станный у тебя был предок.

- Он не был моим предком. Просто я ношу его имя. Неплохое, согласись.

- Да, довольно красивое. – Она присела на корточки и заглянула в нижнюю бойницу, через которую было видно подножье замка.

- Твоё мне тоже нравится. Почему ты предпочитаешь, чтобы тебя звали просто Пенни. По-моему, Пенэлла звучит интереснее.

- Мою бабушку зовут Радэлла. Пенэлла и Радэлла слишком похоже звучат. А ей уже очень много зим. Я хочу звучать помоложе.

- Выдумщица!

- Волосатик!

- Кто?

- Ты!

Бокинфал подхватил её под мышки, легко поднял в воздух и поцеловал в щёку. Пенни только и успела, что ойкнуть.

- Никогда так больше не делай!

- Не любишь, когда тебя целуют?

- Ты мог поскользнуться, и мы улетели бы вон туда. – Она ткнула рукавичкой в далёкий двор перед башней.

- Боишься высоты?

- Нет, но не хочу, чтобы её измеряли моим падением.

Он снова обнял её, прижал к себе и на сей раз нашёл для поцелуя губы. Пенни не сопротивлялась, не вырывалась, просто стояла с закрытыми глазами и ждала, когда он закончит.

- Эй, вы там! Найдите для свиданий другое местечко! – прикрикнул на них кто-то из стражников.

- Это ты нам?! – послышался чуть в стороне жеманный женский голос. – Как ты смеешь, виггер! Ты знаешь, кто перед тобой?

Бокинфал оглянулся и только сейчас заметил, что на стене, кроме них и стражей, стоит ещё одна парочка. Он – почти ещё мальчик с удивлённо полуоткрытым ртом и горделивой осанкой. Она – некрасивая девушка одного с ним возраста или даже чуть постарше. Белобрысая чёлка, большие глаза, вздёрнутый нос. Они держались за руки, но не обнимались и тем более не целовались, так что возмущение девушки можно было счесть справедливым. Если бы не произнесенные ею в запальчивости слова, Бокинфал готов бы был принять вину на себя, а так он только нежно отстранил Пенни и присмотрелся к невольным друзьям по несчастью.

- Простите, миси Анора, - поспешил поправиться стражник. – Я вовсе не вас имел в виду. Вон те двое ведут себя вызывающим образом.

Девушка по имени Анора и её спутник глянули в указанном направлении, и Бокинфал не нашёл ничего лучше, как с улыбкой поклониться. Он уже сообразил, что имеет дело с наследником убитого накануне богача и сыном этой пренеприятнейшей Йедды, что дорвалась до власти в замке, Кадмоном, и его будущей женой, которая, разумеется, перебралась сюда вместе с ним. Отцом девушки был Скирлох, торговавший в Вайла'туне буквально всем, кроме оружия. Кстати, интересно, почему?

- Пойдём отсюда, - шепнула Пенни.

Внутренний голос говорил Бокинфалу, нет, даже кричал, что она права и надо делать ноги, однако что-то, какое-то нездоровое любопытство удерживало его на месте. Он ничего предосудительного не сделал, никто не может запретить ему любить ту девушку, которая ему нравится, сюда он попал не просто так, а приглашён по важному делу, так что какого Тэвила до него докапываются!

- Надеюсь, приятель, ты не ко мне приревновал? – громко сказал он, так что услышали и стражники, и те двое. – Потому что если я тебя поцелую, потом тебе уже точно не жениться.

Раскрасневшийся на ветру виггер стал ещё краснее и ухватился за рукоятку торчавшего из-за пояса меча. Кое-кто из его дружков хохотнул. Остальные с интересом ждали продолжения.

- Перестань, - взмолилась Пенни. – Тебе только драки не хватало.

Бокинфал был уверен в себе и знал, что справится со стражником, быть может, если потребуется, даже с ними со всеми. Вот только делать это на глазах высокородной парочки, пожалуй что, действительно, не следовало. Пусть приходят на «кровь героев», если так хочется, и смотрят за большие деньги. Да и оружия он с собой нынче не прихватил.

- Ладно, - миролюбиво отмахнулся он от стражника. – Есть дела поважнее.

- Да уж точно, - вторил тот. – Чем наших девок портить.

Кровь ударила Бокинфалу в голову. Этот образина только что прилюдно обозвал Пенни девкой да ещё возомнил, что она, видите ли «их»! С какого такого перепуту?

Он легонько оттолкнул девушку от себя и, не обращая ни малейшего внимания на её отчаянные призывы, направился к стражникам. Шёл не спеша, как учили, сближаясь с противником в такт дыханию и проигрывая в уме свои и его дальнейшие действия. Накануне он не последовал всеобщему примеру и не прикладывался к кроку, так что голова, если не считать едва сдерживаемой ярости, была свежей и соображала чётко.

Видя, что парень смело идёт на него, стражник выхватил было меч, однако враг оказался не вооружён, и это обстоятельство теперь его явно смущало. Не мог же он просто так взять и зарубить наглеца. Да ещё на глазах у самого Кадмона. За это не только выгнать из замка, но и без головы оставить могут. Кто его знает, кто этот наглый волосатик...

А тот и не собирался останавливаться. Казалось, ему всё равно, сколько вокруг него противников. Тем более что остальные просто выжидали, а сам виновник перепалки мешкал.

- Эй, прекратите! – долетел до них окрик Кадмона. – Сейчас же прекратите! Я скажу матери.

Вероятно, это должно было прозвучать грозно, потому что Бокинфал увидел, с какой поспешностью стражник, до которого ему оставалось несколько шагов, сунул меч обратно за пояс, показывая всем видом, что вовсе не намерен продолжать эту дурацкую браваду.

- Не надо!

Это уже был голос Пенни. Бокинфал оглянулся и увидел, что парочка приблизилась к ней и стоит чуть поодаль, рассматривая её одежду, необычную даже для замка, слишком короткую, слишком обтягивающую и вообще не просто тёплую, но и соблазнительно красивую. Если со мной что произойдет, мелькнула мысль, я бы не хотел, чтобы она осталась одна.

Он бросил на стражника испепеляющий взгляд и так же вразвалочку направился обратно.

- Надеюсь, ты удовлетворён? – встретил его Кадмон, продолжая коситься на Пенни. – Честь спасена и синяков не прибавилось.

Очевидно, он ожидал благодарности за своё своевременное вмешательство, однако Бокинфал считал несколько иначе.

- Ну, синяками бы ваш страж не отделался, а справиться с ним – невелика честь. Думаю, благодарность вы заслужили, но только, скорее, от него.

- Почему-то мне казалось, будто преимущество в бою оказывается на стороне того, кто вооружён, - парировал Кадмон, скрывая недовольство заносчивым ответом незнакомца.

- Не всегда. Если хотите, я могу вернуться и показать вам на примере этого олуха.

- Кто вы такой, что не боитесь стражей? – остановила его порыв спутница Кадмона. Глаза из-под белобрысой чёлки смотрели на Бокинфала с откровенным интересом, чего не могла не заметить Пенни.

- Вольный боец, миси Анора, - представился он с поклоном. – Служу тем, кто мне платит.

Это было не совсем так, но какая разница? Не рассказывать же им сразу о том, что их вызвали сюда защищать главного писаря, потому что тот имеет какие-то дела с их содержателем, Ротрамом, торговцем оружия.

- Так вы меня узнали? – одарила его самодовольной улыбкой девушка, вероятно, позабывшая о том, что её недавно назвал по имени стражник.

Глупая, но, должно быть, важная пташка, подумал Бокинфал. Обижать её прямокой не стоит. Кто знает, когда может понадобится подобное знакомство.

- Разумеется, миси Анора. Только невежды не знают в лицо достойных обитателей Меген'тора. – Он кивнул юноше. – Маго Кадмон.

- Ваша догадливость достойна похвалы, - ответил тот, снова отвлекаясь на смущённо притихшую Пенни. – И говорите вы тоже не

как невежды. Мне это нравится. Однако вы забыли одну немаловажную вещь – представиться.

- О, это моё упущение! Конечно! Бокинфал, к вашим услугам.

- О цене мы ещё не договорились, - пошутил Кадмон. Он протянул руку Пенни. – Будем знакомы.

- Пенни, - сказала девочка, осторожно пожимая варежкой дорожную кожаную перчатку с меховой оторочкой. – Очень приятно.

- Взаимно. Вы тоже вольная воительница?

- Пенэлла прибыла из Обители Матерей, - поспешил ответить Бокинфал, обнимая возлюбленную за талию. – Она знает язык наших нынешних врагов и пришла, чтобы помочь.

- О, как интересно! – воскликнула Анора. – Откуда вы его знаете? Ведь они появились только вчера.

- Боюсь, что это не совсем так, - уточнила Пенни. – Они тут впервые появились где-то восемьсот зим тому назад, так что времени у меня было предостаточно.

Поражённые слушатели переглянулись. Пенни пришлось добавить, что родного их языка она не понимает вовсе, но что среди них был толмач, и вот он-то и говорил на кенсае, общем языке.

- Про кенсай я что-то слышала, - призадумалась Анора.

- Мать рассказала мне, что вчера были переговоры, - вспомнил Кадмон. – Значит, вы тоже были на них? Я хотел туда попасть, но меня не пустили.

- Я там тоже была не одна, - созналась в ответ Пенни. – Моя наставница вела разговор. Я только слушала. Она и сейчас одна к ним поехала, в смысле, без меня. А ваша мать поехала?

- Куда? К этим? – Он пренебрежительно указал на вражеский стан. – С какого перепугу? Для этих целей существует Тиван.

- Не только, - заметила Анора. – Мой отец поехал.

- Если бы моего отца вчера не застрелили, он бы тоже поехал. А так матери придётся с ним прощаться и всё такое.

Бокинфал с Пенни украдкой переглянулись.

- Наши соболезнования, - сказал Бокинфал.

- Можете оставить их при себе. Мой отец погиб от случайной стрелы, и это прискорбно, но случившегося не изменить. Не стоило спускаться в подземелье и пытаться допросить пленных. Я всегда говорил, что каждый должен заниматься своим делом. А теперь ещё нам всем предстоит возвращаться домой, в наше тухлое поместье, потому что мама решила хоронить его именно там.

- Почему нельзя здесь?

- Ей втемяшилось в голову, что отец погиб не до конца, ну, в смысле, если закопать его где-нибудь тут, он будет являться нам по ночам и чего-нибудь обязательно требовать. Мёртвые, говорит она, всегда требовательны к живым. Одним словом, нам не будет покоя.

Вот и хочет теперь предать его земле там, где он всегда жил. Мол, и ему спокойнее будет, и нам.

- Может быть, она права, - сочувственно заметил Бокинфал, хотя подобное предположение повергло его в изумление.

- Наверняка права. Только покидать сейчас замок далеко не безопасно.

- Да, - подтвердила Анора и вопросительно посмотрела на Бокинфала, будто ждала его согласия. Не дождавшись, продолжила: - А вольный боец не пожелал бы сопровождать нас в этом коротком путешествии? Мы были бы ему весьма признательны, правда, Кадмон?

- А в самом деле! – Юноша посветлел. – Ты ведь не станешь отказываться? Её отец тебе хорошо заплатит. Когда вернётся. А моя мать... она тоже была бы только рада. Ну, как, договорились?

Столь резкий поворот разговора не дал Бокинфалу времени опомниться. Он только что думал о том, как странно устроено у этих богачей, когда один почему-то должен платить за другого, хотя денег полно у обоих, и вот уже от него ждут ответа, который он не в праве дать, не обсудив с Рэем и не заручившись его поддержкой.

- Мне? С вами? Когда?

- Как только всё будет готово.

- Мой отец, - напомнила Анора, - когда узнает, точно вас не обидит.

Бокинфал посмотрел на Пенни. Ему показалось или она на самом деле едва заметно кивнула? Он взял её за руку и почувствовал сильное пожатие, хотя взгляд и бледность выдавали волнение.

- Предложение лестное, но неожиданное, - сказал он в ответ. – Я здесь не один...

- Твоей спутнице, разумеется, мы тоже будем рады, - многозначительно заверил его Кадмон. – Ни ей, ни тебе ничего не придется делать. Я надеюсь. Просто, понимаете, тех людей, что сейчас отвечают за безопасность матери... за нашу безопасность, набирал когда-то мой отец, так что теперь, когда его нет, я лично не слишком им доверяю. Вот и Анора со мной согласна. Не забудь только захватить с собой что-нибудь из оружия. На всякий случай. Не думаю, что оно тебе даже понадобится. Ну так как, едем с нами?

- Нас тут несколько человек, - объяснил своё замешательство Бокинфал. – И вообще-то мы были приглашены вашим главным писарем, который тоже, оказывается, переживает за свою безопасность.

- Он-то кому нужен? – усмехнулся Кадмон. – Но если дело только в нём, это не большая проблема. Моей матери Скелли никогда не откажет.

- Ты и сам можешь с ним запросто поговорить, - предложила Анора, переводя взгляд с симпатичного мужчины на хорошенькую девочку. – Знаете, я рада, что мы познакомились. Тут так скучно!

- Мы тоже, - ответила Пенни, выручив Бокинфала, который понимал, что промолчать будет невежливо, но и отвечать которому на подобные глупости совсем не хотелось. – Где нам вас найти, если нас отпустят?

- Не говорите «если», - надула губки Анора, сделавшись ещё более непривлекательной. Жеманство ей не шло. – Мы с Кадмоном обитаем в спальне по соседству с тронной залой. Раз вы вчера были на переговорах, то знаете, где это. Мне холодно. Идем! – Она одарила Бокинфала улыбкой и потянула своего задумавшегося о чём-то спутника за собой. – Будем вас ждать.

- До встречи, - неуверенно распрощался он с новыми знакомыми и повернулся к Пенни. – Ты что задумала? Неприятностей захотела?

- Уж как ты на неприятности нарываешься, я просто молчу, - не осталась в долгу девочка. – А если бы он своим мечом махнул?

- Ты всё про того стражника? Меч долго летит и всегда понятно, по какой дуге. Легко увернуться. Мечом махать не всякий умеет.

- То есть, ты просто хотел проверить, умеет ли он не промахиваться? Послушай, - прервала она саму себя, - если тебе нужно у кого-то отпрашиваться, отпросись. С этими малопривлекательными особами стоит задружиться. Тем более если они эту дружбу навязывают. Ахим был бы только рад.

- Ахим? – Он уже успел почти забыть про старика. – Он-то тут при чём?

- Неважно. Так надо. – Она приподнялась на цыпочки и дотянулась поцелуем ему до щетинистого подбородка.

Стражники заулюлюкали. Судя по всему, подтрунивая над своим сотоварищем, который теперь не смел вмешаться в чужие отношения. Бокинфал вернул Пенни поцелуй, потрогав губами замёрзший носик, и подтолкнул к башне.

- Погоди, - заупрямилась она, вспомнив, ради чего они сюда пришли. – Что-нибудь изменилось?

Пенни имела в виду расположение вражеского войска. Думала, вероятно, о своей наставнице, которая сейчас там. Накануне Бокинфал поднимался на стену лишь однажды, в спешке, когда уже стемнело и прошёл снег, так что никакой очевидной разницы теперь не наблюдал. Быть может, разве что лагерь чуть придвинулся к Стреляным Стенам, но это, скорее всего, только так казалось. Зато он обратил внимание на отсутствие вчерашних сигнальных дымов над Пограничем. Оглянувшись, он увидел, что и дыма на макушке Меген'тора тоже нет. Означает ли это, что тревога снята, и мы больше не ждём подкрепления? Странно.

- Если ты хочешь, чтобы я с ними пошёл, я пойду, - сказал он, прихватывая Пенни за пояс и притягивая к себе. – Но тебе безопаснее будет остаться тут. По сравнению с остальным Вайла'туном замок защищён неплохо.

- Я...

- Кто знает, чем закончатся их сегодняшние переговоры? Нужно всегда быть готовым к худшему.

- Но... но тогда погибнет Руна!

- Тогда погибнем мы все. – Он обнял её сзади. – Если не будем осторожными.

Она гибко развернулась.

- Хочешь сказать, что не сможешь меня защитить, вольный боец?

- Ты знаешь, что я хочу сказать. – Бокинфал наклонился, чтобы снова поцеловать её, однако вместо губ угодил в холодный мех капюшона.

- Я иду с тобой. Я должна.

- Из-за меня или из-за них?

- А ты, оказывается, ещё и зануда!

- Я люблю тебя.

На сей раз поцелуй получился по-настоящему долгим, и им никто не помешал. Отдышавшись, Пенни хитро прищурилась.

- Ну так что, договорились?

- И кто из нас после этого зануда?

- Ты.

- Идём.

- Где ты прохлаждаешься? – было первым, что услышал Бокинфал, когда в поисках Рэя заглянул в первую из их двух спален. Воздух был холодным, но спёртым. Гаррон и Дэки всё ещё лежали, полностью одетые, на кроватях, а Валбур им что-то рассказывал. Сейчас он прервался и ждал ответа. – Рэй тебя искал.

- Очень кстати. Потому что он тоже мне зачем-то понадобился. Где он?

Валбур пожал плечами.

- Я тут пока путаюсь во всех этих коридорах. Последний раз я видел его с Ахимом. Навести соседей, может, они там.

Опять этот Ахим! Почему, где бы он ни появлялся, всё начинает крутиться вокруг него?

Валбур оказался прав наполовину: Рэй сидел в соседней спальне, но был один, если не считать кувшина с кроком. Уже почти пустым, судя по смурному взгляду и неопределенной ухмылке на ещё более постаревшем со вчерашнего дня лице.

- Заходи.

- Не помешал?

- Заходи.

Бокинфал шепнул Пенни, чтобы та лучше подождала его снаружи, он быстро, только предупредит, что уходит, ну, в смысле, отпросится, не то его могут счесть беглецом.

- Где пропадал? Ахим мне сказал, ты с какой-то девицей. - Рэй старался держаться трезвым, и это ему почти удавалось, хотя иногда

язык предательски заплетался. – Дело хорошее, но не в ущерб тому, ради чего мы... сюда... ну, ты меня понял.

- Понял Рэй. – Бокинфал сел рядом, ожидая, что ему сейчас тоже предложат приложиться к кувшину. Не предложили. – У меня хорошая новость.

- Решил жениться?

- Это тоже Ахим тебя надоумил?

- Так решил?

- Решил, но я к тебе не по этому поводу.

- Не ты ко мне, а я к тебе... ну, в смысле, я не хочу, чтобы мы тут все кто куда разбредались. Ты меня понял? Вчера мы с Ахимом ведь поговорили, да?

- Да.

- Вот я и надеюсь, что этот разговор останется между нами. Он мужик правильный, но говорит вещи опасные. Их никто посторонний не должен знать. А я пока думать буду, как лучше нам всем поступить.

- Тебя сегодня опять Скелли что ли вызывал?

- Пока нет. Но я... я решил на всякий случай выпить.

- Вижу. Напрасно.

- Ты мне, братец, не указывай. Я выпил потому, что теперь не хочу смотреть на этого Скелли, как раньше. Ротрам нас сюда прислал. А будь моя воля, я бы с этими ибри, или как он там их назвал, никогда бы дело иметь не стал. Ты понял меня?

- Согласен.

- Вот и правильно.

- Только ты кроком-то особо не злоупотребляй. Думаю, со Скелли этим шутки плохи, если ему что не понравится.

- Ему не понравится?! Да он рад-радёшенек, что мы вообще у него есть. Ты ведь видишь, что вокруг творится. Не сегодня-завтра народ от страха не просто за оружие хвататься станет, а друг на друга пойдёт.

- Ахим догадался?

- Ну, и Ахим, и я сам. А разве нет? А если ещё эти разноцветные вояки на нас поднадавят, то виноватых будут искать сам знаешь где.

- И где же?

- Вот здесь! В замке. Скажешь, нет? Тут и укрыться, с одной стороны, есть где простому люду, и все распоряжения всегда отсюда шли. А раз что не так, значит, неправильные шли распоряжения. Ахим говорит, что те же фолдиты уже откровенно призывают к возвращению Ракли. Только они не знают, жив ли он ещё. Если узнают, что жив, могут сами в один прекрасный день на штурм пойти. Вот оно как, братец.

Было над чем призадуматься. И что кроком залить. Чувствовалась рука Ахима. Причём, если разобраться, он не так уж и неправ. Бокинфал не вчера в Вайла'туне оказался, у самого уши и глаза есть, так что нечто подобное он предполагал. Не настолько ярко и чётко, но предполагал.

- Так что у тебя за хорошая новость? – вспомнил Рэй.

- Да встретил тут кое-кого. Ты ведь знаешь, что у Йедды, которая нынче на пару со Скелли управляет, есть сын. Кадмоном зовут. Они его собираются вот-вот на трон посадить. И женить. Вот его-то я и встретил. Прямо с будущей женой.

- С твоей или с его?

- С обеими, - усмехнулся Бокинфал. – Короче, оказывается, эта Йедда своего убитого мужа сегодня везёт домой хоронить. Кадмон сказал, им надёжные провожатые нужны. Ну, и меня попросил быть их охранником.

- Так уж и попросил! Сам?

- Ты знаешь, что я врать не умею. Рэй, думаю, ты не против, если я до вечера отлучусь. Лишнее доверие ведь нам точно не помешает.

- Как-то странно это всё звучит, не находишь? С чего ты им понадобился?

- Не им, а ему. Кадмон видел, как я тут одному стражу чуть башку за трёп не снёс. Вот и приударил за мной. Девушка его, та вообще мне глазки строила.

- Ну вот, а говоришь, что не врёшь.

- Рэй! Мы с тобой не первый день друг другу синяки ставим и мозги вышибаем. Врать не в моих правилах. – Бокинфал подумал, что сам был бы не прочь сейчас выпить. – Ну так как, до вечера без меня потерпишь?

- Потерпит, - ответил за Рэя вошедший в комнату Ахим, из-за спины которого смущенно выглядывала Пенни. – Обязательно пусть они туда с этим выкорышом и его мамашей сходят. И девочку нашу с собой непременно захвати. Пенни, ты что прячешься?

Бокинфал попытался понять по трезвеющему взгляду Рэя, что тот думает о его избраннице. Рэй, как водится, оглядел девочку с головы до ног, хмыкнул, запрокинул голову, уронив из кувшина в рот последние капли, и вытерся рукавом.

- Пенни, значит?

Она просто кивнула. Улыбнулась. Не испугалась.

- Ну, теперь я за тебя, Бокинфал, спокоен. – Рэй потрогал свою седенькую бородёнку. – Такая кроха тебя в обиду точно не даст. Тебе сколько зим-то, красавица?

- Шестнадцать... эта шестнадцатая.

Рэй глянул на Бокинфала с укоризной, а тот гордо надулся и отвернулся. Ну и что, подумал он, если я у неё буду первым? Приходится же когда-то начинать. Шестнадцать – это уже почти женщина. Не надо на меня так смотреть.

- Пускай идут, Рэй, - повторил Ахим, не замечая возникшей заминки. – Они оба ребята толковые, больших глупостей не наделают, а с мелкими как-нибудь справятся без нас с тобой. Пенни, ты помнишь всё, что я тебе сказал?

- Да.

Представляю, что он ей там нашептал, почувствовал себя уязвленным Бокинфал. Ему Ахим почему-то ничего эдакого, личного не доверил. Ну и не надо, меньше знать – лучше спать. А вслух пожелал:

- Надеюсь, без нас тут у вас ничего интересного не произойдет.

- Если и произойдет, то интересного будет мало, - снова порадовал всех своей проницательностью Ахим. – Может, оно и к лучшему, что вы уходите.

- Вечером вернёмся.

- Не зарекайся, братец. Я своим перед зимой тоже обещал, что буду время от времени проводить, а вот до сих пор так и не сподобился. Кто предполагает, тот не располагает.

Рэй встал. Они с Бокинфалом пожали друг другу запястья и даже обнялись. От Рэя исходил кисловатый запах перебродившего крока. Но плечи по-прежнему крепкие.

- Не подведи меня, девочка, - подмигнул он Пенни, и та в ответ помахала ему рукой.

- И ты уж её побереги, - напутствовал Ахим Бокинфала. – Она близка к своему подвигу как никогда, но твоя помощь не будет лишней. Не давай её в обиду никому, будь то хоть Кадмон, хоть сама Квалу. Ты меня понял?

- Лучше, чем ты думаешь.

Они вместе покинули старых друзей и вернулись на лестницу, в которой завывал пронизывающий ветер с улицы.

- Теперь ты меня води, - пошутил Бокинфал. – Я выше не поднимался.

При выходе на верхний этаж дорогу им преградил хлюпающий красным носом и оттого крайне раздражённый охранник.

- Сюда нельзя.

- Что?

- Нельзя сюда!

- Кому?

- Никому!

- А ты меня что, знаешь?

- Нет.

- Так с чего ты решил, что мы – никто?

Они бы, вероятно, так и препирались, если бы Пенни не постучала по железному нарукавнику стража и не сказала, словно обращаясь к старому знакомому:

- Нас ожидают Кадмон и Анора. Проводите нас к ним.

- Так бы и говорили, - шмыгнул носом виггер, зло косясь на прищурившегося в ответ Бокинфала.

Он повернулся полубоком, чтобы не терять непрошенных гостей из вида, и довёл их по коридору до высоченных дверей сплошь украшенных глубокой резьбой, изображающей диковинные растения и живот-

ных. Пенни видела в Обители нечто подобное, но не настолько изящное и впечатляющее своими размерами. Вчера вечером она, вероятно, не заметила их лишь потому, что устала с дороги.

Страж постучал кованой ручкой.

- Входите, - донеслось из-за двери.

Створка с неохотой поддалась и приоткрылась.

- Говорят, вы их ждёте.

- А, вольный боец с подругой! – выглянула взъерошенная голова Кадмона. – Я знал, что вы не откажетесь.

Он буквально за руку втянул Пенни в комнату. Бокинфалу только и оставалось, что последовать за ними, бросив надменный взгляд на удаляющегося восвояси стража.

- Мы почти готовы, - сообщила Анора, хотя возлежала при этом под одеялом и явно не спешила вставать. – Только я всё никак не согреюсь.

- А кто это такие? – поинтересовалась Пенни, разглядывая висевшие на противоположных стенах портреты мужчины верхом на коне и одинокой женщины в цветком в массивных железных рамах. – Ваши родственники?

- Будущие, - рассмеялся Кадмон, некрасиво морщась. – Нет, не знаю. Могу предположить, что это Дули и его жёнушка. Хотите выпить?

Он указал на поднос, гораздо роскошнее того, что накануне приносила им с Руной служанка с кухни. Тут были даже свежие фрукты, не говоря уж о трех кувшинах с разными напитками, в одном из которых она по запаху признала любимый ею с детства сливочный сбитень, причём вполне ещё горячий. Его она и выбрала, прихватив заодно свежую булочку с вишнёвой начинкой и присев на мягкий стул с низенькой спинкой. Бокинфал угощаться отказался, всем видом показывая, что пришёл по делу, а вовсе не расслаиваться. Пенни это понравилось, хотя и сбитень с булочкой тоже неплохо поднимали настроение. Наверное, Рэй успел ещё утром накормить своих воинов.

Кадмон сидел на соседнем стуле, отхлёбывал крок и снова с интересом присматривался к ней. Ему вовсе не требовалось развлекать гостей беседой: с этим прекрасно справлялась Анора, продолжавшая возлежать на мягких перинах, только теперь одна её нога, голая и белая, призывно тянулась в сторону предупредительно отвернувшегося Бокинфала.

- Я так переживаю за моего отца! От него до сих пор никаких весточек. Проклятые враги, они держат его как в плену. А я так рассчитывала, что мы отправимся на поминки вместе. Боюсь что мне будет совсем скучно. Кадмон говорит, что устал от моей болтовни.

- Скоро ко мне присоединятся ещё двое, - заверил её Кадмон.

- Что вы, я очень вас понимаю, - равнодушно возразил Бокинфал, поглядывая на Пенни. – Сейчас, правда, непонятно, где безопаснее: то

ли в замке, то ли подальше от него, то ли вообще за столом переговоров. Так мы будем ждать вашего отца?

- Нет, - отрезал Кадмон. - Хотя мой отец окоченел и стал настоящим трупом, он важнее. Нас обещали уведомить, когда моя мать будет готова отправиться в путь. Мы ждём только её. И её. - Он указал кружкой на свою бледнотелую избранницу. Вставай, лежебока!

- Это он меня так любит, - пожаловалась Анора улыбающейся Пенни и вынула из-под одеяла вторую ногу, тоже голую. - У меня была подруга, - продолжала она, медленно отлипая от простынь и садясь, - которая даже зимой спала обнаженной. Совершенно. Можете себе представить? Холод её не брал.

- Вероятно, она просто не гасила на ночь очаг, как ты, - предположил Кадмон. - Или готовилась к плаванию по студёной Бехеме.

- Да, да, - подхватила Анора, - скорее всего. Она ведь так и сделала. Вы наверняка слышали про Орелию, которая бежала вместе с Локланом, своим любовником. Как я иногда ей завидую!

- Я ему тоже, - буркнул Кадмон.

- Может быть, мы не вовремя? - спохватилась Пенни, очевидно имея в виду неготовность Аноры. Она уже заметила, что на той сейчас тоже маловато одежды, и испытала неловкость, не то за себя, не то за невозмутимого Бокинфала.

- В самый раз, - ответила юная хозяйка опочивальни и скинула с себя одеяло.

Пенни чуть не вскрикнула от предвкушения неловкости, но тем смешнее ей сделалось, когда она обнаружила, что под одеялом Анора не только не раздета, но укутана в шубу, застегнутую и зашнурованную до самого горла. Просто шуба задралась, обнажив ноги, но теперь подол упал до пола, а девушка заразительно расхохоталась, довольная произведенным на зрителей впечатлением.

- Как я вас! - воскликнула она, прошепствовав к подносу и тоже наливая себе сбитень. - Видели бы вы себя со стороны.

- Чудесное превращение, - хмыкнул Кадмон. - Можно подумать, что кому-нибудь интересно. Будто наш друг Бокинфал не видел голых девиц.

Пенни от этих слов сделалось неприятно, как если бы кто-то хотел проникнуть в её тайну. Она стала сосредоточенно пить, ожидая ответа своего спутника. А тот сделал вид, будто ничего не видел и не слышал, с интересом разглядывая портрет всадника.

- Не правда ли, похож на наших непрошенных гостей? - сказал он, замечая всеобщее внимание к себе. - Его латы по изяществу работы не сравнятся с нынешними. И мечей с раздвоенным остриём я что-то не припомню, чтобы встречал. Сколько же зим этому холсту?

- А ты, похоже, неплохо разбираешься в подобной мазне, - подошёл к нему Кадмон. - Даже слово «холст» знаешь. Откуда? В Вай-

ла'туне нынче немногие владеют этим искусством. Краски, говорят, стоят дорого, а покупатели совсем перевелись.

- А вы откуда знаете про «холст», маго Кадмон?

- Ну, у моего папаши такого добра предостаточно. Он как-то даже одного малевальщика к нам домой приглашал, чтобы тот его портрет изобразил. Получилось плохо, но лучше, чем в жизни. Мать позориться не стала. Сказала, что предпочитает не людей, а природу. Я с ней согласен. Люди на картинах выходят напыщенными и совсем на себя не похожими. Представляю, каким уродом мог оказаться в жизни этот лихой всадник. Так где ты видел «холсты», Бокинфал?

- Я не всегда был бойцом. Когда-то я умел неплохо писать, и просиживал дни напролёт в хранилище рукописей под этой самой башней. Да, не удивляйтесь, впервые я попал сюда в должности писаря. Подмастерья, так сказать. Писал я тогда довольно скверно, мне редко поручали что-нибудь важное, так что у меня выкраивалось время порыскать по тамошним закромам. Любопытство, знаете ли. Вот тогда-то я и обнаружил среди рукописей немало картин вроде этих. Только они там лежали без рам, свернутые в трубки, маленькие и большие, портреты и не только. Помню, мне понравилась одна, на которой несколько девушек купалось в Бехеме.

- Гольшом? – не преминул уточнить Кадмон.

- Разумеется. Не знаю, где это всё сейчас, но думаю, что там и лежит. Если интересно, спросите Скелли.

- Ещё как интересно! – поддержала их разговор Анора. – Кадмон наверняка захочет повесить ваших купальщиц у себя в отхожем месте.

Она вышла из-за ширмы в углу, полностью одетая и готовая отправляться в путь.

Пенни покидала опочивальню с легкой грустью. Ей очень понравилась и постель под балдахином на четырёх резных колоннах, и красивый витраж под потолком, через который сюда проникал разноцветный свет, и двери, и портреты давно почивших возлюбленных. В том, что всадник и девушка с цветком были возлюбленными, она не сомневалась. Ей даже показалось, будто она видит себя тут, одну, в шелковой ночной сорочке, возлежащую на подушках и читающую то место в «Сид'э», где рассказывается о судьбе этих гордых и – Кадмон отчасти прав – слегка надменных людей.

В коридоре, недавно пустом, если не считать стражников, их встретил гул голосов. Высокие своды отражали приглушенные разговоры двух дюжин прислужников и прислужниц, ожидавших появления хозяев. Они дружно стихли при появлении Кадмона и его друзей, однако скоро возобновились, давая понять, что ждут не его. Бокинфал держал Пенни за руку. Оба чувствовали себя довольно неловко, но иного не оставалось. Они сами ввязались в это предприятие, так что теперь им приходилось помалкивать и поменьше выделяться.

Наконец, ещё одна пара выходивших в коридор дверей растворилась, и Пенни увидела вчерашнюю лупоглазую женщину, которую звали Йедда и о которой ей всё утро говорил Ахим. Она оказалась выше ростом, чем представлялось Пенни накануне, вероятно, надев специальную зимнюю обувь, которую последнее время полюбили зажиточные вабоны: на высокой деревянной подошве, упрощавшей ходьбу по снегу и даже по льду за счёт мелких выступов, препятствующих скольжению. Пенни видела такую в Обители у некоторых наставниц.

Йедда придирчиво осмотрела собравшихся, кивнула сыну, и задержалась колючим взглядом на двух незнакомых лицах. Вопреки ожиданиям Пенни она ничего не сказала. Из этого можно было сделать вывод, что Кадмон её заранее предупредил.

- Надеюсь, все знают, - начала она, - куда и зачем мы сейчас возвращаемся. Мой муж погиб вчера, погиб смертью героя, и мы воздадим ему должное, проводив его в последний путь и причислив к культуре.

Пенни послышалось, что стоявший сбоку Кадмон тихо выругался.

- Попрошу вас, - продолжала Йедда, - соблюдать соответствующие правила приличия, не шуметь, не вступать по пути ни с кем в лишние разговоры, а главное – проявлять осторожность и бдительность, поскольку мы ещё не знаем о результатах достигнутых договорённостей с нашими врагами за Стреляными Стенами. Нас будут сопровождать хорошо обученные виггеры, нам ничего не угрожает, но лишняя бдительность, повторяю, не помешает. Тело тоже готово, оно находится внизу, так что попрошу всех начать спускаться и да пребудет с нами Квалу!

- Странное пожелание, - шепнул Бокинфал на ушко Пенни, когда они растянулись в вереницу на ступенях и шли по двое. – Не зря Ахим упоминал про её схожесть с повелительницей смерти.

- Думаю, не стоит упоминать его имя здесь...

- Хорошо. Но если бы тот же Рэй услышал подобное напутствие, он бы едва ли сделал хоть шаг следом за ней.

- Ты ведь не Рэй.

- Ты этому рада?

- В восторге! Иди тихо.

- Чуть не забыл! Я же не прихватил оружия! Постой, подожди меня здесь, я мигом!

Пенни отступила к стене и улыбалась проходившим мимо людям. Хорошо ещё, что Кадмон с подругой идут впереди и не знают, с кем связались. А если бы он так и не спохватился?..

Бокинфал вернулся, действительно, быстро. Теперь у него за спиной висел круглый щит с острыми краями, у бедра позвякивал меч, а из-за пояса торчал топор, похожий на тот, которым играл утром Ахим.

- Всё, готово. Можем идти. Что? Что ты так смотришь?

- А доспехи? Разве тебе они не положены?

В ответ он распахнул шубу и показал затейливое переплетение кожаных ремней, образующих нагрудник.

- Штаны снять?

- А как же шлем и всё такое?

- Зачем? – Он запахнулся и обнял Пенни за талию. – Спасти не спасёт, но в бою может помешать.

- Никогда не думала, что сверы заковывают себя в броню, чтобы им было неудобно.

- Однако это именно так. А ты, похоже, слишком хорошо разбираешься в подобных вещах, прелесть. Большой опыт?

- В смысле?

- Целования через шлем.

- Перестань со своими глупостями!

- Я шучу.

- А я нет. Чтобы я последний раз видела тебя без шлема и нормальной кольчуги!

- Слушаю и повинуюсь.

Она позволила себя поцеловать и высвободилась.

- На нас смотрят.

В самом деле, они уже добрались до подножья лестницы и вышли во двор, по-прежнему залитый ни о чём не подозревающим солнцем. Перед башней собралась довольно многочисленная толпа, окружившая несколько пар больших саней, запряженных сразу двойками или тройками лошадей. На передних санях стояла Йедда, а за её спиной покоился кроваво-алый свёрток дорогого бархата, напоминающий размером и очертаниями лежащего человека. В тех же санях сидели Кадмон с Анорой, двое арбалетчиков и ещё трое хорошо вооруженных виггеров, скорее всего, из числа местных гвардейцев. Скелли видно не было.

Йедда говорила:

- Мы уходим, чтобы завтра же вернуться. Оставляем вас в добром здравии и надеемся такими же обнаружить. Призываю вас сохранять спокойствие. Переговоры должны привести к перемирию. Враги больше не отважатся на нас нападать. Все, кто остаётся, могут до завтра отдохнуть, но заклинаю вас никуда из замка не уходить. Мы должны пережить это время вместе.

- И поэтому она бежит, - тихо сказал Бокинфал, чтобы услышала только Пенни. Судя по лицам собравшихся, так думал не он один.

- Нам вон туда, - потянула его за руку девушка, заметив жест Кадмона. – Полежай во вторые сани.

Они оказались в кампании четырёх улыбчивых служанок и двух угрюмых лучников. Никто никому не спешил представляться. Служанки перешептывались и поглядывали то на Бокинфала, то на Пенни, а лучники пользовались своим положением и предпочитали отворачиваться и смотреть по сторонам.

На всём пути из замка сани не встречали никаких затруднений, ворота оказывались распахнутыми, стражи расступались и спешили снова их закрыть, будто опасались сквозняков, и только в самом низу, на ристалищном поле, возникла некоторая заминка, поскольку последние из беженцев умудрились по незнанию разложить свой скудный скарб прямо на дороге. К счастью, ночь давно миновала, и никто не спал, так что с помощью сверов удалось довольно быстро справиться с проволочкой. Правда, Пенни заметила, что с беженцами при этом поступали не слишком вежливо, некоторых второпях даже пинали, чтобы они шевелились живее, где-то женщины начинали голосить, а один из особенно рьяных сверов получил по шлему здоровенной дубиной и отлетел на руки товарищей, которые бросились разбираться с обидчиком по-свойски.

- Сдается мне, что вернёмся мы в другой Вайла'тун, - сказал Бокинфал, согревая дыханием её ухо.

- А я его почти и не знаю, - призналась девочка. – Вернее, не помню, потому что была тут с бабушкой ещё в детстве.

- То есть, совсем недавно? – Он нежно взял её за руку.

Интересно, за кого их тут принимают? Ни его, ни её раньше никто из попутчиков не видел, всех наверняка смущает её смелый по местным меркам наряд, а вооруженный мужчина без доспехов может навести на мысли о фолдитах, которых здесь явно не жалуют.

- Давай не будем привлекать лишнее внимание.

- А что в этом такого? В прошлый раз мы удачно привлекли внимание вон того мальчугана.

- Не уверена, что удачно. Мы не одни. Веди себя, как подобает.

- Мне подобает любить тебя.

- Не здесь.

- Где прикажешь?

- Прекрати!

Она боролась со смешинкой, в конце концов, не выдержала и прыснула. Бокинфал удовлетворённо отстал и заговорил с сидевшей по соседству девушкой. Вероятно, чтобы позлить Пенни. Девушка охотно отвечала на его вопросы и хихикала. Пенни вздохнула и попыталась собраться с мыслями.

То, что сказал ей Ахим напоследок, без свидетелей, не выходило у неё из головы. Она даже не была уверена в том, что правильно его поняла. Что он вкладывал в слова «покончить с ней»? Убить? Но он ведь не мог не видеть, что Пенни на это не способна. Правда, перед этим велел убедиться в том, что кинжал на месте. Явно не просто так. К чему он её подначивал? К какому такому «подвигу»? Нет ничего героического в том, чтобы исподтишка кого-то зарезать. Особенно того, кто тебе, похоже, доверяет. У Ахима с Йеддой определено личные счёты. Она наверняка тётка злая и взбалмошная, но разве это повод для таких крайних мер? Тем более что сам он тоже не лыком шит. Сдружил-

ся с теми, кого она послала против него, сдружился настолько, что теперь они всячески покрывают его. Заставил её согласиться на эту поездку и разве что не заручился обещанием сделать всё, как он хочет. Нет, у неё и своя голова на плечах есть. И ей совсем не хочется её лишиться. Бокинфал прав насчёт Ахима. Чем дальше от него, тем лучше. По крайней мере, при нём она думает совсем по-другому, как будто он подменяет её мысли своими... ну, или как-то так. Она вот только сейчас толком вспомнила про Руну, которая не весть что может подумать, когда вернется и не обнаружит её в спальне. Лишь бы вернулась. Надо было, наверное, предупредить на этот счёт Ильду или её мужа. Да, неплохо получилось.

- Думаешь, мы к вечеру управимся? – отвлекла она Бокинфала от разговора с попутчицей.

- Это не от нас зависит. А что, уже скучаешь по Ахиму?

- Руна будет волноваться.

- Ей кто-нибудь сообщит.

- Иными словами, ты не думаешь, что мы сегодня вернёмся?

Он честно пожал плечами.

Пенни признавалась себе, что ей с Бокинфалом хорошо. Она даже толком не могла понять, почему. Поначалу он произвёл на неё впечатление наглеца и сердцееда, но ему, похоже, была незнакома обычная для мужчин грубость, которую они почему-то считали неотъемлемой частью мужественности, он умел быть ласковым, и это её в нём подкупало. Он откровенно давал понять, и жестом, и словом, чего от неё хочет, однако не спешил этого добиваться, тем более силой или напором. Хотя нет, пожалуй, определённый напор в нём чувствовался, но ей это тоже нравилось. Он предоставлял ей право выбора и не торопил с решением. При этом, как и сейчас, красноречиво давал понять, что слишком долгое промедление может повлиять на него отвращающе. Зачем ему вздумалось при ней заводить милую беседу с этой бойкой девицей? Чтобы просто позлить её, заставить ревновать? И что ей прикажете делать? В отместку начать кокетничать с тем прыщавым лучником, что нет-нет да поглядывает в её сторону, поглаживая крутой изгиб лука? Нет, она так не умеет. А если бы и умела, то сочла бы это по отношению к нему определённого рода предательством. Жаль, что он так не считает.

Замок с ристалищным полем, полным беспокойных людей, остался далеко позади. Теперь сани быстро скользили вдоль живописных домиков обводного канала. Прохожие попадались, но настолько редко, что Пенни постепенно стало казаться, будто Вайла'тун живёт прежней жизнью и ничего страшного не происходит. Хотя она понимала, что виной всему яркое солнце и предвкушение удачного исхода переговоров. Вчерашние гости в разноцветных доспехах произвели на неё смешанное впечатление, однако в нём почему-то не было страха. Если бы вместо них в тронной зале сидели шеважа, она, наверное,

боялась бы теперь гораздо больше, поскольку не представляла, как можно найти с ними общий язык. Ей вспомнился разукрашенный череп Везника, жёлтый Человрат и рыжеволосый Стожар. Они не походили на подлецов, которые могли бы убить пришедшую к ним с мирными намерениями женщину. Темлют – тут трудно судить, но тоже вряд ли. Скорее уж Скелли или та же Йедда могли отдать приказ расправиться с неугодными им посланниками. Йедда, оказывается, так и сделала, причём по отношению к соплеменнику, Ахиму. Только вот соплеменнику ли? Пенни искала её на саях впереди. Сидит, не глядя по сторонам, равнодушная ко всему, надеющаяся поскорее оказаться под крышей дома. Если смотреть на неё подольше, становится заметно, что она чем-то неуловимо отличается от окружающих. Посадкой ли головы, сутулостью ли плеч, коротким ли и острым носом с большими ноздрями, маленьким ли ртом, вечно подвижным и то и дело выстреливающим кончиком языка, но что-то в этом птичьем облике делало её гораздо более чуждой Пенни, нежели вчерашние переговорщики. Те разве что иначе пахли, выделялись красивым ростом и разговаривали на непонятном языке. Стоило им переодеться в одежды вабонов, представляла себе Пенни, продолжая приглядываться к Йедде, вряд ли кто отличил бы их на улице. А эта другая, одетая, как все, и говорящая понятно, но другая...

На повороте сани занесло, и она ухватила за руку Бокинфала.

- Грустишь? – поспешил тот воспользоваться случаем и продолжить разговор. – Ничего, скоро приедем.

- А ты что, знаешь, где это? Ты там уже бывал?

- Нет, но Мойна мне рассказала, и я теперь хорошо себе представляю.

- Мойна?

- Ну да, вот она, сидит рядом. Познакомить?

- Уж сама как-нибудь.

- Привет! – сказала девушка, сидевшая по другую сторону от Бокинфала и сообразившая, что речь зашла о ней. – Я Мойна.

- Пенни.

- А правда, что ты из Обители?

- Можно и так сказать.

- Потом расскажешь, как там у вас? – Мойна поспешила поделиться новостью со своими тремя товарками, которые сидели далеко и не слышали разговора. – Мне всегда хотелось там побывать, но всё никак руки не доходили.

- Умеешь ходить на руках? – поинтересовалась Пенни.

- Мне кажется, вы подружитесь, - съязвил в свою очередь Бокинфал.

- Мы уже не разлей вода! – Она вернула Мойне вымученную улыбку и отвернулась.

Зачем только она согласилась ехать с ним? Неужели он не понимает, что обижает её? Какая-то Мойна, глупые девицы, зачем это всё? Ведь не собирается же он поступать к Йедде на службу? Тут она впервые подумала о том, где сегодня будет спать, если не удастся вернуться до ночи. Неужто им постеляют вместе с Бокинфалом? Он-то, разумеется, возражать не будет. А ей что делать? Спать с мужчиной, тем более влюбленным в неё, по крайней мере, на словах, ей ещё не приходилось. А если ему вздумается продемонстрировать свою к ней любовь? Бабушка подобные отношения с укоризной называла «утром углядели – вечером в постели». Или «сломя голову – в любовь». Она считала это неподобающим. Что бы она сейчас сказала, если бы увидела внучку, едущую невесть куда, невесть с кем и совершенно невесть зачем? Что она «дурёха» и не умеет себя вести. Зачем, сказала бы она, я только тебя спасала, раз ты сама с готовностью лезешь на рожон? Меня на это вынудили? Кто? Силком что ли тянут? Нет, но я не могла просто так отказать. А обо мне ты подумала? Что будет со мной, если с тобой что-нибудь произойдет? Ничего не произойдёт, бабушка. Ты не заметила, как я выросла. И кинжал всегда при мне. За него-то я больше всего и боюсь! Ты не умеешь им пользоваться, а потом железо, тем более острое, притягивает к себе беды. Лучше бы его у тебя не было. Нет, лучше, что он у меня есть.

- Что-то случилось? – снова вывел её из задумчивости голос Бокинфала. – Миси Пенэлла, перестань дуться! Ты самая лучшая.

- Лучшая из кого? Из наших весёлых попутчиц?

- Так ты из-за них такая?

- Я никакая и не из-за кого. Я сама по себе, если ты ещё не заметил.

- А я?

Она решила посмотреть на него. И не смогла сдержать улыбки, увидев обиженную, совсем детскую гримасу.

- Тебе самому это решать.

- Хочешь, я буду всю дорогу разговаривать только с тобой?

- О Мойне?

- О тебе.

- Ты меня совсем не знаешь.

- Знаю. Ты добрая и смелая. И ты мне очень нравишься. Как только все эти неприятности закончатся, и ты сможешь расслабиться, мы поженимся. Обещаю.

- А если не закончатся?

- Такого не бывает.

- Раньше ты говорил, что любишь. Теперь я тебе только нравлюсь?

- Не только.

- Не только я?

- Не только мне.

- В смысле?

- Мои друзья, которые видели тебя сегодня утром, и с которыми я говорил, пока собирал оружие, сказали, что ты у меня настоящая красавица.

- А Мойну ты об этом ещё не спросил?

Она сознавала, что напрасно так его тюкает, но ничего не могла с собой поделать.

Бокинфал повернулся к девушкам и спросил громко, чтобы слышали все:

- Правда, у меня будет очень красивая жена?

Как ни странно, все четыре ничуть не смутились, посмотрели на Пенни и охотно закивали. Мойна даже сказала:

- Красивая жена и хорошая мать.

Пенни подняла бровь. При чём тут «мать»? Ещё одна пророчица выискалась? Хотя, конечно, от спанья с мужчинами иногда, действительно, рождаются дети, но Пенни в ближайшее время это точно не угрожает. Она часто спит, вообще не раздеваясь. Правда, сегодня ночью кто-то её раздел. Вспомнив своё странное пробуждение, она поймала себя на мысли, что представляет, как Бокинфал тайком проникает к ней в спальню, стягивает с неё одеяло и всё остальное, а потом за ним по очереди заходят его бородатые дружки и любят её. Бред какой-то!

Сани уже некоторое время как свернули с обводного канала и теперь направлялись будто в самое Пограничье. Лес стоял таким, каким она его хорошо помнила по прошлой жизни: высокая стена, укутанная белым снегом, красивая и опасная. Их с бабушкой изба, разумеется, находилась в гораздо более опасном месте, вдали не только от замка, но и от ближайшего жилья, а до опушки было рукой подать, однако и здесь, подумала она, нужно обладать некоторым мужеством, чтобы выбрать для дома столь уединённое место. Имея деньги, можно было бы поселиться где-нибудь поспокойнее.

- А ты давно у них тут живёшь? – спросила она из-за спины Бокинфала Мойну. – Не страшно?

- Ты про Пограничье? – Девушка огляделась, как будто только сейчас заметила, куда их привезли. – Я здесь уже две зимы. Нет, не страшно. Наверное, я привыкла. Насколько я знаю, дикарей обычно видят по другую сторону Вайла'туна. А тебе что, боязно?

- Да нет, мне тоже к такому соседству не привыкать. Просто интересно.

Сани миновали засыпанную – словно пирожок сахарной пудрой – сторожку и из последних сил заскользили к большому поместью, состоявшему из нескольких внушительно вида изб. Вся вереница остановилась на недавно очищенной от снега площадке перед высоким крыльцом центрального дома. Пенни последовала за остальными и прыгнула на землю, не дожидаясь помощи Бокинфала. Которого уже окликнул Кадмон, застывший в выжидательной позе возле красного

свёртка. Гвардейцы высыпались из саней и, подчиняясь чьему-то беззвучному приказу, рассредоточились по округе. Пенни пошла было за Бокинфалом, но Мойна тронула её за рукав.

- Идём с нами, я покажу тебе дом.

Отказываться причин не было. Она подхватила какие-то привезённые пожитки, чтобы не идти с пустыми руками, и взошла на крыльцо. Её слуха коснулся отчётливый стук топоров откуда-то из-за построек.

- Не знаю, меня тут самой долго не было, - призналась в ответ на её вопрос Мойна и окликнула пробегавшего мимо них парня. – Рикер, что тут у вас происходит? Дровосеки завелись?

- А, - махнул тот рукой и показал некрасивые желтые зубы, - это уже третий день стучат. Забором решили всё обнести. Как там в замке?

- Получше, чем у вас. – Мойна заговорчески посмотрела на Пенни и добавила: - Давеча вот приятеля твоего сцапали. Говорят, что со стены грохнулся, когда его ловили. До смерти разбился.

- Ты про кого это? – Пенни показалось, что парень даже хрюкнул от неожиданности. – Ахима что ли?

- Его самого. В замок пробрался.

- Ого! Так это он его... - Рикер кивнул в сторону саней, с которых шестеро слуг осторожно снимали тело покойного хозяина.

- Нет, вроде из пленников кто-то умудрился. Ахим, похоже, на нашу охотился.

Пенни была готова поспорить, что на лице парня отразился не страх, а скорее досада. Хотя, возможно, привиделось.

- Ну и дела! Ладно, бывай, подруга. Пора мне. Ещё свидимся.

- Конюх местный, - пояснила Мойна, когда он отошёл распрягать сани. – Ты верхом умеешь?

- Немного. А ты?

- Я лошадей боюсь, - призналась девушка, плечом открывая дверь и заходя в дом первой. – Если их не кормить, они с голодухи начинают кусаться. Одна меня как-то цапнула. Больше не хочется.

- Если не кормить, любой кусаться начнёт.

- Всё складывай пока тут. – Мойна указала в угол просторных сеней, где уже сустились её подруги. – Разбирать потом будем. Ты к нам надолго?

- До вечера, думаю.

- Всего-то?! В замке понравилось?

- Нет, но меня там будут ждать. Я надеюсь.

- Понятно. А Бокинфал знает?

- Про что?

- Что тебя там ждут.

- Я с ним. Ты меня не так поняла.

- Он у тебя интересный.

- Мы почти не знакомы.

- Вот как? А он про тебя мне всю дорогу рассказывал.

Пенни развела руками. Вот те на! Она-то считала, что он ей в отместку за молчание пококетничать с соседкой решил.

- И что же про меня можно всю дорогу рассказывать?

- Что ты из Обители, что умеешь читать старые рукописи и говоришь на древнем языке. Что он готов из-за тебя навсегда уйти из замка, чтобы начать новую жизнь. Ну и всякое такое. Тебе повезло.

- Как сказать.

Пенни смутилась окончательно. С одной стороны, ей было жутко приятно всё это слышать, однако, с другой стороны, почему она узнаёт подобные вещи от совершенно чужой девицы? Он что, каждому встречному и поперечному душу таким образом изливает? С какого перепугу? Хороша бы она была, если бы пошла сейчас трепаться о нём с тем же желтозубым конюхом!

- Вот ты где! – В сени вошла порозовевшая с дороги Анора. – Мойна, бери своих девчонок и отправляйтесь топить баню. В замке есть всё, кроме того, что нужно. В таком холоде и запаршиветь недолго. Одними умываниями в тазу ничего не добьешься. Пенни, ты составишь мне компанию?

- Вы про баню?

- Ну, разумеется! И не называй меня на «вы». Это меня старит. Тебе уже показали, где ты будешь жить?

- Она сказала, что собирается сегодня же уехать, - заметила не слишком довольная полученными указаниями Мойна.

- Это мы ещё посмотрим, - заверила Анора, распахивая дверь и выглядывая наружу: - Кадмон, я здесь! Не тяни!

Мойна подмигнула Пенни и пошла собирать подруг.

- Добро пожаловать, - слышался сзади негромкий голос.

Пенни оглянулась и увидела в нескольких шагах о тебя невысокое существо в длинном и не слишком опрятном халате неопределённого, скорее всего, бурого цвета. Скрестив на груди широкие рукава, существо смотрело на неё бесцветными, слегка навывкате глазами с неизменно большими чёрными зрачками и ждало ответа.

- Здравствуйте...

- Печально возвращаться домой окоченевшим свертком, когда всем не терпится от тебя освободиться и зажить дальше.

- Мы... знакомы?

- Нет, но это упущение легко исправить. – Незнакомец чуть приблизился, не спуская с неё затуманенных глаз. – Меня тут все зовут Сима, и я привык.

- А я...

Она осеклась, потому что узнала его.

ЧАСТЬ 3

Ложная правда

Перед ней стоял тот, по чьей вине её жизнь из спокойной и размеренной превратилась в ту, которой она как будто жила всегда: полная тайн и недоговорок Обитель, тяжело раненая, чуть не погибшая бабушка, то и дело донимающие по ночам кошмары, воссоздающие в мельчайших подробностях похищение из-под отчего крова и сумасшедшую гонку сквозь тьму от её безвестных спасителей. Которые все как один погибли от руки близкий ей людей, волей которых он каким-то непостижимым образом овладел. В этих кошмарах она раз за разом переживала все события той ужасной ночи, вспоминая всё, кроме одного – его лица. И вот он здесь, стоит в двух шагах от неё в ожидании ответа и делает вид, будто не узнаёт. Или действительно не узнаёт?

- Пенэлла...

Он моргнул, собираясь что-то сказать в ответ, но их прервала Анора.

- Сима, Йедда спрашивает, всё ли готово.

- Разумеется, всё было готово ещё вчера, как только нам принесли эту печальную весть.

- Сима у нас заведует домашним хозяйством, - пояснила девушка. – Кадмон! Ты идёшь?

Вместе с Кадмоном в сени вошёл Бокинфал, и Пенни чуть не бросилась ему на шею. Как же она испугалась, оказавшись наедине с тем, кого меньше всего ожидала здесь увидеть. Кого вообще надеялась не видеть больше никогда...

Почему он не узнал её сразу? С того злопамятного дня прошло ведь совсем ничего. Тогда она настолько ему приглянулась, что он отважился похитить её, и похитил бы, если бы не помощь мергов, которые отвлекли внимание на себя и тем самым позволили Пенни спрятаться в снегу и спастись. Правда, тогда она была простоватой девочкой, не имевшей такой одежды, которая сейчас на ней, наивной и не умеющей пользоваться краской для глаз. Неужели всего этого ей хватило, чтобы остаться неузнанной? Вероятно, но ненадолго. Потому что когда он услышит её настоящее имя, то наверняка всё вспомнит.

Она взяла Бокинфала за руку, и он удивлённо посмотрел на неё, радуясь от осознания того, что его простили.

- Кадмон, я велела растопить баню, - сообщали Анора.

- Извини, что не смогу к тебе там присоединиться. Мама спешит покончить с необходимыми обрядами, и я должен быть с ней. Да и тебе хорошо бы надолго не отлучаться. Твоё присутствие важно.

- Конечно, я понимаю. Я только приведу себя в порядок с дороги, и сразу же мы с Пенни к вам присоединимся.

- А Пенни согласна?

Они все смотрят на неё! И Сима. Только бы не столкнуться с ним взглядом! Он наверняка уже всё понял, но она не будет ему помогать. Не покажет, что узнала. Не покажет, что боится. Пусть право первого хода останется за ним.

- Я бы не отказалась.

Кажется, прозвучало вполне невинно и даже слегка игриво. Нельзя выказывать волнения. Нужно остаться с Бокинфалом наедине и побыстрее рассказать ему всё, что она знает о Симе. Он что-нибудь придумает.

- Ну, в таком случае желаем вам хорошенько попариться, а мы пока приступим к неотложным делам. Пошли. – Кадмон кивнул Бокинфалу.

Сейчас они уйдут, и она снова останется одна! А между тем человек по имени Сима явно не спускает с неё прищуренных глаз. Любое неточное движение, и он довершит начатое задолго до этого злосчастного дня. Насколько она помнит, кинжалом-булавкой он владеет филигранно. Она за своим и потянуться не успеет. Он наверняка уже сжимает его где-нибудь в рукаве.

- Анора, - услышала Пенни свой голос, - а не могли бы нам сперва показать нашу спальню? На случай, если мы задержимся...

- Прекрасно! Я нисколько не сомневаюсь, что вам с Бокинфалом у нас понравится и не захочется уезжать. Даже завтра. Сима, ты не покажешь нашим новым друзьям гостевые покои?

- С удовольствием.

Его голос тоже не выдавал волнения, но Пенни уже чувствовала, что он признал в ней свою бывшую пленницу и теперь думает, как бы поумнее распорядиться представившейся возможностью. Если Бокинфал останется в неведении о том, что им угрожает, у Симы будет преимущество внезапности. Она представила, как они входят в спальню, их провожатый выхватывает кинжал и втыкает его удивлённому Бокинфалу в незащищённое горло, а потом поворачивается к ней и смеется.

- Мы не хотим никого затруднять по пустякам, Анора, - выпалила она. – У вашего управляющего сегодня должно быть особенно много дел. В другой раз.

- Ерунда, - вступился Кадмон. – Я сам вам покажу. Сима, а ты поспеши к матери. Она тебя ждёт.

- Как вам будет угодно, - отступил с поклоном бурый халат. Пенни показалось, что она слышит, как скрипят от бессильной ярости его редкие зубы. – Как вам будет угодно.

Она выждала, пока он в подтверждение своего согласия отойдёт к двери. Там он замешкался и, как она и боялась, покосился на неё холодным взглядом. Да, он всё понял.

- Пенни. – Бокинфал потянул её следом за Кадмоном, который небрежным жестом сбросил на лавку шубу и, оставшись в толстой вязаной рубаше, пригласил их внутрь дома.

Она не замечала, как и куда они идут, думая о неожиданной встрече и её вероятных последствиях. Сима ни за что так просто это не оставит. Он ещё тогда однозначно дал понять, что хочет заполучить её себе на потеху, так неужели теперь, когда она сама попала к нему в руки, он отступит? Внешне он производил впечатление существа слабого и жалкого, однако Пенни имела несчастье видеть его при других обстоятельствах, когда он действовал решительно и жестоко, не задумываясь ни на мгновение, и в результате выпутался из тяжелейшего для себя положения, оказавшись в итоге победителем. Кто знает, на что он способен теперь, когда в его распоряжении гораздо больше средств, нежели в первый раз, и когда он изначально является хозяином положения?

- Вот тут вы сможете ночевать столько, сколько пожелаете. – Кадмон толкнул ногой дверь и показал чистенькую горницу, в глубине которой вздымалась белыми перинами широкая кровать. – У нас всегда рады гостям.

- Не сомневаюсь. – Она благодарно улыбнулась ему.

На что она рассчитывала? Что он оставит их тут одних и уйдёт, дав возможность поговорить наедине?

- Хорошо, - сказал Бокинфал.

Его порадовала перемена в спутнице. Она ожила, порозовела и уже подумывает о том, чтобы задержаться подольше. Кровать, широкая, но одна, её тоже не сильно смутила. Если так пойдёт и дальше, глядишь, сегодня они уснут в объятиях друг друга.

- А этот... Сима... он тоже здесь живёт?

- Сима? – Кадмон поморщился. – Будь моя воля, я давно бы его пинком под зад выгнал. Раньше он помогал моему отцу, был у него на побегушках. Когда мы перебрались в замок, остался тут за главного. Если мать согласится со мной, я от него избавлюсь. Он на меня тоску наводит. Скрытный, тихий и явно себе на уме. А почему ты спросила?

- Просто так. Мне он... показался откуда-то знакомым.

- Ну, если ты из Обители, то могла, я думаю, видеть его там. Отец время от времени посылал его в этот... как вы там это называете... Си-лан'эрн.

Однако, поразила Пенни, внешне оставаясь невозмутимой. Си-лан'эрн, или подземная Зала молчания считалась в Обители местом священным, куда допускались далеко не все Матери. Там проводились их советы, там принимались решения, и туда же был вхож этот Сима? Что-то не верится. Кем же он в таком случае был на самом деле?

- Да, может быть, - согласилась она. – Кадмон, а что там на полу?

- Где? – Он вошёл в комнату и развёл руками.

- Надо срочно поговорить. Вдвоём, - процедила Пенни сквозь зубы, пихнув Бокинфала локтём. – Вон пятно какое-то возле кровати. Это не кровь?

- Нет, это тут когда-то давно вино пролилось. Кровь если и проливалась, то у юных дев да и то на чистые простыни.

- Что-то мне нехорошо. – Пенни вошла за ним следом и опустилась на мягкий край постели. – Голова кружится.

- Тэвил! Почему разговоры о крови действуют на них так одинаково? – Кадмон сверкнул глазами на Бокинфала, призывая его в свидетели. – Приляг. Сейчас принесу тебе нюхательную соль.

Он порывисто вышел, а Пенни торопливо заговорила, стараясь успеть донести до единственного друга главное:

- Сима меня знает. Он убийца. Очень опасный. Из-за него чуть не погибла моя бабушка. Он выкрал меня у неё, но мне удалось сбежать. Я понятия не имела, что он тут живёт. Будь с ним очень осторожен. Он всегда вооружён.

- Вот, попробуй понюхать, - прервал её Кадмон, возвращаясь с дурно пахнущим даже на расстоянии мешочком. – Обычно это помогает. Ну что, лучше?

Ей действительно стало лучше после того, как она поделилась своей тайной с Бокинфалом. Который не стал задавать ей вопросов и не изменился в лице, но взгляд его сделался твёрдым и прямым, какой бывает у людей, поглощённых одной-единственной мыслью.

- Благодарю. Гораздо. Прости, что доставила столько хлопот.

- Вот. – Кадмон положил мешочек на видное место. – Если вдруг ещё понадобится, пользуйся. В этой комнате нет окон, она почти в середине дома, но зато тут должно быть тепло, так что, надеюсь, она понравится вам не меньше, чем прежним гостям. А теперь, если вы увидели, что хотели, пора возвращаться.

- Конечно.

По сеням сновали незнакомые люди. Пенни ожидала обнаружить и привезённое тело бывшего главы этого семейства, но его, очевидно, перенесли в другой дом. Что-то привлекло её внимание в облике некоторых вооружённых мужчин, не принимавших участия в приготовлениях, а взиравших на происходящее с независимостью стражей. Приглядевшись, она вспомнила Каура, своего соседа, которого Сима буквально у неё на глазах превратил в послушного исполнителя своей чудовищной воли. У эти в волосах тоже покачивались коротенькие косички со вплетёнными в них золотистыми шнурками. Что рассказывала про них бабушка?

Она прижалась к Бокинфалу сзади, обняла руками за пояс, и изобразила нежность влюблённой девочки. На самом же деле её губы, касавшиеся его уха, шептали:

- Остерегайся воинов с косичками. Это могут быть *тауды*. Они под властью Симы. Они выполняют всё, что он прикажет, не думая о себе. Не спрашивай! Я знаю, как это бывает. Просто поверь и будь с ними очень осторожен.

- Если твоя веста не передумала, - ел их глазами Кадмон, - у неё ещё есть время присоединиться к Аноре. Я бы сам от горячей баньки не отказался, но, боюсь, мама неправильно меня поймёт. Пенни, вот идёт Мойна. Ступай за ней, а мы займёмся нашими делами.

- Очень осторожно, - сказала девушка на прощанье и побежала нагонять новую подругу.

- О чем это она? – встрепнулся Кадмон.

- Сомневается в моей верности. Считает, что тут у вас слишком много соблазнов.

- Можно подумать, что это мы собрались попариться, а не они. Ладно, пошли проверим, глубокой ли получилась яма.

Проходя мимо воинов, на которых указала ему Пенни, Бокинфал смотрел не на какие-то там косички, обычные для мужчин, побывавших на заставах в Пограничье, а на их вооружение: по два ножа за поясом, топоры, подвязанные прямо к ляжкам в кожаных ножнах, из которых их удобно выхватывать, у некоторых из-за спин выглядывали луки. Никаких мечей, никаких щитов. Так избирательно вооружаются те, кто знают толк в своём выборе. Если взять бойцов Ротрама, там у каждого тоже свои предпочтения: кто палкой длинной лихо орудует, кто топором, кто с большим удовольствием разит противника издали стрелой или арбалетным винтом, а кто придерживается традиционных методов и первым делом хватается за меч подлиннее да щит попрочнее. С этими легкой стычки не предвидится.

Бокинфалу подумалось, что совсем недавно они уже вот так же защищали честь другой девушки, Феллы, но тогда он был не один, а с Валбуром, показавшим себя с наилучшей стороны, да и противники об их существовании не подозревали до последнего мгновения. Здесь же он предоставлен сам себе, а эти парни так старательно отводят глаза, что совершенно ясно: они предупреждены и готовы расквитаться с ним в любой подходящий момент. С ним и с Пенни. Кадмон подтвердил его опасения.

- Серьёзная охрана у вас тут поставлена, - небрежно заметил Бокинфал, когда они вышли на улицу и свернули за дом. – Сколько их, дюжина, две?

- Никогда не считал, но, пожалуй, что две, - ответил в тон ему Кадмон. – А что?

- Да вот думаю, зачем понадобился я, если и так есть кому на защиту встать?

- А я никому из них не доверяю?

- Почему?

- В своё время их по распоряжению моего недалёковидного отца набирал не кто-нибудь, а тот самый Ахим, которого вы давеча мертвым из-под стен замка выловили.

- Я, кстати, так и не понял, чем он твоей матери не угодил.

- Спроси что попроще. Меня её друзья, а тем более враги мало занимают. Всё, что я знаю, я знаю с чужих слов. Как я понимаю, этот Ахим замыслил предательство и готовился поднять восстание. А когда узнал, что его раскусили, бежал. Он жил у нас тут неподалёку, в сторожке, которую мы проезжали. Я тебе тогда ещё на неё рукой указал.

- Ну, да, я видел. Только не понял.

- Вот в ней-то он и жил. Тихим старичком прикидывался. Но отец рассказывал, что он и в старости умел отлично драться, настолько, что на спор побил бывшего главу стражей и тем самым заслужил право его заметить. Ну вот и заменил.

- И кто теперь ими руководит? Сима?

- Когда как. Пока нас не было, да, он. Сейчас, разумеется, мы с мамой будем.

- А при отце твоём?

- Ахим, я же говорю. Пока не сбежал среди зимы.

- Понял.

Бокинфал хотел поинтересоваться, знает ли Кадмон про этих странных таудов, о которых упоминала Пенни, но не успел: они вышли на зады избы, и глазам его предстало зрелище, поражавшее своей грандиозностью и необычностью.

Лес здесь был давно вырублен, а на его месте высились два причудливых сооружения. Одно представляло собой обрезанный и очищенный от веток ствол толстого дуба высотой в четыре человеческих роста, если не больше. С верхней части этого великанского пня кора была аккуратно содрана, и отсюда на Бокинфала взирала удивлённая морда огромной совы с яйцевидными глазищами и острым клювом-закорючкой. Резец мастера почти не тронул нижнюю часть туловища, не стал подчеркивать крылья или хвост, и только обнажённые корни естественным образом изображали когтистые лапки, вцепившиеся в почву. Бокинфал видел это совершенно отчетливо, поскольку вся поляна, если её можно так назвать, была тщательно очищена от снега до самой травы, бурой и гнилой.

Сова стояла в дальней части поляны, выделяясь на фоне запорошённого леса, а между ней и избой темнело ещё одно по меньшей мере странное сооружение. Островерхий кол в человеческий рост обступали по ровному кругу такие же деревянные колья, вырезанные из цельных стволов, вероятно, сосны и просто вкопанные в землю. Их спиленные верхушки соединялись между собой поперечными стволами, также выложенными по кругу и образующими таким образом замкнутое кольцо на подпорках.

Ни в пучеглазой сове, ни в столбовом круге не было ничего, что радовало бы глаз красотой и пропорциями, однако в обоих сооружениях чувствовалась какая-то странная, гнетущая сила, заставлявшая наблюдателя сбиться с мысли и поверить в то, что перед ним древний памятник культа, простоявший здесь на потребу хозяевам не один десяток зим.

Бокинфал, которому в своё время попадались рукописи по строительству, мог судить о возрасте круга, основываясь на креплениях поперечных стволов. Легко было заметить, что ими служили деревянные клинья, забитые под углом в более мягкую породу, как то делали ещё задолго до его рождения, тогда как теперь плотники воспользовались бы их железными заменителями, более удобными, но отторгаемыми древесиной и оттого менее долговечными.

От неожиданности увиденного Бокинфал не сразу заметил людей, суетившихся повсюду. Теперь, стряхнув первое оцепенение и придя в себя, он различил среди них не только Йедду, размахивавшую руками и объяснявшую что-то неподалёку от центрального кола, но и Симу, с непокрытой головой и в короткой шубейке прямо поверх домашнего халата. Последний стоял перед низеньким помостом между совой и кругом и руководил помощниками, затаскивавшими на помост свёрток с телом покойного Томлина. Судя по всему, он следил за тем, чтобы труп положили так, как он хотел, то есть ногами к сове и головой к центру круга.

Надо ли говорить, что ничего подобного Бокинфалу не приходилось ни видеть, ни даже читать. Похоронные обычаи у вабонов были довольно простыми. В зависимости от того, умер человек своей смертью или был убит, труп после прощания с близкими закапывали либо лёжа, либо, соответственно, стоя или сидя с оружием в руках, чтобы в случае необходимости он мог отразить нападение убитых им в прежней жизни противников. Покойника, как правило, ничем не укрывали, только обряжали в лучшие одежды и накрывали глаза гладкими камешками, собиравшимися по берегу Бехемы и даже продававшимися за бесценок на рыночной площади для тех, кто ленился или боялся ходить к воде. Камни эти обычно назывались окатышами. Если труп закапывался стоячим или сидячим, приложенные к глазам окатыши обвязывались специальной широкой лентой вокруг головы. Считалось, что так покойник будет лучше видеть в посмертии. Ритуалу непосредственного погребения предшествовало обязательное посещение ближайшей беоры, где родственниками и друзьями умершего делались скромные подношения увековеченному в ней герою с просьбой сопутствовать и содействовать их сородичу в новом для него мире. И никаких столбовых кругов, никаких помостов и уж тем более никаких гигантских изображений повелительницы насильственной смерти в облике совы. И никакой ямы, глубину которой они якобы пришли сюда проверить.

Он осторожно поделился своим сомнением с Кадмоном. Тот в ответ лишь оскалился.

- Чтобы зарыть щепотку праха большой ямы не нужно. Важна глубина, а не гора вырытой земли. У нас тут свои обычаи.

- Это я уже понял, - пробормотал Бокинфал, стараясь не выпускать из поля зрения Симу.

Понял он и то, что принятое им поначалу за помост сооружение на самом деле является высокой поленницей, которую в нужный момент зажгут под покойником в погребальный костёр, чтобы превратить тело в горсть пепла, о котором упомянул Кадмон. Это уже было ему более знакомо, поскольку старые рукописи рассказывали о тех временах, когда трупы, действительно, не закапывали в землю, а сжигали в огне и затем либо распускались по ветру, либо высыпались в Бехему. Но при Гере Одноруком, отце Ракли, обычай сжигать умерших сочли неподобающим и повсеместно запретили под предлогом того, что вырубка Пограничья и загрязнение воды, пусть и проточной, может привести к нежелательным последствиям. Чем это хуже зарывания трупов в землю, с которой вабоны кормятся, Бокинфал никогда до конца не мог взять в толк, но до сего дня его это слишком мало беспокоило. Обычаи, рассуждал он, придумываются людьми, люди меняются, значит, меняются и обычаи. Всё естественно. Конечно, ему приходилось слышать, что некоторые фолдиты нарушают правила и избавляются от покойников по старинке, но на то они и фолдиты. Окажись тут Ахим, он бы, наверное, всё ему объяснил, но его не было, а голова Бокинфала сейчас болела больше о другом.

Тем временем они подошли к столбам, и Кадмон указал на не приметное отверстие в земле возле одного из них, с внутренней стороны круга. Отверстие выглядело размером с два кулака, очень ровным и, судя по всему, действительно, глубоким. Во всяком случае, дна сверху видно не было.

- Это и есть то, что ты хотел проверить?

Вместо ответа Кадмон опустился на колени и запустил в отверстие руку. Рука ушла под землю по самое плечо, и он утвердительно кивнул:

- Годится.

Бокинфал присмотрелся к другим столбам и обратил внимание на то, что возле большинства из них в том месте, где находилось свежескопанное отверстие, лежат довольно крупные, примерно в человеческую голову камни, на которых выцарапаны непонятные знаки. Не надписи, а именно знаки, хотя положения чёрточек и точек во многом перекликаются со знакомым ему письмом.

- Тут уже кого-то хоронили?

- Разумеется. – Кадмон встал и отряхнул колени. – Здесь зарыты все мои предки. По материнской линии. Столбов тринадцать, и тринадцатым, для кого выроют такую могилку, буду я.

- А что потом?

- Круг замкнётся.

- И?..

- Если интересно, поговори с моей матерью. Она в этом разбирается гораздо лучше меня. А вот и она.

- Всё хорошо? – начала незаметно подошедшая Йедда с вопроса. – Ты проверил?

- Да, глубина в самый раз. Что ещё нужно сделать?

- Ты нас не познакомишь?

Бокинфалу показалось, что она уставилась на него с интересом, не подобающим вдове, но выдержал тяжёлый взгляд и даже изобразил улыбку.

- Это Бокинфал, мой хороший знакомый. Он здесь для моей охраны, так что не думаю, что ты будешь возражать...

- Конечно, не буду. Твоя безопасность для меня самое важное. Мне показалось, вы прибыли к нам не один?

- Со мной моя девушка. Анора предложила...

- Это очень хорошо. Располагайтесь. Сожалею, что поводом нашего знакомства послужило столь печальное событие. Кадмон, дитя моё, проследи за Симой. Костёр должен загореться с первого раза. Я не хочу подвести моего мужа.

Она как-то странно зыркнула на Бокинфала и направилась прочь из круга, в сторону одной из дальних изб.

- Сима! – крикнул Кадмон, спеша выполнить указание матери. – Дай-ка мне понюхать.

Это относилось к содержимому вёдер, которые какие-то люди выстраивали в ряд перед помостом.

Сима гостеприимно развёл руками, приглашая присоединиться. Бокинфала он встретил вежливым кивком и этим ограничился.

- Можете убедиться сами, маго. Горючее масло высшей пробы. Запах, сами слышите, слабый, так что выветривается оно плохо.

- Не пора ли пропитывать им дрова?

- Дрова уже укладывались в пропитке, так что не сомневайтесь, гореть будут жарко и достаточно долго. Прошлый конфуз не повторится, уверяю.

- А где мёд?

- Я только что послал за ним.

- Хорошо. Надеюсь, всё будет как надо. Ты знаком с Бокинфалом?

- Красивое имя. Надолго к нам? – Не имея больше возможности уклоняться от встречи, Сима смотрел теперь нарочито открыто и даже приветливо. Только левое веко чуть дергалось.

- По обстоятельствам, - ответил за Бокинфала Кадмон. – Если за сегодня управимся, то завтра можно будет возвращаться в замок.

- Там не опасно, маго?

- Не опаснее, чем здесь. Бокинфал меня защитит.

- А кто защитит Бокинфала?

Вопрос был задан в шутку, однако двое из троих поняли истинный его смысл. Ответа Сима не ждал и потому продолжал:

- А девушка по имени Пенэлла теперь присматривает за Анорой?

- Пенни, полагаю, сейчас занята как раз тем, что трёт ей спину, - мечтательно заявил Кадмон, на что Сима, бросив взгляд на помост, заметил:

- Лишь бы не получилось наоборот.

- Что ты сказал?

- Лишь бы не получилось наоборот: пока мы не развернём саван, не узнаем, где голова, а где ноги.

- Не говори глупости. Всё правильно лежит. Думаешь, я не видел, как его запелёнывают? С этим ты как раз справился. Сколько ещё ждать?

- Всё зависит от вашей матери. Вы спешите?

Кадмон оставил вопрос без внимания и направился к гигантской сове. Бокинфал задержался.

- Кажется, вы не очень рады новым знакомым вашего подопечного? – обратился он к спине Симы.

- Моего подопечного? Вот мой подопечный. – Тот кивнул на помост. – Теперь он один и незащищен перед тем, что его ждёт. Но видели бы вы, каким смелым и властным он был при жизни. Никогда не стоит преувеличивать своих сил.

Это уже откровенная угроза!

- Он разве их преувеличивал?

- Иногда горячился и нападал не на тех людей.

Он меня предупреждает!

- То же можно сказать о любом из нас. Повязка на голове ещё не залог победы.

Бокинфал произнёс слово «подвязка», или «таод», на старый манер, чтобы она прозвучала как «тауд». Сима на мгновение изменился в лице, но быстро овладел собой, только веко теперь дёргалось чаще. Он внимательно посмотрел на собеседника и сказал почти шёпотом:

- А вот это я бы не советовал вам проверять.

- Весьма ценю вашу заботу. Поверьте, мне бы тоже не хотелось портить праздник.

Надо же сморозить такую глупость, думал он, отходя от помоста и следуя за Кадмоном. Праздник! С языка сорвалось. Вряд ли даже этот Сима рад потере своего хозяина. Хотя по нему не скажешь. Явный интриган, привыкший скрывать чувства под личиной занятости и ответственности. Теперь он знает, что я знаю. А что я, собственно, знаю? Что нужно держать ухо востро и не подпускать никого к Пенни? Это и так понятно. Тогда что я делаю здесь? Но не бежать же мне сломя голову в женскую баню? Тэвил! А если Пенни права, и меня опередят? Кто его разберёт, как он там управляет этими своими таудами! Может,

он уже отдал приказ, и кто-нибудь из них сейчас точит нож или крадётся через облака пара к голым телам...

Он так ярко вообразил себе эту картину, что, подойдя к Кадмону, машинально спросил:

- Где тут у вас баня?

- Попариться решил? Придётся подождать. Анора не любит спешить. Да ты не переживай, твоя Пенни в надёжных руках. Уж мне-то поверь!

Его ухмылка была невыносима. Зачем они приехали сюда? Кому и что решили доказать? Неужели глупышка и в самом деле сочла это сродни подвигу, о котором брехал Ахим? Кому такие подвиги нужны? Мог ли Ахим наперёд знать, что здесь окажется её враг? А мог ли не знать, если служил тут долгое время сторожем? Значит, это его рук дело. Только вот чего он добивается? Чтобы Бокинфал окончательно разнервничался и первым обнажил меч? Симу и пару-тройку его молодцов, так и быть, он подарит Квалу, но остальные как нечего делать превратят его из луков и арбалетов в большого ежа. От стрел долго не поуворачиваешься. У Ротрама он это не раз пробовал, но четвёртый или пятый выстрел всегда настигал его и оставлял синяк если не на затылке, то на боку или бедре. Нет, открытого противостояния следует во что бы то ни стало избегать. Или всё-таки изловчиться и нанести упреждающий удар? Эх, скорее бы заходило солнце!

- Нисколько не сомневаюсь, что девочкам сейчас хорошо, - сказал он, разглядывая опалённую прежними кострами кору совиного дерева и тугое переплетение корней. – У вас тут вообще всё хорошо продумано и схвачено. И охрана начеку. Не понимаю, зачем тебе понадобился я? Как телохранитель?

- А с чего ты взял, что мне понадобился именно ты?

Тон его голоса изменился, и Бокинфал, почуяв неладное, оглянулся. Он словно провалился в сон, вернее, кошмар, о котором только что думал наяву. Между стволами таинственного круга стояли и внимательно смотрели на него трое, нет, четверо воинов с косичками. Один из них медленно поднимал прицел арбалета. Остальные держали наизготовку парные ножи и топоры. Западня! Внутренний голос кричал о ней с самого начала, однако он не послушался. И что теперь будет с Пенни?..

- Пенни!!

- Меня зовут!

- Тебе показалось. – Анора гладила пенной губкой блестящую грудь новой подруги, которая лежала на жарком каменном ложе и покорно сносила причудливые ласки. Трое служанок во главе с Мойной, тоже обнажённые и истекающие потом, растирали ей ноги и плечи. – Тебе показалось.

Пенни прислушалась. Шипение воды на камнях в очаге и прикрытые ставни мешали уличным звукам проникать внутрь перепол-

ненной густым паром бани, однако своё имя она услышала явственно. Нежные прикосновения убаюкивали и не давали собраться с мыслями.

- Пенни!!

Вот снова! Такое не может показаться.

Она решительно выскользнула из-под настойчивых рук и босиком подбежала по прохладным доскам к ближайшему окну. Толкнула кулаком ставни. Её уже хватали сзади и тянули обратно, но она успела увидеть измазанного в крови человека, очень похожего длинными патлами на Бокинфала, который размахивал мечом и пятился от двоих воинов.

- Пенни! Нас предали!

Не смея поверить в происходящее, она обернулась и увидела перекосенное лицо Аноры.

- Хватайте её!

Она чудом увернулась от навалившихся на неё прислужниц, успев ударить одну ногой, а другую наотмашь кулаком по лицу, сильно толкнула в грудь Анору и в два прыжка оказалась возле табуретки со своей одеждой, в складках которой прятался спасительный кинжал.

- Ты не это ищешь? – остановил Пенни окрик Мойны.

Острое лезвие сверкало у неё в руках. Ну конечно, у служанок было сколько угодно времени, чтобы обшарить её вещи, пока она отмокала в горячей воде и неловко сопротивлялась поцелуям Аноры!

Пенни, как была, рванулась к двери на улицу. Тяжелая щеколда оказалась в свою очередь закрытой на хитрую задвижку. Не избавишься от задвижки, не поднимешь щеколду, не откроешь дверь.

- Пенни!

Он ещё жив! Ему надо во что бы то ни стало помочь! Бедный Бокинфал!

Четверо голых девушек обступили её плотным кольцом. Правда, ни одна не решалась приблизиться первой.

- Зачем ты сопротивляешься? – сказала, тяжело дыша, Анора, потирая ушибленное при падении бедро. – Никто не хочет тебе зла.

- Я это вижу... И слышу... Выпустите меня!

- Только когда свяжем. – Анора покосилась на моток пеньковой верёвки в руках одной из служанок, той, что недавно позволяла себе особенно смелые ласки.

- Поверь, это лучше, чем изведать собственный кинжал, - угрожающе заверила Мойна.

Почему я не Тайра, вспомнила Пенни свою кареглазую подружку из Обители, пошедшую путём гардиан, то есть воительниц. Сейчас я бы знала, что делать.

Она попыталась лягаться, однако ей удалось попасть точно лишь один раз. Противница скрючилась от боли и повалилась на мокрый пол, но зато её товарки воспользовались паузой и дружно набросились

на обидчицу. Та, у которой была верёвка, сумела накинуть один виток на шею Пенни и затянуть так, что у последней перехватило дыхание, глаза наполнились слезами, а от напряжения из носа брызнула кровь. Это конец, поняла она, хватая ртом воздух, царапнула ногтями Анору по щеке, получила удар коленом в поддых и покорно опустила лицо в пол, позволяя себя бить, пинать и связывать.

Вероятно, она потеряла сознание, потому что когда снова с трудом открыла глаза, ни пола, ни бани, ни служанок не было. Она лежала под высоким потолком, раскинув руки и ноги, на чём-то жестком. Кисти и щиколотки ныли от крепко вцепившихся в них верёвок, а холодный сквозняк игриво овеивал голое тело.

Под потолком покачивались какие-то тряпки. Потрескивали факелы. Стояла подозрительная тишина.

Пенни повернула голову влево. Увидела свою посиневшую руку. Рука лежала на толстенной деревянной балке. То же происходило и с правой рукой. Прижав к груди подбородок, увидела покрытую пупырышками грудь и втянутый живот.

Между бесстыдно разведённых в стороны ног стояла Йедда. Тепло одетая, в каракулевой шапке, похожей на ведро, и в тонких варёжках из кроличьего меха. Она спокойно, без ненависти взирала на Пенни и молчала.

Пенни попыталась заговорить, но не смогла: мешал насквозь промокший кожаный кляп, перехваченный обвязанной вокруг шеи верёвкой. Бессильно замычав, девочка снова запрокинулась.

Что они с ней делают? Зачем весь этот позор? Где она? Что с Бокинфалом?

Пенни снова провалилась в безвременье и даже увидела короткий сон о том, как они вдвоём забираются на вершину Меген'тора и прыгают вниз, но не разбиваются, а расправляют крылья и перелетают над стремниной Бехемы на другую сторону, к горам, где тепло и безопасно.

- Сегодня большой праздник! – услышала она сквозь полузабытье. – Сегодня день нашего Создателя! И мы должны отблагодарить его за то, что он своей щедростью позволил нам войти в этот мир и стать его движущей силой, его кровью. Без нас отныне не происходит ничего. Ничего! Мы избраны свыше, чтобы придать жизни смысл. Мы избраны, чтобы ужасать непосвященных. Мы избраны, чтобы править! *Аха Гов'ях хама мах!*

- Аха Гов'ях хама мах! – повторил неровный хор голосов.

- *Ихи Гов'ях маха хам!* – воскликнул говорящий, вернее, говорящая.

- Ихи Гов'ях маха хам! – дружно закричали голоса.

Эти крики окончательно пробудили Пенни, и она попыталась приоткрыть глаза. Рот был по-прежнему забит чем-то твердым и ледяным. Рук и ног она просто не чувствовала. Всё тело сотрясала мел-

кая дрожь, от которой не было избавления. Разомкнув наконец неподъемные веки, она не сразу осознала то, что видит.

Теперь она лежала не под высокой крышей, а на улице. Из черноты неба падал неторопливый снег и таял в огне многочисленных факелов. И небо, и снежинки, и факелы странным образом вращались вокруг неё. Или она вращалась внутри них. Всё как будто плыло мимо одним сплошным хороводом.

Она, как и в прошлый раз, с трудом повернула голову. К хороводу прибавились стоящие в ряд деревянные столбы с бревенчатым перекрытием наверху. Она вспомнила, что видела нечто подобное раньше, из окошка бани.

Между столбами замерли фигуры людей в жёлтых и зелёных повязках на головах. Факелы отбрасывали на их лица пляшущие тени, и казалось, что лица неуловимо меняются, оставаясь при этом хищными и звериными. Или птичьими.

Она была по-прежнему привязана к скрещенным балкам. И лишена малейшего прикрытия своей бесстыдной наготы. На морозе. Поэтому она больше не ощущала тела. Даже опускавшиеся на руки и грудь снежинки отказывались таять. Она окоченела.

В ногах у неё шли двое. Шли, толкая перед собой нижние оконечности её креста, вращая его по бесконечному кругу, медленно и неотвратно. Присмотревшись, она узнала Кадмона и Анору. Волосы девушки были подобраны под зелёный платок, туго обмотанный несколько раз вокруг головы. На Кадмоне точно такой же убор имел жёлтый цвет. Он шёл впереди, она за ним, понуриив головы и не глядя в сторону несчастной.

- Сегодня, как и всегда в этот день, мы приносим нашему Создателю обещанную жертву. *Каха Гов'ях говенах!*

- Каха Гов'ях говенах! – подхватили зелёные головы.

- И пусть эта жертва скрепит своей кровью наши прочные узы! *Ибри Гов'ях аха хам!*

- Ибри Гов'ях аха хам! – завyli жёлтые.

Пенни поняла, откуда ей слышится женский голос. После очередного поворота она увидела фигуру в похожей на ведро чёрной шапке, стоящую вне столбового круга, на высоком помосте, и то и дело вскидывающую руки, словно подгоняя собственные слова. Она стояла ко всем спиной, обращаясь к огромной деревянной сове, взиравшей на происходящее удивленно вытаращенными глазищами.

- Мы любим тебя.

- Мы любим тебя!

- Мы помним тебя.

- Мы помним тебя!

- Ты дал нам всё.

- Ты дал нам всё!

- Прими же наш дар.

- Прими же наш дар!
- *Ихи хама маха хам.*
- Ихи хама маха хам!

Сова видела, как в центре круга вращается крест с привязанной к нему синей от холода обнажённой девушкой. Юноша с жёлтой головой и девушка с зелёной отстранённо шли у неё в ногах, приводя крест в движение. К помосту подошёл человек в длинном халате и короткой шубе и протянул стоявшей сверху женщине глиняный кувшин. Женщина в некрасивой чёрной шапке нагнулась, приняла кувшин обеими руками и повернулась к лежавшему на помосте телу мужчины с длинным носом, ставшим после смерти ещё длиннее, и густыми бровями, поседевшими от снега. Она начала лить из кувшина густую прозрачную жидкость прямо ему на лицо, на шею, на живот. Когда жидкость закончилась, всё тот же человек подал ей второй кувшин. За вторым последовал третий. Крест с обнаженной девушкой продолжал кружиться. Притихшие было между столбами жёлтые и зелёные люди снова стали выкрикивать какие-то хриплые слова. Женщина обливала труп до тех пор, пока он с головы до ног ни оказался покрыт чем-то вязким и блестящим. Порывы ветра клонили языки пламени на ярких факелах во все стороны. Человек помог женщине спуститься с помоста и вручил ей один из факелов. Крики стали громче. Они превратились чуть ли не в визг, когда женщина ткнула факелом в помост, а слагавшие его деревянные жерди разом вспыхнули и взметнули в черное небо столб оранжевых искр. Те двое, что кружили крест, побежали. Обнаженная жертва из последних сил металась в растягивавших её порозовевшее от огня тело путях и порывалась закричать, но ей мешала повязка через разинутый рот. Зато теперь очень хорошо был слышен вопль привязанного к дальнему от костра столбу юноши с длинными спутанными волосами. Он был раздет до пояса, и по его израненной груди стекали ручейки запёкшейся крови.

- Пенни!! Не-е-ет!!

Этим воплем он словно силился отогнать вошедшую в круг женщину. Всё ту же, что подпалила помост. Теперь в руках у неё вместо факела сверкал нож с длинным лезвием. Вращающийся крест резко остановился. Толкавшая его до сих пор пара отступила в сторону. Женщина подняла нож над извивающимся телом и снова что-то заговорила, не обращая внимания на крики длинноволосого и перекрывая весёлый треск разгорающегося костра. Теперь по кругу пошли все те, кто стоял между столбов. Хоровод продолжился. Идущие в нём запели. Нож в воздетых руках женщины дрожал словно от напряжения и ждал, когда она закончит говорить и опустит его одним махом в трепетную плоть.

- Пенни!!

Стрелы прилетели со стороны леса, из-за спины совы. Тем, кто их заметил, могло показаться, что это очередной порыв ветра сдул на со-

бравшихся искры от костра. Огненные стрелы утыкали обращённые к сове столбы, сбили с ног не меньше десятка поющих, одна пробила на-вылет шею женщины с ножом, другая застряла в плече девушки в зелёном платке, ещё дюжина перемахнула столбовой круг и повпивалась в брёвна большой избы под самой крышей, где навстречу маленьким язычкам пламени потянулась податливая солома.

За первой стайей стрел последовала вторая, тоже огненная и разящая наповал без разбора, и только после неё из леса стали выскакивать стремительные тени. Они настигали уцелевших при обстреле людей и полосовали им груди, шеи, но по большей части спины ржавыми лезвиями выдавших виды кинжалов. Над рыжими головами то и дело взлетали тяжёлые дубины, добивавшие раненых, кровь забрызгивала тлеющие столбы, жёлтые и зелёные повязки обагрялись красными пятнами, кричали все, и гибнущие, и их убийцы, костёр трещал, крыша избы принялась и пошла по краю огненной змейкой, длинноволосый потрясённо вращал глазами, крест на центральном столбе безжизненно покачивался. Лишь одна из павших в снег за столбовым кругом фигур в короткой меховушке то и дело приходила в движение и медленно отползала прочь, волоча по сугробам грязный подол длинного халата и оставляя на оранжевом снегу темный след крови.

- Пенни!..

Бокинфал очнулся от собственного крика и снова начал рваться из удерживавших его пут. Со своего места у столба он не видел, что случилось с ней, задета ли она стрелой или убита, успела ли Йедда погрузить в неё лезвие жертвенного кинжала или безмолвный истукан с совиной мордой позволил свершиться чуду. Вокруг него творилось жестокое избиение, дикари вопили от радости, столб пламени на месте помоста бушевал, обдавая всех и вся своим горячим дыханием, огонь перекидывался по бревном перекрытия со столба на столб и неотвратимо приближался к нему, ослабевшему от криков и ран. Кровь и слёзы застилали глаза, но он всё вглядывался в распростёртое на кресте неподвижное тело и надеялся, надеялся...

Казалось, нападавшие не замечают ни привязанного к столбу пленника, ни обнажённую на кресте девушку. Они вошли в раж и упивались своим нехитрым делом, не просто убивая, а уничтожая врагов. Из соседних изб сбегались новые защитники, те, что не испугались появления шеважа и кое-как пытались оказать достойный отпор. Но как бы отчаянно они ни сражались, защищая себя и то небольшое, что осталось от поместья, силы были неравны, и они падали в снег, пронзённые стрелами, размахивая обрубленными руками и поражаясь количеству вываливающихся из животов вонючих кишок.

Бокинфал увидел остановившегося поодаль широкоплечего дикаря с огненной шевелюрой и могучей грудью, обтянутой грубой меховой курткой. Казалось, она ему мала. Длинные волосатые руки заканчивались здоровенными кулачищами, в которых окровавленный дву-

ручный меч выглядел кухонным ножиком. Силач покосился на Бокинфала, растянул рот в белозубой улыбке и без размаха рубанул мечом по столбу. Верёвки упали в снежную лужу. Бокинфал повалился вперёд, потеряв равновесие, поскольку ноги его оставались скованными. Он увидел подле себя истертый башмак дикаря и услышал хриплый голос, произносивший знакомые слова:

- Не беги. Стрелы догонят. Никто не защитит. Оставайся тут.

Удивиться Бокинфал не успел. Рывок, и ноги тоже оказались свободными. Он бросился было к Пенни, но понял, что вместо этого медленно ползёт на четвереньках, преодолевая страшную боль во всём теле. Сил хватило лишь на то, чтобы дотянуться до креста и заставить его покачнуться. Он со стоном повалился на спину и обратился умоляющим взглядом к своему странному спасителю.

Дикарь что-то крикнул в сторону, и рядом с ним появилось ещё двое, рыжих, с раскрашенными лицами, тяжело дышащих и тоже чему-то улыбающихся. Сообразив, что от них требуется, они бросили на землю и расстелили невесть откуда взявшуюся широкую шкуру, поколдовали у рук и ног Пенни, разрезая верёвки, легко подхватили безжизненное тело и... Бокинфал потерял сознание.

Очнулся он от приятной качки. Голова кружилась. Плечи сжимало что-то округлое и плотное. Перед помутневшими глазами из стороны в сторону ходило звёздное небо, точнее, его узкая полоска, ограниченная двумя сучковатыми жердями. Его куда-то несли. Небо то и дело перекрывали чёрные ветки. Они в лесу. Ну конечно, куда же ещё деваться дикарям. Даже если они победители.

Пенни... Что с ней стало? Удалось ли её спасти? Он отчетливо вспомнил улыбки подручных того странного силача. Едва ли они по доброй воле согласились бы расстаться с таким лакомым трофеем. Шеважа сразу убивали только мужчин. Женщин они сперва использовали по прямому назначению. Так говорили все в Вайла'туне и об этом рассказывали многие летописи. Подобная участь могла обойти Пенни стороной разве что в том случае, если им досталось уже её мертвое тело. Мёртвое тело...

- Пенни!

- Не кричи, - отчётливо донеслось снаружи. — Твоя жена жива.

Жива! Он сказал, она жива! Бокинфал почувствовал, что плачет. Расслабился. Вгляделся в небо. Вот уж точно говорится: помощь приходит тогда, когда не ждёшь, и оттуда, откуда не знаешь.

- Кто вы?

Это его голос или это его спросили?

- Молчи, *илули*.

Значит, спрашивал он. Действительно, какая разница? Разве и так не ясно, что он угодил в руки наиболее отчаянных дикарей, которые отважились выйти из леса, причём зимой, и напасть на те постройки,

которые своей дерзкой близостью к Пограничью не могли не раздражать всё это время его обитателей?

- Зачем вы...

- Молчи!

Он никогда не предполагал, что среди шеважа есть те, кто знает язык вабонов. Хотя в этом, если призадуматься, нет ничего невероятного. Конечно, едва ли можно представить себе, как дикари подбираются к их избам и из засады слушают и запоминают непонятные разговоры. Скорее всего, отгадка кроется в том времени, когда вабоны совершали набеги на поселения дикарей в лесу и не просто уничтожали их, как теперь, а захватывали в плен женщин и детей, приводили в Вайла'тун, и превращали в предметы купли и продажи. Это время продолжалось довольно долго и закончилось не так давно, когда Гер Однорукий запретил подобную торговлю и поставил лесных пленников за коном, то есть повелел их просто не брать. Причиной тому было жестоко подавленное восстание прижившихся у вабонов шеважа, а также неоднократные случаи рождения детей от смешанных родителей. Дети все как один получались рыжими, и их было легко опознать, однако их появление сильно влияло на отношение вабонов-отцов к пленникам. Замок не мог этого допустить. В один прекрасный день сын Гера, Ракли, объявил об уничтожении всех, у кого рыжие волосы и кто не покинет пределы Вайла'туна к наступлению ночи. Бокинфал слышал о нескольких вопиющих случаях, когда вместе с рыжим приплодом в Пограничье ушли оба родителя. Что случилось там с вабонами, никому не известно. Едва ли шеважа приняли своих извечных преследователей и убийц. Кому-то удалось чудом остаться в Вайла'туне. Примером тому была служанка Ротрама по имени Шори, предки которой затерялись среди вабонов. Почему же нельзя предположить, что кому-то удалось по возвращении в лес сохранить навыки чужого языка и даже передать их потомству?

Несмотря на отчаянность своего положения Бокинфал настолько обрадовался вести о Пенни, что слабость от большой потери крови взяла своё, мерная качка убаюкивала, носилки согревали, и он в конце концов безропотно сдался на волю победителей и уснул.

Очнулся он от ноющей боли. Ныло всё тело, особенно спина и плечи. Небо больше не качалось. Где-то рядом потрескивал костёр, и этот звук, сопровождавшийся полётом редких искр, возродил в его памяти ужасающую картину жертвоприношения и последующей резни. Бокинфал застонал и пошевелинулся. Руки оказались связанными на груди. Щиколотки тоже сдавливала верёвка. Быть спасённым от неминуемой смерти, чтобы снова попасть в плен!

- Прости, илюли. Но мы не можем позволить тебе сбежать и навести на нас твоих воинов.

Уже знакомый ему силач сидел поодаль и затачивал ножом колышки, роняя стружки в костёр.

- Ты знаешь наш язык?
- Плохо, но знаю. Ты лучше спи дальше.
- Где моя... жена?
- Спи.
- Вы убили её?
- Спи.
- Зачем вы спасли нас?
- Много вопросов.
- Ответь хоть на один.
- Тихо, илюли. Спи.

Пленник явно хотел сказать что-то ещё, но только яростно сверкнул подбитым глазом и отвернулся. Гури отложил готовый колышек и взялся за следующий.

Знал бы этот несчастный парень, так похожий на *Тикали* своими длинными волосами, что определённый ответ он мог получить лишь на первый вопрос. Его жена была здесь же, по другую сторону костра, но жизнь в ней едва теплилась, хотя на её окоченелом теле они не заметили таких серьезных ран, как у него самого. А зачем их спасли, Гури знал не больше остальных. Собственно, именно его волосы, показавшиеся им в отсветах пламени рыжими, вынудили их сделать то, что они сделали. Тикали долго наблюдали за происходящим вокруг странных столбов, прячась в заснеженных зарослях, однако они и представить себе не могли, что илюли додумались до того, чтобы принести в жертву своих же собственных сородичей. У голой девушки волосы были светлыми, и Гури, давая сигнал к атаке, предполагал, что они имеют дело с чем-то необычным, а не просто с расправой над лесными пленниками. Которыми, как они все тогда думали, могли оказаться сбежавшие накануне из стойбища Чарк и Жага, обманувшая тем самым надежды их вождя, Гела. Стая Гури были послана за ними в погоню, они долго шли по отчётливому следу и таким образом оказались в той стороне Леса, куда обычно ни Тикали, ни дружественные им теперь *Фраки* прежде почти не заходили. То, что жертв у столбов было двое, что это были мужчина и красивая женщина, что волосы мужчины выделялись длиной, смутило Гури и остальных. Хорошо ещё, что их нападение оказалось настолько неожиданным, что в завязавшейся схватке они никого не потеряли. Двое получили лёгкие раны, но это не в счёт по сравнению с трофеями, которые они подобрали на поле боя и теперь несли в дар Гелу, надеясь, что прекрасные ножи, тугие луки и прочные топоры заставят его сменить гнев на милость и не позволят посчитать неудачную погоню уж совсем провальной. Гури вообще сомневался, что Гел стал бы отправлять вслед за своенравной Жагой столько своих воинов, если бы не Чарк, который всегда был ему добрым другом и который предал его ради этой запретной любви. С предателями у Гела был разговор короткий. Точнее, был бы, если бы таковые отважились объявиться в их стойбище. После объединения с

кланом Фраки и тем более после познания тайны Огня, кажется, недовольных среди Тикали не осталось. Гел был молодым и сравнительно недавним вождём, принявшим Меч Правителя после гибели Немирда, своего отца, однако он уже успел доказать, что носит этот признак отличия по праву не только рождения, но доблести и прозорливости. Он смог даже привлечь на свою сторону одноглазого Зорка, неуживчивого брата Немирда и вождя клана Фраки, после чего их союз стал самым могучим в Лесу и, как железный камень, начал притягивать к себе кланы послабее. Таким образом, ещё до наступления первых холодов был положен конец давнишней розни, и дети Леса объединились в могучую силу, которая обещала в скором времени неудержимым ураганом пронестись по землям илюли. Чего Гури, правда, хотел и ждал гораздо меньше своих соплеменников, поскольку среди илюли жила Элета, его старая мать, старая по возрасту, но не по виду, посевшая лишь недавно, во время нападения детей Леса на её тун, как называли илюли свои стойбища. Всю жизнь проведя в Лесу, воспитываясь у отца своего отца, деда Акита, Гури иногда, очень редко пробирался под кровом ночи в её жилище, однако их редкие встречи лишь тем сильнее мучили его, поскольку во всём остальном он оставался гордым потомком Тикали. И до последнего времени тщательно скрывал от остальных, что понимает язык их извечных врагов. Волей случая ему стало известно, что Гел, приблизивший его к себе за исключительные способности воина, сам не только прекрасно владеет языком *кен'шо*, общим для обитателей Леса, но и понимает без посторонней помощи тех пленных вабонов, которых им не так давно удалось взять на одной захваченной заставе. Гел вообще умел удивлять. Потому-то он и стал тем, кем стал. Тикали не считали правильным, чтобы новым вождём обязательно становился сын вождя нынешнего. Они созывали совет старейшин, на котором выбирался наиболее достойный. Гел был выбран единодушно. И ни разу ещё не заставил усомниться в мудрости старейшин. Он сам каким-то образом догадался, что один из его лучших воинов понимает язык тех, кого хладнокровно убивает. И что самое удивительное, не заподозрил за это Гури в предательстве. Напротив, он сперва дал понять, что знает его тайну, а потом выделил и стал поручать наиболее щекотливые задания. Такие, как, например, это: поймать влюблённых беглецов или, по меньшей мере, удостовериться в том, что они каким-то образом не переметнулись к илюли. На последнем настаивал подозрительный до занудства Зорк. Поскольку, хотя иногда случаи побега Тикали в другие кланы случались, попытка спрятаться в землях илюли выглядела невероятной. Когда Гури увидел этого длинноволосого парня, он на мгновение поверил в то, что Зорк оказался поразительно прав. Исход расставил всё на свои места. Беглецов они не отловили, след потеряли, но зато теперь доставят Гелу живьём двоих илюли, едва ли сохранивших какое-либо желание выгораживать своих соплеменников, которые их чуть не зажарили.

Причём женщина, если выкарабкается, хоть куда, может удачно заменить Жагу. Потому что Чарка готов заменить он, Гури.

Пленник послушался его лишь наполовину. Он больше не заговаривал, но лежал с широко открытыми глазами и пялился на звёзды. Гури сам проследил, чтобы его напоили целительным отваром и обложили раны горячими листьями сонного дерева. Раны были глубокие и кровавые, такие получают не пленники, а воины в бою, из чего он мог сделать вывод, что длинноволосый успел постоять за свою жизнь и уступил если не умением, то числом. Когда он поправится, интересно будет проверить, чего он на самом деле стоит.

Замёрзшую женщину они укутали накидками, проложив горячими камнями из костра. Гури не знал, сколько времени она провела на морозе. Поначалу он вообще решил ограничиться только спасением длинноволосого, но когда потрогал красивую грудь с посиневшим соском, женщина издала слабый вздох и тем самым решила свою судьбу. В неё тоже удалось влить немного отвара, так что теперь она забылась глубоким сном, хорошо бы не смертельным, и лишь изредка сотрясалась от утробного кашля.

Ночь прошла тихо, никто в погоню за ними не бросился, шум пожарища остался далеко позади, и наутро, едва темнота разделилась на чёрные деревья и серый снег, они без сожаления забросали кострище землёй и двинулись дальше.

Раньше, до овладения Огнём, они бы не позволили себе подобной расточительности. Раньше Огонь был чудом и врагом, теперь же он превратился в доброго и послушного друга. Отныне стаи получили возможность без страха покидать стойбище и передвигаться по всему Лесу, прихватив с собой заветный сосуд с волшебной жидкостью, внутри которого слабым, но постоянным пламенем горела особая плетёная из *флакса*³⁹ верёвка, горела долго, столько, сколько потребуется. От неё они всегда могли зажечь кору и развести костёр, а если кора оказывалась сплошь влажной от снега, было достаточно слегка полить её той же жидкостью, и Огонь возвращался. Рассказывали, что это была замечательная придумка Зорка. Если бы не Гел, он бы наверняка сделался вождём всех кланов. Притом, что с собой он привёл к Тикали всего лишь жалких *эму-нош* Фраки – иначе говоря, столько, сколько пальцев было руках у четырёх людей.

Счёта, превышающего десять пальцев, соплеменники Гури по отцу, в отличие от илюли, не знали. Зато у каждого пальца было свое имя, и самым большим числом до недавних пор считалось *нош-нош*, то есть «мизинец мизинцев» или «десять десятков». Считали слева направо, от мизинца до мизинца: *ниш*, *гиш*, *эку*, *эму*, *герч*, *горч*, *ому*, *оку*, *гош*, *нош*. Теперь, когда в клан Тикали влились не только Фраки, но также Гварки, Даги, Питчи и даже остатки почти уничтоженных

³⁹ Флакс - растение, длинные листья которого используются шеважа для получения веревок, а из семян получается горючее масло

Лопи и Олди, никто иной как Гури подсказал Гелу простой способ расширить счёт сверх десяти десятков. Гел быстро его понял и рассмеялся, сказав, что скоро, очень скоро они дойдут до великого предела – *нош-нош-нош*.

- Твоя жена будет жить, - заверил Гури пленника, поравнявшись с носилками и стараясь не обращать внимания на косые взгляды собратьев, придерживавших жерди на плечах. – Жара кончилась.

- Жар спал, - поправил Бокинфал, от радости готовый расцеловать этого огнеголового дикаря и хоть вечно ходить с завязанными руками. – Кто ты?

- Гури.

- Послушай, Гури, я очень благодарен тебе, всем вам, за наше спасение. Мне никогда не приходилось бывать в этих местах, но я догадываюсь, что вы несёте нас в свой лагерь. Что вы хотите с нами сделать?

- Наш вождь скажет.

- Ваш вождь? Ну, конечно, как же иначе! А его как зовут?

- Гел.

- Гел, Гел... хорошее имя. Надеюсь, что и он хороший. Он ведь не захочет нас убивать, да? Иначе зачем бы вы нас выхаживали и несли такую даль. Я ведь прав?

- Не знаю. Как твоё имя?

- Бокинфал. Обычно друзья называют меня просто Бок, я не против. А мою девушку зовут Пенни. Она спит?

- Да. Хватит говорить.

Дикарь отстал, и Бокинфал вернулся к рассматриванию заснеженных веток, проплывающих по светлеющему небу.

Совсем не так представлял он свою встречу с шеважа. Все вабоны рано или поздно думают о ней, с ненавистью или страхом. Чтобы увидеть шеважа, нужно было стать виггером и отправиться в Пограничье либо на заставу, либо в числе карательного отряда. Жившие по окраинам Вайла'туна фолдиты иногда сталкивались с ними поблизости от своих тунов, но в зависимости от численности та или другая сторона спасалась бегством. Лишь в последнее время участились случаи появления осмелевших дикарей в самых неожиданных местах, что некоторые связывали будто бы с овладением ими тайны получения, а главное – поддержания огня. Во всяком случае конца зимы многие ждали с трепетом. Ходили слухи, что шеважа обязательно воспользуются весенней сухостью и начнут жечь беззащитные постройки. Сперва ближайшие к лесу, а затем и все остальные. Вчерашнее нападение на целое поместье Томлина тому худшее подтверждение. И это сейчас, не дожидаясь оттепели! Правда, если бы не оно, ни его, ни Пенни уже на свете не было бы...

Ночью, пока его мучили и не давали толком уснуть жгучие и ноющие боли по всему телу, Бокинфал вспоминал то, что ему когда-

либо доводилось слышать о человеческих жертвоприношениях. Раньше подобные вещи всегда связывались разве что с шеважа. Мол, они таким образом празднуют победы над вабонами и заодно избавляются от обузы в виде пленников. Другого от дикарей и не ждали. Потом Бокинфал услышал слова о жертвоприношении из уст фра'нимана, которого они с Валбуром пришли убивать в отместку за Феллу. Следующим был Ахим, передавший им давеча рассказ чудом вернувшегося из лагеря венедда парня, который своими глазами видел, как те расправляются с его сотоварищами. И вот теперь Бокинфал сам оказался свидетелем и почти что участником подобной расправы, причём в роли дикарей или жестоких венедда выступали те, кого он раньше без зазрения совести мог бы назвать своими соплеменниками. Примечательно, что когда он очнулся после боя с таудами, закончившимся подлым ударом чем-то тяжёлым по затылку, и увидел, что привязан к странному столбовому сооружению, а бедная голая Пенни крутится на кресте перед полыхающим костром, он даже не удивился. Каким бы странным и неприятным не выглядел Ахим, как бы ни хотелось ему не верить, он в итоге оказался сокрушительно прав: чудовищные ибри существовали, они были среди вабонов, тупых и послушных, делающих вид, будто ничего не замечают. И они действовали. Те, с позволения сказать, люди, что собрались на поминки Томлина, своими длинными носами, вылупленными глазами, отвисшими нижними губами и горестными ухмылками отличались только потому, что нужда – не то горе, не то праздник – свела их в одном месте, но ведь в обычной жизни они были рассеяны среди остальных вабонов, служили купцами, теми же фра'ниманами да и мало ли кем ещё, однако взгляд непосвященного, видя их, отказывался их примечать. Они казались частью разноликой толпы. Нужно было оказаться в отчаянном положении, чтобы как следует разглядеть разницу. Тэвил, сколько же их? Что же теперь с нами со всеми будет?

Бокинфал поёжился и растёр затёкшие руки. Спросонья его накормили, дали выпить топлёного снега, и теперь ему всё сильнее хотелось по нужде. Хорошо хоть дали мало еды, так что с желанием отлить он готов ещё некоторое время побороться. А там, глядишь, их донесут до лесного лагеря.

Он поймал себя на мысли, что не боится. Окруженный извечными врагами, он принимал это как данность. Ужас был тогда, сперва перед лицом людей Симы, а потом у столба, когда ты беспомощен, предан и, чтобы выжить, вынужден убивать своих же братьев. Здесь его самого могли убить в любой момент и бросить куда-нибудь под куст, как лишний хлам, но он переживал только за Пенни, которую со своих носилок не видел и не слышал. Эта мысль не давала ему сомкнуть глаз, и он продолжал щуриться в проясняющееся голубое небо, по которому скользили хищные птицы, почувствовавшие скорую лёгкую добычу.

В какой-то момент ему вспомнился Ротрам, он не понял, почему, но образ вернулся, и Бокинфала зябко передёрнуло. Если поставить этого почтенного торговца оружием и содержателя их нынешнего виг-гер'гарда рядом с уродливыми образчиками ибри, его насмешливые и немного грустные глаза навывкате окажутся им сродни. Неужто это означает, что Ротрам тоже из их породы? Ведь глаза у него голубые, а не тёмные. Но при этом у него густые и вьющиеся, хотя и седые нынче, волосы, а выдающееся брюшко вызывает некоторые сомнения в легендарной боевитости. Их хама маха хам, слышалась Бокинфалу фраза из выкрикиваемых Йеддой. Вот бы произнесли её перед Ротрамом и посмотреть, поймёт ли он сказанное!

Носилки прибавили ходу. Так обычно бывает в двух случаях: когда объявляются преследователи или когда до конечного места остаётся совсем ничего. Вот бы узнать, насколько далеко они теперь от Вайла'туна. Зимой быстрой ходьбе мешает снег, однако дикари должны были привыкнуть к нему. Иначе они не смогли бы охотиться и поспевать за добычей. Конечно, можно весь день просидеть в засаде и ждать появления оленя или кабана, но едва ли их на это хватит. Его знакомые охотники давно пользовались для таких случаев снегоступами, плетёными рамками, которые надевались на подошвы сапог и позволяли ходить по снегу, почти не проваливаясь. Если дикари додумались до приручения огня, они не могли не подсмотреть и другие средства, которыми были вооружены их враги. Хотя, какая в этом всё теперь разница?

Важно, оставят ли их жить или поступят так, как всегда поступали с пленниками? Всегда ли? Откуда он взял, что их непременно убивали? Из рассказов других. Может быть, это такие же побасенки, как те, которыми их всех прикармливали раньше, когда считалось, что, кроме вабонов и шеважа, в Торлоне нет никого. Но тогда откуда же взялись эти венедда? Или про них забыли? А предок нынешнего лекаря из замка... как его... Мунго, который прибежал к ним позавчера и попросил побыстрее спуститься в подземелье, чтобы предотвратить кровопролитие? У Мали по легендам был такой же приплюснутый нос, курчавые чёрные волосы и гораздо более тёмная, нежели у его потомка, кожа. Вабоны такими не рождаются. Всё это означало лишь одно: Торлон гораздо шире и многообразнее, чем позволено думать. А что с того ему? А то, что его с Пенни судьбы ещё не предрешены, и есть вероятность, что злые языки ошибаются: их несут не убивать. Тогда куда же?

- Эй, Гури! Ты тут?

Какой же он неуёмный! Надо было и ему дать снотворных трав, чтобы он не беспокоил его понапрасну и лишний раз не возбуждал интерес носильщиков, прислушивающихся к их разговору. То, что Гел знает о его способностях, полбеда. Если они, эти способности, выделят его из общей толпы, беда может прийти, откуда не ждёшь. Жители

Леса привыкли быть подозрительными и не потерпят выскочек, если только этот выскочка не их вождь. А вождём Гури не быть это уж точно. Если только... если только Гел ни последует его вкрадчивому совету стать вождём не просто Тикали, а всех объединённых кланов разом. Тогда нынешнее место его может освободиться. Только что толку: старейшины никогда не утвердят Гури. Он всегда вёл себя слишком независимо. А отлучки из стойбища по поводу и без, особенно последняя, отбрасывали на него тень подозрения.

- Что тебе надо?

- Это я хотел спросить тебя: зачем мы вам понадобились?

- Спи.

- Что ты заладил! Вы спасли нас, но зачем?

- Приняли за других.

- Что?!

- ... но пожалели и решили показать свом. Им решать.

- Кому? Твоему Гелу? Что он за человек? Что ему нужно?

- Нужно, нужно, нужно... спи.

- Сам спи! Как там Пенни?

- Бокинфал... где мы?

Это её голос! Она очнулась! Она жива!

- Пенни, как ты?!

- Мы умерли?

- Ещё нет. Нас спасли. Дикари. – Он осёкся на не слишком уместном сейчас слове. – Шеважа. Мы в Пограничье. Не волнуйся, теперь всё будет хорошо.

- А что стало с теми... с Кадмоном, Анорой и... остальными?

- Была настоящая резня. И пожар. Я их не видел. Но точно знаю, что их мать убита. Ты помнишь, что произошло?

- Смутно. Помню холод. Я думала, тебя зарубили во дворе перед баней.

- Так оно и было. Почти. Сима натравил на меня своих псов.

- А его ты видел? Он мёртв?

- Не знаю. Эти шеважа перестреляли и перерезали всех, кто был на поминках. На самом деле это были никакие не поминки, а обычное жертвоприношение. Йедда хотела тебя заколоть.

- Йедда?

- Ты забыла? Она уже нож занесла. Когда кто-то из этих ребят решил проверить прочность её шеи. А я мог только смотреть и орать...

- Ты ни в чём не виноват. Это всё из-за меня. Но я не ожидала, что Сима...

- Не из-за тебя. И даже не из-за него. У меня тут было время подумать, и я пришёл к выводу, что Кадмон пригласил нас специально для этого. Либо он, либо его Анора почувствовали, что ты ещё девушка...

- Ты о чём?

- Я слышал про подобные жертвоприношения. Они любят использовать невинных девушек. Ты не обязана отвечать.

- У меня никого не было, - помолчав, призналась Пенни. – Но они ведь не могли этого знать.

- Вот я и говорю, что они как-то почувствовали. – Голос Бокинфала прозвучал почти радостно. – Они все оказались ибри. Как и предрекал Ахим. Неужели это он и называл твоим «подвигом»? Надеюсь, он тоже не догадывался о том, зачем нас пригласили. Потому что в противном случае, я не посмотрю на его преклонный возраст. Он жил при них, он не мог не знать их привычек. Если мы выкарабкаемся...

- Как ты?

- Что?

- Ты как? Тебя сильно ранили?

- Сойдёт. Эти шеважа, прежде чем снова меня связать, наложили на меня какие-то свои снадобья, так что сейчас мне больше всего хочется только сходить по нужде.

- Ты связан?

- А ты нет?

- Нет. На мне какие-то тёплые камни, меня спеленали, но при желании я могу высвободиться.

- Не нужно. Лежи и отдыхай. Тем более что нас тут кое-кто неплохо понимает.

- Кто? Ты о чём?

- Гури!

Он никогда не думал, что вабоны такие болтуны. Трещат, как будто не виделись с прошлой зимы.

- Чего тебе?

- Вот слышишь! Его зовут Гури. Он их предводитель и умеет разговаривать.

- Ты хотел сказать, умеет разговаривать на двух языках, Бок, - поправил тот пленника.

- Вот именно. Кстати, Пенни, у вас там в Обители случаем не изучают язык шеважа?

Она ответила молчанием. Да и что она могла сказать, ошарашенная услышанным. Их спасли от неминуемой смерти те, кого меньше всего можно было заподозрить в сочувствии. Спасли, чтобы снова взять в плен, предварительно вернув к жизни. Их не бросили в снег, их несут на руках. И их понимают!

- Пенни, ты где?

- Нет, не изучают... Гури, мы вам очень благодарны!

Только этого ещё не хватало! У девчонки соблазнительное тело и приятный голосок, и она ко всему прочему, похоже, совсем не боится. Если бы его самого сцапали илюли и тащили вот так же через Вайла'тун, он бы запросто наложил в штаны. А она, видите ли, благодар-

на! И не спрашивает, куда их несут и зачем. Представляю, сколько ей пришлось натерпеться, чтобы теперь просто радоваться жизни!

- Гури, мы ваши пленники?

И она туда же!

- Да.

Молчание. Только хруст снега да тяжёлое дыхание носильщиков. Надо бы ещё прибавить ходу.

- Откуда вы знаете наш язык?

- Моя мать – из ваших.

Сказал и сам не поверил, что сказал. Этого никто, кроме него, не знает и знать не должен. Соплеменники, идущие рядом, не поняли, конечно, но покосились неодобрительно. Одного непонятного им, Гелла, они стерпят, а вот двое – это уже слишком для них. Особенно ухо остро нужно держать с Хоком, который не притрагивается к носилкам и идёт впереди. Когда-то они были друзьями. Но потом подросла Кеита, дочь Шагра, и Хок влюбился в неё. Её отец был очень влиятельным воином Тикали. Он пользовался расположением *Того, У Кого Нет Имени*, или как теперь его всё чаще называли, Немирда. И надо же было так случиться, что вместо того, чтобы ответить Хоку тем же, Кеита взяла и прониклась чувством к нему, Гури. Вероятно, именно потому, что он считал себя уже стариком, и не замечал её. У него когда-то были жена и дочь, но вабоны убили их во время одного из своих налётов, и он с той поры зарёкся заводить новую семью. Хок делился с ним переживаниями насчёт Кеиты, спрашивал дружеского совета, страдал, а она сперва играла с ним, потчевала обещаниями и в итоге бросила. Ради Гури. Который не стал делать из этого тайну от Хока и приобрёл в его лице скрытого врага. А как иначе? Кеита была молодой и страстной. Она не помнила его жены. Ей всё было внове. В конце концов, он сдался и подарил ей ребёнка. Который родился в первый день этой зимы. Шагра давно нет. Немирда тоже. Хок постарел, но едва ли Кеита отпустила его сердце. Он ходит с Гури с одной стае, сражается так же зло и отчаянно, как и все, но молчит. Он ничего не забыл. И наверняка при случае пожалуется Гелу, что Гури слишком много проводит времени с пленниками.

- Как её зовут?

- Кого?

- Вы сказали, у вас есть мать.

- Да. Элета.

- Красивое имя. А как бы оно звучало на вашем языке?

- «Добрая»? Лити. – Носильщики подозрительно оглянулись на него, мол, кого это ты доброй назвал.

- Похоже.

- Слишком коротко, - донеслось из носилок Бокинфала.

- Мы любим короткие слова. Мы мало говорим.

- Дайте-ка угадаю! Если вас зовут Гури, то на нашем языке вы звались бы как? Эгори?

- Лежите и спите. Вам нужно набираться сил. Мы не будем всегда вас носить.

По его напряжённому голосу Пенни уловила, что он в самом деле не расположен разговаривать. Она больно уж обрадовалась своему воскрешению и тому, что отчаяние на кресте, когда хотелось поскорее умереть от холода и позора, сменилось надеждой на избавление. Лес был неприветлив, голоса тихо переговаривавшихся между собой дикарей звучали грубо, загадочный Гури увиливал от вопросов, однако то была упоительная передышка, и о будущем не хотелось думать.

Некоторое время она молча лежала, прислушиваясь к своему телу. От мороза по-прежнему болели пальцы на руках и ногах, грудь иногда что-то сжимало, и она заходилась коротким лающим кашлем, от которого на глаза наворачивались слёзы, однако всё это было на живным и поправимым по сравнению с тем, что могло бы случиться, не подоспей дикари. По её просьбе Бокинфал тихонько описал последние события в том страшном поместье, опустив, вероятно, некоторые подробности. Во всяком случае, теперь она знала, что Йедда была там главной, и что её больше нет. Как нет и поместья, сожженного нападавшими. Сейчас об этом, должно быть, уже знает весь Вайла'тун. Как говорится, дыма без огня не бывает. Если Руна благополучно вернулась в замок после переговоров и не обнаружила Пенни на месте, ей наверняка сообщили о том, куда отправилась её послушница. Теперь она либо сходит с ума среди трупов на пепелище, либо уже спешит по подземелью обратно в Обитель, чтобы посоветоваться с Корлис и решить, как сказать об этом бабушке. Надежда лишь на то, что Радэлла снова положится на свои ощущения и будет терпеливо ждать внучку обратно, раз её тело среди погибших так и не найдено. Она упрямая, ничего не берёт на веру. В смерть сына, отца Пенни, она поверила лишь тогда, когда дождалась возвращения отправившейся на ту заставу смены и получила в бесспорное доказательство его разорванную стрелами и окровавленную рубаху, которую когда-то сама ему шила.

Вспомнив бабушку, её доброе лицо и мягкие, сильные руки, Пенни всплакнула, но слёзы быстро замерзли и охладили щеки, так что она поспешила отогнать грустные мысли прочь, окликнула Гури и, смущаясь, призналась, что ей очень нужен короткий привал. Бокинфал, до сих пор сдерживавшийся, горячо поддержал её. Гури не сразу понял, о чём она просит, а когда сообразил, долго размышлял, однако, в конце концов, что-то сказал своим людям, и те, дойдя до укромной поляны, неохотно остановились. Обе пары носилок прислонили к упавшему стволу сосны, что позволило пленникам впервые за долгое время сесть и увидеть не только небо, но и друг друга. Пенни показалась Бокинфалу очень бледной и измождённой, о чём он, разумеется,

промолчал. Она же вслух ужаснулась его шрамам, один из которых запёкся прямо на левой щеке.

Оказалось, что их носилки не единственные. Двое дикарей поставили в стороне от них грубо связанное из подручных верёвок и веток подобие большой корзины, в которой лежал ворох одежды и оружия. Вероятно, они собрали всё это на месте боя и были вынуждены изловчиться и быстро соорудить некое вместилище, так как прихваченные из дома носилки заняли пленники. Пенни с волнением наблюдала, как Гури, оказавшийся здоровенным детиной с рыжей копной волос, пошарил в куче тряпья, по всей видимости, снятого прямо с трупов, и бросил ей пару здоровенных мужских сапог. Только сейчас девочка заметила, что под согревавшими её шкурами она по-прежнему голая и босая. Гури прав: не пойдёт же она в соседние кусты прямо по снегу. Дикари смотрели, как она осторожно высовывает из-под шкур ноги и залезает в холодную обувь. Никто ей не помогал. Бокинфал попросил прощения, напомнив, что сам связан по рукам и ногам. Пенни старалась отшучиваться, но её шатало, и она чуть не упала, пока вставала, держась за ствол и одновременно пытаясь не потерять спасительные шкуры. Из-под которых при этом вывалились довольно увесистые булыжники. Их теплу она, судя по всему, и была обязана жизнью.

- Всё, делаем привал, - глядя на камни, распорядился Гури. – Потом навестаем. Надо отдохнуть.

- Если ты устал, то можешь отдыхать, сколько хочешь, - прошепелявил Хок, продолжая стоять, опираясь на лук. – А нам надо возвращаться.

- Если хочешь возвращаться, - в тон ему ответил Гури, - тебя никто не держит. Тем более что ты совсем не устал, раз ничего не нёс.

- Твоих илюли я готов нести только на острие своего копья, - двусмысленно огрызнулся Хок и сплюнул.

Гури промолчал. Об их с Хоком отношениях в стае все прекрасно знали и благоразумно делали вид, что не обращают внимания. Теперь этому способствовала ещё и хорошенькая пленница, которая, хватаясь за ветки и придерживая норовившую свалиться с неё шкуру, неуверенными шагами, по глубокому снегу отходила в сторону, за ближайшие запаращённые кусты.

- Гури, скажи ей, чтобы не стеснялась и садилась прямо тут, - засмеялся один из носильщиков, молодой Фраки по имени Руж. Из клана Фраки их в стае было трое: Руж, его брат Трош и Цэрн, которого Гури в особых случаях тоже предпочитал Тикали за его выносливость и силу. Обычно смешанные стаи оставались редкостью, каждый предпочитал, чтобы спину ему защищал сородич, но у Гури был на это свой взгляд, и Гел его поддерживал. – Уж больно охота посмотреть, что у неё там внутри.

Пенни, поняв, что смех относится к ней, страдальчески оглянулась. Гури махнул ей рукой, мол, давай, не затягивай.

- Руж дело говорит, - согласился Цэрн, ковыряясь в зубах. – А то ща как хоп, и сбежит.

- От тебя что ли сбежит?

- Не, от меня не сбежит.

- Ну а тогда чего переживаешь? Пойди-ка лучше хворосту собери. А ты бы, Руж, чем рожи корчить, занялся бы её камнями. Они девчонку, похоже, неплохо отогрели, так что я бы повторил.

- Может, лучше я её сам отогрею? – предложил Руж, но послушно встал и начал подбирать булыжники.

Краем глаза Гури наблюдал за Пенни. Она сидела за кустом и жалобно постанывала, так что ни о каком побеге и речи быть не могло. Лишь бы не примёрзла или в обморок от слабости не грохнулась.

- Я сейчас тоже лопну, - напомнил о себе Бокинфал. Он сидел в носилках спиной к происходящему, однако ярко представлял себе Пенни и чувствовал, что теряет способность сдерживаться.

- Сначала она, потом ты, - буркнул Гури.

- Не дотерплю!

- Зили! Беск! Развяжите пленника.

Эти были не разлей вода и слушались Гури, всё равно что родного отца, беспрекословно. Хок терпеть их за это не мог и сейчас даже отвернулся. Напряжён, того и гляди сорвётся с места и умчит вперёд. Если бы не его меткий лук, Гури никогда бы не брал Хока с собой. В следующий раз, наверное, так и поступит. Его поймут.

Беск наклонился, чтобы подцепить путы на ногах раненого илюли острым лезвием, но Зили остановил его. Он осторожно разрезал верёвку возле самого узла, чтобы ею можно было воспользоваться повторно. Зили не терпел суеты и всё делал обстоятельно. Беск одобряюще кивнул. Пленник терпеливо выждал, пока ему освободят ноги, и с наслаждением их вытянул и побрыкался, разгоняя кровь. Протянул связанные руки. Зили глянул на Гури. Тот помотал головой, указывая взглядом на девушку, которая только-только поднялась с корточек и отправлялась в обратный путь к носилкам. Освободить обоих одновременно не стоило. Никто толком не знал, насколько они слабы и покорны обстоятельствам. За день уже было пройдено немало, так что все устали, и никому не хотелось пускаться в погоню. Да и Хок всем своим видом показывал, что не станет церемониться и догонит любого беглеца беззвучной стрелой.

Пенни вернулась на место и послушно легла в носилки, запахнувшись шкурой. Гури снял с неё сапоги и велел подогнуть ноги, чтобы заново её укутать. Подошёл Руж с разогретыми камнями. Им удалось лишний раз полюбоваться голым боком её изящного тельца, однако оба напустили на себя деловитость и не стали смущать девушку. Совсем ещё девочка, думал Гури, имея в виду её гладкую белую кожу.

Он собственноручно закатал Пенни в шкуру до самого подбородка, а Руж то и дело подкладывал камни.

Тем временем Бокинфал под неусыпным присмотром обоих приятелей с наслаждением справил нужду за другим кустом, кое-как вытерся снегом и встал, завязывая тесьму на штанах. Замерзшие пальцы не слушались, но он радостно улыбался, впервые за долгое время чувствуя себя почти свободным, если бы не грубые верёвки на руках. Думал ли он о побеге? Разумеется. Смог бы? Развяжи они ему запястья, вероятно, он сумел бы справиться с обоими их же оружием, а потом — уж как получится. Но ничего подобного ему сейчас делать почему-то не хотелось. Ну, то есть, известно почему. У них в плену осталась бы его Пенни. Её он покинуть не мог. Если им угрожает опасность, то пусть угрожает обоим. Так проще и есть хоть какая-то надежда. Тем более что пока дикари вели себя вполне смирно и можно даже сказать вежливо. Буквально на руках носили, усмехнулся он своим мыслям, глядя, как ему снова связывают ноги. На сей раз по-другому, не плотно щиколотка к щиколотке, а с зазором шириной в два пальца, что было гораздо удобнее и почти не натирало.

Когда оба пленника заняли причитавшиеся им места в носилках, Гури с ножа угостил их жареными на костре кусками мяса, дал запить топлёным снегом с добавлением сушёной травы-бодрины, придававшей сил и выносливости, и велел своим людям идти дальше. Они возвращались по собственным следам, однажды пройденной через сугробы тропой, только теперь им мешал лишний груз. Зато шедший впереди Хок торил снег проще, с охоткой, предвкушая, вероятно, долгожданный отдых среди родных костров.

Гури тоже думал о доме. О красавице Кеите, которая ждала его сейчас, укачивая в мягкой люльке сынишку, о предстоящем разговоре с Гелом насчёт дальнейшей судьбы пленников и не найденных беглецов, о скором заходе солнца, предвещавшем вторую ночёвку, если они не поспешат, и о матери. Он не видел её уже долго, непозволительно долго. Она жила в туне карлика Тэрла, его, если можно так сказать, друга, с которым они давным-давно вместе обучались боевому ремеслу. Было это здесь, в Лесу, но как будто бы в совсем другой жизни. Мать, Тэрл, Лес, Учитель... Он кого-то забыл. Или не хотел вспоминать. Почему он вообще об этом подумал? Обычно с ним редко такое происходит. Но уж если происходит, то...

- Ложись! — крикнул он, и сам сделал короткий прыжок вправо, проваливаясь в снег боком.

Падая, он видел, что его внезапный приказ никого не застал врасплох. На тропе остались лежать лишь брошенные носилки с пленниками.

Что это было? Мнимая опасность? Озарение? Старость?..

В Лесу стояла тишина. Даже испуганные пленники молчали, настороженно прислушиваясь.

Убедившись, что никого из стаи с земли не видно, Гури поднял глаза на деревья. Выждал, не упадёт ли с какой-нибудь ветки потревоженный кем-то снег. Даже некоторые илюли умели неплохо передвигаться по деревьям. Не говоря уж о воинах не примкнувших к Тикали кланов. Но нет, казалось, даже белки затаили дыхание, боясь пошевелинуться.

- Я тебя вижу, - громко сказал он на кен'шо. – Выходи! Я не назову тебя по имени, и ты понимаешь, почему.

- Ты меня не видишь, - ответил голос совсем рядом.

Гури крутанулся на другой бок и только сейчас заметил притаившегося за толстым стволом сосны человека. Вернее, человек позволил себя заметить. Даже зимой он оставался таким же: широкополая соломенная шляпа, две длинные косы, чёрный металлический панцирь на груди и такая же рукавица на левой руке, красноперые стрелы в колчане за спиной, короткие, в палец толщиной, лук из оленьего рога и орешника, за поясом – топорик. Опирается на длинный шест. Вот кого он почти забыл и вспомнил только сейчас.

- Скажи своим людям, чтобы шли дальше одни. Надо поговорить. Спорить не приходилось.

- Всё в порядке. Идите вперёд. Я нагоню. Хок за старшего.

Снег ожил, воины поднялись, оглядываясь и не видя, с кем он там разговаривает, подобрали носилки и захрустели прочь, явно раздосадованные и обиженные. На него. Не догадываясь даже, что он только что спас им всем жизни.

- Что тебе снова нужно? – Он остался сидеть на снегу, спиной к дереву. – Ты нашёл убийц Учителя?

- Отца убили не Тикали. И не Олди.

- Это я понял, потому что все по-прежнему живы.

- Но ты в прошлый раз зародил во мне правильное сомнение, Гури. – Рука тяжело легла ему на плечо. Снег не выдал его приближения. – Это были те, кого вы называете илюли.

- Как ты узнал?

- Просто. Оделся одним из них. Пришёл к ним. Искал. Нашёл место, где они меняются товаром. – Собеседник сел рядом. – Там были вещи из нашего дома... - Он прислушался, наверное, к собственным мыслям. – Продавец не знал общего языка. Тот, который он знал, я ему на прощанье отрезал. Вот. – Он извлёк из-за пазухи пару знакомых палочек с витиеватым резным узором у более широких концов. Учитель имел обыкновение этими палочками есть. – Они там думали, что ими можно бить по струнам или бубнам и извлекать звуки.

- Я тоже так подумал, когда впервые их увидел. Учитель, помнится, смеялся.

- Отец любил смеяться над твоими шутками. Дурацкими, на мой вкус.

- Продавец только продавал украденное. Кто ему их передал, ты выяснил?

- Я просидел у него два дня. Ждал, когда спохватятся и придут выяснять, где он пропадает. У него была жена и дочь.

- Ты и их...

- Нет. – В голосе послышалось сожаление. – Связал и кормил, чтобы не померли. Они тоже не знали общего. Но я не убиваю детей. На второй день пришли люди. Трое. Один меня в конце концов понял. Сказал, что простой охранник. А его хозяин уже захлебнулся своей кровью и лежал неподалёку. Этому хозяину и принесли их на продажу илюли, которые вернулись из леса. Охранник их даже описал, но для меня они все на одно лицо, как и вы.

- Это я уже когда-то слышал. И что дальше?

- А дальше я вернулся туда, где илюли торговали. Вместе с охранником. Потому что не поверил ему. Простые охранники на общем не говорят. Так я решил и оказался прав.

- Похоже, ты искал что-то особенное.

- В прошлый раз мы не договорили. У моего отца была карта. Ты знаешь, что такое «карта»?

- Нет, - признался Гури, хотя слово это когда-то слышал.

- Это когда всё, что ты видишь вокруг себя и не видишь, нарисовано на одном куске чего-нибудь, скажем, кожи, и ты можешь по этому рисунку узнать дорогу.

- Полезная вещь.

- Такая карта была у моего отца. Он привёз её из своего далёкого дома. Оттуда, где живёт мой род, мои люди. Понимаешь? Я давно решил вернуться туда. Здесь у меня нет ничего, даже отца. И эту карту украли вместе с остальным. Я поклялся её найти.

- Тот охранник тебе помог?

Гури прекрасно знал манеру своего собеседника никогда сразу не говорить о главном. Он напоминал ему охотника, который, вместо того, чтобы вынуть добычу из силка, ложится подальше и начинает медленно подтягивать силок к себе. Тикали всегда говорили коротко и по делу. Даже песни у них состояли из нескольких слов, которые выпевались на разный лад в зависимости от настроения. Никаких долгих рассказов.

- Он был не охранником. Тоже торговал. Но только не всякой всячиной, а рукописями. Тебе объяснить, что это такое?

- Запись происходящего.

- Правильно. Их скручивают в трубки. Точно так же, как была скручена карта. Легко спутать. Этот торговец знал больше, чем говорил. Но мне он сказал всё. Как к нему пришёл воин, вернувшийся из леса, и предложил купить всякой всячины. Как он отправил его к своему приятелю, которого я и встретил первым на торгах. А себе взял только ту карту. Он её вспомнил. Я почти не настаивал. Ломал ему

медленно пальцы и смотрел, как он плачет. Мужчины не должны плакать. Он сказал, что карты у него теперь нет, потому что её забрали. Когда мы закончили, я проверил, но так у него ничего и не нашел. Вероятно, не соврал, когда говорил, что её у него забрали.

- И кто же?

- Я не убил его, пока не дослушал его рассказ до конца. Оказалось, что из-за этой карты его уже один раз пытали. Я не понял всего, что он мямлил, но понял главное – она цела. И теперь принадлежит кому-то богатому, кто владеет многими такими торговцами, как мой теперь мёртвый знакомый. Ты знаешь, что значит «богатый», Гури?

- У которого много того, что нужно другим.

- И вот таких богатых я стал искать. И знаешь, их у илюли не так уж много. Их можно распознать по размеру дома. Или по количеству таких домов. Понимаешь, к чему я клоню?

- Пока нет.

- А пора бы! – Он говорил тихо, но всё более угрожающе. – Я много потратил времени на поиски. Обзавёлся их одеждой, вынужден был ходить, как они, даже волосы прятал под мехом. Несколько раз на меня обращали внимание их вояки, и я с ними говорил на языке леса.

- Оружием?

- Оружием. Совсем недавно я нашёл дом самого богатого человека и ждал случая, чтобы туда проникнуть. Понял теперь?

- Нет.

- Потому что ты этот дом сжёг! – От ярости через стиснутые зубы полетели слюни. – Сжёг! Вместе с картой! Я добрался до него, когда там уже всё закончилось. Илюли побоялись броситься за вами в погоню. А я бросился!

Гури поморщился, но сохранил вид полной невозмутимости.

- Я не знал, что там какая-то карта...

- Да, ты не знал!

- И ты не знаешь.

- Что?! – Лицо собеседника впервые выразило чувство, отличное от злобы и досады. – Что ты сказал?

- Ты тоже не знаешь. Её могло не быть в доме.

- Но...

- Самый богатый не значит «тот самый». С чего ты взял, что хозяин того дома, тех домов, захватил твою карту?

- Он владеет торгом.

- Один? Ты в этом уверен? Ты был у илюли, ты видел, сколько там народу. Никогда не поверю, что богатых из них всего один. Я на этом торге не был, но слышал про него. Уверен, там тоже много хозяев.

- Значит...

- Ты правильно сделал, что нагнал нас, Дэс'кари Сину. Может быть, я смогу тебе помочь.

- Как? Сожжёшь лес? У тебя это хорошо получается.

- Мы захватили пленников. Илюли хотели их убить, принести в жертву. Мои люди обращаются с ними хорошо. Можно задать твой вопрос им. Раз они были в доме самого богатого илюли, может, они кое-что знают про него? Или даже слишком много, за что от них и хотели избавиться. В память об Учителе я готов помочь тебе.

- Отец тебя видит. - Дэс'кари Сину склонил шляпу, скрыв лицо. - Веди меня к ним.

Гури устремился вдогонку за остальными. Снежная тропа была уже настолько хорошо утоптана, что ноги почти не проваливались. Его спутник не отставал. Гури заметил, что у того на ногах не обычные плетёные снегоступы, а более вытянутые, с загнутыми кверху мысками, выточенные из сплошных кусков дерева. Он узнал снегоступы Учителя. Дэс'кари Сину не столько бежал на них, сколько скользил, отталкиваясь шестом. Хотя он легко мог бы обогнать Гури, тот не стал пропускать его вперёд: обращение спиной свидетельствовало в Лесу о полном доверии к тому, кто идёт сзади.

- Ты слышал, что у илюли началась война? - спросил Дэс'кари Сину.

- С чего ты взял?

- По ту сторону домов стоит большое войско. Не знаю, откуда они. Никогда таких не видел. Как пришли, попытались сразу напасть, но их отбили. Теперь собирают силы для нового броска. Войско большое, сильное. Я с трудом положил троих, когда шёл искать, где живёт богатый.

- Ты сражался с ними? - удивился Гури. - Снова за илюли? Может, тебе пора найти у них жену и остаться навсегда?

- Если твои родичи хотят покончить с илюли, - продолжал Дэс'кари Сину, пропустив насмешливое замечание, - сейчас самое время.

- Мы подумаем над твоими словами.

- Но потом вам придётся иметь дело с теми, пришлыми. Они сильнее.

- Я понял.

Они перемахнули через несколько поваленных деревьев, поднялись на пологий холм, сплошь покрытый заснеженными кустами, и спустились в овраг, который закатное солнце превратило в одну длинную тень. Отсюда до нынешнего стойбища Тикали оставалось не так уж далеко, и вторая ночёвка едва ли понадобится. Хок её наверняка не перенесёт.

Гури почти забыл о своём спутнике, предавшись приятным размышлениям о предстоящей встрече с женой и сыном, когда тишину зимнего Леса пререзал крик. Душераздирающий и жалобный. Ему вторил протяжный вой, который любой илюли, не задумываясь, принял бы за волчий. Но это были не волки. Волки не воют, когда нападают на жертву.

Оглянувшись на Дэс'кари Сину, он увидел, что тот уже взбегает на противоположный склон и делает знаки, чтобы Гури двигался дальше один. Бросает меня, мелькнула шальная мысль, однако он тут же вспомнил, что Учитель заповедовал им никогда не нападать на врага вместе. Особенно, если у врага были превосходящие силы. Дэс'кари Сину не мог уйти просто так. Жестокая схватка была его родной стихией. Особенно та, в которой один из двоих должен был погибнуть. Или двое из троих. Или девять из десяти...

Взметая снежную пыль, Гури рванулся вперед с удвоенной силой, на ходу вкладывая стрелу в тугую дугу лука и по привычке сжимая ещё две зубами. Зачем он позволил своей стае идти дальше без него? Проходя этим оврагом в первый раз они ведь все обратили внимание на силки, которые оставили охотники из клана Вулчаки. Трош тогда ещё удивился, что здесь делают эти трусливые девки. Вулчаки издавна снискали дурную славу среди обитателей Леса там, что предпочли уйти как можно дальше от ближайших домов илюли и таким образом попытаться спасти свой клан от полного вымирания. Вместо того, чтобы, наоборот, вступить в союз с кем угодно и тем самым дать возможность молодому поколению изменить свою незавидную судьбу. Так глупо могли поступить только женщины. Собственно, Вулчаки и были женщинами. Волчицами, как они сами себя прозвали. Появившимися на свет совсем недавно, в пору юности Гури. По сути, то был не настоящий клан, а сборище женского отребья из многих кланов. Их родоначальница, первая жена Немирда по имени Аака, говорят, была ещё жива. Он-то, Немирд, и стал невольной причиной появления в Лесу этого странного народца, когда обозлился на Ааку за то, что та отказывалась рожать ему сына. В дочерях никто из Тикали не видел ничего плохого при условии, что первым или хотя бы вторым рождался сын. Аака родила Немирду двух дочерей. И заявила, что с неё хватит. Немирд был вождём и не мог стерпеть подобного унижения. Гури помнил тот день, когда Лес огласился боем барабанов, возвещавших Великий Сбор. На глазах у поражённых сородичей, среди которых был и Гури, Немирд исполнил танец Одинокого Охотника и воззвал к духам деревьев, призывая принять от него в дар непокорную Ааку. Обычно ссора между мужем и женой, бессильной родить сына или родить вообще, заканчивалась праздником выбора второй жены, более молодой и сговорчивой, однако Немирд не только отказался оставить Ааку при себе, но отлучил её от Тикали. А она в отместку не только ушла, но и забрала с собой обеих дочерей, одну из которых повела за руку, а вторая в это время спала у неё в сумке за спиной. Гури очень отчетливо запечатлел в памяти эту жалкую троицу и часто вспоминал её впоследствии, когда до него доходили очередные слухи об удивительных свершениях Ааки. Каким-то образом о её уходе прознали другие кланы. А когда прознали, некоторые женщины, сделанные вторыми или третьими жёнами, не простясь с мужьями, стали по её примеру

покидать стойбища и присоединяться к ней. Теперь, спустя более эконош⁴⁰ зим с того злополучного дня, клан, назвавший себя по имени самого хитрого и жестокого зверя Леса, превратился грозную силу, опасную не только своей ненавистью к остальным, но и особыми повадками. Ими, как считали многие, двигал по большей части страх. Судить об этом можно было хотя бы по тому, что они сразу постарались отгородиться от бывших соплеменников несколькими днями пути, непроходимыми болотами, оврагами и неприветливыми скалами, прорезавшими в одном месте Лес неприступной грядой каменных игл. Проведя там немало зим в полном одиночестве и окрепнув, они постепенно начали устраивать вылазки, целью которых, как оказалось, были покинутые ими в своё время мужчины. Не все, но те, что могли дать им детей. Они нападали исподтишка, хуже илюли, и убивали всех, кто не был им нужен: женщин, детей, стариков. Несколько молодых воинов щадили и либо забирали с собой, либо использовали их по прямому назначению, не сходя с места, среди трупов и разгрома. После чего тоже приканчивали, унося их семя в себе. Тикали и некоторые другие кланы неоднократно посылали на их поиски целые стаи, но стаи то пропадали, то возвращались ни с чем. Скалы, овраги и болота надёжно хранили волчиц. Сам Гури никогда прежде с ними не сталкивался, однако был наслышан об их отчаянности и беспощадности, лишённой благородства тех, кто действует не из страха, а по необходимости.

За изгибом оврага тень от склона укорачивалась, и поле битвы стало хорошо видно. Как и опасался Гури, Вулчаки напали на его стаю сверху, с выгодной высоты, позволившей им сделать по несколько точных выстрелов из луков и таким образом ещё больше сократить ряды противников в свою пользу. Он увидел лежавшие на снегу тела сотоварищей с торчащими из груди и боков стрелами, брошенные носилки с не то мёртвыми, не то пока живыми пленниками, и юркнул за кусты на левом склоне. Правый оставался на совести Дэс'кари Сину. Гури бежал по снегу пригнувшись, натянув тетиву лука к животу и готовый отпустить её в тот миг, как обнаружит первую волчицу. По крикам, доносящимся из оврага, он заключил, что выжившие остатки его стаи рассредоточились по склонам и вступили в рукопашный бой. Но раз Вулчаки не побоялись показать клыки и когти, значит, у них изначально уже был подавляющий перевес. В два, в три раза? В любом случае, часть их наверняка затаилась где-то здесь и следит за исходом поединков, чтобы добить нежеланных победителей.

Чутьё его не подвело.

Первую волчицу он заметил со спины и в эту спину, не раздумывая, выстрелил. Выплюнул новую стрелу в руку, уложил на лук, увидел выглянувшую из-за куста голову с характерной высокой огненно-рыжей причёской, и послал ей быструю смерть, тоже не целясь. Ему

---

⁴⁰ Тридцать

показалось, что он слышит хруст черепа, пробитого возле виска. И не удивился, поскольку в такие моменты все его ощущения обострялись, и он словно переставал существовать в этом явном мире. Даже для себя, для своего тела. Казалось, за него действует кто-то другой, кто-то вовне, кто видит происходящее со стороны, кто думает, не думая, и действует, не прилагая усилий.

Ещё одну волчицу он сбил с ветки склонившегося над оврагом дерева. Она успела крикнуть и её падение привлекло внимание подруг. Кусты вокруг Гури ожили. Он метнулся в сторону, и почти одновременно выпущенные стрелы просвистели у него за затылком. В ответ он выпустил две подряд, наугад, но удачно, потому что два куста больше не шелохнулись, а по остальным, бросив ставших ненужным лук, он пронесся в двойном вихре топора и кинжала, так что какое-то сопротивление оказали лишь три последние противницы. Одна даже показалась ему хорошенькой, но он изуродовал её лицо гримасой боли, когда рассёк горло и отрубил вскинутую с мечом тонкую кисть.

В итоге в первой засаде Гури насчитал восемь волчиц. Когда с ними было покончено, он подхватил лук и последовал примеру Дэс'кари Сину, взобравшись на вершину склона. Отсюда он увидел, что сам Дэс'кари Сину опередил его: широкополая шляпа уже перестала порхать по кустам, кружила в смертельном танце на дне оврага и оттягивала на себя всё новых волчиц. Которые ещё не поняли, что нужно не нападать и даже не сопротивляться, а бросать всё и спасаться бегством.

Гури помог им в этом. Со второй засадой он расправился ещё быстрее, чем с первой. Удивился тому, что убивать женщин ему доставляет некоторое удовольствие. Вероятно, в силу новизны ощущений. Мелькнула мысль, что, вспарывая живот одной, он тем самым уничтожает разом несколько, ещё не рожденных, врагов. Мужчины обычно умирали молча, стиснув зубы. Эти же ругались и яростно визжали. Если успевали.

Одну, как ему показалось, самую старую, он умышленно упустил, и она, отбежав на четвереньках на безопасное расстояние, остановилась и завывала так, что её слышал весь овраг. Так что последние Вулчаки уже просто бежали вверх по склону, иногда прямо навстречу его топору, не думая больше об охоте, в панике, не разбирая дороги. Все, кто попытался миновать его на расстоянии вытянутых рук, остались лежать там, где он их встретил. Лишь одна осмелилась проститься с ним стрелой, но споткнулась, пронзённая в спину из лука Хока, который вдвоём с Цэрном оказался у беглянок в хвосте. Оба были окровавлены и, скорее всего, ранены, однако держались на ногах и смотрели на Гури с удивлённым уважением. Он ведь редко позволял себе танцевать с врагами в полную силу, как сейчас. Ему никогда не нравилось привлекать к себе излишнее внимание.

- Надеюсь, мы тебе не помешали, - только и смог сказать Хок, а Цэрн размазал по лицу кровь и улыбнулся.

Внизу оврага он встретили Троша и Зили. Трош сидел над телом убитого брата. Их шеи Ружа торчало две стрелы.

- Они не дали ему защититься, - выдавил Трош, обламывая накопники и вытягивая стрелы. - Подстрелили, как зайца...

- Нет, он не бежал, - напомнил Зили. - А ты отомстил за него.

Гури осмотрелся. Дэс'кари Сину стоял на почтительном расстоянии, за кустом, и ждал. Махнув ему рукой, Гури побежал к брошенным носилкам. Одни лежали неподвижно, вторые дёргались, но из них торчала стрела. Он первым делом открыл последние.

Связанный Бокинфал был бледен и морщился от боли. Стрела попала ему в ногу, похоже, неопасно, в мякоть икры. Крови было немного. Неприятно, но жизнь вне опасности. Тот и сам это понимал, потому что сразу же спросил, как там с Пенни.

Когда они с Дэс'кари Сину заглянули во вторые носилки, сперва им показалось, что она мертва. Девушка лежала на боку, прикрыв веки, и не подавала признаков жизни. Только когда окровавленные пальцы Дэс'кари Сину отняли край шкуры и прижались к шее, ища пульс, ресницы ожили, она распахнула глаза и вопросительно уставилась на Гури.

- Это ведь не были вабоны? - спросила она. Потом её взгляд упал на затенённое краем шляпы лицо Дэс'кари Сину. - Это не ди... не шеважа.

- Нет, он не из наших, но он друг. - Гури оглянулся на Бокинфала и утвердительно кивнул. - Ты можешь идти сама?

- Могу, - неуверенно согласилась Пенни, вспоминая свою не слишком приятную попытку на последнем привале. - Только мне бы одеться...

- Теперь одежды много, - заверил её Гури, указывая на дно и склоны оврага.

Пенни присмотрелась и увидела не одну дюжину лежащих в самых причудливых позах тел с рыжими головами. У некоторых головы лежали рядом с телами. Судя по странным высоким причёскам и небольшому росту, они все были женщинами.

- Кто это? - поразились она.

- Волчицы. Долгая история.

- Так вы тоже воюете друг с другом?!

- Иначе было бы слишком просто, - ответил Гури и посмотрел на странного мужчину в причудливой шляпе. - Можешь пока расспросить её. Она понимает общий. А я подберу ей одежду.

Мужчина разглядывал Пенни. В нём странным было всё, но особенно глаза, спокойные и холодные, а главное - узкие, как две щёлки. Ей даже сперва показалось, что он жмурится.

- Я ищу карту, - сказал он с незнакомым выговором. Пенни мало приходилось говорить на кенсае, она только недавно начала его учить, однако ни Руна, ни Везник, ни Гури не произносили слова так отрывисто и с таким цоканьем на конце каждого слова. – Ты была в том доме. Ты видела карту?

- Какую карту?

- Свиток. На нём рисунок. Можно найти реку, лес, горы. Карта моего отца.

- Нет, не видела.

- А тот? – Шляпа повернулась в сторону Бокинфала, который сидел на носилках и со стонами пытался извлечь из ноги стрелу. Руки у него были по-прежнему связаны.

- Кажется, нам второй раз повезло, - крикнула она ему. Бокинфал пожал плечами и изобразил улыбку.

- Если ногу не потеряю, то можно считать, что да.

- Он спрашивает, не видели ли мы в доме Кадмона какую-то карту, на которой изображён Торлон.

Узкоглазый напряженно прислушивался к звукам чужой речи.

- Скажи ему, что нет. – Бокинфал сумел наконец переломить древко и потянул за оперенье. – Ааааа! Тэвил! Как же больно! – И закончил почти буднично: - Обычно карты бывают в другом месте.

Пенни перевела. Теперь узкоглазый внимательно следил за действиями Бокинфала и ждал пояснений. Только желваки на широких скулах выдавали его напряжение.

- Уточни, пожалуйста, свою мысль, - поторопила Пенни. – Мне кажется, он нервничает.

- Сочувствую, но в нём нет ни одной дырки от стрелы. Мммм..., больно!

- Если ты ещё не понял, они на пару с Гури нас спасли.

- Да уж вижу. Доблестно перебили кучу рыжих девиц. Если бы меня не связали, как тушку, втроём мы бы справились быстрее.

- Что ты хотел сказать про «другое место»?

- Ладно, передай ему, что если он хочет глянуть на старые карты, то ему придётся пробраться непосредственно в замок и спросить главного писаря, то бишь Скелли. Добавь, что гвардейцев там побольше, чем этих девиц. Пара писарей тоже неплохо владеет оружием. Сам Скелли честно за свои карты и рукописи сражаться не будет, но спиной к нему всё равно лучше не поворачиваться – при нём всегда отравленный нож. И пожелай от меня успеха.

Когда Пенни перевела эти слова, глаза человека в шляпе сделались совсем узкими, он сверкнул ими на Бокинфала так, словно готов был вот-вот на него накинуться, однако вместо этого он в следующее мгновение просиял и крикнул Гури, возвращавшемуся в обнимку с ворохом одежды:

- Я не пойду с вами дальше. Теперь я знаю, где может быть карта. Прощай!

И, не дожидаясь ответа, заскользил размашистым шагом прочь по оврагу, то и дело подталкивая себя шестом.

- Куда вы его? – поинтересовался Гури, ничуть не удивляясь подобной скоротечности их нынешней встречи. – Вот, одевайся. Тут есть, из чего выбрать.

- Твой странный друг, - пояснил Бокинфал, - решил, что сможет в одиночку взять штурмом замок и завладеть его сокровищами. Кстати, там у тебя не найдётся тряпки перевязать мою многострадальную ногу.

Гури вытащил из-под вороха меховых шуб, безрукавок, юбок и штанов широкий мелко плетеный пояс и кинул ему.

- Я и забыл, что вы не умеете ткать, - усмехнулся Бокинфал.

- Умеем. Нам просто некогда, - ответил Гури.

Бокинфал расхохотался, чем немало поразил собиравшихся в дальнейший путь дикарей.

- А что до твоего замка, - продолжил Гури, - то я бы не завидовал тем, кто захочет помешать моему странному другу добыть то, что он хочет.

Только сейчас Пенни сообразила, что не увидела на человеке в шляпе никаких ран или хотя бы просто порезов. Только чужую кровь на руках. Много крови. При этом она собственными глазами видела, как на него набрасывались буквально стаи разъярённых воительниц с мечами и луками наперевес. Теперь они все лежали там, где их нашёл его... нет, не меч, не топор и даже не нож, а невзрачный шест, такой с виду примитивный и безобидный.

Гури тоже не выглядел измождённым или раненым. Но эта одежда...

- Вы сняли её прямо с них?

- Они сняли шкуры с животных, я снял шкуры с них. Какая тебе разница? Одевайся в то, что есть. Ты можешь идти, а у меня осталось мало людей, чтобы тебя нести.

- Отвернитесь.

- Сама распутаясь?

Положение у девушки было незавидное.

- Нет, помогите.

Он наклонился, развернул её тёплый кокон и снова выпрямился.

- Дальше давай сама.

И пошёл, не оглядываясь, к своим, занятым сооружением чего-то в виде волокуш. По всей видимости, они не хотели оставлять мёртвых товарищей на съедение настоящим волкам и намеревались тащить их до дома. Свободных рук больше не осталось. Бокинфала они ещё готовы нести, но лишь затем, чтобы не дать ему убежать.

Дрожа от холода, она скинула с себя последнее и стала быстро натягивать чьи-то толстые штаны. В ворохе принесённой ей одежды было что-то и вроде нижних юбок, однако она не могла заставить себя надеть их, живо представив себе, что они только что согревали чьё-то грязное тело. Слишком брезговать не приходилось, всё это Гури снял с трупов, но то, что соприкасалось с их укромными местами... нет, бабушка бы это наверняка не одобрила.

Пенни старалась не замечать любопытных взглядов мужчин. Когда холодные штаны были надеты и зашнурованы на поясе, она встала на шкуры и первым делом подобрала подходящую обувь. В тех мужских сапожищах, в которых она недавно справляла нужду, она не прошла бы и ста шагов. Босые ноги мёрзли. Голая спина тоже. Соски сморщились до боли. Кто-то из дикарей что-то сказал, и остальные заржали. Нет, чтобы мёртвыми заниматься! Пенни так замёрзла, что подумала о стыде, лишь когда просунула руки в затвердевшую на холоде безрукавку, а поверх неё надела мехом внутрь длинную шубу и впервые ощутила подобие тепла. А ещё запах чужого пота и страха.

Ноги, ноги! Куда спрятать ноги?

Большого выбора Гури ей не предоставил. Дикарки явно не утруждали себя заботами о внешнем виде, и носили всё одинаковое: грубо сшитые из лоскутов кожи высокие сапоги на меху. Одни были малы, в других что-то хлюпало, вероятно, кровь, но они пришлось в пору, и Пенни не стала привередничать.

- Красиво! – похвалил её Бокинфал.

Заматывая ногу, он всё это время наблюдал за ней!

- Тебе помочь? – предложила она, пропуская замечание мимо ушей и натягивая рваные варежки.

- Пристрелить ты меня не сможешь, а больше мне помочь нечем.

- Что, так болит?

- Уж как-нибудь переживу.

- Мы уходим! – Гури подошёл, глянул на ногу пленника и подозвал двоих носильщиков, не тех, что были прежде.

Пенни он протянул лук с порванной тетивой, чтобы на него опираться, и велел надеть снегоступы. У женщин они оказались точно такими же, как и у его воинов. Пенни ходила в таких когда-то в детстве, но успела отвыкнуть. Присев на корточки, как могла, привязала к сапогам. Жилы вели себя на морозе не лучшим образом, так что одна подвязка порвалась, но оставшейся, рассудила девочка, должно было хватить.

Когда они тронулись дальше, стало уже совсем темно. Сооружать факелы дикари либо не умели, либо ленились. Либо их зрение было гораздо сильнее, чем у Пенни, которая шла в основном на мерцающий свет посуды, служившей им для переноски огня. Наверняка, если бы она задумала бежать, всякую её попытку пресекли бы на корню. Снег похрустывал и с обеих сторон, и сзади. Хотя о бегстве она даже не

помышляла. Поймала себя на мысли, что если бы оказалась тут ночью совсем одна, боялась бы повстречать дикарей. А теперь они вокруг неё – и чего ей, спрашивается, больше бояться? Самое страшное уже позади. Осталось лишь ждать развязки. И брести, неведомо куда и зачем.

Раз её нынешние спутники уверенно идут, невзирая на темень, видать, их избы, или чем там они пользуются, где-то неподалёку. В ином случае они бы остановились на ночной привал. Эта её догадка имела какое-то отношение к появлению в такой опасной близости врагов в лице дикарок с луками, однако Пенни так и не додумала эту мысль. Они уже миновали овраг, оставили позади несколько полян, откуда можно было увидеть чистое небо, сплошь усыпанное радостными огоньками, перешли просеку, оставленную, как поняла Пенни, виггерами, уходившими этим путём на заставы, и снова углубились в чащу.

Бокинфал помалкивал, покачиваясь где-то позади в носилках. Она думала о нём со смешанным чувством. Они совсем недавно познакомились, но уже вместе пережили такое, что другому не выпадет за всю жизнь. Похоже, он действительно любит её, пытается защищать и подбадривать. Любит по велению сердца, а не только по тяге, как говорится, «переднего хвоста». Против чего, кстати, она сама ничего не имеет, упиваясь в душе этим новым для себя ощущением. Раньше как-то так получалось, что её хотели «неправильные» мужчины. Те, от которых она стремилась держаться подальше. Кроме, разве что Бриана, соседского парня, который отчаянно пылал к ней своей детской страстью и которого она любила... изводить женскими проказами и добродушными розыгрышами вроде того, когда сделала вид, будто он застал её врасплох в тазу, где она, голая, мылась, получая несказанное удовольствие от постороннего взгляда. С Бокинфалом теперь было всё по-другому, по-взрослому, он не подглядывал за ней, а смотрел обычно прямо и восхищённо, она имела возможность в этом убедиться, однако разобраться в собственных чувствах к нему пока не могла.

Когда, наконец, впереди и чуть правее она заметила за деревьями нечто вроде оранжевого зарева, ей почему-то сделалось страшно. Сейчас она окажется в лагере дикарей, которые с незапамятных зим были врагами её народа и причиной многих поступков, становившихся со временем традициями. Сегодня она знала, что когда-то они были частью вабонов, но по чьей-то недоброй воле превратились в изгоев и теперь всячески оправдывали своё утвердившееся положение. Никто не пытался вернуть их обратно, да они и сами едва ли помнили те времена, когда в Вайла'туне можно было повстречать рыжих соплеменников и пожелать им доброго утра или спокойной ночи. Зарево означало «костры». Костры означали «огонь». Дикари завладели его секретом, воспрянули, говорят, духом, забыли многие страхи и теперь мыслят расквитаться с вабонами за долгое унижение. Какую во всём этом Гури уготовил роль ей и Бокинфалу? Заложников? Вероятно, в

лучшем случае. Вряд ли он стал бы возиться с ними, если бы не отличал от тех, с кем, не задумываясь, расправился на задворках поместья Томлина. Но было и другое объяснение: они не заложники, а пленники, которых будут допрашивать и мучить, чтобы получить какие-нибудь важные сведения о том, о чём она не имеет ни малейшего представления. Кто знает наверняка, на что способны дикари? бабушка их всегда очень боялась. Только виду не показывала и на словах иногда даже жалела.

Бокинфала, качавшегося в носилках, донимали похожие мысли. Из головы у него не шла встреча с тем узкоглазым незнакомцем, которого он невольно натравил на Меген'тор, где ему обязательно повстречаются Рэй и остальные ребята. Перед незнакомцем его совесть была совершенно чиста, а вот за собратьев по оружию он теперь сильно переживал. Потому что, несмотря на стрелу в ногу, прекрасно видел, на что этот узкоглазый способен. Причём с одной только палкой. Если бы Ротрам заполучил такого бойца в своё распоряжение, с остальными он мог бы легко рассчитаться и попроситься за ненадобностью. В поисках какой-то карты он будет считать всё на своём пути, пока не отыщет её или не схлопочет стрелу в спину. Если он догадается первым делом спуститься в подземелье, быть может, ребята Рэя вернутся к Ротраму без потерь. Если же они повстречаются где-нибудь на винтовой лестнице башни... лучше об исходе не думать. Хотя, почему, собственно, они обязательно должны набрасываться друг на друга? Узкоглазый наверняка хитёр и постарается не привлекать к себе лишнего внимания. Тем более что сейчас, когда замок потерял сразу несколько столь важных личностей, там должна твориться полная неразбериха с тем, кто главный, кого нужно слушать и слушаться, кто свой, кто чужой, и куда всё это дружно катится. Если им с Пенни суждено туда вернуться, кто знает, что и кого они там застанут? Мерзкая сова Йедда, будем надеяться, сгинула, прихватив с собой своего губошлёпа Кадмона и его подлую девицу Анору. В замке за главного остался Скелли. И всё? Бокинфал мог, конечно, просто не знать об остальных, но по рассказам Пенни и собственным наблюдениям получалось, что больше никто на право восседать в тронной зале не претендовал. Есть, правда, военачальник Тиван, есть отец этой самой Аноры Скирлох, есть даже разжалованный при всех сын Демвера Железного Гийс, однако едва ли кто станет им потакать, особенно когда все только и думают, что о себе и собственном спасении. Причём для кого-нибудь оно может быть связано не столько с именами прежних эделей, сколько с новыми, включая самих захватчиков. Если это разноцветное воинство состоит не из дураков, они должны смекнуть, что открытое нападение хоть и принесёт победу и захват замка, гораздо менее выгодно, нежели вторжение тихое и незаметное, под видом, скажем, избавителей от прежних невзгод. Зачем убивать ни в чём не повинных мирных людей, которые могут обозлиться и из испуганных матерей и

отцов семейств превратиться в отчаянных сорвиголов? Они падут в неравном бою, но успеют наломать кровавых дров. А если будут действовать заодно, кто знает, быть может, им улыбнётся удача, и для недальновидных великанов этот штурм окажется последним. По крайней мере, для многих. Будь Бокинфал их командующим, он бы разом ввёл всё войско в Вайла'тун, но при этом настрого запретил пускать в ход оружие. Чтобы жители увидели одновременно мощь и доброту непрошенных гостей. Встать на их сторону не будет считаться предательством. Потому что переход не будет вызван страхом за свою жизнь. А выбор всегда есть у всех. Многие в Вайла'туне по-прежнему вспоминают добрым словом Ракли. И верят в то, что он жив. Кстати, вполне возможно. Тот пленник, что хохотал из-под пола в клетях, когда они пришли туда со Скелли устанавливать порядок, говорят, и есть Ракли. Только тронувшийся головой. Если его достать оттуда и отмыть, ещё неизвестно, чья возьмёт. Ведь говорят же также, что он сошёл с ума задолго до того, как бежал его сын и как его самого свергли бывшие сотоварищи. И ничего, правил. Чтобы всё это узнать, нужно совсем немного – выжить. Дикари явно предназначили их с Пенни для какой-то цели, но только что это за цель?

Ждать развязки оставалось недолго. Бокинфал тоже заметил, что конец путешествия близок. Носилки задвигались быстрее. Он изловчился повернуться на бок и в разрезе шкур впереди увидел то же, что видела Пенни – оранжевое зарево между чёрными деревьями. Дикари вернулись домой.

Более необычного зрелища, чем предстало глазам Бокинфала, когда его уложили на снег и позволили сесть, он не встречал.

Просторная поляна была сплошь в весело потрескивающих кострах. Самый большой, посередине, походил размерами и нравом на жертвенный костёр у Томлина. Он гудел на ветру, щедро разбрасывая искры. Остальные, поменьше, обступали его со всех сторон, как волчья стая – кабана. От костров исходил какой-то особый жар, будто в них горели не простые дрова, а те, о качествах которых ведали только местные жители. Так ли это на самом деле, сказать было трудно. Бокинфал впервые подумал, что попал не просто к дикарям, а к настоящим хозяевам Пограничья, которые, в отличие от любого охотника или дровосека из Вайла'туна, знают тут всё и вся.

Как ни странно, вокруг костров никто не сидел. Огонь горел сам по себе.

Люди появились не сразу. Бокинфал увидел их приближающиеся тени по краям поляны. Воины с луками и копьями. Никаких женщин или детей. Они обступили Гури и о чём-то коротко с ним перемолвились. Потом подхватили главные носилки с одеждой и оружием, приняли у измождённых братьев концы волокуш с телами родичей и потащили всё это куда-то обратно за костры. Только тогда раздались первые голоса, некоторые из них – женские. Голоса начали перегово-

риваться. Кто-то вскрикнул. Кто-то зарыдал. Негромко. Крик больше не повторился. Плач затих.

Подошёл Гури с помощником. Помощник присел на корточки возле ног Бокинфала и принялся пальцами и ножом развязывать замёрзшие путы. Никто не счёл нужным что-либо говорить. Бокинфал искал глазами Пенни. Она оказалась стоящей поодаль, словно позабытая всеми и опирающаяся на сломанный лук. Одета в некрасиво сшитые шкуры, висевшие на ней мешком. Не то, что та соблазнительная одежда, которую кто-то сорвал с неё для жертвоприношения. Сердце Бокинфала кольнула ревность. Одна надежда на то, что те, кто это с ней сделал, теперь лежат мёртвыми среди обгоревших балок поместья. И пусть так будет с каждым, кто захочет причинить ей зло!

- Теперь ты можешь идти, - сказал Гури.

Только встав на ноги, Бокинфал осознал, насколько замёрз от долгого лежания. Костры соблазнительно манили теплом, но помощник Гури ухватил его за локоть при первой же попытке двинуться им навстречу.

- За мной.

Невесть откуда возникшие воины взяли Бокинфала в кольцо и повели. У него оставались связанными руки, он мог бы изловчиться и обезоружить шедшего впереди с опрометчиво торчащим из-за пояса кинжалом, но рисковать не стал. Пенни за ним не поспеет. Значит, надо ждать, когда она окончательно восстановит силы, и лишь тогда использовать первый же подходящий случай. А ещё бы хорошо определить, в каком направлении находится Вайла'тун. О просеке, которую незадолго перед этим видела Пенни, он, разумеется, не догадывался.

Провожатые обошли костры справа, и только тогда стало понятно расположение их лагеря.

Дикарей не было на земле потому, что они все рассредоточились по деревьям, обступившим поляну. Кто сидел, кто стоял на толстых ветвях, наслаждаясь согревающим светом огня, старики и старухи возлежали на растянутых шкурах, дети запросто сновали по веткам или жались к матерям. Некоторые только сейчас, узнав о возвращении отряда, выходили из странного вида кожаных гнёзд-шатров и недоверчиво взирали сверху вниз на новоприбывших.

Гнёзда их напоминали плетёные ульи диких лесных пчёл, которые иногда приносили из Пограничья охотники и продавали на рыночной площади как удивительно прочные и красивые поделки. Какие-то гнёзда были подвешены на ветках всё равно что огромные мешки, другие – растянуты как крылья летучих мышей между сучьями, третьи возвышались почти настоящими полукруглыми шатрами на развилках особо толстых ветвей. Конструкции эти не отличались изяществом, но выглядели добротно сшитыми и прочными. Во всяком случае, снег на них не задерживался, а будь то подвешенное, натяну-

тое или стоячее положение, оно нисколько не мешало этим странным людям выходить наружу и так же проворно скрываться внутри.

С земли на деревья вели сброшенные сверху верёвки, точнее, верёвочные лестницы. Бокинфал оценил простоту их конструкции: вдоль одной-единственной верёвки были навязаны петли, в которые поднимавшиеся или спускавшиеся, как всадники в стремена, продевали ступни. Лестница не успевала провернуться, как шеважа оказывались в нужном месте. Такие же верёвки висели кое-где и между сучьями. Поскольку и гнёзда были расположены на разной высоте от земли. На некоторых особенно могучих деревьях их насчитывалось по пять и более.

Они почти полностью обошли поляну до противоположного её края, когда Бокинфал, наконец, сообразил, куда именно их ведут.

Все нижние ветви огромного дуба, раскинувшегося позади костров, занимало впечатляющее гнездо, частично сшитое из шкур, частично сплетённое из гибких веток. Дом вождя – читалось в каждой детали этого сооружения и в каждом лице стоявшего здесь на страже воина. «Стоявшего на страже», конечно, было громко сказано. Дикарей тут собралось много, однако некоторые просто сидели на ветках, свесив ноги, другие полулежали, удобно устроившись в рогатинах, третьи вовсе предпочитали непосредственную близость костров и сидели неподалёку от них на корточках, и лишь четвёртые изображали бдительность и стояли в довольно угрожающих позах с копьями и топорами в руках. Бокинфал заметил несколько арбалетов и парочку неплохих мечей, некогда принадлежавших вабонам. Дикари не имели своих кузнецов, не умели добывать и обрабатывать железо, а потому с удовольствием пользовались достижениями своих ненавистных соседей, оставляемыми в Пограничье после вынужденной смерти последних. То, что сегодня принесли Гури и остальные, будет прекрасным подарком вождю и соблазном для остальных также попытать счастья по незащищенным, как выясняется, окраинам Вайла'туна. Не нужно быть провидцем, чтобы представить скорую судьбу фолдитов и наименее дальновидных из эделей, которые в своё время, такое простое и безмятежное по нынешним меркам, избрали в качестве места для постройки жилья опушки леса.

Шедшая за Бокинфалом Пенни видела всё то же самое, но мыслями она была далеко. Пережив первый испуг от захлестнувших её новых запахов и неприветливых угрюмых лиц, она спасалась воспоминаниями о последнем разговоре с Ахимом, когда тот напроорочил ей какой-то подвиг. Теперь она очень надеялась на то, что всемогущие предки позволят ей этот подвиг совершить, и что получится он прижизненным, а не посмертным.

В какой-то момент её обращённый вглубь себя взгляд прояснился, и она обнаружила, что во все глаза смотрит на высокого стройного мужчину, вышедшего из-за полога большого, самого большого шатра

на раскидистом дубе, и в свою очередь с интересом разглядывающего пришельцев. Он не был особенно широкоплеч, как не был и худощав, обычный шеважа в обычной меховой одежде, но на Пенни он сразу произвёл просто умопомрачительное впечатление. Стоявший здесь же Бокинфал скукожился и отошёл на задний план её потрясённого воображения. У незнакомца были собранные в хвост на затылке рыжие волосы с проседью на висках, пронзительные глаза непонятного цвета, прямой, с выразительной горбинкой нос и показавшийся ей верхом чувственности рот, к которому она сразу же захотела прильнуть губами. Ничего подобного с ней никогда ещё не происходило. Всю дорогу она с такой женской теплотой думала о Бокинфале, что почти уверилась в любви к нему и в желании любыми способами его освободить из очередного плена. Она считала себя повинной в его нынешнем положении, хотя это было не так. Она размышляла, на какие ей придётся ради него пойти жертвы, чтобы в итоге они смогли благополучно вернуться если не в замок, то уж по крайней мере куда-нибудь поближе к бабушке. Она была готова почти на любое унижение ради этого. И вот выясняется, что его благородный облик тускнеет и неудержимо исчезает, сменяясь ничем внешне не примечательным лицом седеющего дикаря, о котором она ничего не знает, но почему-то хочет знать всё.

Провожатые остановили Бокинфала, положив руки на плечи и развернув к своему вождю. Ибо вышедший им навстречу воин и был Гелом, прежним предводителем клана Тикали, а ныне – объединённых кланов, и сыном Немирда. Он указал двумя пальцами на Гури, приглашая того заговорить.

- Мы шли по следу Чарка и Жаги, который привёл нас к дому илюли. Илюли разожгли большой огонь и приносили двоих в жертву. Мы решили, что это они, и вмешались. Посмотри, он похож на Чарка. – Гури подошёл к Бокинфалу и поднял его лицо за подбородок. Вместе с ним была и вот эта девушка. – Он подтолкнул оробевшую Пенни вперёд. – У неё светлые волосы, не такие, как были у Жаги, но огонь горел ярко, она лежала, и нам казалось, что они цвета заката.

- Она и одета как Жага, - усмехнулся Гел.

- На ней одежда Вулчаки. В жертву её приносили без одежды.

- Вулчаки? Вы наткнулись на них?

- Те братья, что мы принесли с собой лишёнными жизни, были убиты Вулчаки, которые устроили на нас засаду.

- Совсем близко отсюда, - добавил Хок, стоявший поодаль. – Дозорные должны были их видеть.

- Зорк! – окликнул Гел одноглазого воина, уже приготовившегося соскочить с ветви на землю. – Сегодня в дозоре стояли твои Фраки. Почему так произошло?

- Я выясню, Гел.

- Плохо! Скольких мы потеряли?

Гури назвал всех семерых по именам. Гел сжал кулаки.

- Гури, Хок, ко мне!

- Что прикажешь делать с пленниками?

- Пусть ждут.

Пенни, как и Бокинфал, не поняла из этого разговора ни слова, но почувствовала, что этот Гел крайне недоволен услышанным и не торопится решать их судьбу. Он может лишиться меня жизни, подумала с замирающим сердцем девушка, и испытала не приступ страха, а скорее трепетное волнение. Раньше она не раз представляла себе, как и отчего умрёт, но никогда не думала, что сумеет принять свой конец почти без сожаления. Если этот человек будет последним, кого она увидит, это не испугает её. Он хозяин её судьбы по праву. Тэвил, уж не сходит ли она с ума!..

Между тем Хок и Гури проворно забрались по верёвке с петлями на Подножную Ветвь, обменялись с Зорком сочувственными взглядами и проследовали за Гелом внутрь его Гнезда. Внутри всё было как всегда, только раньше их встречала улыбка Жаги, а теперь Гнездо было пустым и неприветливым. Мягкий пол из нескольких слоёв шкур, брошенных на прочную плетёную основу, так и манил стряхнуть сапоги с уставших ног и остаться босиком. Сам Гел так и сделал, пройдя вглубь и сев в подвешенную к ветке качель, служившую ему треном и постелью. Подобные качели могли позволить себе лишь вожди кланов. Гостям он разуться не предложил, и они остались стоять у порога, зная, что это не к добру.

До укрощения Огня долгие зимы превращались для всех кланов в бесконечную тёмную ночь, которую нужно было быстрее пережить, чтобы снова вернуться к обычной жизни. Тикали жгли, постоянно поддерживая, один-два костра, воины уходили разве что на охоту да за дровами, в Гнёздах согревались камнями, а женщины, дети и старики почти не выходили из них на улицу, чтобы не уносить с собой тепло. Теперь всё это изменилось. Только старики, привыкшие к камням, грели их на углях и подкладывали под шкуры. Все же остальные последовали примеру Гела и Зорка и приспособили для целей согрева жилищ железную и глиняную посуду, которую им удалось в больших количествах захватить в двух захваченных лесных Домах илюли⁴¹. Посуда расставлялась по полу или подвешивалась к стенкам, и Огонь горел прямо в ней. В Гнезде Гела Огонь потрескивал на двух больших блюдах с загнутыми краями, а Свет жил в трёх развешенных вокруг качели сосудах. Когда ветер дул от разведенных на улице костров, в Гнезде становилось даже жарко.

Гел распахнул ворот шубы и долго смотрел на обоих братьев, ничего не говоря и даже не мигая. Левой рукой он медленно вынул из дупла высокий железный кубок с напитком и сделал несколько глот-

⁴¹ Имеются в виду заставы

ков. Гури представил, что в такой позе он провёл все эти дни, ожидая вестей о беглецах.

- Как это могло получиться?

- Мы были уверены, что спасаем Чарка, - начал Гури.

- Я не про него! С ним и с ней мне как раз всё понятно. Я имел время подумать и решил, что они не достойны нашей заботы и спасения. Когда-нибудь мы найдём их кости. Забыть и выплюнуть! Я про другое. Как мы могли потерять семерых от рук вонючих девок? – Голос Гела звучал по обыкновению негромко, но было видно, что в груди у него всё клокочет. – Семь воинов лежат на расстоянии полёта стрелы от дома! Лучшие воины Тикали!

- Гел...

- Что скажут остальные? Что я проиграл каким-то Вулчаки?!

- Они больше не сунутся...

- Правда? Так я должен радоваться?!

- Нет... но они больше не сунутся. – Гури был уверен в своих словах, но понимал, что цена им – плевков и только.

Ему на выручку пришёл Хок. Прочистив для порядка горло, он поведал Гелу, что нападавших было, по меньшей мере, в три раза больше их стаи. Убедиться в этом может всякий, кто проверит, сколько оружия и одежды они принесли с собой в стойбище.

- Они видели наши следы и поджидали на темных склонах оврага с натянутыми луками. Все, кто погиб, погиб от первых стрел.

- Я всегда думал, Гури, что у тебя чутьё на врага, - заметил Гел, помолчав.

Хок снова опередил с ответом:

- Гури не было с нами. Я был за старшего.

Гел вопросительно поднял бровь и снова отхлебнул из кубка.

- Хок, я ценю твою смелость, но, может быть, Гури сам расскажет, как он прозевал волчиц?

Отступать было некуда. Сейчас его вес должна была перевесить правда.

- Нам встретился тот воин, о котором я тебе когда-то говорил, Гел.

- Уж не тот ли, который помешал нам перед зимой захватить Дом илюли на окраине? Один против нош-нош?

- Ты так его назвал, - кивнул Гури. – Вообще же его имя звучит Дэс'кари Сину. На его языке это означает нечто вроде «лучшее время умирать». Его учили убивать, и он оказался хорошим учеником.

- Ты мне, помнится, говорил, что знавал его отца.

- Да, старика убили на озере, и сын поклялся за него отомстить. Он решил, что виноваты мы и потому напал тогда на наших братьев. Теперь он знает больше. Он рассказал мне, что в смерти отца оказались повинны илюли. Он будет мстить им.

- Означает ли это, что отныне я могу мочиться, не боясь, что у меня между ног вырастит стрела?

- Гел, - снова не выдержал Хок, - этот человек одной палкой убил столько волчиц, сколько я за всю свою жизнь!

- Мне казалось, ты убил их больше одной.

- Чтобы мне поверить, надо было это видеть. Он был неуязвим! И Гури...

- Он очень помог нам в этот раз, - поспешил прервать его Гури. – А потом поговорил с пленниками, и они направили его обратно к илюли. Скоро илюли конец.

- Вы рехнулись? – Гел сунул кубок в дупло, но тот опрокинулся, и сверкающая влага потекла по коре. – Один против нош-нош перебьёт всех илюли? Ступайте! В следующий раз я призову тебя, Гури, когда мне захочется посмеяться.

Гури не пошевелился.

- На прощанье он сообщил мне, что к Дому илюли с другой стороны подошла войной очень большая стая. Никто таких раньше не видел. Он рассказал, что дрался с ними и с трудом справился с тремя. Там будет война, Гел. Если мы хотим избавиться от илюли, лучшего времени не найти. От тебя зависит, прав ли я, когда говорю, что илюли конец.

Гел рывком встал с качели. Глаза его горели радостным огнём.

- Если твои слова верны, я готов простить тебе потерю Жаги и Чарка! За волчиц ответит Зорк.

- Они тут больше не появятся, - заверил Хок, а Гури добавил:

- Мой совет тебе вряд ли нужен, но у Зорка хорошие воины, которые нам наверняка пригодятся. Не стоит с ним ссориться.

- Я подумаю. – Гел положил руку на плечо Гури. – Кто те илюли, которых вы взяли в плен? Почему Один против нош-нош разговаривал с ними? Почему их свои же хотели принести в жертву?

Сказать ему, что он слышал их разговор между собой? Но тогда откроется, что, кроме общего, он понимает язык илюли? Этого никто не должен знать. По дороге он говорил с ними на их языке, однако едва ли нёсшие носилки собратья понимали разницу между языком илюли и общим. Если бы здесь не было Хока, он бы, возможно, открылся Гелу...

- Они не говорят. Может, скажут тебе, если поймут, что от этого зависит их жизнь.

- Они муж и жена?

- Поначалу я тоже так думал. Но, похоже, он просто в неё влюблён.

- Как его зовут?

- У него длинное имя. Можно называть Бок.

- А она?

- Её зовут Пенни.

- Она тоже в него влюблена?

- Наверное. Однако, как я понял, илюли хотели принести её в жертву потому, что она ещё не знала мужчин.

Он всё-таки сказал это! Долго нёс с собой, подслушав разговор пленников. Хотел использовать, если Гел начнёт сокрушаться по поводу потери Жаги. Но Гел сдержался, а он не стерпел.

- Она была голой, - облизнулся Хок. – Очень красивая!

- Хорошо, поднимите их ко мне. Я хочу с ними поговорить.

Он снова сел в качель и стал заново наполнять кубок.

На улице Гури толкнул Хока плечом.

- Ты хорошо помог мне, поддержал. Почему?

- Сегодня я видел, как ты сражаешься по-настоящему. Я уважаю великих воинов. Кеита сделала правильный выбор.

Гури был поражён, услышав такое от закадычного врага, и не сразу нашёл, что ответить.

- Значит, мир?

- Мир. Надеюсь, ты как-нибудь преподашь мне урок. - Хок сделал знак стоявшим внизу, чтобы они поднимали мужчину. – Ступай, Кеита ждёт тебя.

- Откуда ты...

- Она просила меня, чтобы я присматривал за тобой. Защищал твою спину. Она любит отца своего сына.

- Хок...

- У меня тоже есть, к кому пойти. Утром Гел скажет своё решение.

- Думаешь, я не нужен ему?

- Он ведь понимает кен'шо.

В своё время это открытие было для Тикали чем-то вроде грома среди ясного неба. Но всё меняется слишком быстро, и теперь Гел не только открыто признавался в своих неведь откуда полученных знаниях и окружал должным почётом тех, кто владел этим языком, но недавно распорядился учить ему наиболее способных детей старше десяти зим. Объяснил он это тем, что скоро собирается с помощью Огня завоевать илюли, и тогда им понадобится говорить с побеждёнными. Похоже, он не догадывался, что сами илюли далеко не все смогут его понять.

- Не вздумай сопротивляться, - предупредил он на кен'шо Бокинфала, когда тот оказался неуверенно стоящим рядом с ним на ветви.

- Что? – переспросил тот.

Этот не знает. Девочка, кажется, говорила, что даже была толковательницей. Придётся ей отдуваться за двоих.

- Скажи ему, чтобы не вздумал сопротивляться, - повторил он, помогая Пенни выбраться с верёвочной лестницы. – Гел хочет вас видеть. Обидите его, и вам не жить.

Пенни перевела его слова Бокинфалу, удивляясь, почему Гури решил перейти на кенсай. Вероятно, не хочет, чтобы остальные понимали. В подтверждении её догадки он добавил:

- Твоего языка я не знаю, запомни.

Она кивнула, благодарная ему за всё, а больше всего за то, что он позволил ей свидеться с тем, кого она теперь так боялась, и так хотела. Пока они с Бокинфалом ждали внизу, она всё думала, как ей не разрыдаться или не упасть в обморок, если он пожелает с ней заговорить. Она смотрела на странное гнездо, в котором жил этот человек, и оно представлялось ей самым прекрасным из жилищ, что она видела в своей жизни. Спать в таком, наверное, всё равно что лететь по воздуху. Там, вдали от холодной земли, должно быть тепло и уютно. Когда их позвали, и она следом за Бокинфалом забиралась по верёвке, у неё так предательски дрожали руки, что в какой-то момент она даже испугалась, что не доберётся до ветви и упадёт. Но всё обошлось. И вот теперь ей предстояло войти внутрь гнезда, войти к нему!

Бокинфал покосился на напряженные лица стражников, улыбнулся и юркнул в меховую прорезь. Пенни замешкалась, но кто-то подтолкнул её сзади, и она послушно шагнула навстречу своей судьбе.

Внутри гнезда было сумрачно и плохо пахло.

Гел сидел в смешной штуковине, подвязанной к ветке, и покачивался. На нём из верхней одежды осталась толстая безрукавка, обнажавшая сильные волосатые руки. На голой груди лежало ожерелье из белых клыков, вероятно, волчьих. Пенни почувствовала, что ей не холодно. Что обогревало гнездо, кроме горевших внизу костров, было непонятно, но сейчас думать об этом не хотелось. Света от трёх маленьких сосудов и двух подносов с горящими углями хватало лишь на то, чтобы видеть хозяина этого обиталища. Даже пол под ногами тёрся в пляшущих тенях.

В руке Гела тускло сверкал железный кубок. Сейчас он поднесёт его к заросшему густой щетиной подбородку и коснётся полуоткрытых губ. Пенни замерла, не то предвкушая этот момент, не то мечтая стать этим самым кубком в его сильных пальцах. Гел заметил её взгляд и не стал пить.

- Пенни? – спросил он.

- Да...

- Бок? – Его глаза сверкнули в сторону пленника.

- Да, - поспешил согласиться тот. – Бокинфал, Бок...

- Я не знаю вашего языка, но знаю язык, который многие понимают, - продолжал Гел, не спеша и тщательно подбирая слова. – Он мне не нравится, зато мне нравится знать, что у вас в головах. Я жду ваших рассказов.

Пенни глубоко вздохнула и поспешно перевела Бокинфалу сказанное. Гел с интересом слушал, а когда она закончила, спросил:

- Он не понимает?

- Нет. Но я вас очень хорошо понимаю. Что нам вам рассказать?

- Нам, вам, - передразнил Гел, наконец, отпивая из кубка и глядя то на потупившуюся Пенни, то на дерзко-выжидательное лицо её спутника. – Мне сказали, вас хотели убить. Почему?

Услышав перевод вопроса, Бокинфал только пожал плечами. Он и в самом деле понятия об этом не имел, а уж пересказывать дикарю подробности того злосчастливого дня тем более смысла не было. Пенни, однако, придерживалась иного мнения. Глядя на Гела исподлобья, она начала издали:

- Перед зимой у нас не стало прежнего вождя. Вместо него пришли новые. Другие, чем мы. У них свои правила и свои обычаи. Они от нас почти ничем не отличаются, и потому многие не догадываются о том, что это произошло. Одного из них убили. Его жена сейчас среди них главная. Её сын заманил нас к себе, обманул, связал и хотел принести в жертву в честь убитого отца. Ваши воины ему помешали. Мы им очень за это благодарны.

- Что ты там наговорила? – покосился на девушку Бокинфал.

- Мой друг хочет добавить, что вам мы тоже благодарны. – Пенни покраснела. – Пытаюсь нас спасти, если ты ещё не понял...

- В жертву в честь убитого отца? – эхом прозвучал голос Гела. – Где-то я о подобном уже слышал. У вас часто приносят жертвы?

- Нет. – Пенни судорожно вспоминала, чему её учила Руна и что когда-то говорила бабушка. – Мы называем это требы. Мы преподносим их нашим предкам, нашим героям, когда хотим получить от них какую-нибудь помощь или поддержку.

- Людей?

- Нет, никогда! Только что-нибудь вкусное, съедобное.

- Почему же вас хотели принести в жертву?

- Ну, я же говорю: потому что это были не мы, не вабоны...

- Не илюли, - поправил Гел.

- Наверное, если вы так нас зовёте. – Пенни терпеть не могла поддакивать, ненавидела себя за это, но что ей было делать, раз она даже говорила сейчас с трудом, мечтая либо пасть перед собеседником ниц, либо убежать и спрятаться. – Они совсем другие. Я слышала, что их называют ибри. На нашем языке это означает...

Гел поднял руку с кубком, останавливая её.

- Достаточно. Мне понятно. – Он отвернулся от Пенни и смерил оценивающим взглядом Бокинфала. – Ты воин?

Пенни перевела вопрос.

Бокинфал вытянул перед собой по-прежнему связанные кисти.

- Развяжи и сможешь сам в этом убедиться.

- Что он говорит? – поинтересовался Гел, видя, что девушка замешкалась.

- Говорит, что без оружия он не воин.

Гел показал на удивление ровные для дикаря зубы.

- Ты боишься меня?

- Да...

- Я его спрашиваю.

- Он хочет знать, боишься ли ты его?

- Скажи ему, - ответил Бокинфал, не опуская рук, - что он может сам легко получить ответ, если развяжет.

- Жить надоело? Что ты делаешь?

- Скажи ему!

- Он говорит, что не привык разговаривать со связанными руками.

Гел мгновение подумал, вынул что-то из-за пояса и кинул Пенни. Она поймала маленький ножик, больше похожий на заточку, какими шкурники режут мех на шубы, с широким и коротким лезвием, без ручки, вместо которой служила тугая обмотка с тупого конца в два пальца шириной. Пенни больно укололась, но смолчала и оторопело посмотрела на Гела. Тот показал жестом, что нужно делать.

- Прошу, без глупостей, - шепнула она Бокинфалу, надрезая его путы.

Покончив с этим, она поспешила вернуть ножик хозяину. Тот усмехнулся, подставляя шершавую ладонь. Пенни неимоверно захотелось поцеловать её, лизнуть...

- Теперь ты можешь говорить? - Ножик скрылся за поясом, ладонь сжалась в кулак, Пенни выпрямилась, вся дрожа от пережитого утомлечения. - Если ты воин, то видел тех, кто напал на вас. Мне донесли. У вас там зреет война. Расскажи.

Бокинфал растирал затёкшие кисти и собирался с мыслями. Он чувствовал нутром, что с Пенни происходит нечто неладное, но объяснял это понятным испугом и робостью. Когда она не обращалась к нему напрямую, то неотступно следила за движениями дикаря, правда, если честно, во взгляде её был замечен не столько страх, сколько... да, скорее, восхищение. Восхищаться особо было нечем, разве что выдержкой и самоуверенностью этого странного человека, который, если бы не цвет волос, прекрасно бы сошёл за какого-нибудь кузнеца из Вайла'туна. Сейчас, когда у него в прямом смысле развязаны руки, Бокинфал был уверен в том, что справится с ним один на один легко и быстро. Дикари сильны, когда нападают стаями, а по отдельности виггеры всегда их побеждали. Только Пенни права: чего он этим добьётся? Даже если попытаться взять его в заложники, вряд ли их отпустят далеко. К тому же пока ничего как будто не предвещает скорой расправы. Во всяком случае, похоже, парень увлечён своими мыслями настолько, что даже на взгляды Пенни не обращает внимания.

- Ладно, переведи ему. Тех, кто напал на нас, очень много. Один мой знакомый попробовал подсчитать и пришёл к выводу, что не меньше двадцати пяти тысяч. Правда, не уверен, что ты понимаешь, сколько это. Много всадников. Доспехи очень хорошие, с одного удара пробить трудно. Когда они давеча напали, их приходилось сперва сбивать с коней, а потом добивать уже на земле, целя в горло, лицо или

подмышки. Всё остальное защищено. То же самое касается стрельбы по ним из луков: если не уверен, что попадешь в глаз, лучше не пытаться. На земле с ними тоже непросто справиться, потому что они в детстве, наверное, хорошо питались и оттого стали выше нас приблизительно на голову. Есть и такие, что ещё повыше будут. Так что я бы поставил их один к двум: чтобы уравнивать силы, нужно каждого атаковать вдвоём с кем-нибудь. Если же ты один, а их двое – беги. Доспехи у них не только прочные, но и лёгкие, так что если тебе приходилось удирать от наших сверов, от этих ребят так просто не избавиться. Пенни, не мнись, так и переводи. Ему же во благо. Что им от нас нужно, я не знаю. Тут она тебе сама может больше рассказать, поскольку была с ними на переговорах. Но если решишь со своей лесной дружиной надавать им тумачков, можешь рассчитывать на меня.

Он ждал, пока Пенни договорит, и следил за реакцией собеседника. Наверное, перевод получился близким к оригиналу, потому что Гел, дослушав до конца, ухмыльнулся. Он поставил кубок в соседнее дупло, достал оттуда что-то вроде куска хлеба, и стал жевать, молча рассматривая пленников.

- Ты знаешь, почему они пришли?

Пенни вздрогнула. Вопрос относился к ней.

- Да. То есть, я слышала... Они хотят попасть на другую сторону Бехемы, нашей реки. Хотят, чтобы мы их пустили. Но им никто не верит.

- Будет война, - без сожаления согласился Гел.

Только сейчас она уловила в его взгляде тень интереса. Показалось? Чего он добивается? Чтобы она набросилась на него с поцелуями, не думая о припрятанном за поясом ноже, который поцелует её в шею, и этот поцелуй будет для неё последним? Она готова и на это. На всё, лишь бы...

Гел свистнул. Вошли охранники. Он что-то сказал им, и они по обыкновению положили руки на плечи Бокинфала. Сигнал уходить. Пенни покорно повернулась и собралась следовать за ними.

- Ты останься, - услышала она за спиной.

Бокинфал не понял, но оглянулся. Увидел устремлённый на себя умоляющий взгляд Пенни. Взгляд говорил: иди, пожалуйста, иди. Она не хотела, чтобы он её спасал. Она хотела остаться. Без него. С дикарём. Навсегда?

Бокинфал отвернулся и дал себя увести. Полог за ним закрылся. Пенни прислушалась. Только треск костров с улицы. Он принял её решение. Осознал, что она предала его, но смирился. Значит, любил не свою к ней любовь, а действительно её. Согласился пожертвовать чувством ради неё. Снова жертва... Когда же этот ужас закончится?

- Раздётся.

Не поворачиваясь, она стала снимать с себя опостылевшие одежды чужих мёртвых женщин. Подумала, что вот также и они когда-то

избавлялись от них по ночам перед мужьями. Которые, вероятно, тоже хотели, чтобы их считали хозяевами в семье, и потому оставались дома, а жён посылали охотиться и сражаться с врагами. Иначе как объяснить их отсутствие среди устроивших засаду в овраге? Тэвил, ей предстоит ещё столько узнать об этих людях! Если он ей позволит...

Сняв всё, она почувствовала, что вместо холода ощущает жар. Такое случалось с ней и раньше, когда она простужалась и была не в силах лежать под одеялом, сбрасывая его и всё равно покрываясь лихорадочным потом. Может быть, она и сейчас больна, принимая болезнь за жестокую любовь к неизбежному позору?..

- Повернись.

Он продолжал сидеть, рассматривая её. По сузившимся глазам было непонятно, нравится ли ему то, что он видит. Живя в Обители, Пенни не раз стояла вот так же перед зеркалом и пристально разглядывала своё тело, представляя себя мужчиной и думая, чем может его увлечь. Нельзя сказать, чтобы она себе нравилась. Бёдра слишком узкие. Не то, что у большинства девушек, которых она видела в бане. Среди них были полные и нежные, вот их-то и хотелось обнять и прижать к себе, а у неё ко всему прочему худые и какие-то слишком сильные ноги, хотя и длинные, но такие ноги всё же лучше иметь юноше. Как и плечи, которые при её росте как раз могли бы быть поуже. Спасали только высокие груди, уже вполне округлые и упругие, не то подруги в бане наверняка стали бы стесняться её как мальчика.

Она подняла руки и хотела распустить волосы, забыв, что после неудавшегося жертвоприношения они и так распущены. Ему это движение явно понравилось, потому что он поманил её к себе пальцем. Подчиняясь уже даже не чувству, а какому-то инстинкту, Пенни, не опуская рук, сделала шаг навстречу, но потом испугалась своей дерзости, медленно опустилась на четвереньки и подползла к его ногам как большая белая кошка. Он принял игру и легонько отпихнул её босой подошвой. Она отпрянула, но сразу же вернулась обратно и прижалась к его ноге щекой.

Если бы кто-нибудь ещё вчера, ещё сегодня утром сказал ей, что она будет так бесстыдно и сладострастно пресмыкаться перед дикарём, своим врагом, врагом её народа, она бы только брезгливо пожала плечами. Шеважа существовали где-то там, за деревьями, они были трусами, жестокими, но трусами, их следовало бояться, но лишь настолько, чтобы не бояться убивать, когда предоставляется случай, они хуже животных, и им нет места в Торлоне. Пожалуй, она не думала о них вовсе, вспоминая лишь тогда, когда они с бабушкой отправлялись к ближайшей опушке леса за хворостом или когда сосед брёл туда же с сыновьями на охоту. Тем более ей никогда не приходило в голову, что шеважа живут своей дикарской жизнью, что у них есть семьи и дети, особый уклад, странные жилища на деревьях, и вожди с такими красивыми, огрубевшими ногами.

Она не видела, удивлён ли он её поведением, но по тому, что он не убрал ногу, поняла, что ему эта игра нравится. Не смея прикоснуться к ноге рукой, она наклонилась ещё ниже и стала покрывать твёрдый, пахнущий кожей сапога подъём медленными поцелуями. Нога едва заметно задрожала, сильные, волосатые пальцы приподнялись, и она решила, что виной тому её волосы, опережавшие губы и щекочущие пятку. Пенни откинула их за шею, посмотрела снизу вверх на того, кто терпеливо позволял ей получать это удовольствие, и лизнула кончик большого пальца.

Гел что-то резко крикнул. Пенни так увлеклась, что не заметила, как полог позади неё снова раздвинулся, и в проём втиснулась голова и плечо его помощника, Зорка. Отступать и прятаться было поздно, и Зорк сказал то, ради чего пришёл:

- Виноватые наказаны.

Гел вперился в него помутневшим взглядом. Он никого не предупреждал, чтобы ему не мешали, а Зорк вообще мог являться к нему в любое время дня и ночи. Он не раз становился свидетелем его любовных утех с проклятой беглянкой Жагой, но сейчас Гел предпочёл бы, чтобы их с пленницей оставили в покое. О такой игрушке он мог только мечтать. Жага становилась перед ним на колени лишь в особых случаях, ей больше нравилось повелевать им, своим вождем, и он уступал, хотя в тайне мечтал не просто о соблазнительной любовнице, на которую бы заглядывались другие воины клана, а о красивом и преданном животном, не знающем усталости в стремлении ему нравиться. До Жаги у него было нечто подобное, но та девушка быстро ему надоела, да и внешность её оставляла желать лучшего.

- Усиль охрану и собери самых опытных лазутчиков.

- Прямо сейчас? – удивился Зорк, не решаясь отвести глаз от напряжённого лица Гела и посмотреть на пленницу.

- Нет, конечно. К утру. Нам надо знать, что происходит у илюли. Если сведения, которые я получил, верны, будем точить стрелы.

- Сейчас? Зимой?

- Если ты этого не ожидаешь, то они тем более. Да, зимой. Второго такого случая у нас может не быть. Утром я скажу, как мы поступим.

- Пусть ночь подарит нам день.

- Пусть.

Зорк исчез. Кроме него, сюда больше никто не сунется. Главное, чтобы держал язык за зубами о том, что видел. Гелу почему-то не хотелось, чтобы в клане узнали, что голая пленница целует ему ноги. В глазах соплеменников это должно было возвысить его ещё сильнее, любая победа над илюли, любое их унижение становилось для Тикали праздником, но именно сейчас Гел предпочёл бы поменьше посторонних глаз и ушей. Пожалел бедняжку? Он едва её знал, хотя был не прочь узнать поближе. Подумал о том, что об этом может пронюхать другой пленник, её сородич и наверняка близкий друг? Гелу не пре-

стало бояться чьей-то мести. Если бы он оглядывался назад и испытывал страх или угрызения совести, то никогда бы не стал тем, кем стал.

Язык у девушки был тёплым и мокрым. При свете Огня пальцы у него на ноге влажно сверкали. Неужели ей самой это нравится? Интересно, если бы он не снял сапоги, стала бы она с таким же рвением ласкать ему подошвы? Гури уверял, что она ещё не женщина. Что бы он сказал, увидев её сейчас?

- Сколько у тебя было мужчин?

Она подняла на него совсем детское удивлённое лицо.

- Ни одного, мой господин...

- А если я проверю и обнаружу, что ты меня обманываешь?

- Как вам угодно...

Он молча приблизил к её губам указательный палец. Продолжая робко смотреть ему в глаза, она понятиливо взяла палец в рот и стала посасывать. Язык совсем маленький, но бойкий.

- Ты хочешь остаться у меня?

Она ответила не сразу. Выпустила палец и задумчиво рассматривала по-прежнему протянутую руку. Прижалась к ней горячей щекой.

- Да, мой господин...

- А что скажет твой... друг?

- Пощадите его.

- Он мне не нужен. Может убираться. Завтра мне понадобятся воины, которые пойдут сражаться с илюли. Твой друг не пойдёт. Или ради тебя пойдёт?

- Не знаю. Он хороший воин. Но ведь и вы ради меня не стали бы убивать своих.

Её дерзость похвальна. Такой она ему нравится ещё больше. Гел поднял девушку за подбородок и оставил стоять на коленях. Помял грудь. Потрепал затвердевшие столбики сосков. Улыбнулся.

- Ты получишь то, чего хочешь, если хорошенько попросишь.

Она снова опустилась на четвереньки и долго смотрела на него, едва слышно скуля. Подбирала слова.

- Возьмите меня...

С одной стороны, ему нравилась мысль, если бы не зима, вывести её завтра поутру на прогулку, вот такую, ручную и покорную, чтобы все увидели, как он умеет завоёвывать илюли без оружия, унижать их женщин и оставлять не у дел мужчин. И чтобы Бок обязательно полюбовался. Скрежетал зубами и рвался в драку. Гел так бы, возможно, и поступил, не будь зимы. Холода не любит никто. Поэтому он пожалеет её. И ещё потому, что, с другой стороны, в ней было что-то, чем он не хотел ни с кем делиться, что хотел оставить для себя.

- Ползи за мной.

Он встал и направился к своему ложу, укрытому за стволом, в пляшущей тени Дерева. Мягкий пол казался тёплым. Никогда ещё

Тикали не зимовали в таком уюте, как сейчас. Огонь был повсюду, жаркий и добрый.

Он шел не спеша, будто во сне, ощущая, как голое тело ластится у его ног. Ей тоже сейчас должно быть тепло и уютно.

Ложё представляло собой широкое кожаное полотнище, растянутое по четырём углам между самыми толстыми жердями гнезда. Оно висело тяжело, как набухшая паутина гигантского паука, но за счет этого не раскачивалось вроде качели и позволяло спокойно проспать всю ночь. На ложё вождя могло свободно уместиться трое.

Гел по привычке взобрался на него как был, не раздеваясь.

Вождь Тикали должен быть в любой момент начеку. Тревога времени не выбирала. Врагов у них зимой оказывалось немного, разве что голодные волки да двуногие Вулчаки, илюли безвылазно засели на своих заставах, Лес пустел и тоже ждал первых оттепелей. Но ничего нельзя знать наверняка. Если ночью появится враг, негоже вождю прыгать по деревьям без штанов и пугать воинов голым задом. А вот красивой девушке это очень даже идёт. Среди объединённых им кланов было несколько девушек, которым он бы с удовольствием запретил носить одежду. Но даже они не стали бы ползать перед ним так, как эта.

Пенни осталась на полу, не зная, что ей теперь делать. Жар возбуждения не отступал, хотя первое волнение прошло, и она вновь обрела возможность рассуждать если не здраво, то осмысленно. Она ему нравится, это видно. При этом он оказался вовсе не дикарём в полном смысле слова, он не набросился на неё, не овладел с животной жадностью и силой, и получал удовольствие не чреслами, но головой. Это вынуждало её саму предпринимать какие-нибудь действия, вот только какие? Не могла же она залезть к нему в постель без приглашения. Кто бы знал, может, у них не принято спать с вместе. Или заниматься этим ночью. Или трогать женщин вабонов чем-нибудь ещё, кроме ноги и указательного пальца...

Она свернулась калачиком под его ложем, подумала и снова тихонько заскулила. Гел прислушался. Заворочался.

- Если тебе холодно, можешь взять вот это. – Сверху на неё упала тяжёлая шкура.

- Мне не шкура нужна... Возьмите меня.

Хриплое откашливание.

- Иди сюда.

Сколько прошло времени, прежде чем они пришли в себя и блаженно растянулись бок о бок на упругом меховом щите, ни он, ни она не знали. Верх гнезда был сделан таким образом, чтобы дым от Огня, горевшего внутри, поднимаясь, находил выход через отверстие, прикрытое внахлест боковиной, так что обратно не проникал ни дождь, ни ветер, ни свет. Пенни радовалась, что в крошечной тьме нельзя увидеть её лица. Она улыбалась. Рука её покоилась при этом на голом

животе Гела, слегка касаясь того, что причинило ей сегодня сперва боль, а потом острое наслаждение. Оно пульсировало, как живое, было влажным и скользким, но таким оно и должно было быть, чтобы без труда проникать в неё, где и когда ему вздумается. Она хотела ещё. Он же явно насытился, мерно дышал и только лениво гладил ей волосы. Подмышка его пахла чем-то кислым, однако ей нравилось даже это.

Совсем не так представляла она себе своё посвящение в женщины, совсем не таких звуков, запахов и ощущений ожидала, но произошедшее во сто крат превосходило все самые смелые её мечты. Он не был с ней ласков, ничего не говорил, не целовал, всё это делала она, ублажая его мужское начало и учась на ходу, угадывая малейшие желания, посмеиваясь и восхищаясь. Ей было с ним хорошо, так хорошо, как ни с кем и никогда раньше. Временами она так увлекалась этой новой игрой, что забывала, где находится, ей не хотелось ни спать, ни есть, только дышать его воздухом, возвращать к жизни его горячую твёрдость и любить, любить...

Когда она в конце концов решилась заговорить и признаться ему – или себе? – в своих чувствах, будто всё предшествовавшее этому не было красноречивее слов, он не ответил. Он спал.

Где-то рядом спало его оружие, маленький нож с широким лезвием, шлем и латы, которые она заметила, когда ползла по полу на четвереньках, там же, как ей показалось, лежал и короткий меч, так что она могла бы сейчас воспользоваться его доверчивым сном и снова поразить самое в сердце, на сей раз уже смертельно, он не мог этого не понимать, и всё-таки спокойно уснул, зная наверняка, что она, если и доберётся до оружия, будет лишь тем надёжнее охранять его покой. Весь этот вихрь мыслей пронёсся у Пенни в голове, заставив поразиться своему безсилию. Ей даже показалось, что он понимает её лучше, чем она себя, и, стоит пошевелиться, он откроет глаза, ухватит её за волосы и накажет: сон вождя нельзя нарушать. Пенни так захотелось проверить эту догадку, что она повернулась на бок, заглянула ему в безучастное лицо и начала осторожно целовать. Она целовала его всего, всё это сильное тело, от обветренного лба до уже знакомых кончиков пальцев на ногах, однако он так и не проснулся.

На самом деле он ждал её во сне, и когда она устала нежить его и прижалась всем телом, чтобы согреться, потому что стало холодно, встал с поваленного дерева и помахал рукой. Его собеседник остался сидеть и только кивнул ей в знак приветствия. Это был не кто иной, как Ахим. Она ничуть не удивилась встрече и только проверила, успела ли одеться. На ней была та самая рубашка, которую она надевала, когда укладывалась спать в Обители Матерей, широкая и длинная. Успокоившись на этот счет, она приблизилась к мужчинам.

- Так это ты прислал её? – спросил Гел, обнимая Пенни за плечи.
- Не ожидал такого подарка. Она напомнила мне мою первую женщину.

- Она и есть твоя первая женщина, - заверил Ахим, не глядя на них. – Разве ты не чувствуешь?

Гел прижал Пенни к себе и обнюхал волосы.

- Чувствую.

- О каком подвиге вы говорили? – решила она задать давно мучивший её вопрос. – Я ведь теперь его добыча и не могу сделать ничего.

Ахим покачал головой.

- Как раз теперь ты можешь сделать всё. Он принадлежит тебе настолько же, насколько ты – ему. Он стал твоим хозяином, но покорила его ты. Когда же он станет твоим мужем, не он, а ты будешь повелевать его воинами. Правда, Гел?

- Почту за честь.

Пенни удивилась не столько услышанному, сколько тому, что дикарь отвечает тоном благородного эделя. Чего только ни бывает во сне!

- Благодаря тебе, - продолжал Ахим, усаживая её рядом с собой, - сейчас Вайла'тун похож на хорену, которая лежит, раздвинув ноги, безразличная к тому, кто её возьмёт и оплодотворит. Своей жертвой ты покончила с самым опасным семейством ибри и лишила нас единоправия. Никто больше ничего не знает и не понимает. Празднует один только Скелли. Ему кажется, что он достиг того, к чему всё это время так отчаянно стремился. Сейчас он тоже спит и обдумывает то, с чем пожаловали обратно Скирлох и Тиван.

- Они вернулись? – спохватилась она. – С Руной всё в порядке?

- Она переживает, потеряв тебя. Утром я ей сообщу, что ты не погибла в пожаре. Она мне не поверит, но ты можешь сейчас сказать мне что-нибудь, о чём знаете только ты и она.

Пенни задумалась.

- Скажи ей, что плох тот учитель, который не может научить своему предмету за одну зиму. Но плох тот ученик, который не учится у своего учителя всю жизнь.

- Хорошо, - улыбнулся Ахим. – Думаю, она поймёт.

- Это были её собственные слова, когда мы впервые познакомились. А что за предложения, которые обдумывает Скелли.

- Мне не известны условия, но, кажется, венедда предложили мир.

- Если это так, то какой смысл в помощи шеважа? – окончательно запуталась Пенни. – Раз обе стороны обо всём договорились, стоит им выйти из Пограничья, их встретит удвоенная сила.

- Венедда лжецы, - напомнил о своём существовании Гел, всё это время стоявший поодаль у костра.

- Вот именно, - подтвердил Ахим. – Только такой обманщик и интриган, как Скелли, может попасться на их вранье. Хоть он и сам, скорее всего, из ибри, ему невдомёк, что ибри венедда гораздо больше и они гораздо опытнее и хитрее его. Когда они увидят, что происходит в

Вайла'туне, уж ты мне поверь, они не станут церемониться. Скелли не сможет удержать власть, которой у него нет. Венедда – наши общие братья и потому самые страшные враги. Вайла'тун будет уничтожен. Уничтожен без единого выстрела и взмаха меча.

- А потом настанет очередь Тикали, - сказал Гел.

- Победит тот, кто сделает ход первым, Пенни. И сделает ход правильно. Мы слишком долго жили своим маленьким мирком и разучились думать и действовать. Нас ничего и никто не объединяет. Мы сидим по избам и готовы сражаться и умирать только за них. Мы лишь сильные пальцы, не сжатые в кулак. Чтобы его сжать, нужно сердце. Храброе сердце. Ближе всех к нему сейчас подобрался ибри. На сей раз под прикрытием венедда. Среди шеважа ибри есть, но они слабы. Шеважа ещё в состоянии опередить венедда. Гел, ты-то понимаешь меня?

- Мы должны расчистить путь для неё, - улыбнулся он окончательно сбитой с толку Пенни.

- Да, Меген'тор примет её, как и примет того, на ком будут доспехи Дули. Ты ещё хранишь их?

- Ты не говорил, что с ними делать, поэтому я ждал и не выбрасывал их. Меч мне даже понравился.

- После того, что произошло, я долго не мог прийти сюда. С появлением Пенни ко мне постепенно вернулись силы и уверенность. Она поможет нам. Береги её, Гел.

На этом месте сон оборвался, и стало видно, что если шкуры гнезда и были когда-то сшиты добротно, за истёкшее время они поизносились, отчего теперь яркое солнце пробивалось снаружи через многочисленные прорехи. Во всяком случае, было достаточно светло, чтобы Пенни, привстав на локтях, увидела, как Гел, уже полностью одетый, разжигает потухшие за ночь угли на двух подносах.

Стоит ли пересказывать ему то, что ей приснилось? В лучшем случае он поднимет её на смех и скажет, что одомашненной сучке не место среди мужчин. Или даже накажет. Последнее ей было бы ещё приятнее. Во сне она имела возможность присмотреться к нему при дневном свете, и окончательно осознала, что такой хозяин сделает честь пленнице. У него было умное лицо, мужественное, с красивыми шрамами, жилистые руки, гордая осанка и осмысленные движения. Вот и сейчас он колдовал над углями спокойно, не суетясь, будто получал от этого занятия удовольствие.

Он заметил её пробуждение, но ничего не сказал. Заговорить первой? Она начала выбираться из-под тяжёлых шкур, но почувствовала снаружи такой холод, что побыстрее вернулась обратно и съёжилась в комок.

Взгляд её упал в тот угол, где накануне она видела его доспехи. Пригляделась. Шлем был очень тонкой работы и отдаленно напоминал голову хищной птицы, металлический клюв которой служил за-

щитным щитком для переносицы. По краю шлема тянулся какой-то узор, который с такого расстояния трудно было рассмотреть. Рядом лежала блестящая горка мелких позолоченных колец, в которой не без труда узнавалась кольчуга. Но особенно её поразила меч, стоящий на раздвоенном как жало острие и прислонённый к стенке изумительной красоты рукояткой, выложенной зелеными и алыми сверкающими камушками. Заканчивалась она шаром из белой кости, который держала в когтях птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоятка граничила с клинком, тоже сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Посередине лезвия тянулась такая же вязь, что и на шлеме.

Откуда это у дикаря? Даже не будучи сведущей в оружии, она почувствовала, что подобного мастерства сегодня не встретишь даже в кузнях Вайла'туна. А тем более здесь, в лесу. Вспомнился сон и слова Гела: «Меч мне даже понравился». А за ними всплыли и слова Ахима: «И примет того, на ком будут доспехи Дули». Неужели это они и есть?! Валяются тут, никому не нужные, а в замке из-за них летят головы воров. Но ведь, насколько она слышала, доспехи нашлись...

- Хозяин, вы...

- Называй меня Гелом.

- Гел... можно спросить?

- Спрашивай.

- Это ваши такие красивые доспехи?

Он оставил костёр в покое и выпрямился.

- Ты ведь знаешь, откуда они и кому принадлежали. Твой друг Ахим...

- Так вы... - Она не поверила своим ушам. – Вы его знаете?!

- Мы раньше часто с ним говорили. Нас всегда было трое. Человрат ушёл, но появилась ты.

Подожёл. Край ложа потянуло вниз, когда он присел, чтобы погладить её холодное лицо. Ладонь пахла костром.

- И я буду беречь тебя.

Но ведь так сказал Ахим! Ахим, Гел, сон...

- Вы тоже там были?..

- Я хотел побольше о тебе узнать. Просто так илюли в наши края не попадают. И как видишь, я не ошибся. Твой друг послал тебя.

- Ахим меня не посылал. То есть, он послал, да, но не к вам. Я должна была...

- Что ты была должна, ты сделала. – Ладонь легонько растирала ей щёки. – Ты совсем замёрзла. Вставай. И оденься.

Поражённая услышанным, Пенни послушно выскользнула из-под шкур и засемила по мягкому полу к спасительному огню. Пока она грела над ним руки, поворачиваясь то животом, то спиной и думая лишь о том, чтобы не вспыхнули волосы, Гел собирал её остывшую за

ночь одежду, наполнял теплом от второго костерка и передавал для одевания. Начал он почему-то шубой, а закончил штанами. Вероятно, ему понравилось смотреть на её голые ноги, кто знает...

Когда она была одета и стояла перед ним, трепещущая и готовая ко всему, он не сдержал довольной улыбки.

- Хок был прав, ты красивая.

- Благодарю, хозяин... Гел.

- А теперь послушай меня очень внимательно. – Он по привычке сел в качель и потянулся в дупло за кубком, но вспомнил, что вчера допил его, и отдёргнул руку. – То, что вчера между нами было, между нами и останется.

- Как вам угодно...

- Мне угодно, чтобы ты меня не перебивала, девочка. Это касается и нашей встречи ночью. Считай, что это был просто сон. Ахим говорит, что мы должны не тратить времени и напасть на илюли. Не на вас, а на тех, кого зовут венедда. Так ведь, кажется?

- Да. А мы себя зовём вабонами.

- Это мало меня касается. Для нас вы все – илюли.

- Хорошо...

- Я понял его так, что если сейчас промедлить, эти венедда вступят в ваши дома и станут вашими вождями.

- Не они, а ибри.

- Это я и имел в виду. – Он не выдержал, ухватил Пенни за руку и привлёк к себе, усадив на колени. – Если мы позволим этому случиться и нападём тогда, твои братья решат, что мы нападаем на них. Если же мы нападём на венедда раньше, чем они займут ваши дома, твои братья поймут, что мы вам помогаем. Тогда всё имеет смысл. Ты согласна?

Она ответила нежным поцелуем.

- Ахим давно говорит о том, что мы должны быть едиными, - продолжал Гел. – Илюли – вабоны и венедда, и мы, кого вы называете «рыжими дикарями».

- Мне нравятся ваши волосы...

- Преграды для этого сейчас рушатся, но ибри постоянно возводят новые. Потом уже снова будет поздно. А у меня пока недостаточно воинов. Мне нужно собрать больше кланов. Они пойдут за мной, я уверен.

- Конечно...

- Для них для всех ты – моя пленница.

- Я и есть ваша пленница.

- Я смотрю на это иначе. У меня есть доспехи, у меня есть ты. Осталось только выиграть время. И это самое трудное. Но я попробую. Вон лежит верёвка, которой вчера был связан твой друг. Возьми-ка её.

Пенни прыгнула с его колен и принесла два обрывка – остатки уз Бокинфала. Гел выбрал тот, что оказался подлиннее, и обвязал одним концом её шею. Второй конец намотал на кулак и потянул к себе.

- Вот так тебе придётся ходить со мной по стойбищу. Все должны видеть, кто ты есть и кому принадлежишь.

- Для меня это даже почётно, хозяин...

- Во всяком случае, безопасно. Тебя никто не тронет. У нас тут разные попадают. И вас не любят не меньше, чем вы не любите нас. Но на мою собственность никто не позарится. Как на доспехи, о которых тут все знают, и к которым никто, кроме меня, не смеет прикоснуться. Как вы его называете? Дули?

- Да. Вы тоже о нём слышали?

- Это единственный из илюли, кого мы чтим не меньше наших собственных героев. Только мы его знаем под именем Га'левьян.

- Красивое слово.

- На нашем языке оно означает «изменник».

- Ой, похоже на наше – фра'лейн! А почему вы считаете героем изменника?

- Потому что он изменил вам, илюли. Ради нас. Мы считаем, что он был первым и последним илюли, кто понял ошибку своих предков и хотел объединить нас. Ну, про объединение это я от себя добавил, потому что, скорее всего, это было именно так, а в сказках нам рассказывают, что он рассорился со своими воинами и решил их бросить и поселиться в Лесу, с нами. Но илюли проявили своё обычное коварство, загнали его в Болота, и он там погиб.

- А как эти доспехи попали к вам? – Она и не подозревала, что разговаривать с ним может быть так же интересно, как любить.

- Ахим прислал человека. Это должен был быть знак примирения. Мы вышли к нему, я и Зорк, мой помощник и брат моего отца, который... который видел тебя вчера. Зорк ожидал увидеть старые железки, и не поверил, что это настоящие доспехи Га'левьян. Они стали спорить. Я не успел вмешаться, как Зорк ранил или даже убил этого илюли, и мы были вынуждены скрыться, прихватив доспехи с собой. Потом наши старейшины сошлись на том, что они всё-таки настоящие, и я стал их хранителем, как видишь. И если вы тоже по-своему почитаете этого Га'левьян, думаю, Ахим прав: они могут нам пригодиться. А теперь идём, мне нужно отдать некоторые распоряжения.

Их появления на Подножной Ветви ждали. Гури в любом случае не стал бы сегодня далеко уходить от Гнезда вождя, но теперь он испытывал чувство двойного долга: перед Гелом и перед красивой девушкой. Ночью Зорк рассказывал про неё у костра такие вещи, что Гури еле сдерживался, чтобы не накинуться на него. Будто он собственными глазами видел, как она стоит на карачках кверху голой задницей и чуть ли не сгрызает Гелу ногти на ногах. Представить себе такое было, конечно, забавно, и многие, кто собрались эти побасенки по-

слушать, охотно ржали, но Гури их восторгов не разделял. Едва ли Гел, каким он его знал, будет так унижать даже пленницу, а она, хоть и пережила за последние несколько дней немало, вряд ли захочет такое терпеть. Зорк не унимался, и Гури почёл за лучшее незаметно уйти и вернуться в своё гнездо к Кеите. Ночью он спал плохо, всё время думая о Хоке и перемене в их отношениях к лучшему, а чуть взошло солнце, поспешил обратно. Сейчас он стоял, закрывшись от яркого света ладонью, и смотрел на Гела, довольного, но при этом чем-то явно озабоченного, и на пленницу, которая покорно следовала за ним на коротком поводке. Такие поводки Тикали обычно делали, чтобы держать при себе волчат, пока те ни вырастут, или ящерок, чтобы дети могли с ними играть, или диких коз – чтобы те давали им молоко. Стоявшие и сидевшие рядом с Гури тоже, видимо, думали об этом, потому что до него доносились приглушённые шуточки насчёт того, что если девушку приручить, она сможет давать молоко, не хуже козы, с ней можно играть, а когда она подрастёт и состарится – отпустить за ненадобностью, как взрослого волка.

Гури, как и все, ждал, что Гел что-нибудь скажет, однако тот был не расположен развлекать своих воинов и их жён речами. К нему взобрался Зорк. Гел что-то долго говорил ему, потом похлопал по плечу и снова скрылся в Гнезде. Напрасно. Зачем лишний раз давать повод для завистливых слухов? Даже если игрушка и коза в одном лице тебя так увлекает.

Он украдкой посмотрел на второго пленника, ночевавшего со своими сторожами у костра. Вид у него и без того был измученный, а теперь ещё и подавленный. Вот уж кто точно возненавидит Гела, несмотря на то, что тот пожалел его накануне, не дав разделить участь, обычную для захваченных илюли! Надо будет за ним проследить: того и гляди что-нибудь выкинет, а не сможет сквитаться с обидчиком, так хоть вынудит сторожей себя самого прикончить. Парень-то горячий, а оружия, чтобы счёты с жизнью свести, у него нет.

- Идём со мной.

Это был Зорк. Он прошёл между кострами дальше, не оглядываясь, зная, что Гури последует за ним. Поодаль мелькнула заспанная физиономия Хока, но Гури сделал ему знак, мол, не беспокойся, сам всё улажу.

Они миновали костры, молча вошли в Лес и так же молча добрались до следующей поляны, где расположились Даги и Питчи. Здесь Зорк остановился и подождал Гури.

- Гел велел сзывать всех. Все остальные кланы. Задумал идти на илюли. Мол, самое подходящее время именно сейчас. Покажи мне, где тут у вас прячутся *ичуйчу*. Нам нужно быстро составить послания и разослать как можно больше.

Ичуйчу назывались мелкие пичуги, которые с незапамятных времён служили обитателям Леса для связи друг с другом. Было замече-

но, что если такую птаху вырастить и выкормить, а потом отдать соседям, и те решат когда-нибудь её выпустить на волю, она во что бы то ни стало отыщет своих прежних хозяев. А если снабдить её сообщением, то благополучно его доставит. Бывали случаи, когда ичуйчу возвращались вместе с посланием, и это означала одно – клана больше нет.

Зорк в своё время распустил всех ичуйчу Фраки, так что теперь вынужден был заручиться поддержкой Гури, зная, что тот накоротке со старейшинами дружественных Тикали кланов. Зорк считал себя не столько помощником Гела, сколько вождём Фраки и привык к независимости, граничившей с самомнением. Многие его уважали, но немногие любили. Теперь ему приходилось прибегать к помощи Гури.

- Поговорим сперва со старейшинами?

- Нет необходимости. Гел уже принял решение.

- Как скажешь.

Клетки висели на деревьях у дальнего края поляны. Не так давно Даги и Питчи породнились, так что отныне вели хозяйство сообща. Следил за их ичуйчу старый охотник по имени Жбак. При виде двух важных воинов, старик легко спрыгнул с нижней ветки дерева и протянул руку. Зорк с готовностью пожал её, а Гури лишь похлопал Жбака по плечу. Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы церемониться.

- Будем выпускать пташек, отец, - сказал Зорк.

- Гел распорядился? – Голос у старика был подстать голосам опекаемых им ичуйчу: такой же резкий и писклявый.

- Кто же ещё! Старейшины узнают всё в своё время. Тебя никто не накажет.

- Можно подумать, я боюсь, - заявил Жбак, вопросительно посмотрев на Гури. Тот утвердительно кивнул. – Кого звать будем?

- Всех.

- О, важное дело!

Зорк сунул руку под воротник и извлек кисет на длинной тесемке. Подобные кисеты имели только вожди кланов и некоторые из старейшин. Поскольку только они и умели пользоваться их содержимым: тоненькими, короткими веревочками из длинной шерсти лесных барсуков. Язык веревочек и узелков хранили старейшины клана на тот случай, если вождь-отец не успеет передать всех его тайн сыну.

Отделив самую длинную нить, Зорк завязал на том её конце, где был узелок, другую, бурую, с тремя желтыми полосками. По этой метке поймавший ичуйчу сразу поймет, что птица прилетела из стана Фраки.

Гури проделал то же самое, только его нить, нить клана Тикали, была ярко-синей, с одной чёрной полоской.

Затем Зорк выбрал красную веревочку с одним узелком посередине. Подумал и развязал узелок. Красный цвет означал встречу. Узе-

лок – количество дней, когда должна состояться встреча после получения послания. Поскольку выпущенные на волю птицы сразу же отправлялись в путь и не останавливались до тех пор, пока не находили своих хозяев, это имело смысл. Отсутствие узелка говорило о необходимости встретиться безотлагательно.

Самым сложным было указать точное место, где встреча должна произойти. У всех жителей Леса были определенные ориентиры, часто невидимые для постороннего глаза. Их сочетание и указывало посвященному необходимую точку.

- Что сказал об этом Гел? – поинтересовался Гури.

- Грозовой Дуб.

- Но... это почти у самой Реки! Я думал, мы соберёмся здесь и уже тогда пойдём на илюли.

- Я тоже так думал, но Гел хочет Грозовой Дуб.

Когда они закончили, получилось нечто вроде двух одинаковых виноградных гроздей, с которых сорвали все ягоды. У Жбака оказался не кисет, а целый маленький мешок нитей и верёвочек. Не дожидаясь указаний, он уже торопливо и ловко вязал их, сверяясь с исходным расположением.

Гури точно не знал, сколько ещё кланов не присоединилось к ним. Некоторые ушли своей дорогой так давно, что могли за это время образовать несколько и снова разойтись. Оставалось полагаться на богатое хозяйство Жбака. Считалось, что у него есть ичуйчу отовсюду.

Но ведь ичуйчу живут не вечно! Хозяев смогут отыскать только те, кто был передан из рук в руки. Не могут же птенцы помнить дорогу к дому, которого у них никогда не было!

- Подождите, - спохватился Гури. – Нужно всем сказать, чтобы они пересылали это послание дальше. Как есть. Тогда мы охватим больше кланов, чем ичуйчу вон в тех клетках и чем может вспомнить самый старый из наших старейшин.

Зорку это в голову не пришло, и он промолчал. Зато верёвочную грамоту он знал лучше Гури. Который теперь смотрел, как тот подвязывает сперва короткую зелёную нить, означавшую «птица» и «посылать», и уже к ней прилаживает два узелка – белый, означавший «клан» или «стойбище», и белый с синей крапиной, означавший «рядом» или «близкий».

- Так сгодится?

- Поразительно, как просто у тебя получается! – искренне обрадовался Гури. Обрадовался ещё и тому, что подвернулся повод похвалить того, кто в этом так сейчас нуждается.

- Остаётся только надеяться, - заметил Жбак, - что Грозовой Дуб знают все.

Об этом они с Зорком подумали, когда обозначали его не просто как сочетание знаков «дерево» и «гроза», а как «дерево у большой воды, сожжённое молнией». Даже если кто про него услышит впервые,

стоит пройти вдоль реки, им на глаза обязательно попадётся здоровенный пенёк в два человеческих роста, с раскинутыми в стороны обугленными ветками. Он такой на всю округу один. Стоит вдали от Леса, почти на самом берегу, вверх по течению. Если какие-нибудь кланы пойдут снизу, им просто придется обойти стойбище илюли, называемое неизменно непонятным словом Вайла'тун.

- Не переживай, не заблудят. – Зорк подмигнул Гури. – Ну, где твои птички?

Они стали забираться на деревья, где висели клетки, и выуживать тех, на лапках которых были метины кланов, до сих пор не присоединившихся к Тикали. Пичуги отбивались, как могли, а когда их в конце концов отпускали, не верили своему счастью и стрелами взмывали вверх, сбивая крыльями снег с веток. С количеством посланий получилось угадать точно: когда все ичуйчу упорхнули, не использованной осталась лишь одна гроздь в руках Жбака.

- Это для Вулчаки, - пошутил Зорк. – Надеюсь, у тебя нет их клетки?

- Пусть им волки послания носят, - отмахнулся Жбак. – Слышал, они вчера под бок к нам залезли. Многих положили?

- Главное, что сами все почти полегли, - ответил за Зорка Гури. – Думаю, теперь мы не скоро про них услышим.

Пока они занимались ичуйчу, поляна пришла в движение. По пути обратно выяснилось, что Гел успел созвать большой Совет, на который теперь стягивались вожди кланов и старейшины.

Советы последнее время устраивались редко. Гел принимал важные решения самостоятельно и при этом пользовался уважением и поддержкой большинства соплеменников. Он подарил им добрый Огонь, сумел загнать илюли в их лесные Дома⁴², многих уничтожил, научил не бояться зимних холодов, которые раньше приносили частые смерти, особенно неокрепшим детям, одним словом, люди слушались его с полуслова и не требовали, чтобы дальновидные решения одобрялись кем-то ещё. Разумеется, старейшины роптали, и Гел прекрасно об этом знал. Вождям с его верховодством смириться было проще, поскольку, получив от него указания, они дальше действовали от собственного имени, также минуя советы старейшин, и таким образом выглядели в глазах большинства настоящими хозяевами своих кланов.

Со своим последним решением Гел ждать тоже не мог. Поэтому он и послал Зорка заниматься сбором остальных кланов раньше, чем заручится поддержкой уже присоединившихся. Вероятно, у него, как всегда, не было сомнения в своей правоте и в необходимости задуманного. И все-таки оставить старейшин совсем не у дел он позволить себе не мог. Да и сами эти старейшины, по мнению Гури, во многом стоили того, чтобы с ними посоветоваться. Все мужчины кланов были воина-

⁴² Здесь имеются в виду заставы

ми, а старейшинами становились самые достойные из них. Правда, становились тогда, когда начинали быть обузой в боевых походах. Некоторые продолжали жить прошлым, не понимая настоящего и находя в этом истинную мудрость. Другие сочетали немощь с крутым нравом и порой делались совершенно невыносимыми, восставая против всего нового и им непонятного. Гури считал, что если бы Гел разом не взял все бразды правления в свои руки, кланы никогда не смогли бы объединиться уже в силу одних только противоречий среди старейшин. А значит, никогда не достигли бы того, чего достигли за очень короткий срок.

Большой Совет собирался вдали от посторонних глаз и ушей. Собственно, собирался он в этом месте всего лишь второй раз. Первый сбор Гури застал, когда возвратился лазутчиком из Вайла'туна, и попал на обсуждение вопиющей неудачи, постигшей отряд Тикали, решивший взять ближайшее к опушке поселение илюли с быстрого налёта. Илюли тогда оказал неоценимую поддержку Дэс'кари Сину, оказал, сам того не желая, просто потому, как потом выяснилось, что мстил Тикали за смерть отца. Вероятно, знай он в тот момент правду, которую знал теперь, несдобровать было бы илюли, но получилось то, что получилось. Старейшины были в гневе, самостоятельность Гела принесла много горя, и если бы не смелое вмешательство Гури, не имевшего права выступать на Совете, но получившего его как непосредственный свидетель произошедшего, причём со стороны врага, Гела могли ждать серьезные неприятности. Гури убедил возмущенных слушателей в том, что задача погибшей стаей была почти выполнена, причём довольно легко, и только неожиданное появление в тылу лишого всадника с поразительными способностями бойца, отчаянной отвагой и ненавистью мстителя спасли илюли от верной гибели. Ему удалось избежать признаний в том, что он знаком с этим воином лично, более того, что разговаривал с ним сразу после сражения. Свою осведомлённость он объяснил тем, что будто бы подслушал разговор самих илюли. Гел в долгу перед ним не остался, и с тех пор они стали достаточно близки, чтобы Гури мог при желании посещать Совет. Хотя такого желания у него отродясь не было. Поэтому и сейчас он попрощался с Зорком и свернул к своему гнезду.

Кеита сидела на ветви с завернутым в шкуру малышом на руках. Ближайший костёр должен был хорошо их согревать, так что волноваться за них Гури не приходилось. Причин для волнения и без того хватало. Рядом с Кеитой находилась её подруга, Кора из клана Фраки, тоже молодая мать, ребёнок которой сейчас спал в сумке у неё за спиной. Они были ровесницами, однако если Кеита восхищалась своей статью, высоким ростом и почти мужским разворотом плеч, Кора рядом с ней смотрелась совсем девочкой. Она была женой одного из близких друзей и соратника Зорка, Малика, младшего из четверых братьев и единственного, оставшегося в живых. Малик часто пропадал в Лесу, то

охотясь, то тщетно выискивая илюли, чтобы отыгаться на них за братьев, а Кора коротала время с Кеитой, обсуждая радости и горести материнства.

Гури помахал им рукой и пошёл дальше, к тому костру, где он недавно видел Бокинфала.

- Я рада, что вчера всё обошлось, - сказала Кора, следя за ним и задумчиво наматывая на рукавицу длинную прядь. - Зорк был сам не свой.

- А ты чего хотела? - Кеита прикрыла ладонью мордашку сына от налетевшего порыва холодного ветра. - Его стража проворонила волчиц. Надеюсь, твоему Малику не досталось? Я слышала, как Зорк кричал.

- Малика я не вижу уже второй день. Он вчера ещё утром отпросился у Зорка и пошёл искать медведя, который снился ему несколько ночей кряду. Сказал, что должен выследить его и убить, потому что медведь во сне просит его об этом. Дух медведя хочет вселиться в нашего сына.

- Какие страсти ты рассказываешь, - улыбнулась Кеита.

- Почему? Медвежий дух ему не повредит, - кивнула Кора себе за спину. - Ты же знаешь, что мы, Фраки, считаем своими предками бурых медведей с болот.

- Мой Гури придерживается другого мнения.

- Насчёт Фраки? Откуда ему знать?

- Насчёт всех. - Кеита села поудобнее. - Он говорит, что раньше илюли были частью нас. А потом мы их просто изгнали. Или они нас.

- Этого не может быть. Если они наши братья, то с братьями не воюют.

- Но тогда зачем Фраки убивать медведей? С предками тоже не воюют.

- Ты ничего не понимаешь. Убивая предков в теле медведей, мы помогаем им скорее перейти в тела Фраки. Малик делает нужное дело.

- Надеюсь, с ним всё в порядке. Ты не боишься за него?

- Он обещал не подходить к медведю близко. Будет бить его из лука. Говорит, медведь снился ему старый и уставший от жизни.

- Старые медведи бывают самыми опасными. Им нечего терять.

- Ты меня успокоила. Теперь я буду думать об этом, пока Малик ни вернётся. Он обещал быть сегодня к вечеру. Думаешь, старые медведи по-прежнему сильны?

- Мой отец когда-то ходил на такого. Сломал два копыя. Спросонья медведь бросается на всё, что движется. Кстати, из шкуры того медведя сделано вот это. - Она покачала сына. - Видишь, я тоже хочу, чтобы ему с рождения передавались силы медведя и деда.

- Вы уже нашли ему имя? - поинтересовалась Кора, спеша сменить тему.

- А вы?

- Малик считает, что с этим не стоит спешить.
- Но между собой вы ведь его как-то уже называете?
- Её.
- Ой, прости, я почему-то думала, что у вас тоже мальчик!
- В следующий раз. – Кора многозначительно погладила себя по животу. – Да, конечно, называем.

Кеита понимающе улыбнулась. Было не принято, чтобы посторонние знали первое имя ребёнка, данное ему родителями при рождении. Считалось, что это защищает его от любых напастей и удерживает зло, которым полнится Лес. После семи зим ребёнок получает имя от клана, и это имя становится главным, под которым его знают все сородичи. А до тех пор сын Гури будет оставаться для всех сыном Гури, а дочь Малика – дочерью Малика.

- Надеюсь, наши дети тоже подружатся, - сказала Кеита.

- Я в этом уверена. – Кора погладила подругу по руке. – У тебя будет красивый сын.

- Он уже красавец. – Она повернулась так, чтобы Кора увидела спящее личико. – Нос, как у отца, а брови, говорят, мои. Твоя дочь полюбит его.

Обе тихо засмеялись.

Малик наблюдал за ними из своего укрытия и понимал, что не сможет сделать того, что собирался, пока шёл сюда от Каменных Холмов, где провёл всю ночь в объятиях Игри, женщины из клана Вулчаки, которую обнаружил вчера раненой неподалёку от медвежьей берлоги и которая отдалась ему с таким жадным неистовством, что он окончательно потерял голову. Ещё она сказала, что если он готов приходить к Каменным Холмам, она будет приводить ему своих сестёр, чтобы он совершал с ними то же, что и с ней, потому что им всем нужны мужчины. Но мужчины, которых они ловят и делают своими пленниками, слишком боятся, и дети от них тоже получают боязливый и не всегда здоровый, поэтому Игри хочет от Малика этих жертв добровольно, обещая удовольствие и тайну. Малику никогда не было так хорошо с Корой, как с ней. И он, не споря, согласился со всеми условиями. Однако по пути домой вспомнил про забытого медведя, вспомнил Кору и маленькую дочь, и понял, что не имел права давать Игри обещаний, которых не может выполнить. Он вернулся назад, но там, где они спали, уже никого не было. Тогда он поспешил обратно, думая лишь о том, что должен во всём признаться Коре и очистить свою совесть. И вот, глядя теперь на счастливо смеющуюся жену, он осознал, что не в силах разбить её сердце правдой. Отныне он должен врать ей, держаться подальше от Каменных Холмов, и предать Игри, которая подарила ему такое сладкое удовольствие, что он уже снова томится и мечтает о ней. Что ему теперь делать? Кора наверняка обо всём догадается и навсегда разучится смеяться. Зато на смех поднимут Игри её подруги. Он знал, что всю ночь она не сомкнула глаз, и что у

неё был нож, которым она могла зарезать его во сне. Зарезать, потому что получила то, что искала. Но не сделала этого, то ли пожалев, то ли поверив его искренности. А он в благодарность предаст её, как предал Кору. И медведя, который теперь будет каждую ночь являться ему во сне и жаловаться на то, что так и не дождался его острого копья.

- Удачно поохотился? – услышал Малик за спиной знакомый голос.

Оглянувшись, он обнаружил перед собой тощего, как жердь старика с орлиным носом, которого звали Савдаким, и который был самым старым из всех старейшин не только Фраки, но и, наверное, вообще в Лесу. Те, кто уже стали стариками, помнили, как он давал советы ещё их родителям. Все ждали, что вот уж до этой зимы он точно не дотянет, но зима наступала, потом проходила, унося с собой наиболее слабых и немощных, а Савдаким только ухмылялся в острый подбородок, на котором теперь отказывалась расти даже седая борода, и жил дальше. Ходил он медленно, опираясь на тяжёлую палку, которую смастерил ему кто-то из внуков, но глаза имел тоже подстать орлиным, так что двух уток, торчащих из-за пояса на длинных шеях, он заметил безошибочно.

- Да вот, что получилось...

- Лучше, чем ничего, - хмыкнул Савдаким. – Что так?

- На медведя я ходил...

- Не нашёл что ли?

- Передумал в одиночку брать.

- Понятно, – сказал Савдаким так, будто понятно ему на самом деле было не только это. – Ну, хоть Кору свою накормишь. Чего тут прячешься? Ступай к ней. Вон она, красавица, сидит, тебя дожидается. Я издаля за ней наблюдаю.

- А сам куда?

- Совет Гел снова затеял. Будем войну обсуждать.

- Войну? Зимой?

Малик подумал, что речь, вероятно, идёт как раз о нападении Вулчаки, о котором поведала ему Игри, рассказав, как они с сёстрами столкнулись в овраге со стаей Тикали и приняли неравный бой, в котором она чудом уцелела, получив глубокую, хотя и не слишком серьёзную рану от странного человека «со щитом на голове». Что за щит она имела в виду, Малик мог только догадываться. Выходит, Гел не намерен давать им спуска. Это решало многое. Игри очень жаль, но если он будет встречаться с ней, то предаст не только жену, но и свой клан. На это ни один здравомыслящий Фраки пойти не мог. Все видели последствия того, когда кого-нибудь из особо провинившихся изгоняли из клана. Их тела находили очень скоро неподалёку. Как правило, на них не было следов внешних повреждений, но изгои выглядели так, будто из них высосали все жизненные силы. Старейшины

говорили, что это потому, что вне рода они лишились связи с предками.

- Тикали принесли сведения, что илюли слабы как никогда.

- Мы пойдём войной на илюли?!

- Вы пойдёте, - уточнил Савдаким. – Я своё отвоевал.

Не прощаясь, он похлопал Малика по плечу, потыкал палкой снег и неторопливо побрёл на Совет.

Когда он, наконец, добрался до облюбованной вождями поляны, посреди которой возвышалась одинокая сосна с кривым стволом, а теперь ещё и с болезненно пожелтевшими на нижних ветках иголками, Гел, сидевший на виду у всех на круглом изгибе ствола, подводил итог своему обращению:

- ... и я сам готов надеть доспехи Га'левьяна, чтобы вести ваших воинов за собой.

- Если мои Гварки согласятся пойти, то за тобой, а не за предателем, - первым выкрикнул своё мнение вечно не сдержанный Гван.

Остальные одобрительно загудели.

- Я надену их не для вас, а для илюли, которые знают Га'левьяна под другим именем и чтят как героя, а не предателя. Увидев их, они должны понять, что к ним пришли не враги.

- Разве мы не их враги? – рявкнул вождь Питчи, одноглазый Рогл.

- Похоже, ты только что проснулся, приятель, - стукнул Гел кулаком по стволу. – Эй, послушайте! Кто может повторить, то, что я сказал в начале? Специально для Рогла.

- Я могу, - вскинул топор толстяк Крори, тоже старейшина Фраки и закадычный противник Савдакима в любых спорах. – Ты говоришь, что вся наша жизнь и жизни наших предков – чушь, которую ты можешь перечеркнуть одним взмахом меча. Какая-то птица, имени которой ты не хочешь открывать, принесла тебе на хвосте весточку о том, что илюли, убивавшие наших отцов, оказывается, вовсе не те, за кого мы всё это время их принимали, а такие же жертвы, как и мы. Кто-то чего-то не понял, не разобрал, перепутал, и теперь мы вот уже какую зиму воюем с ними, хотя они, по твоим словам, должны быть нашими лучшими друзьями. Похоже, Гел?

- Нас обманули так же, как и их.

- И именно поэтому мы теперь не можем бросить их в беде и обязаны погибнуть, спасая их от кого-то ещё, кто пришёл сделать за нас нашу работу и раз и навсегда покончить с илюли?

- А я так понял, - снова подал голос Рогл, - что на них напали такие же илюли. Не вижу разницы в том, кого убивать.

- Это потому, - оборвал его Крори, - что ты свой единственный глаз положил на их Дома.

- Да я там на всё положил, - заржал Рогл.

- Крори дело говорит, - поднял руку Дор, вождь клана Даги, отличавшийся от собравшихся тем, что, как и его сородичи, тщательно

брил голову, оставляя длинный рыжий хвост лишь на самом темени. Даги считали себя потомками лис. – Я привёл своих воинов к тебе, Гел, сражаться с илюли, но я не поведу их сражаться за илюли.

- Это твой выбор, - спокойно ответил Гел, глядя куда-то поверх их голов. – Я не ожидал, что вы запоёте от радости и дружно побежите за мной, потому что до конца поняли мой план. Сейчас я с вами просто делюсь тем, что уже решил. Сегодня мы, Тикали, снимаемся с места и выступаем к Грозовому Дубу...

- ... и Фраки, - поддержал его Зорк, бросая уверенный взгляд на Савдакима.

- ... и все те, кому не безразлична жизнь их жён и детей. Ичуйчу уже разнесли весть. Завтра мы будем ждать. Если соберём Силу, обрυσимся на новых илюли и поможем старым.

- Кто-нибудь что-нибудь понимает? – опять не выдержал Крори. – Я понял пока только то, что за меня, старейшину Фраки, уже всё обдумали и приняли решение. Но что это за решение такое? Ты, Гел, высоко сидишь. Может, объяснишь, что ты оттуда эдакое увидел, чего мне не видать?

- Я могу объяснить, - усмехнулся Савдаким. – Ты когда мочишься, петушка своего за пузом не видишь.

Грянул дружный хохот, причём Крори смеялся вместе со всеми. Закончив, посерьезнел, почесал спину рукояткой топора и как ни в чём не бывало снова призвал Гела к ответу:

- Один умник высказался. Твоя очередь, вождь.

- Я знаю, что илюли сейчас переговариваются. И если общего у них окажется больше, чем разногласий, они объединятся, и тогда мы можем навсегда забыть нынешний покой в Лесу. Но их силы неравны. Новые илюли сильнее. И если они на этом будут настаивать, договора не получится. Начнётся война илюли.

- Значит, мы должны сидеть и просто наблюдать, как они друг друга режут, - сделал вывод Рогл.

- Кажется, я понимаю, к чему клонит Гел, - постучал палкой по ближайшему дереву Савдаким, призывая собравшихся к вниманию. – У меня как-то было две жены, и они постоянно друг с другом ругались. А я, вместо того, чтобы встать на сторону одной или другой, решил над ними посмеяться и только, как ты говоришь, сидел и наблюдал. И чем всё кончилось? – Он обвел слушателей хитрым глазом. – Их споры истощились, и они зажили душа в душу. А мне пришлось жениться поновому.

- Поучительно.

- С той только разницей, - договорил Савдаким, - что нам, похоже, жениться будет не на ком.

- Вряд ли кто сейчас помнит, как звали твоих жён, - заметил повеселевший Гел, - но суть ты ухватил. Худой мир, он завсегда лучше. И илюли не станут враждовать вечно. Объединившись, они выступят

против нас. А если мы поможем одним разгромить других, уцелевшие увидят в нас...

- ... ещё скажи, что своих героев! – крикнул кто-то.

- И скажу.

- Говорят, одна илюли уже сделала тебя своим героем? Может, ты для неё так стараешься?

По поляне прошёл недовольный ропот.

- Кто говорит? – напрягся Гел.

- А хоть бы и я.

Вперёд выступил Илич, правая рука Дора и один из двух старейшин Даги. Савдаким знал его как беспощадного ненавистника илюли, который без зазрения совести в своё время собственноручно убивал тамошних женщин и детей, когда те ещё попадались в лесных Домах. Несмотря на преклонный возраст, он был вполне крепок и любил женщин не только мёртвыми. Вероятно, сам на пленницу позарился, подумал Савдаким, с интересом готовясь слушать продолжение.

Гел поменял позу. Теперь он сидел на кривом стволе не верхом, а боком, готовый вот-вот спрыгнуть.

- Она – второй залог нашего успеха.

- Первый, как я понимаю, доспехи Га'левьяна?

- Ты правильно понимаешь, Илич.

- Ну, в таком случае, Дор всё сказал. – Илич обменялся взглядом со всеми присутствующими, убеждаясь в том, что его слышат. – Даги не пойдут к Грозовому Дубу.

- Зачем тебе эта девчонка, Гел? – напрямик спросил Крори. – Мы просто хотим знать.

Савдаким убедился в том, что Илич не ушел с Совета. Даги не хотят сражаться, но и не хотят ссориться с Тикали. Уход сейчас означал бы серьёзную обиду. Дор намерен послушать, чем всё кончится.

- Она моя пленница, и я волен поступать с ней, как мне вздумается. Или отныне Совет будет указывать мне, с кем мне делить Гнездо?

- Нет, в твоём Гнезде ты хозяин, но люди не слепы, Гел. Они видят, что ты снова меняешься. И пытаются понять, почему. А кроме того, с тебя по-прежнему берут пример. Вот и представь, что будет, если каждый воин будет выбирать себе пленницу из илюли и жить с ней.

- И что будет? – оборвал его Гел.

Крори замялся. Вероятно, он ожидал услышать в ответ какие-то оправдания, а вместо этого наткнулся на пронизывающий взгляд прищуренных глаз. Молодец, подумал Савдаким, настоящий вождь должен считать всяких советчиков, пусть даже старейшин, лишь необходимой обузой, не более.

- Крори, - сказал он. – Ну что ты въелся? Нам с тобой не понять молодых. Ты всю жизнь пролюбил свою левую руку, мне всегда нравились женщины не старше моей внучки, кто-то любит старушек, а кому-то нравятся илюли с белыми волосами. Давайте лучше дослуша-

ем нашего уважаемого вождя, а потом решим, так ли уж стоит нам вмешиваться.

- Напоминаю, какой у нас есть выбор, - продолжал Гел, как ни в чём не бывало. – Дадим обоим илюли сдружиться и объединиться – у нас станет в два раза больше врагов. Причём пришлые илюли посильнее старых. Дождёмся, когда они сойдутся между собой в битве, и станем выжидать исхода – снова получим общего врага, желающего нам гибели. Атакуем пришлых сейчас, сзади, когда они меньше всего об этом думают, и разгромим или прогоним – будет возможность покончить с извечной враждой и подарить нашим детям несколько лишних зим жизни. В последнем случае, как я уже сказал, я позабочусь о том, чтобы илюли нас поняли и приняли. Мы не зря захватили дорогие им доспехи. А те пленники, которых мы взяли, чтоб вы знали, совсем не стремятся снова обнять своих сородичей. И знаете почему? Потому что те хотели принести их в жертву и уже жгли костры, когда наша стая помешала им. Эти пленники обязаны нам. Лес забрал Жагу и Чарка, но взамен дал Бока и Пенни. Еды хватит на всех. Что там у вас? – спросил он, прерывая сам себя и обращаясь к кому-то позади присутствующих.

Оглянувшись, Савдаким тоже увидел троих охотников, стоявших в отдалении и не решавшихся приблизиться. Теперь, когда на них обратили внимание, они вышли вперёд и подняли открытые ладони, показывая разноцветные верёвочки.

- Мы получили ответы от Керули и Сошни, - начал один резким, писклявым голосом.

- А мы, - подхватил второй, - от Биви, Нуичи и Копи.

- Шлопи и Хвики тоже слышали наш призыв, - закончил третий, опуская руку.

- Они все подтверждают, что идут к Грозовому Дубу, - на всякий случай пояснил первый.

Наступило молчание. Савдаким с интересом наблюдал за Дором и Иличем, которым теперь было над чем призадуматься. Керули по количеству воинов нисколько не уступали Тикали, а Нуичи вообще считался самым многочисленным кланом в Лесу. Семь кланов вместе – это *эму* раза по столько, сколько имеется в распоряжении Гела сейчас. Даже если уйдут Даги, их никто не заметит. Не потеря для оставшихся, но позор для ушедших. Гел победил и на сей раз!

- Рогл! Гван! Зорк! – Вождь прыгнул с дерева. – Ичуйчу решили за нас. Стойбище уходит. В помощь женщинам и старикам оставить по одной стае. Пусть собирают гнёзда и идут за остальными. Мы не можем больше ждать. За оружие и выступаем!

Проходя мимо Савдакима, Гел шепнул:

- Долгих зим тебе, старейшина...

И пошёл дальше, возбуждённый и улыбающийся.

Кланы слышали его! Кланы ему поверили! Отправляя Зорка рассылать призывы, он сам до конца не был уверен в том, что они согласятся. Да как быстро! Пичуги тоже молодцы, знают своё дело! Теперь бы только не опоздать!

Гури уже знал о случившемся. Он встретил появление Гела с распростёртыми объятьями. Гел с радостью вошёл в них и похлопал сотоварища по широкой спине.

- Даже не верится.

- Потом расскажешь мне, что вы там такое состряпали, что они так охотно ответили согласием.

- Да ничего особенного...

- Потом, потом! Сейчас все должны собираться и выступать. Послушай, Гури, я хотел тебя попросить присмотреть за... женщинами. Ну, в смысле, за нашими и за пленниками. Мы пойдём вперёд налегке, только с оружием, чтобы успеть первыми добраться до Дуба и выяснить, что там происходит с илюли. Вы, когда соберётесь, идите за нами. Там и встретимся. Надеюсь, ты не обидишься и простишь за то, что я тебе это поручаю. Повоевать ещё успеем.

- Обижаться не в моих привычках, - усмехнулся Гури, хотя по нему было заметно, что он не слишком доволен таким раскладом.

- Ты отвечаешь только за Тикали. Остальные кланы тоже оставят по стае.

- Даги с нами?

- С чего ты взял, что они могут не пойти?

- Не первый день знаю Илича. Он умеет Дором вертеть.

- Ты прав. Они попытались на Совете против говорить. Но теперь, думаю, тоже пойдут. Где пленники?

- Девушка у тебя сидит, не выходила. Парень мучается. Он *кен'шо* не знает, так что я не могу у него ничего выяснить.

- По виду он неплохим воином должен быть. Я бы его с собой взял, но, боюсь, он может с непоняток чего-нибудь сотворить эдакое. Присмотришь? Убивать его было бы жалко.

- Раны он получил недетские, но выкарабкался, так что да, живуч. Смотрит волком, тоже верно. Видит, что мы ему доверяем, раз руки развязали, поэтому пока сидит смирно. – Гури остановил Гела, собравшегося было идти дальше. – Я тут что подумал. Может, дать ему с твоей новой женщиной поговорить? Если ты уверен, что она сама захотела с тобой остаться, пусть она ему про это скажет. Глядишь, успокоится. Во всяком случае, не будет на тебя злобу держать.

В действительности, не Гури придумал это решение, а Бокинфал подсказал. Они разговаривали, сидя у костра, когда их никто не слышал. Сторожа, воспользовавшись приходом Гури, сходили по нужде. Когда они вернулись, пленник сидел на месте и не выказывал никаких признаков для беспокойства. Он заручился поддержкой и понимани-

ем своего недавнего спасителя и хотел теперь лишь одного – увидеть Пенни с глазу на глаз.

- Я в ней уверен, - сказал Гел, что-то вспоминая. – Приведи его.

В присутствии сторожей Гури делал вид, будто не знает языка вабонов.

- Гел хочет его видеть, - только и сообщил он им, указывая на Гнездо вождя. – Я сам провожу его. Ждите здесь.

Бокинфал взобрался по верёвочной лестнице проворно, подтверждая предположение Гела о его навыках ловкого воина. В какой-то момент Гури даже засомневался, стоило ли брать на себя всю ответственность, если этот парень разоружит кого-нибудь из здешних охранников и набросится на того, кого считает своим обидчиком. Гури, конечно, успеет ему помешать, но получится некрасиво.

Между тем Бокинфал стремительно раздвинул прорези Гнезда и, не дожидаясь приглашения, вошёл. Он промучился всю ночь, рисовал в воображении самые ужасные картины, а утром увидел Пенни как домашнюю собачку, на верёвке, и понял, что не выдержит обрушившихся на него сомнений, если не поговорит с ней. Не могла же она всё так быстро забыть и снюхаться с этим... Он же дикарь! Пусть по-своему красивый, но ведь дикарь!

Сомнения рассеялись, стоило ему оказаться внутри.

Рыжеволосый вождь стоял посреди своего шаткого жилища, а Пенни висела на нём, обнимая за шею и целуя. Он даже не трогал её, просто стоял и смотрел на вошедших. Казалось, ему всё равно. Бокинфал бы отдал полжизни, чтобы Пенни вот так же выказала ему свою привязанность. Она почувствовала шорох за спиной и оглянулась. Когда их взгляды встретились, в её глазах не было смущения или угрызений совести. Она любила и хотела, чтобы все это знали.

- Тебе так хорошо? – только и спросил Бокинфал.

- Лучше, чем ты можешь себе представить, - отозвалась она, отпуская шею дикаря и прижимаясь к нему всем телом. – Не упрекай меня.

- Я не упрекаю, а лишь хочу убедиться в том, что тебя тут не держат насильно...

- Мы возвращаемся домой! Ты представляешь? Он мне сказал, что его решение поддержали, и что они теперь будут помогать нашим. Мы вместе освободим Вайла'тун!

- Что за чушь! Где ты видела, чтобы дикари сражались за нас?

- Бокинфал, дорогой, просто поверь мне!

В порыве чувств она шагнула к нему навстречу, и всем снова стала видна верёвка, которая обматывала её шею и заканчивалась под ногой невозмутимо слушающего их разговор вождя.

- Верить тебе? Если ты от всего этого получаешь удовольствие, что ж, я рад за тебя. Но верить тебе? – Бокинфал едва сдерживал не то слёзы, не то бешенство. - Знаешь, наверное, будет лучше, чтобы они

поверили мне, дали оружие и разрешили драться с теми цветными уродами, что так переполошили всю округу. Сделай доброе дело, скажи им!

Пенни перевела.

Гел посмотрел на Гури.

- И скажи им, что я не собираюсь убивать его, твоего... любовника... хозяина... сама переведи, как хочешь.

Гел выслушал сбивчивый перевод и рассмеялся.

- Твой друг мне нравится. Пожалуй, я возьму его с собой. Спроси, чем он предпочитает драться?

- Гел тебя не боится, дурак! – Пенни сама чуть не плакала от обиды. – Ты пойдёшь с ним. Какое ты выбираешь оружие?

- Вот это! – Бокинфал показал на свои оскаленные зубы. – Или вот это, – ткнул он себя между ног. – Любое!

- Что он этим хочет сказать? – искренне удивился Гел. – Чтобы я у него...

- Нет, нет, - всполошилась девушка. – Это значит, что он готов драться хоть зубами, хоть голыми руками. Ему всё равно.

- Гури, дай-ка ему что-нибудь. Посмотрим, на что он годится.

- Вождю не престоало мериться силами с пленником. Пусть он попробует ударить меня.

- Как хочешь. Только не калечь его.

Гури повернулся к Бокинфалу и встал в защитную стойку, чуть присев на заднюю ногу и выставив вперёд руки с разжатыми кулаками. Бокинфал сразу понял, чего от него хотят, и, не дожидаясь перевода, быстро подступил к противнику и сделал вид, что будет бить в голову. Он уже подался всем телом вперед, как если бы вкладывался в удар, и все поверили ему, а Пенни даже вскрикнула, но в последний момент он отдернул руку и пробил ногой, метя Гури точно в пах. Обычно этого приёма ему вполне хватало, чтобы у соперника пропадало всякое желание не только сопротивляться, но и вставать с пола. На этот раз он к своему удивлению промахнулся. Гури не стал даже блокировать удара. Просто чуть отшагнул в сторону, на полстопы, чуть развернул бёдра, и нога Бокинфала, миновав цель, взмыла вверх, оказавшись подхваченной локтём. Бокинфал замер на одной ноге, а Гури соорудил жестокую гримасу и сделал вид, будто бьёт кулаком в поднятое колено. Ударь он на самом деле, пленник ещё долго не смог бы наступить на эту ногу. Однако Гури лишь показал удар, и отпустил ногу, вернувшись в исходную стойку.

Гел довольно хлопнул в ладоши.

- Перестань! – попросила Пенни.

- Мы только начали, - огрызнулся Бокинфал, уже чуя, что перед ними не обычный боец, но отказываясь сдаваться.

Он ждал ответного удара, однако Гури медлил. Рэй учил бить по тому, что торчит. Колено или кисть? Переднюю ногу тот наверняка ус-

пеет отдёргнуть, значит, надо будет сразу провести связку с разворота, которую он отрабатывал в виггер'гарде Ротрама до полной машинальности. Пол для этого мягковат, но получиться должно...

Правая нога пошла из-за спины в колено с хорошим проносом. Колено, как он и ожидал, в последний момент поднялось выше, пропуская удар и позволяя Бокинфалу опереться на ударную ногу, чтобы развернуться всем телом вокруг своей оси и запустить левую, как из пращи, пяткой вперед, вверх, в незащищённую голову. Если противник и тут успеет среагировать, вслед за ногами в ход пойдут оба кулака.

Гури под вторую ногу, действительно, легко поднырнул, однако не отступил назад, как сделал бы любой, а двинулся вперёд, резко сократив расстояние и тем не позволив кулакам Бокинфала как следует разогнаться. Он просто смахнул их и ответил коротким ударом локтя снизу вверх. Локоть попал точно в челюсть. Бокинфала приподняло и откинуло навзничь. Падая, он чуть не сбил щит с горящими углями.

- Годится, - сказал Гури, посмеиваясь. - Малый резкий и удар хороший. Другого на моём месте он бы давно заставил плакать кровавыми слезами.

- Ты ему понравился, - поспешила перевести Пенни, не решаясь помочь Бокинфалу встать.

Тот поднялся сам, потирая подбородок и радуясь, что по привычке держал рот закрытым. Не то не досчитаться ему зубов, а может, и языка. А этот Гури не промах, однако, у Ротрама таких не водилось. Даже Рэй бы, наверняка, сплюховал.

- Скажи, что я хочу ещё.

- Он говорит, что благодарен за урок, - перевела Пенни, забыв, что Гури понимает не только кенсай.

- Пусть дадут мне меч, - настаивал Бокинфал.

- Прекрати! Ты в чужом доме. Не хватало ещё, чтобы ты тут всё порезал, а потом порезали тебя. Мало тебе твоих ран? Успокойся! Все давно поняли, что ты хороший воин. Гел забирает тебя. И даёт возможность сражаться за наших.

- За ваших, - поправил Бокинфал, угрюмо смотря на девушку. - Нашими они станут тогда, когда я тут тоже найду себе рыжую жену. Спроси, у них есть красивые девочки вроде тебя, которым нужен муж из этих, как они нас называют, илюли...

Выслушав вопрос, Гел и Гури переглянулись.

- Надо было тебе давеча какую-нибудь из Вулчаки прихватить, - сказал Гел без улыбки.

- Кто ж знал, что малый страдает от любви?

- Пообещаем ему жену после боя.

- Хорошо. - Гури перешёл на общий: - Скажи своему собрату, что мы хотим дружить с илюли, с правильными илюли. Которые не будут делать нам зла. Мы найдём ему жену, когда закончится наша война.

- Когда закончится война, - выразительно посмотрел Бокинфал на замолчавшую в ожидании Пенни, - у нас с тобой могли бы уже быть внуки. Потому что вабоны не пойдут на мир с дикарями. Не все так падки на их рыжие волосы и уж не знаю, что там ещё, как ты.

- А ты понимаешь, что сейчас речь идёт всего лишь о твоей жизни? Они дают тебе свободу сражаться с оружием в руках, но могут и передумать. Не думаешь обо мне, так подумай хоть о себе!

- На самом деле, о тебе я думаю куда как больше. - Пыл Бокинфала прошёл и он сник. - Но если ты считаешь, что так будет лучше для всех, хорошо, я не стану тебя подводить. В конце концов, теперь мне нечего терять. Тебя я уже потерял.

- Послушай...

- Хватит, Пенни! Я не маленький мальчик. Я всё давно понял. Я буду сражаться за тех, кто не побоится дать мне оружие, но когда мы победим, я вернусь к этому разговору. Мне не нужны подачки от дикарей.

- Он согласен, - сказала Пенни.

- Гури, приставь его к Зорку. У меня не будет времени с ним нянчиться. И разговаривать с ним тоже будет некому, раз он даже кен'шо не знает. Пусть учится понимать жесты.

Когда они наконец остались вдвоём, Пенни подхватила с пола конец поводка и поспешно сунула в руку Гела.

- Не бросай меня! Я пойду с тобой!

- Нет. - Он потянул верёвку вниз, и девушка покорно опустилась на колени. - Ты будешь мне мешать. Гури за тобой присмотрит. Вечером мы, наверное, встретимся снова.

- Наверное?

- Стойбище перенесут ближе к реке. Соберётся много кланов. Илюли нас такими ещё не видели. Но Тикали не воюют с женщинами. Женщины ждут, когда мужчина победит врагов и придёт к ним.

- Я буду ждать...

Он наклонился и поцеловал её, как не целовал ночью. У Пенни перехватило дыхание. Она попыталась обнять его ноги, но обняла пустоту: Гел отошёл за ствол и стал надевать доспехи Дули. Пенни поспешила ему помочь. Она никогда раньше не держала в руках настоящий шлем, не расправляла на широких мужских плечах кольчугу, не подавала тяжёлый, хотя и короткий меч с птичьей лапой вместо рукоятки. На прощанье она не сдержалась, пала перед ним ниц и поцеловала ногу пониже колена. Почему-то она думала, что это проявление страсти сможет остановить его или хотя бы дать ей возможность продлить расставание. Гел только потрепал её по заплаканной щеке, как собачонку, и вышел на улицу.

Вскоре в жилище стали заходить посторонние женщины. Они косились на сидящую на полу девушку, ничего не говорили и только проворно собирали в мешки немногочисленную утварь. Вслед за ними

появилось трое не менее молчаливых воинов. Двое начали отвязывать шкуры от шестов, а третий занялся разборкой пола. Пенни поняла, что должна уходить. Но куда и как? Она вышла из распадающегося гнезда, чуть не соскользнула с ветви, и осталась стоять, заморожённая зрелищем. Утром, когда Гел выводил её сюда, чтобы показать соплеменникам, она не поднимала глаз от стыда и страха. Сейчас же на неё как будто никто не обращал внимания, и она увидела, как несколько сотен рыжих людей дружно превращают недавний лагерь в пустую поляну, о жизни на которой теперь напоминали только дымящиеся угли многочисленных костров. Все двигались быстро, слаженно, почти не переговариваясь, подобно рыжим муравьям, которые день ото дня заняты одним и тем же и могут выполнять знакомую работу, не задумываясь. Кроме цвета волос и ловкости, с которой они передвигались по деревьям, эти явно трудолюбивые и вполне разумные существа ничем не отличались от обычных вабонов. Как же несправедливо с ними поступили! Лишили возможности жить по-человечески, в тёплых избах. Ладно, они это пережили и, похоже, не так уж плохо устроились. Но зачем было застраивать Пограничье заставами и вести с шеважа бесконечную войну до полного уничтожения, жертвуя жизнями своих отцов и братьев и покоем сестёр и матерей? Неужели кому-то от всего этого в самом деле была польза? Нет, что бы ни случилось, она должна, обязана положить конец этой вопиющей несправедливости! Всё, что произошло с ней до сих пор, произошло не зря. Ахим знал, что говорит. Нужно дождаться ночи и попробовать снова увидеть его. И Гелла, если он предпочтёт её своим воинам.

- Спускайся.

Это был Гури. Он стоял под деревом и ждал, пока она неловко слезет по обледеневшей и скользкой верёвке.

- Надень.

Он сунул ей в руку большущую меховую шапку, неизвестно откуда взятую, поскольку большинство шеважа, как Пенни уже успела заметить, предпочитали ходить с гордо непокрытыми головами.

- Мне не холодно.

- Надень. Не нужно привлекать к себе лишнее внимание. Далеко не все довольны происходящим. Некоторые винят в переменах тебя.

- Меня?

- Надевай и не задавай глупых вопросов. Гел поручил мне доставить тебя к Грозовому Дубу в целости и сохранности, так что не в твоих интересах мне мешать.

Поблизости никого не было, и Гури позволил себе говорить на языке вабонов, гораздо более удобном и богатом, нежели во многом ограниченный кенсай, который лишь передавал смысл сообщения, но не его настроение. Осмотрев девушку, утонувшую в меху по самые брови, остался доволен и ткнул пальцем в поводок.

- Сними.

- Нет, не сниму. Мне не стыдно. Пусть все видят и помнят, кому я принадлежу. Если вам велено сохранить меня в целости, думаю, это будет лишь на пользу. Куда мне идти?

- Никуда. Будь при мне. И поглядывай по сторонам. Мне бы не хотелось, чтобы ты получила стрелу в спину.

Пугает меня, подумала Пенни, однако прежние мысли о несправедливости по отношению вабонов к шеважа как-то сами собой рассеялись. В конечном итоге, шеважа не безобидные трудяги-муравьи. Разве не они лишили её семьи, убив отца, который честно служил на одной из застав? Её нынешнее доверие к ним – щедрое одолжение. Если бы не Гел, она улучила бы первую же возможность, чтобы подговорить не нуждающегося в переубеждениях Бокинфала и сбежать отсюда. Может, кольчуга Дули больше пригодилась бы ей?..

- Давайте я тоже что-нибудь сделаю.

- Мы уже почти закончили. Вон видишь тюки лежат? Выбери подходящий себе по весу и тащи. Там есть лямки, чтобы надеть на плечи. Путь нам предстоит не близкий.

Тюки уже разбирали. Причём в основном женщины. Дети им помогали. Немногочисленные оставшиеся воины стояли в стороне, наблюдая. Им предстояло быть бдительными и защищать соплеменников в пути, так что никто не требовал от них обременять себя лишней ношей. Старики толпились поодаль, ожидая, останется ли что-нибудь им.

Пенни приблизилась, взяла ближайший сверток шкур, из которого торчали жерди, под села и попробовала просунуть руки в верёвочные лямки, но когда поднялась на ноги, осознала, что не пройдёт и ста шагов, так больно упёрлось что-то жёсткое ей в спину.

- С другой стороны.

Пенни оглянулась и увидела симпатичную молодую девушку, державшую на руках грудного ребёнка.

- С другой стороны, - повторила незнакомка на общем, не очень уверенно, но внятно и смело.

Пенни послушалась. Оказалось, что с другой стороны из свёртка ничего не выпирает, так что на спине просто образовалась приятная тяжесть. Приятная ещё и потому, что теперь ей почти не приходилось думать о предостережении Гури насчет стрелы исподтишка.

- Лучше?

- Да, спасибо тебе.

- Я Кеита, жена Гури, - сказала девушка. – Он мне про тебя говорил.

- Я просто поражена, - призналась Пенни, подпрыгивая со свёртком и поправляя лямки. – Вы тут все знаете кенсай! Дома меня специально ему учили, и я знакома только с двумя или тремя людьми, которые могут на нём говорить.

- Я плохо говорю. Меня Гури учил.

- Ты прекрасно говоришь! Мальчик?

- Что? Ах, да, сын.

- Как зовут?

- Пока никак.

Пенни удивилась, но поняла по взгляду девушки, что дальше расспрашивать об этом не стоит.

- Ты сегодня ела? – поинтересовалась Кеита.

- Нет, - призналась Пенни. – Я не...

- Идём. Поклажа никуда не убежит. Так можно сказать?

- Очень даже хорошо!

Новая подруга сразу понравилась Пенни. У неё было приятное правильное лицо, прямой нос и раскосые зелёные глаза. Говорила она чуть пришепётывая, но от этого речь её казалась только мягче и вкрадчивее.

- Шапка подошла?

- Так это ты её придумала? Да, тёплая, спасибо.

Сама Кеита оставалась с непокрытой головой, но переживать за неё не хотелось, потому что её шевелюра и без того походила на пылающий жаром костёр.

Она подвела Пенни к составленным вокруг одного из деревьев мешкам и достала нечто, похожее на старый хлеб, и ещё что-то похожее на холодное жареное мясо. Выглядело кушанье подозрительно, однако Пенни почувствовала, что и в самом деле сильно проголодалась. Да и обижать милую хозяйку отказом ей не хотелось. Она откусила и прожевала мясо, попробовала на вкус хлеб, и пришла к выводу, что всё это вполне съедобно. Правда, вчерашняя еда у воинов была по-свежее и повкуснее. Видимо, женщинам тут достается то, что не доели мужчины.

- Нам далеко идти? – спросила она, чтобы просто поддержать разговор, поскольку знала ответ.

- До реки. Там есть дуб. И там нас будут ждать остальные. Можно пройти за день, а можно за два. Гури будет спешить. Он хочет сражаться вместе с Гелом и остальными.

- У тебя хороший муж.

- А как тебе наш вождь?

Заданный в лоб вопрос привёл Пенни в смятение. Кеита ждала.

- Он взял меня в плен. Он мой хозяин...

- Тебе это нравится?

Пенни чувствовала, что краснеет.

- Он мой хозяин, - повторила она, делая вид, что занята поглощением мяса с хлебом.

- Говорят, он сильный мужчина. – Кеита поискала глазами Гури, но лишь затем, чтобы удостовериться в том, что он не слышит. – Сколько раз он тебя любил?

- Я, - поперхнулась Пенни, - я не знаю, я не считала, было темно, он... А что?

- Говорят, он может любить по десять раз за одну ночь.

Тут только до Пенни дошёл смысл услышанного. Кусок мяса сразу встал поперёк горла, а Кеита показалась уже не такой замечательной.

- Кто говорит?

- Все, с кем он был до тебя. И кого бросил. Самого его бросила только Жага. Ты слышала про неё?

- Нет.

- Он до сих пор не может её забыть. Она сбежала с Чарком, его другом, и Гел отправил на их поиски моего Гури. Так они тебя и нашли. Не то быть тебе сейчас, как это мясо. – Кеита улыбнулась. – Но ты не переживай. Гел не предаёт. Пока ты с ним, у него не будет ничего другого.

- А эта, Жага, была его женой?

- Все так думали. Но нет, не была. Говорят, он не может сделать женщине ребёнка, сколько бы не старался. Не знаю. Я была с ним только раз.

- Ты?!

- Да. Ещё до Гури. Гел так захотел. Но я была слишком мала, глупа, и ничего почти не помню. Почему ты так на меня смотришь?

- Он что, со всеми тут «был»?

- Он вождь.

Пенни не знала, смеяться ей или плакать. Вероятнее всего, Кеита просто разыгрывала её, шутила, но веселиться совсем не хотелось. Он вождь! Значит, ему всё позволено? Сколько же зим было Кеите, если она ничего не помнит? Что это за люди? Куда она попала?

Из-за деревьев раздался громкий крик. Ему вторил крик Гури. Пенни испуганно посмотрела на Кеиту.

- Пошли, - сказала та. – Другие уже уходят.

Она положила свёрток с ребёнком на мешок, ловко надела на спину другой, сказала что-то подошедшим женщинам, подобрала сына и вызываяще посмотрела на Пенни.

- Поглядим, насколько илюли выносливы.

Она зашагала следом за остальными, и Пенни не оставалось ничего, как только поспешить за ней, дожёвывая на ходу остатки хлеба и надеясь на то, что после такой трапезы у неё не заболит живот.

Она предполагала, что придётся брести через лес, утопая по колено в снегу, однако дикари проявляли завидную дисциплинированность, никто никого не обгонял, все вытянулись в длинную вереницу и шли друг за другом по проторенной ещё воинами тропе. Таким образом, под ногами Пенни оказалась удобно утрамбованная дорога, лучше даже, чем во многих местах Вайла'туна. Впереди неё брёл старик и мальчик с матерью, чуть дальше – Гури, то и дело выкрикивавший ка-

кие-то указания, позади – Кеита. Её слова больно ранили самолюбие Пенни, однако не похоже, чтобы преднамеренно, тем более что, с другой стороны, самой Пенни глубоко в душе было приятно ощущать себя униженной Гелом и принадлежащей ему не столько по праву любви, сколько по праву силы. Ведь не стала же она снимать с шеи верёвку. Свободный конец она подсунула под пояс и где-то даже гордилась этим знаком отличия, уверяя себя, что в случае чего, он защитит её. А что до ревности... Она может терзать себя ревностью, сколько угодно. От этого ничего не изменится. Чего бы он ни захотел, её дело – подчиняться. Она представила Кеиту в объятиях Гела, представила ярко, во всех подробностях, и поняла, что сочла бы за счастье быть там, помогать им, если потребуется, не давать Гелу расслабиться, ласкать его и её, позволять обращаться с собой как с последней служанкой, отказывать себе во всём им на потеху, лишь бы он остался ею доволен и не прогнал от себя. Интересно, где он сейчас? Вспоминал ли о ней, когда шёл этой дорогой? Хочет ли её по-прежнему? Ждёт ли новой встречи хоть в сотую долю того, как ждёт её она?

Шедший впереди мальчик то и дело оглядывался на неё. Мать нарочито подталкивала его, чтобы он не отвлекался. Едва ли ей нравилось соседство странной илюли.

Старик шёл налегке, если не считать лука за спиной и стрел за поясом, однако ему явно приходилось прилагать усилия, чтобы не отставать от остальных.

Лес уже проснулся и был залит светом. Снег похрустывал под сотнями ног, наполняя его жизнью. Белые облачка пара всплывали над головами идущих, и сразу же растворялись в морозном безветрии. Солнце пригревало. Думалось о том, что рано или поздно зима закончится, а с ней и все нынешние переживания и беды...

- Как ты думаешь, куда они идут такой толпой? – тихо спросил наблюдавший за дикарями из-за раскидистого куста длинноносый арбалетчик, не глядя на притаившегося у него за спиной товарища и только слыша его напряжённое дыхание. – Я никогда ещё не видел столько шеважа.

- Какая разница? – ответил тот, откашливаясь в кулак. – Лишь бы быстрее проходили своей дорогой.

- Воинов маловато. Ща бы наших ребят сюда, могли бы напасть и переколотить всех.

- Если хочешь, возвращайся! Я не для этого ноги делал. Отвоевался я, Джеф. И тебе, сам знаешь, домой пора. Не начинай снова. Помалкивай лучше.

Длинноносый, которого называли Джефом, оглянулся и укоризненно посмотрел на приятеля. У того от долгого лежания в снегу лицо сделалось синим, а борода примёрзла к сугробу. Шёл третий день их бегства с заставы, и надо же было почти у самой цели так глупо натолкнуться на здоровенное племя. Поток гружёных поклажей рыже-

волосых женщин всё не кончался, среди них то и дело попадались старики и дети, однако Джефа волновала именно малочисленность вооружённых воинов, которых, как он представлял себе, должно было бы быть раз в пять больше. Прячась за кустом, куда они с Висли успели юркнуть при виде первых врагов, он опасался того, что остальные воины идут сейчас где-нибудь сбоку и могут зайти им в тыл. Пятиться было небезопасно, поскольку в этом месте тропа, по которой шли ди-кари, делала изгиб, и любое передвижение возле их куста обязательно окажется замеченным подходившими. Оставалось неподвижно лежать и верить в то, что когда-нибудь эта бесконечная вереница всё-таки закончится.

- Поссать бы! – мечтательно шепнул Висли после долгой паузы.

Джефу было не до смеха, но он не сдержал улыбки. Они с Висли знали друг друга много зим, можно сказать, с детства, и тот ничуть не изменился. Не повлияла на него ни неудачная женитьба, ни долгая жизнь на одной из самых отдалённых от Вайла'туна застав, ни новость, принесённая несколько дней назад в столбике дыма на Меген'торе и говорившая о том, что дома случилась беда. Висли оставался самым собой: говорил, что думал, а думал, что хотел. Когда он раз-ведал, что их воевода не собирается подчиняться приказу и рисковать жизнью, чтобы оставить заставу и возвратиться в Вайла'тун на помощь тем, кто запустил тот сигнальный дым, его первым же побуждением стало предложить Джефу незамедлительный побег.

- Берём оружие, жратвы на пару дней и тикаем, старик. А то что-то плохо я спал ночью. Нехорошие у меня предчувствия. Тут меня ничего не держит.

Джеф, обычно более осмотрительный и любящий всё сперва взвешивать, возразил было:

- От нас двоих мало что будет там зависеть.

- Да заткнись ты! Можно подумать, от нас тут до хрена чего зависит!

Спорит с этим доводом Джеф не стал. Что и говорить, на заставе они засиделись. Ещё задолго до появления дымов, в самом начале зимы, многие стали втихаря выражать недовольство и бурчать, что про них забыли. Раньше обычно бывало так, что ещё до первых заморозков из Вайла'туна приходила очередная смена, и часть людей уходила домой на побывку, целовать жён, рожать и растить детей, набираться сил, чтобы потом вернуться обратно и сменить следующих. В эту зиму смены не было.

О происходящем в Вайла'туне они догадывались по вестям с соседних застав, где тоже ничего не происходило. А одними дымами много не скажешь. Ну, да, Ракли смещён со своего трона. Пусть. Но ведь делалось же это, наверное, именно потому, что под ним некогда сильное и могучее войско вабонов стало разваливаться и давать трещины. Ракли не стало. Значит, должно быть лучше. А становилось

только хуже. Ещё раньше пришли вести о том, будто шеважа научились пользоваться огнём. Этого рано или поздно следовало ожидать, но новость, как водится, всех застала врасплох.

Источник, вокруг которого и была построена их застава, теперь по большей части использовался для того, чтобы набирать воду на полив всего, что может загореться. Частокол постепенно превратился в ледяной щит, сараи и центральная башня тоже стали чуть ли не зеркальными и солнечными днями слепили глаза. Но уж лучше так, чем потом всё это тушить. Сильнее же всего на Джефа и Висли давила безысходность. В прямом и переносном смысле. Покинуть заставу решалось лишь с целью охоты. Побег приравнивался к предательству, а толстый Димер, их воевода, ко всему прочему страшил своих виггеров тем, что распускал слухи о лютых дикарях, которых то и дело видели в округе лазутчики. Мол, сидите, братцы, поливайте заставу водичкой и не рыпайтесь.

Одним словом, когда Висли заговорил о бегстве, Джеф ни мгновения не сомневался в правильности такого решения, а упрямылся лишь для порядка. В конце концов, они напросились отпустить их на охоту, никому ничего не сказали, выяснили, где должны скрываться лазутчики, и задали стрекоча по сугробам в другую сторону. Дважды переночевав на морозе, они изрядно простыли и шмыгали носами, прихваченный провиант был на исходе, но мысли вернуться и молить о пощаде не возникало. Дома их не ждало ничего хорошего: тот последний дым красноречиво об этом свидетельствовал. Однако Висли уже видел, как поселится в гостеприимной избе брата-ткача, а Джеф надеялся, что красавица по имени Гудрин не забыла ещё их долгих свиданий и не разучилась очаровательно краснеть, когда он берёт её за руку.

Как ни странно, путь через Пограничье оказался гораздо проще, если не сказать безопаснее, нежели они ожидали. Конечно, если бы Димер отважился послать за ними погоню, их легко бы нашли по следам, поскольку снег всюду лежал глубокий и нетронутый, а мелкие ручьи, по которым в другое время можно было пройти и тем постараться сбить преследователей, замёрзли. Но Димер, судя по всему, не отважился. Он пребывал в уверенности, что лес вокруг кишит дикарями, которые только и ждут, чтобы кто-то из его виггеров вышел за обледеневшие стены заставы. Предвидя это, Джеф предложил сразу двинуться той дорогой, которой обычно ходили их смены. Он признался Висли, что его больше пугает возможность заблудиться, чем встретиться с настоящими хозяевами Пограничья.

И вот теперь эта встреча состоялась, и нужно было держать себя в руках, чтобы в последний момент не спугнуть удачу всего предприятия. Джеф некоторое время успокаивал себя тем, что считал проходивших мимо шеважа, но скоро сбился и просто лежал, то и дело поглядывая на приятеля, который шарил испуганными глазами по сто-

ронам, ожидая появления основных сил противника. Наконец последний обладатель рыжей шевелюры скрылся за деревьями, и наступила тишина, нарушаемая только сильным дыханием Висли.

- Всё, я больше не могу, - заявил он, вставая и поворачиваясь к Джефу спиной.

Было видно, как жёлтая струя жадно поедает снег между его ног.

Джеф сел и отряхнулся. Похоже, опасность, действительно миновала. Гудрин его дождётся.

Когда Висли облегчился и повеселел, они пересекли вытоптанную шеважа тропу и помешкали, прикидывая, не стоит ли пойти за ними следом. Соблазн не прорываться больше через сугробы, проваливаясь иногда по самый пояс, был велик.

- Сомневаюсь, чтобы они привели нас в Вайла'тун, - предположил Джеф. - Я уверен, что он находится вон там, прямо, а эти идут в обход, направо. Может, они просто кочуют, меняют зимовки. Если, конечно, ты не хочешь их выследить и потом передать нашим.

Они оба пребывали в уверенности, что появление дыма на вершине Меген'тора было вызвано участвовавшими проискарами дикарей. Соответственно, дома любые сведения об их местонахождении могли бы пригодиться. Ни Джеф, ни Висли до сих пор не перестали думать о себе как о виггерах, долг которых - способствовать покою Вайла'туна. Только сейчас, глядя на тропу, Висли осознал их нынешнее положение.

- Нам незачем их выслеживать, - сказал он хмуро. - И знаешь, почему? Потому что нам всё равно будет некому об этом рассказать. Мы беглецы. Для любого из наших ребят дома мы предатели.

- Я это и без тебя понимаю, брат. Мы, похоже, здорово влипли. Но ведь мы зато не сидим, сложа руки, и идём домой не для того, чтобы от кого-то там прятаться, а чтобы предложить свою помощь. Дома мы нужнее. Кстати, мы всегда можем сказать, что Димер нас отпустил. Пусть проверят!

- Мысль хорошая, - подхватил Висли. - Видать, у тебя мозги ещё не совсем замёрзли. Так и скажем. Вот увидишь, нам поверят. Тогда что, за ними?

Они переглянулись. Джеф покачал головой.

- За всеми шеважа не угнаться. Мы только время потеряем. Если спросят, скажем, что видели. Да и какая разница? Я уверен, что никто из наших не придёт сейчас сюда только для того, чтобы расправиться с очередным отрядом дикарей. Замой предпочтительна оборона. Нет, эти сведения никому не пригодятся. Пошли дальше.

Висли не стал спорить. Он вообще подумывал о том, чтобы распрощаться со своим виггеровским прошлым и по возможности зажить мирной жизнью. Брат его был ткачом, когда-то они вместе осваивали это ремесло, и Висли всё чаще тянуло тряхнуть стариной. Тем более что ткачество и особенно его результаты часто притягивали в их дом

разных женщин, среди которых иногда попадались и весьма интересные. Один раз он, правда, ошибся, потянулся не к той, и она обожгла его настолько сильно, что зализывать душевные раны он решил на далёкой заставе, куда в тот момент отправлялся его закадычный друг Джеф. Но время прошло, раны зарубцевались, и Висли снова хотелось испытать себя в роли женского угодника. Прежних ошибок он не допустит. Но ведь не отказывать же себе в удовольствии сделать приятное какой-нибудь милой девушке. Которая придёт к ним, или на рыночную площадь, где брат ещё давно собирался поставить свой лоток, чтобы прикупить себе какую-нибудь яркую ткань на праздничный наряд. А тут он, Висли, излечившийся от простуды, весёлый и решительный, мол, не желаете ли вот этот отрез? Вам очень идёт! Позвольте приложить. Вот так, взгляните сами. Прекрасно облегает! Что? Моя рука? Вам показалось. Но даже если бы я и отважился, ваша грудь того стоит. Кто нахал? Я? Знаете, а ведь если вы позволите приложить его ещё и сюда, думаю, я смогу уступить его вам с хорошей скидкой.

Джеф заметил улыбку на лице приятеля, и понял, что тот размышляет о будущей жизни. Сам он смотрел на вещи гораздо прозаичнее, понимая, что даже объятия Гудрин могут оказаться несбыточной мечтой. Дым с Меген'тора просто так не пускают. Значит, стряслось что-то из ряда вон выходящее. Прошлой ночью ему даже приснилось, что они добираются наконец до дома и никого там не находят. Только пепелище. Лишь какие-то дикари бегают между чёрными брёвнами и пытаются поймать одинокого коня с пустым седлом. Он проснулся, так и не узнав, удалось ли им это, но нисколько не жалел, потому что сон оставил тяжкое ощущение. Теперь ему хотелось поскорее убедиться в том, что на самом деле всё не так плачевно.

Они обошли стороной несколько полян, миновали неглубокий овраг, продрались через заросли ёлок, с головы до ног осыпавших их холодным снегом, пересекли очередной замёрзший ручей, спугнули красавца-лося с раскидистыми рогами, передохнули недолго, готовясь к решительному броску, и не успело солнце начать клониться к вечеру, как они уже стояли на опушке Пограничья, а перед ними лежало белое поле, вдали которого высился долгожданный замок. Сейчас, на фоне снега, он казался грязным и неумытым, но сердце Джефа радостно забило: замок теперь был гораздо ближе, чем виделся с башни их прежней заставы. Не рукой подать, но до заката они должны успеть добраться до родных изб. Просто обязаны!

- Из-за этих дикарей мы, похоже, сбились с пути, - сказал Висли, указывая на девственный ковёр снега. - Должна же быть хоть какая-то дорога.

- Не уверен. - Джеф положил арбалет на плечо и пошёл первым, высоко поднимая ноги и утопая выше колена. - Мы на правильном пути, только тут давно никто не ходил. Когда появится первое жильё, идти станет проще.

- Да уж поскорей бы! Говорил я тебе, что нужно было снегоступы прихватить. Сам не понимаю, как ты сумел меня отговорить.

- Я тебя не отговаривал. Но ты ведь знаешь, как наш Димер относился к ним. Если бы мы потребовали их для охоты, он бы сразу заподозрил неладное. А если бы мы попытались проникнуть на склад самолично, потеряли бы уйму времени.

- Можно подумать, сейчас мы время не теряем! На снегоступах мы бы уже вон у тех холмов были. Ладно, давай, шагай! Теперь уж не о чем говорить.

- Вот и я про то же, - буркнул Джеф.

Висли был, разумеется, прав. Они многое не предусмотрели. Хорошо хоть, немного еды прихватили. Думали, что её хватит, да и тащить тяжело не хотелось. Теперь вот день как ничего не ели, кроме каких-то замороженных ягод с кустов. Могли бы, конечно, кое-какую живность пострелять, но Висли жутко боялся разводить костёр, чтобы не привлечь шеважа. Ночью спали сущую малость, вскочили от холода и голода ни свет ни заря и бросились в путь. Теперь вот, когда оставалось чуть-чуть, силы буквально таяли на глазах.

Они добрались до холмов, и с высоты склона увидели внизу первый дом. Большая изба. Поодаль – низенькая крыша сарая.

- Глянь. – Висли указал на раскачивающуюся на ветру входную дверь. – Там никого нет, похоже.

- Похоже. Идём.

Опасность придала сил, и они добрались до избы быстрее, чем предполагали. Дверь негостеприимно хлопала, словно отгоняя их.

- Может, тут хоть жарка осталась, - предположил Висли, удерживая её рукой и прислушиваясь.

Эта мысль, давно не дававшая Джефу покоя, вселила в них смелость. Держа арбалет наперевес, а лук – натянутым, они осторожно зашли внутрь. И сразу же натолкнулись на засохшую лужу крови на полу.

- Точно не варенье не похоже, - сказал Джеф, соскабливая кровь ножом. – Похоже, тут лежало тело.

- Похоже, похоже! – передразнил его Висли. – Похоже, до нас тут побывали шеважа.

- С чего ты решил?

- А ты думаешь, хозяева сами ушли? Когда кто-то из них порезал палец, и натекла вся эта лужа? Нет уж, без дикарей явно тут не обошлось. Ты знаешь ведь, я такие вещи нюхом чую. Надо сваливать.

- Еда, - напомнил Джеф. – Постой-ка на стрёме.

Пока Висли сидел с луком у двери, он обшарил избу, однако всё съестное, что ему попадалось, оказывалось слишком древним, чтобы решиться сунуть его в рот. Хлеб сгнил, наверное, ещё до зимы. Вяленое мясо походило на мушиные объедки и не рассыпалось в труху лишь потому, что промёрзло. На грибы было жутко смотреть. Бидон, в

котором когда-то было молоко, вонял трупами червей. Морковь, редиска и прочие овощи, сложенные в ящике за печкой, узнавались разве что по форме, но не по цвету и уж тем более не по запаху.

- Тут ничего нет, - подытожил Джеф. – Надо двигать дальше.

Висли не поверил, но и его поиски ни к чему не привели. Они уже вышли наружу и двинулись в обход избы, но тут взгляды обоих упали на сарай. Джеф кивнул. Висли огляделся. На всякий случай пригнувшись, подбежал к распахнутой и так заваленной снегом двери и скрылся внутри. Джеф спрятался за углом и ждал.

Висли не возвращался довольно долго. Наконец, появился, но снова налегке. Заметил Джефа и поманил пальцем.

Посреди сарая была вырыта большая яма выше человеческого роста. Внутри, как водится, оказалось пусто, однако внимание обоих друзей привлекло не это. В одном месте к стене ямы было приставлено несколько деревянных щитов, какими иногда заколачивают заборы или кровлю. Один упал, и за ним стал виден чёрный проём.

- Похоже на лаз в погреб, - высказал своё мнение Висли. – Еду могли спрятать там.

- Ты глянь, темень какая!

- Очень хорошо. В темноте припасы хранятся лучше. Ты не знал?

- Знал, но...

- Не хочешь, я слазаю один. – Висли прошёлся по краю ямы с видом завсегдатая подобных мест. – Тут, кстати, даже факелы на этот случай имеются. – Он указал на ворох вещей, сваленных в дальнем углу. – И верёвка есть. Подержи-ка.

Джеф не стал спорить. Крыша над головой способствовала тому, что мысли переключились с простого желания выжить, на желание жить хорошо, во всяком случае, сытно.

Висли не без труда поджёг один из нескольких факелов. Джефу показалось подозрительным, что такие ценные вещи просто брошены здесь, будто за ненужностью. Словно кто-то покидал его в спешке. Интересно, почему?

Висли спрыгнул в яму, а Джеф сбросил следом за ним конец верёвки. Без неё выбраться наружу было бы довольно сложно.

Несколькими решительными движениями Висли растащил щиты и оказался стоящим перед подземным ходом. Теперь стало очевидно, что это, собственно, не проход, а пролом в стене, сделанный кем-то или чем-то изнутри. Куски каменной кладки лежали снаружи, под ногами насторожившегося Висли.

- Это не погреб, - сообщил он, сунув в проём факел и голову. – Там целый коридор. Тебе нужно на это взглянуть.

- Зачем? – вытер нос Джеф. – Если нет еды, нам там делать нечего.

- А я говорю, погляди! Это здесь неспроста. Это вход в подземелье. Настоящее подземелье! Кажется, я когда-то про такое слышал. То ли

бабка, то ли кто мне давным-давно рассказывали, будто по всем Вайла'тун лежат вот такие подземные ходы. Под всем, Джеф! Ты понимаешь, что это значит?

- Передавай привет своей бабке и пошли отсюда.

- Да погоди ты уходить! Послушай меня! Если это то, о чём я думаю, мы сможем добраться до дома гораздо быстрее. Там нет никакого снега. – Висли снова заглянул в пролом. – Может быть, там где-нибудь даже припрятана жрачка. Мало ли кто этими подземельями пользуется. Кто-то же выходил отсюда. Причём, похоже, что не так давно.

- Вот и я о том же. – Джеф снова шмыгнул носом. – Если в чистом поле мы ещё сможем укрыться от неприятеля, кем бы он ни был, то в узком коридоре – сильно сомневаюсь.

- Не такой уж он, кстати, и узкий. Послушай, кого мы боимся? Дикарей? Если они отважились напасть на Вайла'тун, то гораздо опаснее теперь оказаться где-нибудь, как ты говоришь, в чистом поле, чем здесь, под землёй. Тут мы их наверняка не повстречаем.

- Не будь так уверен. Проломы в стенах сами собой не образуются. Может, шеважа проникли в Вайла'тун именно отсюда.

Висли нервно хохотнул и настойчиво продолжал:

- Посуди сам. Щиты стояли снаружи. Камни лежат снаружи. Сюда не входили, Джеф. Отсюда выходили. И похоже, что задолго до сигнальных дымов. Всё это говорит о том, что никаких шеважа там и в помине нет. Согласен?

- Не нравится мне это.

- Мне тоже! Мне вообще ничего не нравится! Ни зима, ни снег, ни дикари, ни пустой живот! Но я хочу жить, Джеф. И мне очень даже кажется, что этот ход предоставляет нам такую возможность. Спускайся. Мы должны хотя бы попробовать. Если не понравится, стало быть, не судьба, вернёмся. Но попробовать надо, Джеф!

Висли говорил пылко, отчаянно, с ним можно было поспорить, вероятно, даже переубедить, но имело ли это смысл? В обоих случаях они не знали, куда идут и что их ждёт. Пустой дом на краю Пограничья, следы крови на полу, дикари, пробирающиеся в обход Вайла'туна бесконечной вереницей, появившийся и исчезнувший дым на Меген'торе, этот зовущий и отпугивающий подземный лаз... Было отчего крепко задуматься.

- Откуда ты знаешь, куда нам идти? – спросил он, привязывая верёвку, которую до сих пор держал в руке, к дверному косяку. – Откуда ты знаешь, что мы не заблудимся?

- Так коридор, Джеф! Там негде заблудиться! Взгляни сам. Мы идём вперёд. Не нравится – поворачиваем назад. Всё просто. Да, потеряем время, но, кто знает, может, найдём там еду.

- Еду мы найдём, если пойдём через поле. Это всего лишь первая изба. Будут и другие.

Говоря это, Джеф спустился по верёвке в яму и взял у Висли факел. Заглянул внутрь. Увидел высокий сводчатый потолок и на удивление широкий проход. Несмотря на заложенный нос, уловил доносящийся изнутри запах сырости. И никаких звуков.

- Предположим, что я соглашусь, - сказал он, выпрямляясь. - Объясни мне, как ты намереваешься вывести нас по нему к Вайла'туну. Если я правильно заметил, коридор не заканчивается здесь, а идёт влево и вправо, то есть мимо. В какую сторону идти нам?

Висли, довольный тем, что его взяла, призадумался.

- Коридор проходит вот так. - Он прочертил воздух рукой. - Сарай стоит вот так. Поле уходит туда. Значит, Вайла'тун вон в той стороне, правее. Пойдём по коридору направо.

- Хорошо. А теперь представь, что там не один этот коридор, а много.

- Скорее всего.

- И они пересекаются. И нам всякий раз придётся выбирать, куда сворачивать. И ещё помнить, откуда мы пришли, если решим вернуться. Я очень сомневаюсь, что ты с этим справишься, братец.

- Справлюсь. И знаешь как? Вот! - Висли вытянул правую руку. - Мы будем идти по коридору и всё время держаться правой стены. Только правой. Тогда сколько бы там ни было других коридоров, мы будем постоянно идти направо. Куда-нибудь да придём. Это подземелье копали люди. Оно нас к ним и приведёт. А если мы решим, что слишком сильно уходим вправо, развернёмся и будем идти обратно, держась стены левой рукой. В худшем случае окажемся здесь же.

Решение звучало достаточно убедительно и просто. Есть тем временем хотелось всё сильнее.

Джеф вернулся к верёвке и вылез из ямы.

- Собирай все факелы, Висли. Они нам пригодятся. А я вернусь в дом и поищу какую-нибудь подходящую посудину.

- Зачем?

- Затем, чтобы в ней прихватить с собой воды. Надеюсь, ты не будешь спрашивать, где я её тут возьму?

- Да уж снега не всех хватит.

- Вот и я о том же. Жди меня здесь.

Джеф сбегал в избу и отыскал вместительную глиняную флягу с затычкой из коры. То, что надо. Конечно, лучше было бы найти мех, который не разобьётся, даже если упадёт, но фляга выглядела довольно прочной, с толстой ручкой, которую можно продеть через пояс. На всякий случай подобрал ещё глубокую железную кастрюлю. Воды много не бывает. Пусть Висли понесёт её. В крайнем случае водой можно заливать голод. Помнится, прошлой зимой они отлучились с заставы и попали в засаду, так пришлось отлёживаться и жевать снег, выжидая, когда шеважа тоже надоест прятаться, и они уйдут восвояси. Джеф не ел тогда ничего, кроме снега, день, ночь и ещё полдня.

Столько же, сколько в этот раз. И ничего, остался живым и здоровым. Гудрин когда-то говорила, что не есть несколько дней даже полезно.

Он повесил глиняную флягу на пояс, вернулся в сарай, наполнил кастрюлю снегом почище, растопил над факелом, повторил это нехитрое действие несколько раз и получил необходимое количество воды.

- Можем идти? – поинтересовался Висли.

- Кастрюля на тебе. Факел понесу я. Пошли.

Висли хотел возразить, но не стал. Джеф дал понять, что и так оказывает ему одолжение тем, что соглашается на его предложение.

Они расчистили проход, проникли в коридор, помешкали, раздумывая, стоит ли за собой заделать дыру, но в конце концов махнули рукой, решив, что при удачном стечении обстоятельств больше сюда никогда не вернутся, так что им всё равно, а если вернутся, то скоро.

Обоих охватило странное ощущение. Спускаться в погреба им раньше приходилось, но идти в полный рост под толщей земли, светить себе факелом, и размышлять о том, что будет, если всё это рухнет им на головы – никогда. При этом они видели, что стены и своды коридора не просто вырыты, а укреплены камнями и замазаны для прочности глиной. Почва под ногами была твёрдой, утрамбованной и лишённой каких либо рытвин, ям и прочих препятствий. Оставалось лишь догадываться, кто и когда мог построить такое по-своему замечательное сооружение.

Иногда на стенах попадались странные знаки, похожие на указатели, однако разобрать их смысл приятели даже не старались. Они скоро выяснили, что оказались правы в своих предположениях: коридор то и дело разветвлялся новыми проходами. Верный выбранному плану, Джеф игнорировал всё то, что попадалось им слева, и настойчиво придерживался правой стены. Примечательно, что они шли уже довольно долго, но справа до сих пор не попалось ни одного поворота.

- Сейчас бы ещё только с холма спустились, там, на улице, - заметил Висли.

- Думаешь, мы далеко от той избы? – Джеф поправил флягу. Кроме неё, он предварительно заткнул за пояс несколько факелов, и они по очереди норовили вывалиться. – Имей в виду, что мне наша затея по-прежнему не нравится.

- Всё просто замечательно, Джеф! Ты не чувствуешь, как здесь тепло? Нет ни снега, ни ветра. Не дураками были те, кто жил в избе. Иметь сарай с таким погребом – сказка!

- Ты случайно не про тех, от кого осталась кровавая лужа?

- Почём ты знаешь, что это кровь хозяев? Дом и сарай неизвестно сколько простояли нараспашку. Я удивляюсь, что в них не поселились дикари. Неужели им не надоело скитаться по лесу? Кстати, я давно думал, что их неприязнь к нам объясняется обычной завистью. Им тоже хочется жить в избах, а не ютиться в каких-то гнёздах на деревьях. Как ты считаешь?

- Я считаю, что нам ещё идти и идти, и нужно беречь силы. Не знаю, как тебе, а мне жрать всё сильнее хочется. Дай-ка водицы хлебнуть.

- На, можешь хоть всю выпить. Мне уже надоело тащить эту кастрюлю.

- Сейчас она и эта фляга – наше единственное спасение. Если, конечно, ты не отыщешь тут какой-нибудь настоящий погреб, где были бы припрятаны яблоки, вяленое мясо, сыры и горбушек десять хлеба.

- Перестань, Джеф! И так живот тянет. Радуйся тому, что есть.

- Было бы, что есть!

- Прекрати!

Так, переговариваясь, подначивая и подбадривая друг друга, они продолжали быстро идти вдоль правой стены коридора и могли судить о беге времени разве что по горению факела. Когда пламя первого стало выдыхаться, Джеф поджёг следующий.

- У нас их ещё только пять.

- Уверен, что хватит. Я представляю, сколько мы с первым отмахали. Сейчас уже над нами должны быть поселения фолдитов. Они живут себе и не знают, что мы под ними идём. Забавно.

- Да уж куда забавнее! Только мне почему-то кажется, что коридор уводит нас всё время вправо, и потому мы сейчас вовсе не под фолдитами, а снова под Пограничьем.

- Не говори глупостей, братец! Какой дурак станет рыть коридоры под лесом? Ради чего? К дикарям в гости шастать? К тому же, у деревьев есть такая интересная вещь, как корни. Ты видел тут хоть один?

- Нет, но...

- И я не видел. Мы идём правильно, Джеф. Если хочешь, давай остановимся и послушаем. Может, сверху донесутся чьи-нибудь голоса. Или шум битвы, на худой конец.

Они постояли, помолчали. Послушали, как потрескивает пламя на факеле. Переглянулись.

- Наверное, мы слишком глубоко, - предположил Висли. – Если ты обратил внимание, после сарая коридор сразу пошёл чуток под уклон. До поверхности... ну, не знаю сколько, но немало.

Двинулись дальше.

- Почему нам не попадаются никакие двери, выходы, лестницы? – стал размышлять вслух Джеф. – Какой смысл всё это тут городить, если этим нельзя как следует пользоваться?

- При чём здесь двери?

- А при том, что за ними можно хоть что-то хранить, что-то прятать. Представь, если этот проход приведёт нас, скажем, к замку. Зачем соединять прямой дорогой замок с каким-то сараем на краю Вайла'туна. А смысл быть должен. Потому что я даже представить себе не могу, сколько зим ушло у тех строителей, которые взялись за это дело.

Кем они были? Тебе когда-нибудь приходилось слышать о постройке подземелья под Вайла'туном? Хотя бы в сказах.

- Вообще-то нет. Я слышал, что оно вроде бы есть, но всегда считал, что слухи не для того, чтобы к ним прислушиваться. Думаешь, мы идём дорогой, которую строили ещё во времена героев?

- Или ещё раньше.

- Ну, это ты загнул!

- Совсем нет. Пospорь со мной.

- И не собираюсь!

- Потому что ни ты, ни я этого не знаем и знать наверняка не можем. Не исключено, что сами герои, как ты говоришь, про подземелье только слышали. Иначе тот же Дули обязательно им бы разок-другой воспользовался, и тогда бы нам об этом рассказали.

- Бы да бы – не годится, - вытер вспотевший от быстрой ходьбы лоб Висли. – Когда выберемся отсюда, я непременно всё выведаю. У жены моего брата есть брат, так он на рынке разными рукописями торгует. Надо будет его поспрошать.

- А ты разве читать умеешь? – удивился Джеф.

- Нет, но он-то, ясное дело, умеет. Вот и пусть что-нибудь про подземелье вычитает. Такие вещи, я считаю, знать надо.

- Только не всем. Представь, что было бы, если бы тут народ шлялся.

- Ага, всё в дыму и жопа в глине, - пошутил Висли.

- Если не хуже. Так что давай договоримся, когда дойдём, держать язык за зубами. Торгаша своего попытай, но только аккуратно. Пусть это останется нашим секретом.

- Мог бы и не напоминать. У меня такие вещи само собой.

Они некоторое время шли молча. Незаметно догорел второй факел. Голод уже перестал их донимать, превратившись в ноющую боль в животе и пустоту в голове. Вода из кастрюли была выпита, а сама кастрюля оставлена стоять на полу в одиночестве. Говорить не хотелось. Джеф был зол на себя за то, что поддался уговорам. Висли размышлял, не стоит ли попытать счастья в каком-нибудь из левых проходов. То была его мысль идти всё время по правой стороне, но кто же знал, что она окажется бесконечной? Когда он сказал об этом вслух, Джеф глянул на него так, что Висли прикусил язык. Несколько раз они останавливались, чтобы избавиться от выпитого, окропляя злосчастную стену. Оба пытались утешить себя лишь тем, что, по крайней мере, никогда не заблудятся. Если даже сгорят все факелы, они смогут вернуться той же дорогой на ощупь. Правда, хватит ли на это сил – вопрос, на который никому не хотелось отвечать.

И вот уже когда казалось, что ещё несколько шагов, и надо признавать себя неудачниками и поворачивать назад, под правой рукой шедшего впереди Джефа в стене возник уступ, за которым оказалась ниша. Первая на их пути! В глубине ниши, в каких-нибудь трёх шагах

от коридора они увидели глухую стену, вернее, старый, почти истлевший клочок материи, свешивавшийся с длинной железки в потолке и доходивший до пола. Осторожно отстранив остатки ткани, Джеф обнаружил за ней наглухо закрытую двустворчатую дверь, окованную проржавевшим железом. Массивные ручки представляли собой две здоровенные скобы, скованные цепью. Замок на цепи был непривычного вида, вероятно, очень старый, и даже не имел отверстия для ключа.

- Что будем делать? – спросил Джеф.

- Очень странно, - выразил общее мнение Висли. – Если есть замок, но нет ключа, значит, он должен как-то открываться сам.

- погоди! Я тебя не о том спрашиваю. Будем считать эту дверь стеной и пойдём дальше или попытаемся её открыть и посмотреть, что там?

- Я бы открыл.

- Неизвестно сколько зим ею не пользовались. Смотри, даже пыль на цепи и замке не тронута. Про эту тряпку я вообще не говорю. Какой смысл туда лезть?

- А если это и есть дорога к замку?

- К замку дорога была бы открыта. Тем более, что эта явно уведёт нас куда-то ещё сильнее направо.

- Кто тебе сказал, что дорога к замку открыта. Может, мы в Вайла'туне ничегошеньки про это подземелье не знаем именно потому, что она закрыта. Этой дверью. Снаружи. Мы будем первыми, кто ею пройдёт. Только представь себе, что эта тряпка и этот замок на цепи старше, чем сказки про Дули!

- Судя по всему, так и есть, - задумчиво ответил Джеф, изучая запор. – Дай-ка я попробую.

Висли отступил, а Джеф сунул в кольцо цепи приклад арбалета и попытался воспользоваться им как рычагом. Цепь угрожающе за скрипела, но выдержала.

- Сюда бы топорик, - размечтался Висли. – Почему мы не захватили топоры?

- Потому что ты меня торопил.

- Я тебя? Это ты меня торопил!

- Отойди-ка подальше.

Джеф вынул арбалет, поднял над головой, насколько позволял низенький в этом месте потолок, прицелился и ударил в замок. Ещё раз. Ещё...

Как водится, произошло то, чего меньше всего ожидали. Не выдержала и отвалилась одна из скоб. Цепь безжизненно повисла.

С величайшей осторожностью они приоткрыли створку. За дверью обнаружился такой же узкий проход и ступени, резко уходящие вниз.

- Посмотри, - сказал Висли и провел пальцами по потолку. При свете факела стало видно, что пальцы влажно блестят. – Похоже, где-то рядом колодец. – Он лизнул руку. – Да, обычная вода.

- Наверное, я сейчас впервые соглашусь с тобой, братец, - проде-
лал то же самое Джеф. – А если рядом колодец, значит, мы у цели. Мы
дошли! Правда, я что-то не заметил, чтобы мы настолько глубоко уxo-
дили под землю, чтобы колодец мог оказаться сверху.

- Он будет сверху, если мы спустимся по лестнице. Пошли скорее!

Они двинулись вниз, уклоняясь от нависающего потолка и считая
про себя ступени. Двадцать и продолжают. Тридцать пять и про-
должаются... Наконец, после сорок восьмой нога Джефа ступила на
твёрдый пол. Влажный, но твёрдый.

Теперь потолок оказался высоко вверху. До него нельзя было до-
тянуться даже факелом. Впереди снова лежал коридор, уже, чем пре-
дыдущий, и совершенно прямой.

Факел зашипел. На него упала струйка воды.

- Мне это совсем не нравится, - отдернул руку Джеф. – Где тут ко-
лодец?

- Готов поспорить, что уже над нами, - справился с волнением
Висли. – Надо идти дальше.

На какое-то время они даже забыли о голоде. Откуда-то веяло хо-
лодом. Несколько раз Джеф поскальзывался, как если бы под ногами
был лёд. До ступеней коридор, при всей своей необитаемости, выгля-
дел хоть приветливым, а этот...

- Погоди-ка!

Они снова замерли и прислушались.

Сейчас они не то слышали взаправду, не то им лишь казалось, что
они слышат – глухой гул над головой, невнятный и такой же беско-
нечный, как этот проход. Будто кто-то там, на поверхности катает ты-
сячи огромных бочек. Нет, не катает – катит, в одну сторону: справа
налево, справа налево...

Приглядевшись к стенам, они обратили внимание на то, что здесь
не было речи ни о какой кладке и обмазывающей её глине. Проход
образовывали громадные каменные глыбы, очень ровно обтёсанные и
очень плотно подогнанные одна к другой. Ни Джеф, ни Висли никогда
прежде не видели камней подобных размеров. Висли поводил по од-
ному ладонью. Поверхность была холодной, влажной и шершавой.

- Явно дело рук великанов, - заключил он, задирая голову и раз-
глядывая плохо освещенный потолок, где с обеих сторон смыкались
по две глыбы, образуя ровно посередине прямой шов.

- Похоже, мы под замком, - ответил Джеф. – Только что-то мне не
верится, чтобы такой шум происходил от драки с дикарями.

- Не думаю, что мы дошли до замка. Давай всё-таки поищем ко-
лодец.

Они ещё постояли, прислушиваясь к гулу, и пошли вперёд, подавленные, но не напуганные. Про голод уже не вспоминалось.

Коридор образовал пологий уклон, потом выровнялся, потом снова начал медленно подниматься вверх. Гул постепенно удалялся. Из пляшущих теней впереди опять сложилась лестница.

- Мне уже всё равно, где мы выйдем, главное – побыстрее убраться отсюда, - признался Висли. Джеф спорить не стал.

Подъём занял гораздо больше времени и забрал больше сил, чем спуск. Счёт ступеням был потерян после шестидесяти. Снова дверь, точно такая же, как при входе. И снова цепи и замок. Теперь уже Джеф заранее знал, что делать. Только скошенный потолок не позволял как следует замахнуться, поэтому бить по замку пришлось несколько раз. Наконец, цепь лязгнула и упала им под ноги. Навалившись плечами, они с трудом раздвинули неуступчивые створки.

В лицо ударил ветер. Выюжило. Было темно. Неужели они умудрились провести под землёй весь остаток дня?

Джеф вышел первым, неуверенный, стоит ли спрятать факел или, наоборот, поднять его повыше. Выбрал второе. Огляделся, часто моргая и прикрывая глаза от ветра рукавом. Никаких домов. Вместо изб – поле без намёка на деревья. Двери открывались прямо в бок скалы, засыпанной снегом. Скалы в Вайла’туне были в диковинку. Последние давно раскололи на строительные камни.

- А вон и замок! – радостно воскликнул Висли, указывая куда-то назад.

Джеф оглянулся. И правда, вдали высился замок. Его контур плохо читался на тёмном небе, но огни в окошках были видны отчетливо. Они не дошли до него совсем чуть-чуть. Только вот куда подевался сам Вайла’тун? Где люди, избы, где сражающиеся армии виггеров и шеважа? Он последовал за Висли, который не хотел тратить время на сомнения.

Следующее, что они слышали, был плеск воды. Живой, вкрадчивый, и нескончаемый.

Этот звук пронзил Джефа молнией страха. Висли бросил на друга потрясенный взгляд через плечо и побежал вперёд, высоко выдёргивая колени из снега. Джеф тоже побежал, споткнулся, чуть не выронил факел, упал на бок, зло выругался, вскочил и настиг Висли уже у самого берега.

Они стояли на краю невысокого обрыва, а под ними, сколько хватало глаз, неслась серебристая стремнина, изрытая пенящимися волнами.

В первый момент Джефу показалось, что мощный поток просто-напросто смыл весь Вайла’тун. Мелькнула мысль о Гудрин. Этого не могло быть. Бехема не могла выйти из берегов, сменить русло и... потечь вспять, слева направо. Замок на скале казался вне её досягаемо-

сти и вне опасности. Но как теперь до него добраться? Как перелететь неприступную воду? Как...

Вода! Она текла по стенам подземелья и капала с потолка. Она создавала неумолчный гул и перекачивалась бочками над головой. Она...

Висли смотрел на Джефа. Так пристально, как не смотрел никогда. Он думал о том же. И понимал то же. Они ошиблись. Они дошла до замка. И прошли дальше. На другой берег...

- Погляди-ка, мне кажется или там и вправду появились огни?

Валбур ткнул кулаком в темноту сгущавшейся ночи. Гаррон при-
смотрелся и покачал головой.

- Наверняка какие-нибудь отсветы на воде.

- Отсветы? – возмутился Дэки, никогда не жаловавшийся на ост-
роту зрения. – Валбур прав, это очень похоже на два факела.

Они стояли на стене замка и разглядывали противоположный бе-
рег Бехемы, где только что ничего не привлекало внимания, и вот нате
– странные огни, которые ведут себя так, будто ими размахивают лю-
ди. Но ведь это невозможно. Там никого нет.

- Что будем делать? – спросил Гаррон.

- А что ты предлагаешь? – Дэки поёжился и зевнул. – Сплавать
туда и проверить?

Между тем Валбур вынул из деревянного стояка факел на длин-
ной ручке, наклонился над стеной, чтобы иметь побольше размах, и
стал водить им по одной линии, вверх-вниз, вверх-вниз.

- Похоже, один тебе отвечает, - удивился Дэки.

- Не, отсюда легко ошибиться. А так? – Валбур описал факелом
круг, второй, третий. Далёкие огни снова ожили, но трудно было ска-
зать, повторяют ли они его движение или просто забавляются.

- А может, это какие-то животные? – предположил Гаррон.

- Ага, ты ещё скажи светлячки! – Дэки покрутил рукавицей у вис-
ка.

- Но тогда что это?

- А почему не кто это?

- Мне тоже кажется, что они всё-таки повторяют мои движения, -
оглянулся на спорщиков Валбур. – Просто они слишком далеко, и мы
почти не видим, как перемещается пламя. Но оно точно двигается.
Что будем делать?

- А что ты предлагаешь? – Дэки свесился над стеной, рассматри-
вая реку. – Остаётся дожидаться утра и надеяться, что они не уйдут.
Утром, может быть, что-нибудь увидим.

- Боюсь, нам будет не до этого, - напомнил Валбур.

- Ты имеешь в виду гостей?

- Их самых.

- Ох, по-моему, напрасно мы согласились на перемирие, - вздох-
нул Гаррон.

- Ну, мы-то ни на что не соглашались. Согласились за нас. Мнение народа явно разделится. Одни скажут, что зря пустили чужаков, другие – что правильно, потому что избежали кровопролития.

- Девки, думаю, будут рады, - заметил Дэки.

- Это почему?

- Им всегда мужиков не хватает. А тут вон какая кодла подвалила!

- Да, без перемен не обойтись, - подытожил Валбур, вспоминая свою возлюбленную Феллу. Как-то ей сейчас живётся у Ротрама?

- Ещё неизвестно, кому от этой случки хуже будет. – Гаррон взял у Валбура факел и сунул обратно в стойку. – Сейчас они вместе держатся, а потом, глядишь, разбредутся по Вайла'туну, тут мы их порознь и переколотим, если что.

- Если что?

- Если плохо вести себя будут.

- Похоже, они тоже об этом думают, раз не спешат к нам в гости. Вроде ведь о мире ещё вчера договорились.

- Так ведь снег непролазный. У них, кажись, и снегоступов-то нет. Кони вязнут.

- Хочешь сказать, ждут, что мы им дорожки расчистим? – усмехнулся Дэки. – Не бывать тому!

- Скажут расчистить, пойдёшь как миленький, - заверил приятеля Гаррон.

- Ну уж нет! Мне вообще не нравится, что мы тут не своим делом занимаемся. Я когда к Ротраму шёл, не обязывался какого-то писаря охранять. Пусть он будет Ротраму хоть самым сватом или братом. Мы бойцы и должны сражаться. Если «кровь героев» отменяют, пускай, у нас и другие дела есть. Вон дикари вконец распоясались. Могли бы и ими заняться.

- То, что Рэй не пустил нас за Бокинфала расквитаться, это просто подло, - согласился Валбур. – Что шеважа дёру дали, это ещё ни о чём не говорит. Не по воздуху же они полетели. А значит, оставили следы. Мы бы наверняка их догнали и к ответу призвали.

- Ахим говорил, что Бокинфал жив и только в плен попал, - напомнил Гаррон.

- Ахим говорил! – не сдержался Дэки. – Ты его больше слушай! Почём ему знать? А коли и так, то тем более Валбур прав: мы должны были не тут сложа руки сидеть и этого старика сторожить, а броситься с погоню и вызволить Бокинфала. Или найти его труп. Хотя его до сих пор не отыскивали, это не значит, что Ахим прав. Там ведь был пожар.

- Хочешь пойти против Рэя? – уточнил Гаррон. – Попробуй, но тогда тебе путь назад к Ротраму будет закрыт. Как я понял, у Ротрама с этим Скелли есть договорённость. Ротрам пообещал ему нас в качестве охраны. У меня это тоже особой гордости не вызывает, но ничего не поделаешь. Мы тут на довольствии, да и к тому же Рэй со слов Скелли нам неплохие деньги за службу пообещал.

- Пообещать всякий может, - сказал Валбур. – Мне в своё время один торговец тоже обещал все мои корзины распродать на рынке. До сих пор распродает.

- Твои корзины? Ты корзины что ли плетёшь?

- А почему нет? Или ты забыл, что я из фолдитов? А у нас у фолдитов принято всякие ремёсла знать, чтобы без денег не сидеть и по домам не побираться. Я и ещё много чего могу. Как-то раз даже роды принимал.

- Да ты что! – пришёл в восторг Дэки. – И что, девка ноги раздвигала и тебя не стеснялась?

- Ей не до того было.

- И как, получилось?

- В лучшем виде!

- Ну ты, брат, даёшь!

Неизвестно, к каким подробностям скатилась бы их беседа, если бы в этот самый момент на стену ни выскочил Логен, в одной рубахе навыпуск и с мечом наперевес. Разгоряченная голова аж дымилась на холоде. Завидев товарищей, он поднял меч и гаркнул во всё горло:

- Вниз! Мигом! На Скелли напали!

- Накликали, - буркнул Дэки.

- Много? – на бегу уточнил Валбур.

- Непонятно. Наши все уже внизу. За подкреплением служанку прислали. Она ничего не знает, но трясётся так, будто там целая армия.

Они вчетвером вихрем пронеслись по ступеням башни. Скелли предпочитал отсиживаться в своих глубоких подвалах, среди писарей и рукописей. Особенно боязливым он стал после пожара в поместье Томлина. В тронную залу он теперь не поднимался вовсе. Там после возвращения с переговоров поселился гордый собой Тиван. Просидел за столом весь день вдвоём с сыном Норланом. О чём-то совещались и то и дело призывали к себе разных сотников и десятников. Приятель покойного Томлина, богач Скирлох из замка исчез. Говорили, что весть о гибели дочери, которой он прочил счастливое будущее в качестве жены сына Томлина, тоже погибшего при пожаре, помутила его разум. Ещё один бывший здешний военачальник, Гийс, не стал просить под шумок ни у кого прощенья, не примкнул к Тивану и не бросился жалобить Скелли. По слухам он тоже оставил замок и вернулся под крышу своего большого дома где-то на берегу канала. Он теперь мало кого интересовал.

Собственно, о результатах переговоров Валбур и остальные узнали лишь от толмачихи, сестры из Обители Матерей, Руны, с которой на удивление быстро нашёл общий язык всё тот же вездесущий Ахим. Он сказал ей что-то такое, отчего старая женщина сразу же поверила в счастливое спасение своей воспитанницы Пенни, долго просидела у них в спальне, рассказывая об увиденном и услышанном в стане врага,

и под конец приняла решение пока в Обитель не возвращаться. Предстояло долгое общение с вражескими военачальниками, и она хотела продолжить приносить пользу, переводя их просьбы и предложения (уже не указы и приказы) кому бы то ни было, будь то Тиван или Скелли. Заодно она думала в конце концов дожидаться Пенни, которая, по словам Ахима, предпринимала всё от себя зависящее, чтобы вновь оказаться в замке. Большого Ахим не говорил, кроме того, что девочка в плену у шеважа, вместе с Бокинфалом, и что у неё там появились влиятельные друзья. Одно с другим никак не сочеталось, однако с Ахимом предпочитали не спорить. Слишком многое из высказанного им до сих пор сбывалось. Вот и сегодня днём он посоветовал Рэю не спускать глаз со Скелли, будто чувствовал, что тому угрожает опасность. После отъезда и последующей гибели Йедды, жены Томлина, он осмелел, ходил повсюду и лишь просил называть себя не по имени, а «дедом» или «стариком». В лицо, считал он, его тут больше никто не узнает.

- Ахим снова оказался прав, - крикнул через плечо бежавший впереди Дэки и по очереди перепрыгнул через два трупа, прислонённых к стене и вытянувших ноги.

Это были гвардейцы, охранявшие вход в башню. Валбур успел заметить, что у обоих чем-то тяжёлым перебиты переносицы.

- К сожалению, я редко ошибаюсь. – Ахим стоял в дверях подземелья, сжимая в руках по мечу, вероятно, отобранному у павших воинов. При виде подмоги его лицо не отразило ни радости, ни облегчения. – Вспомните всё, чему вас успели научить, и не кидайтесь в бой безрассудно.

- Почему ты здесь, а не там, дед? – в лоб спросил Гаррон.

- Погибнуть мы ещё успеем.

- Сколько их туда прошло?

- Один, я думаю.

- Один?!

- Иногда и одного бывает много. Ну, кто смелый?

Валбур, не раздумывая, отстранил его и устремился вниз по каменным ступеням. Он заметил, что несколько факелов сбиты со стены и догорают на полу, а несколько перерублены. Нападавшие явно хотели орудовать в темноте.

В подземелье, где хранились и писались свитки, он раньше не бывал. Его встретили низкие потолки, узкие коридоры и очень, очень мало света. Как он и предполагал, искать дорогу не пришлось: идти нужно было на лязг железа и остервенелые выкрики сражавшихся. Всё это доносилось из дальнего конца центрального прохода, где в дрожащем пламени свечей по стенам метались кривые тени, одна из которых, казалось, надела щит прямо на голову.

- Держитесь! – закричал Валбур и бросился вперёд, потрясая мечом.

«Не кидайтесь в бой безрассудно», прозвучали в ушах слова Ахима. Валбур приостановился и свернул с центрального прохода влево, натолкнулся на стол, что-то опрокинул, перемахнул через разбросанные стулья, обогнул стену с полками, на которых лежали и стояли не то глиняные, не то кожаные футляры с рукописями, и выглянул из-за угла.

В этом месте было нечто напоминавшее залу, из которой несколько дверей вели в отдельные комнаты. Возле одной на полу сидел Скелли. Валбур не сразу признал в нём того высокомерного старика, которого видел раньше. Скелли был в пыли, лицо, руки и подол длинной рубахи были перепачканы чернилами. Он тяжело дышал и держался за бок белой как снег ладонью, а из-под неё брызгала и выплёскивалась жидкость сочного ярко-красного цвета.

Перед ним посреди залы, освящённой лишь десятком оплавленных свечей, кипела настоящая битва. Эгимон, Авит и Рэй из последних сил отбивались от странного человека в широкополой шляпе, которую издалека легко можно было принять за щит. На самом деле никакого щита у него не было, а был лишь короткий топорик в правой руке да кривой кинжал в левой. Этой же рукой он ловко парировал удары противников, что позволяла делать причудливого вида железная рукавица, такая же чёрная, как остальные доспехи, прикрывающие грудь, спину и голени человека. При этом руки и ноги у него оставались голыми, блестели от пота и играли твёрдыми мышцами. В довершении картины по широким плечам прыгали две неуместные кошечки.

Первое впечатление оказалось правильным: все твоё заправских воинов, против которых сам Валбур вступил бы в бой с величайшей осторожностью, зная их умения и навыки, именно что отбивались от человека в шляпе, всякий выпад и взмах которого грозил каждому из них быстрой смертью. Рэй был уже ранен в руку и ногу, Эгимуноу помогала защищаться щитом его недюжинная сила, а Авит ещё держался благодаря тому, что орудовал своим излюбленным оружием – длинной палкой, под которую приспособил невесть откуда занесённое сюда копьё. Хотя нет, о происхождении копья говорили не замеченные сразу тела ещё двух или трёх гвардейцев, неподвижными куклами лежавшие по углам залы.

Оценив ситуацию, Валбур выскочил из-за прикрытия и устремился на подмогу Рэю. Его меч чудом успел отвести удар топора, опускавшегося на лысый череп. Меч при этом так сотрясло, что Валбур невольно выпустил его и остался без оружия. Машинально увернувшись от кинжального выпада, он увидел, что из центрального прохода уже высыпали Логен, Дэки и остальные. Незнакомец в шляпе тоже уловил их присутствие и во мгновение ока отскочил в сторону, поднырнув под щит Эгимона и не давая Дэки прицелиться из лука. Валбур получил передышку и подобрал меч. Когда он выпрямился, Авит с переломан-

ным пополам копьём уже летел в дальний угол, Эгимон потерял щит вместе с рукой, а кинувшийся им на помощь Гаррон падал навзничь, сбитый с ног тяжёлым ударом железной рукавицы.

Валбур увидел, как Дэки всё же удалось выпустить в противника стрелу, но та лишь чиркнула по чёрному нагруднику и срикошетила в одну из дверей, упруго задрожав всего в каком-нибудь пальце от головы Скелли, который к счастью для себя уже успел потерять сознание и пребывал в неведении о происходящем.

Чего нельзя было сказать об остальных.

Рэй выставил вперёд меч и бочком отползал в сторону. Авит, широко открыв рот, ворочался у стены, пытаясь сделать вдох. Эгимон лежал на полу под ногами сражающихся и со слезами на белом, перекошенном от боли лице тянулся к отрубленной руке. Гаррон не подавал признаков жизни, а из разбитого лба его текла потоком густая кровь. Логен, оказавшийся теперь один на один с противником, пятился под градом ударов, чудом успевая отражать витиеватые и молниеносные выпады. Дэки после первой неудачи отскочил и перезарядил лук, но вторая стрела была принята на железную рукавицу и разлетелась в щепки. Казалось, незнакомец одновременно видит всё происходящее вокруг. В виггер'гарде Ротрама они учились этому, но, похоже, человеку в широкополой шляпе их знания в подмётки не годились.

Валбуру ничего не оставалось, как пойти в атаку. В какой-то миг он почти уверовал то, что сможет нанести секущий удар мечом по открытой шее, однако в последний момент противник оглянулся, и меч отсёк только край шляпы, оказавшейся сплетенной из обыкновенной соломы. Валбур добился лишь того, что Логен был на время оставлен без внимания, а топор с ножом заработали в обратном направлении. Отступая, он видел устремлённый на себя из-под шляпы пронзительный взгляд незнакомца. Узкие глаза смотрели прямо и на удивление спокойно. Казалось, он просто о чём-то задумался и понятия не имеет о том, чем заняты его руки и остальное тело. Он будто знал, что ни вооружение, ни количество противников не имеют значения: пройдёт какое-то время, и все они будут лежать на полу, истекая кровью из смертельных ран. Этот взгляд вольно или невольно лишал Валбура желания сопротивляться. Он понимал, что обречён, что нет такой силы, которая могла бы остановить если не этот, то последующий удар топора, если не этот замаскированный тычок кинжала, то второй или третий, что нужно во что бы то ни стало вспомнить лицо Феллы, потому что другого случая может и не представиться.

Краем глаза он видел Дэки, который судорожно накладывал на тетиву очередную стрелу, и Логена, держащегося за кровоточащее плечо, но готовящегося снова броситься в бой. Чего-то в этой картине не хватало. Чего-то или кого-то. Валбур нашёл ответ только тогда, когда заметил в проходе старика Ахима с двумя мечами, которые он

держал крест-накрест перед грудью. Ему даже показалось, что Ахим стоит там просто так, как сторонний наблюдатель, решивший узнать, чем же всё кончится.

Ахим что-то громко крикнул на незнакомом Валбуру языке.

Лезвие топора просвистело перед самым носом, обдав запахом крови и смерти.

Валбур отпрянул и споткнулся о чьё-то мертвое тело.

В падении он уклонился от кинжала, перекатился через спину и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, чему предшествовал крик Ахима.

Незнакомец на месте развернулся и одним прыжком оказался в шаге от старика. А тот словно ждал его.

Крест мечей перед грудью распался.

Левый пошёл по широкой дуге, метя противнику в бок, но так неуклюже, будто специально хотел, чтобы его заметили.

Правый же крутанулся одной кистью и, пока незнакомец отбивал первый меч крюком топора, снёс ему голову вместе со шляпой и косячками.

Валбур взвыл от восторга.

Обезглавленный труп повалился на колени перед Ахимом.

Который с удивлением смотрел на рукоять кинжала, торчащего у него точно под сердцем.

- Ахим!!

Старик оказался в объятьях Квалу раньше, чем упал на поверженного им врага.

Всё было кончено.

Сразу же откуда ни возмись появились прятавшиеся где-то до сих пор писари. Они с ужасом смотрели на поле боя и не предпринимали ровным счётом ничего. Потом из-за их спин выбежал черноволосый детина с кучерявой бородой и первым делом присел над Скелли. Лекарь, вспомнил Валбур. Разумеется, ему важнее Скелли, нежели любой из его умирающих братьев.

Рэй полулежал у стены и улыбался Валбуру. Он был жив, но потерял много крови.

Эгимон покоился лицом вниз посреди кровавой лужи и уже не подавал признаков жизни. Смотреть на обрубок его руки было страшно.

Гаррон очнулся и морщился, размазывая кулаком кровь по лицу. Он ещё не вспомнил, где и почему находится.

Дэки, убедившись, что друг не так сильно ранен, как кажется, бросился к Валбуру.

- Ты в порядке? Тэвил, ты в порядке! Умница! Ты всех нас спас! А я чуть тебя не застрелил...

- Нас Ахим спас, - ответил Валбур, с трудом засовывая меч за пояс. Только сейчас он почувствовал, как устал. Руки висели плетьюми и отказывались слушаться. – Надо помочь Рэю.

Он впервые увидел, как плачет Авит. Вероятно, парень сумел подняться и перевести дух, лишь когда бой уже закончился, и теперь горевал о том, что не смог никого спасти, проклиная сломанное копьё.

Логен сидел напротив Рэя, всё ещё закрывая ладонью глубокую рану на плече и бледнея на глазах. Он вот-вот потеряет сознание, понял Валбур.

- Что вы встали, как вкопанные! – рявкнул он на писарей. – Воду, тряпки несите! Лекарей зовите! У вас что, один только этот есть?

Кто-то остался, словно не слыша его, кто-то убежал исполнять приказание.

Валбур, пошатываясь, подошёл к виновнику произошедшего.

Скелли сидел у двери в прежней позе. Глаза его были закрыты. Рот сморщился в болезненной гримасе, но он дышал. Чернявый лекарь уже наложил ему на бок повязку и кропил её какой-то жидкостью из маленькой бутылки.

- Это серьёзно? – спросил Валбур.

Лекарь кивнул, не оглядываясь, и добавил:

- Если лезвие было отравлено или занесло грязь, дела плохи. Если нет, может, пронесёт и на этот раз.

- И на этот раз?

- Его тут не слишком любят.

- Как видишь, не все, Мунго. - Скелли открыл глаза и посмотрел куда-то мимо Валбура. – Им всё-таки удалось меня защитить. Я перед ними в долгу... - Он закашлялся и забрызгал грудь кровью.

- Не лучшее время для разговоров, - заметил лекарь, вытирая ему губы платком. – Сейчас мы перенесём вас в вашу комнату, и я на время вас покину, потому что мне нужно ещё кое-что прихватить. Обещайте молчать. Поможешь мне?

Последнее относилось уже к Валбуру. Тот промолчал, и лекарь принял это за согласие. Сам он подхватил Скелли подмышки и ждал, когда Валбур возьмёт ноги.

Оказалось, что старик почти ничего не весит.

Они зашли в комнату, где были только кровать и стол, заваленный приспособлениями для письма и ворохом бумаг, и осторожно опустили главного писаря замка поверх одеяла, подложив под голову и плечи побольше подушек и каких-то скомканных вещей.

- Не давай ему лежать плашмя, - предупредил лекарь Валбура и тихо пояснил: - Чтобы не захлебнулся.

С этими словами он торопливо вышел.

- Эй! – бросил ему вслед спохватившийся Валбур. – Ты на моих ребят хоть взгляни! Им тоже несладко досталось.

- Хорошо.

Скелли сделал несколько вдохов, открыл слезящиеся глаза и выжидательно уставился на своего спасителя. Он был весь какой-то мелкий, гаденький, с жиденькими патлами на потной голове, и прескверно вонял, вероятно, успев обделаться от страха, когда на него напали. И ради этого вот мерзкого существа они зачем-то жертвовали жизнями?..

- Что ему было от вас нужно? – спросил Валбур, хотя лекарь велел следить, чтобы раненый хранил молчание. – Зачем он хотел вас убить?

Взгляд Скелли на мгновение помутнел. Валбур вспомнил, что такие же точно глаза он видел у крыс, которых без зазрения совести уничтожал в детстве. Только крысы были жирные, а это подобие человека больше смахивало на раздавленного паука с тонкими длинными лапками.

- Карта, - тихо выдавил он наконец и присмотрелся к Валбуру, словно убеждаясь, услышал ли тот его.

- Карта? Какая карта? Где она? Зачем она ему понадобилась? Как вы его поняли? Он что, разве говорил по-нашему?

- На кенсае, на общем...

- Кто он такой? Откуда взялся?

- Не знаю...

- А какую карту он хотел, вы знаете?

- Догадываюсь... он сказал, что её у него украли... его отца убили... я не убивал...

Похоже, у старика начинался бред.

Валбур бросил взгляд на стол, превращённый хозяином этой вонючей кельи в грудку мусора. Почувствовал, как рука старика с изумительной силойхватила его за запястье.

- Она там... найди её... спрячь и сохрани... я сумею тебя отблагодарить.

- Да... но... я толком не умею читать.

- Не надо читать. – Голос старика сделался твёрже. – Карты не читают. Карта – это рисунок.

Валбур подошёл к столу. Порылся в рулонах тонких кож прекрасной выделки и плотных тканях, отсеивая всё то, на чём замечал вереницы значков, которые знающие люди умели превращать в слова и высказывания. С тем, что удалось выловить, вернулся на кровать. Скелли не удостоил свёртки вниманием и раздражённо процедил:

- Не то...

- Тогда где же они?

- Там! Они спрятаны, бестолочь, спрятаны! Их нельзя никому показывать. Ищи!

Больше всего Валбуру хотелось сейчас послать старика вдогонку за Ахимом в объятья Квалу. Что он тут делает? Зачем пришёл выяс-

нять причины и подробности гибели своих друзей? Зачем слушает этот бред? Зачем снова идёт к столу и разыскивает то, чего там нет?

Или всё-таки есть?

На дальнем краю стола стоял ларец. Неприметный, деревянный, какие есть в каждом доме, где жёны и дочери хранят праздничные украшения и всякие памятные безделушки. В отличие от обычных ларцов этот был пониже и пошире. В боку имелось квадратное отверстие для ключа.

Валбур принёс ларец Скелли. Тот изобразил на лице нечто вроде радости и полез трясущейся рукой себе за шиворот. Нащупал там верёвку и вытянул деревянный брусок с затейливыми пропилами и выщерблинами. Валбур понял, что это и есть ключ. Он поднёс ларец поближе, и Скелли сам попытался его открыть. Напряжение причиняло ему явную боль, но он стиснул губы и в конце концов справился, после чего убрал ключ обратно и взглядом показал Валбуру, чтобы тот открыл крышку.

Внутри лежало несколько маленьких рулонов, накрученных на деревянные сердцевины.

Валбур развернул первый попавшийся, и увидел странное изображение не то дерева, не то куста, вместо листьев на котором были короткие надписи в одно-два слова. Он удивлённо посмотрел на Скелли.

- Не это, - ответил писарь. – Под ними...

И точно, под рулонами оказался сложенный в несколько раз, как маленькая скатерть, обрезок тонкой кожи. Валбур разложил его прямо на груди Скелли и обнаружил, что всё поле занимает узор из переплетающихся змей. Кое-где змеи раздваивались, у них появлялись отростки, некоторые отростки заканчивались ничем, другие в свою очередь соединялись – одним словом, легче было разобраться в клубке шерсти.

- Ради этого он хотел вас убить? – спросил Валбур. – Ради этого?

- Не представляю. – Старик снова закашлялся кровью. – Это... это... план подземелья. Никто о нём не знает.

- Я слышал про подземелье.

- Про план, дурак!.. Я никогда им не пользовался, я не умею, но если уметь, можно многое найти.

Валбур ещё раз пристально взгляделся в узор. Нет, бесполезно – что дремучий лес, что подземелье!

- Видишь там две линии, под которыми пролегает один ход?

Указанные линии шли вдоль самой кромки карты. Действительно, одна из змей пересекала их.

- Я думаю, - продолжал Скелли, прижимая окровавленную ладонь к животу, - что это Бехема.

- Может быть.

- Ты опять не понял... Если найти этот проход, он приведёт тебя на другой её берег.

- На другой берег?..

- Венедда, что пришли к нам с войной и теперь просят мира, хотят попасть на ту сторону. Они догадываются, что это можно сделать под землёй. Эта карта им бы очень пригодилась.

- Вы хотите, чтобы я им её отдал?

- Ни в коем случае... Всё, что здесь лежит, не должно попасть в чужие руки. Тут ответы на многие вопросы. Эти рукописи бесценны... Там есть ещё карта. Нет, ты не найдёшь, дай мне.

Дрожащими пальцами Скелли нащупал внутри ларца самый маленький и неприметный рулон и развернул перед лицом озадаченного Валбура.

Рисунок ребенка. В глаза бросались надписи, сделанные совсем незнакомыми значками, отличным от более привычной вязи и внешне похожими на расплющенных жучков и паучков. То, что это именно карта, а не просто какой-то рисунок, говорила изображенная по самому центру почти прямая широкая линия, в которой снова узнавалась река. По обе стороны от неё неведомый художник запечатлел по два строения, отдаленно напоминающих избы, но только со странными двойными и даже тройными крышами. Три строения были расположены далеко от реки, одно же стояло прямо на её берегу. Так мог быть обозначен только Вайла'тун. От другого строения по эту сторону реки его отделяла широкая полоса раскоряченных ёлочек, изображающих, скорее всего, лес, точнее Пограничье.

Пока Валбур рассматривал карту, больше самих рисунков его поразили материалы, на которых они были выполнены. Поначалу он решил, что это обыкновенная кожа, только ещё более тонкая, чем обычная, гладкая с обеих сторон и лёгкая. Присмотревшись, он обнаружил, однако, что «кожа» представляет собой едва угадываемую структуру ткани. Скелли, заметив его удивление, скомкал карту в кулаке, а когда разжал пальцы, оказалась, что ткань даже не помялась.

- Может быть, тот человек искал её, - сказал он. - Скрути и спрячь.

- Так выходит, из-за этого рисунка убили его отца? А теперь он из-за него же решил убить вас? И убил столько людей? Что за чушь!

Скелли посмотрел на него с сожалением.

- Не суди по себе. Ты хотел получить ответ. Ты его получил. Теперь ты знаешь больше всех в этом замке. В твоих руках ключи от многих судеб. Если я не выкарабкаюсь, сожги всё. Так будет лучше. Если же мне повезёт, и Мунго вытащит меня обратно, как в прошлый раз, я призову тебя и вознагражу за молчание. Как твоё имя?

- Валбур.

- Возвращайся к Ротраму, Валбур. Скажи ему, что я хочу увидеть «кровь героев» и что наши договорённости в силе. Он поймёт. Ступай и береги его. - Скелли постучал по крышке ларца. - Подожди! - Он

проследил, чтобы все свитки оказались на месте, и запер замок. – И не пытайся открыть. Если не доведётся свидеться, жги, не раздумывая. Ты...

- Я же велел молчать! – На пороге возникла фигура лекаря с мешком снадобий и инструментов. – Вон отсюда!

Он не обратил внимания на ларец в руках Валбура и принялся распаковываться.

- Что с моими друзьями?

- Кому можно было помочь, с теми работают. Эй, Арли, куда ты запропал?

В комнату пошёл парень, который, как уже знал Валбур, служил здесь мальчиком на побегушках. Сейчас он тащил тяжеленный чан с горячей водой и тоже был слишком занят, чтобы разглядывать встречающих.

В коридоре всё было прибрано. Трупы и раненые исчезли. Двое писарей старательно и молча тёрли пол тряпками.

Валбур поискал, во что бы можно было припрятать ларец. Он не до конца поверил высокопарным заверениям Скелли насчёт тайн и всезнания, однако счёл, что будет лучше не вызывать лишних подозрений у окружающих. Выход нашёлся в форме пыльного заплечного мешка, валявшегося у стены под полками со свитками. Ларец благополучно утонул в нём, так что со стороны могло показаться, будто мешок пуст.

Валбур покинул подземелье и вышел на холодный ночной воздух.

Поразмыслив на крыльце башни, он понял, что не может просто так вернуться к Ротраму, хотя предвкушение встречи с Феллой чуть не подталкивало его в спину. Он должен был сперва разведать, что стало с его поплатившимися за отвагу и честность друзьями.

Поднимаясь по закапанным кровью ступеням, Валбур лишь теперь заметил, как здесь всё опустело. Ещё вчера отовсюду раздавались голоса, кто-то спешил навстречу, кто-то загораживал дорогу, кому-то до чего-то было дело. Сейчас все будто попрятались. Не мог же тот странный убийца в широкополой шляпе перебить весь гарнизон и всех домочадцев.

Словно в ответ на его вопрос сверху слышались быстрые шаги, и он увидел девушку, которая, как он помнил, работала тут служанкой. Она отступила к стене, испуганно пропуская его.

- Послушай, - остановился он. – Тебя ведь, кажется, Ильда, зовут?

- Да, - пролепетала она.

- Ты не знаешь, куда подевался народ? Куда отнесли раненых?

- Мунго распорядился размесить их на спальном этаже. Вы не видели моего мужа?

- А кто твой муж?

- Посыльный. Арли.

- Если это тот, о ком я думаю, он сейчас с Мунго помогает ему выхаживать вашего писаря Скелли. Они там, внизу.

- О, значит, с ним всё в порядке! Спасибо вам! Пойдёмте, я вас отведу. Вы ведь один из них?

- Один из кого?

- Из тех, кого прислали, чтобы защищать Скелли.

- Увы, теперь это не причина для гордости. Нас крепко порубали.

- Да, я видела... Ничего, они поправятся.

- Квалу так просто не отпускает.

Поводырь Валбуру не был нужен. Вероятно, после того, что случилось, девушка просто боялась ходить по башне в одиночестве. Только сейчас Валбур представил себе, каким воином, отчаянным и яростным, должен был быть тот незнакомец, чтобы в одиночку пройти всех стражников на воротах и добраться до цели. И если он проделал-таки весь этот путь, означает ли это, что за ним остались груды трупов и раненых? До которых тоже, будем надеяться, кому-нибудь есть дело. Тэвил, что же происходит?

Выйдя на знакомый этаж, Валбур поспешил в комнаты, где они все вместе скоротали теперь уже не одну ночь. Помещения, служившие спальнями для виггеров гарнизона, выглядели подозрительно пустыми.

- Где все? – оглянулся он на служанку.

- Я не знаю...

- Ладно, потом разберёмся. Можешь меня дальше не провожать.

- Лучше... лучше я побуду с вами.

Ночь. Враги стоят у ворот. Пустая башня. Убитые и раненые. Конечно, молоденькой девушке хочется спрятаться за широкой спиной. Не прогонит же он её. Упадёт в обморок – её дело.

Двери были настежь распахнуты. Валбур заглянул в ближнюю. Сюда перенесли Рэя и Логена. Возле них, действительно, колдовали какие-то люди в длинных плащах. Мунго не обманул. На свободных кроватях сидел Дэки и Гаррон – с перебинтованной головой.

- Как они? – с порога спросил Валбур.

На звук его голоса один из посторонних оглянулся, и стало очевидно, что это женщина. Она внимательно посмотрела на новоприбывших и снова склонилась над раненым.

- Похоже, выживут, - отозвался Дэки, протягивая Валбуру руку для рукопожатия. – Ты сам-то как? Я думал, он тебя на мелкие кусочки нашинкует. Ну, брат, ты у нас теперь точно герой! Гаррон, ты видел? А что сказал наш старикан?

- Если ты про писаря, то ему сейчас разговаривать вредно.

Валбур приблизился к кровати, на которой стонал Рэй. Тот был полностью раздет, и Валбуру, глядя на его худое тело и морщинистую кожу, подумалось, что учитель, оказывается, слишком стар для таких

испытаний. Будь он помоложе, едва ли дал бы себя так сильно ранить в ляжку и предплечье.

- Рэй... Рэй, ты меня слышишь?

Он ждал, что женщины – а остальные существа в плащах тоже оказались женщинами, сосредоточенными и безмолвными – зацыкают его, как Мунго, и скажут, что раненому, мол, нужно молчать, однако они лишь покосились на него и продолжили своё дело: промывать, мазать, штопать, накладывать повязки.

- Рэй, - снова позвал он.

Учитель открыл глаза, нашёл Валбура, попытался улыбнуться, но только поморщился от боли.

- Ты жив... - пробормотал он одними губами.

- Рэй, я пришёл отпроситься. Я хочу провести Ротрама. Расскажу ему, что тут произошло. Повидаюсь с ним и вернусь. Ребята, - оглянувшись он на удивлённого Дэки, - присмотрят за тобой. Ты меня отпускаешь?

- Конечно. Иди. Передай, что мы в порядке...

Глаза старика закрылись, и он заскулил, закусив губу. Одна из женщин кривой иглой зашивала ему руку.

- Ты что надумал? – вмешался Дэки, оттаскивая Валбура в сторону. – Теперь уж нам точно нужно держаться вместе. Не надо никуда уходить!

- Надо. У меня есть некоторые вопросы к Ротраму, да и ему неплохо было бы знать про нас и про Скелли.

Дэки, разумеется, ничего не знал о его чувствах к Фелле и не мог заподозрить друга в предательстве из-за любви. Поэтому он только пожал плечами и покосился на Гаррона. Тот пожал Валбуру запястье.

- Пусть идёт, Дэки. Ротрам что-нибудь придумает. Может, отзовёт нас, может, пришлёт подмогу. Удачи, Вал.

Логен тоже прощально махнул здоровой рукой.

Во второй комнате его ждала приятная неожиданность. Авит нервно расхаживал из стороны в сторону, у дальней кровати стояли две такие же женщины, как те, что выхаживали Рэя, а на подушке из-за них выглядывала голова Эгимона. Лицо было спокойным, но не таким, какое бывает у людей, отправившихся на встречу с Квалу. Эгимон был жив. Это было чудо, однако чудо свершилось!

Авит заметил Валбура и остановился. На его детском лице отразилась радость узнавания.

- Наконец-то и ты с нами! Я уже места себе не нахожу. Пойдёмка...

Он вывел Валбура из комнаты в коридор и зашептал:

- Ты знаешь, кто это там с нашими ранеными возится? Не пове-ришь! Тётки из Обители Матерей пожаловали. Сказали, что будут нам помогать. Как из-под земли вылезли, пока тебя не было.

- Похоже, они своё дело не хуже местного лекаря знают. Что говорят, Эгимона удастся спасти?

- Без руки останется. Калекой. Кровищи много потерял. Но крепким оказался. Они там его чем-то напоили, и он при мне заснул.

- Хочешь сказать, он приходил в сознание?

- На лестнице, когда мы его несли. Просил найти руку...

- Вряд ли они ему её обратно приделают, какие бы мастерицы в Обители ни были.

- Да уж, похоже на то... Ты-то как? Не сильно ранен?

- Пока даже не понял. Был тут у Рэя. Он меня к Ротраму отпустил. Пойду схожу, передам, что тут у нас творится.

- Я с тобой.

- С нашими должен кто-то остаться. Я смотрю, виггеры местные все куда-то подевались. Я бы тоже остался, но у меня к нему послание важное.

К ним подбежала Ильда.

- Сестры за водой посылают! Кто-нибудь из вас, пожалуйста, пойдёте со мной. Мне одной не донести.

Валбур выразительно посмотрел Авиту в глаза. Тому сделалось стыдно за свою слабость, и он на прощание только похлопал друга по плечу. Валбур проводил обоих взглядом и не удержался, вернулся в комнату к Эгимону.

Заслышав шаги, женщины оглянулись и неприветливо посмотрели на него.

- Он будет жить? Он спит?

- Это уже зависит не от нас, - ответила одна, помоложе. - Мы сделали всё, что могли. Ему нужен уход и чтобы кто-то был рядом, когда он очнётся.

- Авит будет.

- Это ваше дело. Мы только помогаем. Рука будет долго ещё болеть.

- Так вы её ему вернули?! - поразился он.

- Нет, это невозможно. Ею пришлось пожертвовать. Но когда он придёт в себя, будет болеть так, как будто она по-прежнему есть.

- Как вы сказали?

- Она будет болеть.

- Нет, до этого!

- А что я сказала?

Валбур смотрел на женщину, как если бы увидел приведение.

- Вы сказали «пожертвовать»...

- Ну, да, пришлось. Мы и наши снадобья не всемогущи.

Валбур уже не слушал её. Он выскочил из комнаты, добежал до лестницы и устремился вниз, перепрыгивая через две ступени. Как он мог забыть! Всё из-за этого побоища. Он не о том спрашивал Скелли, совсем не о том! Он упустил главное! О чём собирался его спросить,

когда ещё не знал толком, кто это такой. Пожертвовать! Жертва! Жертвоприношение! Фелла! Её хотели принести в жертву. Именно поэтому за ней охотился фра'ниман Улмар, которого Валбур без зазрения совести отправил в объятья Квалу. Перед смертью Улмар упомянул Скелли. Упомянул как человека, который знает причину. Это подтвердил даже Бокинфал. Валбур думал, что будет помнить об этом, пока не выяснит правды. С нетерпением ждал встречи со Скелли, сам напросился идти с остальными в замок, хотя Ротрам предлагал остаться, напросился, чтобы без посторонних, с глазу на глаз узнать смысл признания о «жертве». И вот ведь как бывает – забыл!

Ему показалось, что до спальни Скелли он добрался во мгновение ока, однако комната была уже пуста: ни писаря, ни лекаря. Те, кто смывали с пола кровь, тоже исчезли. Тэвил! Он ещё некоторое время носился по запутанным коридорам, видел столы, за которыми трудились переписчики рукописей, видел орудия их труда, видел повсюду его результаты, но людей не было. Всё как вымерло. Окажись тут Бокинфал, он бы, наверное, знал, что делать и куда кидаться. Но Бокинфал сгинул, сгинул первым, и было неизвестно, свидятся ли они когда-нибудь ещё. Искать выход приходилось самому.

Валбур взял себя в руки. Что толку бегать тут, если все ушли? Лекарь явно перепрыгнул своего хозяина, чтобы какой-нибудь другой незнакомец в широкополой шляпе не добрался до него. Его можно только похвалить за сообразительность. Если так и было, Валбур вряд ли теперь его найдёт. Местные наверняка знают тут все ходы и тайники. А их в замке должно быть немало. На всякий случай он вытащил из мешка ларец. Засунул в прорезь лезвие. Надавил. Замок легко поддался, и крышка откинулась. К Тэвилу запреты! Разложил на ближайшем столе обе карты и внимательно рассмотрел. Ничего похожего на замок. Заглянул в другие свитки. Там были только тексты и никаких рисунков. Сунул всё обратно и во второй раз за вечер покинул подземелье. Нужно побыстрее добраться до Ротрама и поведать ему о случившемся. Возможно, он подскажет, как быть.

Выход на улицу ему преградил поток виггеров, спешно поднимавшихся долгой вереницей по лестнице.

- Куда вас столько? – не выдержал он.

- Тиван кличет, - ответил кто-то. Остальные просто молча проходили мимо.

То пусто, то густо. Видать, Тиван до чего-то додумался и теперь хочет посвятить десятников и сотников в свои планы. Это даже хорошо. Значит, власть ещё не ушла из рук окончательно. Не лучшее время, чтобы оказываться без тех, кто в состоянии принимать хоть какие-то решения. Кто-то говорил, что армия без головы – сборище вооружённых дураков и бандитов. Не хотелось бы проверять правоту этого наблюдения.

Когда поток воинов иссяк, он закинул мешок на плечо и побрёл через заснеженный двор вниз, к воротам, где ожидал застать кого-нибудь из охраны. Расспрашивать их о незваном госте он не собирался. Те, кто уцелел, едва ли согласились бы признаваться в своём промахе. Однако ни трупов, ни выживших, ни новых охранников он не увидел. Ворота стояли покинутыми. Только на стене над ними слышались приглушённые голоса. Ту же самую картину он встретил и у следующих ворот. И это ночью! После того, как здесь прошли военачальники этих стражей, то ли не обратившие на такую очевидную прореху внимания, то ли посчитавшие, что отныне это в порядке вещей. Нет уж, быстрее к Ротраму, и занимать там круговую оборону. О чём бы ни была достигнута договорённость с разноцветным воинством, враг есть враг, и терять бдительность смертельно опасно.

Добравшись наконец до ристалищного поля, Валбур слегка успокоился, отметив, что хоть там никаких особых изменений не произошло. Люди жили в шатрах вперемишку с виггерами гарнизона, многие даже в такое неурочное время не спали, жгли костры, мужчины грелись вокруг них с оружием, было видно, что простой народ готов к любому повороту событий. Другое дело, что пройти здесь одному храброму воину незамеченным, пусть даже в необычном наряде, было легче лёгкого. Если кому-нибудь всё же вздумается добратся до горла Скелли, ему по-прежнему никто не помешает. Вероятно, лекарь это прекрасно понимал и потому перепрятал своего подопечного. Правильно, потому что Валбур очень надеялся на то, что Скелли доживёт до их следующей встречи. Им есть, о чём поговорить.

Всю дорогу он пребывал в размышлениях о том, что узнал и понял за дни, проведённые в замке. О том, что рассказывал Ахим и что он видел сам. Картина складывалась, мягко говоря, противоречивая и совсем невесёлая. Если кто ещё представлял себе замок неприступной крепостью, где сидят умные правители, владеющие ситуацией и продумывающие следующие шаги, он ошибался. И здесь и там людьми правили страхи и желание проснуться, не видеть этот жуткий, обезоруживающий сон. Прежние хозяева были свергнуты, новые не продержались долго, их остатки пытались что-то предпринять и сохранить лицо, но всем было понятно, что долго им тоже не продержаться. Осталось лишь выяснить, почему враги, добившись перемирия, не спешат войти в Вайла'тун. Какие сомнения мучают их? Если сомнения им вообще ведомы. Потому что, чтобы отважиться на боевые действия среди зимы, нужна недюжинная уверенность в своих силах. Или вопиющая глупость. Всё равно что вызвать противника на бой и связать себя по рукам и ногам. Так победы не делаются. Разумеется, если победа является целью. Может быть, цель в чём-то другом?

Валбур пожалел, что забыл впопыхах ещё одну важную вещь – переговорить с той милой старушкой, которая была толмачихой на переговорах в лагере разноцветного воинства. У неё могли оказаться

ценные наблюдения. Но её тоже пришлось бы искать, теряя время. Сперва, когда она узнала, что её послушница, девочка по имени, кажется, Пенни, ушла из замка, а потом, скорее всего, погибла в устроенном шеважа пожаре, она места себе не находила, кляла себя за то, что не взяла её с собой, думая уберечь таким образом от опасности, которая, оказывается, поджидала с другой стороны. Ахиму впоследствии удалось её чудом успокоить, сказав какую-то ерунду, будто он разговаривал с этой Пенни во сне.

Ахим, Ахим... Заварил кашу, а разгребать предоставил другим. И как только ему удалось одним движением и ценой своей жизни сделать то, чего не смогли опытные, хорошо обученные воины вроде Рэя? Он раз за разом возвращался в памяти к тому приёму со скрещенными мечами, которым старик поразил не только врага, но и его, Валбура, воображение. Вероятно, ключом к успеху была именно нацеленность на поражение противника, а не самосохранение. Кто-то говорил, что, мол, главное в деле бойца – не проиграть. Ахим на собственном примере доказал, что ещё важнее – выиграть. Жаль старика.

Когда впереди вырос высокий забор ротрамовского поместья, Валбур невольно замедлил шаг. Рвущийся среди ночи внутрь чужак рисковал вызвать на свою голову всю мощь бдительной обороны. Едва ли здесь творится тот же разгульный беспредел, что в замке. Нужно соблюдать осторожность, чтобы не получить стрелу в живот или камень в лоб. Ротраму есть, что защищать, а за его бравыми ребятами не залежится.

Валбур встал перед воротами так, чтобы его было хорошо видно в свете полыхающих на заборе факелов, и окликнул стражу. Ему ответили предложением проваливать. Он назвался.

- Нол, это ты там что ли? Давай, открывай!
- Почему ты один?
- Долго рассказывать, открывай.

Его впустили. Нол, невысокого роста крепыш, заключил Валбура в объятия. Так, будто они не виделись несколько зим. Впрочем, синяк под глазом и распухшая после их последней встречи щека успели пройти. Рядом с ним стоял какой-то новый парень, имени которого Валбур не знал.

- Где Ротрам?
- У себя должно быть. Как там?
- Не очень.
- Мы тут сидим, вообще ничего не знаем.
- Может, это и к лучшему.
- Все живы? – забеспокоился Нол.
- Почти.

Валбур в двух словах пояснил свою мысль и увидел, как загорелись глаза обоих слушателей. Хотят мстить, хотят помочь, хотят быть там! Настоящие мужики. С ними ничего не страшно.

- А у вас тут что нового?

- А что у нас может быть? Никто не входит, никто не выходит. Правда, это, кажется уже после вашего ухода произошло: Ротрам вызвал на подкрепление Торни с его пятью десятками виггеров, что должны были замок сторожить.

- Я один из них, - не без гордости заметил парень.

Валбур помрачнел. Вот, вероятно, отчего замок смотрится таким опустевшим. Торни они там не встретили, однако он вспомнил, что того в честь победы на прошлой «крови героев» назначили ко всему прочему возглавлять какой-то специальных отряд гвардейцев.

- А почему здесь, а не там?

- Когда не стало Томлина, нужда в нас отпала.

- Интересное объяснение, - хмыкнул Валбур. – То есть, вы его охраняли, а когда его убили, вас перевели охранять Ротрама? Кому-то не позавидуешь.

Парень стушевался и больше не открывал рта.

- Биртон тоже теперь у нас, - добавил Нол.

Близкий друг и помощник Ротрама представлялся Валбуру человеком дельным. Вот кто наверняка поможет разобраться в содержимом принесённого им ларца. Удачно, что он здесь.

- Феллу не встречал?

- Кого?

Как можно не знать такой девушки!

- Ладно, забудь, сам выясню.

- Кади в Обитель уехала.

А вот это плохая новость. Кади, любовница Ротрама, вернулась к нему накануне известных событий. Если Ротрам снова отпустил её туда, где она, судя по рассказам, жила с самого детства, значит, он считает Обитель более надёжным местом, чем это своё поместье. Либо они опять поссорились. Что вряд ли. Валбур был свидетелем того, как обрадовался Ротрам, когда увидел её после долгой разлуки. Может, попытаться и Феллу отправить следом за ней?

- Как думаешь, они уже спят? – Не для того он спешил покинуть друзей, чтобы ждать до утра.

- Вряд ли. Кому сейчас до сна!

- Ладно, мужики, бывайте! Завтра, глядишь, свидимся.

И Валбур быстро пошёл через двор к дому, благо выпавший за день снег был здесь тщательно собран в два больших сугроба. Его снова окликнули с башни на крыше, он назвался и зашёл в жарко натопленные сени. Не так давно они все вместе ходили сюда на трапезы, смеялись и разговаривали, а теперь, всего через каких-нибудь несколько дней он смотрит на это глазами человека, который не был здесь целую вечность – столько всякого разного произошло.

Нол оказался прав. Биртон перебрался к Ротраму, причём не один, а со всеми своими чадами и домочадцами. Валбур помнил, как

когда-то, ещё в начале знакомства Ротрам провозил его мимо жилья Биртона, и там он тоже видел за высоким забором не одну крышу. Дом Ротрама никогда не отличался запустением, но теперь, даже в столь неурочный час, казалось, здесь собрался чуть ли не весь Вайла'тун. На лавке оживлённо спорили о чём-то четверо стариков. Женщины разных возрастов улыбались гостю. Под ногами мешались громкие дети. Группа мужчин травила шутки у высокого очага. Ну просто второй замок какой-то! Беженцы тут, беженцы там. И это Нол называет «у нас ничего нового»? Похоже, Феллу будет не так-то просто найти...

- Валбур, какими судьбами! – Биртон уже проталкивался к нему и жал запястье. – Мы тут, как видишь, вынудили нашего радушного хозяина слегка потесниться. Зато теперь нам никто не страшен. Женщины и дети в безопасности. Что слышно в замке?

- Я как раз хотел поговорить об этом с Ротрамом...

- Что-то серьёзное? Будет нападение?

- Нет, об этом я не слышал. Не знаешь, где он?

- Пошли поищем вместе. Кажется, он собрался сегодня ночевать в бане.

Биртон накинул на плечи шубу и крикнул кому-то, чтобы начинали укладываться. Старики заспорили ещё яростнее. Кто-то из детей заплакал.

- Твоя семья? – поинтересовался Валбур.

- Не только. Родственники и родственники родственников. Не бросать же их, когда на дворе такие вещи творятся. К тому же, сейчас лишние руки будут поважнее лишних ртов. Ротрам, спасибо ему, это понимает. Пошли.

Хотя до бани можно было дойти по дому, все почему-то предпочитали идти через улицу. Дверь по обыкновению была заперта. На стук открыла Шори. Как всегда почти одетая и ничуть не заспанная. Рыжие пряди были влажными и дымились на ночном холоде.

- Заходите, не выхолаживайте тепло, - буркнула она и повернулась к новоприбывшим ядрёной голой задницей. – Сами всё тут знаете. У меня дела.

Вот такие дела, подумал Валбур, небось, и заставили Кади в очередной раз покинуть своего падкого до женских прелестей возлюбленного.

Ротрам сидел по плечи в здоровенной деревянной кадке с пенной водой, разметав руки по краям, словно обнимая весь мир, и громко спал. Похоже, он пребывал в таком состоянии уже давно, потому что вода в кадке, судя по отсутствию пара, успела остыть.

Валбур перевёл вопросительный взгляд на Биртона, однако тот лишь улыбнулся и подлил в кядку кипятка из чана на углях.

- Я всё вижу, - сказал Ротрам и приоткрыл один глаз. – Варёный я на вкус жестковат.

- Валбур пришёл, - начал Биртон.

- Это я тоже вижу. Потому что выпил совсем мало. Почти ничего не выпил. – Он икнул. – С чем пожаловал?

- Меня Рэй послал. Скелли при смерти. Мы не смогли справиться с нападавшими, и ему сильно досталось. Рэй, Гаррон, Логен тяжело ранены. Рэй хуже всех. Эгимон остался вообще без руки.

- Скелли при смерти?! – Похмелье как рукой сняло. Ротрам выскочил из лохани с такой скоростью, будто Биртон облил его кипятком с головы до ног. Хотя тот стоял, как вкопанный, и потрясённо перебарывал услышанное. – Для чего я вас посылал? Что случилось? Кто напал? Как такое можно было допустить?

Валбур дождался, пока Ротрам спустит на него всех собак, после чего коротко и по существу рассказал о случившемся. Ротрам всё это время машинально вытирался и одевался, не прерывая и вообще как будто не слыша. Когда Валбур закончил, первым заговорил Биртон.

- Валбуру надо вернуться в замок и во что бы то ни стало отыскать Скелли.

- Теперь это будет нелегко, - вздохнул Ротрам. – Поверь мне, я знаю Мунго. А он знает замок. Если он захочет, Скелли никто не найдёт.

- Я как раз... - заикнулся было Валбур о картах, но Биртон прервал его:

- Скелли не станет исчезать. Он ведь понимает, что остался сейчас за главного. Кто ещё будет иметь дело с врагом? Тиван? Не смешите меня. Он храбрый и опытный воин, но не стратег. Его хитрости всем известны.

- Они договорились, - снова подал голос Валбур.

- Кто? О чем?

- Тиван и эти, разноцветные. Он был у них на переговорах. Вернулся с тем, что больше атак на Вайла'тун не будет. Кровопролитие остановлено.

- Вайла'тун сдадут без боя, - подытожил Биртон и выразительно посмотрел на Ротрама. – Кто только уполномочивал этого Тивана?..

- Насколько мне известно, Скелли, - пояснил Валбур. Ему не нравилась манера Биртона говорить так, будто он знает всё наперёд. Наверное, это производило впечатление на Ротрама, но только не на него. – Скелли отстранил от управления замком всех, кроме Тивана, а мне... мне поручил препятать вот это.

Он только сейчас снял с плеча мешок и молча достал ларец. Ротрам забыл о том, что хотел одеться. Биртон усиленно чесал подбородок.

- Он дал его мне, а на словах просил передать вам, что хочет увидеть «кровь героев» и что ваши договорённости в силе. Там хранятся свитки и карты. Но карты замка нет. Я проверял.

- Как я понимаю, это ты сломал замок? У Скелли наверняка был ключ.

- Да, я думал, что смогу найти там...

- ... карту замка, чтобы найти Скелли, - закончил за него Ротрам.

- Это простительно. Давай-ка его сюда.

Валбур передал ларец и почувствовал некоторое облегчение.

- Скелли велел, когда всё уляжется, вернуть ларец ему. А если не уляжется, то сжечь. Не открывая. Эту часть обещания я уже нарушил. Правда, я не умею читать...

- Я что-нибудь придумаю, - сказал Ротрам, осматривая находку и передавая её Биртону. - У меня есть мастера, которые смогут разобрать в замке и сделать точно такой же ящик. А вот хорошего писаря нет. Не надо было отпускать Бокинфала.

- Бокинфал пропал, - напомнил Валбур и тут понял по лицам собеседников, что они ни о чём не знают. - Его забрала жена Томлина на похороны мужа, и случился пожар. На их поместье напали шеважа. Больше мы про него ничего не слышали. Один человек сказал, правда, что он не погиб, а оказался в плену, но никто его с тех пор не видел.

- Про пожар и нападение дикарей мы уведомлены, - медленно проговорил Ротрам, продолжая о чём-то думать. - А вот что там делал Бокинфал... Так кто сказал, что он в плену?

- Один старик. Он как раз враждовал с женой Томлина. Прятался у нас от неё в замке. Кстати, благодаря ему удалось спасти Скелли. Но сам при этом погиб. Станным человеком был этот Ахим.

- Как ты его назвал? - Глаза Ротрама округлились даже больше, чем при вести об исчезновении Бокинфала. - Ахим?!

- Да. Вы его тоже знали?

- Тэвил! Ты тут нам понарассказал такое, что я теперь не только трезвее всех, но, похоже, уже не засну сегодня. Скелли при смерти и исчез, Бокинфал исчез и либо в плену, либо погиб, Ахим точно погиб. Как тебе всё это нравится, Биртон?

- Совсем не нравится. Я с этим Ахимом вашим знаком не был, но от тебя же слышал, что с ним связано многое из последних событий в Вайла'туне. Он ведь был кем?

- Изображал сторожа при доме Томлина. К нему тянулись многие ниточки - от фолдитов, даже из Айтен'гарда. Говорят, он умудрялся общаться с шеважа, и те не трогали его.

- Он считал, что мы все должны объединиться, - вспомнил Валбур.

- Он и вас там успел в свою веру обратить?

- Обратить, не обратить, но рассказывал он интересно.

- «Интересно». Посмотрим, каким «интересом» всё это закончится. Ты, небось, с утра на ногах. - Ротрам похлопал Валбура по плечу. - Пойди выпись, пока такая возможность есть, а утром договорим.

- Теперь, когда вы всё знаете, я бы хотел услышать ваше мнение, что нам делать дальше. Ребята в замке ждут...

- Моё решение? - Ротрам невесело усмехнулся. - Готовиться к «крови героев», вот моё решение. А если серьезно, то здесь у нас не

более безопасно, чем в замке. Тебе незачем спешить обратно. Раненым лучше там, где они могут спокойно вылежаться.

- В замке двери нараспашку и сплошные сквозняки, - не сдержался Валбур. - Стража перебита, а та, что ещё осталась, прячется по стенам. Если бы беженцы узнали, как обстоят дела, они давно бы уже заняли весь замок. На ристалищном поле их удерживает страх перед былым его могуществом. Которого уже нет. Если завтра в Вайла'тун вступит вражье войско, из замка даже не пукнут. Нас сейчас можно брать голыми руками. А вы предлагаете оставить там наших.

- Твои предложения. - Ротрам уже говорил, сдерживая раздражение.

- Или забрать их всех оттуда, пока не поздно, или идти всем миром защищать.

- Кого ты собрался защищать? Ракли гниёт в яме. Его сын сбежал и, скорее всего, погиб. Род Дули прервался. Нам некого защищать, разве что себя самих. Народ ничто больше не объединяет, кроме отчаяния и страха. Кому и ради кого беречь серо-золотые флаги?

- Похоже, ответ на этот вопрос находится здесь, - опередил Валбура Биртон, всё это время бегло изучавший содержимое ларца.

- Нашёл что-нибудь?

- Кажется, даже больше, чем искал. Удивляюсь, что Скелли выпустил такие свитки из рук. Очевидно, он был слишком сильно ранен и плохо соображал, что делает.

- Недостающие места «Сид'э»? - недоверчиво поинтересовался Валбур, подходя к нему.

- Нечто вроде того там тоже есть. - Биртон принялся разворачивать на ладони сложенный во много раз, как платок, кусок тонкой кожи. - Сдаётся мне, что сюда затесались личные записи самого Скелли. Он вёл их, чтобы не позабыть некоторые выводы, которые делал, читая старые хроники. Смотрите, что он пишет вот тут. - Биртон покопался на Валбура, но решил продолжать: - «Сличение свитка 18 Реки со свитком 34 Деяний и свитками 4 и 9 Эригена показывает, что Лиадран являлась женой Дули, а не сестрой, и потому потомки её обладают теми же правами, что потомки Рианнон. Найти Хокана. Олак не узнает». А вот тут, ниже, смотрите: «Хейзит не должен догадаться. Выродок к выродку». - Биртон поднял глаза от кожи. - Скажи мне, Ротрам, я грежу, или мы нашли прямое указание на то, что давно искали?

Ротрам долго всматривался в мелкие значки, и губы его шевелились. Валбуру это показалось скучным, тем более что мысленно он был уже далеко, разыскивая Феллу.

- Да! - выкрикнул Ротрам, сжимая кулаки и скалясь, словно от боли. - Да, да, да, да, да! Ты умница, Биртон! Мы были правы. Валбур, отличная работа! Ты даже не представляешь, какую услугу всем нам оказал! И себе тоже. Это такая удача! Не зря мы с Биртоном вытащили тебя из той вонючей дыры! Проси у меня всего, что хочешь!

- Где Фелла?
- Что? Ах, Фелла! Биртон, ты всё знаешь: где Фелла?
- Последний раз я видел её сегодня, кажется, в обществе Торни.
- Значит, она с Торни, - заключил Ротрам, разводя руками. – Ещё что-нибудь?
- Как мне её увидеть?
- Постой, а почему ты спрашиваешь? Ты...
- Вы же сказали, что я могу просить всего, что хочу. А больше всего я хочу, чтобы Фелле было хорошо.
- Со мной или без меня, - тихо и задумчиво добавил Биртон. – Ротрам, скажи ему.

Хозяин дома посерьёзней. Раскрасневшееся лицо вытянулось и приобрело то выражение, которое Валбур видел на нём чаще всего.

- Она – не совсем то, что ты думаешь. Вероятно, ты считаешь её невинной девушкой, которая только поёт для тех, кто её приглашает на праздники, и всё такое. Но одними песнями сыт не будешь. Это надо понимать. И она это давно поняла. У меня ей понравилось. Я взял её под свою защиту, как тебя, как всех, кому хочется изменить жизнь к лучшему. Она избрала свой путь. Не в моей власти ей помешать. Она сама решает, кому ей подарить очередную песню. Сегодня это Торни. Завтра будет кто-нибудь другой. Если ты так этого хочешь, я могу поговорить с ней. За то, что ты сделал для нас, принесёшь эти рукописи, я готов оплатить ей ночь с тобой.

Валбуру показалось, что он оглох. Он не верил своим ушам. Такие слова не мог произносить Ротрам, которому он верил, которому верили все, кого он знал. Чтобы Фелла вот так, ни с того ни с сего из чистой и невинной девушки сделалась дорогой и матёрой хореной! Разве такое возможно? Может, они говорят о разных?

- Где Торни?

- Тебе не стоит перегибать палку, - упёрся ему в грудь кулаком Биртон. – Давай мы лучше познакомим тебя с Шори. Сзади она гораздо милее Феллы.

- Я перережу вас всех! – закричал Валбур и проснулся.

Он долго не мог понять, где находится. Широкая кровать, на которой он лежал под тёплым одеялом, стояла посреди просторной светлой комнаты. Пахло полевыми цветами и долгожданной весной. В очаге потрескивал огонь.

На краю одеяла голой спиной к нему сидела девушка. У неё были пышные рыжие волосы и шрам на правом плече. Почувствовав, что он смотрит на неё, она оглянулась...

Он снова проснулся.

Обычная кровать. Знакомая, погружённая во мрак спальни для бойцов Ротрама. Шорохи в коридоре и за стеной, где спят такие же, как и он. Правильно делают, потому что надо успеть выспаться, раз завтра снова тяжёлые поединки. Второй день «крови героев». Первый

он преодолел достойно, теперь нельзя оплошать. Утром ему будет противостоять очередной гигант в разноцветных латах. Главное – успеть ударить первым. Если замешкается, погибнет как Ахим.

Кто такой Ахим? Почему это имя не даёт ему покоя? Где он слышал его раньше?

- Если вспомнишь, то проснёшься окончательно.

Кто это говорит? Он ведь уже проснулся. Или нет?..

- Валбур, ты меня слышишь?

Детский мальчишеский голос.

- Валбур, это я, Том.

Как же не хочется открывать глаза! Спать бы и спать, чтобы не думать о словах Биртона и о том, что он за них сделал с обоими. Как тыкал Ротрама пучеглазой мордой в котёл с углями и бил его прищепщика головой об пол. Как поджёг баню и спалил в ней всех этих выроdkов вместе с бесстыдницей Шори. Как отбивался от насеvших на него людей Торни и рубил им руки и ноги, словно мстя не за себя, а за Эгимона. Как кто-то умудрился пробиться к нему и всадил кривой нож в шею. Как он умер и вот теперь, снова... проснулся.

- Валбур!

- Том?..

Глаза открылись сами собой. Улыбающаяся и как всегда хитрющая мордашка мальчика. За его спиной – как всегда сосредоточенная Фелла. Знакомая ямочка на подбородке. Голубые колодцы глаз. Упавшая на чистый лоб прядь рыжеватых волос. Внимательный взгляд.

- Что я наделал... - вырвалось у него.

- Ты не при чём, - сказала Фелла, поправляя прядь длинными пальцами. – Тебя ранили.

- Я сам виноват. Я понимал, что со всеми не справлюсь...

- Но Ротрам говорит, ты сам рассказывал, что противник был один! – опередил сестру Том. – Ты не мог знать, что у него нож с ядом.

- Ротрам? – поразился Валбур. – Он остался жив?

- А что с ним должно было случиться? – Фелла, наконец, улыбнулась. – Сегодня утром, когда сказали, что опасность миновала, и ты пошёл на поправку, он передавал тебе привет.

- И велел пожать руку, - спохватился Том, сжимая холодной ручонкой расслабленные пальцы.

- Так я не убил его?

- Кого? Ротрама? – Фелла потрепала брата по волосам, и тот послушно уступил ей место. – А тебе хотелось?

- Они сказали, что... - Он не стал договаривать, осознав, что это уже не сон, а лишнее слово может испортить всё очарование происходящего. – Что со мной было?

- А ты не помнишь?

- Помню, но как-то смутно. Как заснул, не помню совсем. Я давно тут?

- Ты пришёл несколько дней назад, ночью. У тебя вроде бы было какое-то послание из замка. Но, пока ты разговаривал с Ротрамом и Биртоном, сказала получившая накануне рана, и ты потерял сознание. Наверное, из-за жары в бане.

- Это был ядовитый нож, - возразил со знанием дела Том.

- Да, лекарь считает, что в полученную тобой рану проник яд и вызвал приступ сильной лихорадки. У тебя был бред.

- Ты звал её, - заговорчески подмигнул Том, косясь на сестру.

- Значит, это не было бредом, - нашёл в себе силы пошутить Валбур. – Так это вы меня выходили?

- Они тут не при чём, - прозвучал весёлый женский голос. – Тебя выходила я. Они мне только мешали.

Валбур повернул отяжелевшую голову и увидел подходившую к постели невысокую девушку со смеющимися глазами и подносом в руках. На подносе стояли такие же маленькие, как она, кружки и бутылочки. Он не сразу признал Кади.

- Ротрам не простил бы мне, если бы с тобой что-то произошло.

- Но вы же... вернулись в Обитель!

- Знаешь, как у нас там говорят, - сказала Кади, деловито расставляя принесённые снадобья на стуле возле кровати, - «Обитель для Вайла'туна, а не Вайла'тун для Обители». Я всегда с теми, кто во мне нуждается.

- Вы... чудо, Кади!

- Я тебе тоже по-своему благодарна. Том, принеси-ка мне вон ту ложку и помой её в этом блюде. Ты стал для меня поводом понять, что моё место сейчас здесь, с Ротрамом, каким бы гадким ублюдком он мне иногда ни казался. Достаточно, давай сюда. Фелла, дай-ка мне вон то полотенце. Нет, которое рядом. Ага, да, его. Видишь ли, Валбур, мы, женщины, всегда хотим чего-то несбыточного и часто отказываемся видеть то, что находится прямо перед нами. Когда мы начинаем это понимать, мы оказываемся слишком стары, чтобы применить полученные знания в жизни. Поэтому самые умные из нас поступают вопреки желаниям.

- Или слушаются умных советов, - добавила Фелла.

- Именно. О чём впоследствии стараются не жалеть. – Девушки обменялись улыбками, и Валбур блаженно закрыл глаза.

Теперь осталось лишь понять, в какой момент он провалился в беспамятство. До того, как Ротрам поведал ему о Фелле или всё-таки после? Судя по тем ощущениям, которые сейчас витали в воздухе и ласкали его обоняние и слух, большую часть той злополучной беседы в бане он выдумал. Не мог Ротрам так жестоко с ним поступить. Он был хорошим человеком, к которому тянутся все и даже такие неземные создания, как Кади.

Вероятно, он опять впал в забытие, потому что, открыв глаза в следующий раз, обнаружил у своей постели только Феллу. Она сидела на стуле боком к нему и тихо перебирала струны лингов. Комната освещалась лишь пламенем очага.

- Фелла...

- Меня прислал Ротрам. – Она словно оправдывалась. – Я тебя разбудила?

- Нет, нет, продолжай. Ротрам?..

- Ну, я шла тебя проведать, и он попросил передать тебе привет. Как ты сегодня?

- Послушай, мне показалось, что тут была Кади со своими лекарствами? Я что-то окончательно запутался...

- И Кади здесь, и я, и Том. Он просидел у тебя весь день и пошёл спать.

- Спасибо вам.

- Валбур, мы все тебе признательны, так что нас не за что благодарить. Я ведь знаю, что ты для меня сделал. Том рассказал. – Она отложила жалобно пискнувшие линги и пересела к нему на кровать. – Ты рисковал жизнью ради Тома, рисковал ею ради меня.

- Что у тебя с Торни? – неожиданно для себя выпалил он и заставил себя смотреть, как изменится её лицо.

Фелла удивлённо подняла брови, задумалась, хотела что-то ответить, но с улыбкой промолчала.

- Ты ведь играла для него? – озадаченно настаивал Валбур, понимая, что своими дурацкими вопросами только рубит под собой сук. Под ним была бездна.

- Ты хочешь спросить, спала ли я с ним? – Она провела рукой по волосам. Какие же у неё красивые длинные пальцы! – Нет, не спала. И ни с кем никогда не спала. Только с Томом, когда нам приходилось ночевать не дома. Ты это хотел услышать?

- Да.

- Не знаю, что обо мне могли тебе наговорить, но я не хорена.

- Фелла...

- И я спокойно отношусь к мужчинам. Я знаю, что многим хочется быть со мной накоротке, узнать меня поближе, как вы иногда выражаетесь, поглубже, узнать, из чего я сделана, каково мое тело без одежды, как я выгляжу по утрам и чем пахну. Мне делали соответствующие предложения. Много раз. С самого детства. Не скажу, что мне это всегда не нравилось. Иногда я в душе жалела, что отказываю, но не могла поступить иначе.

- Но почему?

- Ты не поймёшь.

- Попробуй! – Валбур приподнялся на локтях.

- Хорошо, но обещаю, что это останется между нами. Даже Том не знает.

- Обещаю. – Ему не терпелось выяснить причину своего будущего горя.

- Однажды я была влюблена. По-настоящему. В женщину. Она покинула меня. Предпочла мужчине. Бросила. Я всё ещё жду её возвращения и верю в то, что оно состоится, если я сохраню ей верность и чистую совесть. Теперь понятно? – Было видно, что, высказавшись, она досадует на себя.

- Теперь понятно. – Валбур откинулся на подушку, перевёл дух. Он опасался чего-то иного, более страшного и необратимого. – Почему ты сама не можешь вернуться к ней? Первой.

- Потому что я не знаю, где она. – Почувствовав в нём благодарного слушателя, Фелла заметно воспрянула. – Боюсь, её уже нет в живых.

- Как такое может быть?

- К сожалению, очень просто. Ты ведь наверняка слышал о том, что сын Ракли, Локлан, перед самой зимой сбежал из Вайла'туна? Говорят, они отправились на ту сторону Бехемы. «Они» - потому что в это безумное бегство он прихватил с собой нескольких друзей. Среди них была и она, Орелия...

- Красивое имя.

- Оно было ей подстать. – Фелла помолчала. – Валбур, ты не сердишься на меня?

- За что! Ты призналась мне в том, что любишь другого человека, и я могу только ценить твою откровенность. Поверь, я никому об этом не расскажу. Я умею хранить чужие тайны. Мне очень жаль.

- Мне тоже очень жаль, Валбур, - эхом отозвалась Фелла и погладила его по руке. – Ты очень хороший, смелый, верный. В другое время я бы наверняка согласилась...

- Правда?..

Она лишь кивнула и отвернулась.

- Послушай, - спохватился он, испугавшись, что сейчас она уйдёт, и попытался удержать ещё хоть ненадолго, переведя разговор на другую тему. – В прошлый раз ты мне сказала, что я провалялся здесь уже несколько дней. Значит, сейчас прошло ещё какое-то время...

- Сегодня третья ночь, Валбур, - поспешила уточнить Фелла, отворачиваясь, и, как показалось ему, смахивая слезу.

- Тэвил! Целая вечность! Расскажи мне, что произошло там, в Вайла'туне. Там ведь наверняка что-то произошло. Разноцветные пришли? Их пустили? Или была новая битва? Что говорят?

- В том-то и дело, что я знаю лишь то, что говорят. А говорят, кто во что горазд, всё это очень странно и непонятно. Том иногда убегал на смотровую площадку и потом рассказывал, что удалось увидеть. – Фелла помолчала, а он смотрел на неё и думал, до чего же красивый у неё голос. – Короче, два дня назад их войско всем скопом двинулось в сторону замка. Мы думали, какотреагируют на это фолдиты, которые продолжали стоять наизготовку и ждать. Вероятно, их успели преду-

предить, потому что они не стали нападать. Только снялись с лагеря и подошли ближе, чтобы враги продолжали чувствовать угрозу и вели себя прилично. И тут, ты не поверишь, из Пограничья вылетает огромная толпа шеважа и ударяет всему этому воинству в тыл. Никто этого не ожидал. Всадники с лошадьми вязли в снегу и были неповоротливыми, а шеважа, похоже, пользуются такими же снегоступами, что и мы, причем довольно ловко, так что им не составило большого труда добежать через поле до врага и начать крушить его задние ряды раньше, чем те успели толком развернуться. – Когда она вспоминала увиденное братом, глаза её блестели ужасом и восторгом. – Шеважа было очень много, но всё-таки гораздо меньше, чем всадников. И тут фолдиты словно очнулись. Понадевали снегоступы и тоже двинули на неприятеля. Вместе они уже составляли хоть и недостаточную, но немалую силу. Грохот побоища стоял такой, что даже мы здесь его слышали, не напрягаясь. Народ высыпал из домов. Все хотели узнать, что происходит.

- А что виггеры? Неужели замок не стал помогать? – Валбур смотрел на девушку во все глаза, ловя каждое слово.

- Поначалу всё к тому и шло. Мне удалось забраться к Тому. Ротрам стоял рядом с нами и орал так, словно надеялся до них докричаться. Называл трусами и предателями. Все орали. Я думала, что мы свалимся. Тем временем всадники кое-как умудрились перестроиться и бой начался на равных, наши и шеважа наседали, но никто уже не отступал. Как я поняла, эти всадники ведут войну не как наши, всем скопом, а порознь, каждая часть делает своё дело. Том у меня глазастый, первым заметил, что они заняли круговую оборону, а в центре освободили место для чего-то, о чём мы догадались позже. Это были какие-то метательные устройства. И метали они огонь. Что-то вроде горящих камней на пару со стрелами размером чуть ли не с хорошее бревно. Даже Ротрам потом сказал, что ничего подобного раньше не видел. Пока шла битва, эти стрелы и камни полетели в сторону Вайла'туна, добились до ближайших изб и подожгли их. И только тогда Вайла'тун проснулся.

- Я знал! Я знал!

- Народ бросился тушить пожары, чтобы пламя не перекинулось дальше. К счастью шёл снег, и не было сильного ветра. Иначе это был бы конец. Пока одни возились с огнём, другие, видимо, рассвирепев, схватили, что попало, и побежали на помощь фолдитам. Отсюда не было видно, но потом говорили, что среди них были женщины и даже старики. Кому охота, чтобы твой дом сжигали какие-то чужаки! Тут и воинство наше доблестное прорвало. Может, конечно, они к торжественной встрече противника готовились, столы с угощениями накрывали и всякое такое, но только уж больно небыстро до них дошло, что нужно действовать совсем по-другому: выполнять свой долг, а не чей-то приказ. Короче говоря, они повалили из Вайла'туна отряд за отря-

дом, пешими, и ударили всадникам в бок. Только тогда те попятились. Сперва прекратили вылетать огненные камни. Потом мы увидели, что они отступают к Бехеме, теснимые с трёх сторон.

- Здорово! В тиски попали, сволочи!

- Ну да. Тут как раз Кади снизу крикнула, что ты очнулся, и мы не стали ничего досматривать.

- Ради меня?

- Валбур, не глупи! Ты значишь для Тома и для меня гораздо больше, чем я могу тебе об этом сказать.

Он взял её за руку. Она не отстранилась.

- Так что было после? Чем всё закончилось?

- Не думаю, что всё закончилось. Приятель Ротрама Биртон вообще говорит, что это только начало. Они утром ещё послали гонца в замок, чтобы тот выведал подробности. Парень вернулся совсем обалдевший. Говорит, за Стрелянными Стенами настоящее светопредставление: кто по избам забился, кто, наоборот, на улицу высыпал, все при оружии, всюду виггеры рыщут, народ из-под стен замка разогнали, на их место пленных всадников затаскивают из тех, кто уцелел, фолдиты тоже по домам расходиться отказываются, ждут кого-то или чего-то, а в том месте, где был вражеский лагерь, теперь жгут свои костры шеважа и тоже ждут решения.

- Не понял... Они что же, на дружбу что ли нашу рассчитывают? После всего того, что было?

- С ними вообще ничего не понятно. Гонец смог сообщить только то, что понял, а понимал он тоже с чьих-то слов. Говорят, действиями шеважа направлял сам Дули. Да, не смотри на меня так. Дули был их предводителем. Во всяком случае, на том, кто их возглавляет, были его доспехи. Кто-то признал шлем, кто-то меч. А ещё говорят, что у него есть жена, причём из наших, не рыжая. Кто бы мог подумать, что шеважа когда-нибудь сядут за стол переговоров!

- Так они там переговариваются? Вообще-то это именно то, чего добивался один человек, наш с Ротрамом знакомый. Ротрам знает?

- Как только гонец вернулся, они с Биртоном собрались, попрыгали в сани и укатили в замок.

- Кажется, я даже догадываюсь, зачем.

- В самом деле? Потому что даже Кади теперь места себе не находит. Он ей ничего не сказал. Только что, мол, любит и вернётся другим человеком. А зачем ей, спрашивается, другой?

- Ну, может, он не это имел в виду.

- В смысле?

- Перед тем, как я сознание потерял, мы как раз обсуждали с ним и с Биртоном, кто теперь в замке главным должен сделаться. Чтобы власть не упустить. Потому что если власти не будет, Вайла'туну смерть. Я оттуда принёс кое-какие важные рукописи. Меня попросили их передать. Если я правильно помню, Биртон в них быстро высмотр-

рел, что, оказывается, у Ракли, то есть, я хотел сказать, у Дули было на самом деле не одна, а две жены, так что прямым его потомком является не только Ракли, но и ещё несколько человек. Имён я не запомнил, но Ротрам, кажется, их знает.

Он заметил, с каким интересом Фелла его слушает. Сейчас она была такая же прекрасная, как в их первую встречу, только более взрослая что ли, более спокойная, более уверенная в себе. То, что подобная ей девушка сидит на его кровати, ухаживает за ним, делится своими тайнами, само по себе было чудом. Что с того, что она не может ему принадлежать так, как он бы того хотел? Кто он, чтобы хотеть несбыточного? Она рядом, и одно это уже подарок судьбы!

- Ты считаешь, что Ротрам станет выдвигать новых преемников?

- Почему бы и нет? Важнее, кто его будет слушать.

- Он умеет говорить.

- Да уж, этого у него не отнять. Фелла...

- Что?

- Когда всё это закончится, мы сможем хотя бы остаться друзьями?

- Если нет, то Том меня не простит. Конечно, да.

Он почти отважился притянуть её за руку к себе, чтобы поцеловать, но оказался слишком слаб. Девушка мягко высвободилась, улыбнулась и встала.

- Мне пора тоже ложиться. До завтра, Валбур.

- Спокойной ночи, Фелла...

Он, наверное, ещё что-то говорил. Она не дослушала, подобрала линги и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Этот разговор порядком ей надоел, однако теперь она знала, что хотела. Ротрам получил недостающие звенья цепи и теперь попытается этим воспользоваться.

Спальня Валбура располагалась на втором ярусе центрального дома среди ей подобных, обустроенных для гостей. Отсюда Фелле предстояло вернуться в левое крыло, туда, где её давно уже ждут.

Зачем она сочинила эту историю про Орелию? Сказала первое, что пришло в голову. Наверное, чтобы, с одной стороны, не расстроить его отказом и не оттолкнуть, а с другой, предупредить всякие попытки перейти от навязчивых домогательств к никому не нужной близости. Такого мужчину, как Валбур, хорошо иметь любой женщине в роли воздыхателя и защитника. Лишь бы не давать ему иметь себя. Держать на коротком поводке. Кормить несбыточными обещаниями и знать своё дело.

Она вышла на улицу и пробежала через двор, не обращая внимания на охранников, которые наверняка сейчас следили за ней, завидуя тому, ради кого она готова была без застенчивости врать, предавать друзей и мёрзнуть до костей. Раньше она думала, что такое невозможно, что в жизни не может быть ничего важнее её Тома, которому она

слишком рано научилась заменять мать, а потом и отца, но недавно она встретила того, кто одним взмахом сильной руки смёл со стола все её прежние ценности и дал взамен чувство, о котором она раньше боялась и мечтать.

Она толкнула тяжёлую дверь и юркнула в дом. Едкий запах мужского пота настолько пропитал здесь каждый уголок, что чувствовался даже на холоде. Зал для занятий бойцов стоял пустой и покинутый с тех самых пор, как большая часть их отправилась со своим учителем Рэем в замок. Те, кто пришли на их место, здесь не занимались – только ночевали.

Одинокaй факел потрескивал на центральном столбе и грозил в любой момент погаснуть.

Фелла взбежала по лестнице, но пошла не к спальням воинов, откуда доносился богатырский храп, а в обратную сторону, по узкой галерее со скошенным потолком, за которым находилась одна-единственная комната. Дверь была приоткрыта.

Фелла осторожно поставила линги на пол, на пороге сбросила с себя всю одежду и гибкой тенью скользнула под спасительное одеяло, где её уже ждали та самая рука и то самое чувство.

- Я пришла.
- Я это заметил.
- Ты не рад?
- Ты меня разбудила.
- Извини.
- Требую поцелуй.
- Сюда? Или вот сюда?
- Нет, пониже.
- Так?
- Ещё...
- ...
- Достаточно. Ты мне что-нибудь откусишь.
- С каких это пор ты стал меня бояться?
- С тех пор, как узнал тебя.
- Я так изменилась?
- Ты меняешься на глазах.
- Правда?
- Ты становишься влажной.
- Для тебя.
- Похвально. – Смех. – Я это ценю.
- Докажи.
- Сперва расскажи, что ты узнала.
- Почему ты думаешь, что я что-то узнала?
- Ты не из тех, кто зря тратит время. Тебя слишком долго не было.
- Может быть, я отдавалась ему.
- Прекрати или я сделаю тебе больно.

- Сделай.
- Что он сказал?
- Сделай больно, тогда скажу.

Рука с силой сжала её левую грудь. Завтра на этом месте будет синяк. Пять следов – его пальцы.

- Ты был прав. Он принёс Ротраму рукописи из замка, судя по всему, перечни родословных. Говорит, Ракли не единственный потомок Дули. Но он не запомнил имён остальных.

- Бестолочь!
- Ему простительно. Подозреваю, что он даже не умеет читать.
- От него этого и не требуется. Что ещё?
- Неужто этого мало? Теперь ты знаешь, что хотел. Разве я не заслужила ласки?
- Ты заслужила хорошей порки.
- Согласна.
- Иди ко мне.

Она любила отдаваться ему без остатка. Вот уже пятую ночь они проводят вместе, и оба никак не могут насытиться. У него жёсткая борода, волосатая грудь и бестрепетные руки. И он всегда её хочет. Фелле нравится его неутомимая твёрдость. Поначалу она смущалась, но это быстро прошло. Рядом с младшим братом она чувствовала себя умудренной женщиной; среди тех, кого развлекала своими песнями – красивой дорогой игрушкой, которую все хотели, но до которой боялись дотронуться; теперь же она и женщина, и игрушка, и подстилка, и воительница. А сегодня ещё и хитрая лазутчица. Он должен её за это вознаградить.

Она даже не заметила, как он вошёл в неё, и вся задрожала лишь когда ощутила, что прижата к жёсткому настилу кровати его мощным телом, старающимся по привычке её изломать, измять и разодрать. Он был с ней жесток, но она искала в его объятьях именно этого. А потом они вместе рвались в бешеной скачке к отвесной скале, резко обрывавшейся с пропасть, чтобы испытать чувство бесконечного парения, полёта через время и пространство, который медленно кружил их и в конце концов всегда безошибочно доставлял сюда, на это упоительно-неудобное ложе воина, неудобное для сна, но упоительное, потому что до сна ли!

- А теперь ты расскажешь мне, что задумал?
- Нет.
- Ты обещал!
- А ты обещала не вмешиваться в мои дела, певунья.
- Ты груб!
- Можешь меня за это поцеловать.
- Всего-всего...

Она ползала по нему, как кошка, проверяя языком и губами, всё ли на месте и схож ли вкус с тем, что она помнила по прошлой ночи. В

доме Ротрама слишком много соблазнов. Одна рыжая дикарка чего стоит. Разве что не кидается на первого встречного. Зато все они с радостью щенков кидаются на неё. Ротрам знает, чем привлечь и удержать любого воина. Он и её использовал по своему усмотрению, прикрываясь благородным желанием спасти от преследования. На самом деле спас её спящий сейчас и ни о чём не подозревающий Валбур, а Ротрам лишь дал возможность неплохо заработать и свёл с важными людьми. Важными для него, конечно. Взять хотя бы тех железоделов, литейщиков и рудокопов, которых он собирал под своей крышей перед самым вторжением вражеского войска. Ей хватило нескольких песен, чтобы совершенно очаровать собой этих степенных старцев, а когда он намекнул, не приказал, а только намекнул, что было бы неплохо, если бы она показала им что-нибудь из своих танцев, причём не обязательно в одежде, она переступила через женскую гордость, как через последнюю рубаху, и отплясывала перед ними нагишом достаточно долго, чтобы влюбить в себя окончательно. Так что лёгкое унижение оказалось вовсе не позором, а настоящим триумфом. Теперь, когда всё закончится, она будет нарасхват в их домах и домах их знакомых. Едва ли они, покинув гостеприимного Ротрама, про неё забудут. А уж она про них – точно никогда. Они явились в гости на своё собрание раздосадованными и при деньгах, а ушли восвояси счастливыми и почти нищими. Ещё парочка таких вечеров, и она сможет позволить себе прикупить хорошую избёнку поближе к замку. Тем более что в свете последних событий это едва ли обойдётся ей дорого: теперь непонятно, где жить страшнее – возле замка или на окраине, среди фолдитов.

- Ну всё, хватит, уймись, красавица! Я уже весь промок от твоих поцелуев.

- Скользким ты мне ещё больше нравишься.

- Я устал.

- Меня не обманешь. Я хочу тебя.

Он что-то ответил, но она не расслышала, потому что уже снова сидела на нём и во весь опор скакала вперёд, навстречу новой пропасти...

Ночью ей приснился странный сон, как будто она купается в обводном канале, а на берегу стоит незнакомый старик и грозит ей пальцем. Он был по пояс голым, а по груди из раны под самым сердцем текла кровь.

Она проснулась от ужаса, и увидела, что уже давно рассвело. Обычно она старалась покинуть эту не успевающую высохнуть за ночь постель первой, чтобы её не заметили ночевавшие поблизости воины. Ему бы это не понравилось. Но сегодня её никто не разбудил, и теперь она лежала, укрытая до подбородка пропахшей его потом шкурой и смотрела, как он, стоя к ней спиной, умывается в углу комнаты из кадки. При свете дня он казался ей всегда иным, нежели в темноте, когда

она могла лишь чувствовать и воображать его. Волосатая спина сплошь в шрамах, крепкие мускулы, некрасиво свалявшиеся за ночь патлы на лысеющей голове, взъерошенная борода – что уж такого привлекательного она в нём нашла? Для неё самой это была загадка.

Когда он оглянулся, она радостно ему улыбнулась и спросила, как всегда:

- Ты меня любишь?

- Ты уже слышала мой ответ много раз. Вставай. Мы сегодня оба проспали.

- Торни, ты невыносим!

Она подумала о брате и решила, что будет лучше, если опередит его желание во что бы то ни стало разыскать её и рассказать какую-нибудь очередную ерунду. Если про их связь узнает Том, вторым будет Валбур. А ей почему-то очень не хотелось наносить ему эту обиду.

- Дай мне мою одежду.

- Сама, сама!

Она откинула одеяла и позволила ему смотреть, как ходит голышом по его спальне, торопливо одеваясь. В итоге довольными остались оба. Прежде чем отпустить, Торни заключил её в объятия и поцеловал в лоб. Она отстранилась, изображая раздражение, на всякий случай заглянула в смеющиеся глаза и убежала, не забыв прихватить линги.

Улыбка не сходила с его лица всё время, пока он уже в одиночестве заканчивал приводить себя в боевой порядок, надевал и зашнуровывал полагавшиеся ему по долгу доспехи, привязывал к поясу собственными руками выкованный меч в красивых ножнах и выходил на двор проверять, все ли из его людей по-прежнему знают свои обязанности.

Улыбался Торни ещё и потому, что не было причин для расстройства. Хотя вокруг всё уверенно рушилось и шло прахом, в его жизни, казалось, наоборот, начиналась полоса везенья и сплошных удач. Любовь самой красивой девушки Вайла'туна, доставшейся ему девственницей, была при этом далеко не на первом месте. Победить в «крови героев», купить роскошную избу, занять в своё распоряжение сразу несколько кузней, стать воеводой пяти дюжин отборных бойцов и в довершении всего быть избранным аолом наиболее могущественного в Вайла'туне сомода, сомода железоделов, вот чего он играючи достиг всего лишь за какую-то зиму. А если и дальше всё пойдёт так, как он замыслил, то к концу зимы, который наступит теперь уже довольно скоро, его место будет считаться вторым после самого главного во всём Торлоне. И тогда от подобных Фелле у него не станет отбоя. Ей придётся потесниться. Потому что совершенно изгонять её из своей жизни он не намерен. Он злопамятен, но ценит и тех, кто ему чем-то помог. А Фелла не только развлекла его в тот момент, когда он думал,

что умрёт от скуки, но и добыла для него весьма немаловажные сведения. Которыми теперь осталось только правильно распорядиться.

Завидев пятидесятника, к нему подошёл один из ночных дозорных, свер, и доложил, что никаких происшествий или изменений не произошло. С равнодушным видом выслушав сообщение о том, что шеважа по-прежнему стоят лагерем под присмотром фолдитов и части гарнизона, он задал вопрос, который сейчас интересовал его куда как сильнее:

- Ротрам не вернулся?
- Нет, хевод Торни, не вернулся.
- Хорошо, ступай спать.
- Да, хевод Торни!
- Ступай, ступай.

Приятно иметь дело с послушными остолопами! Где только их так муштруют? Неужели на ристалищном поле? Хорошо бы они с таким же умением владели оружием. Однако стоит поспешать, чтобы не подводить своего благодетеля, Ротрама, которому не пресало знать о его истинных замыслах.

Торни отправился на конюшню, где велел оседлать себе коня поспокойнее. Верхом он в своей жизни ездил мало, а потому даже сейчас относился к этому как к вынужденной мере. Время! Сейчас оно требовало решительности. Собственно, как всегда.

За дни осады жители Вайла'туна, похоже, совсем забыли свои былые привычки и совершенно перестали убирать снег перед и между избами. Должно быть, они считали, что сугробы помешают врагу подобраться к ним и таким образом защитят. Глупые придурки! Правда, это указывает на то, что они совершенно не верили в помощь своих, которым тоже придется вязнуть по колено в снегу. Что ж, тут их понять можно: нынешние правители замка своим бездействием добились того, что им окончательно перестали доверять. Тем лучше! Немногие станут возражать, когда этим трусливым себялюбцам предложат достойную замену.

Ему пришлось пробираться окольными путями, иногда умудряясь переходить на лёгкую рысь, иногда бросая послушного коня крутой грудью прямо на сугробы. Скоро продвижение облегчилось поскольку чем ближе к замку, тем оживлённее становилось. Первое, что бросалось в глаза и поражало – обилие лошадей. Совсем недавно они считались непозволительной роскошью, а теперь Торни видел и женщин и даже детей, ведущих великолепных жеребцов, осёдланных, в пополах под уздцы. И почти никому не было до них дела. Все как будто понимали, что эта достойная цена за то, что эти люди, не щадя себя, самоотверженно бросились на захватчиков и сокрушили их, спасая трусов, решивших отсидеться по домам. У некоторых в сёдлах сидели гордые мальчуганы или даже девочки, а отец или мать шли рядом, радостно размышляя о том, как и чем кормить такую животину.

Хотя Торни знал о произошедшем накануне лишь понаслышке, он вовсе не относил себя к тем, кто лишил себя этого праздника. Его место было не в бою, а в поместье Ротрама, которое, случись что, защищать пришлось бы именно ему, а не этим довольным собой людям. И пусть им досталась часть добычи – главное достанется ему.

То и дело по пути попадались мерги, которые парочками или по трое скакали мимо или навстречу и кивали ему, когда замечали яркую нашивку на груди, под распахнутой шубой. Сегодня и в самом деле было не по-зимнему тепло и солнечно. Того и гляди сугробы превратятся в лужи и потекут из-под копыт весенними ручьями. Что до мергов, то считалось, что они следят за соблюдением порядка. Вероятно, по приказу Тивана, кого же ещё? Он один остался из заседавших некогда в тронной зале. Что ж, посмотрим, насколько крепко ты держишься на троне...

- Эй, Торни, ты случаем не в замок? – окликнул его кто-то.

Неохотно остановив коня, он присмотрелся к говорившему и узнал под большущей меховой шапкой Белта, аола «деньжатников», который недавно навещал Ротрама. Рядом с ним стоял, задрав голову, и его помощник с подозрительно похожим именем – Белит.

- Нет, мне и тут пока дел хватает.

- Хорошо, что мы тебя встретили, Торни. Потому что надо бы опять собраться, не откладывая, да обсудить, что делать при сложившемся положении. Мы тут давеча Перита видели, он только за. Может, снова у Ротрама твоего сойдёмся?

Старый хрыч, подумал Торни. Видать, Фелла ему тоже приглянулась. Ну, погоди, дойдут и до тебя руки! А вслух сказал:

- Мысль дельная. Особенно если есть тот, кто сможет это «положение» толком описать. Потому что я пока, если честно, мало что понимаю.

- Вот и обсудим. Ротрам то дома?

- Скоро будет. Я с ним переговорю. Дам знать. Бывайте.

Они что-то ещё стали кричать ему вдогонку, но он больше не оглядывался. Собираться им, вишь, понравилось! Дела обсуждать! Хрень всякая у них на уме, а не дела! Бояться без побрякушек своих остаться, если власть переменится. Если переменится? Обязательно переменится!

Минуя собственный дом, он попрiderжал коня. Со стороны всё выглядело спокойно и прилично. Снег по понятным причинам не убирали и здесь, но зато благодаря этому было очевидно, что никаких посторонних гостей тут не водилось: следы вели с улицы лишь к соседям, его же дворик и крыльцо оставались нетронутыми.

Неподалёку от того места, где дорога сворачивала от канала влево и шла к плачевно известному поместью Томлина, до сих пор испускавшему на всю округу запахи гари, он пустил коня между избами, недолго поплутал, но скоро оказался перед высокими воротами, ничуть

не уступавшими воротам Ротрама. Вот что значит недавняя застройка! Если бы Томлин возводил своё поместье не двадцать с лишним зим назад, а сейчас, он бы непременно окружил его хотя бы частоколом, чтобы задержать дикарей и не дать им сделать то, что они сделали.

Над воротами была будка, из которой высунулся потревоженный стуком стражник. В его обязанности явно не входило узнавать всякого встречного и поперечного, а потому Торни пришлось назваться и ждать, пока парень вспомнит, что хозяин распорядился впускать его без проволочек в любое время дня и ночи.

Двор был меньше чем у Ротрама, но это и понятно: Вайла'тун застраивался отсюда, застраивался плотно, никто тогда не хотел быть вытесненным к Пограничью, так что найти много свободного пространства даже одному из главных, если не главному воеводе Ракли было просто невозможно, не затронув интересов соседей. Торни слышал, что Демвер Железный, когда строил своё поместье, прикупил и снёс несколько соседних изб, отгородившись от внешнего мира палисадом, однако по нынешним меркам он откровенно поскромничал. Теперь здесь обитал его сын и преемник, но тому думать о размерах своих владений было уж совсем недосуг: то, что он замыслил и над чем думал с утра до ночи, могло при неудачном стечении обстоятельств лишить его всего, а могло дать гораздо больше, чем целый Вайла'тун. И зависело это во многом от того, что привез ему он, Торни, и как он, Гийс, этим соизволит распорядиться.

Спешившись и отдав коня подоспевшему конюху, он взбежал на высокое крыльцо и решительно постучал в дверь. Как это было принято у эделей, открыл ему не хозяин, а охранник, лицо которого показалось Торни подозрительно заспанным. Он хотел проводить гостя, но тот лишь кивнул ему в знак признательности и без приглашения вошёл из сеней в просторную светлую комнату, производившую сильное впечатление на любого, оказавшегося здесь впервые. Казалось, что тут собрались и ждут приказа две дюжины закованных в латы сверов и мергов. Только присмотревшись, можно было понять, что это лишь пустые доспехи – столь велико было сходство и столь полными наборы шлемов, кольчуг, перчаток, наручей, железных штанов и блестящих сапог. Доспехи стояли вдоль всех стен на специальных подставках и встречали гостей укорительными взглядами пустых глазниц. В своё время это угрожающее зрелище навело Торни на мысль, что Демвера прозвали «железными» не столько из-за его характера, сколько из-за этой поразительной коллекции, в которую и он сам внёс некоторую лепту, выковав и подарив хозяину парочку затейливых шлемов и рукавиц.

Преемник Демвера, его единственный сын Гийс сидел сейчас в широком и, наверное, удобном кресле спиной к двери и смотрел в окно. При появлении Торни он не поменял позы и только лениво ото-

рвал от подлокотника руку с оттопыренным указательным пальцем. Вероятно, это должно было означать приветствие.

- Вижу, что ты решил прозябать в праздности, - заметил Торни, обходя кресло и любуясь игрой солнечных лучей на доспехах. – Скажу сразу – не самое удачное время.

- Праздность действия не есть праздность мысли, друг мой, - ответил Гийс. – Я думаю, и ты мне мешаешь.

- Тогда считай, что я принёс тебе свежую пищу для ума. Пищу, которая только усилит твой голод. Если ещё есть, что усиливать, - добавил он, встречая и выдерживая тяжёлый взгляд голубых глаз под белёсыми бровями.

- За это можешь не переживать. Я и вправду готов съесть твоего жеребца, закусив собственным конюхом.

Он видел в окно, как я приехал, понял Торни. Что-что, а врасплох его не застать.

- Конюх тебе ещё пригодится. Я пришёл рассказать, что удалось узнать о планах твоих бывших друзей.

- У меня давно нет друзей.

- Тогда назови их нынешними врагами.

- Хочешь сказать, ты знаешь планы всех жителей Вайла'туна?

Сегодня у него особенно подавленное настроение, подумал Торни. Сидение взаперти и обширные запасы крока не могут не сказаться на мировосприятии. Но попробуй предложить ему прогулку вдоль канала, и он возненавидит тебя пуще собственного отца! О чём Торни имел самое что ни на есть определённое представление, поскольку не одну зиму был вхож в этот дом отчасти как доверенный кузнец, отчасти – наставник подрастающего наследника в искусстве владения разным оружием. Почему-то отец Гийса доверял в этом отношении больше Торни, нежели прославленным учителям из замка.

- Я хочу сказать, что тебе не стоит столько пить, бывший воевода Гийс.

Удар пришёлся в слабое место, и сидевший в кресле разом стряхнул с себя притворную вялость.

- Вероятно, у тебя и в самом деле полный рот хороших новостей, раз ты не боишься ответить за «бывшего».

- Это уж тебе судить, насколько они хороши. Не возражаешь? – Не дожидаясь приглашения, Торни снял и бросил на единственный здесь сундук шубу, а потом сел сверху, показывая, что разговор обещает быть долгим. – Что тебе уже известно?

- Да, - отмахнулся Гийс, - рассказывай всё подряд. Мы сколько не виделись? Дней пять? Вот тебе и вешки. Я слушаю.

- Нападавшие разбиты.

- Это знаю.

- Возле замка я пока не был, но их коней народ уже разбирает по домам.

- Хорошо, что я не стал вкладываться в их разведение, хотя один дурак мне предлагал.

- Дикари застряли лагерем и не уходят. Их вожак в доспехах Дули, похоже, настоящих, должен быть сейчас в замке и обсуждать условия перемирия.

- Чему в немалой степени обязан моему покойному родителю, полагаю.

- При нём находится вабонка, которую он называет своей женой и которая, возможно, имеет что-то сказать в его поддержку.

- ... или на худой конец перевести его дикарскую брехню. Уверен, что ты не только поэтому ко мне пожаловал. Что на самом деле происходит?

- На самом деле происходит то, что твой главный друг, а именно Скелли, лежит где-то в замке с пробитым боком и вот-вот испустит дух. При нём его верный Мунго, который и лечит, и прячет его. Ну как, чувствуешь новый вкус к жизни?

- Нет, но ход твоих мыслей мне начинает нравиться.

- Тогда слушай дальше. Кто его порезал, мы не знаем. Убийца сам был убит. Не ты ведь его подсылал?

- Не стану отрицать, что такие мысли у меня были, однако подобное я мог бы поручить разве что тебе. А ты бы, скорее всего, отказался.

- Наверняка. Не знаю, удалось ли его отыскать, но наш человек сказал, что не смог этого сделать.

- Скелли так хорошо умеет прятаться или наш человек не умеет искать?

- Нашему человеку очень важно было его найти. Поэтому предлагаю остановиться на первой причине. Единственный, кто знает это наверняка – Ротрам, который сейчас находится в замке вместе со своим помощником Биртоном.

- ... потому что ему там нужно что?

- Всего-навсего решить вопрос, кто будет впредь сидеть на троне.

Гийс оттолкнулся от подлокотников и встал с кресла. Он слегка сутулился, как делал его отец, когда о чём-то усиленно думал, и ничем ровным счётом не напоминал Торни того доверчивого юношу, который совсем недавно делал первые шаги в лабиринте взрослой жизни. Он зачерствел, не утратив гибкости ума, постарел душой, но не телом, познал разочарования, но не сомнения, отбросил за ненужностью меч и щит и взялся за лопату, которой гораздо удобнее все эти лабиринты срывать под корень, нежели прорубать новые ходы. Он был определённо готов к тому, что уготовала ему проказница-судьба и не знающая страха фантазия Торни.

- И почему вдруг Ротрам решил вмешаться в животрепещущий вопрос наследования власти именно сейчас?

- Вероятно, потому что у него на то появились веские основания.

- И ты, разумеется, знаешь, какие.

- Не точно, но догадываюсь. Скелли имел неосторожность... да, да, не смотри на меня так, с ним такое, выходит, случается, когда он сильно ранен... так вот, он имел неосторожность поделиться с нашим человеком кое-какими своими выписками из старых рукописей, а тот по простоте душевной не нашёл ничего лучше, как вручить их по прибытии Ротраму. Он не запомнил имён, которые при нём назывались, но понял, что речь идёт о родословных, связанных с Дули. Судя по ним, Ракли далеко не единственный его потомок.

- Всегда так думал!

- Умным людям вообще свойственна эта слабость – думать, - усмехнулся Торни.

- И это всё?

- Ещё я надеялся услышать от тебя слова благодарности.

- Правда? За что?

- Ну, например, за то, что не оставил тебя в тяжёлый час, как другие, а продолжаю водить с тобой довольно близкую дружбу. За то, что снабдил тебя теми известиями, которые помогут тебе осознать, что нужно, а чего не нужно сейчас делать. Наконец, за то, что готов рискнуть всем и поставить за твоей спиной полсотни храбрых парней, которые помогут тебе восстановить в замке порядок и справедливость и посадят тебя на главный из тронов тронной залы.

- Троны тронной залы... Я бы с удовольствием первым же своим распоряжением отправил их на дрова.

Торни развёл руками:

- Кто тебе мешает? Покажи, у кого кишка тонка с тобой тягаться, и пускай в печку хоть всё деревянное убранство замка!

- Половины сотни для этого мало.

- Гораздо лучше, чем ничего.

- Не ты ли мне говорил, что Ротрам под предлогом своей дурацкой «крови героев» сколотил чуть ли не маленькую армию сорвиголов, готовых за него хоть в Пограничье пойти, хоть в Бехему нырнуть?

- Говорил. Однако их не так много, чтобы называться «армией». К тому же, последние события неплохо их потрепали. Кого-то уже нет в этом мире, а кто-то лежит почти при смерти. Чтоб ты знал, сейчас его поместье защищают мои люди. Считай, что он у нас в руках.

- Насколько я тебя понял, он не у нас в руках, а в замке. Там же засел Тиван, с которым они наверняка сейчас ведут беседы, и там же прячется Скелли, играющий свою игру.

- Не забывай: играющий её в полузабытии и сам с собой. У него больше нет ни Томлина, ни его коварной жены, Йедды, которые имели бы неоспоримые преимущества, окажись живы, но их нет, как нет и их несусызного потомка, перепачкавшего собой не одну простыню в тамошних покоях, пока его тщетно готовили к роли Высочайшего и Величайшего.

- Превосходно! Но сдаётся мне, что мы что-то всё же упускаем в этом раскладе из вида.

- Ты не знаешь, за кого будет ратовать Ротрам?

- Это не так сложно выяснить. Да и есть у меня на этот счёт некоторые догадки. Меня, как ни странно, больше заботит другое: участие во всём этом Обители Матерей.

- Тэвил! Гийс! А они-то при чём?

Сын Демвера прошёлся по комнате, постоял у окна, глядя на улицу, погладил застывшие в тщетном ожидании хозяев доспехи.

- Ты раньше кем был, Торни? Кузнецом?

- Я и сейчас кузнец.

- Вот видишь, и ты этим даже гордишься. А я всю жизнь проторчал в замке и научился понимать кое-что такое, что может быть не слишком заметно со стороны. Обитель Матерей при всём! При всём, Торни! Хотя нам, конечно, хочется думать, что это просто сборище сумасшедших старух, охочих до юных девочек. Тебя никогда не занимал вопрос, отчего одни вкалывают всю жизнь, и у них в итоге за душой не остаётся ничего, а другие ничего вроде бы не делают, зато у них есть всё, всегда и в таком количестве, которое им просто не нужно? Это что, происходит по рождению? Или потому, что Скелли занёс их за мешок монет в список почтенных эделей? Ничуть не бывало. – Гийс снова опустился в кресло. – Не забывай, что до некоторых пор у меня был неплохой учитель, Ворден, считавшийся главным проповедником культа героев. Слышал о таком?

- Это не тот ли, после смерти которого поговаривали, что его убили?

- Его действительно убили, и я даже знаю, кто именно. Но суть не в этом. А в том, что он успел сказать немало правильных вещей, часть которых я запомнил, несмотря на тогдашнюю свою дурь. Так вот, он говорил, что важно вовсе не то, у кого много денег, а то, кто позволяет им их иметь. Понял намёк?

- Да, но при чём здесь Обитель?

- Как я уже сказал: при всём. И если ты не вспоминаешь про неё даже в такие моменты, как сейчас, это и есть лучшее доказательство её заслуг. Готов поспорить, что если мы сейчас войдём в замок, то обнаружим там немало этих Матерей, которые под видом помощи делают своё обычное дело – всё вынюхивают и высматривают.

- Кстати, я как раз хотел обсудить с тобой прогулку в том направлении. Или ты предпочитаешь, чтобы столь важные вопросы, как передача власти, решались без нашего посильного участия?

- Почему ты так настойчиво говоришь о «передаче» власти. Передавать можно только то, чем обладаешь. Как мне представляется, сейчас речь не о передаче, а о делёжке.

- Не вижу разницы. Главное – не опоздать.

- Не согласен. Мой отец часто опаздывал на совет в тронную залу, но потом заставлял всех поступать по-своему. Не опаздывать и делать что-то вовремя - разные вещи. Я предпочитаю второе. Сперва мы должны узнать, кто что там замыслил, на кого сделал ставку, а тогда уже можно и своё слово сказать.

- Так мы идём в замок?

- Ты слышал, что я говорил?

- Да, но ты сбил меня страшным рассказом про Обитель.

- В таком случае, повторяюсь. Мы никуда не спешим. Чтобы не опоздать.

- Интересно...

- Наше время наступит тогда, когда все остальные решат, что они окончательно определились в своих предпочтениях и намерениях. Ты представить себе не можешь, какая скука сидеть на этих советах и надеяться на то, что твоё предложение не затопчут, а тебя не поднимут на смех. Как ты и сам можешь догадаться, окончательное мнение принимается большинством. Это унижительно. Если большинство составляют дураки и пройдохи, общее мнение известно наперёд. И чтобы с ним ужиться, нужно либо перейти на их сторону, либо похоронить его. Вместе с ними. Ужиться легче всего с покойниками. Они никогда не возражают.

Торни почувствовал в словах Гийса зерно истины. При этом он не был внутренне готов к тому, чтобы прятаться и выжидать, о чём откровенно предупредил.

- Я и тебе не мешаю, - продолжал Гийс. - Если хочешь, могу подарить промасленную верёвку, чтобы не мучиться, когда будешь вешаться.

- Послушай, я пришёл поговорить серьезно и рассказал всё, что знаю!

- Немного, но и на том спасибо.

- Тебе не кажется, что пока ты сидишь тут взаперти, там, на улице, вся наша жизнь меняется так, что уже никогда не будет прежней? Ты ведь понимаешь, что эти люди сумели общими усилиями одолеть не самого лёгкого врага? Скажем, если бы ты сейчас занимался столь выгодным делом, как разведением лошадей, завтра тебе бы было нечего есть, потому что захваченных лошадей теперь всем вдоволь.

- Я не развожу лошадей.

- Я к примеру.

- ... а если бы разводил, то по-прежнему не слишком переживал, потому что занятие это не из простых, лошадей надо знать, а просто поставить кобылу в стойло и надеяться, что завтра она разродится потомством - глупо, потому что желателен ещё и конь. А я готов поспорить, что среди лошадей, на которых к нам пожаловало это войско, нет ни одного коня. Кони менее выносливы при дальних походах и обладают весьма неудобным норовом. Так что рано или поздно захваченные кобылы передохнут, и всё снова вернётся ко мне,

ченные кобылы передохнут, и всё снова вернётся ко мне, коневоду. Кстати, неплохая мысль! Я об этом подумаю.

Торни не нравилось оживлённое настроение собеседника. Угрюмым он казался более естественным.

- Гийс, послушай, неужели ты не хочешь узнать, что сейчас творится в замке?

- Там всегда что-нибудь творится. — Заметив болезненную гримасу на лице гостя, снисходительно добавил: - Пойми, я провёл в его каменных стенах большую часть своей жизни. И кое-что понял. Не бойся опоздать. Бойся поспешить. Вот мой отец был умён, но поспешил. Его больше нет. Он добился лишь того, что какой-то самозванец напялил на себя доспехи Дули и решил, будто имеет полное право выдвигать нам свои условия перемирия.

- Признай, что если бы не дикари...

- То ничего бы не изменилось. Разве что лошади, как ты говоришь, остались бы в руках их хозяев.

- Кое-кому пришлось бы потесниться.

- Не отрицаю. Но всё это может произойти и сейчас. Ты, Торни, считаешь, что выигрывает тот, кто устанавливает правила игры. А я, что тот, кто лучше в неё играет. В этом наша с тобой разница. Я выслушал тебя, я благодарен тебе за донесение и сочувствие, но если ты и впредь хочешь, чтобы мы действовали сообща, тебе придется довериться мне. Довериться полностью. Чтобы выиграть, нам нужно знать все правила.

- Допустим, я согласен, - неохотно ответил Торни, вставая.

- В таком случае, у тебя два пути. Вернуться к Ротраму и ждать, с чем он пожалует обратно после переговоров. Или попытаться пройти в замок и выяснить всё на месте. Предполагаю, что осуществить последнее будет значительно труднее.

- Я попробую.

- А как ты объяснишь Ротраму причину, по которой бросил его дом?

Торни задумался.

- Посему предлагаю не тратить время, а возвращаться к твоим пяти десяткам и готовить их послужить нашему делу. Когда я решу, что пора действовать. А до тех пор ты будешь оставаться отличным кузнецом, другом Ротрама и, как там у вас это называют, аолом вашего сомода. Я могу считать, что мы договорились?

Они никогда не пожимали рук. Но по выражению лиц было понятно, что оба согласны и впредь рассчитывать друг на друга. В глазах Торни читалось разочарование услышанным. В глазах Гийса — видение того, к чему всё придёт, если следовать его наитию.

Покинув его, Торни некоторое время гарцевал на коне по проулкам, собираясь с мыслями и решая, куда же направить бег своего отдохнувшего и подкрепившегося на дармовщинку четвероногого това-

рища. Замок манил. Там собрались все, от кого хоть что-то могло зависеть. Но Гийс был прав: его туда едва ли пустят, даже если он найдёт какой-нибудь повод потолковать с Ротрамом. Не скажет же он, что решил выяснить положение своего сомода, когда речь пока идёт об общих правилах будущей жизни? Да и Ротрам того и гляди отругает, поскольку рассчитывает, как прозорливо заметил Гийс, что в его отсутствие именно Торни поставлен следить за порядком в доме. Хороший солнечный денёк – ещё не повод думать, будто ничего плохого не может произойти.

Словно в подтверждение своих размышлений он услышал крики и увидел, как по проулку бежит человек с вытаращенными от ужаса глазами, а по пятам за ним, перескакивая через сугробы, несутся трое разъярённых мужиков, судя по одежде и простецким топорам, обычные фолдиты. Не успел несчастный сообразить, представляет ли всадник новую угрозу или, наоборот, спасение, как один из них, старик в неказистой лисьей шапке, настиг его сбоку, сбил с ног и в следующее мгновение со всего размаха опустил топор на кричащее лицо.

Даже конь под Торни от такого зрелища попятился и заржал.

Убивать людей среди бела дня, собственными руками да ещё при посторонних свидетелях было в таком раньше спокойном Вайла'туне делом неслыханным. Конечно, всякое происходило, но чтобы так вопиюще открыто и нагло! Двое стояли, поигрывая топорами, и смотрели на Торни. Убийца стёр со лба брызги чужой крови и оскалился. Всадник явно хотел что-то сказать, но передумал, потянул за уздечку и нарочито неторопливо поскакал в сторону.

- Пусть бы только сунулся, - выдохнул ему вдогонку облако пара старик и с противным чавканьем высвободил топорище из черепа жертвы. – Прошло их время.

- По-моему, это был никакой не эдель, - сказал второй, молодой парень с внимательными серыми глазами. – Мне даже показалось, что я узнал коня.

- Узнал коня? – хохотнул третий, подходя к убитому и теперь заметно прихрамывая, хотя эта хромота только что не мешала ему успешно преодолевать сугробы. – Тангай, сдаётся мне, что наш Хейзит совсем от людей отвык. Пора ему домой возвращаться.

- Как и тебе, Фейли, - ответил юноша, отворачиваясь от трупа и оглядываясь по сторонам. – Пока мы за ним гнались, я, признаться, заблудился, но сейчас мне кажется, что до матушкиной таверны отсюда не так уж далеко. Если я прав, то впереди, в нескольких избах отсюда обводной канал. Нужно идти назад и вон туда. Тангай, сходишь со мной?

- Мы все с тобой сходим, когда вернём то, что награбил этот ублюдок, тем беззащитным женщинам. – Старик в лисьей шапке со знанием дела обшаривал пазуху убитого. – Я боялся, что он окажется не таким жадным и выбросит его по дороге.

Он торжествующе потряс в воздухе позвякивающим кожаным мешочком размером с кулак. Дело было сделано.

- Может, ты вспомнишь, как их найти? – поинтересовался Фейли, обращаясь к Хейзиту. – Я всё больше под ноги смотрел.

- Я помню дорогу, - ответил за юношу Тангай. – Отдадим деньги, заглянем в таверну и пора возвращаться в расположение Тэрла, пока нас не хватились. Мы же не хотим, чтобы Гверна стала волноваться. Да и Вайн с его двумя жёнами – не лучшая защита для неё и твоей сестры.

- Каур с сыновьями ещё вчера собирался сбежать домой, - напомнил Хейзит. – Должно быть, они уже там в полном сборе. К тому же, мы все теперь знаем, где находятся шеважа.

- Я бы не был так в этом уверен, - сказал Фейли. – Дикари многолики. Не думаю, что они все разом покинули Пограничье. На твоём месте я бы послушался Тангая.

Хейзит не стал спорить. Если с Тангаем он по привычке то и дело цапался, то Фейли доверял безоговорочно. За то время, что они были близко знакомы, то есть с пожара на заставе, Фейли всегда проявлял себя как достойный уважения воин и друг. Он не оставил в беде их общего знакомого, старого писаря Харлина, довёл его до туна Тэрла, оставался при нём, защищал, подбадривал, а когда пришла весть о появлении на подступах к Вайла'туну нового врага, одним из первых стал призывать фолдитов немедленно подниматься и вставать на защиту. С Хейзитом они снова встретились уже в походе, когда аолы большинства тунов выбрали своим руководителем Тэрла, знавшего толк в подобных предприятиях. И так получилось, что после перерыва Хейзит из всех своих бывших знакомых, включая арбалетчика Мадлоха, и некогда бритого, а теперь отпустившего длинные волосы Фокдана, вновь сошелся именно с Фейли. Харлина в поход не взяли. По словам Фейли старик был не так уж плох после пережитого, однако о том, чтобы ему взять оружие и сражаться, речи быть не могло. Одного стояния в нерешительности, продлившегося несколько дней, было бы достаточно, чтобы он подхватил простуду и того и гляди окочурился. Когда пошла атака на врага, Хейзит лишний раз убедился в том, что не напрасно примкнул к Фейли. На пару с Тангаем они рубились настолько самоотречённо и здорово, что даже Тэрл потом отдельно упомянул их ратные подвиги добрым словом. Сейчас Хейзиту казалось, что он пытается всячески оттянуть миг расставания, который неизбежен, потому что для него важнее всего были мать и Велла, а для Фейли – беззащитный старик. И если им суждено снова разойтись своими путями, то пусть это произойдет с чистой совестью.

Они уже собирались последовать за Тангаем, бросив изуродованный труп на произвол судьбы, когда их окликнул высоченный детина, невесть откуда проявившийся в проулке. Лицо его тоже показалось Хейзиту знакомым.

На него вообще последнее время, пока они бродили по Вайла'туну, выполняя мудрое указание Тэрла и поддерживая столь необходимый сейчас порядок, снизошло какое-то странное ощущение постоянного узнавания. Так было лишь раз прежде, когда он вернулся домой после долгого отсутствия на заставе. Он не только узнавал старое, но и высматривал знакомые черты у людей, которых думал, что никогда не вспомнит. А теперь ещё и у животных. Потому что лошадь, на которой ускакал незнакомец, чем-то напомнила ему одну из тех, которых он давно, словно в прошлой жизни, видел у друга своей семьи, торговца оружием по имени Ротрам.

- Эй, мужики, это вы его грохнули? – Детина стоял открыто, не прячась, и указывал длинным мечом на убитого.

- А тебе-то что? – вызывающе расправил плечи Тангай. – Жалко стало?

- Наоборот совсем. – Говоривший подошёл ближе, а на его место из-за двух соседних изб вышло ещё трое, судя по вооружению, виггеров. – Мы сами таких ищем. Эта ведь тушка когда-то фра'ниманом была?

- Может и была. Мы не приглядывались. Зато больше не будет чужие деньги красть.

- Рой Стивол, - сказал Хейзит.

Верзила повернулся к нему.

- Ты ведь тот свер, который недавно приходил к нам из вражеского лагеря. Ты говорил с Тэрлом, а потом тебя увёл Ахим. Я тебя запомнил.

- Прости парень, но твоё имя я запомнил.

- Его зовут Хейзитом, - ответил за друга Фейли. – Кажись, я тоже тебя узнаю. С таким ростом немудрено. Так вы что ж, за фра'ниманами охотитесь?

Рой Стивол и трое его сопровождающих выдержали многозначительную паузу, рассматривая новых знакомых.

Вопрос был задан прямо, но ответ на него требовал некоторой осторожности. Фолдиты на своё счастье очень редко имели дело с фра'ниманами и потому вовсе не обязаны были разделять чувств тех обитателей Вайла'туна, которым приходилось сталкиваться с ними по меньшей мере раз в десять дней, когда те приходили забирать оброк, гафол. Раньше Рой Стивол не имел бы ничего против этого, поскольку тогда деньги шли напрямую на прокорм его братьев по оружию. Но с некоторых пор фра'ниманы стали работать не столько на замок и общее благо, сколько на казну, занимавшуюся дальнейшим распределением гафола, то есть, по большей части на самих себя. Последней же каплей была его недавняя встреча, как правильно заметил Хейзит, во вражеском лагере с одним таким типичным представителем этого племени бессовестных негодяев и наглых воров, встреча, которая открыла ему глаза и заставила при первом же удобном случае заняться

восстановлением утраченной справедливости. Найти соратников тоже не составило труда. Они вместе бились возле Бехемы и видели, сколько среди орущих врагов было этой носатой и пучеглазой нечисти, вооружённой до зубов, но прикидывавшейся мирными жертвами, в широких меховых шапках или жёлтых и зелёных повязках вместо шлемов. Тэвил, да после такого самое милое дело заняться поголовным искоренением им подобных у себя дома!

- Вы про ибри что-нибудь слышали? – ответил Рой Стивол вопросом на вопрос.

- Нет, не приходилось, - признался Фейли, ища поддержки в попрежнему настороженных взглядах сотоварищей.

- Ну так знайте, что почти все фра'ниманы – это ибри. Они есть и у нас, и у тех, что пришли к нам воевать, и даже, говорят, у шеважа. Народ в народе. Я собственными глазами видел своего соседа, фра'ниана, разгуливающим по вражьему лагерю. И это стало последней каплей. Теперь я не остановлюсь, пока не изведу их всех под корень.

- Которого, судя по названию, у них нет, - заметил Фейли.

- Мне наплевать, чего у них там нет! Мы уже отловили двоих и отправили обратно к их лупоглазой Квалу. Поможете нам? Вчетвером нам нескоро удастся с ними справиться.

- Дело хорошее, - хмыкнул Тангай, припоминая свои личные счета с фра'ниманами. – Я бы на том ублюдке, что изведаль моего топора, не останавливался, но нам помимо этого ещё нужно кое-чего успеть. Так что хорошей вам охоты, господа хорошие, а мы пойдём своей дорогой.

И он первым направился прочь, сделав знак Хейзиту и Фейли.

Рой Стивол остался стоять, глядя им вслед.

Отойдя подальше, Тангай оглянулся на спутников.

- Ну, что думаете?

- Этот дылда, по-моему, дело говорит, - почесал за ухом Фейли. – Замечательно, что раньше виггеры вроде них этих фра'ниманов честно защищали, а теперь раньше других опомнились.

- Раньше они чужие приказы выполняли, а теперь своей головой начинают помаленьку думать. Ещё немного, и тут начнётся открытая поножовщина. Всем захочется за прошлые несчастья с обидчиками расквитаться.

- Так и до новой войны недолго, - сказал Хейзит, различая впереди дом, от которого они начинали свою погоню.

- Можно подумать, старая уже закончилась! Нет, братец, ты не догоняешь. Просто раньше замок со всеми нами втихаря воевал, а теперь мы учимся сдачу давать. Эй, хозяйюшки!

Это уже относилось к двум женщинам, вышедшим на шум голосов к ним навстречу. У одной на руках лежал меховой свёрток с ребёнком.

- Вот ваши кровные. – Тангай вложил мешочек с деньгами в дрожащую руку той, что выглядела постарше. – И больше не теряйте.

- Не зайдёте к нам угоститься? – предложила вторая, мать ребёнка. – Мы тут хлеб испекли, отведаете.

- Оно бы, конечно, хорошо, - смутился Тангай, - но мы и так по вашу душу задержались.

- Мев, принеси им тогда в дорогу, - засуетилась женщина. – Или поддержи-ка Локлана, я сама сбегаяю. Погодите тут, я мигом!

Хейзит перехватил удивлённый взгляд Фейли. Похоже, они подумали об одном и том же.

- Шелта вас с пустыми руками не отпустит, - усмехнулась Мев. Она повернула проснувшегося малыша так, чтобы он видел всех. – Вот, смотри, какие хорошие дяди. Они нам деньги вернули и плохого дядю наказали. Смотри, чтобы таким же вырасти.

- Так тебя Локланом зовут? – Фейли потрогал розовый носик малыша пальцем, чем вызывал на крохотном лице восторженную улыбку. – Знавал я одного Локлана...

Мев прикусила язык и невольно попятилась. Но тут снова появилась её подруга, принёсшая целое лукошко какой-то всячины. Тангай попытался мягко воспротивиться, однако она чуть не силой всучила ему угощение со словами:

- В дороге пригодится.

- И как такие женщины не боятся без мужиков нынче жить? – вслух удивился Тангай, когда они отошли на достаточное расстояние и, осознав, что и вправду сильно проголодались, стали на ходу лакомиться содержимым лукошка. – Да ещё с дитём малым.

- Сдаётся мне, что мы только что видели ближайшего потомка Ракли, - сказал Фейли, аппетитно откусывая крутое яйцо и зажёвывая его душистой краюхой ещё теплого после печи хлеба. – Ты помнишь, Хейзит, как отец этого карапуза приходил к нам на заставу?

- Ты думаешь, что тот Локлан отец этого?

- Можем, конечно, вернуться и спросить этих милых женщин, но едва ли они захотят отвечать напрямую. Однако что-то мне подсказывает, что без сына Ракли тут не обошлось.

- Это всё потому, - надкусил мягкую четвертушку сырной головки Тангай, - что тебе приглянулась младшенькая. Согласен, такая бабечка достойна высокородного мужика.

Фейли промолчал, а Хейзит уже забыл, к чему вся эта болтовня, потому что увидел крышу и пробитую стрелой деревянную табличку над входом с заветной надписью «У Старого Замка». Совсем недавно, ещё в начале зимы, он жил здесь с матерью и сестрой, а такое ощущение, будто с их побега через соседний колодец прошла целая вечность.

Последним, кто уходил отсюда в тот вечер, был Ротрам. Хейзит отчетливо представлял себе, как он стоит перед толпой разгоряченных дракой соседей и понабежавших виггеров и обращается к ней с призывом унять гнев и разойтись по домом. Что же такого он должен был сказать, чтобы его послушались?

Как бы то ни было, снаружи таверна выглядела так, словно её покидали вовсе не в страшной спешке, а чинно и мирно. Окна не были разбиты, чего Хейзит и его мать боялись больше всего. Крыша нигде не проломилась под тяжестью снега, который, разумеется, никто в их отсутствие не счищал. Часть уже успела подтаять и съехать, отчего по бокам дома лежали высокие сугробы, похожие на заградительные валы. Двери стояли закрытыми на обычный большой засов, которым Гверна почти никогда прежде не пользовалась, поскольку всегда бывала дома.

На ступенях крыльца сидели двое.

Только теперь Хейзит обратил внимание на трёх лошадей, привязанных к специальной балке при входе. Сидевшие на крыльце были мергами и явно кого-то ждали. Он сразу понял, кого.

- Кто из вас будет Хейзитом? – без обиняков поинтересовался один, оставаясь сидеть.

Он не хочет, чтобы мы восприняли это как угрозу, сообразил Хейзит и открыл было рот, но Фейли опередил его.

- А кому это я понадобился? – выступил он вперёд и сверкнул на настоящего Хейзита угрожающим взглядом. – Зачем такая честь?

- Ты не Хейзит, приятель, - сказал второй, отрывая от губ бутылку с чем-то горячим и дымящимся. – Вита Ротрам нам подробно его описал. Староват ты для него будешь. А вот этот оробевший парень – в самый раз.

- Хейзиту и тут хорошо, - заверил мергов Тангай, задумчиво изучая лезвие своего топора и счищая снежком запёкшуюся кровь.

- Мы для него даже коня прихватили, - сказал первый, неторопливо поднимаясь и, обращаясь к настоящему Хейзиту, добавил: – Вита Ротрам хочет видеть тебя в замке как можно скорее.

- Откуда вы знали, где меня искать?

- Мы и не знали. – Второй пожал плечами и направился к лошадям. – Он сказал, что эта таверна – единственное место, куда ты непременно заглянешь, если уж пришёл сюда с остальными фолдитами.

Только Ротрам мог до этого додуматься. Они не обманывают. Вот только по своей ли воле он их послал?

- Зачем я ему понадобился?

- Об этом нас знать не уполномочили. – Мерги переглянулись. – Вита Ротрам, похоже, большой человек теперь, раз ему позволено нашим временем распоряжаться. Поехали.

- Эй, эй, не так прытко! – напомнил о своём существовании Фейли. – Без нас он никуда с вами не пойдёт. Об этом вам Ротрам ничего не говорил?

- Нет.

- Ну так я вам говорю.

- Нам поспешать надо.

- Поспешать будете медленно. Вы ведь вообще не знали, придём мы или нет. Можем сделать вид, будто нас тут и не было. Хейзиту решать. А вздумаете со мной поспорить, Ротраму придётся ещё кого-нибудь посылать. Усекли?

Тот, что играл с бутылкой, попытался было возражать и изобразил задетую гордость, однако второй оказался попонятливее и осадил его, похлопав по плечу. Оба забрались в сёдла и теперь ждали Хейзита. Свободная лошадь приветливо виляла хвостом.

- Ты уверен, что хочешь этого? – тихо спросил Фейли.

- Смахивает на обычную ловушку, – поддакнул Тангай.

- Как-то не похоже, чтобы они ввали. – Хейзит сам ещё не понял, как себя вести. – Похоже, их действительно послал Ротрам. Он друг моей матери и никогда не желал мне худого. Вероятно, я и правда ему зачем-то понадобился. А вот вам рисковать совсем не обязательно. Я...

- Это уж нам решать, – отрезал Фейли.

- Твоя мать с меня семь шкур сдерёт, если с тобой что случится, – напомнил Тангай. – Мы или не идём туда вообще или идём вместе.

И они пошли, причём именно пошли, потому что, как ни соблазнительно выглядел лошадиный круп и удобное седло, Хейзит не мог воспользоваться предложением и позволить друзьям плестись сзади пешком. Пока они миновали узкие проулки, всадники медленно двигались друг за другом и лишь изредка оглядывались, но когда вышли к обводному каналу, где и места и прохожих стало значительно больше, один остался впереди, а второй повернул коня и оказался вышагивающим сбоку. Не хотят меня потерять, сообразил Хейзит и впервые ощутил свою важность, хотя и непонятно, чем вызванную.

Последний раз он чувствовал себя так, когда руководил постройкой огромной печи для обжига глины, которая должна была решить многие проблемы Вайла'туна. Ему не дали довести дело до конца и даже нагрянули в таверну, чтобы окончательно вывести из игры. Какой игры? Он никогда не участвовал ни в каких заговорах, почти ничего не знал о жизни в замке, занимался исключительно тем, что могло принести кому-нибудь пользу, и при этом с того самого дня, когда они с Фейли и остальными спаслись бегством с пылающей заставы, его не покидало ощущение, будто за ним ведётся слежка, нет, даже не слежка, а откровенная охота. Кто и почему это делает, оставалось величайшей загадкой. Единственный, кто мог бы пролить свет на происходящее, был его недавний приятель Гийс, пропавший при странных обстоятельствах и, по слухам, оказавшийся у прежних хозяев замка в чести. Что стало с ним теперь, после целой череды тамошних убийств, после выхода из леса шеважа и жестокой битвы с чужеземными воинами на берегу Бехемы, остаётся лишь теряться в догадках.

Сам Хейзит в той битве, раз уж о том зашла речь, почти не участвовал, а потому отделался лишь небольшими ссадинами да ушибами. Когда всё заварилось, когда донесся вой шеважа, атаковавших про-

тивника с тыла, когда над засидевшимся войском фолдитов прогремел клич к наступлению, когда первые ряды с воплями похватали оружие и ринулись вперед, Хейзит и Тангай оказались в самом хвосте, поскольку подоспели к первому сбору среди последних. Весть о появлении неприятеля пришла к ним с простительным запозданием. Потом было потрачено время на уговоры плачущей Веллы и разволновавшейся матери. Наконец, они тоже выступили в поход, пытаясь нагнать ушедших раньше Каура с сыновьями, и в итоге нагнали, но оказались вынужденными ночевать у костра в самом хвосте.

Таким образом, когда они с Тангаем дорвались до врага, тот уже отступил под ударами с трёх сторон к самой воде и отбивался хоть и отчаянно, но из последних сил.

Хейзиту никогда прежде, даже во время короткой службы на заставе, даже у ту страшную ночь пожара не приходилось видеть сразу столько трупов. Фолдиты и воины в разноцветных доспехах валялись вперемежку, их топтали обезумевшие лошади без седоков, кто-то полз, кто-то кричал, кто-то смотрел остекленевшими глазами с разбитого в кровь лица в безоблачное небо, кого-то рвало, кто-то тщетно пытался вырвать из горла стрелу или засунуть обратно вываливающиеся кишки... Если бы не Тангай, словно не видевший ничего этого, Хейзит, наверное, упал бы в малодушный обморок.

Враг был явно застигнут врасплох. Воинам, должно быть, уже объявили, что переговоры закончились миром, хотя бы временным, и они шли не сражаться, а получать причитающееся, когда сзади по ним ударили поразившие всех своей выходкой шеважа. Никто из окружения Хейзита, ни он сам до сих пор не поняли, почему они решили оказать столько самоотверженную помощь своим закадычным недругам. Тэвил, как же их было много! Они напирали справа, Хейзит слышал их воинственные вопли, до боли знакомые пересвисты стрел, видел, как один отчаянный воин падал, пронзённый копьём громадного всадника, но на его месте моментально возникало трое или четверо, и уже всадник падал с запрокинутым шлемом и кровавым месивом вместо лица под копыта собственного коня.

Теперь Хейзит, как ни силился, не мог припомнить, с кем и как скрестил свой топор. Сперва он, кажется, орудовал поднятым с красного снега мечом, но потом меч сломался. Вспоминая подробности своего участия в битве, он почему-то приходил к выводу, что никого так и не убил, а топор всаживал лишь в подворачивавшиеся под руку трупы. Тангай, когда они потом переводили дух и приводили себя в подобающий вид у ночного костра, хвалил Хейзита и говорил, что тот отлично дрался и завалил не меньше пятерых противников. Фейли, которого они встретили возле самой Бехемы и который с тех пор не отлучался от них, поддакивал, хотя наверняка ничего подобного видеть не мог. Хейзита это смущало. Поверженные, всадники выглядели не столь устрашающими и огромными, как в сёдлах, однако чтобы

убить хотя бы одного из них у Хейзита едва ли хватило бы сил. Правда, попадались среди них и пешие, но с теми совладать один на один было ещё труднее. Вероятно, Тангай имел в виду тех отвратительных чернявых уродцев, похожих на фра'ниманов, которые злобно верещали и оказывали посильное сопротивление кривыми кинжалами и широкими саблями. Их тоже было немало, но они умело прятались за спины всадников и исключительно отбивались.

Вообще же фолдитам и всем остальным крайне повезло с противником. Впоследствии Хейзит размышлял о том, что если бы не разноцветные латы на всадниках и причудливые шапки и зелёно-жёлтые повязки на головах их приспешников, было бы почти невозможно отличить, скажем, фолдитов от шеважа и наоборот. Подоспевшие в решительный момент виггеры из замка тоже слишком торопились, чтобы выглядеть подобающим образом: некоторые успели разве что прикрыть головы шлемами, другие повскакивали в сёдла вообще налегке, и только подошедшие последними сверы, собственно и положившие долгожданный конец битве, не изменили себе и оказались закованными в железо с головы до ног.

Хотя, если разобраться, правильнее было бы сказать, что исход битвы решили даже не они, а поразительные женщины, целый отряд, быстрые, ловкие и бесстрашные. Даже Тангай обменялся с Хейзитом удивлённым взглядом, когда эти внешне хрупкие, затянутые в чёрную кожу воительницы возникли неведь откуда, пробились вперёд и заслонили собой начавшие было проседать передовые ряды фолдитов. Они лишь покрикивали, подбадривая друг друга, и вершили своё кровавое дело быстро, слажено и неукротимо. Вооружены они были, как все, короткими луками, круглыми щитами и мечами, однако наряду с этим умело пользовались всевозможными метательными ножами, странными когтистыми кастетами и длинными железными палками, причем последними – не как копьями, а скорее как дубинками. Их усилиями враг на этом трудном участке был сначала остановлен, потом опрокинут и наконец обращён в бегство. Правда, короткое, поскольку бежать уже было некуда, кроме как бросаться головой в ледяную стремнину. Некоторые, насколько Хейзит мог видеть, так и поступили, и были отнесены потоком на острые скалы под стенами замка.

Потом битва как-то резко закончилась, женщины исчезли, окружённые враги сдались, довольно малодушно побросав лошадей и оружие на милость ликующих победителей, шеважа предусмотрительно отступили, и у Хейзита не было даже времени чтобы всё как следует рассмотреть и запомнить. Тангай тоже ничего толком не мог понять и только ощупывал подопечного, проверяя, так ли он цел, как говорит. Фейли попытался пролить свет, но выражался крайне невнятно. По его предположению, эти женщины были специально обученными бойцами из Обители Матерей. Хейзиту пришла на память их

встреча с девушкой по имени Т'амана, которая, по рассказам очевидцев и непосредственных участников, превосходно дралась любым оружием, а с помощью прибывших ей на подмогу «сестёр» сумела обезвредить и вернуть к нормальной жизни таких могучих мужиков, какими были Каур и его сыновья. Кстати, Каура они тоже повстречали чуть позже. Он был обвешан отобранным у врага оружием, распевал не слишком трезвые песни и заверял, что теперь его путь лежит исключительно домой. Сыновья его тоже оказались живы и здоровы, что не могло ни радовать.

В таких вот размышлениях и воспоминаниях Хейзит сам не заметил, как дошёл до первых, распахнутых настежь ворот замка. Когда-то они казались ему огромными, он входил в них робко и стеснялся всякого постороннего взгляда. Теперь всё изменилось и он – в первую очередь.

Ристалищное поле было оцеплено тремя рядами сверов и мергов. Дровосеки и плотники заканчивали возведение высокого плетня, разделявшего всё пространство надвое: снаружи воинственно расхаживали виггеры, внутри понуро ждали своей участи остатки некогда могущественной армии. Это скольких же мы должны были положить, подумал Хейзит, чтобы они тут уместились? Ещё бы знать, сколько их было...

Тангай по-приятельски здоровался со знакомыми дровосеками, кивал на провожатых и напускал на себя важный вид. Быть может, он захаживал в замок и раньше, однако сейчас вся эта праздничная кутерьма ему явно нравилась, и он не мог отказать себе в удовольствии разыграть здешнего завсегдатая.

- Полегче замахивайся! – окликал он одному плотнику. – Пальцы надо беречь, - напоминал другому. – Да вот, новые воеводы вызвали, подсобить просят, - рассказывал по секрету третьему. – Нет, нет, с собой взять не могу, не имею права, - уворачивался от четвёртого.

Его тоже узнавали, пожимали руку и провожали насмешливыми взглядами.

- Касса моего не видели? – то и дело спрашивал он, имея в виду своего старого друга, с которым он вместе уезжали с карьера, когда Хейзит впервые его заприметил. – Как не знаешь! Да сутулый такой, смешной.

Кто-то сказал, будто видел, как Касса убили в битве. Тангай на это только усмехнулся.

- Нет, брешь, он никогда бы туда не сунулся. Не такой дурак, как я.

Ещё кто-то сообщил, что Касс разошёлся с женой и теперь кочует по друзьям в одиночестве.

- Вот это на него похоже! – согласился Тангай. – Могу поспорить, что у одного из таких дружков он жену и оставил. Говорил я ему, чтобы в конце концов своей крышей обзавёлся, говорил!

Хейзит тоже вглядывался в лица, надеясь и не надеясь увидеть кого-нибудь из прошлой жизни. Больше всего, конечно, ему хотелось бы различить среди горделиво покачивавшихся в сёдлах всадников красивое лицо и стройную фигурку Орелии, но он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что эти мечты несбыточны: Орелия покинула Вайла'тун, покинула в неизвестном направлении, и теперь их пути едва ли когда-нибудь вновь пересекутся. Добралась ли она до гор на той стороне Бехемы? Нашла ли то, что ищет любой путник? Сошлась ли наконец с Локланом? Уберёт ли её отец от бед и напастей? Рада ли она совершённому впопыхах поступку?

- Приехали, - сказал один из провожатых, соскользнул с коня и набросил уздечку на деревянный крюк перед конюшней. – Или пришли.

Второй остался в седле и предоставил товарищу проводить гостей в Меген'тор.

Башня была точно такой же, хмурой и неприветливой, какой помнил её Хейзит. Именно в ней, на витой лестнице он когда-то совершил своё замечательное открытие. А потом лишь вспоминал по ночам, потому что после побега уже не чаял снова тут оказаться. Но судьба распорядилась иначе, и вот он поднимается следом за явно страдающим отдышкой воином и, как прежде, ждёт встречи с чем-то новым и неведомым.

Если бы на его месте сейчас оказался Валбур, он бы приятно удивился той разительной перемене, которая произошла с Меген'тором с тех пор, как он покинул своих товарищей в гнетущей тишине и почти полном безлюдии. Сейчас башня снова ожила: с этажей доносился шум, кто-то постоянно выглядывал на лестницу, навстречу путникам сверху пробежала, погромохивая доспехами, вереница виггеров, две раскрасневшихся служанки, нагруженные кипами белья, попросили уступить им дорогу, они сами обогнали нескольких раненых, тяжело поднимавшихся по ступеням с помощью помощников, где-то раздавался смех, кто-то громко ругался, скрипели и хлопали двери, пахло хлебом и тушёным мясом, одним словом, жизнь вернулась в замок во всех своих прелестях и безобразиях.

Потеряв счёт этажам, они добрались наконец до верхнего. Хейзит отчётливо помнил, как давным-давно именно сюда поднимался впервые, следуя за сыном Ракли, Локланом, и как их встреча произошла затем в тронной зале. Круг замыкался. Провожатый вышел в коридор с высоким сводом и несколькими парами не менее высоких дверей. Тронная зала была за дальними. Так и есть, они напрямик направились туда, минуя застывших в карауле воинов, которых сегодня здесь было даже больше, нежели в прошлый раз. Факелов на стенах тоже прибавилось, так что коридор больше не производил гнетущего впечатления нарочитой уединённости и угрюмой неприступности.

Если в коридоре было светло, то открывшаяся за дверями тронная зала в первый момент просто ослепляла. Из деревянного колеса над столом повынимали все свечи, а на их место водрузили дюжину факелов. Факелы горели на стенах, на специальных железных подставках на полу и даже в руках некоторых гвардейцев, застывших с ними вдоль стен. Казалось, свету дали полную волю, чтобы уничтожить все тени и прогнать всю ту тьму, которая слишком долгое время плодилась и размножалась под этими пыльными сводами.

Тронная зала была полна людей. Большинство сидело по обеим сторонам от круглого стола на простых стульях, предназначенных для наблюдателей. Одного взгляда на лица и одежду было достаточно, чтобы понять, что здесь собрались чуть ли не все сотники мергов и сверов. Неужели у нас такое огромное воинство, подумал Хейзит, но сообразил, что виггеры составляют лишь наиболее выделяющуюся часть присутствующих. Добрую половину кресел занимали серьёзные, если не сказать величавые старики, по поводу которых Тангай шепнул ему на ухо одно слово:

- Аолы.

Хейзит понял, что речь идёт как о наиболее уважаемых представителях фолдитов, старейшинах отдельных тунов, так и о руководителях различных сомодов, иначе говоря, объединений ремесленников. Некоторых он уже видел раньше, когда собирался возводить печь и искал хороших мастеров по глине, дереву и строительству.

Два или три лица, скрытых глубокими капюшонами, показались ему женскими.

Кроме них, он перехватил несколько настороженных взглядов, принадлежавших людям, чьи пышные шевелюры напоминали зажженные прямо между креслами факелы. Ошибиться было невозможно: в тронную залу впервые за одному Тэвилу известно сколько зим ступила нога шеважа!

В самой глубине, у дальней стены над присутствующими возвышалась светловолосая фигура широкоплечего великана, который, даже сидя, выглядел почти одного роста с Хейзитом. Рядом с ним строился странного вида человек, совершенно лысый череп которого был сплошь изукрашенным чёрными значками с красными и зелёными вкраплениями.

Судя по тёмным и не совсем чистым одеяниям, среди собравшихся было несколько писарей, державших на коленях плоские сундучки с развёрнутыми на них свитками, в которых они, не переставая, делали какие-то пометки.

Вокруг стола в креслах с высокими спинками и вышитыми на синем бархате затейливыми гербами сидели те, чьё положение считалось здесь главным. Среди них Хейзит сразу увидел заговорчески улыбающегося Ротрама, облачённого в самый великолепный из своих многочисленных нарядов – пурпурный.

Вторым, кого он узнал, был Норлан, тот самый Норлан, молодой мерг, которые упорно сватался к его сестре, Велле, пока они имели счастье обитать в собственной таверне. То же худощавое лицо, те же усики, переходящие в узкую бородку. Что он тут делает да ещё за столом? Ах да, у него же отец ни кто иной как Тиван, по слухам ставший в последнее главным военачальником замка! А вот и он, копия сына, только морщинистая и с ещё более пронзительным взглядом серых глаз. Смотрит на вошедших вызывающе, не без надменности.

Однако самым сильным из всех присутствующих был взгляд воина в красивых сверкающих доспехах и при этом с собранными в длинный хвост на затылке огненно-рыжими волосами, заметно поседевшими на висках. Он сидел боком к новоприбывшим, по-хозяйски облокотившись о стол, а за спинкой его кресла стояла невысокого роста светловолосая девочка с большими голубыми глазами и загадочной улыбкой, игравшей на выразительных розовых губах и в ямочке на подбородке. Хейзит тоже определенно встречал её где-то раньше, только сейчас никак не мог припомнить, где.

Первым нарушил тишину отдышавшийся провожатый. Глядя на Тивана и подталкивая юношу вперёд, он как-то даже слишком торжественно объявил:

- По вашему приказанию Хейзит прибыл.

- Благодарю за службу, ты свободен, - кивнул Тиван, а Ротрам шумно встал и вышел из-за стола навстречу гостям.

- Хейзит, - сказал он, - какая удача, что мы угадали твоё желание заглянуть в родную таверну!

- Удача то, что он жив, - хмыкнул Тангай, совершенно не стесняясь всеобщего внимания.

- Это само собой, само собой! – похлопал его по плечу Ротрам и взял Хейзита за руку. – Идём, присядь к нам. Нужно поговорить.

Ничего подобного Хейзит не ожидал, но отступить было поздно, и ему пришлось занять единственное пустующее за столом кресло: между Ротрамом по левую руку и Тиваном по правую. Усаживаясь, он обратил внимание на то, что все замерли в молчании, кроме светловолосой девочки и лысого человека, которые что-то быстро шептали своим спутникам.

Фейли и Тангай поспешили затеряться на стульях.

- Знаешь ли ты, Хейзит, - без лишних вступительных слов начал Ротрам, - с какой целью мы тебя пригласили на наш столь представительный совет, можно сказать, первый со времён... прежних правителей Вайла'туна?

- Нет.

- Хорошо. – Ротрам обвёл присутствующих торжествующим взглядом, как будто только что выиграл спор на приличную сумму. – Расскажи-ка нам о себе?

- О себе? – искренне удивился Хейзит.

- Ну, да, о себе. Например, чем ты занимался в Вайла'туне?
 - Да ничем... Собирался возвращался к матери.
 - Он сражался вместе со всеми, - слышался голос Тангая. - Пятых...

Его кто-то прервал, вероятно, Фейли.

- Сражался! – поднял палец Ротрам. – А до этого?

- Вита Ротрам, вы же сами всё прекрасно знаете! Я был обычным подмастерьем, служил на заставе недолго, потом был вынужден бежать, после того, как нас сожгли...

Он осёкся, не зная, как теперь следует выразиться относительно шеважа.

- Потом придумал способ получать камень из глины. Печь нам сперва разрешили построить, потом помешали. Потом мою семью кто-то захотел убить. Нам снова пришлось бежать. Вот мы и скрывались, пока ни появился враг.

- То есть, ты не знаешь, почему тебя и твою семью, как ты говоришь, хотели убить, однако не побоялся вернуться, когда фолдиты, как я понимаю, твои нынешние соседи, поднялись всем миром, чтобы дать отпор врагу?

- Получается, что так.

- Кто твоя мать?

- Вита Ротрам...

- Меня тут все уже наслушались, дальше некуда. Они хотят услышать это от тебя самого.

- Её зовут Гверна. Пока нас ни выгнали, она трудилась в таверне «У Старого Замка». Я что-то упустил?

- Кем был твой отец? Он ведь умер, не так ли?

- Да, погиб уже давно. Он был строителем и упал со стены замка. Его звали Хокан.

- А как звали его отца?

- Хейзит. Меня называли в честь деда.

- А его отца?

- Тиблон, кажется.

Ротрам поднял руку, останавливая его, и склонился над развернутым перед ним на столе свитком.

- Тиблона родил Фирт и жена его Сента, - начал читать он вслух. – Фирта родил Геври и жена его Ирига. Геври родил Ном и жена его Дирта. Нома родил Бригли и жена его Ленти. Бригли родил Эспир и жена его Потмана. Эспира... - Тут Ротрам сделал короткую паузу и закончил на одном дыхании: - ... родил Дули и жена его Лиадран.

Убаюканный скучным перечислением Хейзит не сразу осознал смысл сказанного. Зато слушатели, особенно виггеры, дружно вскочили со своих мест и в один голос грянули:

- *Лунга лифа*⁴³ Дули! Лунга лифа Хейзит!

---

⁴³ Да здравствует!

Вот те раз, размышлял тем временем Тангай, ошарашено оглядывая присутствующих: кричащих, молчащих, ликующих, раздосадованных, напуганных и невозмутимых. Это что же выходит, что я всё это время водил дружбу и ругался с прямым потомком легендарного Дули?

- Быть такого не может! – повисло в снова наступившей тишине последнее восклицанье. – Все знают, что Лиадран была его сестрой.

- Всех сомневающихся, - не моргнув глазом, отчеканил Ротрам, - приглашаю пройти после совета в соседнюю комнату, где находится хозяйская спальня. И где висят два портрета. На одном запечатлён Дули, на другом – его законная и единственная, как нас заставили считать, жена Рианнон, от которых пошёл род, закончившийся на Ракли.

Ну, это ещё как сказать, подумал Фейли, вспоминая случайно встреченную ими сегодня женщину с ребёнком.

- Однако у портрета Рианнон есть одна не сразу бросающаяся в глаза особенность, которую также упоминает в своих записках автор только что прочитанных мною строк. Кстати, хотите знать, кем они писаны? Всем вам хорошо известным главным писарем Скелли! Думаю, вы не станете сомневаться в его опыте по этой части. Разве не он всегда так умело распутывал родословные, что позволил многим из вас стать благородными эдельбурами?

Возмущённый ропот резко поутих.

- Теперь вы все понимаете, - продолжал Ротрам, - почему сначала у Хейзита погиб отец, а потом смертельной опасности подверглась вся его семья. Кто-то очень хотел, чтобы он никогда не узнал тайну своей крови. Кто-то начал на него настоящую охоту, лишь бы он не догадался, что по праву рождения претендует на то, чтобы возродить былую славу потомков Дули.

- Я не... - начал было Хейзит, но Ротрам резко оборвал его, не теряя восторженной улыбки:

- Перед вами сидит тот, в ком течёт кровь нашего первого из героев, кровь, которая передавалась от отца к сыну и от деда ко внуку, кровь, не замутнённая коварством и предательствами. Теперь она в человеке, известном своим бескорыстием и постоянным желанием служить Вайла'туну, оклеветанным по чьему-то приказу и вынужденным скрываться. Однако в час опасности он забыл все обиды и, рискуя собой, своей семьёй, своим благополучием, не раздумывая вышел на свет и встал со всеми нами плечом к плечу, чтобы защитить наши дома и наши семьи. Неужели, спрашиваю я вас теперь, такой прямодушный и бесстрашный человек не достоин называться истинным потомком Дули?

Хейзит думал, что цветастая речь Ротрама сменится всеобщим хохотом, однако все оставались даже чересчур серьёзными, а виггеры снова повскакивали на ноги и троекратно прокричали «Лунга лифа

Хейзит!». Многие зааплодировали. Включая рыжего воина за столом. Его голубоглазая девочка приветливо улыбалась Хейзиту. Тэвил, что тут происходит?..

- Друзья, - продолжал Ротрам, довольный произведённым эффектом и собой, - мы с вами пережили немало несправедливостей. Мы стали свидетелями того, как признанная всеми нами ветвь рода Дули изживает себя, как его потомки своими делами и неведением порочат доброе имя этого легендарного героя. Мы пережили падение Ракли. Мы пережили постыдное бегство его сына. Мы чуть не поддались на хитроумные уловки и готовы были покориться тем, у кого по нашей же вине хватало бы денег, чтобы купить высшее положение в Вайла'туне. Мы видели достаточно. Но мы с вами не знали... от нас тщательно скрывали, что то была лишь одна из двух ветвей благородного рода и что на самом деле есть кому подхватить и поднять на прежнюю высоту прославленный серо-золотой флаг.

Снова крики, одобрителные возгласы и аплодисменты.

- По исстари заведённому кону на троне доброго и праведного властителя Вайла'туна имеет право сидеть лишь прямой наследник первого из героев. А теперь ответьте мне: по праву ли сейчас сидит на нём Хейзит, сын Хокана?

Тангай, наконец сообразивший, что всё это происходит по-настоящему и никто никого не разыгрывает, вскочил одним из первых и громче всех завопил «Да!». Он видел, что его юный друг только сейчас сообразил, на чьем месте оказался, и силится встать, не пускаемый тяжёлой ладонью Ротрама. Теперь не только виггеры, но и остальные присутствующие оказались стоящими и аплодирующими долгожданым словам и тому, кто вдыхал в них новую надежду. Когда же все снова сели, остался стоять один лишь воин шеважа с рыжим хвостом. С помощью своей спутницы он неторопливо снял с себя и сложил на стол сверкающие доспехи, оставшись в простых шкурах жителя Пограничья, а голубоглазая девушка чистым и ровным голосом сказала, обращаясь к Хейзиту:

- Великий вождь Тикали, непобедимый Гел, положивший конец вечным раздорам с братьями из больших Домов и пришедший им на помощь в решительный час нужды, с гордостью и почтением отдаёт то, что по праву крови принадлежит тебе.

Тангай замер. Он ждал нового ликования или возмущённых выкриков, однако в тронной зале на некоторое время повисла удручающая тишина. Доспехи Дули было утеряны, потом случайно найдены, потом вероломно, как считали многие, украдены, и вот теперь столь странным образом вновь возвращены на место. И кем? Вождём тех, кто до вчерашнего дня считались злейшими врагами вабонов, тех, кого он теперь с таким спокойным видом называл «братьями».

Из глубины залы послышались одинокие хлопки. Тангай даже привстал, чтобы увидеть, что хлопает светловолосый великан, кото-

рому его бритоголовый спутник только что закончил переводить слова раскрасневшейся от волнения девушки.

Кто-то поддержал великана. Захлопал Фейли. Захлопал и заулыбался Тангай. Захлопал, осторожно отпустив плечо Хейзита, Ротрам. Захлопали согласные с поступком своего вождя рыжие воины. И вот уже снова вся зала в единодушном порыве стоя аплодировала новым союзникам, новому правителю и новой судьбе.

Хейзит открыл глаза и понял, что не спит. Всё это происходило вокруг него на самом деле. Ещё утром он был пугливым беглецом, решившимся воспользоваться удобным случаем и провести заброшенную таверну матери, и вот уже он восседает на том самом троне, который недавно занимал Ракли, а до него – не менее легендарные мужи. Его чествуют лучшие люди Вайла'туна, чествуют, это ж надо, как... нет, даже не равного себе... как своего предводителя, которому даже бывший враг оказал почести и вручил самое драгоценное, что может подарить один человек другому. Да нет, не доспехи. Доспехи можно выковать заново. Свою дружбу! Осознав это, он сделал то, чего от него меньше всего ожидали. Отстранив руку Ротрама, Хейзит встал, обошёл стол, протянул руку рыжему вождю, а когда тот поднялся, крепко обнял его.

Всеобщий вздох сменился очередной бурей ликования. Подчиняясь охватившему всех порыву, Тангай бросился обниматься с соседями. Стоявшие вдоль стен стражи с факелами и те радостно улыбались и переглядывались.

Хейзит усадил гостя, осторожно пожал руку светловолосой девушке и вернулся на место, но не сел, а продолжал стоять, ожидая, когда рассядутся остальные. Он должен был сказать что-то в ответ.

Тангай поискал Фейли. Тот воспользовался суетой и пересел поближе к центру. Заметив взгляд Тангая, украдкой поднял большой палец.

- Я не умею говорить речи. – Хейзит поправил упавшие на лоб волосы. – И я всего второй раз в этой зале. Я ничего раньше не слышал о правилах родовых уз и о том, что мой отец был потомком самого Дули. Сознаюсь, что мне было очень приятно, хотя и странно слышать слова, произнесённые вита Ротрамом. Я не видел этих записей, но я всегда доверял ему и теперь должен признать, что, наверное, это правда. Ведь мой отец, действительно, погиб, а мои мать и сестра до сих пор вынуждены быть в изгнании неизвестно по чьей воле. И если это так, если моя одежда, моё прошлое, мои неосмотрительные поступки не кажутся вам чем-то ужасным и непростительным для такого случая, я благодарен вам за ваше одобрение и поддержку. Но...

- Сколько его знаю, - поспешил прервать его Ротрам, - наш скромный Хейзит всегда начинает с того, что отказывается. Когда он был совсем маленьким, я подарил ему игрушечный меч. Помнишь, что ты с ним сделал?

- Отдал его нашей стряпухе, потому что он был больше её ножей и им было очень удобно резать колбасу, - улыбнулся Хейзит.

Кто-то одобрительно засмеялся.

- Надеюсь, - подхватил Ротрам, - сейчас ты точно также не собираешься отказаться от этого трона в пользу, скажем, вон того бравого стража с факелом, только потому, что он устал стоять?

- Если он и в самом деле устал стоять...

Смех сделался всеобщим. Довольный разыгранной сценой Ротрам посмотрел снизу вверх на своего питомца, подмигнул и тихо, чтобы слышал только он, сказал сквозь зубы:

- Не смей.

Хейзит осёкся. Добрый дядя Ротрам широко улыбался, но в голосе его прозвучал ледяной металл. Та часть его личности, которая в этот момент была обращена к юноше и которую больше никто не мог заметить, словно говорила: «Прикуси язык! Поблаговаришь меня потом. И поговорим потом. А пока прекращай мяться, будь мужиком, бери, что дают, садись и не мешай мне делать дело».

- ... если он устал стоять, - договорил Хейзит, - то у меня есть идея, как сделать такие высокие стулья, чтобы стражи сидели на них и не засыпали.

Не слишком ловкая шутка понравилась слушателям, и Ротрам согласно кивнул. Хейзит воспринял это как намёк на то, что с речами покончено.

Неожиданно поднялся сидевший справа от него Тиван.

- Я тоже помню, как этот скромный юноша пришёл сюда в первый раз и как он предложил на удивление простой способ лечения головной боли на многие поколения вперёд. Я имею в виду способ получения камней для строительства прочных жилищ.

- Для всех! – поднял палец Ротрам.

- После этого мы надолго потеряли его из виду, но вот мой сын, сидящий тут Норлан, может подтвердить, что крок, подававшийся в таверне «У Старого Замка», был весьма отменным.

- А ещё, что у Хейзита отменная сестра, - крикнул кто-то, вызвав у всех новый прилив веселья.

Хейзит не обиделся, потому что не слышал замечания. Ротрам, наклонившись к его уху, тем временем говорил:

- Не бойся никакой ответственности. Поначалу тебе даже не придётся ничего делать. Пока ни пообвыкнешься. Сейчас главное, чтобы они тебя приняли. А они, как видишь, тебя принимают. Я даже не ожидал, что всё пройдет так гладко. Ты молодчина. Продержись в таком духе до утра, а завтра всё будет ещё проще.

- Так вы их обманули?! – У Хейзита в голосе промелькнуло не столько возмущение, сколько надежда.

- С чего ты взял! Вон свитки, там всё так и написано. Я не обманываю друзей. А теперь видишь, сколько их у нас!

Он похлопал Хейзита по плечу и выпрямился. Кулаки, упёртые в стол, не дрожали.

- Мы сегодня с вами многое выяснили, многое порешили. Даже отыскивали того, кто, как мы очень надеемся, объединит нас окончательно. Сейчас у нас у всех полно дел. Грустных и радостных. Люди наши устали от неизвестности и постоянного страха. Думаю, это касается и вабонов, и... шеважа. Уж прости, Гел, что называю вас по старинке, поскольку нового названия никто пока не придумал. Мы должны показать, что в Торлон пришла новая власть. Нет, неправильно! В Торлон вернулась прежняя власть. Что произволу и вражде положен конец. Что, начиная с этого дня, мы с вами будем делать всё от себя зависящее, чтобы наши семьи жили в мире и согласии. И чтобы наши ремёсла не хирели от ненадобности и запретов, а расцветали, как тому положено быть. Сегодня мы сделали первый шаг. Но шаг широкий и в правильном направлении. Дальше идти будем вместе. А посему, если никто не возражает, предлагаю договориться таким образом. Следующий совет откладывать не будем. Думаю, двух-трёх дней нам всем хватит, чтобы разрешить наиболее горящие вопросы. Мы тут пока в узком кругу проведём ещё парочку внутренних советов, выработаем, так сказать, общие планы, а потом соберёмся снова вместе и всех их обсудим. – Слушатели одобрительно загудели. – Следите за башней. Когда увидите два белых сигнальных дыма, знайте – мы готовы к новому совету и рады вам всем в том же составе. Тиван, я всё правильно изложил?

Он сел.

- Всё верно, вита Ротрам. Сейчас мы попросим остаться только тех, кто находится за столом. И вас, Человрат, - добавил Тиван, оглядываясь на светловолосого великана.

- Он тоже наш пленник, - шёпотом пояснил Хейзиту Ротрам, - но как будто на нашей стороне и готов содействовать. Полностью под ответственность Тивана.

Задвигались стулья. Громко переговариваясь, народ стал расходиться. Некоторые, проходя мимо стола, почитали за честь дотронуться до плеча Хейзита и сказать какие-нибудь тёплые слова в поддержку.

Вождь шеважа что-то сказал своим людям, и те тоже встали, хотя и с явной неохотой. Теперь стало видно, что их всего четверо. Трое направились к дверям, а один, наиболее мощного и диковатого вида, сел на освободившийся стул поближе к столу.

- Гел просит оставить с ним его ближайшего помощника, - передала просьбу вождя девочка. – Его зовут Гури.

Тиван поднял руку в знак одобрения.

Хейзит заметил, что Тангай и Фейли тоже замешкались. Тиван явно не хотел уходить, а Фейли, вероятно, просто не знал, что ему делать. Не долго думая, Хейзит вскочил с трона и подбежал к ним.

- Я удивлён не меньше вашего, - начал он, будто оправдываясь, однако Фейли мягко похлопал его ладонью по груди со словами:

- Тебе теперь придётся не сладко, дружище. Но так ведь оно даже лучше. Глядишь, получится что-нибудь путное. Ротрам твой, похоже, дельный мужик.

- Что матери передать? – буркнул Тангай.

- Послушайте, мы ведь совершенно не обязаны расставаться. – Хейзит горячо обнял их обоих. – Я тут без вас точно пропаду. Тэвил, кто же знал!..

- Всё хорошо, парень, не отчаивайся. – Тангай заглянул ему в глаза. – Если не зазнаешься, как твой предшественник, никто тебя не тронет.

- В этом можешь быть уверен, - ответил за юношу Фейли. – Давай так поступим. Мы сейчас с Тангаем разбежимся. Он пойдёт за твоими и приведёт их в таверну. Ну, для начала. Потом, если захочешь, переведёшь их в замок.

- Нет, нет, таверна лучше, - поспешил согласиться Хейзит. – Мать наверняка откажется тут жить. Она любит своим делом заниматься. Не то, что я...

- Это потом сами решите. А я пока схожу к нашим, в лагерь Тэрла, если он ещё ждёт нашего возвращения и не ушёл к себе в тун. Кто знает, как всё обернётся. А у нас, ты знаешь, мужики надёжные. Я их тоже в таверну приведу, чтобы там уж точно всё спокойно было и ты об этом не думал.

- Фейли, ты умница!

- На том стоим, дружище! Теперь я даже не знаю, как тебя надо звать-величать...

- «Дружище» меня вполне устраивает. – Хейзит впервые рассмеялся и с нескрываемым облегчением оглянулся на Ротрама, который делал знаки, что, мол, пора продолжать. – Послушайте, нужно обязательно договориться с Тэрлом, чтобы кто-нибудь из его людей проводил в замок Харлина. Старику место здесь, среди рукописей. И надо бы ему заодно свитки, что мы спасли, передать. Он ведь до сих пор об этом не знает.

Фейли тоже взял это на себя. Друзья крепко пожали Хейзиту руку и деловито расстались.

Возвращаясь на своё место, он обратил внимание на то, что рядом со светловолосым великаном сидит не только странный человек с рисунками на лысом черепе, но и обычного вида пожилая женщина, чистенькая и опрятная, неизвестно как и зачем оказавшаяся в столь неподходящем для себя месте. Гораздо проще было представить её доящей корову или выпекающей пышные хлеба.

Заметив его удивлённый взгляд, Ротрам взял на себя обязанность в двух словах пояснить, кто есть кто из оставшихся в зале.

- Это Руна, - начал он со скромно улыбавшейся женщины. – Она пришла к нам из Айтен’гарда и помогает с толкованием наших сумбурных разговоров. Вторая, кого ты видишь здесь, её ученица, которую зовут Пенэлла.

- Пенни, - поспешила поправить его голубоглазая девочка.

- Она, как мы понимаем, находится здесь в двух лицах, - продолжал Ротрам. – Как толмач при Геле, вожде наших новых... друзей, и как его жена.

- Пленница, - с серьёзным видом уточнила Пенни.

Вождь попросил её перевести их разговор, выслушал, покачал головой и велел согласиться с Ротрамом:

- Жена. После перемирия пленников больше нет.

- Соответственно, как ты уже слышал, это его помощник...

- Гури, - очень даже впопад напомнил своё имя помощник. При всей внешней одичалости глаза его показались Хейзиту на удивление внимательными и умными.

- Тиван и его сын Норлан тебе уже хорошо знакомы, - продолжал Ротрам. – Тиван остался единственным из тех, кто руководил замком после Ракли. Остальные, как ты наверняка слышал, либо погибли, вроде семейства богача Томлина, либо исчезли, как известный тебе главный писарь Скелли, либо изгнаны и больше сюда не будут допущены ни за какие деньги, вроде другого богача, Скирлоха, который всех предал, выгадывая для себя лучшую долю. Не будем о них. Тиван в представлениях не нуждается. Он участвовал в переговорах с венедда, он в эти непростые дни удержал в руках бразды правления и мергами, и сверами, и гарнизоном замка, он же сумел так организовать передачу распоряжений и обратную связь, что, как ты сам мог видеть, помощь подоспела в самый нужный момент.

- Ну, тут далеко не только моя заслуга, - вздохнул Тиван. – Норлан меня не подвёл.

Норлан кивнул Хейзиту. Казалось, он о чём-то хочет спросить, но не решается. Легко было догадаться, что глядя на брата, он думает о его сестре. Хейзит вспомнил, как хотел выставить его из таверны, когда вернулся с заставы и увидел, что тот ошивается вокруг Веллы. Что ж, Велла по-прежнему свободна. Думает, наверное, о Гийсе, но его ей не видать: ни мать, ни сам он больше не хотят иметь с ним дело.

- Наконец, хотя Гел и сказал, что после перемирия пленников больше нет, двое из присутствующих таковыми всё-таки являются. – Ротрам снова повернулся к Руне, которая говорила что-то лысому, а тот переводил сказанное великану. – Это Человрат и его толмач Везник. Чтобы ты лучше понимал, поясню, что мы принимаем их здесь и ведём при них разговоры вовсе не потому, что они предали свой народ и перешли на нашу сторону. Сегодня они такие же пленники, как те, кого ты мог видеть на ристалище, но Человрат уже бывал здесь до битвы, он является одним из их высокопоставленных военачальников.

По словам Тивана, во время переговоров у них в лагере именно он сумел склонить решение к перемирию, хотя многие венедда ратовали за штурм замка и уничтожение Вайла'туна, и, наконец, именно по его команде, припёртые к Бехеме, они стали складывать оружие и сдаваться.

Первым сдаться – невелика честь, подумал Хейзит, однако промолчал и только обменялся с обоими пленниками учтивыми поклонами. Если этот Человрат имел по крайней мере приятный и открытый облик, его спутник чем-то неуловимо напоминал Скелли, а затейливые рисунки на голове производили, мягко говоря, удручающее впечатление.

Садясь на место, Хейзит заметил, что вместе с остальными из залы ушли и стражники с факелами. Оставшиеся были предоставлены сами себе. Никаких посторонних ушей, но и никакой защиты, пожелай кто-нибудь из гостей нарушить мирное течение разговора. Оружие, правда, было только у хозяев.

Когда Ротрам замолчал, наступила пауза. Хейзиту показалось, что от него чего-то ждут. Это было странно, поскольку и Ротрам, и тем более Тиван являли собой людей гораздо более опытных и рассудительных, а в сложившейся ситуации ещё и гораздо более осведомлённых. Что это, испытание? Попытка дать ему возможность проявить себя? Будто он всю жизнь только и мечтал что обосноваться в замке и вершить судьбами соплеменников...

Наверное, однако же, Ротрам выжидал лишь из любезности. Видя, что Хейзит отнюдь не стремится приступить к непонятным ещё ему обязанностям, он снова взял слово.

- Хочу напомнить, что у нас нет как такового опыта брать пленных. Предыдущие попытки были, но они заканчивались неудачами. Думаю, Тиван подтвердит мои слова.

- Почему бы Человрату не подсесть к нам поближе, - начал старый воин. – За стол я вас пригласить по понятным причинам не могу, однако за несколько дней знакомства у меня сложилось впечатление, что вы человек чести, и потому мне бы хотелось, как и всем нам, покончить с нашим вопросом к обоюдному согласию.

Человрат, Везник и Руна охотно пересели так, чтобы их всем было хорошо видно.

- У вас полегло много людей, - продолжил Тиван. – Каким образом вы хотели бы проводить в последний путь павших?

Великан явно не ожидал, что его спросят именно об этом. Они с толмачом обменялись взглядами, и Руна перевела слова последнего:

- Мы приятно удивлены, что об этом зашла речь в первую очередь. Своих умерших мы обычно сжигаем на кострах, отправляя их прах к нашим предкам. Мы понимаем, что здесь и сейчас это невыполнимо: их слишком много, и на костры придётся вырубить пол-

леса. Тем более что и вам предстоит расстаться с вашими павшими достойно. Мы готовы выслушать ваши предложения.

- К счастью и к несчастью зима выдалась холодной, так что мороз не позволяет телам быстро разложиться. Но зима проходит. Сегодня мне сказали, что кое-где уже видели тающий снег. Хейзит, вы наверняка в этом разбираетесь: что если нам захоронить убитых в карьере? Насколько я знаю, он весьма глубок. К тому же, не придётся рыть мёрзлую землю. Засыпать можно будет краями. Просто мне кажется, что сейчас нам важнее решить именно этот непростой вопрос, а уж потом подумать, где взять новую глину.

- Карьер простоял без дела почти всю зиму и ничего страшного не случилось, - охотно согласился Хейзит. – Копать нападавший в него снег, разумеется, проще, чем глину, так что если огонь можно замесить землёй, это может быть удачным выходом.

- Мы не против, - передала Руна ответ Человрата со слов Везника.

- Разумеется, как вы понимаете, заниматься этим предстоит вашим людям, - уточнил Тиван. – Мы готовы предоставить им сколько сможем лопат и позволить работать, но не более.

Человрат поклонился.

Хейзит живо представил, как это будет происходить, если с самого начала не оговорить жёсткие правила, и позволил себе дополнить Тивана:

- Думаю, сотню лопат мы всегда найдём. Больше и не понадобится. Пленные будут ходить на карьер группами по сто человек за раз в сопровождении мергов, работать, и возвращаться на ристалище. Их сменит следующая сотня. Так мы сможем быть уверенным в том, что все при деле и никто не сбежал. Кроме того, я согласен, что привлечение пленных к работам на благо Вайла'туна оправдывает в глазах наших соотечественников то, что нам всё это время придётся их кормить.

- Чувствуется хозяйственный подход, - похвалил юного друга Ротрам и обратился к Человрату: - После того, что между нами произошло, надеюсь, вы оцените нашу доброжелательность и донесёте её до своих людей. Вы вторглись к нам без приглашения, вы пришли с войной, а не с миром и предложением дружбы, и хотя я ничуть не сомневаюсь в успешно проведённых Тиваном переговорах и обоюдной попытке решить дело без крови, подозреваю, что если бы не храброе вмешательство... - указал он на спокойно наблюдающего за происходящим Гела, - мы бы разговаривали сейчас друг с другом как тайные враги, а не явные победители и проигравшие.

- Вероятно, - согласился великан. – Мне остаётся только искренне сожалеть, что в своё время я не смог убедить тех, от кого зависело окончательное решение с нашей стороны, поступить иначе. Мы согласны на ваши условия.

- Теперь, когда ваши силы разгромлены и многое зависит лично от вас, - подхватил нить разговора Хейзит, вспоминая поле трупов на

берегу Бехемы и сотни пленных за поспешно возводимым забором из досок, - что вы намерены предпринять? Я имею в виду, если мы согласились бы предоставить вам такую возможность.

- Понимаю. – Человрат обвёл присутствующих грустным взглядом. – Мы поступили крайне опрометчиво, вторгнувшись в ваши земли и не представляя себе до конца, с кем имеем дело. Мы получали от вас кое-какие сведения, но теперь-то я вижу, что в них было больше лжи, чем правды. К сожалению, как я уже говорил одному из ваших воинов, которого мы поймали, когда он и его товарищи столь удачно спалили наши обозы, а потом отпустили, среди нас, точнее, среди нашего руководства, уже давно преобладают те, кого мы называем «ибри». Они есть и у вас. И у вас, - переглянувшись он с Гелом. – Просто у нас они наиболее сильны, и даже сейчас, пока мы с вами разговариваем тут, они ведут свою незаметную работу среди наших пленных. Я уверен, что они изначально не были заинтересованы в том, чтобы наш поход увенчался успехом. У меня нет доказательств, кроме гибели моих товарищей, но я это знаю.

- Вы говорите, что получали о нас сведения? – прервал его Хейзит. – До прихода сюда? От кого?

Человрат пожал плечами и посмотрел на Везника. Почесав макушку, тот заговорил уже от себя.

- Ибри вездесущи. Они всегда там, где есть деньги и власть. Но никогда во власти. Они прячутся за спинами тех, кто правит от их имени, не называя и не разглашая его ни при каких обстоятельствах. В этом их сила. Они обычно просто невидимы для тех, кто про них не догадывается, кто не понимает их сущности. Потому что стоит вам узнать ибри в одном из них, как тут же перед вами словно на ладони предстанут все остальные. Они похожи друг на друга, как братья и сестры. Потому что они и есть братья и сестры. Они живут своим замкнутым миром. Их потомство не выходит вовне. Только внутри. Больше всего на свете боясь испортить свою кровь, которую они считают божественным даром, ибри женятся и выходят за муж лишь за себе подобных. Дети в таких семьях часто рождаются неполноценными и уродливыми, но они любят их такими, как они есть, и ни за что не согласятся изменить этой традиции. Матери им не позволяют. Матери у них зачастую рожают детей от собственных сыновей, а дочери – от отцов. Наружу об этом ничего не просачивается. У них есть устные и письменные повествования, воспевающие подобные союзы, но люди слепы и думают, что это лишь древние легенды и дикие сказки. Я знаю, что отвлёкся от ответа на ваш вопрос. Просто вы должны понимать, с чем нам до сих пор приходилось и ещё боюсь что долго придётся иметь дело. Ибри стремятся к выживанию. Сами они бессильны сделать что-либо стоящее и достойное и потому выживают за наш счёт. Когда наши с вами общие предки в незапамятные времена возвели этот замок, они возгордились, и ибри не составило большого тру-

да поселить между ними рознь. Некогда единый народ распался на две части. Одна, меньшая, осталась тут, а другая ушла вверх по Бехеме искать новые земли. Они были изгоями и уходили в никуда, однако им посчастливилось не только найти пристанище, но обрести второй дом, ещё более богатый и плодородный, нежели первый. Чтобы избежать его потери, то, что мы когда-то жили вместе, стало замалчиваться. Наши не хотели, чтобы вы однажды последовали за нами и отняли то, что теперь принадлежало нам. Не знаю точно, но наверняка вам, как и нам стали постепенно внушать, будто, кроме нас, на этой земле никого нет, а значит, не стоит и искать. Нужно просто жить тихо и мирно и не задаваться лишними вопросами. При этом сами ибри умудрялись поддерживать между собой связь и обмениваться сведениями о происходящем. Как именно – было и остается их самой оберегаемой тайной.

- Что же такого должно было произойти, чтобы венедды приняли решение покинуть свою землю и вернуться к нам, да ещё с оружием? – не вытерпел Хейзит.

- Мы ещё не вернулись. Нас гораздо больше, чем вы можете себе представить. Вперёд выступил лишь один боевой отряд, чтобы разведать дорогу. Выступил вынужденно, потому что мы не знаем когда, но возможно очень скоро нас, венедда, а следовательно и ибри, ожидает страшное, неотвратимое бедствие. Наша земля находится в глубокой низине. Это красивый край, полный лесов, воды, всякой живности и не знающий таких суровых зим, как у вас. Сверху, по краю низины, протекает Бехема. Некоторое время назад мы узнали, что существует опасность того, что её течение настолько подточит берег, что проломит его, и тогда вся вода, которую вы каждый день видите проносящейся мимо, устремится прямо нам на голову. Если, или, точнее, когда, это произойдет, венедда погибнут. Мы не можем помешать этому произойти. Мы можем только искать пути к отступлению. Один из таких путей пролегает через замок на ту сторону Бехемы. Таков был план ибри, и поэтому мы здесь. Мы знаем, что существуют старые карты, оставшиеся ещё с тех пор, когда наши предки проложили под замком глубокие ходы. Один из таких ходов уводит на другой берег. Для всех нас это был бы путь к спасению.

Потрясённые услышанным откровением, слушатели молчали. Только Пенни, не успевавшая за переводом, продолжала тихо нашёптывать что-то на ухо своему вождю. Потом Хейзит осознал, что она едва ли переводит, поскольку Везник говорил на так называемом общем языке, а Гел, похоже, именно его и понимал. О чём же она тогда ему шептала?

- Почему вы говорите, что это спасение «для всех нас»? – откашлялся молчавший до сих пор Норлан. – Если я правильно представляю себе то, что вы так наглядно описали, то в случае обрушения бере-

га река изменит своё течение и будет литься в вашу низину. То есть, здесь она просто обмелеет или даже вообще исчезнет. Я неправ?

- Ты прав, - поспешил прояснить это обстоятельство Хейзит, - но лишь отчасти. Потому что совсем Бехема никогда не остановится. И когда она наполнит собой ту низину, то либо вернётся в прежнее русло, либо выплеснется неизвестно где. Очень может быть, что она вообще потечёт там, где сейчас находится Пограничье. Всё будет зависеть от местности. Набери в глиняное блюдо воды до краёв и ударь по нему. Где оно расколется, там вода и прольётся.

- Выходит, в итоге можем погибнуть мы все? – уточнил внимательно слушавший его Ротрам.

- Насколько я понял, противоположный берег Бехемы выше и его никогда не затопит.

- Это так, - согласился Везник. – К тому же, там нет таких низин.

- Тем не менее, я до сих пор не услышал от вас ответ на вопрос, правильно заданный Хейзитом, - заговорил Тиван. – Что вы намерены теперь делать? Обозы ваши сожжены, люди в большом количестве погибли, оружие мы у вас отняли, лошадей, как мне известно, всех разобрали по домам. Если вы попросите, чтобы мы всё это вам вернули и отпустили подобру-поздорову, то боюсь, что простые жители, у многих из которых в эти дни погибла родня, нас просто не поймут. Так что же вы будете делать?

- Судя по всему, мы тут застряли, - перевёл Везник ответ Человрата.

- Почему не избавиться от ибри? – громко спросила голубоглазая девочка. Всё это время она шепталась с вождём и не желала садиться. Теперь она стояла возле его кресла, маленькая и натянутая, как струна, и хотела знать. Было непонятно, задал ли этот вопрос Гел или она сама, пользуясь своим положением. – Если вы умеете их видеть, покажите нам, покажите всем. Одна знахарка говорила мне, что болезнь невозможно вылечить до конца, если не устранить её причину.

- Это ты не мою ли сестру имеешь в виду? – поинтересовалась Руна, когда перевела её слова Везнику.

- Разве она не права? – Пенни насупилась.

- Просто я вспомнила, что мы с ней когда-то тоже об этом спорили. – Из вежливости она стала говорить, перемежая фразы на языке вабонов и общем. – Мы тогда сошлись на том, что под определение тех, кого сегодня наши... пленники называют «ибри», очень точно подходят буквально все фра'ниманы.

- Точно подмечено! – воскликнул Норлан. – Когда мы давеча сражались, я успел подметить, что среди наших врагов были люди, очень на них похожие. У этих были ещё и отличительные особенности вроде разноцветных повязок на головах или больших таких меховых шапок. Спросите у них, - обратился он к Руне, - кто это были такие?

Пока старушка переводила, Хейзит тоже вспомнил тех носатых и глазастых уродцев, как правило, не таких высоких, как остальные воины, которые больше орали, чем сражались, и тоже показались ему смахивающими на знакомых фра'ниманов.

- Вас не нужно учить, - с грустной улыбкой ответил Человрат. - Вы уже сами их видите. Я не знаю, чем у вас занимаются эти ваши фра... маны, но те, кто у нас носят жёлтые и зелёные повязки, называются *жречи*, а те, кто непомерно большие шапки - *опричи*. Последние поставлены для того, чтобы следить за порядком. За глаза у нас их называют «надсмотрщиками». Жречи выше их по статусу, даже те, у которых повязки жёлтые. Они вроде войска в войске и помогают опричи, но подчиняются только зелёным жречи. Выше зелёных только несколько *режичи*, у них розовые повязки. Режичами их называем мы, а сами себя они называют *коханами*. Они проводят обряды, совершают задабривающие жертвоприношения. Считается, что их устами говорят наши боги. Хотя, на мой взгляд, если боги через них и говорят, то не наши, а их собственные.

- Правильно ли я вас понимаю, - поинтересовался внимательно слушавший его Тиван, - что вы были бы сами не прочь от них избавиться? Я имею в виду тех, кто оказался вместе с вами у нас в плену.

- Резать им глотки я бы собственной рукой воздержался, - ответил, подумав, Человрат, - но мешать делать это другим тоже бы не стал.

- Мне кажется, тут всё ясно, - сказал Норлан, переглядываясь с отцом и Хейзитом. - Нам нужно воспользоваться случаем и тем, что мы все теперь знаем, и избавиться от фра'ниманов.

Тиван промолчал. Хейзиту вспомнилось, что не далее как сегодня утром они с Тангаем и Фейли положили этому весьма кровавое начало. Ротрам же возразил:

- Хотя звучит заманчиво, зачем рубить сук, на котором сидишь? Если исчезнут фра'ниманы, исчезнут и поступления денег в замок. Не вижу смысла. Я-то со своим хозяйством не пропаду, а вот откуда будут черпать желание сражаться за вас ваши же виггеры?

Хейзит подумал, что хорошо бы поскорее разобраться во множестве новых для него вещей. В частности, он плохо представлял себе, на чём, действительно, зарабатывает замок, хотя легко мог вообразить траты, требуемые на его содержание. При этом у него возникло подозрение, что либо Ротрам чего-то не договаривает, либо какой-то способ пополнения казны помимо сбора гафола, причём способ довольно простой, имеется. Спорить с Ротрамом сейчас да ещё прилюдно, ему не хотелось, и он сказал:

- Чтобы покончить с вопросом пленных, хотя бы на первое время, предлагаю ограничиться вменением им в обязанность расчистку карьера, захоронение трупов и, если хотите, сведение счётов с этими ва-

шими «надсмотрщиками». Уверен, что они вам больше не понадобятся.

Человрат усмехнулся и кивнул.

- Когда это будет сделано, мы решим, как поступить дальше. Полагаю, у многих из вас дома остались семьи.

Снова согласный кивок.

- А насколько точно известно, что обрушение берега неизбежно?

- Сами мы его, разумеется, не видели, - ответил за обоих Везник. - Нам было не до того. Но те, кто специально отправлялся его обследовать, вернулись с неутешительными вестями. Поэтому и было решено, не откладывая и не смотря на начало зимы, выступить в поход.

- То есть, очень может быть, что кому-то это, как вы говорили ранее, было выгодно. Вас обманули, чтобы столкнуть с нами в самый неподходящий для вас момент.

- С недавних пор я тоже начинаю это подозревать.

- В таком случае, есть вероятность того, что угроза затопления выдумана, правильно?

Везник отказался отвечать сам и перевёл вопрос Человрату. Тот внимательно посмотрел на Хейзита, покачал головой и сказал:

- Мне бы очень хотелось так думать. Но только реки, которые текут у нас и которые берут начало высоко-высоко, там, где даёт им жизнь ваша Бехема, которую мы, кстати, называем *Рокоча*, за последнее время стали гораздо полноводнее. Нас много обманывают, только, к сожалению, не здесь. Мы обречены искать новый дом.

- Получается, если нам удастся найти подземный ход на тот берег, вы намерены им воспользоваться?

- Как, полагаю, и вы, когда придёт время.

- Это мы уже поняли. Но только уж раз идти туда, то всеми семьями, так ведь? Вы ведь пришли сюда лишь затем, как вы сказали, чтобы разведать путь, а не спастись самим, правда?

- Да.

- И сейчас, когда мы говорим почти на одном языке, и вы знаете, что отыскать проход и в наших интересах, вы готовы вернуться домой и больше не предпринимать вооружённых попыток захватить то, что мы и так можем вам предоставить?

Глаза толмача и Человрата сверкнули огнём надежды.

- Мы полностью согласны с этим.

- Тогда я предлагаю, если никто не видит повода возразить, использовать пленников так, как мы уже решили, а пока они заняты нужным нам делом, попытаться отыскать этот злосчастный проход. Когда он будет найден, в чём я почти не сомневаюсь, хотя, конечно, его могло завалить камнями и заполнить той же водой, но будем надеяться на лучшее, так вот, когда мы его найдём, то отпустим пленников восвояси, чтобы они собирали свои семьи и возвращались обратно, без оружия, как друзья, как наши потерянные братья. И мы про-

пустим их, а если придётся, то и пойдём следом. Чего бы, по правде говоря, очень не хотелось.

Ротрам откинулся на спинку кресла и по недавно установленной в этих стенах традиции захлопал.

Тиван задумчиво крутил бороду и молчал.

Норлан смотрел на голубоглазую девочку и улыбался.

Остальные последовали примеру Ротрама.

- Хорошее решение, - сказал Гел.

- Недаром его предок, Дули, стал у нас главным из героев, - напомнил Ротрам. - Он был справедлив.

- Я надеюсь, - продолжал Гел устами Пенни, - что это прекрасное качество не изменит ему и в нашем вопросе. - Он посмотрел на Гури, и тот одобрительно кивнул. - Как все могли понять, мой народ первым протянул руку помощи, руку дружбы своим извечным врагам. Вы уже спрашивали меня раньше, почему. И я вам ответил, что такого было моё решение, подсказанное вещим сном. Мы все устали от этой нескончаемой войны, которая велась нашими прадедами, нашими дедами, нашими отцами и братьями почему? Только потому, что у нас рыжие волосы? Кто-то сказал, что это плохо? Но мы считаем, что рыжие волосы - это хорошо. Это красиво. Так должно быть. И мы напали на вас, потому что вы нападали на нас. Но время шло. Что-то менялось. Мы овладели огнём, мы стали сильнее, мы больше не боимся вас, как боялись наши предки. И потому мы готовы сидеть с вами за одним столом и решать, как жить дальше. Нам больше не нужно доказывать свою доблесть и свою честность. Мы сделали то, чего вы наверняка от нас не ждали. Мы первыми вступили в битву и не сражались бок о бок с вами, пока она ни закончилась. Те из вас, кто был там, видели.

- Да, - сказал Тиван.

- Да, - подтвердил Норлан.

Человрат слушал молча. Везник переводил. Руна смотрела на Пенни со странным выражением восхищения и грусти.

- Сегодня мы услышали много вещей, о которых ещё будем долго думать. Мы поняли причины того, почему так могло произойти. И мы тоже будем действовать. Я совру, если скажу, что в нашем сражении принимали участия все кланы. Нам удалось собрать большинство, но некоторые ещё там, в Лесу, они не знают о произошедшем. Одни, когда узнают, обрадуются и охотно присоединятся к нам. Другие будут против нашего объединения. Их вожди поклоняются своим богам не верят в возможность мира. Кому-то он просто не нужен. Теперь они и наши враги. Но это наш выбор, и мы сами решим все эти вопросы. Как мы не будем вмешиваться в ваши дела, там мы не просим, чтобы вы вмешивались в наши. Однако для того, чтобы после первого шага нам не остановиться в растерянности, а двинуться дальше, я хочу предложить вам вот такие условия. Ваши дома должны опустеть...

- Что? – не понял Тиван.

- Это я виновата, - поправилась Пенни, зардевшись и переспросив Гела. – Под «домами» он имел в виду то, что мы называем заставами. Он говорит, что мы должны уйти с застав. Пусть все воины возвращаются домой и живут здесь, со своими семьями. Мы обещаем, что вашим воинам на обратном пути ничего не будет угрожать. Даю слово. Я также обещаю от лица своего народа, что ни один из наших кланов, ни один из воинов не нападёт на вашего человека, если этот человек не нападёт на него первым. Если же ваш человек нападёт первым, мы будем ждать возмездия с вашей стороны. Как мы, так и вы. По справедливости. Но о лесе мы впредь будем заботиться сами. И жить в нём так, как жили испокон веков. Мы также разнесём весть про ту опасность, которая нам всем угрожает, если правда то, о чём говорят высокие люди. Она страшна, но она – хороший повод объединиться и жить как добрые соседи. Таковы наши условия. Я сказал.

Вождь и Пенни замолчали.

Хейзит очень чётко осознал, о чём думает в этот момент Тиван. Если не будет врагов, если не нужны заставы, тогда к чему столько воинов? А если не нужны воины, зачем нужен я?

Хейзит посмотрел на Ротрама и с удивлением заметил, что тот тоже сделался излишне серьёзен. Ему-то о чём тужить? Что перестанут покупать его оружие?

- Отныне, вы наши братья, - сказал он так просто, будто готовился произнести эти слова всю предыдущую жизнь. – Ваши условия будут приняты. Они уже приняты мной. Мы позаботимся о том, чтобы они неукоснительно соблюдались. Вот для чего нам теперь понадобятся силы наших лучших виггеров. Порядок и справедливость.

- Порядок и справедливость, - повторил Норлан, прислушиваясь к звучанию этих слов и сознавая, что за ними стоит.

- Кроме того, - продолжал Хейзит, всё отчётливее ощущая себя тем, кто может и должен принимать решения, - я предоставляю вашим людям право торговли с нами без каких-либо ограничений. Хотя нет, одно всё же будет, но оно не должно ни у кого вызвать несогласия: покупая у нас оружие, вы обязуетесь использовать его только в целях охоты и добывания пропитания, но не против нас.

- В таком случае, - сказал Гел, - мы в знак дружбы позволим вашим охотникам заходить вглубь леса. Зверья хватит на всех.

- Насчёт зверья, это точно! – согласился Ротрам, уже прикидывая в уме, насколько можно увеличить продажи, если на рыночной площади объявятся охотье до железного оружия шеважа. Эдак придётся вторую, а потом и третью площадь городить. Ну, Хейзит, умница-парень! Надо будет всё это с Биртоном сразу обсудить.

- Если все согласны с тем, о чём мы тут говорили до сих пор, - подытожил Хейзит, - не вижу смысла задерживать вас дольше. Начнём с того, что решили, а там видно будет, какие вопросы мы не учли. На-

верняка не учли. Как уже сказал Ротрам, мы соберёмся в следующий раз вскоре, через несколько дней, когда на башне появятся два дыма. А до тех пор, думаю, нам предстоит хорошенько потрудиться, чтобы то, что знаем и понимаем мы сейчас, знали и понимали наши сородичи. Ну, что, расходимся?

- Расходимся, - согласился Тиван, вставая. – Только сперва мне нужно отдать некоторые распоряжения. Норлан.

Его сын торопливо вышел из-за стола, прошёлся к двери, открыл её и кого-то резко окликнул. В залу вошло несколько воинов, сотников, как догадался Хейзит. Тиван при всех дал им задания. Пленников он велел препроводить с надёжной охраной на ристалище, чтобы те могли без проволок воссоединиться с остальными.

Человрат и Везник поклонились и ушли с одним из сотников.

Гела Тиван поручил сразу двум сотникам. Им он приказал проводить его с почётом до границ Вайла'туна и возвращаться. Пенни бросилась на шею растерявшейся Руны и что-то горячо зашептала ей на ухо. Потом вернулась к своему вождю, он крепко взял её за руку, и они тоже отправились восвояси.

Ещё одному сотнику Тиван отдал распоряжение разнести весть о том, что было решено на совете: с шеважа мир, они допускаются к торгам на рынке, охотники могут больше не бояться заходить в Пограничье, пленники до поры до времени остаются под защитой замка и выполняют важные строительные работы, а самое главное – заставы распускаются, эльгяры отныне живут здесь, в Вайла'туне.

Пожилому воину пришлось самому дважды повторить вслух всё услышанное, чтобы поверить сказанному. Когда он уходил, лицо его сияло, морщины разгладились.

В комнате из посторонних остался лишь старший гарнизона. Ему Тиван велел срочно давать дымовой сигнал, который бы означал призыв защитникам застав готовиться к возвращению домой.

- Давненько мы его не давали, - сказал он, устало опускаясь на ближайший стул. – Может, они там его уже позабыли?

- Не позабыли, - заверил его со счастливой улыбкой Хейзит. – Хотя я и недолго пробыл виггером, но знаю, что они ждут его не дождутся. Надеюсь, Гел нас не подведёт, и никаких сложностей с обратной дорогой через Пограничье у ребят не возникнет.

- А правильно ли я помню, Тиван, - поинтересовался Ротрам, - что раньше в этой самой зале устраивались очень неплохие пиры?

- Не совсем, вита Ротрам. Они проходили в пиршеской, через комнату отсюда.

- Следующий наш совет надо будет закончить в ней, как вы считаете, друзья мои? После таких свершений ума неплохо бы дать подкрепление животу. Хейзит, теперь это в твоей власти, мой мальчик.

Хейзита и в самом деле охватила приятная слабость. Он хотел признаться, что всё произошедшее до сих пор не укладывается у него в

голове и хочется ущипнуть себя за ухо, но уж больно страшно было бы сейчас проснуться. Пусть лучше всё так и остаётся. Правда, намёк на еду, действительно, напомнил о том, что последний раз он перекусывал скудными гостинцами на ходу, по пути сюда. Голод не выбирает, какое у тебя настроение.

- Я бы не отказался загрызть пару курочек, - признался он наконец и с надеждой взглянул на Норлана.

Тот понял намёк.

- Идём, Хейзит, я провожу тебя туда, где их готовят лишь чуток похуже, чем у твоей матушки.

Зала пустела. Следом за юношами её покинул Ротрам. Тиван и Руна остались одни.

- Вам сегодня пришлось много говорить, - обратился он к ней, пересев поближе, - но вы так ничего и не сказали.

- Я очень переживаю за Пенни. Она влюбилась в этого странного человека, и теперь, боюсь, я больше её не увижу.

- Насколько я помню, любовь – палка о двух концах. Похоже, он тоже в неё влюблён. И сдаётся мне, что именно поэтому он сделал то, что сделал. Мы все должны быть благодарны этой смелой девочке.

- Вы тут за главного, вита Тиван. Что делать мне?

- Не смешите! За главных теперь, как вы могли слышать, наш юный любитель глины и его выразительный покровитель, которого, думаю, на следующем совете мы увидим в маске.

- Почему в маске?

- Только не говорите, что мне одному он показался до неприличия похожим на тех, кого тут клеймили нашими главными врагами и сравнивали с фра'ниманами.

Руна заглянула в смеющиеся глаза собеседника и многозначительно промолчала.

- Надеюсь, вы тоже заметили, как тема расправы с ними в конце концов так и не получила своего развития?

- А вы будете настаивать, чтобы к ней вернулись?

- Я уже не в том возрасте, чтобы на чём-то настаивать. Думаю, вы тоже прекрасно понимаете, чем всё закончится. Сперва Ротрам доходчиво объяснит своему подопечному, что без фра'ниманов казна очень скоро останется пустой. В этом есть смысл, так что Хейзит его послушает. Потом он придумает ещё какую-нибудь выгодную штуковину, не знаю, ну, скажем, брать гафол с дикарей за торговлю на нашей земле. Почему бы нет!

- Если так, то я бы поручила это вашим людям, тем, кто при оружии.

- Посмотрим. Уже недолго ждать осталось. – Тиван встал и протянул собеседнице руку. – Идёмте. Я надеюсь, вы какое-то время побудете ещё у нас? Вы, я вижу, не только умеете переводить слова, но и понимаете их смысл.

- Вы весьма любезны.

Оставшись довольными друг другом, они чинно удалились из тронной залы. Когда массивная дверь за ними затворилась и наступила тишина, с противоположной стороны осторожно ожил красивый жёлто-серый пол. За ним скрывалась дверь поменьше и потоньше, через которую было очень хорошо слышно всё, что до сих пор происходило за столом. Теперь из-за двери внутрь помещения выглядывала мышинная мордашка с бесцветными, чуть навывкате глазами, принадлежавшая тому, чьё присутствие здесь едва ли кем ожидалось и уж тем более было бы встречено одобрением, окажись он застигнутым врасплох. Последнее, впрочем, маловероятно, поскольку скрытая за пологом комнатка, некогда служившая спальней Ракли, обладала некоторыми замечательными свойствами, среди которых была ещё одна потайная дверца, занавешенная толстым ковром. Ковров здесь по всем четырём стенам висело избыточное количество. Кроме того, самый толстый ковёр лежал на полу, так что даже идущий по нему не мог слышать собственных шагов. Железные канделябры по углам и очаг были погашены. Ни света, ни звука.

Этот забытый всеми чуланчик с низким деревянным потолком и длинная, заваленная подушками лавка верой и правдой послужили Симе надёжным убежищем, откуда он с замиранием сердца внимал происходившему снаружи, силясь понять, что же теперь делать.

За последние дни Сима сильно изменился. На пожаре у него сгорели все волосы на голове, за исключением разве что одной правой брови. До сих пор, если бы кто-нибудь удосужился к нему принюхаться, то почувствовал бы запах палёной курицы. И страха. Который преследовал его всегда и который теперь стал просто паническим.

Когда на празднике жертвоприношения из-за идола в собравшихся полетели огненные стрелы, он решил, что наступил его смертный час и буквально почувствовал, как острый наконечник пронзает ему живот. Он и в самом деле поранился: о собственный нож, когда падал в снег и медленно уползал прочь, стараясь одновременно прикинуться трупом и добраться до узкого окошка в подвал, откуда в замок вёл спасительный подземный ход. Его хитрость удалась, налетевшие невесты откуда дикари не удосужились прикончить его ударом копья или топора, а изба горела достаточно долго, чтобы он успел проникнуть в задымлённый лаз и, рискуя быть заваленным пылающими брёвнами, спуститься под землю по крутым каменным ступеням. От полетевших следом за ним головешек кое-как запалил один из стоявших здесь наготове факелов.

Потом было изнурительное блуждание в поисках правильной дороги в замок. Он ходил ею лишь однажды, а потому призвал на помощь всю свою израненную и запуганную смекалку, но в конце концов выкрутился и здесь. Промозглый коридор, плутая, привёл его к подножью Меген'тора, и здесь он долго отлёживался и отсиживался, бла-

го выход из подземелья пролегал через подвал, который с незапамятных времён использовался как склад для скоропортящихся продуктов и запасов продовольствия вообще. То, что попало Симе под руку, испортиться не успело. Или он просто этого не заметил, пока набивал голодный желудок и размышлял, что предпринять дальше.

Прежние его хозяева наверняка погибли. Пожар получился настоящий, дикари тоже были настоящими, теперь там остались только трупы, а трупов Сима не любил. Они не могли ему помочь. Зато ему мог бы, наверное, помочь тот, кто, как он знал, принимает все решения замке – Скелли. Они никогда не были по-настоящему близки. Сима побаивался главного писаря даже больше, чем когда-то Йедду. Но разве был у него сейчас выбор? Тем более что он вряд ли станет носителем дурных вестей – Скелли уже и без него всё прекрасно о случившемся знает.

У Симы голова шла кругом. Совсем недавно он переполнялся планами на будущее и радостью от их предвкушения, и вот уже всё превратилось в прямом смысле слова в пепел и развеяно по ветру. Неужто его вечный удел – прятаться, ползать на брюхе в пыли и пытаться всего-навсего выжить? Тэвил, дай мне сил преодолеть и это!

Ещё одним человеком, к которому он мог бы обратиться за помощью, был дерзкий юноша по имени Гийс. Именно он в своё время послушался сладких увещаний Симы и вызволил его из плена, который грозил окончиться для последнего весьма плачевно. Гийс получил обещанный Симой выкуп за свою жизнь: Скелли сделал его большим человеком в замке. Правда, насколько Сима слышал, совсем недавно он точно так же его разжаловал: за излишний гонор, самомнение и спесь. Скорее всего, Гийса сейчас здесь даже нет. Едва ли он будет торчать в Меген’торе, если ему не рады. У парня из хороших качеств определённо есть гордость и чувство собственного достоинства. Нет только малости – силы пробить себе дорогу, свернув шеи всем вокруг, но не себе. Как теперь и у Симы...

Отдохнув и подкрепившись, он приступил к опаснейшей части своего плана по спасению: поискам Скелли. Это уже было попроще, чем ползать по подземелью, поскольку в Меген’торе он одно время оказывался довольно частым гостем. К своему удивлению и радости Сима обнаружил, что башня подозрительно пуста. Ощущение было такое, будто все бывшие её обитатели разбежались, а новые ещё не пожаловали.

Начал он, как водится, с подземного этажа, где жили и трудились писари. Он видел нескольких, но побоялся обратиться к ним с расспросами. Если не хочешь, чтобы тебя застукали, не показывайся никому. Он в одиночку добрался до покоев Скелли, однако не обнаружил там ничего, кроме кровавых луж на полу и пятен крови на постели. Из чего он сделал вывод, что главный писарь замка либо сильно ранен, либо убит. Покидая комнату Скелли, он обследовал все уголки в поис-

ках чего-нибудь, что могло бы ему пригодиться, например, ларца, в который тот прятал какие-то, вероятно, наиболее ценные свои записи, однако ларец исчез вместе с хозяином. Значит, Скелли оставлял это место в сознании, раз прихватил с собой главное. Или же ближайшие помощники уже успели позаботиться об этом сами в его отсутствие.

Сопоставив увиденные следы, Сима пришёл к выводу, что человеком, который наверняка знает о местопребывании Скелли должен быть лекарь замка, Мунго. Если со Скелли случилась беда, его наверняка позвали на помощь. Тем более что прежде Мунго не раз выручал главного писаря из самых незавидных ситуаций. Взять хотя бы недавнюю попытку его отравления.

Сима пробрался в комнату, где как он точно знал, жил Мунго. Увы, безуспешно. Помещение тоже оказалось негостеприимно пустым. И тут, как говорится, было бы счастье, да несчастье помогло. Кто-то снаружи дёрнул ручку двери, и Сима, не найдя ничего лучшего, бросился плашмя на деревянный пол и закатился под широкую кровать. Вошедший прошёлся по всей комнате, явно что-то выискивая, но, похоже, спешил, потому что заглянуть под кровать так и не удосужился. Зато Сима, лёжа, затаив дыхание, на коврике, почувствовал, что в бок его что-то колет. И это был точно не нож, который он предупредительно запрятал подальше.

Когда незваный гость ушёл, Сима отодвинул ковер в сторону, и понял, что кололось железная рукоятка на деревянной крышке люка. Такие есть в каждом доме и ведут в подпол, правда, он никак не ожидал обнаружить подпол в башне да ещё высоко над землёй, поскольку спальня лекаря находилась на втором ярусе. Как бы то ни было, перед Симой открылся очередной тайный ход, точнее, лаз, так что грех было этим не воспользоваться.

Сима несколько не удивился своей находке. Наивно было бы предполагать, что люди, построившие столь затейливую систему подземных лабиринтов, откажут себе в удовольствии сделать нечто подобное и внутри башни.

Места под полом оказалось предостаточно, чтобы двигаться на четвереньках, света, проникавшего через узкие прорезы в стенах, тоже, и вскоре он уже наткнулся на то, что искал: на удобном тюфяке возлежал спящий Скелли, а Мунго сидел рядом и что-то читал. К счастью, лекарь узнал Симу: тот заметил, как он снимает ладонь с рукоятки угрожающего вида кинжала на боку.

Втроем они провели в этом укрытии несколько дней. Мунго был единственным, кто иногда осторожно выбирался наружу, чтобы вернуться с чем-нибудь съедобным. Скелли был ранен очень тяжело, но чудодейственные лекарства медленно, но верно возвращали его к жизни, так что сперва он узнал Симу, потом стал есть, а потом смог почти без посторонней помощи выбраться следом за лекарем через другой лаз в узкий каменный коридор, который, как оказалось, связы-

вал некоторые комнаты замка дополнительными тайными ходами. Коридор шёл ступенями вверх и вниз вдоль внешней стены башни и очень понравился Скелли, который к своему стыду был вынужден признать, что не подозревал о его существовании. Мунго отыскал ещё более удобную спальню, причём такую, из которой не было выхода наружу, то есть, никто извне не мог проникнуть в неё обычным путём. Там было много никогда не убиравшейся пыли, но зато она была совершенно безопасна, если подобное слово вообще применимо в такое время и в такой ситуации, и Скелли с Симой получили возможность отсиживаться и отлёживаться в ней столько, сколько заблагорассудится, а заодно разговаривать, что называется, по душам. Если бы, конечно, нечто подобное в их тщедушных телах ещё теплилось.

Здесь, в пыли и холоде, во время одной из частых отлучек Мунго, Сима узнал, что перед ним сидит не только главный писарь замка и один из тех немногих, кто совсем недавно действительно правил отсюда всем Вайла'туном, но и его родной отец. Что побудило Скелли сделать это запоздалое признание? Вероятно он в своей несуществующей душе сознавал, что жизнь уже не будет вечной и что лучше на всякий случай попробовать хоть как-то очистить совесть. В любом случае Сима, как ни странно, не слишком удивился. Нечто подобное он подозревал. Они с писарем были слишком похожи внешне. Про внутреннюю схожесть Сима мог судить только теперь, поскольку раньше они общались примечательно мало. Наконец ему стало понятно, отчего его нисколько не угнетала смерть отца, которому он собственноручно помог встретиться с Квалу гораздо раньше положенного срока. Оказывается, это был совсем чужой ему человек. Мать тоже хороша! Оказалась шлюхой, готовой переспать с таким уродом, как Скелли, только за то, чтобы её муж получил столь желанный титул. Хорошо, что Сима вообще никогда её не видел и не знал, а то бы его вырвало. Поделом, значит, подохла, рожая его в муках и отчаянии.

Скелли так и не понял того, что его признания оставили Симе равнодушным. Он пока не догадывался, что у его сына глаза слезятся с рождения, даже когда нет ветра и даже когда он не слишком напуган, поэтому он решил, будто это правда так его растрогала, и остался довольным произведённым эффектом. Он поделился с Симой многими своими соображениями относительно их нынешнего положения и возможностей преобразовать его в нечто положительное для себя. Сима внимательно слушал, кивал, однако не спешил соглашаться. Он видел то, чего не видел или отказывался видеть Скелли: главный писарь с каждым днём теряет былое положение, а то, что он с дуру, в приливе жалости к себе и ещё неведь почему, отдал ларец с драгоценными свитками и картами какому-то пройдохе, вообще превращало его в никчёмный мешок с костями. Если бы не верный Мунго, который продолжал их покидать лишь на время, Сима давно бы уже из-

бавился от него и занялся чем-нибудь более полезным, нежели выслушиванием сопливых признаний полоумного старика.

Собственно, благодаря отлучкам Мунго они и узнали том, что произошла решительная битва и что недавно казавшийся столь грозным враг наголову разбит. И кем! Объединённым воинством из ленивых виггеров, безголовых фолдитов, сестёр из Обители и лесных дикарей! Скелли был вне себя от ярости. Он до последнего надеялся на то, что никто не посмеет бросить неприятелю вызов и что после столь удачно проведённых переговоров ожидаемое перемирие позволит ему наконец-то выбраться из этого добровольного заточения и восстановиться в правах. Именно он настоял на том, чтобы Мунго показал Симе дорогу в спальню Ракли и чтобы тот не возвращался, пока не услышит всё, о чём будет говорить в тронной зале.

Сима принялся. Ничего подозрительного. Чуть больше, чем обычно, пахло женщинами.

Он торопливо обошёл всё помещение, так, на всякий случай, потому что найти тут ларец было всё равно что найти его за пазухой у Скелли. В нескольких местах между стульями пол был заплёван. Вероятно, приглашённые фолдиты не сдержались и повели себя так, как привыкли в своих грязных тунах. А если это не они, было бы интересно узнать, кто, потому что, похоже, этим людям не слишком нравилось то, что здесь говорилось.

Сима вернулся в спальное помещение как раз вовремя, чтобы не быть замеченным двумя служанками, зашедшими убрать тронную залу, как это всегда делалось в былые времена после каждого совета.

- Я протру пол, а ты расставь стулья и кресла, - сказала одна. - Я слышала, что наш новый воевода привык к чистоте и порядку. Его мать содержала таверну.

- Хорошо, Ильда, - ответила вторая и добавила: - Только я слышала, что он не воевода, а главнее.

- Подумай сама, кто может быть главнее воеводы, Женни?

- Так ведь воеводой, кажись, Тиван остался. Разве нет?

- Ну, не знаю, ты меня совсем запутала. - Ильда вооружилась палкой с перекладной, которую для неё смастерил Арли, закрутила мокрую тряпку и взялась за дело. - Я раньше всегда думала, что воеводствует у нас Ракли. Он ведь самым главным был. Тиван ему только с конниками помогал.

- Так то когда было! - Женни деловито двигала стулья. - Потом его и над сверами главным поставили. Этой Хейзит, вроде, сам чуток воевал в Пограничье, но вообще-то в таких вещах не разбирается.

- Зато, небось, матушка его теперь у нас на кухне хозяйничать будет, - предположила Ильда. - Бедный Прол! Я не помню, ты его стряпню ещё застала?

- Не довелось.

- Вот это был повар так повар! Где-то он теперь?

- После того, что вытворил со Скелли его племяш Сартан, Прол легко отделался. Его ведь просто выгнали?

- Как будто да, но только с тех пор его никто не видел. При том, что никто так вину Сартана в отравлении не доказал. Мальчишка то был хороший. Не верится, что он был в таком замешан.

- Кстати, не думаю, что мать нашего нового променяет собственную таверну на замок. Если бы у меня своё дело какое было, я бы никогда сюда не пришла.

- Только громко так не говори, - цыкнула на служанку Ильда. – И у стен есть уши.

- А тут что? – Женни отдёрнула жёлто-серый полог и обнаружила за ним приоткрытую дверцу. – Там мы будем убирать?

- Туда уже давно никто не заходит, - отмахнулась Ильда. – Раньше это была спальня Ракли. Закрой дверь и не трогай.

Однако Женни её послушалась и заглянула внутрь.

- Фу, как тут воняет! Будто кто умер и про него забыли. Нет, ты знаешь, так не годится. Давай я хоть всё старьё отсюда заберу и в стирку отдам. Вряд ли Хейзит решит здесь сегодня ночевать.

Ильда отложила тряпку, подошла и была вынуждена согласиться, что это вопиющий беспорядок. Они в четыре руки собрали подушки, сброшенные на пол одеяла, какие-то пледы и вынесли всё наружу.

- Ковры трогать будем?

Ильда оценила тяжесть всего того, что висело по стенам и помотала головой:

- Лучше я потом мужа попрошу этим заняться. Он у меня рукастый.

Они покинули тронную залу, и уже на лестнице столкнулись нос к носу с Арли.

- Лёгко на помине, - сказала Ильда.

- Если чуток обождёте, я вам помогу, - ответил он и пробежал мимо.

- Незаменимый человек! – восхитилась Женни, подмигивая подруге.

- В ногах правды нет. Бегаёт с утра до ночи больше прежнего, а потом дрыхнет до утра, как убитый.

- Ну, если ты об этом, то по мне так все мужчины одинаковые.

Арли не обманул и скоро вернулся, после чего забрал у служанок добрую половину их пыльной поклажи и пошёл вниз первым.

- Куда бегал? – не могла не спросить Ильда.

- Ротраму послание снизу передавал. Я бы ещё быстрее обернулся, да они там с Хейзитом заперлись в хозяйской спальне.

- Любовнички, - прыснула Женни.

- Вроде того.

- А что в послании-то было? – продолжала любопытствовать Ильда.

- Ну, я нос в такие дела не сую и записок не читаю.

- А я-то думала, на словах...

- Прошли, видать, те времена. Нынче никто никому не доверяет.

Арли скрытничал. На самом деле он по дороге изучил записку, благо она была лишь свёрнута, а не завязана и не скреплена печатью, как иногда делалось в особо важных случаях, и потому прекрасно знал её незатейливое содержание. Ротрам извещался в ней о том, что простые жители Вайла'туна, главным образом ремесленники, а с ними и некоторые фолдиты, берут в руки оружие и идут сводить счёты с опостылевшими им фра'ниманами. Послание было явно не от виггеров, потому что те обратились бы за советом к Тивану. Да и тон записки звучал скорее не как призыв к принятию мер, а как предупреждение. Ротрам отреагировал на известие внешне равнодушно, похвалил Арли за расторопность и ничего больше говорить не стал. Даже не спросил, от кого она. Передавшего записку Арли видел уже несколько раз до этого. Немногословный человек в неизменном капюшоне. Таких лучше не трогать и вообще не замечать.

- Там ещё ковры остались.

- Что?

- Я говорю, в спальне за тронной залой надо бы ковры снять и как следует вытрясть, пока зима не прошла.

- Хочешь, чтобы я это сделал?

- А то кто ж? Мне пока Хейзит ещё помощников не выписал. Придётся тебе. Ты же ведь не хочешь, чтобы твою жену потом ругали за нерадивость?

Этого Арли не хотел. Ему с Ильдой было хорошо, как бы ни старались злые языки, намекая, будто она равнодушна к Мунго. Мало ли кто к кому не равнодушен? Ему вон, может, тоже другие девушки, вроде Женни, нравятся. Это ж ничего не значит. Тем более, что после недавних событий Мунго подозрительно куда-то запропастился. Как и Скелли, потому что их обоих вот уже который день не могут найти. При этом Ильда несколько не взгрустнула, оставшись прежней – резвой и неунывающей.

Он уже собирался ответить жене, что готов ради неё на всё, даже ковры вытрясть, когда снизу лестницы послышались возбуждённые голоса, кто-то несколько раз упомянул имя Мунго, другой стал звать каких-то сестёр (вероятно, тех, что до сих пор довольно успешно возвращали к жизни раненых на виггеровском этаже), вскрикнула женщина. Навстречу, перескакивая через две ступеньки, промчался, звякая оружием, гвардеец. Ильда и её спутники невольно ускорили шаги.

При входе в подземную часть Меген'тора они застали суету вокруг двух растянувшихся на полу людей. Не было видно ни крови, ни ссадин. Тот, что отличался длинным носом, лежал неподвижно, закрыв глаза, и как будто уже не дышал. Второй тоже не двигался, однако было заметно, как шевелятся его запёкшиеся губы. Воины и стряпуха с

кухни пытались напоить обоих, массировали им виски, давили на грудь, подкладывали в ноздри что-то нюхательное, одним словом, пытались привести несчастных в чувства. Оба были очень худы, можно сказать, измождены, а их одежда и оружие, напоминающие одежду и оружие эльгар с застав, перепачканы грязью. Но откуда здесь эльгары?

На расспросы Ильды один из виггеров, который стоял чуть поодаль и не вмешивался в происходящее, ответил, что по распоряжению Ротрама они с товарищами отправились на поиски какого-то подземного прохода и скоро наткнулись на этих двоих. Длинноносый уже не подавал признаков жизни, а второй никого не узнавал, бредил и всё повторял, будто видел замок с противоположного берега Бехемы.

- Они, конечно, оба основательно подмокли, - закончил он, - однако не похоже, чтобы им довелось даже по колено войти в стремнину. Нынче кто и как только ни брешет!

Появились одетые в чёрное сестры, к виду которых за последнее время в замке почти привыкли.

- Перестаньте лить воду! – строго распорядилась одна. – Не видите что ли, что у них это от истощения и обезвоживания. Тот, второй, уже безнадежен. А этого быстрее несите за нами.

Ильда переглянулась с мужем. Потом заметила, что Женни уронила свои тряпки на пол и плачет. Ильда бросилась её утешать.

- Я узнала его, - всхлипнула Женни, глядя вслед поднимающейся по ступеням процессии. – Это Висли. Я часто покупаю у его брата ткани. Но Висли... он же должен был быть на заставе. Как он оказался тут?

- Не убивайся так. – Ильда обняла её за плечи. – Сестры знают своё дело. Раз взялись выходить – выходят. А ты разве не слышала, что Хейзит распорядился все заставы распустить и народ оттуда домой вернуть?

- Так то когда он распорядился! А они уже здесь.

На это трудно было возразить.

Труп длинноносого остался лежать на полу. Когда за ним пришли, ни Ильды, ни Женни, ни Арли поблизости уже не было.

- Ты его не знаешь? – деловито спросил один из пришедший другого.

- Всех не перезнаешь, - в тон ему ответил тот.

- Тяжёлый!

- Таких тяжёлых под Вайла'туном нынче целое поле.

- Радуйся, что не нас туда пошлют. Говорят, пленные будут своих сами убирать.

- Ну, само собой! А ты думал, нам что ли этих гигантов хрячить? Перебьются! А наших кто растащит?

- Растащит? Да свои же. Там уже, почитай, почти никого и не осталось. А у тебя что, никого не убили, что ты так изъясняешься равнодушно?

- Меня вот не убили. А у меня убивать больше некому. Жена вон дома какой день взаперти сидит, боится нос наружу высунуть. Только и мотается, что в погреб, запасы подъедает.

- А ты?

- А я здесь, с тобой, дурью маюсь!

- Ты смотри, не урони его.

- Рассказывай! Если что, за нос его поймаю. Гляди, какой он у него вымахал!

Переговариваясь и посмеиваясь, они снесли труп на улицу и положили под крыльцо, чтобы, с одной стороны, на холоде он продержался подольше, а с другой, чтобы какая-нибудь из местных девиц не подняла визг, случайно наткнувшись на него в темноте.

Потому что на улице уже быстро смеркалось.

- Чего они там возятся? – задумался вслух один из охранников, стороживших в тот вечер у ближайших ворот.

- Покойников нынче девать некуда, - невесело пошутил второй и отхлебнул из бутылки холодного крока, к которому приистрастился «за время безвластия», как он выражался, имея в виду период между падением Ракли и сегодняшним объявлением о выдвижении на его место нового прямого потомка Дули. Раньше его привычки выпивать на посту никто как будто не замечал, а теперь... ну, теперь уже он сам не обращал на неё внимания. – Волков мы с тобой сюда не допустим, вороны и прочая нечисть охочая до мертвечины нынче у Бехемы промышляет, так что тут их самое мило дело хранить. Когда-нибудь и нас вот так же положат зимовать.

- Думаешь, опять кого-нибудь в башне уколошили? – посерьёзnel первый.

- Всяко может быть. На вот, хлебни, повеселее будет.

- Мне и так весело. Как думаешь, теперь что-нибудь изменится?

- У них или у нас?

- У нас.

- Было бы чему меняться.

- А мне вот кажется, что должно всё измениться.

- Это что, например?

- Нет, ну всё...

- Такого не бывает. Всё никогда поменяться не может. – Он сделал большой глоток и поболтал бутылкой, прикидывая, сколько ещё осталось. – А хоть бы и всё – не велика потеря, я считаю.

- Я это к тому, что если, как теперь говорят, со всеми вокруг мир наступит, так вот я и думаю, мы-то зачем нужны будем? Может, мне в фолдиты податься? Чего-то к земле тянет.

- Послушай, это я пью или ты? От себя я бы ещё такую глупость мог ожидать, но ты-то вроде мужик нормальный. Зачем тебе какие-то фолдиты дались? Ты же ничего делать не умеешь.

- Научусь. У моей жены там родня живёт. И неплохо живёт, дружно. Можно к ним примкнуть. У них там и коровы есть, и хлеб они пекут. С голодухи не помрёшь.

- Не, такое точно не для меня. Тут какое-никакое, а всё же жалование. За него на рынке что угодно прикупить можно. Я слышал, рынков скоро вообще несколько будет. Можешь себе вообразить? Даже, говорят, дикарей на них допустят. Я это слабо как-то представляю, но кто знает? Видал, какая краля у этого вождя ихнего? Может, у них там все девицы ей под стать? Вот уж было бы неплохо! Глядишь, себе какую-нибудь подберу.

- Дурак! Эта его краля, как ты говоришь, из наших.

- Да ты чо!

- Я слышал, она к нему в плен попала, так он в неё по уши влюбился и потому-то и решил нам помочь. Нет уж, я с рыжими зарёкся дела иметь.

- С каких это пор?

- Тебе всё расскажи.

Их разговор прервал посыльный из башни. Оба хорошо знали Арли, однако решили подшутить и учинили допрос. Арли начал было отвечать, но быстро заметил ухмылки, плюнул, послал бездельников к Тэвилу и поспешил дальше, то есть вниз по склону, через последующие ворота и ещё ниже, к свежеструганной загородке некогда просторного ристалищного поля. По всей её длине стояли по-зимнему одетые сверы, а мерги на дышащих клубами пара конях гарцевали мимо, то и дело поднимаясь в сёдлах, заглядывая внутрь ограды и проверяя, всё ли в порядке.

До недавнего времени прятавшиеся за стенными замка беженцы уже вернулись в покинутые избы, так что теперь здесь снова царило подобие былого порядка.

- Послание от Ротрама, - сообщил Арли, заглядывая в дверь наспех возведенного сруба, замыкавшего забор на себе таким образом, что пройти внутрь можно было только тут, миновав гревшихся у очага четверых до зубов вооруженных виггеров и их недовольного жизнью начальника, херетогу по имени Эмир. – Послание пленникам, - повторил Арли, видя, что ему откровенно отказывают во внимании. – Срочно!

- «Срочно» будешь жене говорить. - Эмир смотрел, как играют огненные отблески на длинном лезвии меча. Меч он давеча подобрал на поле брани, и это, пожалуй, было единственным его утешением среди сплошных разочарований. Кто бы мог подумать, что его, херетогу, сотника, заставят вот так бездарно проводить время, охраняя безоружных пленников. Даже его приятель Феркос, воспользовавшись

знакомством с сыном Тивана, отбредался и теперь будет ночевать в домашнем уюте, а не среди холода и голода этого воняющего строганным деревом и постылыми заставами сруба. Да, им обещали скорую смену и сказали что-то о почётности выпавшего на их долю задания, но видал он такой почёт знаете где?..

- Послание от Ротрама, - чуть более настойчиво повторил Арли.

- И? – Эмир направил острие меча в грудь посыльному и полюбился игрой света, а заодно испугом на лице оробевшего служки. – Ты хочешь туда, к ним?

Арли только сейчас сообразил, что его и в самом деле послали в лапы пленных великанов. Он почему-то по наивности предполагал, что те, к кому его отправили, сидят где-нибудь поблизости вот так же у очага и только и ждут его весточки.

- Мне нужно к толмачу Человрата, - сказал он уже не столь уверенно. – Где мне его найти?

- Вот уж понятия не имею, братишка, - усмехнулся Эмир. – Ты их там даже как-то по именам различаешь, оказывается. А для меня они все на одно лицо. Хочешь, сам поищи. Эй, пропустите его!

Все четверо стражей дружно поднялись с брёвен, служивших им лавками, двое остались стоять наизготовку, а двое других, повозившись с запором, приоткрыли дверь внутрь. Эмир гостеприимно указал Арли на темнеющий проём и снова занялся разглядыванием меча.

- Захочешь вернуться, пропуском будут служить слова, которые твой отец наверняка сказал твоей матери, когда ты родился.

- Какие?

- «Это не мой ублюдок».

Все гадко заржали.

Это было ужасно, страшно и совсем не честно, однако Арли привык все данные ему поручения доводить до конца. Он робко подошёл к двери и выглянул наружу.

Плотники сделали загородку «с хитринкой». Сразу за дверью они выстроили нечто вроде узкого коридора, через который крупным вражеским воинам приходилось бы протискиваться по одному, что лишало их возможности внезапно напасть на охрану.

Арли, обладавший более скромными размерами, без труда, хотя и очень медленно миновал проход и оказался стоящим у подножья пологого склона, сплошь уставленного шатрами и озарённого пламенем нескольких больших костров.

Дверь за спиной предательски захлопнулась.

Как всегда, отправляясь с поручением, Арли знал лишь две вещи: кого искать и где искать. Однако прежде ему никогда не приходилось заниматься этим в стане врага, который ещё накануне был вооружён и занят тем, чтобы свернуть шею как можно большему числу таких, как он. К тому же, это был враг, не знавший его языка.

Арли понимал, что послали его к тому, кто считается здесь главным или одним из главных. Но означало ли это, что его шатёр располагается где-то там, в центре, поближе к кострам? Или у них тут всё наоборот?

- Везник, - сказал он как можно внятнее и спокойнее, подойдя к первой группе воинов.

У них отобрали оружие, но некоторым оставили доспехи. Сидя, они казались того же роста, что и стоявший в нерешительности Арли. Приключения гнома в стране великанов, подумал он, представляя себя со стороны. При этом нос его ловил приятные запахи, смешанные с запахом костра, и это несколько его успокаивало.

Ему что-то ответили, однако он не понял ни слова, среди которых имени «Везник» точно не было.

Стараясь не вызывать лишних подозрений, он молча двинулся дальше и повторил попытку у следующего костра.

- Везник? – переспросил человек в подозрительно розовой повязке на голове и быстро заговорил, обращаясь к сидевшему рядом, по виду, своему младшему брату, на голове которого утвердительно покачивалось нечто вроде зелёного гнезда.

Арли терпеливо ждал.

Когда всё необходимое было сказано, человек с зелёным гнездом резко свистнул, и из темноты к костру юркнул третий из братьев, единственным отличием которого был жёлтый цвет этого странного головного убора. Он почтительно выслушал короткое указание, бросил на Арли косой взгляд и сделал знак, чтобы посыльный следовал за ним.

Не задавая вопросов и даже не оглядываясь, он торопливо провёл Арли между шатрами и кострами куда-то вбок, поближе к стене, на верхотуре которой виднелись наблюдавшие за пленниками тени стражников, и оставил стоять перед очередной группой великанов, ткнув пальцем в одного из них, далеко не самого высокого, зато выделявшегося странной шапкой, плотно облегавшей голову подобием чёрных лоскутков. Только приглядевшись, Арли понял, что это никакая не шапка и что человек совершенно лыс, а голова его просто густо разрисована причудливыми знаками. Ротрам говорил, будто Везник понимает язык вабонов. Настало время в этом убедиться.

- Я принёс важное послание, - перешёл к делу Арли.

Все собравшиеся удивлённо оглянулись на него. Лысый что-то сказал им и улыбнулся.

- Послания всегда важны. На словах или на письме?

А он неплохо выражается, подумал Арли, доставая из-за пазухи и протягивая Везнику скреплённый сургучной печатью коротенький свиток. Везник разломил печать и пробежал по тексту прищуренным взглядом. Потом развернул свиток на свет от костров и перечитал.

Лицо его заметно преобразилось. Казалось, даже рисунки на лысине посветлели.

- *Отомкнут лаз за Рокоча*, - торжественно объявил он остальным и поспешно поднял руку, призывая к соблюдению тишины и порядка.

- Хорошие вести, посыльный. Хочешь с нами отужинать?

- Нет, благодарю. Каков будет ответ? Я спешу обратно.

- Похвально. Передай тем, кто тебя послал, что мы признательны за сведения и помним нашу договорённость. Сто человек будут готовы завтра рано утром.

Сказав это, он словно забыл о существовании посыльного и вернулся к заметно ожившему разговору.

Только добравшись до узкого коридора, Арли облегчённо вздохнул и перестал ждать удара ножом в бок. Протиснулся до двери и решительно ударил несколько раз кулаком.

- Пропуск! – крикнули с той стороны.

- Это... это не мой ублюдок, - вспомнил он унижительную фразу, придуманную сотником. – Отворяйте!

- Нам тут и без тебя хорошо.

- Отворяйте!

- Чего-чего?

- Меня Тиван ждёт. Живо!

Имя подействовало. Скрипнула щеколда, и дверь открылась. И снова ровно настолько, чтобы пропустить его наружу.

- Гостинцы принёс? – поинтересовался Эмир, показывая зубы.

Арли отмахнулся и пошёл восвояси. На сегодня, твёрдо решил он, с поручениями покончено. Передам слова Везника и домой, к Ильде. После такого напряжения не грех и расслабиться. Все нормальные люди победу празднуют, а я что, рыжий?

Он так задумался, что не заметил, как над замком, над Бехемой, а затем и над Пограничем бесшумно пронёсся большой огненный шар.

- Это звезда, - объяснила Шелта своему заплакавшему от неожиданности сынишке. – Она не сделает тебе ничего плохого. Наверное. – Она перевела взгляд на удивлённо открывшую рот Мев.

У соседей справа и слева заржали ворованные лошади.

- Где? Где!? – верещал Том, выскакивая на улицу на зов сестры. Он был в одной рубашке, и Фелла затолкала его обратно:

- Всё, улетел, марш в дом!

Тангай оглянулся, но ничего не сказал. Он в одиночестве возвращался с и без того поразительными вестями к Гверне и Велле, так что яркий всполох за спиной хоть и вывел его из раздумий, никакого летящего шара Тангай уже не заметил.

- Что они так шумят? – поинтересовалась Пенни, неохотно отрываясь от губ Гела.

- Кричат, что Огненный Бог вернулся.

- Разве не ты – Огненный Бог?

- Это старая легенда. Как-нибудь я тебе её расскажу. Спи.

Гийс, который как раз вышел на улицу подышать морозным воздухом, мог наблюдать оранжевый шар на протяжении всего его полёта. Он сразу вспомнил, как видел нечто подобное в тот вечер, когда им с Хейзитом велели в спешном порядке покинуть строительство печи и ретироваться в Вайла'тун. В тот вечер, который стал для него началом взлёта и падения...

- А я тебе говорю, что это из замка что-то запустили! – заверил Роя Стивол его не менее пьяный от радости нежданной встречи дружище Натмит, бегон из спалившего вражеские обозы отряда Варрана и, похоже, единственный, кто чудом после этого уцелел. Они столкнулись лицом к лицу, когда помогали подбирать раненых и убитых у Бехемы и с тех пор не расставались, отмечая свою новую жизнь бесконечными возлияниями крока и громкими призывами идти рубить головы предателям фра'ниманам.

- Вот бы нам тогда такую штуковину! – восторженно согласился Рой Стивол. – Жахнули из неё по повозочкам, и никуда бы ходить не пришлось.

- И все бы сейчас были живы, – сморгнул слезу бывалый вояка, тщетно пытаясь выбраться из сугроба, куда завалился, кружась следом за огненным шаром.

- Мы отомстим. – Рой Стивол протянул ему руку, но сам не удержался и повалился в мягкий снег. – Только сперва давай что-нибудь споем.

- Что это было? – спросил Скелли, разглядывая спину сына, прикившего к узкому окошку башни. – Пожар?

- Огненный шар, – с неохотой ответил Сима, потирая живот в том месте, где стала ныть затянувшаяся было рана. – Отсюда ничего толком не видно. Когда твой Мунго нас выведет?

- Когда я снова смогу ходить, а ты научишься думать, а не молоть языком, балбес!

- Этого не может быть! – воскликнул Гаррон, ища поддержки у Дэки. Они стояли на стене замка и ждали, вынырнет ли странный летун из-за макушек Пограничья. – Если только это не огромная птица, которой подожгли перья.

- Нет, это не птица. – Дэки напряжённо думал. – В детстве мне рассказывали, что иногда с неба падают камни.

- Падают! Но не летают!

А в это самое время по крепкому ещё льду обводного канала бродила с воздетыми руками сумасшедшая прорицательница Закра. Развевающиеся на ветру пестрые платки делали её тоже похожей на бескрылую птицу. Упираясь верхней губой в кончик крючковатого носа, она поднимала маленькое морщинистое лицо к перемигивающимся в чёрной вышине звёздам и громко повторяла два засевших в её спящем сознании слова:

- Герои вернулись! Герои вернулись!

СОДЕРЖАНИЕ

Из живой летописи Вайла'туна, собственноручно ведомой Скелли, главным писарем замка	2
Боец	7
Красный снег	200
Ложная правда	405